

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

2005

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

2005

Андрей
Белянин

Кирилл
Бенедиктов

Андрей
Валентинов

Василий
Головачев

Олег
Дивов

Марина
и Сергей
Дяченко

Генри Лайон
Олди

Антон
Орлов

Вадим
Панов

Дмитрий
Янковский

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА 2005

Игорь Алимов
Кирилл Бенедиктов
Андрей Валентинов
Василий Головачев
Олег Дивов
Марина и Сергей Дяченко
Виктор Косенков
Алан Кубатиев
Сергей Легеза
Василий Мидянин
Олег Овчинников
Игорь Огай
Генри Лайон Олди
Антон Орлов
Вадим Панов
Светлана Прокопчик
Игорь Пронин
Ирина Скидневская
Сергей Чекмаев
Дмитрий Янковский

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

2005

МОСКВА
«ЭКСМО»
2005

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Р 89

Оформление серии художника *Е. Савченко*

Серия основана в 2003 году

Р 89 **Русская фантастика-2005: Фантастические повести и рассказы.** — М.: Изд-во Эксмо, 2005. — 544 с. — (Русская фантастика).

ISBN 5-699-09094-0

В этом сборнике представлены новые произведения современных отечественных писателей-фантастов — авторов знаменитых бестселлеров, лауреатов престижных литературных премий, а также тех, кто делает еще только первые шаги на пути к успеху и широкому признанию читателей.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-09094-0

© Состав и оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2005

ПОВЕСТИ

АЛАН КУБАТИЕВ

АРЕНДА

Ничто не может помешать безумию.
Стендаль,
«Воспоминания готиста»

1

ез костюма от Эда Бахчиванджи человек, сидевший в огромном кресле за исполинским столом под сенью необъятного, как потолок планетария, флага, ничем не отличался бы от побитой собаки.

Будто для усиления впечатления перед столом лежал китайский мопс. Голову с печально помаргивающими глазами он уместил на лапах в позе неизбежной безнадежности, и даже бодро закрученный бублик хвоста, родовая принадлежность китайских мопсов, был словно размочен в протухшем чае.

Второй из двух людей в этой комнате не походил ни на какое животное, а если и походил, то зоологи его еще не открыли. Возможно, сходство было внутренним и проявлялось при острой необходимости. Насмешливый и бодрый, он дымил огромной сигарой, а костюм его не приходился шедеврам Бахчиванджи и Мак-Ларена даже троюродным: заношенный пиджак из гонконгского твида с кожаными налокотниками, обвислые бежевые штаны-докерсы, а галстук из числа тех, что дарят потехи ради на Рождество. Такая внешность могла быть свирепым камуфляжем или злобным эпатажем, как угодно, и все же его присутствие в этом гигантском кабинете было совершенно естественным — новый пивной кран в старинном пабе смотрелся бы куда сюрреалистичнее.

Человек-Побитая-Собака сидел, закрыв лицо ладонями, и время от времени свистяще вздыхал, а на выдохе помахивал головой и шептал: «Боже, боже, неужели ты нас оставил... Неужто, господи?..»

Из-за ладоней он и заговорил.

— И вы абсолютно уверены, что не осталось никакого способа?.. — Невнятные слова модулировались обломками прежней властности.

— Ни единого, — с непонятым удовольствием отвечал куривший. Сигара описала небрежный зигзаг.

Ладони покинули лицо и опустились на стол. Глаза, открывшиеся свету, были набухшими и красными, скулы влажно поблескивали, но сидевший в кресле не собирался этого стыдиться. Лицо твердело на глазах, словно влага в тканях замерзала под ледяным ветром.

— Что ж... — Глубоко вдохнув, он медленно, с усилием, как на уроке медитации, выпустил воздух сквозь стиснутые зубы. — Нам осталось...

— Ровно два часа пятьдесят три минуты сорок секунд... — с тем же непонятым удовольствием отвечал куривший.

— Хорошо. — Его собеседник поднялся из кресла, сутуло дошел до окна, завешенного плотной атласной гардиной, и остановился лицом к ней, не делая попыток открыть. Потом сказал: — Вы на связи с Экспертным Советом?..

— Да, ваше высокопревосходительство. Пока линия отключена. Они работают, но боюсь, так же эффективно, как мы с вами... Однако если забрезжит хоть какая-то распоследняя идея, то я немедленно получу сигнал... — Курильщик помахал крошечным телефоном.

— Замечательно. — Стоявший у окна повернулся и зашагал по кабинету. — Скажите, Петчак, почему вы перестали звать меня по имени?..

— Теперь это не имеет ни малейшего значения, ваше высокопревосходительство... — Курильщик вынул сигару изо рта и положил в древнюю складную пепельницу, которую всегда приносил с собой. — Все же обещаю вам, если мы останемся жить и работать в этом почтенном доме на не слишком унижительных условиях, я расскажу эту дивную историю, которую вы, очевидно, проглядели...

— Но работать ко мне вы все-таки пошли? — Каблуки его высокопревосходительства терзали упоительно тусклый ковер, подарок последнего шаха Турана. — А, Бенедикт?..

— И что с того? — Защелкнув пепельницу, Петчак с хрустом потянулся. — Хоть в чем-то я вас подвел? Знаете, если бы вы успели подать в отставку, многие ваши друзья остались бы вашими друзьями не из-за вас, а из-за себя. Чтобы доказать себе, что они порядочные люди и служебное положение друга для них ничего не значит. Прекрасный довод, не лучше и не хуже других. Но, видите ли... Вы бы для них все равно значили меньше, чем они сами. А в нашем случае... — Он ухмыльнулся. — Вы первый человек для двух третей мира. Вы ставите задачу и шлете, как писал де Нерваль, «неразумное количество слуг» решать ее. Но слушаете-то вы все равно меня...

— М-да. — Его высокопревосходительство на секунду замедлил шаг. — Верно, честная вражда куда лучше слабой дружбы... Однако до чего же я вам неприятен...

— Хотите, чтобы я еще раз ответил, что это больше не имеет никакого значения?

— Нет, спасибо. Давайте лучше еще раз посмотрим, что у нас в сухом информационном остатке...

Петчак саркастически изогнул правую бровь, развел руками и громко позвал:

— Чингачгук!..

— Господин Петчак?..

Отозвавшийся квадрофонический голос был басовит и сердечен.

— Файлы «Сайгон», «Мотылек» и «Касабланка».

— Пожалуйста, произнесите мое имя еще раз, — так же сердечно попросил голос.

— Чингачгук!..

— Пожалуйста, предложите второму зрителю произнести мое имя.

Его высокопревосходительство покачал головой:

— Ну ты зануда...

— После второй ошибки ваш допуск будет аннулирован. Спасибо, — с искренней теплотой сообщил бас.

— Чингачгук!

— Господин Петчак и ваше высокопревосходительство, аудиопароли идентифицированы. Спасибо. Ваш запрос выполнен.

Серый атлас гардины вдруг превратился в гладкий белый экран, который через секунду стал большим куском осеннего поля, уставленного десятками клеток, вольер, аквариумов и лабораторных столов с большими контейнерами. Между ними стояли металлические стеллажи с приборами.

Трансфокатор стремительно поменял расстояние, и стало видно, что участок обведен огромным желтым кругом, от которого поспешно отъезжали джипы и автобусы, набитые людьми в защитных костюмах и масках. Через несколько минут на экране остался только круг и все, что стояло внутри его.

— Это была стандартная мера безопасности, — пояснил Петчак. — Но нам сообщили...

— Кто, Посредник?..

— Да, конечно, кому же еще...

— Кстати, сколько было сделано попыток допросить Посредника с применением... ну, вы понимаете?..

— Семь, — любезно сообщил Петчак, — и все кончались одинаково. Информация нулевая. При любой попытке даже определить степень обработанности Посредники утрачивали пересаженную личность. Альфа- и бета-ритмы на энцефалограмме предельно сглажены, все процессы тормозятся. Никакой мозговой деятельности, кроме жизненно важных функций — дыхание, сердцебиение, дефекация... Кормление полупринудительное. Если не поддерживать эти «овощи» искусственно, с помощью систем жизнеобеспечения, пару дней спустя они погибают. Двоих держат до сих пор, но изменений никаких, все очень напоминает такую добротную кому, классические флэтлайнеры... И они погибают тоже. А новым Посредником через полчаса после... м-м-м-м... развоплощения становился кто-то из окружавших — критерии отбора и механизм пересадки неясны абсолютно. Любая изоляция бесполезна. Метемпсихоз, так сказать...

Он усмехнулся и помахал сигарой.

— Ну а сейчас будет самое интересное... Следите за телеметрией...

Оба смотрели на экран и в сотый раз чувствовали, что дыхание задерживается, что они пытаются поймать *тот* момент и, как сотни раз прежде, не сумеют... Можно было смотреть с самым большим замедлением, можно было раскладывать оцифрованное изображение на фрагменты и анализировать мельчайшие различия, но итог был единственный, ни разу не поменявшийся в двенадцати демонстрациях, состоявшихся в двенадцати разных странах Земли.

Робот-оператор скользил внутри круга, и установленные по желтой окружности камеры снимали каждая свой сектор. Животные и насекомые, птицы и пресмыкающиеся — этот странный зоопарк выглядел особенно нелепо среди пустой ровной степи, словно претенциозный кадр из авангардистского фильма. Суетились и встревоженно хрюкали свиньи, лисица бегала из угла в угол, попугаи порхали в вольере, рыбы плавали в аквариумах; общий план давал ощущение движения, разнообразного и непрекращающегося, подчеркнутого мелькающими зелеными цифрами в нижнем углу экрана.

И вдруг все прекратилось. Снующие цифры словно высветили мгновенно застывший виварий. Холодный ветер чуть теребил невысокую траву, и это было единственное движение, уцелевшее в этом мире. Звери, словно по команде повалившиеся на пол клеток, птицы, пестрыми комками осыпавшиеся с насестов, рыбы, всплывшие брюхом вверх, — это было последнее состоявшееся движение. После него все были явно и несомненно мертвы.

— Ф-ф-фу... — Его высокопревосходительство перевел дыхание. — Сотый раз, и все равно давлюсь...

— Да, — безмятежно согласился Петчак, делая какую-то пометку в электронном блокнотике, — привыкнуть невозможно. Даже профессионалы в конце концов ломаются. В молодости я протестовал против смертной казни не потому, что мне было жалко преступников, а потому, что видел, в кого превращаются исполнители... Ну что ж, давайте подведем итоги!

Положив сигару на полированный стол (у горячего кон-

ца медленно возник молочный ореол, означавший загубленную полировку), он нажал кнопку блокнота, а потом небрежно бросил его рядом с сигарой.

— Ни один прибор не зарегистрировал ничего. Никаких импульсов или изменений магнитного поля. Ничего. Датчики на животных показали только одно: в один и тот же миг у всех животных остановились дыхание и прекратились обменные процессы. Никаких травм и ран, никаких повреждений внутренних органов, кроме воследовавших. Время смерти приблизительно одно и то же, за одним-единственным исключением... — он нервно хохотнул, — тараканы, эти великие существа, умирали дольше всех! Почти семь секунд!.. Но умерли и они. Надеюсь, ваше высокопревосходительство, еще одна цифра тоже задержала ваше внимание. Пробы, взятые в пределах круга на глубину сто восемьдесят сантиметров, показали полное отсутствие микроорганизмов, точнее, живых микроорганизмов. Доктор Гиршман предложил новый термин — тотальная девитализация.

Его высокопревосходительство болезненно сморщился.

— Да... И микробы тоже... Но, может быть...

— Нет, — с тем же странным удовлетворением предугадал вопрос Петчак. — Посредник, до воплощения механик-водитель бронемшины мастер-сержант Хенрик Гогоба, сообщил, что увеличить круг можно до любой величины вплоть до окружности экватора и практически на любую глубину. Особенно унижительно было то, что нам беспрепятственно позволили устанавливать любую аппаратуру и делать любые замеры. Дескать, позабавьтесь... Вопросы о природе воздействия остались без ответа. Вопрос о глобализации воздействия получил утвердительный ответ. Все уточнения и попытки получить цифры остались без ответа, вернее... — Петчак щелкнул блокнотом: — ...Посредник ответил: «Не видим необходимости в точных характеристиках. Ваша цивилизация неспособна в данном случае создать средства защиты, и дело не в технологии. Стоит ли терять время? Неужели вам недостаточно того, что вы восприняли с помощью ваших органов чувств? Поверьте, они вас не обманывают...» — Отложив блокнот, он добавил с

нервным смешком: — Жена Гогобы требует пенсии по утрате кормильца, а Министерство обороны обороняется, утверждая, что кормилец не только вполне жив, но даже незаконно оставил службу...

Его высокопревосходительство так же нервно отмахнулся:

— Петчак, не до пустяков, пусть этим занимаются юристы...

— Сомневаюсь, что за час они придут к адекватному решению.

— Я сам юрист и знаю, что за семь минут до тотальной смерти они будут обсуждать стратегию ведения процесса и наличие прецедентов... Но хватит. Похоже, эти... новые хозяева точно знают, что такое жизнь, где она находится и как ее извлекать. Хорошо бы научиться у них запасать ее и добавлять...

— «Искусство возможного», ваше высокопревосходительство, — ласково напомнил Петчак. — Не стоит загадывать так далеко, хотя...

— Действительно не стоит. — Его высокопревосходительство резко повернулся на каблуках и встал перед столом. — Ну что ж, Петчак! Вперед! Через реку и в лес, как говорил Джексон Каменная Стена! Скрипя зубами, говорим: «Да!» Будьте вы прокляты! Да! Чтоб вы за это заплатили так же, как мы! Не тем, что вы забираете у нас, а тем, чего мы наглотались, — унижением, ужасом, беспомощностью... Да! — Переведя дыхание и утерев яростный пот, он хрипло добавил: — Надеюсь, они это слышат... Конец документа. А теперь, Бенедикт, пока мы еще живы, расскажите-ка мне, чем же я перед вами провинился, и посмотрим, успею ли я попросить у вас про...

Какое-то слабое, необычное и неприятное чувство заставило его обернуться к Петчаку.

Мопс, грустно подремывавший, подскочил, тоскливо взвыл и метнулся под стол.

В материалах Петчака не было ни слова о реакции животных на Воплощение, почему-то подумал он...

Посредник недоуменно крутил в руках маленький те-

лефон, потом положил его на стол и точно так же отложил сигару.

— Повторите, пожалуйста, ваше согласие, — ровно попросил он, улыбаясь, но брезгливо стряхивая пепел с твидового лацкана. — Если возможно, держитесь формул, принятых вашей цивилизацией, дабы наше сотрудничество отныне воспринималось вашими сопланетниками позитивно и не вызывало ненужных реакций...

2

Сидеть за столом Руслан умел, и все равно за ним было нужно следить. До срока оставалось полчаса, а его надо было накормить, одеть и посадить в их проклятый автобус.

Лена проследила, чтобы он допил какао. Потом позвала:

— Русланчик! Надень курточку и возьми ранец, а я пока выведу Арника!

Руслан молча и сосредоточенно отклебывал какао. Потом со стуком опустил кружку на стол, повернулся и, как деревянный, зашагал к вешалке.

Трехлетний черный ризеншнауцер, прозванный за масть и мощь Шварценеггером, звавшийся в собачьем паспорте, соответственно, Арнольдом, ну а по-домашнему Арником, радостно подскакивал и басовито бухал, норовя облизнуть все лицо сразу, но Лена уворачивалась и пристегивала к ошейнику поводок. Раньше процесс был вдвое длиннее, потому что надо было еще застегнуть намордник, чего пес терпеть не мог и яростно сопротивлялся, а за выгул без намордника некоторые соседи загрызли бы насмерть и пса, и ее, и Руслана. Пес ненавидел пьяных и наркотов и еще почему-то безошибочно выбирал членов Содружества Социально Не-Защищенных (именно так писалось на их листовках), то есть организованных бомжей и полубомжей, и гнал их со своей, как он считал, территории, так что после каждого подвига их юристы являлись и закатывали длинные угрожающие разговоры о предполагаемых процессах. Избавиться от пса было бы самой черной неблагодарностью: он дважды спасал ей сына.

Теперь все изменилось. Ненавидели их соседи по-преж-

нему, но теперь они боялись ее настолько, что при встречах заискивающе улыбались и расхваливали Арника за красоту и ум. ССНЗовцы вообще перестали появляться даже в соседних дворах. Участковый мрачно козырял при встрече. Впрочем, мрачно козырять он стал еще после того, как откровенно предложил ей переспать в обмен на заминку очередного скандала, а она с отчаяния позвонила школьной подруге, чей отец получил какой-то важный пост в Арендном Комитете. А потом Русланчика взяли в Аренду... И все пошло как у десятков тысяч других семей на этой забытой богом планете. Можно было кинуть опостылевшую работу, платить любые деньги выученным в «Save the Children» няне и педагогу, да они вскоре и перестанут быть нужны. Одно было плохо: Руслана увозили через каждые сутки, и возвращался он вымотанным, спящим на ходу, а свозить его отдохнуть было нельзя. По контракту они должны были находиться не дальше пятидесяти километров от Базы, а ближе парка имени Панфилова на таком расстоянии ничего не имелось.

— Ну-ка, ну-ка! — прикрикнула она. Пес, опроставшись, явно нацелился погулять в свое удовольствие и радостно волок ее к хилому карагачевому сквернику. — Фу! Домой! Нет времени!

Утащив опечаленного кобеля домой, Лена отдышалась, торопливо зачихала обувь в шкафчик (Арник давно остепенился, но привычка убирать все доступное разгрызанию держалась) и повернулась к сыну. Он стоял уже в курточке и с ранцем на плечах, монотонно раскачиваясь и что-то бормоча едва слышно. Как всегда, сердце мгновенно стиснуло, но теперь боль проходила быстрее — надежда хорошо заменяет валидол.

Заперев дверь, она взяла сына за руку и шагнула на лестницу. Пальцы у Руслана были холодные и чуть липкие, и она, раскаянно припомнив, что забыла помыть ему руки после какао — он всегда чуть-чуть проливает на пальцы, — принялась на ходу тереть носовым платком маленькие безвольные кисти.

Как всегда, на перекресток они вышли в тот самый мо-

мент, когда с Донецкой на Пудовкина выкатывал серый автобус — громадный, в темных непрозрачных стеклах, но жуткий в своей бесшумности и поворотливости. По борту медленно извивалась лилово-оранжевая эмблема, знак, похожий на перекрученную кирилличную «А», и все, кто видел его, ни секунды не сомневались, что это сокращенное «АРЕНДА». На самом деле, как ей говорил Петр Кириллович, отец Анжелки, никому не известно, что это за эмблема на самом деле, и эмблема ли. Арендаторов никто никогда не видел, а Посредники только сообщали, не объясняя ничего. Иногда ей казалось, что автобус дожидается только их, стоя всю ночь где-то в ближнем переулке, и трогается в тот самый миг, когда они с Русланчиком выходят из подъезда. Пару раз она с Арником наполовину всерьез обошла ночью все закоулки микрорайона. Однажды привиделось во сне, как автобус медленно вырастает из какого-то жуткого ничто, какой-то клубящейся пузырчатой мерзости... Ей никогда не удавалось различить, сидит ли в автобусе кто-нибудь еще — даже водителя не было видно.

Дверь поднялась вверх, как нож гильотины, пахнуло теплом, каким-то дезодорантом, и одновременно черным языком под самые ноги выехал ребристый трап.

— Доброе утро, Елена Евгеньевна, — сказал бесплотный и бесполой голос откуда-то изнутри. — Здравствуй, Руслан. Мы радостно ожидаем тебя.

Мальчик привычно выпустил ее руку, сосредоточенно, словно отмеряя расстояние, шагнул вперед, на трап, и вдруг, повернувшись на уже почти втянувшемся трапе, взглянул ей в лицо, помахал рукой и хмуро улыбнулся.

— У меня сегодня много работы, — хриловато сообщил он. Помолчал и добавил: — Мам.

Когда Лена поняла, что бежит за автобусом, серая громадина уже поворачивала к центру города, набирая скорость и исчезая в направлении проспекта Ахунбаева. Остановившись, задышавшись и глотая слезы, она шептала: «Господи!.. Господи!..», пытаясь не поверить тому, что увидела, и уже рыдала в голос, чувствуя, что не поверить нельзя.

Здоровенный, обтянутый настоящей, вытертой местами добела кожей, чемодан миллион лет назад был сделан в Народном Китае и куплен дедушкой Чипы для гастрольных поездок. Прожив долгую бурную жизнь, утратив ремень, замок, пару заклепок и еще что-то, чемоданище был безжалостно заменен роскошным «Самсонайт Краш Пруф» и сослан в чулан для хранения всякой дряни. Но для сегодняшних нужд он подходил как нельзя лучше — Дарума просто заурчал от удовольствия, когда Чипа с Морганом выволокли антиквариат на свет и протерли куском старых джинсов. Обвязать его куском репшура и отрегулировать беседочный узел, чтобы развязался от легкого потягивания кончика, было делом четверти часа.

Яблоки Нурик уже купил, привез и теперь всю хрустел самым красным; а еще три здоровых мешка стояли в тени, распространяя густой аромат. Выбрать их было не так просто, потому что при любой проверке слишком хорошие могли вызвать у патруля желание как следует черпануть и, соответственно, обнажить груз; слишком плохие могли вызвать неудовольствие или подозрение и, как следствие, более серьезный шмон... Желтоватая некрупная грушовка, запашистая, ровная и чуть надбитая, выглядела как надо.

Дарума сидел на скамейке в тени, рядом с мешками, подобрал под себя толстую ногу, почесывал толстый живот, благодушно помаргивая толстыми веками — круглый, славный и безобидный, он своим видом обманывал всех, даже знавших его. Мало кто знал, что он может запросто провисеть час на одной руке под потолком, или пробежать двадцать километров, или... Но Чипа знал. Ведь он стоял за кустами с бесшумным пластиковым «глоганом», когда командир голыми руками упокоил двоих из Арендной полиции. Апошки решили вежливо проводить его до патрульного вездехода, потому что у него документы были слегка просрочены. Почему-то у них не оказалось с собой портативного оборудования, и это была удача. Аповский сканер

тут же запросто выкачал бы все подчистки, переклейки и микроповреждения защит.

Поэтому Дарума вперевалку дошел с ними до машины, поставил ногу на подножку и неудачно так с нее сорвался. Заохал, согнулся, ухватившись за колено. Когда апошки бросились помочь, он вбил одному ребра в сердце, а другому, лапнувшему «скорую» кобуру, носовые кости в мозг. Чипины умения не понадобились — командир строго-на-строго приказал палить, только если апошки успеют дернуть железо.

Так у них появилась пара аповских пушек с полными зарядами, аповский сканер и аповский коммуникатор, на котором слушались все переговоры и раскодировались текстовые сообщения. Даже когда коды начали менять, Морган расколол алгоритм, и они спокойно читали тексты от патруля и патрулю... Жаль, нельзя было взять их тачку, но ее наверняка могли отследить, ведь ее даже поджечь не удалось, поэтому Нинка засадила термитную гранату внутрь, хотя Нурик свистел, что они и внутри несгораемые. Вот бы посмотреть, что там взаправду осталось? Но на этом сыплются все фраера, а они, слава богу, уже почти профессионалы — как-никак, четыре акции, всего один накат и ни одного труп с нашей стороны...

Поглядывая на руки уютно жмурившегося командира, Чипа ощущал одновременно восхищение и легкий холодок там, где хрустнула тогда грудная клетка аповца. Самое жуткое в Даруме и было вот это — толстые пальцы с бутристыми, как осетровые хрящи, квадратными ногтями. Как-то Чипе довелось во время гриппа прочитать книжку, где был рассказ про тетку, подглядывающую за игроками в казино, и она смотрит только на их руки: руки у всех разные, и по рукам она про них понимает больше, чем по мордам и по всей остальной внешности. По рукам Дарума получался настолько страшненький, что приходилось гнать от себя всякие ненужные мысли...

Передышка кончилась, Чипа снова натужно поднял чемодан, в котором было килограммов шестьдесят пять; что-то ручка не оторвалась, приходилось придерживать и за

репшнуровую обмотку. Он доволот его до крыльца, потом втащил в дом и с матерным шепотом попер в дальнюю комнату, под Нинкину кровать.

Нинка спала или притворялась, что спала, прямо поверх покрывала, подобрав под себя ноги в старых кроссовках. Лежала лицом к стене и не повернулась даже тогда, когда он со скрежетом принялся заталкивать чемоданище под кровать. Нурик, зашедший следом, помог ему.

Выпрямившись, они присели на маленький диван, Чипа вытер лицо и руки, затем пошел к холодильнику за водой, а Нурик принялся озираться. У Чипы в доме он не был, да и знакомы-то они были всего две недели — Дарума привел и коротко приказал работать вместе. Вчера он пригнал тяжеленный грузовик и поставил его в саду. Нурик официально водил, был классным механиком и мог из любого «сарая» сделать машину для Большого Кольца. Больше о нем Чипа и другие ничего не знали.

— А это кто? — Нурик кивнул на портрет худого улыбающегося мужчины в очках. Рисунок был приколот к стене прямо так, без рамки.

— Никто, — коротко ответил Чипа, откручивая крышку с горлышка. — Портрет неизвестного работы неизвестного художника.

Нурик хохотнул.

Звякнули пружины. Рывком повернувшись, Нинка села на кровати, потом так же рывком встала и выбежала из комнаты.

— Чего это она? — Нурик поглядел ей вслед и вопросительно повернулся к Чипе. — Обиделась? А чего ты сказал?

— Все-то тебе надо знать... — сквозь зубы выдохнул Чипа. Крышка сидела мертво, пальцы скользили по запотевшему пластику и срывались. — Командир приказал проверить? Или по своей инициативе?

— Дурак ты, — без особого запала сказал Нурик. Отбрав у Чипы бутылку, он одним рывком свернул пробку и глотнул пару раз. Потом сунул минералку Чипе. — Мне-то какое дело? Это вы чего-то заколбасились!

Чипа не взял бутылку. Он смотрел перед собой, и лицо у него было серое.

— Нинка отца рисовала год назад, — невнятно сказал он. — Он пианист, как дед... Был то есть.

— А сейчас? — поинтересовался Нурик и вдруг, спохватившись, умолк.

— Да... — брезгливо кивнул Чипа. — Он Посредник сейчас, в Денвере. У него какие-то там ихние суперспособности открылись, латентные...

— Чего?

— Ну, скрытые раньше.

— А мама ваша где?

Пожав плечами, Чипа встал и уже от двери добавил:

— Да умерла она. Когда увидела, что на него накатило и он уходит, у нее сразу сердце остановилось... Мы ее отвезли в кардиоцентр. Несколько часов мучили, так и не запустили.

— А у меня оба сразу, — спокойно сказал Нурик, — и мать, и отец. Отца уже выработали, а мать... У них на базе, в аэропорту, объясняет, что делать, когда ихние грузы приходят нашим транспортом. Я сдуру один раз к ней сунулся, так меня охрана чуть на лагман не покромсала, а онаглянула через плечо и куда-то свалила... Тебя как зовут?

— Чипа... То есть Андрей.

Помедлив, Чипа протянул руку.

— А я Нурлан. — Нурик протянул свою, и они обменялись рукопожатием.

— Так ты без клички? — удивился Чипа, не отпуская руку. — Хотя какая разница...

— Никакой, — усмехнулся Нурик. — А если накатит, ну тогда тем более...

— Если накатит... — произнес Чипа, зная, что это делает любой, кто окажется ближе других или успеет раньше, но это было что-то вроде формулы закрепления дружбы, — ...ты меня выключишь?

— Ага, — сказал Нурик и сдвинул молнию на вытертой пилотской куртке. Под мышкой у него висела кобура с

выбрасывателем, а в ней старый, но ухоженный «кларк-330». — А если на меня, ты меня выключишь?

Чипа вдруг почти неуловимо дернул левой рукой снизу вверх, и узкий нож, стукнув, на треть клинка ушел в стену сквозь портрет. Посыпалась штукатурка.

— Спрашиваешь! — ответил он.

— Добрый вечер, дорогие друзья, спасибо, что выбрали наш канал, мы рады, что вы с нами, а сегодня в нашей студии у наших камер и микрофонов очень интересный гость, которого мы долго-долго ждали... Александр Валентинович Мансуров, вице-председатель Арендного Комитета Юго-Западной зоны, доктор философских наук, почетный академик национальной Академии наук, лауреат премии «За лучшее понимание» и ордена Великого Предка первой степени с золотым поясом, известный деятель движения «За устойчивое сотрудничество и взаимную выгоду», автор популярнейшей разъяснительной книги «Разумы встречаются» и многое, многое другое... Здравствуйте, Александр Валентинович!

— Здравствуйте, Артем.

— Ну-с, как вы понимаете, сегодня мы будем говорить на тему, вот уже несколько лет не теряющую мнэ-ээ... актуальности. Вы любезно так согласились ответить на вопросы наших слушателей...

— Да, я просто с удовольствием на них отвечу. С удовольствием, Артем.

— Мне хотелось бы напомнить, что прямые телефоны нашей студии уже напечатаны в ваших программах и вы можете легко по ним звонить прямо сюда... А наши девочки, Катя, Анжела, Индира, Клео и Дуся, примут ваши вопросы и передадут господину Мансурову, а он на них ответит, да, Александр Валентинович?

— С огромным удовольствием, Артем. Я просто вот всегда с огромным удовольствием отвечаю на вопросы трудя... господ слушателей.

— Ну это просто замечательно. Разрешите начать?

— Конечно, Артем. Здравствуйте, господа слушатели.

— И во-о-о-о-от... у нас первый звонок. Слушатель Трофимова из Автова говорит: «Здравствуйте, господин Мансуров Александр Валентинович. У меня в стиральной машине сломался винт, и никакие мастера не принимают, а мы с мужем оба пенсионеры...» Э-э-э-э... Ну, пожалуй, это не...

— Почему же «не», Артем. Пусть госпожа Трофимова и господин Трофимов позвонят мне в приемную и подробно изложат свое дело, и мы вместе поищем способ решения проблемы, так.

— Ага, ну классно. А тогда мы с вами начнем с вопросов, которые э-э-э-э... уже были в студии э-э-э-э... раньше, но к ним по-прежнему имеется интерес.

— Пожалуйста, Артем. Я с огромным удовольствием готов отвечать.

— Ну вот у нас по-прежнему есть много вопросов по поводу Аренды, или, как в народе говорят, э-э-э-э.. ну, все знают, как говорят у нас в народе...

— Да, народ с огромным интересом встретил в свое время предложение по Аренде. Все прежние проблемы и недопонимания сейчас уже в прошлом, все практически наладилось... Правда, не все и не сразу осознали те выгоды, которые сулило это предложение практически каждому гражданину и гражданке. И до сих пор есть, кто не совсем это понимает. Но мы, то есть Арендный Комитет, ведет работу... настойчивую и кропотливую по доведению сознания, то есть, простите, до сознания всех этих выгод...

— И вот тут у нас сразу вопрос от слушателя Си... Се... Се-ли-верста из города Пыталова... «А зачем доводить до сознания, если вашим господам и вам тоже нужны прежде всего те, у кого этого сознания вовсе нет...» Мгм... Ну, это, пожалуй, тоже не...

— Почему же, я просто с огромным удовольствием отвечаю. Вот не надо называть наших Арендаторов нашими, извините, господами. Они наши практически равноправные партнеры. Мы почетно сотрудничаем. И Арендуют они у нас полноправных граждан, которые с огромным удовольствием участвуют в нашей совместной работе...

Поэтому господину Сю... Сивилерсту... я извиняюсь... надо помнить, что наши Арендаторы Арендуют нас практически с полного нашего согласия и добровольности. Когда был подписан великий наш эпохальный Акт об Аренде, то мы как бы совершенно добровольно приняли на себя обязанности перед нашими партнерами, а они перед нами. Благодаря им нам удалось решить многие проблемы, которые человечеству тыщи лет решить не получалось. Аральское море мы наполнили? Наполнили. Тоннель через Ла-Манш перестал протекать? Перестал. Нефть с моря с любого собираем? До капельки. Численность африканского и китайского населения регулируется? Ну, не так пока легко, но успехи определенные уже имеются. Санкт-Петербург реставрировали? Весь. Венеция тонет? Никогда больше. Рак лечим? В аптеку зайдите, такие пилюли с большой как бы надписью «А». СПИД лечим? Да хоть по переписке. Мусор в нашем городе куда девается? А мусорите такие, как вы, господин Сивилестр, с огромным удовольствием: и пивными банками, и разной упаковкой, и неудобно сказать еще чем! Так вот — практически нету больше проблемы мусора! И это все дружелюбная и безвозмездная помощь наших Арендаторов! Могло раньше такое быть? Я вас спрашиваю? Нет, нет и нет!

— Ну без сомнения, это да!.. Тут вот у нас еще один вопрос, госпожа Кутюкова из Бишкека спрашивает, можно ли ее Арендовать?

— Минуточку, я только договорю и сразу отвечу! Такие вопросы, как господин Севилестр, нам задают постоянно, потому что есть еще на нашей планете не понявшие до конца великое благо Аренды! Им мы ответим со всей откровенностью: у нас имеются средства убеждения, которые убеждают, но вот лучше вы сами, господин Севилестр, пока еще не поздно, вокруг оглядитесь-ка! Честно скажите себе, что у нас было и чем оно стало! И вы сами тогда придете в наши ряды с огромным удовольствием. А госпоже Кутюковой мы отвечаем, что, если это она сама спрашивает, значит, ну, она не всем условиям Аренды отвечает... Поэтому...

— Нет-нет, господин Мансуров, вот тут уточнение, это спрашивает ее опекун...

— А-а-аа... ну тогда пусть господин ее опекун обращается в ближайшее отделение Арендного Комитета или к ближайшему Посреднику, и они с удовольствием ему помогут... Мы просто с огромной радостью встречаем, когда нам идут навстречу! Ведь только вдумайтесь, какое бремя содержания, лечения, переживаний всяких практически сняла с человечества Аренда! Только вдумайтесь!

— Ну а теперь вопрос от господина Сарафанщикова из Кулумды и многих-многих других. Вообще-то мы скоро будем, ха-ха-ха, юбилей этого вопроса отмечать! Но у нас традиция, каждый раз отвечать на него. Или мы сами, или наши гости... Он спрашивает, а зачем Арендаторам нас Арендовать?

— Это хороший вопрос. Он требует развернутого ответа, и мы его с огромной радостью всегда готовы дать. Господин Сарафанщиков и другие, кто еще не успел, может найти мою книгу «Разумы встречаются», полную или сокращенную, она есть в издании даже для школьников как учебник, и есть даже аудиоиздание, для слепых и слабовидящих, а для глухих и немых есть видеоиздание с сурдокомментарием, ну то есть когда руками, и вот сейчас готовится издание для слепоглухонемых. Ее раздадут бесплатно, и она есть во всех отделениях Арендного Комитета, и во всех книжных магазинах, и практически библиотеках. Переведена она на все языки мира, которые еще есть. Даже имеются издания для верующих, специально совмещенные с Библией, Кораном, Торой, Ведами и Конфуцием. И в нем, то есть в ней, то есть в книге, можно все очень подробно прочесть.

— Хорошо... Вот тут у нас еще один вопрос от господина Селиверста, он спрашивает, помог ли эффект тотальной девитализации согласно и добровольно...

— Одну минуточку! Одну минуточку! Слушайте, Артем, а у вас другие вопросы есть? Другие какие слушатели? В конце концов, практически у нас на нашей территории не один господин Сильвлистер проживает! Или, мо-

жет, вас надо именовать господин Зильвербергер? Так прямо и скажите!

— Разумеется, разумеется, у нас от других слушателей еще туева хуча вопросов. Ха-ха! Но пока небольшой перерыв и — рекламная пауза!

5

— Ой мороз, моро-о-о-оз, не морозь меня!.. — тоненько, но с чувством выводил дядя Боря Дубинин, вольно откинувшись на спинку сиденья и тремя пальцами небрежно пошевеливая «палку». На пальцах красовалась ничуть не поблекшая наколка «БОБ» — память рабочегородковской юности. Это сейчас коли чего хочешь, а тогда и выпереть из школы могли за здорово живешь. Лихость! Значит — три швейные иголки связывались, макались в авторучечные чернила и р-р-р-раз!..

Машина шла как по шелку, несмотря на то что дорогу не чинили с незапамятных времен. Тут был секрет, в который даже с его тридцатилетним шоферским стажем влезть было трудно — совсем не получалось. Колеса-то у лайбочки отсутствовали! Имелись какие-то широченные полозья, наполированные до сияния, и боле ничего. Все остальное почти как у людей, кабина там роскошная, фургон, фары — только туалета не было, ну и вот двигатель тоже не людской, какая-то коробка внутри со вздутиями разными, и все, но в двигатель он и не лазил. Если чего случалось, а на его памяти было такое раз-другой, не более, занимались этим ихние механики... Припомнив механиков, дядя Боря маленько поскутнел, но песню не бросил.

— «А не моро-о-озь ме-и-ня, ма-е-го-о-о коня!..» — Песня была любимая, запевалась сама; правда, за голос нервный напарник чуть его однажды ручкой заводной не саданул, так это... Не всем же кобзонами быть. Где Кобзон сейчас, вот интересно... Что-то давно не появлялся... Нака-тило, что ли? Тьфу-тьфу, не к правде будь помянуто! Нашел о чем думать, пень старый, хрен с ушами!

Машину слегка повело, и дядя Боря придержал «палку» уже всей пятерней, а левой достал платок и вытер лоб,

подлазья и шею. Господи, спаси и помилуй... Хотя Кобзону сейчас за сто, кажись, а говорят, после сорока редко накатывает. «Говорят»... Да кто чего про это знает? Трепотня одна, языками полощут, боятся, сволочи, а полощут! Хреноплеты. А если честно... Чего бояться-то? Это сейчас страшно, а потом... Вот на Карабека Осмонова накатило? Накатило. Был человек, а стал... Как помер. Ничего не помнит, никого не узнает, то есть и узнает, и помнит, но как будто в книжке читал; мимо детей родных пройдет, улыбнется и не остановится. Семья, конечно, сначала выла, и поощрительную пенсию когда получали, мать его первое время чеки рвала, ногами топтала, по земле каталась. Причитала на весь городок — у-у-у-у!.. Мороз по коже. Она и до того знаменитая плакальщица была, на все похороны большие приглашали, из глубинки за ней приезжали... А сейчас приглашают, у кого кто в Посредники попал. Отпеть...

Сорок седьмой километр. Так, сейчас поворот паскудный, в прежнее время там вечно гаишник прятался. Все знали и все равно попадались... Двигатель загудел чуть громче, начинался подъем, даже при такой автоматике мух ловить не стоило.

Выкатившись на гребень холма, дядя Боря чуть прижал клавишу на «палке», и машина послушно притормозила; он утопил клавишу до щелчка и остановился совсем.

Отсюда Базу было хорошо видно — и забор трехметровый по периметру, и шоссейку уже добротную, и все здания, белые, с черными сплошными окнами. Это отсюда они черные, да и рядом, хоть носом прижмись, все равно ничего не видно. Зато изнутри в рамках как нет ничего, прозрачнее стекла. И третий корпус различался до гвоздика. Самый здоровенный, как стадион, с этими панелями блестящими на крыше. А за дальним забором дорога в город, но по ней только автобусы ездят с Арендowanными, грузовикам туда нельзя и вообще никакого другого транспорта.

Интересно все-таки... Дядя Боря крепко потерял лысину со лба на затылок. Ведь вот столько лет при технике, а ничего не понимает. Ни как машина эта работает, ни зачем они Базу эту выстроили... Аппаратуру какую-то без конца туда возят, а от чего она работает — хрен разберешь. Ни

линии от высоковольтки, ни подстанции, ни кабеля... На третьем корпусе на крыше это что угодно, только не солнечные батареи. И что они вообще там делают, поди тоже разбери...

Ладно, наше дело шестнадцатое. Бабки платят, «палка» крутится, и шандец.

В долину он спустился на хорошей скорости и к воротам хотел подкатить по-пижонски, но без резины ни звука не было такого фэбзэровского, ни тормозного пути. Скука, одним словом. Ворота открылись, как всегда, медленно и беззвучно, и въехал он так же, хотя тут он уже как бы и не при деле — автоматика безопасности въезд контролирует, чуть попытка прибавить, и сразу же впереди такой щит на пару тонн — раз! Тоже и аповцы стоят с пушками. Говорят, заряд такой, что на максимуме не прошибает, не рвет, а сразу все в кисель, кости внутри в щебенку дробит... Дядю Борю опять зазнобило, но управления он не потерял.

За контрольной зоной его уже поджидал Посредник из диспетчеров. Этот был новый, прежде он его тут не видел, да и какая, хрен, разница: они сразу все как на одно лицо становятся... Куда деваются прежние, дядя Боря не знал и, если честно, знать не хотел. Переводят их, и все. Как и остальные, Посредник ловко запрыгнул в кабину, ткнул ключ в приемник и уставился на экранчик «стукача». Дядя Боря ничего не различал там, но знал, что Посредник увидит, что надо, и мысленно говорил ему: «А вот хрен тебе, и не простой, а в косу плетенный, с резьбой и насечкой!..»

— Вы восемь минут стояли перед спуском, — не переставая улыбаться, серым голосом объявил Посредник. — Зачем, какая цель?

— А показалось, движок стучит, — охотно отвечал дядя Боря. — Дай, думаю, заглушу, потом снова запущу да послушаю...

— Это незначительное нарушение, — тем же голосом прервал его Посредник. — Это не ваша обязанность. Это обязанность механика. Об этом следует докладывать ему. Выношу благодарность за заботу о механизмах и предупреждаю: суммой незначительных нарушений будет значительное нарушение.

— Ну извините, я ж хотел как лучше, — понурил голову дядя Боря. — Так вот всегда, хочешь-то как лучше... Э-э-эх, начальство...

— Не следует обсуждать. У вас новое задание. — Посредник выдернул ключ из приемника и вставил второй. — Ваш груз следует доставить к грузовому помещению третьего корпуса.

Дядя Боря вспотел так, как не потел никогда. Казалось бы, чего там, ну довед, и ладночки. А вот поди ж ты. Вспотел.

— ...Ваш ключ уже введен в машину, двигайтесь только по желтой полосе, — говорил Посредник, — у грузового помещения остановитесь и развернитесь трапом к воротам, ждите, пока появится грузовая команда с транспортом... Вы усвоили все?

— Ага, — сказал дядя Боря. — Понял, не дурак.

— Избегайте этого слова! — неожиданно повышенным тоном одернул его Посредник. — Оно некорректно и опасно!

— Понял, понял! — ошеломленно согласился дядя Боря, хотя не понял ничегошеньки.

— Благодарим вас за понимание. — Посредник улыбнулся и заговорил прежним голосом: — Начинайте движение.

Первый раз за два с лишним года дядя Боря забирался так далеко на территорию Базы; обычно все кончалось у въездной зоны, где его встречал кто-то из Посредников и команда, перегружавшая привезенное на специальную платформу и увозившая ее в неизвестном направлении. А тут чего-то прямо такое доверие, как финскому президенту... Или подловить хотят? Дядя Боря напряженно соображал, механически двигая «палку» в нужных пределах. Да не похоже... у них это просто, мигом бы вышерли, а на молодого сразу бы еще и накатило... Ну теперь-то уж что... Не отмажешься...

Ничего такого особенного смятенный разум дяди Бори по дороге не отметил. Правда, патрулей что-то многовато — по такой сравнительно маленькой территории шаталось аж три группы, и ни одного Посредника, что было особенно странно. А так все в пределах нормы.

Но у третьего корпуса опять пришлось задуматься. Никакой команды с погрузчиком или встречающего Посредника там не было. А вот что было особенно странно, грузовые ворота оказались распахнуты во всю ширь и пропускной фотозлемент, или чего у них там, всю мигал зеленым... Это что ж, въезжать? Дядя Боря окончательно запутался и от тоски даже тихонечко запел: «Девять граммов в сердце постой, не зови...», но смолк и огляделся. Никто не спешил ему на помощь, и он решил действовать сам, на личный страх и личный риск. Надо ж все равно будет разгружаться. Ну вот и въедем. Если чего, так ихний компьютер все равно не пустит, как на воротах... Тихонечко тронув машину, дядя Боря подал вперед и медленно-медленно прополз в огромный проем неярко освещенного помещения. Как только задний борт миновал створ двери, она плавно и неспешно опустилась, а глазок вновь замигал красным.

Вот те и пирожки с котятками. Дядя Боря выматерился и даже как-то замахаля руками, но тут же смолк и полез за термосом с чаем. Теперь уже было все равно. Попал так попал. Будем ждать появления кого надо.

Полтермоса он прикончил, а никто так и не появлялся. В складе, или чего там это у них, было пусто и темно. Вдали обрисовывалась дверь, а так больше ничего — ни окна, ни полок. Приоткрыв дверцу, дядя Боря выставил ногу и подождал, но с ногой ничего не случилось; тогда он раскатыл трап и осторожно шагнул на него, а с него — на пол.

Курить тут, как в машине и вообще при Посредниках, было нельзя, но он уже привык и даже дома покурился все реже, разве что выпивая с Юркой, соседом. Поэтому топтался возле машины, разминал ноги, поприседал, потягивался. И сам не заметил, как отходил все дальше, а потом вообще оказался возле той самой двери, и толкнул ее, и очутился в огромном, высоченном и длинном коридоре, где белые лампы выжигали глаза, а в матово-серых стенах не было заметно ни одной двери — на всю длину коридора, казавшегося километровым.

«Вот это я попал... — выдохнул дядя Боря, ослепленно жмурясь и промокая рукавом ползущие слезы. — Вот попал так попал...» Он кинулся назад и, к своему полному ужасу,

не нашел ни малейшего признака двери. Стена была гладкая, как стекло, если и была там щель, теперь он ее не видел...

Сел дядя Боря на пол и посидел без всяких мыслей, только глаза ладонью прикрывал. Об увольнении он не думал, чего там думать, и к бабке не ходи, вычистят; о жене и детях тоже — дети-то уж взрослые, у младшей вон дочку Арендовали, а сколько горя было поначалу... Думал он о другом. И чем дальше, тем любопытнее становилось ему: а вот когда накатывает... чего-нибудь чувствуешь или просто раз — и уже нету?..

Так бы все и кончилось этой мыслью или еще чем-нибудь, но почувствовал дядя Боря одновременно сильнейшее переполнение мочевого пузыря и какое-то странное давление на виски и лоб; если внизу давило постоянно, то в голове давление то нарастало до боли, то слабело. Надо было искать туалет или укромное местечко. «Пошли, — сказал он сам себе, — все равно погибать, так хоть с удобствами...»

Труся вперед на подгибающихся от страха ногах, он меньше всего думал, откуда возьмутся удобства в этом тоннеле. Удобств для головы тут явно не предполагалось, а было ей все хуже, и дядя Боря уже почти не соображал, когда перед ним странно, четырьмя сегментами, распахнулась вся торцовая стена коридора и оттуда, как из промытой плотины, рванулся еще более ослепительный свет и режущий холод...

Легкие рвануло, будто вдохнул метели. Слезы хлынули ручьем, как от слезогонки. Обдирая мокрые скулы, дядя Боря вытирал их и вытирал, а они все лились. Но и сквозь едкую пелену он видел перед собой огромный зал, тянувшийся вдаль, насколько хватало жмурившихся глаз.

Весь зал, до самой едва видной торцовой стены, уставлен был низкими решетчатыми не то клетками, не то корзинками из черного металла: они стояли на полу, на галереях, несколькими ярусами тянувшихся вдоль стен, странными гроздьями свисали с высокого потолка, а от них тянулись, извиваясь как живые, оранжевые кабели с белыми пульсирующими вздутиями. В каждой клетке-корзине что-то лежало. Уже совсем автоматом дядя Боря изо всех

сил протер глаза рукавом куртки и, пока зрачки не захлестнуло опять, взгляделся...

Сначала ему показалось, что все, кто в них лежит, мертвые — не двигались, не говорили и вроде как даже не дышали. При такой толпище уж какой-то шум должен быть, а тут ничего, ни мур-мур...

Потом дядя Боря шарахнулся назад. С перепугу.

Молча, разом и опять совершенно бесшумно все лежавшие взлетели на ноги. Он успел разглядеть, что ни одного взрослого среди них нет: сплошь пацаны и девчонки, да какие-то странные. Похоже, что все Арендованные!..

Он не отошел еще от этой догадки и тут же шарахнулся вновь — ему показалось, что они разом и так же молча бросились на него. Но они просто разом вскинули руки. Через мгновение они сменили позу, потом еще, еще, еще... Дядя Боря уже и соображать перестал, но кишкой улавливал — какая там зарядка, какой там спорт... Их всех, несколько тыщ, а может, и больше, словно током било, и движения все были какие-то нечеловеческие. На одной ноге стоит, одна рука вверх, другая вокруг шеи, а вторая нога загибается за спину и носком, да что там носком... всей ступней к затылку... И еще разное, просто разглядеть не успеваешь, потому что скорость убойная, раз-два-три-четыре, раз-два-три-четыре... Ледяной ветер ходит по залу, хлещет в лицо, покалывает, будто искрами, только странными, невидимыми.

Веки у всех были сжаты, но своих корзинок-клеток они ни разу не зацепили. Ближние дети, видно было, открывали рты, но без единого слова, одновременно крутили головами и нагибали их, как птицы, но все это в одном страшном беззвучии.

Дядя Боря же подвывал тихонько. Голову ломило все сильнее и сильнее, глаза не слезились больше, а ссыхались, мышцы рук и ног сводило и дергало, а спину словно заплели колючкой... Творилось, чего он не понимал и в чем ему никакой жизни не было, а помереть уже вполне можно. Шатало его, мотало, нацелился повернуться и ползти хоть, ноги не держали.

Задом наперед пятился он к двери, боясь только наблю-

вать здесь. И тут вдруг все сразу кончилось. Угловатыми комьями дети свернулись на доньях корзин и опять замерли, словно камни. Ветер и боль не прекратились, но как будто выровнялись — не рвало, а как будто придавливало. Можно было стерпеть. Даже в мокрых штанах. До машины добежать, а там у него в сумке все, что надо...

Когда дядю Борю железными пальцами взяли за локти и накрыли ему лицо светонепроницаемой маской, он уже собирался запеть.

6

«Дорогая Меруэрт, я обещал вам одно письмо, написанное от руки; вот оно перед вами, первое и последнее. Жаль. Мне казалось, что с вами я вдруг ощутил себя счастливым и неуверенным, заново ощупывающим весь мир, все начинающим снова. Глупостью было даже на секунду подумать, что такие, как мы, могут быть счастливы в этом мире. Вам здесь так же тошно, как мне, и вы будете еще несчастнее, когда мы расстанемся окончательно, и для меня это, пожалуй, чувство, очень отдаленно напоминающее радость... Именно тогда я и решил окончательно покинуть вас, когда понял — теперь единственное оставшееся счастье можно вывести только из горя другого. А ваше горе так же драгоценно, как и ваша любовь, которой вы согрели эти два наших невозможных дня в том отеле на Стрэнде...

Дорогая Меруэрт, я иду на это еще и потому, что невыносимо все время думать о том, что в любую минуту мы можем оказаться дальше друг от друга и от себя самих, чем умерев или улетев на звезды.

Кошмарные улыбчивые роботы, управляемые неведомо кем и неведомо в каких целях, которых в некогда нашем мире все больше и больше, в сущности, ничего не изменили: их было всегда так же много, просто мы не умели или не хотели распознавать их или боялись признаться себе в этом. Будь прокляты русская литература и искусство. Всю жизнь заставлял себя если не любить, то, во всяком случае, щадить и жалеть мерзких андроидов из дряблой биомассы, которые сейчас наперебой рвутся стать деталя-

ми невозможной машины и горюют только об одном — что их дети недостаточно изувечены, чтобы попасть в Аренду. Я говорю о так называемых простых людях, по моему глубочайшему убеждению наклеивших на наш мир эту беду, об их жадности, грубом простодушии, жажде to keep up with the Jones¹, точном знании «как надо», зонтиками в коктейлях, способностью оправдывать что угодно, поп-группами и дрянью, дрянью, дрянью... Помните, как мы с вами сидели на террасе того ресторанчика на острове Маргит посередине серого осеннего Дуная и выдумывали новые определения человека? Почему-то вы возмутились, когда я сказал: человек — это существо, производящее неустраняемые отходы. И еще сильнее обиделись, когда я, оправдываясь, привел цитату из Александра фон Гумбольдта: «При внимательном изучении человеческой истории создается впечатление, что человек создан с единственной целью — уничтожить себя, сделав предварительно Землю непригодной для обитания». Вы сказали тогда, что пришли те, кто способен освободить Землю от людей намного раньше, чем они сделают ее непригодной для обитания (как говорил Абадонна, «не успел нагрешить»), и что эта беда освобождает людей от какого бы то ни было суда над ними, а зовет спасать их. Помнится, я спросил: «А зачем?», и тут мы с вами едва не поссорились первый и единственный раз. Хорошо, что есть «Lullaby of Birdland» и старый черный «стейнвей», а то вы бы так меня и не простили, это я вспоминаю с некоторым самодовольством...

Дорогая Меруэрт, я бы выдержал жизнь среди андроидов, ведь мы и раньше жили среди них. Повторю — мир стал просто откровеннее в том, что раньше лучше скрывалось и изощреннее оправдывалось. Мы бы привыкли и к этому, жили бы на своем маленьком островке, подбирая «обкатанные ложью обломки истин с белого песка» и раздавая тем, кто еще нуждается в них...

Но есть довод, который и я, и мои товарищи обойти не можем. Мы попытались обнародовать эту информацию,

¹ Не отставать от Джонсов, быть как все (англ.,

мы были заранее готовы умереть за нее, попасть в тюрьму (хотя что это я, какие сейчас тюрьмы), стать Посредниками... Произошло самое мерзкое. Нам просто не мешали ни в чем. Наши данные ушли в Сеть и превратились в спам, брошюры остались стоять на полках книжных лавок, а листовки нетронутыми выгребались из почтовых ящиков и летели в мусоропроводы. Четыре года мы собирали статистику и обсчитывали ее. Четыре года мы убеждались, что четыре-пять процентов детского населения Земли, детей школьного возраста, болевших психическими расстройствами (мы называли эту группу «Число «М»), медленно, но верно превратились в одиннадцать процентов и что рост этот продолжается. Он сопровождался одновременным ростом количества Баз, появлением все большего числа Посредников и расширением всей структуры явлений, связанных с Арендой... Общество превращается в скотоводческую ферму, на которой людей выращивают и приспособливают к какой-то неведомой и непредставимой функции, но самим людям это безразлично.

Несколько лет я с ужасом гнал от себя одну мысль и гоною ее даже сейчас, когда, собственно, уже наплевать, что я там думаю. Она чудовищно проста.

Похоже, никаких Арендаторов нет.

Кривляясь и хихикая, человечество подвело себя к мигу, когда samozапустился космический, планетарный или биологический механизм, крутящий эту пошлую и необъяснимо бессвязную канитель, создающий служащих зомби и обреченных, но неведомо откуда все возникающих террористов, несчастных безумных детей, становящихся разумными только затем, чтобы с ледяным недоумением поглядеть на своих родителей, остервенелых полицейских, которые защищают и хранят всю эту бешеную систему самопожирания тварей, и посейчас еще напоминающих людей. Не хватает лишь массовой репродукции мопассановской Матери Уродов. Сколько просуществует и во что выродится этот порядок, с какой целью он возник, не знаю и не могу предположить. Но сейчас он оставляет лишь тоскливый ужас.

Все больше людей не могут представить себе жизни

без того дарового благополучия, которое они получают, обслуживая эту дробилку или подкидывая в нее своих детей. Ценности прежнего мира больше не имеют никакого значения, и нет таких антикварных лавок, где их бы оценили заново. Работают какие-то невидимые рога изобилия, дающие миллиардам филистеров что угодно и больше того, если их дети Арендованы, — прочее их не заботит. Одна политическая сволочь недавно во всеуслышание провизжала, что Аренда сняла с человечества экономическое бремя содержания и лечения этих детей. О жалости, сочувствии, терпении он ничего не сказал, да и откуда ему знать такие слова. Говорят, сразу после этого его прикончили — не успел получить косточку за верность. Мой друг, талантливый исследователь, пытается сейчас обнаружить фактор, повышающий число «М», выяснить его природу и, если возможно, цель его появления; Андрей настолько лихорадочно увлечен этой проблемой, что, видимо, еще какое-то время останется тут. Если на него не накатит. Но пока он живет этой страстью. Во мне же не осталось ничего, даже гнева.

Дорогая Меруэрт, времени все меньше, и я, как в одной хорошей книжке моего детства, знаю, насколько именно. В этом шприце — одна штука из запаса моего приятеля-биохимика, доза рассчитана по весу, типу обмена и возрасту. Действует очень точно, однако всегда есть вероятность небольшой ошибки, поэтому я немножко тороплюсь попроститься.

Сегодня ухожу не только я. Станет меньше четырем десятками людей, боящимися стать ничем и не видящими никакого другого спасения от этого. Они талантливы, некоторые даже гениальны, но в том мире, которым все бесповоротнее становится наше прежнее обиталище, это не имеет больше никакого значения. Перед Второй мировой войной несколько замечательных писателей покончило с собой: они были уверены, что Гитлер — это навсегда. Но та война — счастье по сравнению с тем, что происходит сейчас, не оставляя никакой надежды. Жизнь есть комедия для человека думающего и трагедия для чувствующего.

Дорогая Меруэрт, я покидаю вас не из трусости: боль-

ше смерти я боюсь, что вы можете внезапно оказаться лицом к лицу с Посредником.

Сейчас я сяду в кресло и буду вспоминать сказочный дом Эдварда (он тоже уходит сегодня), ночь над океаном, несчастную мокрую куклу, которую мы с вами выбрали тогда на песке и которая теперь счастливее всех в этом мире. Ей ничто не грозит, нынче она суха, безмятежна и художественно заштопана, а главное — она смотрит на вас с книжной полки, заслоня томик Рильке, и будет смотреть...

Спасибо, что вы перевернули углом сумки мою чашку кофе и весело заказали мне другую, спасибо, что обернулись в тот вечер на пороге того кафе, спасибо, что поверили мне, когда я отыскал вас в Петербурге и сказал, что уже полгода не в состоянии думать ни о ком, кроме вас, спасибо, что не отняли руки, когда мы встали и вышли на Большую Морскую, спасибо, что читали мои статьи и спорили со мной о них, спасибо, что прилетели той весной в Лондон и сделали все, чтобы опоздать на обратный рейс, спа...»

7

Богомил уже снарядился и проверял теперь заряд в пистолете — индикатор горел синим, то есть батарея полная, но в такую жару лучше было подстраховаться, у аповского оружия свои глюки, а познаются они кровью, особенно последние два года. Открыв свою секцию шкафа, он достал упаковку, дернул разрезную нить и вытащил свеженькую батарею; но и ее проверил индикатором, прежде чем сунуть в гнездо. Потом вставил пистолет в зажим на предплечье и попробовал, как срабатывает подача. Все было как надо — от хлопка по левому бедру, где был вмонтирован сенсор, пистолет вылетал в правую ладонь... У левшей, соответственно, наоборот. Левша у них был только один: Канат Исаков, бывший чемпион мира по боям без правил, бывший мент, бывший каскадер. Но его тестирование показало пригодность только к патрульной службе. Да чего там ему, Богомилу, с двумя дипломами тоже выпало пэпээсить, пусть даже и на такой машине. Так сказать, пребывать

среди «шлифующих усердно эспланаду». Откуда это, елки-палки? Вот ведь уже и забыл...

В раздевалке уже почти никого не осталось, Богомил пошагал к выходу в разводную и попал туда в самое время.

— Становись! — рявкнул замкомвзвода, и команда, громыхивая снаряжением, неспешно построилась в шеренгу. — Р-р-равняйся! Смирно!

Капитан вошел и остановился перед строем.

— Товарищ капитан! — Замкомвзвода был большой мастер одним голосом придавать разводу мобилизующее значение и даже величавость. — Команда для развода на патрулирование построена! Больных нет, предупредивших об отказе нет, изменений в списках нет! Доложил старший лейтенант Сухарчук!

«Изменений в списках нет» — означало, что ни на кого не накатило. У них это случалось гораздо реже, чем, скажем, у итээров, но закона тут явно никакого не было и не могло быть или сообщать его людям никто не торопился. Однако все равно почему-то все считали, что в АП накатов на мужиков практически нет, и ломались сюда, как свиньи к кормушке, но хотя народ требовался постоянно и службишка последнее время становилась все опасней, тем не менее отбор был строжайший, с какой-то немислимой аппаратурой и головоломными тестами. Богомил проходил его дважды: первый раз, когда подал заявление, и второй — год назад, когда весь патруль утробили, а он почему-то остался жив и даже не ранен. Два-то раза он прошел, но третьего, похоже, выдержать не сумеет...

— Вольно, — буркнул капитан.

— Вольно! — продублировал зам.

Капитан прошелся перед строем и остановился посередине, заложив руки за спину. Невысокий, но широченный и плотный, голова утоплена в плечи, опоясанный офицерским поясом с кучей всяких приспособлений, увешанный приборами и оружием, он казался игрушечным роботом-переростком.

— Сегодня мы опять выходим на охрану порядка и спокойствия граждан. — Капитан говорил недовольно и хрипло, однако с привычным напором. — В последнее время

участились террористические акты, имеющие целью дестабилизацию положения в городе и стране. Долг нашей службы акты эти пресечь!

Он оглядел строй злыми серыми глазами.

— По оперативным данным и информации спецслужб, появилось несколько новых террористических групп, в которые вовлечены подростки и юноши обоих полов! Они вооружены, хорошо владеют оружием, участвуют в акциях отвлечения внимания и ложных правонарушениях. Передвигаются на угнанных автомашинах с дезактивированными маркерами, поэтому отследить невозможно. Задача! Тщательнее проверять документы, регистрировать лиц соответствующего возраста, обращать внимание на транспортные средства, управляемые опять-таки лицами соответствующего возраста! Быть готовыми к внезапным боевым контактам, как огневым, так и рукопашным!

Капитан перевел дух и добавил:

— Страховать друг друга, прикрывать, не ловить мух. Приборы приборами, а верхнее чутье верхним чутьем! Все помнят случай с Алибековым? По приборам все было благополучно, а он возьми да попроси задержанного снять перчатки. А на пальчике характерная мозоль, а потом вживленная схемка обнаружилась, а потом и все прочее! Повнимательнее быть, обращать внимание на все, что не так! Наша работа в Аренде одна из самых важных: мы не только охраняем Арендаторов, но и сохраняем граждан, которым Аренда облегчила жизнь! Это и мы такие граждане! Вопросы есть?

Вопросов не было.

— Увижу на воздухе кого без шлема, — сказал капитан, — или с поднятым щитком, независимо, офицер ли, сержант ли, рядовой — трое суток ареста и вычет из денежного содержания. Не понимаете, что ли, что у них и наши пушки теперь есть? А шлем хоть от половинного заряда страшует! Разойдись! Через пять минут по машинам.

Богомил рванулся к туалету спринтерским махом и как раз поспел занять последнюю кабинку. Усевшись на толчок, он лихорадочно выцарапал из тайника в поясе ту самую плашку, что ему передали в последней почте, открыл зад-

нюю стенку рации и, едва не уронив, пристроил плашку в седьмой разъем. Выключив клавишные пискис, он торопливо набрал код входа в городскую телефонную сеть, потом шифр, потом номер и прижал к горлу пластинку скрытой связи.

Надо было торопиться: взвод уже выходил в гараж садиться по машинам.

В наушнике раздался мальчишеский голос: «Алле...»

— Рахимджан? — без звука, артикуляционными мышцами спросил он. — Дома сейчас твой папа?

— Да, здравствуйте. А его кто спрашивает?

Все кодовые слова были произнесены, порядок не нарушен. Можно было продолжать.

— Это его знакомый по работе, мы уговаривались, что я вечером позвоню.

Код высшей срочности. Мальчик ответил как полагалось:

— Знаете, он поздно вернулся и спит. Разбудить?

— Тогда не надо. Передай лучше, когда проснется, что тренировок в третьей группе недели две не будет. Запомнил?

— Запомнил. Обязательно передам.

— Ну, до свидания.

Не дожидаясь ответа, он отключился, выдернул плашку, сунул в тайник и защелкнул стенку рации. Потом утер мокрое лицо и опустил щиток шлема.

Через полчаса, когда они уже катили на автопилоте по Гоголя в сторону проспекта Шелковый Путь, Богомил проверил рацию и на всякий случай еще раз потер все разговоры за последние двадцать четыре часа. Для того чтобы успокоиться, стал высчитывать, когда солнце на стоянке доберется до его машины и начнет ее калить... Утро было жаркое, а день, соответственно, обещает быть еще жарче. Когда-то, сто тысяч лет назад, он читал какой-то детектив: там пацан, которого хозяин за лень отлупил и выгнал, рассчитал, где будет солнце через год в тот самый день, когда его выкинули, и закрепил на чердаке увеличительное стекло так, чтобы оно подожгло сено и от него бы занялся весь

дом. Пацан, кажется, был почти слабоумный, но считал безупречно...

Он усмехнулся, и напарник спросил, не отрываясь от экрана слежения:

— Ты чего радуешься?

— Да вспомнил тут... — Богомил коротко пересказал ему сюжет.

— Вот-вот, — оценил рядовой Арнаутов, — а теперь пришло его время, этого самого пацана. Он теперь всех по-жжет, и ничего ему не будет...

— Брось, слышишь? — одернул его Богомил. — Это пред-рассудки!.. Ты что, газет не читаешь?.. — Выразительно обведя глазами кабину, он потыкал пальцем в собственное ухо.

Арнаутов ничего не ответил и засвистел какой-то по-псовый мотивчик. Потом тихонечко запел. Странная фигура. Интересно, за что его перевели сюда аж из самой Москвы? Надо будет его прощупать как следует... Если он не провокатор из центра, то можно будет с ним поработать... Люди нужны, прямо до зарезу... Слава богу, что по какому-то фокусу Посредники запоминают очень мало из своей прежней жизни — язык, простые жизненные навыки, социальные навыки, и все. Ни родных, ни знакомых, ни коллег, специальностям их учат заново. Иначе бы их группу давно уже разгромили. Четыре наката за три месяца! Два классных боевика, техник-связист и врач, по второй специальности минер... так можно вообще остаться без народа...

Засвистела кабинная рация, и Богомил ткнул кнопку микрофона:

— Город-четыре слушает!

— «Сайгак»? — голос диспетчера был на удивление мил и свеж. Кажется, Лена Степнова из команды дежурно-го по городу. Давненько они не сталкивались, так сказать, в неслужебное времечко...

— Он самый. А это ты Степка?

— Привет! Вам задание! Уходите в квадрат семь-семь-вэ, магистрали три и один-один. Ждете и по появлении сопровождаете Слона Гэ-девять, борт четыре-девять-два-ноль! Повторите!

Морщась, Богомил повторил, и рация отключилась.

— Мать их впереверт, — вздохнул он, — неужели опять?..

— Опять что? — поинтересовался Арнаутов. — Или кто?

— Конвой... Хотя нет, отходы они в утилизаторы возят по ночам. Уже легче. Труповозки эти провозать... ф-фу, не люблю...

— Странный ты человек, — заметил Арнаутов, разворачиваясь. — Другие просто рыдают от счастья, а тебе неохота...

— Пошуту, пошуту, — проворчал Богомил. — Да скорее всего это просто пустой транспорт. Или перегон какой. Ладно, вперед, на винные погреба!

На углу Московской и Фучика они были через десять минут и еще через двадцать секунд заняли позицию у въезда в гигантский подземный ангар, выстроенный на месте снесенных заводских общежитий и ставшего ненужным мясокомбината. Охраняли его свирепо, и даже с аповскими пропусками туда соваться было нечего. По слухам, система точно просчитанных тоннелей из ангара тянулась в каждый район города и за несколько минут можно было напрямую попасть куда угодно. Так или не так, но малые ангара действительно стояли во всех стратегических точках города.

Серый автобус неспешно выкатывался из темной арки входа, на лобовой плоскости горели оранжевые цифры «4920», и патруль занял свое место в кильватере, время от времени уходя вперед и снова возвращаясь.

Обезлюдившие кварталы частных домов и одичавшие сады были опаснее всего. Богомил прогнал машину на предельной скорости, молясь в душе, чтобы никого не вынесло и не пришлось «наляпать холодца»... Почему-то прежние полицейские штурмовые ружья и пистолеты были сочтены негуманными, а мешок кровавого студня считался допустимым... Похоже, инструментик этот на людей рассчитан не был: отключить конечность или там оглушить удавалось крайне редко, а вот сразу прижмурить — сколько угодно... Богомил подавил привычную злобу и заставил себя переключиться на приборы.

На экране СПУ изломанная красная кривая понемногу становилась желтой — сектор за сектором конвой проходил маршрут, и до Базы оставалось всего восемнадцать километров. Богомил щелкнул радиомышью, и потенциально опасные участки высветились оранжевым: впереди таких было только два. Первый — по разрезанному холму, два крутых склона и почти триста метров пути между ними, второй — недавние ремонтные работы, правда, на пологом и хорошо просматриваемом месте, у перекрестка сельской грунтовки и шоссе.

Арнаутов продолжал почти неслышно выпевать свою песенку. По штатному расписанию он следил за экраном локатора и вел стрельбу из бортовых установок по команде старшего наряда, то есть Богомила.

— Слушай, а чего тебя сюда пихнули? — как бы невзначай поинтересовался Богомил. — Вроде у нас не та столица, и по службе тут не двинешься... Напрокудил чего?

Арнаутов допел песенку и вздохнул.

— Ты бы, сержант, у замполита спросил. Он мое досье читал-перечитал...

— Ну что там Усама читал, это его дело... — Усамою замполита дразнили по очень простой причине: компьютер отдела во всех документах выдавал его фамилию с опечаткой: «Усаманов». И ни один программист не мог отследить и исправить ошибку. Смешнее всего было то, что всех других Усмановых он печатал верно. — У него свои интересы. А мне с тобой служить. В команде таких скрытных не любят... — Сержант боковым зрением фиксировал напарника, но тот вроде не напрягался, хотя губы досадливо поджал. — Ты меня не спрашиваешь, значит, ясно тебе все. А мне неясно...

— Да ладно, сержант, не возбужай. — Арнаутов вдруг улыбнулся. — Никакой тайны нет. Понимаешь, год назад у нас...

Мерзкий писк сигнала раздался, как всегда, неожиданно. На локаторе вспыхнул красный квадратик, затем второй, и Богомил торопливо защелкал мышью, заказывая оп-ределение и сопрягая локатор с картой.

— Читаешь? — бросил он напарнику.

— Запросто.

— Веди цель, а я на руле.

— Цель один: легковая машина, пятидверка, предположительно «Хонда Муссон», четверо пассажиров, около ста килограммов груза... скорость около сорока километров, движется по грунтовке от совхоза, направление семь-семь-три... Проскочим до randevу...

Богомил подивился про себя: а столичный-то был неплох. Читал прямо по сигналу, не включая дешифратор или «болтуна». Надо им заняться, надо в любом случае.

— Цель два: грузовая трехоска, военный «Урал», крытый кузов, двое пассажиров, больше двух тонн груза, похоже, бут или крупная щебенка. Проскочим задолго до randevу.

— Сообщи в центр.

— Уже.

Богомил покрутил головой — он и не заметил, когда Арнаутов включил передачу.

— Не нравится мне этот грузовик.

— А мне этот «Муссон».

— А что с ним не так? Вроде далеко и армейские металлы не секутся...

— Так-то так, — Арнаутов стремительно долбил клавиатуру, — но вот есть у них внутри пара зон, и я их никак не могу прозвонить. И складка тут неприятная, и панели какие-то свалены, импульс дробится, зар-р-раза...

— Ну так погоди чуть-чуть, сейчас они выйдут, и прозвонишь!

Оскалясь, напарник мотнул шлемом.

— Они все время держатся так, чтобы их что-то прикрывало, скорость увеличивают, когда проскакивают между двумя заслонами... Не может же им нравиться глину жрать, а? Чего они тогда в пыли толкуются? С автобусом есть связь?

— Нет, — ответил Богомил, стараясь как можно аккуратнее проскочить выезд из низины, — там комп или Посредник, их ведут из Центра тамошние спецы, даже не предупредили, твари, с пассажирами он или... Ну-ка вызови Степку!

Они уже выскочили на равнину; впереди маячил пере-

кресток, а справа и слева, поодаль, над грунтовой клубились два неравных облака пыли, и автобус мерно качался впереди, и облака все приближались, куда быстрее, чем должны были...

— Связь! — заорал Богомил, орудуя «палкой». — Чего копаешься, мать твою!..

— Нет связи, командирчик, — спокойно ответил Арнаутов, без его команды включая систему огня, — нет, глушит что-то, и хорошо глушит, и локатор отказывает...

Это сержант видел и сам. По уставу имелось два варианта — отпустить автобус, до Базы оставалось всего ничего, а самим занять позицию, отсечь и с ходу обстрелять преследователей, даже если они не преследователи, а просто хотят попросить закурить, а потом догнать автобус и уйти с ним к Базе. Второй — скомандовать автобусу поворот на сто восемьдесят, включить аварийный сигнал тревоги и рвать когти обратно, дожидаясь воздушного патруля с боевыми лазерами и ракетами, но это когда знаешь, что автобус повернет за тобой, а они даже не знают, кто там... Секунды сыпались трухой, а он так и не мог принять решения и все время помнил, что два раза он уже остался жив, третьего раза ему не простят...

— Командир, поворачивай! — Арнаутов держал палец на заглушке клавиши стрельбы. — Не слепые же они там!

— Кто «они»? — сквозь зубы прошипел сержант. — Ты что, знаешь, кто там?!

— Арендованные! И Посредник-сопровождающий! Видишь, иероглиф на борту? Значит, салон занят! Пустой — тогда иероглифа нет или он черный!

— Тем более бросать нельзя! — Богомил выжимал из двигателя все, но облака — теперь он уже видел, что это машины, серый «Муссон» и зеленый «Урал», — стремительно приближались. — Дети же!..

— Какие дети! Ты что, не знаешь, что из них клепают? Машины там! Добитые машины! Они больше года не живут, а пока живут, без этого не могут!.. Поворачивай!

Неуместная и тормозящая мысль: «А откуда он знает, и кто он все-таки здесь...» — мелькнула и исчезла. Богомил дернулся выmaterить Арнаутова и приказать стрелять по

обеим целям, но тут впереди, из-под самого автобуса, в обе стороны рванулись два гигантских крыла огня, взметенной земли и обломков бетона, и автобус взлетел над дорогой, а столб огня поднимал его все выше, и это было так завораживающе, оглушающе, выжигающе красиво, что второго удара, перевернувшего их машину и швырнувшего ее в сторону от шоссе, прямо на мачту высоковольтки, они почти не почувствовали.

Приходить в себя было так больно, что Богомил сопротивлялся сколько мог, но что-то назойливое выволакивало его оттуда, из глухой и благодетельной тьмы. Сначала свет резанул по разбухшим векам, а потом звуки мучительно вломились в ушные ходы.

Он лежал в стороне от машины. Левая рука была подвернута под бедро, и он попробовал вдавить кисть в сенсор, но пистолет не отозвался; зато раздался неприятный хохоток.

— Заволновался, сволочь, — сказал высокий юношеский голос. — «И ходит Гамлет с пистолетом и хочет кого-то убить...» А пистолет тью-тью...

— Кончай развлекаться, — нервно вмешался второй голос, поглубже, — вот-вот вертолеты явятся!

— Ладно.

— Второго проверили?

— Да, здорово хряснулся, Нинка добила. Кончай с этим, бери все, что можно, и отрываемся. Батареи садятся, глушитель может сдохнуть в любой момент, и пойдет их аварийный сигнал.

— Да он сам сдохнет! Гляди, как из него хлещет!

— Дурак, что ли? Его в ихней клинике в два счета возбудят, вытащат из него наши рожи, систему закладки фугасов и весь расклад и на третий счет найдут! Быстрой, ты, козел! В автобусе непременно Посредник грохнулся. Смотри, видишь, как из-под дверей течет? Дарума говорил, критический срок семь минут и потом обязательно кого-то накатывает, кто рядом! Сними с него куртку и шлем. Живо!

— Ну разорался! — Сквозь дурноту и полубеспамятст-

во Богомил различил знакомое двойное цоканье предохранителя. Значит, научились аповским сканером снимать личные индексы... у чужого пистолет не сработал бы... Дарума? Смешно, меньше всего он думал умереть с его помощью. Ведь на следующей акции их группы должны были работать вместе... проклятая Аренда... проклятое подполье...

— Смотри!

Богомил смог только приоткрыть склеенные запекшейся кровью ресницы, он едва различал громадную тушу автобуса и скорее понял, чем увидел...

Автобус уцелел после дикого сальто и жестокого удара о землю, даже стекла не высыпались и ни одной вмятины в боках, несмотря на град бетонных обломков; он просто перевернулся и упал на крышу. По борту медленно извивался лиловый иероглиф.

Теперь гигантская коробка медленно вытягивала телескопические штанги с якорными захватами на концах, и когти «якорей» разворачивались, чтобы как можно прочнее вцепиться в землю и, сократившись снова, перевернуть автобус. Серводвигатели работали, значит, был цел и основной движок. Сержант вдруг понял, что, несмотря на дикую боль, сам напрягает мышцы, словно акушер, тужащийся вместе с роженицей. Это было противоестественно, и все же он почти радовался тому, что автобус цел и соприкасается...

Гул и скрежет перекрыл новый голос, жестокий и уверенный:

— Не бздеть, салаги! Морган, Чипа, Ведьма! Стоять всем! Еще почти сто сорок секунд! — затрещал динамик рации. — Нур, машину с «трубами» сюда, мухой!

— Командир, надо уходить!.. Скорее!

— Стоять! Пристрелю!

Визжа по асфальту, затормозила тяжелая машина; Богомилу хлестнуло в лицо пылью и мелким щебнем.

— Разобрать «трубы», живо! Заряжай!

Металл гремял о металл, щелкали растянутые половинки гранатометов.

— По моей команде все разом — огонь по днищу!.. Поняли? Наводи!

Богомил вдруг почувствовал, как сокращается, слабеет и исчезает боль. Вот она исчезла совсем. Не веря себе, он сел и провел рукой по лицу, размазывая липкую кровь. Что-то новое происходило с ним. Он видел все сразу, будто одновременно сидел на сухой степной земле и парил высоко над шоссе, развороченном двумя мощными безоболочечными фугасами. Ноги легко и быстро подняли его, руки беспрепятственно нащупали и выдернули из тайника за голенищем никелированную зажигалку, пальцы мгновенно отжали стопор и навели торец, как дуло. Лицо улыбалось, он чувствовал. Террористы удобно стояли к нему спинами, целясь из гранатометов в переворачивающийся автобус и готовясь выжечь его вместе с теми, кто в нем оставался, и он сумеет положить всех четверых прежде, чем они обернутся. Богомил ощущал холодную радость оттого, что станет обновленным и сильным...

Краем глаза он видел распластанное тряпье, исходившее густой багровой жижей, натекающей в армированные перчатки, сферошлем, новенькие надраенные ботинки — с цепкими протекторами, втянутыми боевыми пилами, жесткой шнуровкой и прочнейшей молнией для срочности. Вещам не делалось ничего.

Ах да, Арнаутов, легко понял он. Девочка. Заряд полной мощности. Вот и поговорили. Пускай. То новое, что укреплялось в нем, не хотело горя и злобы. Оно упивалось великим торжеством и разжигало улыбку победы, и раскаленный мир становился прохладным, и створка за створкой все быстрее раскрывались алмазные двери мира, в котором никогда прежде не бывал и где только и стоило жить... «И их я тоже проведу туда, всех до единого, и они будут мне благода...» Но самая последняя створка, перед которой блаженно осыпалась труха прежнего, вдруг застряла. Недолимый камень держал ее, и теплый свет начинал тускнеть. Камень был в нем самом и не желал распасться. Уцепиться за него и не дать себя унести.

Сержант Богомил мотал головой, преодолевая возвращающуюся боль. Теперь он знал все и сразу. Вот, значит, как *это* начинается. «Хорошо, что я успеваю... Хорошо.

Помоги мне, рука, скорее, не холодей так... Подними его, подними... Сунь за броню... Сожмись».

Боевики разом обернулись на резкий хлопок и увидели, как высокая фигура в патрульной броне со шлемом без паузы становится трескучим огненным деревом — вся сразу.

— Хрен с ним! — ревел Дарума. — Целься в швы! Все разом! Пли!

8

Еще в Найроби Маллесон проложил маршрут так, чтобы миновать все населенные пункты, какие только можно, и даже традиционные пути миграции масаев, хотя их-то можно было опасаться менее всего. Пригодных к Аренде у них никогда не было; они доставались львам. Но чем меньше будут знать о них, тем лучше. Он просто обязан был проверить ту информацию, которая оказалась в дневниках капитана Дэвида Хьювайлера, пусть даже ценой собственной жизни.

Воды оставалось совсем мало, верблюды несли почти пустые нейлоновые бурдюки, а вызывать помощь по эксету значило подписать себе смертный приговор. В этой части страны много ручьев и мелких речек, но за полторы недели чудовищной жары они ушли в песок или просто высохли. Научных экспедиций уже давно никто не проводил, а притворяться сафари теперь было незачем; шли они по местам, где даже гиены появлялись только случайно.

Как и когда Дэвид сумел запустить через спутник файл со своего мини-компьютера, никто никогда не узнает, да и было это теперь неважно. Технической проблемы тут не имелось — его «Псион-Супер» мог практически все и, видимо, сработал сам, когда его хозяин уже выбыл из числа людей. Настроенный «ПС» отыскивал любой пригодный спутник, взламывал коды доступа с помощью программы, которую Маллесон написал для него перед отъездом и сам установил на машину, сам передавал всю запланированную информацию со своего виртуального диска и сигналил о себе, если было надо, пока были целы аккумуляторы. У Дэвида имелась универсальная батарея, работавшая и от со-

лица, и от холода, и целый пакет спиртовых ячеек, для которых нужна была только вода. Резервная батарея, которая отзывалась лишь на сигнал пеленгатора, могла быть задействована тогда, когда Маллесон был хотя бы на сорок процентов уверен, что они найдут «ПС» за полчаса. Ровно на столько хватало ее ресурса.

Собственно, компьютер был нужен не сам по себе, а лишь как свидетельство, что Хьювайлер погиб или был захвачен. Маллесон знал, что в этой ситуации выучки Дэвида хватит, чтобы надежно спрятать — или попытаться сделать это — «ПС», который мог лежать в своем несокрушимом корпусе хоть до второго пришествия, а захватчикам подсушить второй компьютер, с дезами, активно пополнявшимися по экснету... На машине могли оставаться другие материалы, но и это уже было не так важно. То, что Дэвид успел загнать им три с половиной месяца назад, стоило всех их жизнью вместе взятых.

Маллесон не планировал экспедицию по спасению капитана Дэвида Хьювайлера и старался не думать, как быть, если он узнает, что тот жив и даже не обработан. Лучше всего было верить, что капитан, забыв навсегда про Линду, маленького Рона, игривого далматина Стрейча, степени по микроэлектронике и биофизике, про уютный дом, построенный собственными руками на берегу реки Блэкуотер ниже Ороно, и про него, майора Айвэна Маллесона, движется теперь по команде неведомо кого, улыбаясь неведомо чему и делает неведомо что. Посредник из Дэвида получился бы хоть куда, он и при жизни был потрясающе исполнителен и законопослушен...

Команда «Ливингстон» старалась сделать все, чтобы избежать электронного следа. Даже часы у всех были механические. Вместо лендроверов — специально выращенные и выезженные верблюды, на которых патрулировали Сахару ребята из распущенного Иностранного легиона, вместо Джи-Пи-Эс — древние планшеты, пусть даже с точнейшими спутниковыми картами. Высадка проходила ночью на побережье, среди скал, в обстановке полнейшего радиомолчания, что все равно не давало никакой гарантии, что их не засекали. Никто до сих пор не знал достаточно

полно, какой именно техникой располагают Арендаторы и как они узнают то, что узнают. Экспедиция Маллесона прошла четыре пятых дьявольски сложного маршрута, каждый день ожидая, что их перехватят. На этом помешался его заместитель, майор Кирби, всадивший себе пулю в лоб во время ночевки возле озера Уинам. На чем держался Маллесон, не мог сказать даже он сам.

Девять верблюдов из двадцати погибли. Трое, несмотря на все прививки и защитные средства, издохли от какой-то местной болезни скота, не обозначенной ни в каких справочниках. Люди сбились со счета, отстреливая голодных львов и леопардов, рвавшихся попробовать незнакомую дичь, но еще троих верблюдов звери все же задрали. Слуги, привыкшие работать с комфортом, достававшимся от изнеженных клиентов, бежали, не забывая прихватить, что лежало плохо. Утешением мог служить разве что факт, что очень немногие почему-то уходили благополучно. Сутки назад семеро кикуюю, нанятых исключительно в слуги, решили, сбегая, обокрасть экспедицию, и напоролись со всей поклажей на мины, установленные тут еще во время какой-то из гражданских войн, так что оставшихся верблюдов как раз хватало, чтобы нести оставшихся людей и оставшийся груз. Но и этот утешительный момент потерял свою силу, потому что они подошли к горам.

Древний вулкан разлегся на три с лишним тысячи квадратных километров застывшей лавы и скальных обломков. То, что им было нужно, пряталось где-то здесь. На западных склонах были какие-то деревни, но тут, с юго-востока, никто не жил.

Удачно проскользнув между Китале и Капенгуриа, группа вышла к Элгону. Дальше можно было идти только пешком. Каменные осыпи, выносившие потоки острой щебенки, верблюды не перешли бы, но на дне долины и по равнине защитных пластиковых оболочек для их разлапистых ступней пока хватало, и груз удалось подвезти очень близко.

Маллесон подозвал к себе Питера Накашиму, своего второго заместителя, превосходно говорившего на здешнем диалекте банту, приказал ему объявить привал, натянуть маскировочные тенты и только тогда разбивать лагерь. А по-

ка натягивали «хамелеон» и готовили еду, он с Камау, охотником, нанятым еще в Митунгу и пока работавшим на редкость добросовестно, поднялся на удобную скалу и начал тщательно обшаривать окрестности всей той техникой, которая у него имелась. Детектор Меллера погиб при переправе через Эвасо-Нгиро, но оставалась первоклассная оптика для Камау, побывшего партизанским снайпером и знавшего толк в выслеживании двуногой дичи. А для себя Маллесон сберег фантастическую штуку, которую шефу передали его прежние партнеры откуда-то из Центральной Азии. Арендаторская техника, переданная аповцам и чаще всего у них отбитая, была совершенно загадочна и порой опасна. Принцип действия в девяноста случаях из ста выяснить не удавалось, если она сразу не убивала тех, кто пытался задействовать ее, то работала сказочно.

Вот и сейчас Маллесон дождался, пока охотник ляжет и прикиннет к мощному биноклю, а потом отошел назад и достал из рюкзака черный футляр с оранжевым иероглифом на крышке. Иероглиф был мертв. Азиаты, захватившие несколько таких штук где-то у себя на Тянь-Шане, придумали, как убивать их, потому что по живому иероглифу Арендаторы немедленно отслеживали тех, кто распоряжался их вещами. Но маска работала. Он несколько раз пользовался ею в дороге, и она помогла им избежать двух засад, обширного прочесывания и нескольких случайных встреч, несмотря на то что в здешней АП работали бывшие рейнджеры и егеря заповедников, знавшие страну и умевшие читать следы получше Камау. Посредников она засекала мгновенно и пыталась установить с ними связь, но это Маллесон уже умел останавливать сам. Парень из Азии, Нурлан, на секретной базе Движения учивший его работать с маской и еще кое-какими штуками, был поражен, догадавшись, как легко Айвэн входит в нужные режимы и подавляет функции порабощения носителя. Зачем было говорить ему, что Маллесону помогает такая чистая, ясная, огненная ненависть, какой у маски быть не могло, потому что она ничего никогда не теряла, кроме своих неведомых пользователей.

Он сел попрочнее, вжавшись спиной в горячую скалу.

Солнце клонилось к закату, но было еще жарко. Отстегнув флягу, Маллесон вылил на ладонь немного воды и бережно протер затылок и лицо, особенно тщательно промыв веки и ноздри.

Камау молча осматривал ближние склоны Элгона и все удобные расселины и полки, но по его напрягшейся под просоленной камуфляжной курткой спине майор видел, что стрелок едва сдерживает себя. Маллесон был не очень уверен в том, что Камау не грохнет его, когда он в очередной раз достанет маску, просто от отвращения, но другого выхода не было. Не уговаривать же парня любить его за то, что он в любой момент может сдохнуть в этой маске, хотя и не имеет на это никакого права. Но он был бы только рад...

Прополоскав рот, майор завинтил флягу и достал зажигалку, а потом вытянул из ножен свой тесак. Желто-синий огонек долго облизывал острие клинка, потом еще пару минут Маллесон ждал, пока металл остынет, и только затем аккуратно, стараясь не зацепить веточку тройничного нерва, погрузил кончик тесака в ямку под скулой, рядом с семью зажившими отметинами, а потом двумя неглубокими уколами надсек бритый затылок.

Теплые капли покатались по коже, и Маллесон, несколькими глубокими вдохами провентилировав легкие, открыл футляр и быстро наклепил студенистый пласт на лицо, виски, темя и дотянул скользкие края до самого затылка, чтобы накрыть зрительные бугры. Квазживая дрянь мгновенно почувствовала кровь, и майор ощутил, как крошечные волокна поспешно собирают ее с кожи и, вибрируя, словно от жадности, прорастают в ранки. В который раз мелькнула мысль, как сами Арендаторы задействуют эту штуку, но так же быстро погасла — пусть этим мучаются умники из научной группы. Его дело успеть выжать из нее все и не поддаться.

Остротки торопливо ползли в уши, носовые ходы, под веки, очевидно, каким-то образом убирая боль, потому что майор ничего не чувствовал.

Мир, увиденный не глазами, был завораживающе странным.

По молодости, еще студентом, Айвэн пробовал синтетические наркотики, сварганенные приятелями с химфака, но все кончилось благополучно — приятелей вышибли из университета, он не стал аддиктом и на его карьере это никак не отразилось. Вот только один «трип» запомнился навсегда. И ни ангелы неба, ни духи земли не могли бы помочь описать его словами. Состояние, возникающее, когда маска оживала и проникала в него, чем-то напоминало то самое... Когда бы не память о Бриджет и не ненависть, ненависть, ненависть, не угасавшая никогда.

Маллесон знал, что увидит ритмичное мерцание невиданных цветов, охватывающее весь мир и уходящее за звезды, тянущееся издалека, от побережья, от Момбасы, где была одна из самых огромных Баз Африканского континента, и до Момбасы невыносимо ярко, тысячами молодых вулканов, полыхали азиатские Базы Индии, Китая, России, а с запада накатывалась Великая Американская Дрожь. Оно войдет в него, и Маллесон станет им и одновременно его частью и почувствует, как самая крохотная песчинка мира участвует в этом гигантском содрогании, как малейшее изменение этой частицы меняет ритм и цвет зазвездной дрожи. Он понимал, что эта дрожь одну за другой распатывает все мириады связей мира, истончая их до полной утраты, и что рано или поздно разорвется последняя, и почти догадывался, что возбуждает это сотрясение мира.

Но сейчас маска давала созвучие всему сказочной полноты. Все, что было в этом мире, он мог найти и распознать. Только на этот раз было намного труднее — он должен был отыскать врага. Того, кто мог заставить его умереть в этом комке тяжелой слизи, обернув ее могущество против слившегося с ней. Козленок выманивал на себя тигра.

Хуже всего, что майор даже не знал толком, кого они ищут — человека, монстра, переродившегося Посредника, Арендатора-дезертира, так сказать, Люцифера, сумасшедшего ученого, мутировавшего Микки-Мауса или воскресшего Вацлава Нижинского. Может быть, животное мужского пола, которое педантичный Дэвид назвал «он» вместо грамматически верного «оно».

Все, что Дэвид успел загнать через спутник, через со-

рох секунд разбитый в космосе, а потом испарившийся в атмосфере, и что удалось восстановить, выглядело так: «...Элгона. Он остановил мою трансформацию и заморозил Посред... Остановка вр... Галлюцинация и... Посы...»

Аналитики Движения разобрали эти семьдесят восемь знаков на атомы, но единственное, что было здесь достоверно, — это название мертвого африканского вулкана на границе Кении и Танзании. Еще удалось установить тот сектор, из которого ушел мессидж, — в нем было двести двадцать квадратных километров.

Маллесон плыл и плыл в исполинских вихрях красок, имени которых в человеческом языке не могло быть, изо всех сил сдерживая свою способность противиться этой дряни, чувствуя, как она растворяет его в себе, квант за квантом, луч за лучом пересотворяя его неведомо во что, но только не в человека, отыгрываясь за все прежние поражения. Майор все равнодушнее помнил, что если в следующие семьдесят секунд ничего не изменится, то он станет навсегда языком этого всепламени, и с каждой секундой эта мысль волновала все меньше и меньше... Камау убьет его. А может быть, уже убил — никто не знает, что происходит, когда покров земного чувства снят, и помнят ли там о смерти.

Выработанный годами рефлекс помогал отсчитывать убавляющиеся мгновения. Прежние случаи, когда майору приходилось использовать маску, спасали жизнь ему и его людям. У Барагои он ощущал каждое движение шайки озверевших браконьеров, устроивших засаду в шести километрах от них, и отряд обошел их с востока без стрельбы и шума. Перед Капутиром, на самом краю лавовых полей, где спрятаться было просто негде, он вдруг почувал, что маску надо надеть. Она уже успела прорасти, когда Маллесон понял, что над ними барражирует патруль АП с двумя Посредниками, и маска рвется установить с ними связь, и они уже почти нащупали ее, и нашел тогда ложбину, куда загнал животных и людей и накрыл их «хамелеонами», и под экранами уже, сочась кровью, сдирал с себя корчащуюся, сопротивляющуюся маску. Тогда она проросла му-

чительно глубоко, но сейчас уходила еще глубже, ему казалось, он чувствует, как она въедается в мозг, двадцать секунд, пятнадцать, десять, семь, три. Время истончалось, майор жил только застарелой, багровой, как эта выветренная лава, ненавистью, но маска выедала и ее, все неотвратимее становясь частью его плоти, им самим, уже не им, а...

Камау давно смотрел не в бинокль. Всякий раз, когда этот странный белый затевал игру с прозрачной смертью, запертой в ящике, охотник следил за ним, держа наготове «ремингтон», а на случай, если не повезет, то китайскую «шоулюдань» — ручную гранату оборонительного типа. Он видел каждое движение, каждую судорогу каждой мышцы, но все равно пропустил миг, когда рука Маллесона метнулась к лицу и полоснула по медузообразной слизи факелом полевой зажигалки, выведенной на максимум. Желто-синим пальцем языком он хлестал и хлестал по корчащейся, свистящей в огне плоти, пока она не стала пузырящимися лохмотьями опадать ему на грудь и плечи. Кровь, струившаяся по лицу, ползла из каждой поры, из носа и ушей; густые капли повисали на веках, запекаясь грязно-бурыми сталактитами.

Камау повидал многое. Младшего брата, в десяти шагах от него изорванного очередями тяжелого пулемета. Человека, ужаленного бушмайстером, разбухающего и блюющего черными сгустками. Мостовые прифронтового городка, сплошь покрытые густой багровой жирной смесью из трупов, размолотых гусеницами. Но это — это было почему-то в сотни раз отвратительнее. Забыв про оружие, охотник попятился назад и едва не сорвался со скалы.

Маллесон уже чувствовал в пальцах боль от ожога, когда последние сгустки оползли и шмякнулись на красную лавовую плиту. Лицо горело, словно он жег собственную кожу, слипшиеся легкие не впускали воздух, и майор, шатаясь, рухнул, едва успев выставить руки.

Перед самыми его глазами медленно корчилось и разрасталось то, что секунду назад он выжигал прямо на себе. Майор знал, что сорванной маски касаться нельзя: агонизируя, она в десятки раз агрессивнее, и на этот раз освобо-

даться будет невозможно. Из последних сил он стал отползать назад, но вдруг остановился.

На выветренной колючей багровой плите дергающиеся клочья сползались во что-то странно знакомое. Бледное, прозрачное, густеющее местами розовыми пятнами неувоенного гемоглобина, оно глянуло на него стустившимися бельмами, оформилось носом, скулами и вдруг омерзительно усмехнулось — его, Маллесона, ртом, губами, складками на щеках, так, как это делают довольные Посредники. Захрипев от ненависти и ужаса, он выбросил руку с ножом, но по ней вдруг хлестнуло огненной крошкой, маску рвануло и шмякнуло о скалу, а в уши словно с запозданием ворвался грохот выстрела.

Камау рвал и рвал пулями огромный корчащийся стусток, пока не кончились патроны. Сорвав с себя гимнастерку, он плеснул на нее из фляги крепчайшим ромом, поднес зажигалку и швырнул пылающую тряпку на дергающиеся клочья.

Майор поднялся на ноги и стоял, глядя, как снизу бегут и кричат его люди.

— Собирайся, — сказал он на суахили. — Пойдешь со мной.

— Куда? — спросил охотник.

— Теперь я знаю куда. — Маллесон сплюнул кровью. — Да упокоит господь и эту тварь. Спасибо ей. Я видел.

Внизу, в лагере, он умылся, шипя от боли, протер лицо и кисти сначала гигиеническим лосьоном, потом антисептическим кремом, а все порезы накрыл бактерицидным пластырем из армейской аптечки. В этой стране любая царапина нагнаивалась сразу, и можно было помереть не оттого, что на тебя кинулся лев, а потому, что сразу не прижиг ссадину на коленке, как писатель из «Леопарда с вершины Килиманджаро». Святая Мария, когда-то он читал книги...

Питер слил ему на плечи и грудь, чтоб он мог смыть соляно-кровяную корку, запекающуюся на коже, — эта смесь, как первоклассный аттрактант, манила всякую мелкую летучую дрянь. Воду больше не берегли, неподалеку отыскался

родник, выбивавшийся из расщелины, на редкость чистый и холодный, фильтровавшийся через песок и слежавшуюся гальку. Есть Маллесон отказался: его мутило, сводило мышцы и гортань, но никаких лекарств принимать было нельзя, потому что видение могло угаснуть в любую секунду, а пока оно держалось, чистое и внятное, как рисунок в детской книжке. Проглотив несколько капсул поливитамина, майор запил их глотком воды, удержал мгновенную рвоту и встал, застегивая чистую рубашку-сафари. Потом надел ремень с автоматическим браунингом под удлинённый магазин, и еще три магазина сунул в карманы рюкзака.

— Никаких Джи-Пи-Эс, никаких переговоров по радиации, каждые полчаса три последние минуты слушать эфир на моей частоте, — в десятитысячный раз за экспедицию повторил он Питеру, и тот в десятитысячный раз ответил:

— Так точно, сэр... — Но не удержался и добавил: — Сэр, возьмите еще хотя бы пару человек!

— Нет, лейтенант, я иду с Камау. А вы выполняйте приказ. Если до заката я не выйду на связь, отпускайте носильщиков и идите со всеми оставшимися людьми и боеприпасами на четвертый маяк. Если не найдете, вскрыете черный конверт в моем рюкзаке, там маршрут отхода и все явки. И да поможет нам господь, если он не совсем еще отвернулся от нас...

— Наму Амида буцу, — эхом откликнулся Питер, сложив ладони и принагнув голову.

Возле палатки его уже дожидался Камау. Он тоже надел новую гимнастерку, поверх нее была русская разгрузка с рюкзаком и патронташем, а на «ремингтон» был насажен снайперский прицел. Угрюмое черное лицо в редкой щетине над тяжелыми губами было раскрашено смесью мела, рыжей охры и спецназовского маскировочного пигмента, дополнявшего синеватые племенные татуировки на скулах. На шее висел сложный и явно древний амулет из бисера и кусков обсидиана, среди которых виднелись четыре львиных клыка.

Несмотря на дикое напряжение и боль, Маллесон ус-

мехнулся. Камау готовился всерьез. Но в их положении и вправду нельзя было ничем пренебрегать.

Прощаться тоже было нельзя. Майор повернулся и, чувствуя спиной взгляды всей молчавшей команды — притихли даже вечно гомонившие и ссорившиеся негры, — сделал первый шаг.

9

— Нет, ну вот ты скажи!.. — Стакан был незвонкий, пластиковый, красивый, но мятый и потому в пальцах держался некрепко, выделывая самые подлые обороты.

Пальцы тоже мало годились для ответственной работы. Фыра закривел после первого раунда, хотел общаться и потому не обращал внимания на Кутьку, потихоньку воровавшую закуску. А меню в этот раз было богатое. На ящике с надписью «SONY» была расстелена драная полиэтиленовая скатерть с огромными красными омарами, а на скатерти!..

Мусор вываливали, как всегда, по договору, и все были уже на местах, но Фыре с Кутькой свезло целых три раза: прямо на самые руки грохнулся облитый вонючей дезинфекционкой сверток, наверное, из больничного мусора, от злых дружанов-помоечников они отбились вручную, потом куском ленточной пилы отмахались от помоечников-нелегалов, а после всего рядом с их же по помоечной айте участком, на выбранной-перевыбраной куче, заметили рваную косметичку, облепленную перепрелой луковой шелухой до неразличимости. Кутька и заметила, потому что Фыра с утра налил уцелевший глаз. Вроде бы и нечем, но опытный человек всегда спроворит. Пятьдесят бутылок даже самых сухих — это грамм сто разной смеси запросто натрясти, а когда повезет, и больше. Фыре набежала удачка: под скамейкой парка Дружбы бутылка нестандартная, но болталась в ней, родной, грамм аж двести синьцзянской водочки «Иа Лимоу», а «сливки», упрятанные на теле в бутылочке из-под виски «Уайлд Терки», дали в сумме почти триста пятьдесят.

Кутька почти всегда первая кидалась, потому что была

наблюдательная, а Фыра уже просто за ней, чтобы девку не откинули, ведь легкая, как китайский килограмм, и хватал, чего она надыбала. Зато у него была байда от Содружества Социально Не-Защищенных, то есть официальная «карта на право проживания в местах первичного накопления и утилизации отходов городского цикла, а также участие в первичных дотехнологических операциях». Влетела она Фыре в посуду за два месяца и золотой зуб. А у Кутьки не было, потому что она даже не могла объяснить, откуда взялась. Имя тоже не знала. Смеялась, как дура, и ковыряла ногой. Но была очень зоркая: ни один патруль их так и не накрыл. А если с Посредниками, так прямо с ума сходила. Она их просто задницей чуяла, и куда они не пойдут, тоже. Вот и косметичку она тоже учуяла — ну Кутька, и все тут.

Косметичка-то драная только сверху, а пластиковый чехол внутри целехонек, и лежал в нем тюбик крема «Мертвое море», надкушенный индийский презерватив, стосомовая банкнота и толстенная мужская авторучка-сканер «Уотерманн». Хозяйка явно извращенка была. Или хозяин.

Крем Фыра отдал Кутьке в премию за бдительность. Когда Махмуд-шашлычник, мужик в общем-то воплиный и жадный, за авторучку без звука положил из ларька своего брата два батона колбасы, ну разве чуть слизистой сверху, две банки непросроченных рыбных консервов, три бутылки самой дешевой из безопасных водок и семь засохших чуреков, а потом вдруг, расщедрившись, отрубил еще и слипшейся чимкентской карамели, то Фыра от счастья сунул Кутьке сотнягу, но потом, спохватившись, забрал.

Такой удачи не катило уже почти полгода, с тех пор как Фыра нашел телефон с плейером: целую неделю, пока не села батарейка, смотрели кино и музыку слушали... Сверток вот получился барахло, рвань какая-то гнойная, и стало грустно, что везуха обрезалась. Ну и ладно. Можно и с этим дня на три соскочить и ходить на помойку только ночевать. Душа, давно примолкшая, тут же заголосила по празднику, и Фыра отправился туда, где праздник всегда получался. Индийский презерватив потерялся в дороге. Ну и хрен с ним.

Генрих Августович был дома и сидел, глядя в экран

цветного телевизора. Телевизор был именно цветной, марки «Рубин», потому что это был телевизор, который делали именно цветным, а не как сейчас. Радиоприемник «Латвия» с проигрывателем он слушал даже чаще, чем смотрел телевизор, хотя радиоприемник и проигрыватель тоже не работали. Именно поэтому Генрих Августович смотрел их и слушал. Они наводили на него мысли, особенно телевизор.

Жилье у него было просторное, одна здоровая комната на третьем этаже в заводууправлении бывшего завода подъемно-спусковых механизмов, но, кроме именно цветного телевизора и радиоприемника с проигрывателем, роскоши никакой. Только целые стекла в окне, ящик из-под «Sony» и большое пальто в углу. В нем Генрих Августович спал, защищался от холодов зимой и осенью, но случалось, нашивал его и летом, когда стирал прочую одежонку, — смеяны не заводил, как истинный мудрец, все имел на себе.

Фыра, хотя и не вслух, Генриха Августовича жалел, потому что у него всего было много: один исландский пуховик чего стоил. Правда, пух в нем от времени собрался кучей в полах, но Кутька придумала его перед выходами на улицу переворачивать вверх ногами и аккуратно взбалтывать, отчего пух переползал на спину и плечи и ссыпался обратно вниз только к вечеру. И Кутьку Фыра одевал очень даже неплохо, пусть не все по размеру. А шляпы, которые она любила до трясучки, Кутька воровала сама, он не спрашивал где.

Людей, которые до него доходили, Генрих Августович никогда не выгонял, а наоборот. Может, одежды у него и немного, но зато есть мудрость и терпение. Всех слушает, и есть, которым он отвечает. Но даже если не отвечает, выговоришься, и посвежало. «Эх, — думал не однажды Фыра, — мне б такую головушку... да суметь не квасить...» Но и пилося как-то очень тепло и по-человечески при Генрихе Августовиче, и возникали такие речи, ни за что в другом месте не сказать. Сам он не пил. Да и закусывал нечасто. Потому что был костлявый, худой, с седыми волосами хвостом и седой бородой, и глаза у него умеренно светились. Очень был такой. Вот и сейчас он сидел в позе цветка, без носков — и доброжелательно смотрел на Фыру и Кутьку.

— Я ведь не возражаю! — По руке треснув Кутьку, резво слишком таскавшую порубанную колбаску, Фыра продолжил: — Не возражаю я! Ну татары были, потом американцы, теперь эти. Татар не видел, но были же, которые видели, декабристы или там Иван Грозный, американцев сам видел, а этих не видел, и никто. А? Что получается? Они нам даже показаться брезгуют! А ведь мы народ не последний!

Генрих Августович покивал, чтобы Фыра не потерял мысли.

— Ну вот ты, отец, и скажи! Откуда и зачем?

Вопрос был всегдашний, только по какому-то сбою Фыра задал его намного раньше. Кутька знала и ответ и потому замерла с куском колбасы в зубах, и глаза у нее светились ожиданием.

Отомкнув уста, Генрих Августович высказал:

— Повелением Бодрствующих это определено и по приговору Святых назначено, дабы знали живущие, что Всевышний владевает над царством человеческим, и дает его кому хочет, и поставляет над ними униженного меж людьми...

Кутька громко вздохнула от счастья и зажевала. Однако сегодня все шло не так, как обычно.

— Ну ладно! Завели они нам мусорку, чтоб мы не передохли и имели занятие и подальше гнили. Пусть! Мусор есть, который на фабрику, и есть, который нам. А есть, который мы...

Всклипнув, Фыра доглотал из стаканчика и выставил руку с посудой.

— Попрошу освежить!.. — потребовал категорически.

Тут произошло неслыханное, Кутька не свидетель, а жаль... Генрих Августович сам взял бутылку и налил ему грамм пятьдесят, не меньше.

Оторопелый Фыра даже спасибо не сказал. Но продолжил почти без голоса:

— Когда у меня еще телефон был... Да был, зуб даю, был! Вот кино показывал и разговаривал все время по-арабски, а по-русски только матом, но звонить с него и по-русски можно было. Ну вот я и попробовал позвонить —

Кутьку в Аренду сдать, через это... ну, шоу, где ихний один выступал... как она, по-твоему выходит, униженная меж людьми... Так она, зараза!.. — Фыра привстал от сердца: — ...для них не та оказалась! Не, ты врубись, Августыч! Говорят, она у вас просто, блин, это... педагогически опущенная! То есть нет — упущенная! Разговаривает, блин, херово! Фигуры всякие, треугольники-хренугольники, различает, а как зовут, не знает! Ага! А ты спроси, как она, блин, деньги считает! По ночухе, блин, и то не ошибается!!!

Генрих Августович слушал внимательно, и Фыру это взбодрило.

— Нет, куда бы они там ни прятались, — убежденно заключил он, слизывая пот, копившийся в щетине верхней губы, — конченные мудаки они, когда такими кадрами швыряются! Мудаки!

Но Генрих Августович покачал головой, и Фыра замер, не донеся прогнувшегося стакана.

— Пришелец, который среди тебя, будет возвышаться над тобою выше и выше, — незлым и даже сочувственным голосом сказал Генрих Августович, — а ты опускаться будешь ниже и ниже. Он будет давать тебе займы, а не ты будешь давать ему займы; он будет главою, а ты будешь хвостом...

— Полагаешь?.. — совсем упавшим голосом спросил Фыра.

Генрих Августович развел руками.

— Будешь служить врагу твоему, которого пошлет на тебя господь, в голоде, и жажде, и нагоде и во всяком недостатке; он возложит на твою шею железное ярмо, так, что измучит тебя... И будешь ты есть плод чрева твоего, плоть сынов и дочерей твоих, которых господь, бог твой, дал тебе...

Фыра смолк окончательно, далеко вылупив красный очумелый глаз. Что-то не выганцовывалось обычного праздника с умными разговорами, горячими признаниями и лестными характеристиками. Не так все раскручивалось, совсем не так.

— Да ну тебя, отец, — выговорил он сквозь огорче-

ние. — Мы тут все ж таки кушаем... а ты такие чачи задвигаешь...

Генрих Августович не сводил с него взгляда — не старческого совсем, голубого, пронзительного, как газосварка.

— Почему ты огорчился? И отчего поникло лицо твое? «Лицо твоё» Фыру dokonало полностью. Не готов он был к такому повороту дела, уж очень по утрянке жизнь пошла хорошо, а он и расслабился...

— Чего вообще «поникло»... — пробормотал он. — Ну вот зашел к тебе, радость у меня, угостить хотел мыслящего человека...

— Благ делящий благо, — согласился Генрих Августович, но пронзал по-прежнему. — Однако едва не пошатнулись ноги твои, едва не поскользнулись стопы твои...

— Это когда? — удивился Фыра, позабыв душевное нестроение.

— Позавидовал безумным, — разъяснил Генрих Августович, — видя благоденствие нечестивых. Ибо нет им страданий до смерти и крепки силы их... На работе человеческой нет их и с прочими людьми не подвергаются ударам. И вот эти нечестивые! — Он возвысил голос и загремел им: — ...благоденствуют в веке сем! Умножают богатство! А крепкие сердцем стали добычею! Уснули сном своим, и не нашли все мужи силы рук своих! Так не напрасно ли я очищал сердце мое и омывал в невинности руки мои... и подвергал себя ранам всякий день... и обличениям всякое утро...

Генрих Августович сурово поник головой.

Фыра почувствовал, что плачет имеющимся глазом, и попил бывшего в стакане. Он точно рук не омывал никак, и раны, и обличения тоже были не по его части. Вину ощущал поэтому нестерпимую.

— Размышляю о днях древних, — не поднимая головы, сказал ему, но как бы и не ему Генрих Августович. — О летах веков минувших. Припоминаю песни мои в ночи, беседую с сердцем моим, и дух мой испытывает... вот мое горе — изменение десницы Всевышнего...

— А мне-то, мне-то каково? — всхлипывал Фыра. —

Ты вот, Августыч, совершенного ума... всякого понимаешь... Мне чего делать? Ну вот хочется жить по-человечески, не только с цомойной картой, и чтобы покушать хоть через день, и выпить граммулечку, и менты чтобы не гоняли... Собаки эти, которые при собачниках, те еще хуже ментов... и без хозяев тоже гады... Революцию, что ли? И-э-х, будто я Сталин... Живу, как таракан в щели, пока химией не прыснули. Что вот делать?

Генрих Августович помолчал, потом воздел палец и собрался ответить что-то значительное, жизнеменяющее, но тут случилось.

В разговоре о Кутьке забыли все. Она же вела себя совсем иначе против нормального.

Закуски хватать перестала, по комнате не шаталась, задрав ноги на стену, не валялась, карманы генрихавгустовичевского пальто прошарить не норовила и даже, радостно не хихикая, не рассматривала календарь восемнадцатилетней давности с рок-певичкой, давно загнувшейся от передозняка. Календарем хозяин, или кто прежде здесь обитавший, завесил дырищу в картонной перегородке. Сидела, уставившись в угол, а там и не было ничего — плинтус треснул, ну так подумаешь, невидаль, плинтус треснул! Тут она сидела и молчала. А когда Генрих Августович собрался, она и влезла.

— Ты, Фыра! — сказала она дурацким голосом. Прямо как пьяный клоун. — Так ты меня вот че туда водил! Ты!

И хозяин, и гость оба на нее вытаращились. За четыре года, что Фыра здесь возникал, говорила она одно, много три слова. И с трудом. Но чтоб сразу столько!

— Меня продать хотел, тварина? Этим, которые... Продать?

Теперь и она плакала. Только слезы мутные были и злые.

— Два года пахала! — голосила Кутька, размахивая грязными руками. — За тебя тогда Курбана чуть вилкой не запорол! А ты! Тварина! Ты! Ты мне зонтика старого пожалел! И продать меня! Ы-ы-ы-ы-ы! Лучше бы в проститутки пошла! Ы-ы-ых-х-х-х!..

Она схватила с ящика бутылку и что есть мочи долба-

нула Фыру в лоб. Фыра грохнулся на пол, не успев даже вскрикнуть, а хозяин не шелохнулся, только глядел. Рыдая, Кутька пала на колени, выдрала у Фыры из-за пазухи столик, потом снова вскочила, уцепила полбатона колбасы, конфеты, какие влезли в жменю, и ринулась вон из жилья. Но тут же метнулась обратно, саданула екнувшего Фыру ногой куда приметилось, и еще, и только тогда выскочила совсем. Долго было слышно, как бежит она по разным железным лестницам, а потом по битому стеклу, и рыдает не переставая, но потом стихло.

Тогда Генрих Августович поднялся и точно так же стал на колени возле тела Фыры. Но это было еще не совсем тело: Фыра шевельнулся и тоненько, изумленно простонал. Водкой помочив ему виски и под носом, хозяин добился того, что гость облизнулся, медленно сел и потрогал голову.

Конечно, бутылка дело серьезное. Но такой волос, как у него, тоже не пустяк. Засадила Кутька ему сгоряча не в лоб — в темя, а у него волосы там от природы как леска, да еще и склеенные условиями. Даже крови не показалось.

— Ты видел, отец, а? — спросил Фыра, глядя на дверь. — Видел? И это мне за все мое хорошее! Что пристроить хотел и за будущее переживал!

Он длинно всхлипнул.

Генрих Августович поднял руку.

— Чего? — Фыра посмотрел вверх, но там была только болтавшаяся панель без трубок дневного света.

— Научитесь, неразумные, благоразумию, — сухо отвечал Генрих Августович, вставая с коленок и отряхиваясь, — и глупые разуму... Пошли.

— Я же раненый! — запротестовал Фыра, нашаривая стакан попить. — Чуть не замочила, кобра!

— Пошли, говорю! Убоище! — вдруг рыкнул Генрих Августович, пламенея очами. Это было так непривычно, что Фыра не встал — вспорхнул. Хозяин надел пальто, хотя на улице было градусов тридцать жару, достал из телевизора газетный сверточек, а в нем денег сколько-то и какие-то таблетки, прочистил очки, завязал шнурки и пошел к двери.

— А куда? — робко спросил Фыра, забегая чуть вперед и запихивая в карман непочатую бутылку безопасной.

— Девочку твою искать, — не поворачиваясь, уже своими спокойными словами отвечал Генрих Августович. — Повинишься перед нею, попросишь прощения.

— Августыч! — Фыра остановился в ужасе. — Какое прощение! Дак сейчас время самое патрульное! Давай я повинюсь, но только потом, где-нить поспокойнее! Цопнут нас, цопнут! Стопудово! Родной! Без нее запростяк! Тебя-то отпустят, ты старый, а меня к ним! Когда у них кого шлепнут или выработается до конца, они из этого резерва берут!

Так и не поворачиваясь, не останавливаясь, голосом, что будил мертвое железо и слепое стекло пустого цеха, Генрих Августович гремел:

— Стражи их слепы все и невежды; все они немые псы, не могущие лаять, бредящие лежа, любящие спать, и это псы жадные душой, и это пастыри бессмысленные... Пошли, сказал! Никто не возвышает голоса за правду, и никто не вступает за истину; надеются на пустое и говорят ложь, зачинают зло и рожают злодейство! Ходим ошупью, спотыкаемся в полдень, как в сумерки, между живыми — как мертвые!..

Рык его отдалялся и замирал, и плаксивое бульканье Фыры тоже замирало вдалеке, и крысы, дождавшиеся наконец своего, ринулись с визгом на оставленную еду.

10

«Но ты пулю словил и в барханах лег, и туземка подходит, нацелив клинок, и хватает сил надавить курок, и в солдатский рай марш со всех ног, там найдутся места всем, кто жрал паек, паек, паек королевы...». Много раз в жизни Маллесон бормотал эти слова: у них был вкус честной смерти, какая уже давно была не суждена никому на этой планете.

Третий час они молча карабкались по осыпям и языкам древней лавы, и Камау безмолвно следовал за ним, ни разу не оступившись, не брякнув карабином о камни. Май-

ор уже не боялся выдать себя речью или неосторожным шагом, обрушивающим маленькую лавину. Если их вычислили, то уже давно и по совсем другому шуму, но узнать это можно будет лишь за несколько секунд перед... неизвестно перед чем.

Небо синело все гуще, облака наливались золотом, и скоро уже идти будет невозможно и придется выходить на связь с Питером, как было условлено. Куда идти и кого найти, он знал — или думал, что знал. Тем обиднее будет свернуть шею в какой-нибудь расщелине, пусть даже Камау его вытащит. Он должен дойти туда сам. И увидеть все сам. Потому что не было уверенности, что маска не заставила его в последний миг поверить тому, чего на самом деле не было, запутать в своих и его видениях... Узнать это можно было только одним способом — как говорил его дедушка, «вложить перст и вынуть его целым».

Арка, выросшая перед ними за ребром очередной скалы, могла свести с ума туристическое агентство элитного разряда. Округлая, изящная, словно бы отлитая из громадного струйчатого, неведомо как изогнувшегося сталагмита, она к тому же светилась темно-розовым камнем с бледно-янтарными прожилками. Лава таких цветов ему никогда не попадалась, и стекала она всегда другим образом — как густая каменеющая грязь. Высотой футов в двадцать, она открывала темное пространство, пещеру или проход, и туда надо было войти.

У Маллесона перехватило дыхание. Он видел это среди последних судорог маски. Другое он видел тоже, но эта штука всплывала так упорно, будто значила что-то безумно важное. Что там было за аркой, отсюда было не различить, солнце уходило, может быть, навсегда, ну и ладно... Хоть что-то сбывалось...

Он оглянулся на Камау и сказал ему на суахили:

— Ты будешь идти за мной в пяти шагах. Если увидишь, что я... что меня меняет... ну сам, понимаешь...

Камау молча кивнул.

— Ни в коем случае не стреляй в голову или только по

сигналу, — продолжал майор. — Лучше обездвигь меня, уходи и попытайся найти группу с Питером, он знает, что делать.

Камау снова кивнул.

— Ладно, — сказал Маллесон и помолчал. Потом открыл флягу и выпил почти половину воды, хотя безумно хотелось виски или рома, которым снайпер заливал тогда подыхавшую маску. Завинтив крышку, он поправил кепи, одернул куртку и повернулся к Камау. — На всякий случай... Будь здоров, старина. Ты классный солдат и хорошее плечо.

Охотник выпрямился и медленно приложил два пальца к полям выгоревшей армейской панамы.

Арка была входом в какой-то странный тоннель — извилистый, бугристый, но достаточно высокий.

Достав браунинг, Маллесон нажал кнопку целеуказателя. Маленький светодиод в специальном держателе под стволом давал достаточно света, чтобы идти не спотыкаясь и вовремя заметить опасность. Потом проверил обойму, дослал патрон и не стал поднимать предохранитель.

Он знал, что оружие не поможет. Но привычная тяжесть и твердость надежного пистолета помогала ему сознавать себя в этом диком месте. По шагомеру столетней давности майор прошел уже несколько десятков метров, но собственные ощущения были такими, словно он стоял на месте, время от времени поворачиваясь и оглядывая стены пещеры. Кружилась голова, начинало подташнивать. Маллесон подумал, что это может быть именно спуск в пещеру, а в пещере, как известно, может скапливаться метан или просто углекислота... Нет, это был не газ: сонливости, желания прилечь и не двигаться, как собака в Собачьем гроте неаполитанских каверн, Маллесон не чувствовал, наоборот — его словно тащило вперед мягким сильным ветром. Невозможно было сказать, сколько он прошел на самом деле; шагомер то замирал — щелчки разделяла вечность, то пускался вскачь, словно тахометр гоночной машины. Оставалось одно — идти до того, что будет концом.

Напрягая слух, майор уловил едва различимые шаги Камау. Парень шел классно: если не знать, что он рядом, не выделишь из ряда обычных пещерных шумов и маленьких эхо. «Вполне возможно, — подумал Маллесон, — что концом все же окажется именно он... По данным азиатской группы, критический срок при физическом уничтожении Посредника от шести до семи минут. За это время Камау запросто разнесет мне мозги и уйдет достаточно далеко, чтобы на него не накатило — при условии, что других Посредников рядом не будет, иначе «накат» ускоряется, а расстояние захвата увеличивается...»

Идти было все тяжелее. Голову ломило по-прежнему, а теперь еще начались болезненные судороги, выкручивавшие каждую мышцу так, что майора швыряло на стены тоннеля, а дважды он просто упал, в кровь разбив колени и подбородок. Механически поднимаясь, он заставлял себя идти дальше, не помнить о боли и стараться лишь, чтобы его не уносило назад — приходилось воевать за каждый шаг. Пятно белого света металось, как перепуганная птица, и он не видел, куда ставит ногу. Вот уже сводить начало гортань так, что он едва проталкивал горячий воздух в бьющиеся легкие, сдавленные собственными мышцами. Боль, боль, боль. Краем гаснущего сознания Маллесон помнил о шприц-тюбике, лежавшем во внутреннем кармане куртки. Мощный противошоковый препарат из армейской аптечки был последней надеждой.

Дотащить руку до кармана он успел. Но именно тут все и прекратилось. Да так, что мгновенно обмякшие ноги не удержали его и майор третий раз грохнулся на бутристый пол пещеры. Блаженство перевесило боль: он лежал, закрыв глаза, и постанывал от счастья, забыв о том, что может не встать...

— Сэр! — тихонько позвали из тьмы. — Все в порядке, сэр?

— Пока да, Камау... — едва шевеля языком, отозвался Маллесон. — Можно не стрелять...

Странный звук долетел из непроглядного мрака. Через несколько секунд майор сообразил, что никогда не слышал, как смеется Камау.

Такое, наверное, не снилось ни одному спелеологу. Тоннель, коридор или ход, как они это называют, не имел явных признаков искусственного происхождения, следов обработки инструментами или машинами, но и на естественное образование тоже походил мало. Не сужаясь и не расширяясь, не сворачивая ни вправо, ни влево, коридор уходил все дальше. Теперь майор чувствовал только легкую слабость да саднили ободранные колени и подбородок. Часы шли, но, видимо, с ошибками, потому что не могло все, что он пережил, уместиться в двенадцать с половиной минут — или время здесь было другое. Маллесон уже хотел окликнуть Камау и посоветоваться с ним, когда неожиданный порыв холодного свежего ветра опажнул горевшие ссадины. Выход или что-то вроде вентилируемой щели было где-то рядом.

Остановившись, Маллесон вслушался, подняв браунинг. Ветер дул мягко и ровно, скорее прохладный, чем холодный, принося непонятные ароматы. Дешевые сигары и давняя контузия в Дарджилинге сделали свое дело: майор не различал запахов, кроме самых явных — пота, крови, пороха, выхлопных газов и горячей еды. Этих в потоке не слышалось. Он постоял еще, но ничего нового для себя не вывел. «...И хватает сил надавить курок, и в солдатский рай марш со всех ног, там есть место всем, кто жрал паек...»

Выход был настолько похож на вход, что у Маллесона даже мелькнула дикая мысль: уже не повернул ли он обратно или, упаси боже, не прошел ли по кольцу? Он стоял под той же прелестной розовой аркой, и те же бледно-желтые струйки мерцали в толще необычного камня.

— Камау, — вполголоса окликнул он.

— Сэр?

— Займи позицию у выхода, но не показывайся. Если что, прикрой меня. Но огонь только по сигналу.

— Есть, сэр.

Лязгнул передернутый затвор винтовки, и майор, не оглядываясь, шагнул наружу.

Он знал, что именно увидит, вернее, помнил общий рисунок цветовой мозаики, переданный умирающей мас-

кой, и вот сейчас второй раз испытал счастье, пусть и не такое уже острое, когда пятна словно проявились.

Три запомнившихся оранжевых мазка стали тремя большими кострами. Серый полукруг обернулся черной каменной площадкой поразительно правильной формы, а сгусток искрящихся бликов посередине оформился в человека, сидящего скрестив ноги между кострами. Искрились амулеты и металлические украшения, которыми он был увешан, а руки его, переплетенные пальцами, спокойно опирались локтями на бедра. Рядом лежал поблескивающий старым деревом посох, оплетенный гроздьями каких-то костяных побрякушек. Темнокожий, длинноволосый, немолодой, но складный и мускулистый, он походил скорее на индийца, чем на негра, и смотрел на Маллесона так, будто уже давно ждал, когда майор наконец вылезет из темной дыры под аркой.

Все остальное майору виделось чрезвычайно смутно, хотя для начала хватало и этого. Человек между костров был, похоже, безоружен, и майор опустил пистолет, но предохранитель не включил.

За пределами озаренного кострами пространства тьма словно сгущалась, и Маллесон скорее предположил, чем разглядел, что там стены ущелья или кальдеры, резко уходящие вверх. По-настоящему его заинтересовало то, что звезд, да и самого неба, майор не увидел, словно стены смыкались где-то очень высоко, как в фильме о полрой Земле.

— Я слышал тебя, — сказал человек у костров. Он говорил на беглом и правильном суахили, однако чувствовалось, что это не его родной язык. — Ты был очень осторожен. Подойди и сядь. Я знаю, тебе пришлось нелегко.

Маллесон ответил, стараясь говорить так же ровно и дружелюбно:

— Благодарю тебя, господин.

— Я не господин... — Человек у костра усмехнулся, блеснув крепкими неровными зубами, и майор вздрогнул. — Зови меня «друг»...

— Друг, — повторил Маллесон, — спасибо. Да, к тебе трудно идти.

— Ты мог не пройти вовсе, — человек покачал голо-

вой. — Тебе было больно? Тебе и сейчас больно? Ты падал? Ты едва не умер от асфиксии?

«Асфиксия», а не «удушье». Это слово он произнес по-английски.

— Ты говоришь по-английски... друг?

— Если тебе удобнее, то да. — Человек снова улыбнулся.

— Сэр, могу ли я узнать ваше имя? — уже по-английски спросил Маллесон.

— Мне жаль разочаровывать вас, — ответил человек, — но я отказался от него. Можете звать меня любым, какое вам подходит.

— О'кей. — Майору все меньше нравилась эта игра, но еще меньше он собирался отказываться от возможности узнать, почему он оказался тут и что здесь делает этот забавник... — Вы похожи на моего друга, профессора Нджайю.

— Лиомбе Нджайю? — спросил человек.

Маллесон почувствовал, что рот у него раскрылся, как в припадке астмы.

— Откуда в-в-вы...

Человек небрежно махнул рукой.

— «Эпиграфика кикуюю», «Черные цивилизации и XXII век», «Поиск и предсказание», протоколы Афро-Азиатского клуба, старший мальчик учится на нейрохирурга в Брюсселе и так далее... Славный малый. Зовите меня Лиомбе.

Меньше всего Маллесон был готов к этому. Засада спецназа аповцев, яма с голодными змеями, усмехающийся Посредник, выстрел в упор, наконец просто пустое место, но биобиблиографическая справка посреди потухшего вулкана...

Прокашлявшись, майор выговорил наконец:

— О'кей. Лиомбе. Я Айвэн.

— Я знаю, мистер Маллесон.

— Откуда? Вы нашли Дэвида? И вообще, кто вы та...

— Вы все равно не поверите, — перебил его Лиомбе, — поэтому давайте сэкономим дыхание...

Он легко и изящно, как йог, переменял позу. Теперь он сидел, подняв одно колено и опираясь ладонью о камень

площадки. Лицо его было видно очень плохо, потому что самый большой костер горел у него за спиной.

— К сожалению, ваш друг, капитан Хьювайлер, хотя и попал сюда не полностью мертвым, но мне удалось расспросить его лишь о немногом...

Маллесон опять ощутил головокружение.

— На сутки раньше, и я бы смог даже удержать его здесь. Но мои возможности пока ограничены...

— К сожалению, и нам капитан Хьювайлер успел сообщить очень немного... — Взяв себя в руки, майор попытался дожать ситуацию. — «...Элгона. Он остановил мою трансформацию и заморозил Посред... Остановка вр... Галлюцинация и... Посы...» Вы не могли бы прояснить этот текст?

— Охотно, — наклонил голову Лиомбе. — Но сначала один маленький вопрос, который, собственно, я вам уже задавал. По пути сюда вы испытали некоторые неудобства, так?

Маллесон поиграл желваками на щеках.

— Ценю вашу деликатность. «Некоторые». Едва не обделался, как новобранец под артобстрелом. Но почему вас это интересует?

— Это должно интересовать вас. — Лиомбе поднял палец. — Видите ли, особенности этого... м-мм... хода таковы, что ни Посредник, ни модифицированный ребенок, ни обработанный аповец сюда просто так не попадет. Это единственный путь, ни по воздуху, ни по склонам доступа нет, пока я его не открою. Вы прошли мучительный путь, едва не стоивший вам жизни. Но вы живы, и здесь, чему я искренне рад. Однако помните — вы здесь не случайно.

Маллесон иронически хохотнул.

— Речь не о вашей экспедиции. — Человек у костра опережал его на ход. — О вас, Айвэне Седрике Маллесоне, майоре Королевского экспедиционного корпуса в отставке, эксперте по антипартизанской войне, семь наград, кавалере креста святого Андрея, ныне видном функционере Движения, вдовце, дочь Идзуми Маллесон четырнадцать лет, иницирована европейской пульсацией М-поля в течение тридцати одного месяца, деактивирована и скончалась одиннадцатого октября две тысячи...

— Заткнитесь!

Как он оказался на ногах и выхватил пистолет, Маллесон не помнил. В луче подствольного фонаря лицо Лиомбе видно было теперь до последней морщинки.

— Кто ты такой? — просипел майор, едва удерживаясь, чтобы не выстрелить. — Кто? Что тебе здесь надо? Что за дешевый балаган?! Ты из аповской контрразведки?

— Нет, — спокойно ответил Лиомбе. — Не надо волноваться, мистер Маллесон. Своему человеку скажите, что стрелять в меня не стоит, и садитесь обратно.

— Садитесь?! Не раньше, чем ты скажешь, откуда ты все это знаешь! И говори живо, не то схватишь пулю!

«Но ты пулю схватил и в барханах лег...»

Лиомбе уселся в какое-то сложное подобие «лотоса» и вздохнул.

— Садитесь, майор. — Сказано было просто и обыденно, и все же задыхающийся Маллесон сделал три шага назад и уселся на осколок плиты. Пистолет майор держал в вытянутой руке, зная — что бы тот ни выкинул, с первого выстрела он успеет попасть Лиомбе в голову. — В это будет трудно поверить, но вы и не старайтесь. Примите как исходное. Мне известно все про каждого из людей Земли, не иницированных М-полем.

Минуты три Маллесон молчал. Потом севшим голосом выдавил:

— Вы... сумасшедший?

Лиомбе усмехнулся и покачал головой.

— Вы не поверили. И не постарались принять. Нет, я не сумасшедший. Я Узел.

— Я не знаю, что такое «Узел». — Пистолет был по-прежнему нацелен Лиомбе между глаз.

— Не знал и я. Но это долгий разговор, выпивающий силы. А у вас не так много времени. И сил.

— Что вы от меня хотите? — неприязненно поинтересовался Маллесон.

— Того же, чего и вы от меня. Знать.

— Не вижу, чем могу быть вам полезен.

— Вы знаете, почему не погибли в Долгомходе?

— А я должен был погибнуть?

— Да, — Лиомбе улыбнулся. — Как и любой Посредник или аповец, в которого всажена предпрограмма. Без моего ведома вы бы не выжили.

— Что?! — Маллесон подался вперед, не опуская пистолета. — Я?! Посредник?

— Еще нет. И в этом главное чудо.

Лиомбе сидел теперь прямо, глаза его глядели строго и требовательно. Левой рукой он мерно покачивал недлинный посох, на котором глухим странным бряцанием откликались грозди костяных колокольчиков.

— Никто или почти никто не может безнаказанно работать с техникой Арендаторов. Она втягивает пользователя в себя. Самим Арендаторам она, похоже, не нужна и выращена специально для контакта с людьми в особых случаях. Через семь суммарных часов работы с любой аппаратурой Арендаторов любой пользователь инициируется, как обычно, бесповоротно. Только во время одной бишкекской операции вы были в контакте с их устройствами около трех часов. За время акции в Кракове, работы в Кагосиме и Маймио, а также нынешней экспедиции вы провели в контакте больше одиннадцати часов и Посредником не стали. Однако ваши ощущения в Долгом Ходе доказывают, что какая-то часть программы Посредника все же наложилась на ваши структуры, и, может быть, именно поэтому вы до сих пор не инициированы — произошло нечто вроде вакцинации... Ваши научные группы ничего не понимают в своем деле. Вас надо исследовать и исследовать...

— А можно не исследуя? — огрызнулся Маллесон, начавший понемногу приходить в себя. — И, пожалуйста, побыстрее. Мне нужно успеть сказать моим людям, что до следующего сеанса связи я жив.

— Но вы, — продолжал, будто не слыша, Лиомбе, — специалист высокого класса, какими Движение практически не располагает. Поэтому разумнее, хотя и рискованнее, использовать вас по назначению.

— Уж не вы ли собираетесь меня использовать?

— Я, — просто сказал Лиомбе.

— А мое согласие вас не интересует? И вообще, я вас вижу первый раз в жизни. Кто может рекомендовать вас?

Ваш роскошный реквизит ничего не доказывает. Никогда ни от кого про вас не слышал!

— Вы и не могли. Я попал сюда точно так же, как и вы.

— То есть? — непонимающе сощурился Маллесон.

— Я точно так же пришел сюда, зная, что это место существует, и стал хозяином этого места. Но в отличие от вас я больше никогда отсюда не уйду. Так что слово «хозяин»...

Он оборвал себя и улыбнулся. Это была странная улыбка — еще более странная, чем оскал Посредников.

— Сюда приходили многие, — сказал он, — но...

Маллесон выжидал.

— Они пришли другим путем, — непонятно пояснил Узел. — Им не помогло то, что они знали дорогу.

— Что с Дэвидом? — перебил его майор. — Вы сказали, что он...

— ...прибыл сюда не полностью мертвым? Да. Его засек, выследил и перехватил аповский патруль. Мне пришлось влиться и привести их сюда.

Узел, не поднимаясь, отбил жезлом странную мелодию.

Маллесон ощутил порыв ветра — сперва нестерпимо горячего, затем ледяного, прошившего каждую клетку тела. Костры беззвучно стали сорокафутовыми столбами пламени, сменившего цвет от багрового до бледно-голубого, прозрачного и странно яркого, похожего на холодную плазму. Вершины спящих стволов расплывались трепещущими коронами, словно упирались в невидимый огнеупорный свод.

Почувствовав, что не выдержит, майор выдернул из кармана темные очки, но и сквозь них выжигало слезы.

Болезненно щурясь, он увидел в режущем свете покапывающие склоны. Похоже, это и был сам кратер, над которым, как и над Длинной Пещерой, поработали странные силы. Больше всего он походил на впадину, оставленную в плотной глине одним поворотом пальца бога. Поделенная на грубые, но ровные каменные ярусы, исполинская воронка уходила куда-то вверх, под невидимый свод. А на ярусах...

Сперва Маллесон принял это за огромные странные плоды, разложенные через аккуратные интервалы на кам-

не. словно разноцветные бутристые тыквы, они поблескивали неяркими голубыми отсветами. Когда майор различил в одном из бликов грубую рубчатую подошву, то вдруг увидел все сразу.

Их было несколько тысяч. Свернувшись, как переросшие эмбрионы, они были совершенно неподвижны и даже, кажется, не дышали. Тот же самый голубой огонь, только намного бледнее, окутывал каждого и медленно пульсировал, перекатываясь по всей поверхности «свертка». Насколько удавалось Маллесону разглядеть сквозь набегающие слезы, там были и люди в аповской форме, и Посредники, и какие-то штатские — белые, негры, азиаты, мужчины и женщины. Вообразить путь, которым они сюда попали, майор не мог. Своих мыслей на этот счет у него не было.

Он повернулся к Лиомбе-Узлу.

— Хорошенькая коллекция, — майор не узнал собственного голоса, — долго собирали?

Узел ответил, продолжая тихо выстукивать неуловимый ритм:

— Это меньшая из проблем. Чтобы успокоить ваше любопытство, скажу, что никто из них не пришел сюда по своей воле, как вы или я. Все они инициированы Арендаторами или находятся в начальной стадии Аренды. К сожалению, здесь нет никого из аккумуляторов, и я пока не знаю, можно ли притянуть их с Баз... слишком мощное поле...

Маллесон не верил ни ушам, ни глазам. Ему казалось, что вокруг развернута декорация какого-то фильма: причудливого, фантастического, но не имеющего ни малейшего отношения к нему и к тому, зачем он здесь.

— Дэвид тоже где-то здесь?

Ритм слегка поменялся. Голубое свечение забегало по поверхности «свертков» ощутимо быстрее.

— Нет, майор. Когда мне удалось вернуть капитана Хьювайлера, он воспользовался этим временем, чтобы отправить свое донесение, после чего прибор, которым он пользовался, взорвался, как небольшая, но мощная бомба... Могу предположить, что АП попыталась или перехватить передачу, или провести дистанционное сканирование ком-

пьютера капитана... А ваша организация соответствующим образом защитила свои приборы. Мне жаль капитана, он был образцовым исполнителем до последней секунды жизни...

Именно это помогло Маллесону окончательно прийти в себя. Вот, значит, какие у нас страховые полисы... Интересно, что должно было взорваться у него... Он вспомнил о Камау, стоящем за выступом арки с винтовкой, наведенной на них обоих, и впервые задумался, какие у того инструкции насчет него, майора... «Там есть место всем, кто жрал паек, паек, паек, паек королевы...»

— Хорошо, — сказал он, — чего вы хотите от меня? Чтобы я присоединился к этим вашим... консервам?

Лиомбе-Узел рассмеялся — нормальный, искренний человеческий смех. Но теперь майор видел, или ему казалось, что в нем ровно столько от человека, чтобы не отпугнуть других людей. И все же... Темный колдун в побрякушках, говорящий языком лондонского университетского профессора или начальника отдела Эм-Ай-шесть.

— Ничуть, — ответил он. — Они приходят сюда сами. Рано или поздно мой сигнал доходит до них, так же, как он дошел до вас, и они начинают воображать себя хищниками, услышавшими бляение ягненка.

Маллесон вздрогнул. Именно этими словами он думал о своей задаче всего несколько часов назад. Ерунда. Чума банальных метафоров.

— Но, как сказала дивная леди Агата, — улыбаясь, продолжал Лиомбе-Узел, — «время тигров прошло». Наступило время зоопарков. Клетка, в которую они попадают, останавливает все процессы, консервируя субъект полностью. Они все одновременно мертвы и живы. В любой момент энергококон может быть редуцирован или убран полностью.

— И что тогда? — спросил майор, нащупывая рацию. Он едва не забыл дать сигнал Питеру.

— Это зависит от некоторых вещей. — Лиомбе-Узел поменял позу, но потряхивать жезлом не перестал: теперь это был мерный сдвоенный ритм спокойного глуховатого звука. — В первую очередь от вашего согласия...

— Согласия? На что? — Маллесон отстегнул рацию и показал ее хозяину. — Мне нужно дать отбой моим людям.

— Ценю вашу вежливость. Вы могли попытаться сделать это скрытно...

Воздержавшись от реплики, майор включил питание, набрал частоту и трижды с разными паузами нажал тангенту передачи, не включая микрофон. Все. Питер будет ждать его следующего сеанса до завтрашнего полудня.

— Так на что я должен был согласиться? — поинтересовался Маллесон, пряча рацию.

— На то, чтобы они ожили, — с улыбкой отвечал Лиомбе-Узел. Сомнение, проступившее на лице Маллесона, заставило его продолжить: — Они и сейчас живы. Но они и мертвы. Я вам уже говорил. Кто они? Правильно, биороботы, манипуляторы большой невидимой машины, созданной или создавшей себя с пока неведомой целью, остановленные и законсервированные Узлом...

— Почему вы это знаете? — зло спросил майор. — Почему я должен вам верить?!

— Потому что я Узел. Потому что вы преодолели несколько тысяч миль, не очень четко представляя, зачем сюда тащитесь. Не из-за бедного же Дэвида, в самом деле.

Великолепное презрение, прозвучавшее в этом густом, спокойном голосе, едва не согнуло палец Маллесона на спусковом крючке.

— Даже Узел, великий и ужасный, может ошибаться, — сказал он, переведа дыхание. — Именно из-за дурака Дэвида, послушного исполнителя, образцового мужа и отца, прекрасно, кстати, знавшего, что может не вернуться. А он потащился в ваши поганые камни из-за надежды, которой у людей почти не осталось. Понял, ты, шаман?! Какая разница между тобой и Посредниками, а? Они тоже однажды были людьми, и не их вина, что они всосаны этой мерзостью. А вот кем стал ты, мне пока еще никак не ясно.

Лиомбе-Узел вздохнул.

— Не думал, что вы настолько чувствительны. Хорошо. Упокой ваш христианский господь душу раба своего Дэвида. С остальными обязанностями он, видимо, справляется все хуже.

Маллесон опять длинно выдохнул.

— Кокон, которые вы видите, могут вернуться в прежнее состояние. Практически все они пытались исполнить требования программы, которые Аренда или нормальное человеческое стремление подчиниться работодателю наложили на них — выследить аномалию, то есть Узел, и уничтожить его. — Лиомбе весело прищелкнул пальцами, не останавливая музыки жезла. — Узел защищен многими способами защиты, и один из них в том, что меня могут найти только по моему желанию. Еще один в том, что сапиенсов, у которых выключена человеческая составляющая, Узел может заставить оказаться там, где ему нужно, как гамельнский крысолов...

— Это и есть мой случай? — с нехорошим любопытством поинтересовался майор. Но Лиомбе очень серьезно покачал головой.

— Вы просто не пришли бы сюда таким, какой вы есть. Сразу оказались бы там, — он показал на каменные ярусы. — И у тех, кто контролировал бы ваше передвижение, было бы полное и достоверное ощущение того, что вы погибли в сотне с лишним миль к югу, где начинаются огромные болота и дикая саванна, изобилующая хищниками. Или на речных порогах. Или под мощным обвалом... Континент богат местами, где можно бесследно исчезнуть, и племенами, которые с удовольствием в этом помогут. Нет, вы не из тех...

Он замолчал. Потом сухо сказал:

— Ваш человек очень хочет меня убить. Если вы им дорожите так же, как вашим Дэвидом, прикажите ему этого не делать — он будет уничтожен системами защиты Узла...

Маллесон, мгновенно вспотев, резко опустил левую руку и раздвинул пальцы, сжатые по два — безымянный с мизинцем, указательный со средним. Затем повторил знак. Он ничего не слышал и не видел, но Узел одобрительно хмыкнул.

— Вот так-то лучше. Поверьте, я хочу вам только добра.

Он снова сменил асану, не меняя ритма ударов жезлом, которые уже начали отдаваться в ушах майора.

— Итак, мы говорили о биороботах... Как лучше всего снять программу с диска?

— Стереть ее.

— А если программа определяет всю работу компьютера и серьезно защищена?

— Вырезать программу, написать новую и установить. Отформатировать диск и переустановить ОС. Или заменить его на новый. Или, в конце концов, сунуть компьютер под танк, если вы не очень им дорожите. Но это все касается физических компьютеров. С биологическими это сложнее...

Лиомбе совершенно по-человечески закивал:

— Именно! Кстати, есть еще один способ, о котором вы не сказали.

— Я? Ах, да... — Маллесон поморщился. — Наверняка вы о вирусе. Но это непоправимо покалечит всю машину. И кроме того, для био...

— Именно! Однако мне понятен ваш скепсис — долго, дорого, требует кучи оборудования и сверхвысокой квалификации нейропрограммистов. Здесь, — он обвел рукой кальдеру, — есть иные возможности. Для них вы мне и нужны.

— Простите мой скепсис... — Майор удивился сам себе: после всех нынешних переделок он еще способен говорить таким языком. — Но вы правы: у меня слишком мало времени и сил, чтобы участвовать в сомнительных ритуалах. Не верю в магию и никогда не имел подтверждений ее возможностей, кроме голливудских триллеров. Согласитесь, что...

Лиомбе поднял руку, и майор осекся. Голубые столбы пылали тем же мучительным светом, но лицо шамана будто налилось тьмой. Очень тихо он ответил:

— Человек, первым нашедший и запустивший Узел, уже не существует. Да, он был колдуном своего племени, у него были поразительные природные способности и ничего больше. Он впелся в Узел, но вряд ли смог бы говорить с вами на английском. Узел — это не Я. Узел — это... Если вам так будет легче, могу сказать, что у меня два университетских диплома и несколько степеней, но интеллектуаль-

ный уровень у нас был примерно одинаков. За эти века Узел впледел в себя несколько десятков человек, без которых он не ожил бы. Почему-то Узел выбрал облик того, первого, и мое сознание. Но мы здесь все...

Он умолк, затем снова заговорил:

— Магия тут ни при чем. Это столкновение двух и более сил, которые можно понять, только влившись в них. Вы от природы, в силу некоторых обстоятельств и событий вашей жизни, более склонны предпочитать ту, которую представляет собой Узел. То, что вы зовете «Арендой», не оставляет людям выбора — оно либо безжалостно обламывает под себя любого из вас, либо заставляет одних продавать других на этом рынке рабов. Через некоторое время на этой планете, может, не останется никого, кто не будет втянут этой силой...

— Но если я правильно понял, — хмуро перебил его Маллесон, — то и Узел, и Аренда... ну... одинаково втягивают в себя людей?

— Нет, — чуть резче, чем следовало, ответил Лиомбе, — в Узел влетают те, и только те, у кого не будет другой судьбы, — люди Узла. Такие, как вы, бывший я, множество других, сошедшихся в нем за последние шесть сот лет. Вам мерещится дракон, пожирающий всех. Но это скорее дерево, сливающее в себе землю, воду, воздух, приносящее плоды и становящееся пищей для огня и опорой для постройки. А листья дерева — для исцеления народов...

Майор крепко потер висок, всегда мучительно и долго болевший после работы с маской, и устало сказал:

— Хорошо. Допустим, я вам верю. Что вы там начали про очистку диска и программы?

— «Я начал, я и кончу»... — Цитата Маллесону не понравилась, но он промолчал. — Программу, несущую зло, нужно стереть любой ценой, даже вместе с диском. Или со всем содержанием диска, чтобы заменить его на новое. Так?

— Допустим.

Лиомбе поднял жезл и обвел им ряды неподвижных свертков, словно пересчитывая их.

— Каждый из них заражен вирусом, который так или

иначе погубит их жесткий диск. То, что от них остается, и вы это знаете лучше многих...

Майор стиснул зубы.

— ...не будет годиться даже в пациенты клиники для психохроников. Наложение надо стереть. А так как оно уже необратимо проникло во все структуры мозга...

— ...то остается стереть содержание мозга? — бледнея, договорил Маллесон, подавшись вперед, словно для прыжка. — То есть убить?

На этот раз Лиомбе-Узел улыбнулся особенно тепло и словно погладил Маллесона протянутой к нему рукой.

— Да, — просто сказал он, — но не навсегда.

— Не понимаю. — Маллесона затошнило от боли во всем — в виске, глазах, свежих порезах, старых рубцах. — Скажите, наконец, прямо, черт возьми!.. Почему вы строите из себя непонятно что?

— Физиологи, — объяснил Узел так спокойно и менторски, словно они обсуждали этот вопрос на кафедре где-нибудь в университете Уэстминстер или Санкт-Петербурге, — полагают, что мозг безвозвратно погибает, если клетки его остаются без кислорода в течение шести-восьми минут. Узел располагает способностями, благодаря которым лишаемый кислорода или притока свежей крови мозг, помещенный в генерируемое Узлом поле, теряет всю информацию, записанную в энергетическом коде на нейронно-аксонной основе, всю, кроме базовых инстинктов. Узел имеет все основания полагать, что полученный таким образом человеческий материал, выдержанный в данном состоянии строго определенное время, утратит наложенную программу Аренды и получит взамен то, чем оказались облагодетельствованы вы, — иммунитет к имплантации и обработке под аккумулятор и Посредника. Потери клеток мозга будут незначительны. Способность к обучению сохранится полностью или почти полностью. Практически все навыки — двигательные, речевые, ориентировочные, социальные — будут восстановлены. Хотя скорее всего только в ходе переобучения и конструкции новой личности...

Все это Маллесон слышал будто сквозь гул водопада. Силы понемногу оставляли его, ноги подгибались, голова

плыла, будто в надвигающейся дремоте, и нарастала та же боль в крупных мышцах и нервных стволах, что едва не прикончила его в Долгомходе. Но майор не отпускал себя. Надо было дотянуть до мига, когда станет ясно, можно ли жить дальше или надо подать Камау сигнал — только на этот раз правой рукой.

— Зачем вам нужен я? — Он и себя-то слышал, как радиопередачу на уходящей волне. — Нейропрограммирования я почти не знаю, оборудования у вас нет, моих помощников вы сюда не пустите, они, так сказать, не отмечены... Зачем?

— Нам не нужны ни оборудование, ни помощники, — любезно заверил его Лиомбе, снова просветлевший лицом. — Узел может все, о чем вы только что услышали, без компьютеров, лазеров и электродов в мозгу. Просто м-мм... обработанный объект должен оказаться тут, — он показал жезлом вниз, на черный камень, — в контакте с Узлом...

— И что, моя задача — подтаскивать трупы? — Маллесон старался быть язвительным — это помогало. — А сами вы этого не можете?..

Закинув длиннокошую голову назад, Лиомбе расхохотался.

— Айвэн, вы очаровательны!.. Вы решили, что я живой человек?

Маллесон онемел. Как ни странно, в этом он не сомневался. Вот это да...

— Ну, не корите себя, — отсмеявшись, посоветовал Лиомбе. — Появись вы завтра или вчера, вы бы увидели совершенно иную проекцию. Узел оставляет мне ровно столько самостоятельности, сколько нужно для достоверной коммуникации. Человеку легче говорить с человеком, но если бы Узел почувствовал, что вам удобнее общаться с компьютером, здесь бы стоял рабочий столик с «Хьюлетт-Паккардом» последней модели...

— Вы не ответили на мой вопрос, — Маллесон уже научился быстро освобождаться от сюрпризов этого дивного местечка, — что мне делать?

— Вам? Неужели вы не поняли? — Узел насмешливо

покачал головой. — Выбрать способ наиболее удобного выключения объекта после снятия иммобилизации, размещения его в поле воздействия Узла и извлечения после окончания обработки. Опасность еще в том, что после снятия кокона программа активизируется взрывообразно и обычный человек может быть инициирован сразу. А вы застрахованы, и Узел наложит на вас оболочку, дающую дополнительную защиту. В пище они нуждаются поначалу не будут, а вот поить их придется. Там, в расщелине, есть ключ и маленький бассейн... Затем я помогу вам связаться со своими и вызвать транспорт, которым вы сможете забрать отсюда часть... назовем их «неуязвимыми»... часть «неуязвимых», которые станут вашими надежными сотрудниками, кондиционируемыми для самой ответственной работы. Дальнейшее мы спланируем по завершении воздействия.

Майор через силу встал и подошел к самой границе черного полукруга. Что-то подсказывало ему, что дальше лучше не двигаться.

— Прекрасно, — задумчиво сказал он своим ободраным десантным ботинкам. — Просто мило. Значит, мне доверено собственными руками, но как можно нежнее придушить несколько тысяч человек...

— Айвэн, — укоризненно заметил Узел, — они уже давно не люди.

— ...придушить несколько тысяч человек, подтащить их тебе, а ты будешь делать из них верных и преданных зомби. Потом я во главе этой армии возвращаюсь в лоно цивилизации и начинаю их руками крошить на собачий корм плохих зомби... Потом мы тут налаживаем поточное производство хороших зомби, устанавливаем охрану, средства ПВО и ПСО, чтобы не достали из космоса, и загоняем Арендаторов куда-нибудь в кратер древнего вулкана или карстовую полость... Потом лет через шестьсот приходит какой-нибудь майор, у которого хорошие зомби придушили близких или любимую собачку или просто отбили охоту к пиву для его же блага, и Арендаторы рассказывают ему, как с ними справиться...

— Мистер Маллесон, вы ставите ситуацию с ног на го-

лову, — мягко упрекнул Лиомбе-Узел. — Не надо ничего домысливать. Давайте для начала решим эту проблему. Заверю вас, все просчитывается по моему сценарию. А не по вашему, хотя он тоже впечатляет. Но его аппроксимация завершается гораздо быстрее и совершенно безрезультатно — я имею в виду позитивные результаты для человечества. У вас есть другая перспектива? Вы достоверно просчитали другой выход? Да, Узел предлагает вам не самую аппетитную работу в этом процессе. Да, вам придется убивать тех, кто даже не знает, что их убивают. Но вы же профессионал и знаете, что есть ситуации, когда причинение смерти необходимо. Полной! Окончательной! Необратимой! И вы обучены причинять ее, и не только одному человеку, но и целым массам! Вы точно так же сочиняли сказки, когда наводили боевые вертолеты на укрепления повстанцев под Нишапуром?

Маллесон почувствовал, что в лицо ему бросилась кровь. Железная, неумолимая логика, со всеми аргументами, и «ад хоминем» и «ад рем», превращала его доводы в глупое кокетство, дешевое вихляние. Он был готов сдать, согласиться, уступить, но... И все же что-то здесь было не так, просто он не мог пока отыскать это «что-то».

Растирая багровеющие скулы и саднящие глаза, майор наконец опустил руку и взглянул прямо в глаза улыбающемуся призраку, чтобы сказать: «Хорошо. Начнем...», но вместо этого вдруг спросил:

— А дети?

— Здесь нет детей, — ответил Узел. — Среди коконов нет ни одного, чей биологический возраст ниже двадцати двух лет, и они...

— Нет, дети, которые там, на континенте, на Базах, — перебил его майор. — Все ведь завязалось именно из-за них, вы должны знать!

— А, вот вы о чем... — Узел заговорил тем же тоном, что и о Дэвиде. — Мы не сможем применить ту же технику к ним. Их мозг уже глубоко поврежден. Очень часто они страдают и целым набором сопутствующих заболеваний и хромосомных дефектов, которые делают их совер-

шенно непригодными для наших целей. Я знаю, что Арендаторы активно используют именно их и даже временно круто поднимают им уровень здоровой ментальности, хотя, боюсь, вам будет трудно понять, зачем и как, пока вы сами не вплелись в Узел... В любом случае они пока не наша проблема.

— Но ведь самое омерзительное в нашей ситуации и есть то, — упрямо набычился Маллесон, — что вроде бы нормальные и нравственные люди вовлекаются в работоговлю, предательство! Их приучают создавать себе комфорт за счет тех, кого непременно израсходуют и выкинут, как мусор! Их приучают пользоваться беззащитными людьми, как материалом! Это ваш Узел понимает? Мы научились уходить от «накатов», и все меньше наших становится Посредниками. Но детей спасти мы не научились!

Лиомбе усмехнулся, на этот раз холодно и коротко.

— Могу заверить вас, что среднее время инициации нового Посредника при смерти прежнего сократилось примерно в полтора раза. Эллипс захвата, наоборот, увеличился в три раза. Арендаторы не люди, они вообще не биологические существа, но они наделены обратной связью и прекрасно, хотя и замедленно, чувствуют изменения в Сиянии и реагируют на них. Вы можете переживать из-за несчастных дебилов и трисомиков, но скоро людей просто не останется вообще. Никаких. Арендаторам они нужны лишь на некоем этапе как поставщики материала, как элементы их схем. Может быть, выживут единицы, обреченные на существование крыс. И не говорите «ваш Узел». Я и есть Узел. Других нет.

Он смолк, посидел так несколько мгновений и снова застучал посохом по черному камню. Потом очень тихо сказал:

— Майор, у вас есть время, пока вы тут, но за пределами кратера его гораздо меньше...

Поднеся руки к глазам, Айвэн словно бы увидел их впервые. Загорелые до цвета хлебной корки, длинные сильные пальцы с обломанными ногтями; шрам на правой кисти,

сейчас уже почти неразличимый, от бритвенно острого кукри. «И туземка подходит, нацелив клинок...»

Одиннадцать лет назад он мечтал стать каллиграфом, даже провел год с лишним в Нагоя при мастерской Кадзу-маса Девятого, но тут и началась Аренда. Связи с Англией у него давно прервались, однако исчезновение славного мальчишки, короля Уильяма, ставшего первым Посредником среди европейских политических фигур, что-то с ним сделало. Потом оказалось, что надо спасать Идзуми.

Им с Эцуко мерещилось, что они спасают ее, увозя в Центральную Азию, но через несколько лет в Бишкеке началось то же самое. Мату-Гросу похож был на место, где в джунглях можно было устроить дом вдалеке от всего на свете: бросив все, они рванулись туда, и на пересадке в Амстердаме случилось то, от чего они бежали. Эцуко, убедившись, что надежды никакой, не стала перерезать горло или бросаться со скалы по заветам предков. Она просто вколола себе в вену полный шприц воздуха. После этого Маллесон уже никогда больше не притрагивался к кистям и бумаге.

Медленно сжав пальцы в кулаки, майор взглянул на Лиомбе.

— Мне надо... — силно сказал он. — Мне надо подумать...

11

Задницу саднило. Нет, даже не саднило — так чувствует себя оступившийся нестинар, севший на уголья. Океанская вода, попадавшая в лопнувшие фурункулы и ссадины, жгла крепче серной кислоты.

Можно было бы надеть гидрокостюм, но подкладка раздерет все, что уже зажило... Хвост пролез, нос увяз. Нет, уж лучше пусть подсыхает так.

Плот медленно переваливался по невысокой волне. Господи, подумать только! Ведь когда-то страшно было даже в самолете летать! Со стюардессами и телевизором! А сейчас — ни телевизора, ни стюардесс, и уж особо отказано в прохладительных напитках...

Какой все же умница был Гор. Морская инспекция хмыкала и крутила головами: на восьмисполовинойметровой яхте восьмиместный спасательный плот! Не пробовали они посидеть вдвоем даже в шестиместном. А уж троим — это вообще полная смерть. Друг у друга на головах. В шторм друг друга мослами бы угробили. Нет, спасибо.

Спасибо Игорю. Он уже, наверно, доплыл до дна, и скоро его косточки растворятся в воде совсем. Первое время на рыбу смотреть не хотелось; чудилось, что каждая его глодала... Кстати, о рыбе. Ну-ка пощупаем... Ага, прекрасно вялятся. Пара хороших дорад, нарезанных ломтиками, на низанных на нейлоновый шнур, на солнышке, на ветерке, очень весьма. Сасими, как ни странно, даже из только что пойманной рыбы оказалось невкусным. А вот чуть подвяленная... Честно говоря, не понимаю, почему я все равно радуюсь этим пустякам.

Аварийный запас продуктов, так удачно вытасченный из кубрика, рассчитывался месяца на два. Калории-малории, пусть и лежит пока. Есть ружье с надежной стрелой, есть сетка для планктона, вот и поживем... Чисто для удовольствия припоминаю, что там есть. Пятикилограммовая банка ветчины, двухкилограммовая банка ореховой смеси — арахис, фундук, лещина, миндаль, кешью, нежнейшая макарония и грецкие, все, к сожалению, присыпанное солью... килограмм кураги с изюмом в запечатанном пластиковом пакете... семь кило крекеров... банка американских мультивитаминов... банка пеммикана... Нормальному кораблекрушенцу этого хватило бы... ну я не знаю на сколько.

А блаженнее всего нейлоновый бурдюк на пятьдесят литров со специальным клапаном... Но это опять-таки пускай лежит... Три флотских опреснителя за бортом, при удаче до двух литров воды в день. Маловато, конечно. Однако ведь выпаривается и больше, скажем честно. Хотя бывает и меньше. И один вот-вот скончается. Ну ничего, еще пара в запасе. Чем не счастье? Чем не радость? Робинзон Крузо спятил бы от ликования. Второй раз, и окончательно, он спятил бы, глядя на то, как я швыряю на всю эту грудю сокровищ открытую канистру с бензином, а на нее факел. В воображении. Кишка тонка в реале-то...

«Белку» разломил кит. Или кашалот. Или кто-то еще.

Ночь была тишайшая, мягкий ночной бриз, все созвездия невероятно ясные, «видно, хочь голки сберай», как сладко выпевал Вася Млынарь в нашем последнем клубном симпозионе — этим дивным словом еще с университетских лет мы именовали дружеские попойки. Вахта была Гора, кораблик полз на авторулевым, и вахтенный, он же капитан, спустился в камбуз зарядить опустевший термос чаем. Кофе он терпеть не мог и с отвращением смотрел, как я по утрам с закрытыми глазами готовлю в джезве мокко и наливаюсь им. От кофе на Гора нападала могучая изжога, его единственная телесная слабость. Мне слышно было сквозь дремоту, как он сварливо бормочет себе под нос: «Отпусти нас в Апеннины, где священный Рим, под напевы пианины мы его узрим...» Непохоже, что это из его любимого Шекспира, которого он, как Эдисон, знал наизусть на двух языках. Потом Гор поднялся на палубу, и больше мы не виделись — по крайней мере в этой жизни.

Удар был такой, что меня при моем тогда немаленьком весе швырнуло о противоположный борт, а от него на пол Свет гаснет. Затем, словно из гидропушки, хлестнул вал. Откуда — с носа, с кормы, — разбирать было некогда — все вокруг поворачивалось вверх ногами, и отовсюду била вода... По пояс она была почти сразу и мгновенно поднялась по грудь. Выдернув нож, на голом рефлексе ныряю и вслепую полосую линь, крепящий мешки с аварийным запасом. Сердце грохочет, словно компрессор, воздух в легких от бешеной работы кончается почти сразу, приходится удерживать себя в воде, потому что тело рвется глотнуть кислороду, а времени тью-тью. Вокруг бурлящий хаос и полная тьма. Линь лопаается наконец, мешки сдвигаются, и я, что есть силы оттолкнувшись, бью ногами в люк и вылетаю на палубу.

Кораблик наш стремительно уходил в воду носом. Гора на палубе не было. По левому борту торчали какие-то обломки, но разбираться было некогда. Плот принайтовлен к кормовым креплениям, и я начинаю полосовать их. Потом надо сбросить чудовищно тяжелый контейнер на воду: срабатывает автоматика, и он надуетя. Упираюсь опять же нога-

ми, а палуба поддает мне так, словно мы деремся на татами. Нет, не выходит, слишком тяжело, и я во вдохновении отчаяния проползаю под тент и рву что есть сил оранжевый шнур. Есть! Басовый свист, треск оставшихся вязок, и плот разворачивается огромным черным тором.

Мощная волна прокатывается через перекошенную палубу, закачивает в меня ведро горько-соленой дряни, но одновременно смывает на воду плот. Слава богу, швартов уцелел, и плот не относит; толкнув нож в ножны, я подтягиваю его и переваливаюсь на мокрую резину.

Отсеки плавучести не дают кораблю затонуть сразу. Ветер, как назло, усилился, волна до пяти баллов, и яхта кренится все неотвратимей. Двадцатиметровый линь все еще связывает нас, и плот изрядно отдрейфовывает под ветер. Осталось явно совсем немного, и я, улучив миг, когда один вал прошел, а другой еще не накатил, бросаюсь в воду и плыву своим лучшим кролем к «Белке».

Вода в кормовой каютке ровна и тиха. Нырять и начинать со всей возможной осторожностью доставать бурдюк с аварийным водозапасом. В ушах, словно в рассказе Лавкрафта, гремит музыка, и меня начинает разбирать истерический смех, когда я понимаю, что невесть почему, скорее всего от удара, включился водонепроницаемый плеер, крутящий по умолчанию последнюю запись — нежное и грустное «Погребение» из «Альзо шпрахт Заратуштра»... Спина трещит, но я выволакиваю бурдюк и второй мешок на залитую палубу, подтягиваю плот и сваливаю в него бурдюк, второй аварийный мешок и еще что-то, подвернувшееся под руку.

Отдышавшись, ныряю к форпику и барахтаюсь, выволакивая гидрокостюм.

Волны свирепеют, меня тошнит от соли и раздутого водой желудка, я задергиваю тент и продеваю трясущими руками конец линя через петлю гика-шкота, потом затагиваю его на плот, вяжу его к лееру, охватывающему плот по периметру, а вторым концом делаю виток на том же леере. Если «Белка» начнет тонуть, я просто отпущу ходовой конец...

«Белка» — не просто лесная зверюшка. Так в нашей когда-то развеселой яхт-компании звали жену Гора, рыжую красавицу, мягкую насмешницу и чудную поэтессу.

Белку накрыло почему-то самой первой. И почему-то она сопротивлялась так долго, как никто на моей памяти; четверо суток она пыталась остаться с нами, а мы держали ее, буквально держали, сидели и держали за руки, трясясь от ужаса, что может затянуть и нас, но ее лицо было страшнее всего, что мне приходилось видеть в жизни: на нее накатывало — и отпускало, и опять накатывало, дикие скачки лицевых мышц, белые глаза, изорванные губы, кровь, ползущая по подбородку...

Мы чувствовали себя колдунами дикого племени, пытающимися спасти прокаженного эпилептика. Ей кололи дикие дозы наркотиков, на пределе допустимого, но на нее не действовал даже героин. А потом она с невероятной силой раздернула кольцо, встала с этой их паскудной улыбочкой и пошла... Гор ушел за нею и не возвращался два месяца. Потом он пришел и никогда ни о чем никому не рассказывал — ни загадочнейшему Ваське Млынару, ни всехнему советнику Мише Давыдову, ни утешительнице Ленке Терзиян. Вел он себя так, будто нигде и ничего, но по ряду мельчайших деталей мы, особенно я, догадывались: что-то делает. Через время он связался с Движением и потопил два апловских катера. Но потом ушел и оттуда. А теперь отовсюду сразу.

Кстати, их уже тоже не осталось. Никого, кроме него и меня. Они тоже собрались уйти насовсем в море, когда наконец поняли, что происходит, но не успели.

Все это крутится в моей голове, а руки-ноги-задница продолжали делать свое совершенно автоматически, и это было хорошо, потому что Гора нигде не было видно, а отчаяние меня доконало бы, оно все равно вгрызлось потом и долго не отпускало, но сейчас отсиджилось в засаде и не мешало выживать. Правда, не знаю зачем.

Фал натянулся, рванулся раз и другой и снова натянулся, визжа о резину, и стало понятно, что «Белка» тонет. Омертвевшими пальцами раздергиваю узел и успеваю уви-

деть, как мигает сигнальная лампочка на клотике. Руль мотается на транце, грохая о корму, но потом захлестывает и его, и это последнее, что остается в памяти.

Океан лупил меня, через шнуровку тента брызгала вода, от запахов резины, пластика и талька начинало тошнить и стошнило. Двое суток оставалось только сидеть в гидрокостюме, промывать горло, саднящее от соли, желчи и желудочного сока, а вокруг плескалась равномерная смесь соленой воды, блевотины и нектати приключившегося поноса. Вверх-вниз, вверх-вниз, вглубь-наружу, как в акте плотской любви, но с избытком несвойственных ему жидкостей...

Тогда-то и хлынули слезы. И начался вой. По всему сразу, а прежде всего по Игорю Пескову. Его невозможно было одолеть, он рвался и рвался наружу, до хрипа, до утраты голоса и еле слышного сипения. Не помню, сколько это длилось, но кончилось только вместе с тяжким и долгим обмороком. После него наступило темное, мерзкое, благодетельное оупение.

Ящик выплыл к плоту на третий или четвертый день. Штиль с почти незаметной зыбью, солнце палило как огнем, камеры и тент раскалялись до ожогов. Мне уже попадались ошметки нашего движимого — коробка из-под яиц, пластиковый пакет с гречкой, видеокассеты, покетбук, мяч и диванная подушка... Ящик плавал дольше.

Герметически закрывавшийся, он выдержал шторм. Внутри лежали кроме прочего запасные батареи к ПСП, прибору спутникового позиционирования, и сам прибор со встроенной лощией мира. Лощия — это особенно радостно. Не нужно никаких навигационных инструментов, секстантов и хронометров. На дисплее все трассы активного судорождения обозначены красным, районы военного патрулирования синим, есть все течения со скоростью и глубинами, есть господствующие ветры. Есть даже информация о живности, видах планктона и борьбе с акулами... Теперь было понятно, куда и как уходить. Ясно было, что против мощных течений, сносивших меня к суше, было не выгрести, и

плотом можно было управлять лишь отчасти. Но надо сделать все, что можно. Как жаль, что не хватило времени выдернуть из кормового рундука мини-мотор с водометом и пару канистр с горючим...

Продукты я не трогаю. Пока обхожусь рыбой. Может, просто выбросить все, в том числе снасти и ружье? Голода не чувствую, да и жажды почти нет. Лежу, глядя в небо, и не думаю ни о чем, в памяти время от времени всплывают странные слова и звуки, и каждый раз я подсакиваю от ужаса, потому что никто не знает, как *это* начинается. Но бред почему-то не приходит, и проклятая трусость заставляет впиваться зубами в жирные куски вяленой дорады, а потом долгими глотками тянуть солоноватую воду... «Thus conscience does make cowards of us all...»

Самое странное в моем положении то, что мне незачем возвращаться на сушу.

На седьмые сутки задул ветер. По лощи такого потока здесь не должно быть, но давление все падало, и следовало ожидать хорошего шторма, и как раз такого, который отнесет меня подальше... Надо было только вытерпеть эту бесконечную пляску и зверские удары, а потом... Может быть, я наконец решусь...

Однако ветер был ровный и не разгонял хорошую волну — так, противная тряская зыбь, и все. Оглядываюсь в тоске, но ничего не начинается: пена с гребней все летит, как тысячи плевков, все на плоту намокает, включая меня, и ничего не происходит...

«Мemento мори» на самом деле переводится «Не забудь умереть».

Странный звук, вроде хрюканья. Смотрю назад, и что-то крупное мелькает в бурлящей у борта воде. Акула?! Хватаю ружье, но тут же, опомнившись, откладываю. Голодная, крупная и настойчивая акула метров на шесть эффективно решила бы мои проблемы...

Мощный удар в днище подбрасывает меня и едва не отправляет за борт. Вцепившись в леер, перевожу дух. Надо же, сколько еще во мне адреналина... Сердце колотится

обо все ребра сразу. Дорады в шторм уходят на глубину. Что же это?

Ответ возникает через несколько секунд. Радостными сине-серыми молниями, прочертив капельные следы, взлетают гладкие мощные тела! Без плеска вонзаются в волны, несутся под водой и снова вылетают, как... как дельфины...

Двадцать минут я смотрю, как они играют. Все свои трюки, словно в сан-францисском Оушен Сити, они показывают раз по сто, и так, чтобы мне было хорошо видно, не забывая время от времени поддавать мне под днище. Но я уже не шарахаюсь, как тогда, и смотрю на них. Лобастые, блестящие, хитрые, крупные веселые глаза. Моя зависть мелка и беспомощна. Почему им ничего не страшно? Почему Аренда не тронула зверей? Почему? Почему за все должны платить мы? И за что мы, собственно, платим?.. Да еще нашими несчастными детьми?..

Но додумать эти неотвязные мысли мне и сейчас не дают.

Мгновенно и четко, как в отработанном аттракционе, стая из одиннадцати крупных животных выстраивается в каре и поворачивает в мою сторону. Синхронный нырок, и они уже под плотом. Дружная «горка», и под плотом остаются четверо, а я с тупым удивлением ощущаю, что они волокут мой гигантский резиновый бублик на приличной скорости. От рывка я валюсь на пол и здорово стучаюсь головой о банку с ветчиной...

Когда я прихожу в себя, плот все так же летит по волнам. Семеро дельфинов мчатся рядом, выпрыгивая из волн, а упряжка четверней волочит меня. Перевалившись, кое-как встаю на колени и со стонами начинаю рыться в барахле. Разумеется, ПСП находится именно тогда, когда складывается твердая уверенность, что он вылетел в воду и сейчас на полпути к целагическому илу.

При взгляде на дисплей тупое удивление сменяется острым ужасом. Желтый квадратик, обозначающий меня, растягивается цепочкой таких же, и они явно и недвусмысленно смещаются на север, к островам Карибского моря, и мощное, хотя и небыстрое, Северное экваториальное течение помогает им... Лихорадочно набираю подсчет скорос-

ти, и у меня начинают снова трястись руки. До сорока морских миль в сутки.

Скорость плота резко снижается, и я опять не удерживаюсь на ногах. Дельфины из-под днища резко уходят вперед и красиво расходятся в стороны, а на их место стремительно скользят другие, и плот опять набирает скорость. На спинных плавниках, распарывающих бегущие волны, успеваю заметить четкие белые ромбы. Так и есть.

Как можно было позабыть, что на вершине тента закреплена радиомаяк!!! Автоматически включаясь при спуске на воду, он посылает сигналы, пока не сядет батарея... А меня еще мучили страхи, не засекут ли ПСП при включении...

Не помню, когда американцы выпустили в свои воды этих несчастных животных. Еще до Аренды им всадили в мозг какую-то дрянь, которая помогает засекают даже слабые сигналы маяков на спасжилетах, даже всплески пловца. Поначалу они искали русские подлодки новейшего образца, не засекавшиеся никакими приборами. Потом их поставили на службу в «Коуст Гард». Они все делают правильно, как натренированы. Они тренируют и свою мольдь. Они спасут меня и доставят на сушу. Они могут даже ловить для меня рыбу. Правда, готовить ее они не могут. Одичали. Жаль, Яго, страшно жаль.

На Гаити, говорил Игорь, в Порт-о-Пренсе расположена одна из крупнейших Баз, накрывающая Северную и Южную Америку. Это очень хорошая База. Говорят, ее патрулирует целый флот катеров и гидросамолетов. Говорят, на ней Посредники и аккумуляторы живут почти втрое дольше. Говорят, она очень красивая и комфортабельная, не чета африканским и азиатским. Говорят, это последняя акция Фонда Сороса...

Вскакиваю на ноги, хватаю ружье и с дикой натугой взвожу. Это дельфины, которые знают людей. Они должны понимать.

— Эй!.. — ору я во всю глотку, тряся ружьем. — Пошли вон! Пошли вон! Брысь, твари!..

Ничего не меняется. Ветер движения бьет в лицо, пена и брызги кропят и без того мокрую рубашку.

— Фу! — ору я. — Стоп! Hold it! Get lost!.. Leave me alone!.. Отставить! Fuck off, мать вашу!..

Ей-богу, они даже оглядываются на меня — сочувственно. Дескать, сбрендил пассажир от потрясений. Если выпрыгнуть, они все равно потащат меня, на спинах.

Тогда я поднимаю ружье и целюсь. В крайнего левого.

Клянусь, они все видят. И все понимают, гады. Как я ненавижу их. Как я ненавижу себя.

Стрела с щелчком срывается с тетивы и летит прямо в гладкую спину зверя, но он в последнюю секунду круто уходит влево, и белый гарпунчик на тросе безвредно пронзает воду. Не снижая скорости, дельфин впивается в трос и легко перекусывает его.

От рывка я снова брякаюсь назад, но успеваю увернуться от коробки и навигационного ящика. Днище бугрится, ходит ходуном, но я остаюсь лежать, переводя дыхание. Потом встаю на колени и начинаю снова рыться в мокром перепутанном барахле, пока наконец не нахожу то, что надо. Тогда я встаю и поворачиваюсь к дельфинам.

— Ладно, — говорю я. — Простите меня, ребята. Хорошие вы. Честные, верные, надежные. Но вот мерзость какая... Мне туда нельзя. Понимаете? Ах да, вы ведь американцы. Ну так вот, слушайте... — И я ору что есть мочи, давась ветром и слезами: — Who can control his fate? 'tis not so now!!! Be not afraid, though you do see me weapon'd! Here is my journey's end, here is my butt! And very sea-mark of my utmost sa-a-a-ail!!!

Поднимаю обеими руками «беретту», которую Гор прятал под обивкой навигационного ящика. Килограмм лучшей стали и свинца. Едва удерживаю массивную рукоять, кисти у меня мелковаты, но я все равно удержу и дотянусь до спуска. Магазин двухрядный, на пятнадцать патронов, и еще один в кармане мокрых шортов.

Первая пуля уходит в цель безошибочно. Дельфин молча переворачивается на спину, и багровое облако растягивается в волнах.

Надежда, что выстрел испугает их, не сбылась. Двое остаются с мертвым, а остальные толкают плот еще быстрее. И тогда я сую дуло в воду и начинаю палить навзад,

очередями, под плот, в лобастые головы, гладкие спины, веселые глаза.

Мне везет. Мне очень везет. Похоже, ни одна девяти-миллиметровая парабеллумовская пуля не ушла в молоко. Шестерых мотают волны вокруг меня, красная пена плещет в гулкие камеры, а последний, которому вырвало кусок спины, пытается, теряя густую человеческую кровь, толкать мой плот дальше. Спасать меня.

Потом безжизненно затихает и он.

Второй магазин со щелчком уходит в рукоять. Пере-дергиваю затвор и уже одной рукой, не боясь промазать, всаживаю пулю за пулей в камеры плота. «Беретта» исправно грохочет и, наконец лязгнув, умолкает. Теперь шипит и клокочет воздух, радостно вырывающийся сквозь воду обратно, в атмосферу, к ветру и облакам.

— Ну вот, — говорю я мертвым дельфинам, — прощайте, ребята. А может, и нет.

Стаскиваю с себя промокшие шорты, фланелевую рубашку Гора, снимаю и швыряю в океан часы, крест из храма Гроба господня и мамин медальон, последним — кольцо с изумрудом, которое он подарил мне за индийскую регату.

Ветер обжигает мою кожу, холодит мокрые обнаженные груди и живот, и это почти как любовь. Или после любви, когда все уже кончилось.

12

Голландская болезнь остановилась год назад. Карагачи, стремительно гибнувшие по всему городу, истекая бурой пузыристой гнилью на радость шашлычникам, больше не обнаруживались. Может быть, потому, что почти не стало птиц, а они, как утверждают фитопатологи, и есть главные переносчики заразы. Но не стало и насекомых — весенние деревья насилу отцвели. Почти исчезли уличные собаки и кошки. Но не стало и крыс. Домашние собаки и кошки тоже встречались все реже и реже. Биологи, занимавшиеся городскими биоценозами, ликовали, собирая изобильный материал и рассказывая об этом горожанам.

Плотников усмехался в бороду, слушая местное радио,

крутя баранку и не забывая одним глазом поглядывать на дисплей БК. Маршрут был нанесен давно, и в Бишкеке его интересовало многое, равно как и вообще в этой стране.

— А вот как бы узнать, — вслух сообщил он самому себе, — волнует ли их то, что некоторые типы хомо зректус на городских улицах стали встречаться гораздо реже, а некоторые и вовсе исчезли?..

За долую и одинокую поездку Плотников привык разговаривать с собой. БК записывал его монологи, в которых попадались мысли, годные для дальнейшей огранки, и даже мог поддерживать беседу, но Андрей Михайлович не любил роботов ни в виртуальном, ни в биологическом исполнении. За бортовым компьютером он признавал только служебные функции и свой автомобиль ценил за могучую покорность и бессловесность.

— Тэ-О!.. — громко сказал Плотников, сворачивая в очередной проулок, выбранные БК для сокращения расстояния.

На карте высветились белые кружки — один сплошной, то есть фирменная станция техобслуживания, и один пунктирный, то есть вполне левая. До обоих было пилить изрядно, и Андрей Михайлович боялся, что батарея не сдюжит. Накануне в горах какой-то психопат обстрелял его, и весь запас резервных ячеек ушел на то, чтобы залатать битое, но мертвых осталось довольно много.

— Добро, Петрович, — кротко сказал Плотников, — инда еще побредем...

Свистнул знакомый неприятный сигнал, и на дисплее в двух кварталах впереди замигал красный треугольник.

— Ай молодца, Андрей Михалыч, — похвалил себя Плотников, — не пожалел денежек, установил АП-детектор! Интересно, на что он реагирует? Генка, мерзавец, так и не сказал...

Конечно, можно было попытаться прокрутиться и уйти, но местным аповцам все тайные тропы были известны лучше, и кто поручится, что они в этот самый миг не пасут его точно так же, как он их? Уклонение от встречи их комп может оценить как криминальную ситуацию, а огонь они открывают не спрашивая... Поправка на азиатские нра-

вы давала еще более неутешительные возможности. Плотников сбавил ход и осторожно покатил дальше.

Ждали его именно там, где свернуть было некуда, а разворачиваться трудно.

— Очень негупо, — оценил Андрей Михайлович. — Будь я Наполеон или там Ахмад-шах Масуд, так бы и делал всю жизнь. Эхе-хе...

Законопослушно остановив машину, он остался сидеть, безо всякого удовольствия наблюдая, как стволы пулеметов патрульного экипажа настороженно обводят его габариты. Второго патрульного он не видел, а другой, переваливаясь в кажущейся неуклюжей объемной броне, подошел к окну водительского отсека. Пистолет его был в кобуре, но Плотников знал, что хлопок по сенсору выбросит оружие в руку меньше чем за секунду. Это знали все.

Лица патрульного не было видно за щитком шлема.

— Здравствуйте, — без всякого акцента сказал он. — Издалека?

— Да, — отвечал Андрей Михайлович, — Санкт-Петербург.

— Хорошая машина, — патрульный провел перчаткой по дверце. Ток Плотников заблаговременно вырубил, да и перчатка была особая.

— Казенная, — отвечал Андрей Михайлович. — Но ничего. Старовата только.

— А документы у вас есть?

Вот и пошел нормальный разговор. Плотников достал все карточки — глобал-пасс, водительскую лицензию, регистрационный талон, допуск на съемки от Арендного комитета, служебное удостоверение, дипломы и разрешение на помповик и шокер. Аповец без эмоций принял всю пачку и начал одну за другой грузить карты в сканер, подвешенный на поясе. Андрей Михайлович знал, что на щитке шлема изнутри высечен его портрет — выпуклый загорелый лоб с остатками светлых вьющихся волос, тяжелые старомодные очки, квадратная борода, худая мускулистая шея, фото кистей рук, алгоритм походки, а вот сейчас, когда страж грузит глобал-пасс, камера на шлеме сканирует

рисунок термоизлучения сосудов его лица и подтверждает полное соответствие. «Надеюсь, что сбоя не будет», — мрачно подумал Плотников. Снайпинг-программа, управляющая оружием патрул-кара, промахов по введенной цели не дает. «Без секунданта, без врача, убит каким-то нижним чином по незначительным причинам... — И уж совсем мрачно доцитировал: — ...а то и вовсе сгоряча...»

— Спасибо, — сказал патрульный, но документов не вернул. — Цель пребывания?

— Исследовательская работа. — Плотников осторожно достал еще одну карточку. — Вот, пожалуйста...

— Какого рода исследовательская работа? — карточку патрульный не взял.

Ну погоди. Андрей Михайлович сделал глубокий вдох и начал:

— Являясь официальным экспертом Всемирного фонда человеческих измерений по филиалу кризисных состояний и глобальных трансформаций, доктором социальной антропологии, доктором коммуникации, магистром теории и практики управления, кандидатом педагогических наук и почетным академиком вашей Национальной академии наук, я совершаю экспедицию по изучению...

— Достаточно, — перебил его аповец без всякого раздражения. — Спасибо, господин Плотников. Вы же понимаете, терроризм опасен как нам, так и вам. Должен предупредить вас, что по закону любое транспортное средство, появляющееся на территории нашей республики, обязано нести на себе индикационный чип, информирующий наш центр о ваших передвижениях. поэтому...

— Согласен, согласен, — теперь настала очередь Плотникова перебивать. — Сколько угодно чипов для вашего спокойствия и моей безопасности.

Он послушно поднял капот и не без интереса наблюдал, как патрульный ловко ставит на разъемы ввода БК небольшой серый кубик в монолитной оболочке, без единого шва. Потом они так же вежливо попрощались, и патрульный заковылял обратно.

— Радуйтесь, братцы, — сказал Андрей Михайлович,

запуская двигатель. — Вот пока можно, будете вы меня отслеживать по своему чипу. А вот когда совсем не можно, тут господин Плотников, понимаете, и даст вам отдых... И загрузит он ту самую программку, каковая будет сообщать вам, что он стоит на вашей прославленной Карпинке, то у одного казино, то у другого, и даже — ну мы же все люди — у прославленного на всю Азию борделя мадам Айсулу. А господин Плотников на самом деле будет изучать то, чего вы ему в противном случае изучать не дадите...

Карта на дисплее что-то засбоила, он досадливо выругался: ему позарез нужно было сначала проехать к медицинской академии и встретиться с профессором Базаровым, который должен был передать ему и данные по фактору «М», и прибор для замеров. Поворачивая с набережной реки, заваленной вместо воды серым бульжником, на Пудовкина, он уже отмечал странное безлюдье. До самого угла Плотников, несмотря на сравнительно поздний час, почти никого не встретил. Только на углу Донецкой он заметил кого-то и свернул туда — спросить.

У торца панельного дома с нелепой мозаикой, изображавшей героев труда, стояла молодая женщина с огромным черным псом.

Плотников подрулил ближе к обочине, затормозил и крикнул в окно:

— Добрый день! Вы не скажете, как проехать к мед-академии?

Женщина не ответила и даже не взглянула на него. Она смотрела совсем в другую сторону, прихватив у горла черную вязаную кофту. Пес, как ни странно, тоже не отреагировал. Он сидел у самых ее ног, прижавшись к коленям, и горестно смотрел вверх, в подбородок хозяйке.

Плотников собрался окликнуть ее снова, но взгляделся попристальнее. Глаза в разбухших красных веках, но блестя сухим, как при сильном жаре, блеском. Лицо бледное, и взгляд словно остановился навсегда в одной точке.

Нехорошее, знакомое чувство сдавило сердце. Уже по-

ворачивая на Донецкую, он оглянулся. Две фигуры так же чернели у стены.

Карта вдруг загрузилась. Оказалось, он в двух шагах от академии.

Очередь прибора настанет завтра или послезавтра — тут надо быть осторожнее. Базаров предупредил, что последнее время появилась вероятность, что приборы тоже отслеживают. Не впервой. Поработаем. Батарея еще держалась и при удаче могла продержаться до самого вечера.

После десяти часов за рулем Андрею Михайловичу зверски хотелось жрать. Курить он, слава богу, бросил. Алкоголь при работе с Ф-полями категорически запрещен, а вот пожрать...

Пристроив машину на уцелевшую стоянку, охраняемую немым здоровяком, он зашагал, разминая затекшие ноги, по улице со странным названием Тоголок Молдо. Но в остальном улица была вполне цивилизованная, и народу на ней было побольше, попадались и Посредники, но какие-то расслабленные, вальяжные, совсем не такие, как в Осло или Бостоне. «Есть у меня товарищ, он родился в Москве, но сбросил сладкий этот плен — раздался в скулах, весь преобразился и стал что твой таджик или туркмен...» Интересно бы проследить, действуют ли национальные особенности на Посредников и как. Ведь не подпустят...

Свернув на проспект Чуй (это был не призыв, а оригинальное название Чуйской долины), Плотников сразу попал на прелестное небольшое кафе, где столики были вынесены на улицу, под резную деревянную террасу. Узбекское, решил он и промазал — кафе оказалось турецким. Прочитав официанту треть меню, Андрей Михайлович откинулся на спинку мягкого стула и огляделся. В кафе кроме него сидело еще пятеро, все явно иностранцы, но кто именно, узнать было невозможно; они ели молча, сосредоточенно и не переговариваясь. Рядом с каждым стоял небольшой нейлоновый рюкзак. Еду ко рту они подносили синхронно и даже вроде бы жевали в одном ритме.

Вполоборота к нему сидел сильно, до черноты загорев-

ший блондин в темных очках и заурядном летнем костюме. Когда он подносил ко рту вилку с куском кебаба, Плотников заметил на кисти у большого пальца узкий длинный шрам, синеватый, незагоравший. Рука слегка дрожала. Несколько коротких шрамов поблескивали и на его скулах. Это Андрей Михайлович успел заметить, но тут блондин коротко глянул в его сторону, и пришлось немедленно изобразить суровость и безразличие.

Спутники его были не менее интересны. Такие же загорелые, они были одеты еще более блекло и непримечательно. Хм... Туристы и особенно альпинисты, которые упрямо продолжают мотаться в эти места, обычно одеты куда причудливее и ярче. И ведут они себя по-другому, раскованнее, веселее, любопытнее. Техника боковых взглядов у Плотникова была отработана, и он увидел на горле одного из них темную полосу, прикрытую воротом рубашки. Потом разглядел точно такие полосы, более или менее скрытые, и у остальных...

Это было уже интереснее, но тут Андрей Михайлович почувствовал словно бы тяжелую руку на затылке. Прямо перед глазами было окно внутреннего зала, и в нем отражался шестой.

Входя в кафе, Плотников принял его за местного: он торчал у входа, сунув руки в карманы армейской куртки, и бездельным манером пялился на прохожих и машины. Теперь в отражении было видно, что он смотрит на Плотникова, и взгляд этот жесткий, профессиональный, считающий. Не азиат — африканец, да еще с ритуальными татуировками на скулах. Андрею Михайловичу не понравился этот взгляд и руки в карманах тоже. Официант еще не показался, и Плотников пепельницей придавил двадцатисомовую купюру, чтобы не огорчать парня. Он встал и прошел мимо негра, стараясь быть совершенно естественным, но вряд ли преуспел. Взгляд он чувствовал еще самое малое квартал.

«Ох, неспроста здесь эта компания. Не люблю связываться с Движением, но надо будет дать знать людям Дарумы, чтобы поинтересовались. Или не давать?»

Прохожих было по-прежнему немного. Невысокий седой старик, прямой как гвардеец, в старом черном пальто, чеканил шаг, неся в одной руке маленькую Библию, а в другой аккуратный газетный пакет. Рядом семенил высоченный одноглазый мужик, выглядевший ниже ростом, чем строгий старик — наверное, проповедник. От долговязого безошибочно несло помойкой и перегаром. Наверное, ССНЗовец... Мужик хныкал и о чем-то плаксиво упрашивал дедушку-гвардейца.

Странную пару он обогнал. Дальше было еще одно кафе, но есть Андрею Михайловичу отчего-то расхотелось. «Может, попозже, наброжу аппетит. Пока есть время, пройду, да и машина энергии поднаберет».

Свернуть к маленькому скверу ему не удалось. Когда он проходил рядом с кустом, дрожавшим длинными серебристыми листьями, его сильно дернули за штанину. Мгновенно развернувшись, он увидел два пристальных глаза на грязном до изумления лице.

— Не ходи, дяденька! — сильный шепоток доносился будто из-под земли. — Щас патруль пойдет!

— Да не боюсь я патрулей, — ответил изумленный Плотников.

— Это другие! — сипело существо. — Это которые подбирают, с тремя тухляками, ну!

Предостережение было реальное. Плохи же дела у Аренды в этом сегменте. Три Посредника, на городском жаргоне «тухляки», «трупак», «переменки», и еще штук двадцать бесценных терминов, означают, что любой сапиенс, чуть более подверженный действию фактора М, немедля иницируется. Такой рейд означает серьезные потери и острую необходимость пополнить кадры... Ах, глянуть бы сейчас в статистику по региону... Но и так помнится, что тут очень интересная динамика, растут, растут утраты...

Андрей Михайлович сунул в куст стосомовую бумажку и повернулся, чтобы рвануть в сторону Тоголок Молдо, но...

Но было поздно. Сзади, за спинами бомжей, которых он миновал, стояли трое улыбающихся Посредников. И впереди, появившись из-за угла, приближались еще трое...

Во многия мудрости многие печали. Плотников хорошо знал, что он уже в зоне плотного захвата сегмента и что любое мышечное усилие, необходимое, скажем, чтобы перескочить живую изгородь, пробежать по газону, пересечь улицу и скрыться ну хотя бы в том дворе, мгновенно поднимет напряженность Ф-поля. Инициация вместо полуминуты произойдет за несколько секунд. Шансов нет. Приплыли.

Что ж, сказал он себе, и обезьяна падает с дерева. Столько лет ему везло. Из тех, с кем он начинал всерьез изучать это бедствие, уцелела едва одна седьмая. Жаль.

Усмехнувшись, он повернулся к бродягам.

Старик стоял молча и гордо, прижав Библию к животу. Бледно-голубые глаза его горели. Он не нуждался в подпорках. Такой сам кого хочешь подопрет. Старая школа.

Бомжа колотила лихорадка, он без конца озирался, по лицу катились грязные слезы. Губы что-то бормотали.

Андрей Михайлович шагнул к нему и крепко обнял за плечи. Запах был сильнее, чем он мог бы вынести в нормальное время, но нормального времени больше не существовало.

Тухляки уже подняли и сомкнули ладони, вот сейчас они откинут головы и чуть присядут, потом резко выпрямятся и...

— Сейчас, — сказал Плотников бомжу. — Это больно, но быстро.

Он хотел сказать еще что-то, но тут бомж рванулся так, что Плотников отлетел на два шага, а Посредники задержали какое-то движение. Мельком увидел, что на пальцах у среднего старая наколка, три синие буквы «БОБ». Сзади татуированный негр, спереди наколотый хулиган, то есть бывший хулиган... Мать честная, никаких условий для культурной смерти!..

Но бомжу, похоже, было уже все по колено. Хряснув засаленной шляпой по асфальту так, что пыль взлетела выше голов, он завопил:

— Э-э-э-х-х-х!.. Августыч! Задавись, моя душенька!..

Стреляя пуговицами, рванул пиджак на груди, разлос-

кутил и рубаху, а потом немислимым, выворачивающим уши, слышным на полгорода, а ночью и на весь город голосом завел:

— О-ой! Ма-а-а-ро-о-оз — ма-а-оро-о-о-оз!.. Не ма-ро-оз-з-з-зь меня!..

И вдруг Плотников ощутил дикое, безобразное и счастливое желание сделать то же самое. Гортань, не певшая уже сто лет, собрала в себя все, что было потеряно за это время, и ударил чугунный, темный, сотрясающий и крошащий все ближние окна бас:

— А!.. Н-н-н-не-э ма-а-ар-р-р-розь ме-э-н-н-ня! Эх! Ма-а-а-ево-о-о-о ка-а-а-аня!..

Старик, стоявший у дерева Себастьяном, облегчающим лучникам прицел, вдруг швырнул все, что у него было в руках, одним движением содрал с себя пальтутан и, мотнув пророческой головой, резанул колокольным тенором:

— Д-д-ды у! Мен-н-н-ня! Же-э-эн-н-на!.. Д-д-ды р-р-ра-а-аскраса-а-авиц-ц-ца! А же-о-о-от-т-т мен-н-н-ня да-а-а-а-ам-м-мой!..

Из куста винтовым, вкручивающимся под черепной свод фальцетом засвистело:

— Ж-ж-ж-жди-и-и-ие-ет пича-а-али-и-и-и-и-и-и-и-и-ится!..

Хор гремел, переливался, дробил сознание, уходил трелью под облака, и они закручивались в те фигуры, какие никогда еще не вставали на этом небе.

Посредники торчали скульптурами из накрахмаленных тряпок. Бессмысленные улыбки на некогда разных лицах застыли, будто кардиограммы остановленного сердца.

Но один, тот, с наколкой, вдруг медленно, толчками опустил выставленные ладони. Глаза его вместо пустой уверенной усмешки налились страданием. Губы задергались. С усилием, словно подтягиваясь на режущей пальцы веревке, он прошелестел:

— Ийя... в-в-верус-с-с... да-а-амой-й-й... — Прислушался к себе и не поверил. Громче и уверенней подкатил, тряхнув бритой головой: — Н-на-а-а-а... за... ЗА-А-А-АКАТЕ-Э-

★ Э-Э ДНЯ!!! А-а-а-абниму же-ену-у-у-у!!! Назпою-у-у-у-у-у-у-у-у ка-а-а-ан-н-ня!..

Теперь пять голосов стали одним. Никогда, нигде, ни почему, ни один земной хор не сливался в то, чем пели они. Оно зазвучало уже совсем рядом с тем, что оживляло камни, очеловечивало зверей и отводило Смерть.

Пятерка грешных ангелов пыталась докричаться до своего бога.

Там, куда не достягает ни один взгляд, не долетает ни один звук, невообразимо огромная ладонь поплыла наконец ко вселенски чуткому уху, чтобы вслушаться. Это будет быстро — пара миллиардов лет, не больше.

ТОЛЬКО ДЛЯ ПРОСМОТРА

Ситуация: опасность.

Режим: свертывание.

ы занимаемся изучением и популяризацией культуры народов Кедао, все наши сотрудники — люди по-настоящему увлеченные, готовые сгореть на работе. — Госпожа Семелой, начальница отдела по связям с общественностью предприятия «Кедайские россыпи», изучала энтузиазм и доброжелательность. — Мы уже провели одну выставку и готовим новую, мы подготовили к изданию альбом, посвященный кедайскому искусству! Вермес, где у нас макет альбома? Надо нашим гостям показать, давай сюда быстренько!

Вермес бестолково моргал, откинувшись на спинку скрипучего стула. Он сейчас ничего не мог быстренько.

Ситуация: поступил вопрос.

Действие: выдать необходимую информацию в режиме свертывания.

— Здесь... Лежит где-то... Здесь лежит, поищите сами... Был вот здесь...

Отвернувшись от посетителей, Семелой подскочила к его столу. На ее лице, скупо подкрашенном и припудренном, появилась гримаса тихого бешенства.

— Куда дел макет? — прошипела она еле слышно. — Тебе зачем его дали?

— Это... Лежит...

Начальница уже увидела то, что нужно, схватила, опрокинув стаканчик с карандашами, и вернулась к высокопоставленным гостям.

— Вот, посмотрите, пожалуйста, что мы сделали! — Ее лицо мгновенно разгладилось и осветилось доброй улыбкой. — Я этим занимаюсь, без преувеличения, днем и ночью, сама работаю и с фотографом, и с дизайнером, и с типографией, потому что больше никому нельзя поручить, приходится все делать самой. Мы хотим добиться высшего качества, проект у нас очень серьезный, одобренный на уровне правительства...

Посетители, двое молодых ребят, с виду типичные кедайцы — бронзовокожие, черноволосые, с довольно правильными чертами, — слушали ее вежливо, но без выраженного интереса. Они сидели в гостевых креслах у окна, а за окном, частично заслоненная «Адигамом» и двумя «Циминоями», парила над асфальтом их темно-зеленая с золотистым отливом машина, и прохожие замедляли шаг, чтобы рассмотреть ее получше. У Вермеса и эта машина, и они сами вызывали умеренный страх. Он знал, что это вполне естественно, так и должно быть.

Еще он знал, что работает в «Кедайских россыпях» и почему-то не может сменить работу, хотя ему здесь не нравится. Знал, что девушку, которая принесла гостям кевату в расписных фирменных чашках, зовут Тамьен и он должен жениться на ней, обязательно должен, хотя она ему тоже не нравится... Головная боль. Он подумал, что Тамьен ему нравится, и боль отпустила. Ага, вот оно что: надо жениться, чтобы не болела голова. Он живет в нескольких остановках отсюда, в скромной квартирке на улице Законотворчества. А раньше... Непонятно, что с ним было раньше, и опять начинает болеть голова... Раньше он жил у родственников в небольшом провинциальном городке и часто болел. Неприятных ощущений нет — значит, все правильно. Он приехал в Эсоду, чтобы сделать карьеру и жениться на какой-нибудь столичной штучке, Тамьен как раз девчонка что надо. Еще лучше, теперь он превосходно себя чувствует! Вот так и нужно думать... А эти двое внушают ему страх, потому что они не как все, но в общем-то он ничего против них не имеет, он парень тихий и покладистый. Только чем же он занимается в «Кедайских россыпях»? Странно, что он не может сообразить, в чем заключается его работа...

Посетители переглянулись, попрощались и направились к выходу. Когда дверь за ними закрылась, радушная улыбка на лице Семелой сменилась усталой и раздраженной гримасой.

— Я их еле-еле сюда завлекла, а теперь они что про нас подумают? Нет, вы отдел по связям с общественностью или зачем я тут с вами сижу? Тамьен хотя бы кевату им принесла, к ней у меня претензий нет, а ты, Вермес, торчишь за столом, как вареная рыба! Вермес, ты меня слышишь? Тебе не стыдно смотреть на меня с такой дебильной, извиняюсь, рожей? С тобой говорит дама и твой руководитель! Ты чем вообще здесь занимаешься?

Нехороший вопрос. Ответа на него Вермес не знал.

— Вы же ничего здесь не делаете, я одна все на себе тащу! Ну, еще Тамьен мне помогает... Правильно я говорю? Тамьен, правильно или нет?

Тамьен тихонько поддакнула. За окном недавние гости «Кедайских россыпей» сели в свою машину, и та взмыла над улицей. У Вермеса возникло смутное ощущение, что сейчас что-то изменится.

Ситуация: норма.

Режим: рабочий, норма.

Позтапный выход из режима свертывания. Время пошло.

Пять.

Он вспомнил свое полное имя и кое-какие автобиографические данные. Его зовут Мерклой Вермес, ему двадцать семь лет. Родился в Эсоде. Семь лет назад, получив зеленую карту, поступил в Эсодианский университет на факультет сравнительной культурологии, тогда же вступил в ряды КОНСа. Спустя год тяжело заболел — после того как на последнем собрании КОНСа попал под психотронный удар. Болезнь не позволила ему продолжить учебу, к тому же КОНС объявили вне закона, и его бы в любом случае отчислили. В течение последующих трех лет перебивался чем придется, а потом... Потом — провал в памяти. В «Кедайских россыпях» он работает недавно, всего-то третью декаду. Его должность называется «ответственный за рекламу в Сети и в печатных изданиях». Платят здесь не сказать

чтобы много, и система оплаты довольно запутанная, но для него деньги ничего не значат. Он пришел в «Кедайские россыпи», потому что здесь работает Тамьен Лакерой, на которой он должен жениться. Только вот на кой она ему сдалась?..

Четыре.

Он вспомнил, чем занимаются «Кедайские россыпи». То, о чем говорила Семелой: насчет культуры, альбомов и выставок — это всего лишь камуфляж. Фирма отмывает и крутит деньги, наворованные в свое время одним из высших чинов Министерства Колоний. Разумеется, это коммерческая тайна, в том числе для рядовых сотрудников... но не для Вермеса. Когда он, отчасти из любопытства, отчасти из привитой Инструктором добросовестности, захотел узнать, как обстоят дела, он тайком посетил кабинеты руководителей и скачал файлы из их машин, потом собрал кое-какую информацию через Сеть, сопоставил и проанализировал данные... Инструктор мог бы им гордиться! Какой еще Инструктор?.. Опять провал.

Три.

Он понял, что сейчас очень уязвим и ни в коем случае не должен отвечать ни на чьи вопросы, пока процесс не закончился. Хозяева предусмотрели все, но в те недолгие промежутки, когда меняется режим, он беспомощен, как только что вылупившийся птенец. Главное — молчать. Семелой остановилась перед его столом и что-то яростно говорила — он ее не слушал.

Два.

Он вспомнил, что у него есть Хозяева. Вспомнил, кто они такие. Вспомнил, кто был его Инструктором, пока он в течение последних двух лет находился в мире Хозяев. Вспомнил наконец, зачем он должен жениться на Тамьен Лакерой: та дружит с супругой главы Министерства Внешних Сношений Меводы, созданного шесть лет назад взамен распущенного Министерства Колоний. Вот она-то и нужна Хозяевам — как заложница для политического шантажа. Вермес получил задание: вступить в законный брак с ее подружкой и найти способ до нее добраться.

Один.

Он вспомнил, что ему под череп внедрен биокомпьютер, выполняющий множество функций, одна из которых — защита от разоблачения... потому что за такими, как он, ведется непрерывная охота. Способ защиты весьма прост: в момент опасности агент катастрофически глупеет и мгновенно забывает обо всем, что может дать врагу зацепку. Это сопряжено с неудобствами, но, учитывая возможности врага, это нельзя назвать перестраховкой.

Ноль.

Выход из режима свертывания завершен.

Режим: рабочий, норма.

Вспотевший Вермес откинулся на спинку стула. Жарко, а на кондиционер для отдела по связям с общественностью «Кедайские россыпи» вряд ли расщедрятся... Черные боги, каждое свертывание чем-то похоже на смерть! Как его за три минувшие декады измучили эти свертывания — и последующие постепенные возвраты в нормальное состояние. Ему не привыкать сходить с ума, но Хозяева могли бы придумать что-нибудь покомфортней... В голове тут же возникло ощущение болезненного давления: критиковать Хозяев даже в мыслях нельзя — это преступление, грех, порок, должностной проступок. Следить за его мыслями — тоже одна из функций биокомпьютера... Да нет, он ничего такого не имел в виду. Он ведь знает, что потом, когда он выполнит задание, Хозяева его вознаградят, и готов служить им, себя не щадя. Отпустило. Хотя нет, не совсем: все-таки остался предупреждающий намек на головную боль.

— ...Вермес, я к тебе обращаюсь! К нам такие люди пришли, а ты сидишь тут, как идиот, того и гляди слюни пускать начнешь, смотреть противно! Думаешь, тебе за это будут деньги платить?

— Я просто перегрелся. — Он постарался выдать обаятельно-обезоруживающую улыбку. — Нехорошо стало... А денег мне тут еще не платили.

— И не заплатят, пока ты план на следующий месяц не напишешь! — подхватила Семелой. — Написать план, в котором все по часам расписано, — вот это работа! Настоящая работа! Надо пахать по восемь, по десять часов в сутки,

тогда тебе и зарплата будет! А что ты в отчете за прошлую декаду накалякал? Давай-ка перепиши свой отчет, а то Рибнен его вернул. Как пятилетний, честное слово!

«Я не видел ни одного шпионского фильма, где агенту моего уровня приходилось бы сидеть в таком месте и такое выслушивать. Нет, жизнь покруче кино...»

Форма пресловутого отчета была настоящим бюрократическим шедевром: таблица, в которой расписано, в какие дни какая работа проделана, с указанием точного количества часов. За каждую выполненную работу прибавляется коэффициент, за каждую запланированную, но не выполненную — снижается. Например: надписывание конвертов для рассылки рекламных проспектов «Кедайских россыпей» — 3 часа, составление писем в различные инстанции — 10 часов, телефонные разговоры с редакторами газет — 2,5 часа. Специальный работник в бухгалтерии все эти коэффициенты плюсовал, вычитал, перепроверял и суммировал, и в итоге сотрудники «Кедайских россыпей» получали зарплату. Как правило, с большой задержкой.

Вермес с самого начала заподозрил, что кто-то из посвященных придумал и внедрил эту систему для того, чтобы ловить деньги в мутной воде. Одного он пока не знал — кто именно. Такого человека стоило бы завербовать для службы Хозяевам! Привлечение новых потенциальных агентов поощрялось, хотя и не являлось основной задачей агентов действующих.

Вернулась Тамьен, успевшая куда-то исчезнуть, пока Вермес приходил в себя. Глаза у нее были испуганные.

— Госпожа Семелой, слушайте, какой ужас! Рибнен сказал, в нашей машине сидит вирус. Он сказал, не носить ему больше ничего на дискетах, а только распечатки, вот так.

— Вирус? Вермес, откуда он мог взяться?

— Наверное, дизайнер притащил, — сейчас, в режиме «Норма», Вермес на любой вопрос мог ответить без запинки, — когда сдавал макет.

— А у дизайнера он откуда? — Начальница озабоченно нахмурилась.

— Скорее всего из Сети. Да его надо прихлопнуть ан-

тивирусником, и дело с концом. У Рибнена наверняка есть, могу сходить и спросить.

— Нет-нет! — Семелой замахала руками, на ее лице мелькнуло выражение тревоги. — Ты, Вермес, сиди и не рыпайся, твое дело — здесь сидеть. А с начальством я сама буду разговаривать, это уж мое дело! Мы с Рибненом отлично друг друга понимаем, а тебя он даже слушать не станет, он же умный человек.

Допустил промашку, досадно... Эту свою привилегию — общаться с руководством «Кедайских россыпей» — Семелой ревностно охраняла, и ее могла вывести из равновесия одна только мысль о том, что кто-то из подчиненных вступит в контакт с вышестоящими через ее голову.

«Она еще более сумасшедшая, чем я. Хотя нет, неправильно. У нас с ней сумасшествие разного типа».

Эта мысль не имела отношения ни к Хозяевам, ни к заданию, поэтому никакой реакции со стороны биокомпьютера не последовало.

— Дизайнеру я коэффицент по оплате уменьшу, раз он нам этот вирус притащил, — задумчиво протянула Семелой. — И пусть не обижается! А то все вы слишком обидчивые...

Потом встревоженное выражение вернулось на ее жесткое пожилое лицо и на этот раз утвердилось там надолго.

— Я в этих ваших компьютерах ничего не понимаю, но все эти вирусы, которые в них ползают, такая жуть! Я сейчас пойду к Рибнену и поговорю с ним, он мальчик хороший, мы с ним договоримся. Надо сегодня же избавиться! Вермес, а как вирус на дискету перелезает?

«Могу побиться об заклад, для нее компьютерный вирус — это что-то вроде противной серой мокрицы, которую можно воочию увидеть, если снять корпус с системного блока».

— Во время перезаписи файлов. Госпожа Семелой, вы не беспокойтесь, у меня дома есть диск с антивирусниками. Завтра утром принесу и почищу систему.

Он хотел как лучше, но начальница снова замахала руками:

— Да куда ты опять суешься, Вермес! У нас соваться

не надо, у нас надо сидеть и пахать по восемь часов в сутки на своем рабочем месте, и все. Вирус — это не твое дело. Каждый должен на своем месте проявлять ответственность, правильно? — Она повысила голос: — Вермес, ты согласен со мной или нет?

— Конечно, согласен, — подтвердил он самым лояльным тоном.

Обойтись без поддакиваний Семелой не могла и готова была клещами вытягивать их из подчиненных.

— Вот то-то же! Если будут звонить, я пошла к Рибне-ну. Этот вирус, он же всю работу нам загубит...

Достав позолоченный футлярчик, она подкрасила губы, оправила темный жакет строгого покроя и удалилась.

Вермес и Тамьен остались вдвоем. Ей недавно исполнилось двадцать пять. Кареглазая, с пышной копной темных волос и здоровым румянцем на щеках, она была вполне привлекательной девушкой, но Вермеса давно уже не интересовали девушки. Впрочем, мужчины, покойники и домашние животные его тоже не интересовали. Зато ни с чем не сравнимое наслаждение дарил ему вживленный в мозг биокомпьютер, воздействующий напрямую на центр удовольствия. Каждую ночь перед сном. Небольшими дозами. Если в течение прошедшего дня Вермес вел себя правильно — делал то, что велели Хозяева, и не думал ничего недозволенного. А сегодня он допустил недозволенную мысль, за что и был наказан головной болью.

Надо искупить этот проступок — возможно, тогда биокомпьютер над ним сжалится... Такое иногда бывало. Для того чтобы искупление состоялось, нужно что-нибудь сделать для сближения с Тамьен. Сейчас она, откинувшись на спинку стула, смотрела в окно, на кусок тротуара, на площадку для парковки автомобилей и темную раскидистую кайдехолу справа, которая обрамляла эту картину листовным орнаментом. За листвой сквозило пронзительно-голубое небо. Как быстро жители Эсоды привыкли к голубому небу... Еще шесть лет назад оно было постоянно затянуто желтым смогом — ну, не считая очень пасмурных дней, когда грязно-серые облака цеплялись за крыши древних

высотных зданий. Голубое небо — это красиво. Хорошо, что смог убрали.

Снова болезненное давление под черепом. Нет, нет, нет! О смоге позаботились враги Хозяев, а значит, ничего хорошего в этом нет. Лучше бы все оставалось, как раньше.

Отпустило.

«Уже вторая недозволенная мысль. Теперь я точно не получу кайфа, если не смогу доказать, что я хороший. И тогда я долго буду ворочаться перед сном, липкий от пота, с противной пустотой в голове... Надо немедленно сделать что-нибудь такое, что меня оправдает».

— Тамьен! — в его голосе звучало неподдельное отчаяние безнадежно влюбленного. — Ты свободна сегодня вечером?

— Ну, пока не знаю, — девушка неопределенно повела плечами.

— Тебе нравится докатастрофическое кедайское сайбо? Сейчас в «Бархатной пещере» выступает сайбо-ансамбль — я слышал, это что-то грандиозное. Не составишь мне компанию?

— «Бархатная пещера» — это жутко дорого, а зарплату ведь так и не дали...

— У меня есть деньги, и я очень люблю настоящее докатастрофическое сайбо. Пойдем?

— Ну... Я вообще-то собиралась вместе с подружкой попроситься, если она туда поедет...

— С подружкой — это еще надвое, а я тебя сегодня приглашаю!

— Ладно, раз ты так просишь... — Тамьен кокетливо хихикнула.

А Вермес внутренне сделал стойку: с какой подружкой? Возможно, с леди Эрвет Сентил, супругой досточтимого лорда Министерства Внешних Сношений? Это хорошо, что девочки так держатся за старую дружбу. С точки зрения Хозяев, это очень даже хорошо...

Чувствуя, что у него все-таки есть шанс искупить сегодняшние промахи, Вермес расплылся в счастливой улыбке, которую Тамьен приняла на свой счет. Что ж, тем лучше.

С треском распахнулась старая скрипучая дверь, вернулась Семелой.

— Рибнен сказал, он попозже зайдет разобраться. И чтобы никто руками туда не лазил, понятно, Вермес?

— Куда — туда? — рискнул уточнить Вермес.

— К вирусу! Понял, да? Полезешь, так по рукам от меня получишь! — Она уселась на свое место. — Давай отчет переписывай, ты его сегодня сдать должен!

Весь остаток рабочего дня агент Хозяев корпел над отчетом, а Семелой то и дело указывала ему на мелкие, но роковые ошибки, из-за которых «такой бестолково составленный документ стыдно показать руководству». Он никак не мог уловить логику этого занятия, хотя Инструктор называл его одним из лучших учеников... Иногда начальница отвлекалась и начинала сокрушаться по поводу того, что «в машине сидит эта гадость, которая все наши документы и письма попортит, надо бы от нее поскорее избавиться».

Вирус вызывал у Семелой почти суеверный страх. Да оно и понятно: всего шесть лет назад компьютеры были для Меводы мифом. Одной из реалий древнего мира, существовавшего до глобальной Катастрофы (в учебниках, по которым Вермес учился в школе, было написано, что Катастрофа произошла из-за экологического дисбаланса на планетарном уровне, но теперь-то он знал, что ее устроили Хозяева, — знал из первых рук, от самих Хозяев). О компьютерах можно было почитать в сохранившихся от той эпохи книгах и журналах, их можно было увидеть в археологических музеях: странные древние штуковины.

А потом начались головокружительные перемены. Лорд-дипломат Сентил заключил с астранийцами знаменитый Отоланский договор, по одному из пунктов которого Мевода получила персональные компьютеры по образцу древних, программное обеспечение и Сеть. Вермес не был свидетелем этих перемен — он тогда лечился в психушке на восемьдесят шестом километре. Может, контакт с астранийцами кому-то и пошел на пользу, но уж никак не ему... К тому времени, как его выписали, компьютеры стали частью повседневной жизни, по крайней мере в Эсоде. Вер-

мес был к ним равнодушен, однако Хозяева научили его с ними работать.

К чему Мевода не была готова (и астранийцы, судя по всему, тоже), так это к нашествию хакеров и их созданий — вирусов. Как заметил один компьютерщик, хакерами не становятся, хакерами рождаются. В основном это были подростки от тринадцати до восемнадцати лет, с энтузиазмом встретившие новую игрушку и освоившиеся с ней раньше взрослых. Не случайно для подростков лорд Дилвин Сентил стал чуть ли не культовой фигурой! В соответствии с Отоланским договором учебной литературы по информатике было издано достаточно много, в сжатые сроки, так что освоить этот предмет мог каждый желающий. Кое-кто из желающих смекнул, что с помощью компьютера тоже можно делать бяку, — и началось... В настоящее время население Меводы делилось на тех, кто не боялся компьютеров и всего, что с ними связано, и тех, кто боялся.

Семелой принадлежала ко второй категории. Она то и дело нервно косилась на машину в резном корпусе желтого дерева, словно ждала, что вирус, похожий на мерзкое насекомое, того и гляди вылезет оттуда и пойдет гулять по кабинету.

— Добрый вечер!

Это появился Рибнен, коммерческий директор «Кедайских россыпей». Интеллигентного вида юноша не старше Вермеса, чернявый, в стильных очках с дымчатыми стеклами. Избавиться от дефектов зрения — это сейчас не проблема, но есть люди, которые избегают обращаться за помощью в астранийские клиники («И правильно делают!» — подумал Вермес, чтобы подольститься к биокомпьютеру и лишний раз показать свою лояльность). Впрочем, Рибнен вряд ли носил очки по этой причине: просто они ему шли и придавали налет солидности. Следом за ним вошел еще один парень в зеленом джемпере с растянутым воротом — недавно принятый на работу системный администратор.

— Вот здесь он! — захопотала Семелой, показывая на компьютер. — Вы его оттуда уберете, да?

Тот небрежно кивнул и включил машину. Рибнен, отмахнувшись от Тамьен, которая попыталась у него что-то

спросить, начал рыгаться в рассохшемся шкафу с узорами из цветных стекляшек на дверцах. Отдел по связям с общественностью переселили в эту комнату недавно, уже при Вермесе, и шкафы были битком набиты чужими бумагами.

— Пока у вас все в порядке, — скучающим тоном профессионала обронил компьютерщик. — А систему я вам завтра почищу.

— Нет, ты погоди, не так скоро, — Рибнен вытащил с нижней полки распухшую папку и поднялся с корточек. — Госпожа Семелой, вы завтра напишите заявление на мое имя, изложите просьбу заинсталлировать на машину вашего отдела антивирусную программу. Я наложу резолюцию и перешлю заявление руководителю его подразделения, — он кивком указал на системного администратора, — тогда и получите все, что надо.

— Хорошо, хорошо, господин Рибнен! — с воодушевлением закивала Семелой. — Так и сделаем.

«Маразм!» — ужаснулся Вермес.

— Я еще принесу вам один документ для ознакомления, — добавил Рибнен, — лично вам. Посмотрите с дискеты, к себе не перекачивайте, дискету потом мне вернете.

«Так, учтем... Наверняка опять какая-нибудь ерунда, возведенная в ранг «Для служебного пользования», но хорошо бы и мне ознакомиться. На всякий случай».

— Я же тебе говорила, не дергай его, не лезь со своими вопросами! — повернулась начальница к Тамьен, когда оба ушли. — Он очень занятой человек! Мы кто такие? А он руководитель!

— Я хотела узнать, когда мне стол поменяют, — извиняющимся тоном объяснила девушка. — Мы же давно ему заявление подали... Стол уже два раза рассыпался, а Вермес собирал.

— Тамьен, здесь все держится на плечах Рибнена! А он еще такой молодой мальчик... Такой способный! — голос Семелой звучал по-матерински тепло. — Не надо его по мелочам дергать, мы должны знать свое место. Без иерархии нельзя, согласна? Согласна или нет?

— Да.

— Ну вот, я же права! А стол мы тебе поменяем, с Вер-

месом поменяетесь. А то он устроился, как лорд. Мужики всегда норовят верхом на женском горбу куда-нибудь въехать. Вермес, слышал? Завтра меняешься с Тамьен столами!

— Так я не против, — он улыбнулся. — Я и починить его могу — принесу инструмент, забью гвозди, и больше он не развалится.

— Да что ты там можешь починить! — начальница смерила его презрительным взглядом. — Лучше бы уж помалкивал.

— Я сумею.

Во время подготовки у Хозяев он освоил около дюжины профессий, в том числе столярное дело. На случай, если придется срочно менять ампула.

— Ты только хвалить себя умеешь. И не вздумай ничего трогать, у нас надо не гвозди в стол забивать, а пахать за этим столом по восемь часов в сутки! Отчет-то написал?

— Вот. — Вермес со вздохом протянул ей листки.

— Опять ерунду понаворотил, — поглядев, подытожила начальница, — а еще говоришь — «я сумею»! Ты сначала настоящее дело сделай, а потом уже хвастай. Составить отчет за декаду так, чтобы его приятно было в руки взять, — это целая наука! Люди поумней тебя всю жизнь этому учатся!

Выждав минут десять после того, как она умолкла, он осторожно заметил:

— Насчет вируса лучше бы поторопиться. Мало ли что он может устроить...

— Ну сказали же тебе, не суйся! — Она закатила глаза к высокому, украшенному лепными звездами потолку. — Все время суешься... Ты слышал, что Рибнен сказал? Все должно делаться, как положено.

— Не понимаю, зачем с этим затягивать?

— Затем, что системный администратор и его начальник тоже должны свои коэффициенты получить, а то им меньше заплатят. Ох, все вам надо объяснять, как пятилетним... Будем делать, как нам сказали, и чтоб никто не вылазил!

Уходя, Вермес галантно пропустил вперед дам и напоследок окинул взглядом залитый медовым светом кабинет: престарелая мебель, обитые веселенькой тканью в цвето-

чек гостевые кресла, картина в облупившейся раме, избражающая некий тропический колониальный пейзаж, единственный компьютер в лакированном резном корпусе. Да, занесло его... Пока он проходил подготовку у Хозяев, он совсем не так представлял себе обстановку, в которой придется действовать.

Улица купалась в золотом предзакатном свете. Темная листва громадных кайдехол слегка шевелилась, и по теням, накрывающим тротуар, пробегала ленивая рябь.

— Прогуляемся пешком? — предложил Вермес.

Тамьен не стала возражать. Если у нее был выбор, она предпочитала соглашаться. Так проще. Вермес надеялся, что, когда он предложит ей выйти за него замуж, она не отступит от этой замечательной привычки.

Они свернули на улицу Отречения. Здесь стояли высокие здания докатастрофической постройки, серые, с преувеличенно мощными контрфорсами и темными провалами глубоких лоджий. Разговаривать не получалось из-за рева автомобилей, которые мчались по этому ущелью непрерывным потоком. По небу ползло сразу три дирижабля неодинаковой величины (идут по воздушным коридорам на разной высоте, определил Вермес). Вдали, над крышами, серебристым бликом промелькнула астранийская машина.

Астранийцы были врагами Хозяев — и не только врагами, а еще и главной проблемой. До их появления Хозяева на протяжении тысячелетий делали на Биане все, что считали нужным. Никто не оказывал сопротивления, и почти никто не догадывался об их существовании. Каким образом Биана связана с миром Хозяев, Вермес так и не понял, хотя ему пытались объяснить. Циклические перемещения трехмерных континуумов в многомерной Вселенной, в процессе которых эти самые трехмерные континуумы то удаляются друг от друга, то «слипаются» друг с другом, — эта модель показалась ему чересчур сумасшедшей, хотя сумасшествие для него было не в новинку. Но главное он усвоил: Биана «соприкасается» с миром Хозяев через каждые сорок три года; период «стыковки» — шестнадцать с половиной лет; в начале и в конце этого периода по-

пасть из одного мира в другой довольно-таки сложно, зато в середине — запросто. Чуть больше двух лет назад закончился очередной сорокатрехлетний промежуток отсутствия контакта и началось «слипание». Вот тогда-то Хозяева и вытащили его к себе. А еще раньше вытащили Ситависа, экс-шефа тайной полиции прежнего Верховного Лорда, который стал их главным консультантом и Инструктором будущих агентов.

— Свобода — это капкан, — любил повторять Инструктор. — На самом деле каждый человек нуждается в хозяине, признает он это или нет. Умные признают, дураки упорствуют... Так всегда было и всегда будет.

— Значит, если астранийцы — дураки, с ними нетрудно будет справиться? — спросил кто-то из курсантов.

— Не все так просто, — вздохнул Ситавис, — иначе вас бы здесь не собрали, молодые люди. К сожалению, дурак, как и умный человек, может обладать весьма развитым интеллектом... и другими опасными способностями. В свое время их проморгали. Вы знаете, что около тысячи лет назад древняя цивилизация на Биане достигла технологического пика и отправила межзвездную экспедицию. Наши предки и дальше бы резвились, однако вмешались Хозяева и устроили им глобальную экологическую Катастрофу. А насчет экспедиции — что ж, Хозяева имеют мудрость и мужество признать, что это была ошибка. Этого нельзя было допускать. Однако, в соответствии со всеми прогнозами, экспедиция должна была погибнуть — разнополая команда из шестисот человек, в замкнутом пространстве кораблей... Они должны были передрались между собой, или посягнуть с ума, или одичать, или впасть в уныние и тихо угаснуть... Вместо этого произошло маловероятное, не предусмотренное прогнозами: они выжили, самостоятельно открыли антигравитацию и массу других полезных для себя вещей, — в его голосе появилась ирония, — нашли способ значительно продлевать человеческую жизнь и сохранять молодость... В общем, все то, о чем страстно мечтает любой безответственный идиот. Вдобавок у них прорезались паранормальные способности. Но хуже всего то, что они вернулись домой! На нашу голову. И не только на

нашу, увы. Они догадались о вмешательстве Хозяев и с ничем не оправданной жестокостью истребили их резидентов, которые присматривали за обстановкой в течение мертвого периода. Разумеется, перед этим постарались выжать из них всю информацию... Наша с вами задача — помочь Хозяевам остановить их.

— Но почему у них все это получилось? — спросил тогда Вермес.

— Для экспедиции отбирали самых способных. Хозяева не препятствовали, так как все говорило за то, что эти умники погибнут в межзвездном пространстве. Заметьте, это люди с криминальным прошлым! Например, Дайвин Танрос, которая является сейчас, в соответствии с пресловутым Отоланским договором, полномочным астранийским наблюдателем в Меведе, начала свою карьеру с того, что в возрасте восемнадцати лет зверски убила четырех человек. Обычная уголовная история. Ее похитили с целью получения выкупа, чуть ли не ее же приятели, а она нашла способ с ними расправиться и потом уничтожила улики. Вряд ли ей грозил большой срок, поскольку ее жизни угрожала реальная опасность, но по тогдашним законам она должна была хотя бы год отсидеть в тюрьме. Вместо этого она скрыла свое преступление и благополучно прошла тестирование, которому подвергались все кандидаты в астронавты.

— Ее все-таки разоблачили? — спросил кто-то.

— Нет. Просто после возвращения она перестала делать тайну из своего преступного прошлого. А к суду ее теперь не привлечешь за давностью срока, все-таки тысяча лет... Тут даже наш лорд общественного порядка, который цепляется за каждый повод осложнить ей жизнь, ничего не может сделать, ибо закон есть закон.

— А у кого из них еще криминальное прошлое? — поинтересовался кто-то из слушателей.

— Больше данных нет... Но наверняка у многих, в этом сомневаться не приходится. Они столько наворотили на Биане, что Хозяевам долго придется расхлебывать. И в Меведе, и в отсталых странах... Многие из вас были членами КОНСа, который возник в соответствии с планом Хозя-

ев, — и вы знаете, что они сделали с КОНСом! Потом они заявили, что КОНС был точным подобием некоторых организаций, которые в древнем мире до Катастрофы устраивали войны, террор, геноцид... Надо признать, они угадали, но Хозяевам виднее, по какому пути должно двигаться человечество! Хозяева ничего не делают случайно. По вине астранийцев было разогнано Общество Морального Надзора, в свое время созданное Хозяевами. Они швырнули Биану в пучину либерализма, однако Хозяева собираются положить конец их тирании. Поэтому на ваших плечах лежит громадная ответственность... Есть еще вопросы, молодые люди?

— Почему они не захватили власть в Меведе?

— Они ее захватили, спровоцировав государственный переворот и посадив свое марионеточное правительство. Генеральный Кабинет давно уже стал фикцией. Кто в Меведе обладает реальной властью? Во-первых, Верховный Лорд Беханод, их ставленник — без помощи астранийцев он никогда бы не сел в кресло Верховного. Шесть лет назад, после подозрительной кончины прежнего главы государства, были объявлены всенародные выборы — и выиграть их должен был лорд Министерства Цензуры Сарегил. Уж я-то знаю, ведь по его поручению я руководил людьми, которые работали с бюллетенями. Мы контролировали восемьдесят пять процентов избирательных участков, и подменить наши бюллетени на бюллетени с именем Беханода буквально у нас на глазах, в самый последний момент, — это могли проделать только астранийцы! Чудес не бывает, молодые люди. Второе лицо после Беханода — лорд-дипломат Дилвин Сентил. Тот самый ученый-преступник, которого привлекли к суду за публичное оскорбление президента Совета Мудрых и всей меводянской науки в целом. Вдоволь наиздевавшись над членами суда и учеными заседателями, он сбежал из тюрьмы, и мне пришлось гоняться за ним по всей Меведе, потому что у Беханода именно тогда созрела роковая мысль поручить ему переговоры с астранийцами. Он совратил несовершеннолетнюю девушку и потом женился на ней — тоже преступление против нравственности, поскольку закон запрещал такие браки. Когда

он вступил в должность, Беханод хотел назначить меня начальником его службы безопасности, но он забраковал мою кандидатуру и в категорической форме потребовал, чтобы меня отдали под суд. А все потому, что я человек долга. И наконец Олвен Сентил, его родной братец, лорд Министерства Общественного Порядка. Взять частного сыщика с улицы, наглого, привыкшего плевать на чины и заслуги, никогда не состоявшего на государственной службе, — и сделать его главой Министерства... Это дикий бред, но это произошло! Фактически страной сейчас управляют эти трое при поддержке астранийцев. Все остальные члены Генерального Кабинета имеют видимость власти, однако от них ничего не зависит. Я нарисовал мрачную картину, молодые люди, но она, увы, соответствует действительности. Вы должны будете сделать все возможное и невозможное ради спасения Меводы от узурпаторов...

Сейчас Вермес шагал рядом с Тамьен сквозь нежные летние сумерки, разбавленные оранжевым светом натриевых фонарей (еще одна подачка астранийцев), и это была не просто вечерняя прогулка с девушкой, а его вклад в дело спасения Меводы. Его служение Хозяевам.

На этой улице древние бетонно-стеклянные раковины чередовались с более новыми кирпичными особняками. Машин было немного, можно разговаривать не повышая голоса.

— Знаешь, почему я работаю в «Россынях»? — спросил Вермес.

— Почему?

— Из-за тебя.

Тамьен промолчала.

— А почему ты там сидишь, я никак не пойму. У тебя же такие связи, ты могла бы и получше устроиться.

— Ну, не то чтобы связи... — у нее вырвался растерянный смешок, — просто мы с Эрвет когда-то работали вместе. Ничего, до сих пор дружим.

Стоит поддержать эту тему. Вдруг удастся невзначай вытянуть что-нибудь полезное.

— Наверное, у вас, у девчонок, если подруга стала такой важной дамой, отношения сразу меняются?

— Да она совсем не важничает. Она и раньше никогда не задавалась, даже не хвасталась тем, что аристократка. Ее мать из какого-то очень знатного северного рода, сейчас она приближенная короля Нарегоя. Так интересно, она прислала Эрвет телохранителей с Севера, а у них кроме пистолетов еще и мечи, как в кино. Потому что у северян так полагается.

— Что, они так повсюду и ходят за ней с мечами?

— Ага. Около нее все время дежурят четверо телохранителей — двое северян, двое астранийцев. Знаешь, северяне — они такие вышколенные, суровые, а астранийцы — ничего ребята, с ними даже поболтать можно. Это астранийцы из новых, не те, которые в космос летали... Но все равно как-то странно, что ее так стерегут.

Ничего странного, про себя усмехнулся Вермес. Стерегут ее от Хозяев. «Если мы сумеем ее захватить, мы сможем оказывать давление сразу по нескольким линиям, на несколько ключевых фигур, — объяснил ему Ситавис. — Есть и другие параллельные варианты, но леди Эрвет Сентил — объект номер один. Ты должен до нее добраться, используя в качестве орудия Тамьен Лакерой». — «А охрана?» — «Вот тебе и придется найти способ выманить ее из-под охраны. Она имеет склонность к авантюрам и не слишком осторожна. Однажды ее чуть не убили. Один молодой человек, которому она перешла дорогу, захотел свести с ней счеты. Эта попытка стоила ему жизни, но мне повезло побеседовать с его сообщником, которого позже отпустили. Она пошла с подозрительным незнакомцем, который представился посыльным от ее приятеля, принца Борвена, хотя видела, что парень не похож на северянина. Тот привел ее в западню. У нее в кармане лежал пистолет, но вместо того чтобы взять ситуацию под контроль, как сделал бы любой разумный человек, леди благополучно дождалась, когда ее стукнут сзади по голове. Она осталась в живых благодаря везению: убивал ее дилетант, умудрившийся всадить нож мимо сердца. Ей тогда было девятнадцать лет, и не исключено, что с тех пор она немного поумнела... Но характер есть характер, люди не меняются. Тебе придется что-ни-

★
будь придумать, и не забывай, что Хозяева примерно наказывают тех, кто не выполняет их поручений».

— Я и лорда Сентила два раза видела, когда приезжала к ней в гости. Такой приветливый, улыбается... Спрашивал, как у меня дела. Совсем не похож на всех этих прежних лордов, надутых, как дирижабли! Я его тоже давно знаю — он был начальником лаборатории, где мы с Эрвет работали девчонками. Я его странным считала: начальник, а ни на кого не кричит, вежливый, тихий... Ну вообще-то не такой уж он был и тихий! — Тамьен хитро усмехнулась. — Он ведь еще тогда начал крутить с Эрвет, хотя в то время за это могли посадить.

«Для того чтобы жениться на своей сопливой любовнице, Дилвин Сентил вместе с ней незаконно перешел границу Северного королевства, которое как раз незадолго до этого объявило себя независимым государством, — рассказывал Вермесу Инструктор. — Мне пришлось гоняться за ними по горам, в итоге они меня избили и угнали мою машину. Северяне встретили их с распростертыми объятиями. Эти вымирающие аристократы живо смекнули, что надо сделать, чтобы новоявленный лорд-дипломат Южной Меводы об их интересах тоже не забывал: подсунуть ему жену-северянку. Кроме того, леди Эрвет, несмотря на свой юный возраст, была замечена в весьма скандальных связях. — Ситавис издал хрюкающий скабресный смешок. — Видимо, ее родители решили, что лучше выдать ее замуж за южанина, чем позволить ей и дальше продолжать в том же духе. Все это очень грязная история, Вермес. Меводу утопили в грязи, и только Хозяева могут даровать ей очищение. Таких, как Эрвет Сентил и ее супруг, надо еще в младенчестве выявлять и уничтожать... И наши Хозяева разрабатывают такой проект, надеюсь, что доживем! Чем она сейчас занимается? Курирует правительственную комиссию по делам литературы и искусства, раздает направо и налево государственные дотации — вместо того, чтобы давать кому надо по рукам. У нее безошибочное чутье на тех писак и художников, кто протаскивает идеи так называемой внутренней свободы человека и расшатывает мораль, которую на протяжении веков заботливо внедряли

Хозяева. Таким она обеспечивает поддержку в первую очередь! Еще несколько десятилетий — и Меводу можно похоронить... Но, к счастью, у нас есть Хозяева, которые намерены прекратить это безобразие. Выполнив свое задание, ты не только добудешь для Хозяев орудие шантажа, ты спасешь меводянскую культуру от разрушения».

Он только один раз видел Эрвет Сентил вблизи — на открытии какого-то очередного астранийского колледжа (Инструктор сказал, что находится немало желающих пристроить своих детей в учебные заведения такого рода, и это — печальное свидетельство человеческой глупости). Невысокая, тоненькая, юная, она не была похожа на важную даму. Скорее уж на школьницу, удравшую с уроков. Поскольку она прошла астранийскую трансмутацию, она еще очень долго будет выглядеть школьницей. Вдобавок на ней был костюм наподобие спортивного — пренебрегая традициями, она не стала надевать ничего такого, что носят дамы, находящиеся на государственной службе. Что ж, люди, узурпировавшие власть, могут позволить себе пренебрежение к традициям... Вермес подумал об этом после, когда к нему вернулась способность думать. Тогда он находился в режиме «Свертывание» и ничего не соображал. Уже потом он вспомнил детали: странную траекторию полета листа, сорванного ветром с дерева — тот должен был упасть под ноги леди Сентил, но вместо этого обогнул ее по плавной кривой, что указывало на присутствие силового поля; довольные мордашки будущих учащихся колледжа, которым она явно понравилась. И телохранителей, державших ее в кольце, — их там было не четверо, а целый десяток.

Враги догадываются о планах Хозяев... Но Вермес настроился на успех. Судя по тому, что говорили о ней Ситавис и Тамьен, леди Сентил — достаточно удобный клиент. Демократична, неосторожна, склонна к авантюрам... Он что-нибудь придумает.

— Почему ты не попросишься в эту комиссию, которую она курирует? Какую-нибудь мелкую канцелярскую работу ты и там могла бы делать.

— Эрвет мне предлагала, — Тамьен вздохнула, — за

хороший оклад, не то что в «Россыпях». Я не могу. У меня родители... Ну, им не нравятся перемены. Они оба раньше были в Обществе Морального Надзора и считают, что раньше жизнь была правильная, а сейчас все не так. Если я пойду на такую работу, они меня со света сживут.

— Даже если ты будешь приносить домой больше денег?

— Даже если. Они люди старой закалки.

— При хорошем окладе ты сможешь снять квартиру...

— Я не могу. Они пожилые, много болеют... И все время всем недовольны. Я должна о них заботиться.

«Еще одна проблема. Для того чтобы на ней жениться, я должен понравиться ее старикам. Ничего, меня ведь учили нравиться. Семелой — единственный крепкий орешек, на всех остальных я произвожу запланированное впечатление. После свадьбы я добьюсь, чтобы мы поселились отдельно и чтобы Тамьен устроилась на работу в эту комиссию, поближе к Эрвет».

— Пригласи меня как-нибудь в гости.

— Зачем?

— Я постараюсь быть приятным собеседником для твоих родителей.

Она ему совсем не нужна. И никакого возбуждения он рядом с ней не испытывает, а девушки обычно улавливают такие нюансы. Зато в его распоряжении — весь набор служебных программ биокомпьютера. Вермес мысленно произнес двенадцатизначный код, дал команду: *переход в режим «Обольщение»*, и вновь повторил код, подтверждая команду. Теперь он переиграет любого легендарного соблазнителя, и никто не раскусит иллюзию... Эти служебные программы очень удобны. Например, в режиме «Бой» Вермес превращался в берсерка, способного разорвать напополам взбесившегося цепного ящера — словно какой-нибудь северянин, «наполнивший сердце мраком», как это у них называется. Только если северные аристократы ради этого глотают специальный наркотик и используют кое-какие приемы самовнушения, агенту Хозяев достаточно про себя назвать код и выбрать режим.

Он рассмеялся и обнял девушку за плечи. Она попыта-

лась высвободиться, он не отпустил. Тамьен перестала сопротивляться: ей это все-таки понравилось. Она слушала, что говорит Вермес — а он говорил то, что нашептывал биокомпьютер, — и ее глаза все сильнее блестели в сгустившихся сумерках...

На юге поднялась над крышами серебряная арка Врат. Мощенный булыжником переулок вывел их на Оргетойскую площадь, освещенную старинными газовыми фонарями. «Бархатная пещера» находилась в одном из соседних переулков.

На площади было запарковано множество машин. Под фонарем кучкой стояли полицейские, и вид у них был заговорщически-вороватый. Словно стражи правопорядка задумали по меньшей мере свинтить фары с чужого автомобиля.

— Может, лучше не надо? — робко предложил молодой полицейский.

— Да ты не бойся, Лугвен, — снисходительным тоном бывалого человека отозвался один из его старших коллег. — Если мы лорда порадуем, нам премию выплатят! Все по закону, все путем. Есть «Правила парковки автомобилей, развивающих скорость более 200 километров в час», утвержденные одна тысяча сто двадцать четыре года назад эсодианским муниципалитетом, и никто их покуда не отменил. По этим правилам такой автомобиль должен стоять в двадцати сантиметрах от края тротуара. Чтоб мне обосраться на месте, если ее машина больше двухсот не сделает! Сейчас Тенгил еще раз проверит и скажет, сколько там сантиметров.

— А дальше? — испуганно спросил молодой.

— Дальше протокол составим, как лорд велел. Ты не напрягайся, мы к ней сами с этим протоколом не пойдем. Наше дело — нарушение зафиксировать. Вызовем спецкоманду, тех ребят лорд самолично натаскивал... Они ознакомят ее с протоколом и вручат квитанцию на штраф. А нам за это — премия!

Из темноты появился еще один полицейский, он радостно ухмылялся.

— Есть там эти три сантиметра! Двумя рулетками из-

мерил, чтоб наверняка. Я еще тротуар пометил маркером, а то вдруг она выйдет и отгонит машину.

— Да не станет она с этим возиться. Сейчас протокол о неправильной парковке напишем... Вот будет нашему лорду подарочек к празднику!

Вермес отметил эту подозрительную сходку служителей закона, явно замысливших устроить кому-то пакость, но не придал ей особого значения. А зря... Они с Тамьен свернули к дому, второй этаж которого нависал над тротуаром, опираясь на круглые колонны, посередине сужавшиеся, а у основания и наверху расширявшиеся — словно каждая составлена из пары конусов. Ресторан находился на втором этаже. Оттуда плыли звуки кедайской сайбы, щемящие и возбуждающие одновременно — переведенная на язык музыки тьма ночных тропиков, перемешанная с небесным серебряным светом. Поднимаясь по лестнице, Вермес подумал, что вечер в «Бархатной пещере» — не худшее развлечение. Хотя он бы, конечно, предпочел кайф у себя дома.

Зал, задрапированный черным бархатом, погружен в интимный полумрак. Вермес окинул его взглядом, высматривая свободный столик...

Ситуация: опасность.

Режим: свертывание.

Тамьен покосилась на него, удивленная тем, что его рука внезапно соскользнула с ее плеча, а сам он замолчал и стоит неподвижно.

— Мерклой, куда мы сядем?

Ситуация: поступил вопрос.

Действие: выдать необходимую информацию в режиме свертывания.

— Туда куда-нибудь... Туда... — невнятно пробубнил Вермес.

Он показал на свободный столик в углу возле входа, потому что тот находился дальше всех остальных от столика страшной женщины. Да, это очень страшная женщина — вот и все, что помнил о ней Вермес. Правда, сейчас он испытывал не страх, а бесконечную апатию с некоторой примесью тоски. Страх может его выдать, поэтому бо-

яться ему не позволят. Кто не позволит? Неважно. Никто. Он маленький и безобидный, он вообще ничего не делает. Тамьен, на которой он непременно должен жениться, увлекла его к столику, потом официант принес меню.

— Что с тобой, Мерклой? У тебя есть деньги, мы сможем расплатиться?

Ситуация: поступил вопрос.

Действие: выдать необходимую информацию в режиме свертывания.

— Да... Есть деньги... Всякие...

Он достал из кармана бумажник, вытряхнул на стол несколько крупных купюр.

— Хорошо, ты их пока убери. Что закажем?

Ситуация: поступил вопрос.

Действие: выдать необходимую информацию в режиме свертывания.

— То, что едят... Закажи...

Принесли ужин. Вермесу хотелось забраться под стол и сидеть там тихо-тихо, но что-то не давало ему это сделать. Он должен вести себя так же, как все, а все здесь сидят на стульях, едят, слушают музыку... Нельзя отличиться. Вермес равнодушно жевал и пил какие-то довольно вкусные вещи, смутно ощущая, что Тамьен чем-то недовольна. Зачем он пришел сюда вместе с ней? Он не помнил.

Страшная женщина заплатила по счету и направилась к выходу. На ней было что-то вроде черного комбинезона, на котором вспыхивали и гасли сияющие зигзаги — чуть ли не в ритме сайбы, которая продолжала звучать, ни на минуту не умолкая. Черные волосы в полумраке сливались с воротом ее одеяния, и невозможно было разобрать, длинные они или короткие. Она была красива, но это не мешало ей быть страшной. Когда она замедлила шаги и повернула голову, Вермес понял, что умрет, если она проявит к нему интерес. Независимо от того, хочет он этого или нет, он умрет. Так надо.

— Привет, Тамьен!

— Здравствуйте! — приподнявшись со стула, ответила Тамьен.

Женщина прошла мимо, к выходу.

— Добрый вечер, досточтимая госпожа Танрос, — донесся со стороны дверного проема приятный баритон, очень вежливый, официальный и непреклонный. — Дорожная полиция! К сожалению, мы вынуждены сообщить вам о том, что ваша машина неправильно запаркована. В соответствии с действующим законом и с двадцать шестым параграфом тридцать восьмого пункта седьмого раздела Отоланского договора, вы должны уплатить штраф. Попрошу ознакомиться с протоколом. Можем присесть внизу, в вестибюле, там диванчики...

— Вы уверены, что моя машина запаркована неправильно?

— Она стоит на три сантиметра ближе к краю тротуара, чем это допустимо для транспортного средства такого типа. Все занесено в протокол...

Голоса удалялись.

Ситуация: норма.

Режим: рабочий, норма.

Поэтический выход из режима свертывания. Время пошло.

Пять.

— Надо же, она меня узнала, — улыбнулась Тамьен. — А я побоялась первая с ней поздороваться... Когда я работала в лаборатории у Сентила, она тоже там была, только не в таком виде, а в этом их астранийском гриме. Такую смешную тетку изображала! Она устроилась в наш институт, чтобы войти в доверие к консовцам, вроде как куратор от Общества Морального Надзора, а потом астранийцы разгромили КОНС. Мерклой, помнишь эту историю?

Еще бы он не помнил! Сердце заныло. Он ведь присутствовал на последнем собрании КОНСа, куда вломились астранийцы. Их было пятеро против нескольких сотен, но они почти в упор расстреляли лидеров организации, сидевших в президиуме, а потом обрушили на остальных психотронный удар... Генеральный Кабинет взял сторону победителей, КОНС объявили вне закона. Дайвин Танрос была среди тех пятерых.

— Мерклой, что с тобой? — голос девушки звучал испуганно. — Тебе плохо?

Он сумел только головой качнуть.

Четыре.

...Это было похоже на то, словно он вдруг увидел свое отражение в зеркале — и отражение ему сильно не понравилось. В момент удара он понял, что никакой он не герой, марширующий в железных рядах несокрушимого КОНСа навстречу кровавой заре, а неуверенный в себе юноша, заваленный множеством проблем, ничуть не лучше тех «прыщавых преступных интеллектуалов», которых консовцы собирались «безжалостно искоренять». Он понял, что без КОНСа он ничто, а сила КОНСа — это всего лишь иллюзия, и это понимание его раздавило. Потом была больница на восемьдесят шестом километре, в которой он провёл около года. Он был тихим пациентом, но санитары с ним намучились, потому что он отказывался от пищи и приходилось кормить его через зонд. Он не пошел на поправку, даже когда астранийцы в соответствии с одним из пунктов Отоланского договора сами занялись пациентами, дабы исправить дело своих рук. Он просто отвергал любую помощь — особенно если она исходила от тех, кто так жестоко с ним обошелся! — а душевнобольного, который не хочет выздоравливать, вылечить невозможно. Потом он все-таки начал есть самостоятельно, потому что ему надоело в психушке, и его выписали.

Три.

Он действительно умер бы, если бы Дайвин Танрос уделила ему слишком пристальное внимание. От мгновенной остановки сердца. Умертвить агента в случае необходимости — одна из функций биокомпьютера.

Два.

Мог бы сообразить, в чем дело, когда услышал, как сощещаются полицейские... Лорд общественного порядка постоянно донимал полномочного астранийского наблюдателя штрафами и всевозможными юридически обоснованными придирами. Инструктор сказал, что эти двое враждуют с тех пор, когда Олвен Сентил гонялся за ней, еще не будучи лордом общественного порядка. «И это называется власть! — желчно усмехнулся Ситавис. — Люди, которые в силу парадоксального стечения обстоятельств захватили власть на

Биане, для власти не созданы. Реальная власть должна оставаться привилегией Хозяев!»

Огин.

Пронесло. А если бы она что-нибудь заподозрила?.. Вермес знал, что такое полномочный астранийский наблюдатель. Полномочный — это значит с правом вмешательства. Это значит, Дайвин Танрос имеет право носить любое оружие и по своему усмотрению применять его на территории Меводы; имеет право кого угодно арестовать, не вдаваясь в объяснения; имеет право, сославшись на второй параграф десятого пункта третьего раздела Отоланского договора, потребовать содействия от сотрудников полиции, и те обязаны выполнять ее приказы. Связано это с тем, что Биана фактически находится в состоянии войны с Хозяевами, вот только знают об этом не все... Было бы сложно растолковать рядовому меводянскому обывателю насчет слипающихся трехмерных континуумов: ведь Хозяева на протяжении веков контролировали развитие науки на Биане, направляя его таким образом, что некоторые области объявлялись заведомо лженаучными без каких бы то ни было попыток исследования. Дилвину Сентилу во время его знаменитого судебного процесса удалось расшатать кое-какие из утвердившихся в науке стереотипов, но для радикальных перемен в массовом сознании этого недостаточно. Астранийцы пытаются вести просветительную работу в этом направлении. Но они не успеют. Хозяева раньше наведут порядок.

Ноль.

Выход из режима свертывания завершен.

Режим: рабочий, норма.

Вермес налил себе вина и залпом выпил: в горле пересохло. Она могла забрать его с собой, никому ничего не объясняя... Впрочем, далеко бы они не ушли. Он бы еще на лестнице умер, не дойдя до первого этажа.

Такие крайние меры предосторожности оправданны. Недаром до сих пор не удалось ликвидировать никого из астранийской верхушки. У астранийцев есть компьютер «рассеянной конструкции», который даже Хозяевам оказался не по зубам. У части астранийцев развились пара-

нормальные способности такого порядка, что Инструктор, затрагивая данную тему, всякий раз начинал нервно морщиться — что-то вроде тика. Дайвин Танрос как раз принадлежала к этой категории, потому и могла позволить себе разгуливать по Эсоде без охраны. Еще до того, как Вермеса вернули в Меводу, ее неоднократно пытались убить — на этих попытках Хозяева потеряли несколько десятков тренированных агентов. Правда, Ситавис, имевший на нее зуб, утверждал, что все равно ее достанет, не с одной стороны, так с другой.

— Что с тобой было? — спросила Тамьен. — Ты вдруг стал какой-то странный...

— Извини, это на меня сайба так подействовала. Мощные ритмы, правда?

— Правда.

Вермес отвез ее домой на такси, а потом, возвращаясь к себе, подумал: Хозяева не все учли, программируя биокомпьютер. Тот швыряет агента в режим «Свертывание» всякий раз, когда поблизости астранийцы, — но ведь в Эсоде они на каждом шагу! Как он должен работать в таких условиях? Если это будет часто повторяться, Тамьен решит, что он серьезно болен, и не согласится выйти за него замуж...

Он был наказан за эту мысль головной болью: нельзя сомневаться в правоте Хозяев.

Поскольку он проштрафился, он и кайфа перед сном не получил, и долго с тоской смотрел в потолок, вспоминая то обучение у Хозяев, то психушку на восемьдесят шестом километре, то события сегодняшнего дня... Завтра надо будет выяснить, что за секретный документ приготовил для Семелой коммерческий директор. Вдруг там какая-нибудь каверза против сотрудников отдела?

Утром, чувствуя себя усталым и разбитым, Вермес вытащил из холодильника пузатую бутылку фруктового сока, сделал бутерброд с ветчиной — скромный завтрак шпиона, — наскоро перекусил и помчался в «Кедайские россыпи».

Его сразу же заставили поменяться столами с Тамьен. Он ничего не имел против и всячески демонстрировал свою лояльность, но начальница все равно ехидно брюзжала насчет мужского эгоизма, утверждая, что, когда отдел

переезжал в эту комнату, Вермес кинулся вперед, всех отпихивая локтями, и бессовестно занял самый лучший стол. Все было не так: Семелой, на правах руководителя, выбрала стол первая, но напоминать ей об этом не было смысла. Если речь заходила о не вполне удобных для нее фактах, с ее памятью начинало твориться что-то неладное: Семелой ну совсем ничего не могла вспомнить, словно эти события никогда не происходили.

Появился Рибнен с дискетой.

— А вирус на нее не перескочит, пока я буду читать? — шепотом спросила начальница.

— Когда вы ее вернете, я отформатирую. Ознакомьтесь до обеда.

Значит, ознакомимся до обеда... Узнать бы все-таки, кто же в «Россыпях» ворует, пользуясь сверхусложненной и запутанной системой начисления зарплаты? Если этот вежливый улыбчивый мальчик — тогда он и правда гений, как говорит о нем Семелой. Надо бы уточнить и, при положительном результате, послать Хозяевам запрос насчет вербовки.

Тамьен включила машину и сейчас сидела перед монитором, озадаченно морща лоб — Вермес видел ее в профиль.

— У тебя какие-то сложности?

— Да. Не сможешь? Я хотела дату в письме поменять, а у меня ничего не получается. Табличка выскакивает, там написано «Только для просмотра».

— Пусти-ка меня... Наверное, штучки вируса. Я скопировал тебе текст в новый файл, теперь меняй, что хочешь.

— Тамьен, займись пока чем-нибудь, — бодро-грубоватым тоном потребовала начальница. — Давай отсюда... Мне надо дискету Рибнена посмотреть. Куда ее суют, в эту щелку?

— Вот сюда, — показала Тамьен.

— А теперь сделай, чтоб было видно, что на ней написано. Для меня эти ваши компьютеры — такая ерунда... Вот спасибо, и теперь вы оба не топчитесь у меня за спиной, это документ для руководства!

Тамьен дисциплинированно вернулась за свой стол.

Вермес сидел на месте и прикидывал, как бы ему добраться до файла. Он перекачивает информацию к себе в мозг за несколько секунд — биокомпьютер это умеет, но для этого надо приблизить голову почти вплотную к включенному системному блоку, в дисковоме которого находится дискета. Примитивно, Хозяева располагают и более совершенными методами... Однако при использовании других методов вездесущий астранийский компьютер, созданный на основе нанотехнологии, сможет засечь, что происходит нечто, для него небезразличное. А так — не сможет.

Не то чтобы он очень нуждался в служебных секретах «Кедайских россыпей», но его преследовало навязчивое желание узнать, что в этом файле. Вдруг его хотят выгнать? Тогда труднее будет обрабатывать Тамьен... Он должен закрепиться здесь во что бы то ни стало. После вчерашнего он чувствовал себя неважно, его одолевали вспышки тревоги и тоски — раз привыкнув к кайфу, он уже не мог без него обходиться, хотя привыкание не было физиологическим. Роптать на Хозяев он не смел. Он избегал любых мыслей и эмоций, связанных с недовольством, — вроде того, как человек, у которого до крови стерта кожа на пятке, старается ставить ногу так, чтобы ссадина не соприкасалась с жестким задником обуви. Если он будет хорошим, сегодня он, возможно, получит порцию кайфа... Главное — не думать ничего лишнего. Сейчас большая часть его сил расходовалась на то, чтобы не думать лишнего. Остальное крутилось где-то на периферии сознания — в том числе и вопрос о том, надо ли ему тащить к себе рибненовский файл.

— Привет!

В кабинет ввалился Нербил — художник, работающий на договоре. Для Семелой он был врагом номер один: когда он появлялся, начальница даже про Вермеса забывала. Ее в нем раздражало все: собранные в хвост длинные волосы (традиционная прическа северных аристократов, недавно вошедшая в моду в Эсоде); жизнерадостная ухмылка; привычка сидеть на столе или на подоконнике; астранийские спортивные ботинки из переливчатого материала, которыми он непонятно где обзавелся; то, что у него было целые четыре персональные выставки, и то, что он никогда не от-

казывался от своего мнения в пользу ее мнения. С точки зрения Семелой, Нербил был отвратительным типом, и терпели его здесь только потому, что другие художники не горели желанием сотрудничать с «Кедайскими россыпями».

— Это вы с руководителем поздоровались, Нербил? — сразу взяв повышенный тон, осведомилась Семелой. — Нет, это вы с кем вот так поздоровались?! У вас вообще есть воспитание или нет?!

Хорошо. Сейчас все пойдет как обычно, а ему бы на несколько секунд оказаться рядом с компьютером... Можно считать, файл уже у него в кармане. В смысле в голове.

— Тамьен, сделай так, чтобы ничего тут не было видно, — потребовала начальница, пристально глядя на улыбающегося Нербила и наливаясь багрянцем гнева.

Тамьен тихо скользнула к компьютеру, выключила монитор. Дискета осталась в дисковом.

Художник уселся на край Вермесова стола. Стол скрипнул и пошатнулся.

— Чего он у тебя такой подвижный стал? — удивился Нербил.

— Нербил, вы с дамой разговариваете, а сами взгромодили свой, извиняюсь, зад на стол! — закричала Семелой. — У вас чувство стыда хотя бы есть?!

— Я не с дамой, я с Вермесом.

— А меня вы, значит, совсем уже игнорируете?! Значит, теперь вы будете своим задом через голову начальника отдела на служебный стол садиться?!

— Задом через голову — стоит попробовать. — Нербил эта фраза привела в восторг, он еще шире заулыбался.

— Я вижу, вы распустились! Раньше такие, как вы, ничего не смели! Подумаешь, художник! Да теперь каждый, кто что-нибудь намалевал, — тот и художником называется, а раньше Министерство Культуры решало, кто художник, а кто нет! Таких, как вы, близко не подпускали! Нельзя называть художником кого попало, правильно? Тамьен, я правильно говорю или нет?

Тамьен замаялась: она привыкла соглашаться с собеседником, но сейчас ей надо было выбрать, согласиться с начальницей или поддержать Нербила. Выбрать она не лю-

била, такие ситуации ее пугали. Ее дружба с авантюристкой леди Сентил — факт достаточно парадоксальный... Впрочем, Инструктор говорил, объясняя своим подопечным азы психологии, что противоположности если и не тянутся друг к другу, то нередко прекрасно уживаются, коли уж судьба их столкнула.

— Ой, госпожа Семелой, мне ведь надо бежать в канцелярию, чуть не забыла... Извините!

Извинилась она уже на ходу, перед тем как выскочить из кабинета. Семелой встала, чуть не опрокинув стул, пересела на свое место и начала раздраженно вертеть ручку с фирменной символикой «Кедайских россыпей». Вермес поднялся из-за стола, с рассеянным видом направился к компьютеру.

— Ты куда? — встрепенулась начальница.

— Там мой карандаш лежит.

— Нечего этот карандаш по всему офису разбрасывать, держи его у себя! Никак порядку не научитесь! — После этой сентенции она снова повернулась к Нербилу. — Раньше такие, как ты — я считаю, я имею право говорить тебе «ты»! — даже пикнуть не смели! Было Общество Морального Надзора, блюстители могли к каждому домой зайти, посмотреть, как человек живет, разобраться с его поведением! Были, конечно, свои перегибы, но в целом это была забота о людях, и люди жили хорошо, правильно? Я права или нет?

— Нет, — заявил Нербил.

Склонившись над столом, Вермес почти вплотную приблизил голову к корпусу системного блока, туда, где находилась щель дисководы. Мысленно произнес код, дал команду: *переписать информацию с дискеты*, повторил код.

Режим: запись.

Готово.

— Ну вы, конечно, можете не соглашаться со мной, можете думать все, что угодно... — Семелой говорила тоном смертельно обиженного человека. — Ваше дело... Только судьба вас еще накажет. Вот увидите, накажет! Я знаю, что говорю!

Самое интересное то, что она права. Когда на Биану

вернутся Хозяева, они накажут таких, как Нербил. Но сейчас Вермеса занимало не это, а содержимое файла.

Итак, руководителю отдела по связям с общественностью предлагается внести свои замечания по проекту экономики средств фирмы за счет рационализации учета рабочего времени. В частности, будут специально фиксироваться «нетрудовые действия»: сколько времени у каждого сотрудника ушло на посещение уборной, на приготовление и распитие кеваты, на неслужебные разговоры по телефону и т. п., — а потом все это должно заноситься в закрытый отчет, сдаваемый Рибнену вместе с ежедекадными отчетами сотрудников. Ничего существенного.

Нербил выложил свои рисунки и ушел. Брезгливым жестом отодвинув листки ватмана, Семелой с горечью сказала:

— Подумаешь, выполнил заказ, одолжение сделал.. У человека должны быть тормоза! Человек без тормозов способен на что угодно: украсть, убить, изнасиловать, предать — и даже проявить неуважение к своему начальству! Ничего, судьба всех вас еще накажет, и тогда вы увидите, что я права...

Вернулась Тамьен с пачкой бумаг, тихонько села за стол.

— Включи мне этот компьютер, а то где у него что... — Начальница вздохнула и потом ворчливо спросила, повернувшись к Вермесу: — Карандаш-то нашел?

— Его там не было.

— Не напасешься на вас карандашей... А у нас, между прочим, небогатая организация!

Вермес имел представление о том, какие деньги крутит «небогатая организация», но благодаря своей шпионской выучке сумел сохранить на лице виновато-безучастное выражение. Наверное, стоимость мифического карандаша Семелой вычтет из его зарплаты. Не имеет значения.

После работы он проводил Тамьен домой, опять воспользовавшись режимом «Обольщение». Наконец-то их отношения сдвинулись с мертвой точки! Биокомпьютер оценил его старания, и перед сном Вермес получил кайф по полной программе. Ради таких минут стоит жить... Каждую клеточку его тела пронизывало невозможное, неземное

блаженство. Ему не мешал ни шум, доносившийся из квартиры этажом выше, ни слишком яркий свет Врат, просачивающийся в комнату сквозь тюлевые шторы.

Проснулся он бодрым и хорошо отдохнувшим, как всегда после кайфа. На кухне вытащил из холодильника сразу две бутылки сока, сделал бутерброд. Перелив сок в кружку, позавтракал, бросил пустую бутылку в ведро. Распахнул буфет, оглядел содержимое полок. Ничего подходящего... Он снял эту квартиру три декады назад и еще не успел обзавестись множеством обычных в хозяйстве мелочей.

Пройдя в ванную, Вермес достал из стенного шкафчика банку со стиральным порошком. Годится... Вернулся на кухню, открыл вторую бутылку с соком мекойи и осторожно, не уронив мимо ни крупички, всыпал туда немного порошка. Завинтил крышку, встряхнул. Розовато-оранжевая жидкость вспенилась. Ничего, так даже красивей. Правда, пить нельзя, но он и не собирается это пить. Пусть это у него будет сок для просмотра.

Вернув банку с порошком на место, Вермес отправился на работу. Несколько остановок на монорельсе — и вот он, обветшалый особняк с крупной, в стиле шестого века после Катастрофы, лепниной на стенах, арендованный «небогатой организацией».

Утро выдалось спокойное: Семелой пребывала в благодушном настроении и с умиротворенно-мечтательным выражением на лице рассуждала о том, что, если сейчас не жалеть себя и пахать по восемь — по десять часов в сутки, когда-нибудь потом можно будет вообще ничего не делать «Сидеть и ничего не делать» — это была ее сокровенная мечта; та самая Большая Светлая Цель, ради достижения которой и полагалось «пахать по восемь часов в сутки». В глубине души Семелой испытывала отвращение к работе, но в то же время считала, что работать надо и уж тем более надо заставлять работать других. С некоторым удивлением от своего открытия Вермес узнал в этом один из так называемых базовых архетипов, которые из поколения в поколение прививали его соотечественникам Хозяева. Значит, с точки зрения Хозяев, Семелой живет правиль-

но... Ему удалось отметить этот факт бесстрастно, без комментариев. Хозяевам виднее.

Он составлял рекламную заметку о консервированных кедайских фруктах, когда его настигла вспышка тревожно-го недоумения. Вермес положил ручку и уставился на исписанный лист бумаги. Почему он проделал сегодня утром этот номер с соком? Бессмысленная порча продукта... Похоже на то, что его заставил поступить таким образом биокомпьютер, совсем как в тех случаях, когда Вермес переключался в определенный режим, — но зачем? Он ведь не собирается никого травить. Не забыть бы вылить эту гадость, чтобы случайно не выпить.

Когда начальница вышла, Тамьен по секрету объяснила: Семелой потому такая добрая, что Рибнен утром вызвал ее к себе и выдал зарплату за прошлый месяц. Остальным пока не дают.

В перерыв Вермес сбегал в кафе около станции монорельса и купил четыре пирожных: себе, Тамьен и Семелой, а четвертое бросил на тротуар и раздавил подошвой.

— Что ты делаешь? — окликнул его кто-то.

— Для просмотра, — буркнул Вермес и быстрым шагом направился к офису. Он и сам не понимал, почему это сделал, но чувствовал, что так надо.

Скушав пирожное, начальница еще больше подобрела, даже начала шутить с Вермесом насчет его рекламной заметки: мол, вот будет замечательно, если, прочитав ее, сами кедайцы начнут покупать у «Россыпей» консервированные кедайские фрукты. Например, те двое, которых она вчера с таким трудом сюда затащила, — правда, теперь это астранийцы, но совсем недавно они были настоящими дикими кедайцами, поэтому жалко, что никто не догадался презентовать им на память по банке «Тропического компота».

Тамьен села за компьютер, но у нее постоянно выскакивала табличка «Только для просмотра». Позвали системного администратора. Тот сказал, что это точноделки вируса, и посоветовал не выключать машину без необходимости. Вирус вообще-то не из самых пакостных: все, что он делает, — это переводит программы и рабочие файлы в режим «Только для просмотра». К еще не зараженным фай-

лам он цепляется при каждой перезагрузке, поэтому чем реже включать-выключать — тем меньше он напортит.

— А когда вы нам антивирусник поставите? — спросила Тамьен.

— Когда велят. Ваше заявление лежит у Рибнена.

— Может быть, нам поторопить Рибнена? — нерешительно предложила Тамьен, когда компьютерщик ушел. — Неудобно ведь...

— И не вздумай! — осадила ее Семелой. — Он руководитель, он такие важные вопросы решает... Стратегические! А мы к нему будем со своими неудобствами бегать! Мы не жаловаться должны, а пахать по восемь часов в сутки.

— Как же мы будем пахать, если компьютер зависнет? — негромко поинтересовался Вермес.

— А ты ведешь себя, как базарная баба! — крикнула Семелой. — Ты на работе свои эмоции не распускай, понял?! Пахать он не хочет! Иди тогда отсюда на улицу, мы на твое место другого найдем!

Вермес предпочел помалкивать. Идти на улицу он не собирался — во всяком случае, не собирался без Тамьен.

Вечером он опять пошел ее провожать, но, когда попытался воспользоваться режимом «Обольщение», ничего не получилось.

Программа «Обольщение» доступна только для просмотра.

Черные боги, что это значит?! Он же так задание не выполнит... Вспомнив о кайфе, Вермес сжал зубы: сегодня он должен заслужить награду.

Он старался быть обаятельным, обнимал Тамьен за талию, рассказывал, выуживая из памяти, какие-то анекдоты... Доведа ее до подъезда, вздохнул с облегчением и повернул к станции монорельса. Все было правильно, он еще на шаг приблизился к цели и не позволял себе критиковать Хозяев. Он даже ужинать не стал, поскорее выключил свет и растянулся на кровати.

Ничего. Почему — ничего?! Это несправедливо!

Программа «Удовольствие» доступна только для просмотра.

Вермес почувствовал, как все его тело покрывается

липким потом. Да что же с ним происходит — или, точнее, не с ним, а с биокомпьютером? Что-то странное, не предусмотренное Хозяевами.

Он долго не мог уснуть — лежал в темноте и слушал скрип, доносившийся с верхнего этажа. Там, наверху, жили две старушки, и у них был раскормленный золотистобурый суркот, похожий на большой пушистый шар с хвостом на четырех лапах. Несколько раз Вермес видел, как старушки выносят его погулять: вдвоем, на подносе, застланном мягким одеяльцем, сгибаясь под тяжестью своего ненаглядного сокровища. Ходить по лестницам суркот не любил. Во дворе он неторопливо, вперевалку, слонялся по газонам, иногда принимался грызть скамейку или ствол какого-нибудь молодого деревца, а когда его отгоняли, некоторое время смотрел на человека, словно не понимая, в чем дело, и только после двух-трех окриков нехотя отходил в сторону.

Судя по звукам, сейчас эта зверюга трудилась то ли над ножкой стола, то ли над боковиной дивана. Скрип мешал сосредоточиться, он заполнял все пространство вокруг, проникал под череп, а сосредоточиться надо обязательно — чтобы понять, что происходит с биокомпьютером... Наконец суркот утомился. Наверное, уснул посреди россыпи щепок.

Мокрый от пота Вермес лежал, наслаждаясь тишиной, — и вдруг понял.

Вирус.

Он попал к нему в мозг вместе с файлом, который Рибнен приносил Семелой! Черные боги, влипнуть из-за такой ерунды... И что ему теперь делать?

Где искать резидента Хозяев, Вермес не знал. В соответствии с планом операции тот сам свяжется с ним после того, как Вермес женится на Тамьен Лакерой и они начнут идиллически дружить семьями с лордом-дипломатом и его супругой. Но ему надо срочно получить помощь, иначе никакой операции не будет! Надо — и невозможно... Измученный, перевозбужденный, Вермес сам не заметил, как отключился.

Утром он доплелся, пошатываясь, до ванной, намазал

нижнюю часть лица мыльным кремом, потянулся за бритвой... и отдернул руку. Щетина — для просмотра. Сбривать ее нельзя. Неправильно. Захватив банку со стиральным порошком, он отправился на кухню. Повытаскивал из холодильника продукты и перевел их в режим «Только для просмотра». На полке остался одинокий кусок ветчины — Вермес отрезал от него ломоть, прожевал, запил водой из-под крана. Дверцу холодильника не стал закрывать: пусть работает в режиме «для просмотра».

Уже потом, стоя на ступеньке медленно ползущего вверх эскалатора монорельса, он спохватился, что ветчина-то за день испортится... Но, боги великие, какая это мелочь по сравнению с тем, что с ним происходит! Воспользоваться антивирусной программой? А вдруг она так вычистит ему мозги, что он вообще перестанет что-либо соображать? Она ведь рассчитана не на человека, на машину. Нужно найти кого-нибудь, кто поможет. Хозяева далеко. Кто еще способен справиться с вирусом? Хакеры. Они должны разбираться в том, как работает антивирусник, — значит, ему надо проконсультроваться у какого-нибудь хакера.

За окном мелькали решетчатые опоры монорельса, внизу плыли крыши, то жестяные, то черепичные, иногда поезд нырял в тень, в коридор меж двух рядов старых высотных зданий, а потом снова выскакивал на солнце, и в глазах у Вермеса рябило от этого мельтешения.

Семелой встретила его криком:

— Вермес, где твой отчет?! А? Ты что, пятилетний или взрослый человек пришел на работу? Ты же совсем ничего не делаешь, я не вижу результатов твоей работы! Ты до сих пор не сдал мне отчет за декаду — это по-мужски?! А почему у тебя рожа, извиняюсь, намыленная?

— Для просмотра, — устало объяснил Вермес. Пока он ехал на работу, к нему уже несколько раз приставали с этим дурацким вопросом.

— Ты что, решил над начальником отдела поиздеваться?! Раньше бы тебя за это в Общество Морального Надзора вызвали, чтобы как следует поговорить, а потом пришли бы к тебе домой и посмотрели, что ты читаешь, что у тебя

где лежит, — и ты бы не смел после этого в таком виде на работу являться! Ты бы по струнке ходил, как миленький!

С точки зрения Хозяев, Семелой думает правильно... А ему все равно тошно ее слушать. Выходит, то, что прививают людям Хозяева, ему не нравится?.. Он сам сжался от этой крамольной мысли и приготовился к тому, что вот сейчас заболит голова... Ничего не случилось. Видимо, ту программу, которая наказывала его за недопустимые мысли, тоже повредил вирус. Вермес вдруг ощутил громадное облегчение и откинулся на спинку стула, прикрыв глаза, не слушая, что там еще говорит Семелой. На какое-то время он свободен от контроля за мыслями. Можно отдохнуть. Он даже сам себе не смел признаться, как он мечтал об отдыхе на протяжении последних двух лет, — потому что такое признание тоже было недопустимой мыслью.

Вирус. Надо побольше узнать о вирусе. В ящике его стола лежала дискета, на которую он вчера сбросил в электронном виде рекламу «Тропического компота». Вермес сунул ее в карман. Потом поднялся, неловко опершись о стол, и стол с треском рухнул — в третий раз на его памяти.

Семелой продолжала кричать, но он по-прежнему не слушал, словно выключил звук. Подошел к ее столу, снял трубку с позолоченных рычагов телефонного аппарата, набрал номер.

— Нербил?

— А, привет. Что у вас там стряслось?

— Не у нас, у меня. То есть у моего знакомого... У него в машине вирус завелся, а там информация очень важная... Ты не знаешь какого-нибудь хакера? Ну, проконсультироваться, я заплачу, сколько надо. Дело срочное, человек по просту погибает.

— Ладно, ты лучше подъезжай ко мне, — после паузы предложил Нербил. — Знаешь, где я живу?

— Нет.

— Записывай, — Нербил назвал адрес.

Вермес не стал записывать. Запомнить наизусть адрес с одного раза — это он пока еще мог.

— И разрешения не спросил! — брызгая слюной, крикнула Семелой. — Ведешь себя так, как будто перед тобой

не дама и не твой руководитель, а трухлявый телеграфный столб! Давай стол собирай, он теперь, что ли, так и будет кучей лежать?

— Так и будет, — подтвердил Вермес. — Для просмотра.

Ответ был однозначным и буквальным, без всякого подтекста, но Семелой решила, что он иронизирует над Рибненом, который уже больше месяца держит у себя заявление насчет замены стола, и ринулась на защиту «гениального мальчика». От ее крика с распластавшихся на потолке лепных звезд тихо, как редкие снежинки, осыпалась побелка.

Он направился к двери. Тамьен испуганно смотрела ему вслед. Вспомнив, что он все-таки должен на ней жениться, Вермес сказал:

— Я еще вернусь сюда.

— А ты никому здесь не нужен!

От вопля Семелой заложило уши.

Повторив про себя адрес Нербила, он пошел к станции монорельса. Свободен! Пока он находился у Хозяев, его наказывали болью за каждое проявление недовольства, за каждую несанкционированную попытку анализа, за каждую тень сомнения. Особенно много боли было вначале, пока он не приучился контролировать свои мысли. Он уже успел отвыкнуть от того, что можно думать все, что угодно.

На протяжении всей поездки Вермес нецензурно ругался в адрес Хозяев — так ребенок, которого пороли за надписи на стенах, с наслаждением портит стенку в чужом подъезде, благо родители никогда об этом не узнают. Он был по-настоящему счастлив, даже забыл на какое-то время и про утраченный кайф, и про вирус... Но потом вспомнил. Хорошего понемножку, надо решить возникшую проблему и вернуться к выполнению задания.

Нербил жил в старом доме с громадными застекленными эркерами вразброс — те вздувались прозрачными пузырями на недавно покрашенном темно-желтом фасаде. Благодаря эркеру в его квартире было очень много солнца. Выслушав уклончивые и драматические объяснения Вермеса насчет друга, у которого из-за вируса гибнет исключительно ценная информация, он пригласил его в гости к

хакеру, который обитал здесь же, тремя этажами выше. Да, Нербил неплохой парень, и поболтать с ним приятно, и в помощи не откажет... Наверное, девушкам нравится. Хорошо, что он не положил глаз на Тамьен, а то пришлось бы его убить.

Хакер оказался шестнадцатилетним мальчишкой. Вермес пересказал ему свою легенду, вынул дискету.

— Ага, вот он, вирусяга! — после десяти минут возни радостно объявил хакер. — Я его знаю, он понемногу ко всему прицепится... Вам надо пятнадцатый файл-доктор поставить, он его точно сделает.

— А что произойдет с информацией, которая находится на диске?

— Пятнадцатый вылечит, что сможет, а что не сможет — грохнет, поэтому вы перед тем, как его пускать, скопируйте все в новые файлы и запишите в формате «примитив», к ним эта зараза не цепляется.

— У моего друга не все можно переписать в «примитив».

— Ну, тогда нет гарантий...

— Тогда пусть твой друг сходит в астранийскую контору, — вмешался Нербил, — там тебе выгадают файлы, даже если ты свой жесткий диск искупаешь в кислоте и потом испечешь в духовке. По договору они оказывают поддержку в тех случаях, которые для нас безнадежны, а наши вирусы для них не проблема. Я сам как-то раз таскал к ним свою машину — ничего, спасли информацию... Еще и ботинками разжился! — он довольно глянул на свою стильную обувь.

При других обстоятельствах Вермес спросил бы, как это он разжился у астранийцев ботинками, но сейчас было не до того. Значит, антивирусником воспользоваться нельзя... Он ведь не может переписать содержимое своей черепной коробки в формат «примитив»!

Возвращаться в «Россыпи» не хотелось, не то настроение, и он отправился домой. Прав был Инструктор, когда говорил, что помимо тех опасностей, которые можно предвидеть, агента подстерегает множество стихийно формирующихся ловушек. «Случайность — это один из наших

злейших врагов. Когда Хозяева забрали меня к себе, я был калекой, прикованным к инвалидному креслу. Здесь меня подлечили... Кто-нибудь из вас знает, при каких обстоятельствах я получил травмы?» — он с ехидно-желчным прищуром оглядел аудиторию. «Господин Инструктор, вас избили северяне на церемонии бракосочетания лорда Министерства Внешних Сношений Южной Меводы», — отрапортовал какой-то сообразительный курсант. «Не совсем так, — вздохнул Ситавис. — Меня избила одна северянка, леди Айвален Тирной Вентардел Кейнор, матушка леди Эрвет Вентардел Кейнор Сентил. Тьфу, какие длинные у них имена... Хороши у короля Нарегоя приближенные — эта остервеневшая ведьма избивала меня ногами на глазах у толпы других, таких же аристократов, да еще и ругалась! Но самое грустное то, что она не знала, кого бьет, я же был в женском платье. Когда ей сказали, кто я такой, она, слава богам, перестала меня пинать... Меня избили по ошибке, запомните это! Роковая случайность — и вы калека или труп!» Ситавис рассказывал эту историю несколько раз, с преувеличенной патетикой, с горечью — видимо, несмотря на прошедшие годы, никак не мог смириться с этим фактом. Вермес подумал, что его тоже погубила случайность. Дался ему этот файл Рибнена... Что теперь делать? Прежде всего — ни в коем случае нельзя засыпать, а то произойдет очередная перезагрузка!

Пересаживаясь с одной ветки монорельса на другую — для этого надо было миновать пару кварталов, застроенных сдвинутыми вплотную невысокими кирпичными домами с деревьями на плоских крышах, — Вермес наткнулся на астранийцев. Несколько парней и девушек (хотя возраст астранийца на глазок не определишь — даже участники межзвездной экспедиции, которым давно перевалило за сотню, выглядят тридцатилетними) как раз выходили из двух машин, опустившихся на площадку для парковки.

Ситуация: опасность.

Режим: свертывание.

Программа «Свертывание» доступна только для просмотра.

Шаркая по вымощенному красноватым кирпичом тро-

туару, Вермес прошел мимо. Штучки вируса так его измутили, что он даже врагов не испугался.

Дома он внезапно ощутил голод и съел остававшийся в холодильнике кусок ветчины. Не спать! Все, что угодно, только не спать. Наверху суркот опять грыз мебель, но, несмотря на шум, с наступлением темноты Вермеса начало клонить в сон. Он надрезал кожу на пальце, посыпал ранку солью. Если он хоть на минуту уснет, вирус еще к чему-нибудь прицепится... Его учили подолгу обходиться без сна, но этому уделялось не очень много внимания — считалось, что он при необходимости воспользуется режимом «Бессонница». Не слишком на что-то надеясь, Вермес попытался вызвать «Бессонницу». Ну да, «только для просмотра»... Похоже, что биокомпьютер готов и теперь вирус примется за его сознание и подсознание. Тем более нельзя спать!

После полуночи суркот затих, дом окутала ватная тишина. Вермес включил свет, включил музыку и уселся за стол, стиснув голову руками. Сколько он продержится без сна? Двое-трое суток, а потом сломается.

Уже на рассвете он то ли задремал, то ли потерял сознание от нервного перенапряжения, в результате свалился со стула и очнулся на полу. В первые секунды ничего не мог сообразить, потом вспомнил. Произошла перезагрузка или нет? Надо найти резидента Хозяев... Но ему не найти резидента — тот доступен только для просмотра. Черные боги, он уже сам начинает мыслить, как вирус! Что еще надо сделать? Да, сходить к адвокату проконсультироваться, а то есть у него одна юридическая проблема.

Откинувшись на спинку жесткого пластикового сиденья в вагоне монорельса, он смотрел в окно на проплывающие мимо покатые крыши — синеватая черепица похожа на рыбу чешую, кое-где в щели набилась земля, оттуда торчат травинки, — когда у него начало сводить живот. Не стоило есть тот кусок ветчины, целый день пролежавший в открытом холодильнике.

Вермесу пришлось выйти на площади Прогресса, где находился самый древний в Эсоде общественный туалет — настолько знаменитый исторический памятник, что его даже туристам показывали. Вот и сейчас перед серым при-

земистым зданием с лепными гирляндами вдоль карниза стояла группа экскурсантов, и гид что-то им рассказывал. Вермес проскочил мимо. Никогда нельзя есть продукты, предназначенные только для просмотра... Избавившись от злополучного ужина, он сполоснул руки под краном, мельком глянул в зеркало, на свое измученное бледное лицо с отросшей щетиной, и тут его окликнули:

— Молодой человек!

Он оглянулся: пожилой мужчина в старомодной шляпе с цепочкой.

— Разве можно быть таким рассеянным? Смыть-то забыли...

— Я сделал это для просмотра, — устало отмахнулся Вермес и направился к выходу.

Вроде понятно объяснил, но тот почему-то рассердился и закричал:

— Вернитесь и смойте за собой! Безобразие какое!

Вермес ускорил шаг, выскочил из туалета, пробился через толпу сгрудившихся перед старинным крыльцом туристов и побежал к станции монорельса. Уже на бегу он понял, что, по общепринятым меркам, сделал не то и его могут оштрафовать за нарушение общественного порядка. Все-таки бывают у него моменты прояснения... Сейчас он контролирует свое сознание параллельно с вирусом, но еще две-три перезагрузки — и вирус возьмет верх.

Ближайшая юридическая контора находилась в двух остановках от площади Прогресса, на Осеннем проспекте. Адвокат, мужчина средних лет с крупным широкоскулым лицом и вздернутым носом, предложил Вермесу сесть в кресло и устался на него выжидающе, вертя в пальцах дорогой карандаш с золотым тиснением.

— У меня сложный вопрос, — собравшись с мыслями, заговорил Вермес. — Я должен жениться на девушке, но жена мне не нужна. Меня устроит, если она будет в режиме только для просмотра. Ну, это разрешимая проблема... Надо найти закон, по которому я смог бы жениться на мертвой девушке.

Адвокат перестал вертеть карандаш. Его лицевые мускулы напряглись — словно он вдруг ощутил у себя под яго-

дицей острое иглоки, однако решил вопреки всему сохранить невозмутимый вид.

— В Меведе много всяких древних законов, — добавил Вермес. — Например, насчет парковки машин, у которых скорость больше двухсот в час, — до сих пор штрафуют. Наверное, и такой найдется.

— Конечно, найдется, — почему-то запнувшись, подтвердил адвокат. — Сейчас поищем и найдем. Только мне придется на минутку отлучиться — видите, у меня тут небольшой кабинет, и все тома Свода Законов в шкафах не поместились, остальные хранятся в соседней комнате. Не хотите пока выпить чашку кеваты? У меня есть растворяемая.

— Не откажусь.

Он ушел, вскоре вернулся с двумя книгами и чашкой.

— Вот, пожалуйста. А я поищу нужный вам закон, это где-то здесь... — усевшись на свое место, он начал листать один из томов.

Вермес взял чашку, плюнул туда и поставил на стол.

— Смотрите, красиво, правда? Пусть это будет кевата для просмотра.

— Конечно, конечно, — мягко согласился адвокат. — Кевата для просмотра — замечательная идея! Пусть так и стоит.

Вермес расслабленно улыбнулся. Хорошо, что хоть кто-то его понял.

— Так, в этом разделе ничего нет, сейчас следующий поглядим... — бормотал адвокат. — Древних законов много, обязательно найдем подходящий...

Шаги в коридоре. Дверь распахнулась, в кабинет вошли трое рослых мужчин в светло-бирюзовых медицинских халатах.

— Это он, — сказал адвокат.

Вермес вскочил, оттолкнув кресло, но ему тут же завернули руки за спину. Нападение! Он ударил того, кто оказался напротив, носком ботинка в пах, а потом, когда тот согнулся, в грудь, и параллельно с этим мысленно произнес код, дал команду *переход в режим «Бой»*, повторил код.

Программа «Бой» доступна только для просмотра.

Ничего, он и так умеет драться... Рухнув на колени. Вермес швырнул через себя санитаря, навалившегося сзади, опрокинулся на бок и сделал подсечку третьему. Вскочил и прыгнул на стол. До окна — полтора метра. Адвокат вжался в угол, заслонившись, как щитом, толстым томом Свода Законов. Первый санитар корчился от боли, двое других уже опомнились, и один из них что-то вытаскивал из кармана... Вермес в прыжке сбил этого парня с ног, но тут его охватила внезапная слабость, и он понял, что того и гляди уснет. Он еще успел повернуть голову: третий санитар держал астранийский парализатор. Ему же нельзя терять сознание...

Очнулся он в больничной палате. Пол застлан тюфяками, стены обиты мягким стеганым материалом успокаивающей расцветки, на окне решетка. Снаружи темно, виднеется краешек пологой арки Врат. Уже наступил вечер... Единственный плафон заливал палату приглушенным светом. Вермес оглядел себя: на нем пижама, хлопчатобумажные носки. Доигрался... Теперь он доступен только для просмотра, можно сразу форматировать. Даже если удастся отсюда выбраться, для Хозяев он — бракованный материал, никто не станет с ним возиться. Никто? Вермес невесело искривил губы. Кое-кто станет, еще как станет...

Нербил сказал, что для астранийцев вирусы, создаваемые меводянскими хакерами, — не проблема. Враги могут спасти его от вируса... И убивать его им невыгодно, ведь до сих пор им не удавалось захватить живьем никого из подготовленных Хозяевами агентов. По словам Инструктора, те умирали в момент захвата — биокомпьютер умерщвляет своего носителя и тут же самоуничтожается. Надо полагать, в том биокомпьютере, который сидит под черепом у Вермеса, программа «Смерть» доступна только для просмотра.

Если он добровольно сдастся властям и изъявит желание сотрудничать, с ним, наверное, не станут обращаться плохо... А Хозяева? Они ведь накажут его, когда вернутся на Биану. Они умеют наказывать. Но... кто сказал, что они непременно вернутся? Множество мелких разрозненных де-

тaley свидетельствовало о том, что они боятся астранийцев — несмотря на свой численный перевес, несмотря на многовековой опыт. Еще неизвестно, кто победит. Астранийцы будут рады заполучить живого и разговорчивого агента Хозяев — они в лепешку расшибутся, чтобы сохранить ему жизнь и рассудок! Только надо поторопиться, пока у него еще есть рассудок... Его так и подмывало распороть тюфяки и перевести их в режим «Только для просмотра», жаль, что под рукой нет ничего острого. Еще одна перезагрузка — и конец.

Оглядев палату, он заметил в углу белый щиток переговорного устройства. Нажал на кнопку. Вспыхнул зеленый глазок.

— Я вас слушаю, — произнес приятный женский голос.

— Добрый вечер! Вы дежурная сестра? — главное, не ляпнуть ничего лишнего. Он должен доказать медперсоналу, что он не сумасшедший.

— Да, добрый вечер. Как вы себя чувствуете?

— Я только что очнулся. Меня зовут Мерклой Вермес. У меня были трудности на работе, в результате стресс и нервный срыв... Нельзя ли устроить, чтобы меня поскорее принял дежурный доктор?

— Конечно, господин Вермес. Мы ждали, когда вы придете в себя. Сейчас я свяжусь с доктором, он с вами побеседует.

Спустя полчаса пришли трое санитаров. Один держал наготове парализатор, двое других надели на Вермеса «смирительный пояс», надежно притянувший руки к туловищу. После этого его отвели в кабинет врача, усадили в мягкое кресло. Тот спросил насчет имени, возраста, места жительства, места работы.

— Я работаю в «Кедайских россыпях», но это не все. Я завербованный агент захватчиков из другого пространственного континуума, которые готовят вторжение на Биану. Вызовите сюда госпожу Танрос, я хочу сдатьсь.

— Ясно, — со вздохом кивнул врач. — Давайте так, господин Вермес: сначала вы примерно с декаду у нас отдохнете, а потом снова поговорим.

— Сделайте, как я сказал! Госпожа Танрос должна меня выслушать.

— Она обязательно вас выслушает. Верховный Лорд и его величество король Севера тоже вас выслушают, но перед этим вы должны отдохнуть, подлечиться...

— Если вы не проявите бдительность, вас уволят с работы. Я вражеский шпион, а вы укрываете меня в психушке! Это саботаж, между прочим.

— Давайте начнем с начала, господин Вермес. — Врач доброжелательно улыбнулся. — Вы помните, зачем вы приходили к адвокату?

— Это из-за вируса. У меня в голове компьютер, но сейчас он висит, потому что в него попал вирус. Все перешло в режим «Только для просмотра». Теперь вирус делает то же самое с моим сознанием, и мне нельзя спать, он цепляется к новым файлам с каждой перезагрузкой.

— Понятно. Если у вас в голове неисправный компьютер, вы нуждаетесь в лечении, не так ли? Все будет в порядке, не волнуйтесь.

— Вы не понимаете... На самом деле я не псих, просто у меня в мозгах вирус! Я требую, чтобы вы немедленно вызвали сюда полномочного астранийского наблюдателя — вот увидите, она мне поверит!

— Сначала вам надо отдохнуть...

Еще одна перезагрузка — и от него ничего не останется. На Вермеса навалилось паническое отчаяние: он не хотел пропадать таким образом! Что угодно, только не это. Он напряг мышцы — дикое, неподконтрольное разуму усилие, — и смирительный пояс с треском лопнул.

Принято считать, что это невозможно, даже привыкший ко всякому врачу в первый момент опешил. Не теряя времени, Вермес вскочил, подхватил тяжелое кресло — выбить окно, здесь оно без решетки, — однако тут распахнулась дверь, и он швырнул кресло навстречу ворвавшимся санитарам. Перемахнув через стол, пинком вышиб из-под психиатра стул, схватил, с размаху шарахнул по стеклу и выпрыгнул наружу, в ночь. В воздухе он успел сгруппироваться, так что приземлился на четвереньки. Отбил ступни и ладони, но кости остались целы... Второй этаж.

Он помчался во тьму, петляя среди групп кустарника, и вдруг отметил, что действовал совсем как в режиме «Бой», хотя программа «Бой» в настоящий момент висит. Стоило ему об этом подумать, как силы иссякли, он почувствовал себя измученным и слабым. Сейчас наверняка начнется погоня... Телефон, вот что ему нужно! Существует ведь созданная астранияцами «Служба учета мнений»: туда можно позвонить и высказаться по любому вопросу — там никогда не бывает занято и никогда не бросают трубку, поскольку информацию принимает астранийский компьютер. Это его единственный шанс.

Телефон должен находиться в таком месте, где санитары не смогут до него добраться... Со стороны длинного трехэтажного здания, оставшегося за кустарником, доносились голоса: его уже ищут.

Местность была ему незнакома, это не больница на восемьдесят шестом километре. Территория какого-то большого медицинского комплекса. Впереди виднелась высокая решетчатая ограда, подсвеченная прожекторами. Метров пять-шесть — пока он будет перелезать, его успеют парализовать. Надо найти подсобку с телефоном и забаррикадироваться в ней.

Врата светили ярко, ему приходилось передвигаться стремительными бросками от куста к кусту, играя в прятки с медперсоналом. Во время очередного броска левую ступню прошила боль, так что он чуть не взвыл. Черные боги, гвоздь или осколок стекла, чтоб его в задницу тому, кто кинул его на газон... Новый бросок.

Программа «Анестезия» — только для просмотра.

Что ж, он и не сомневался...

За раскидистыми кайдехолами темнела группа зданий. Одно из них никак не могло быть больничным корпусом — приземистое, с трубой. Котельная. Около двери светилось одинокое окошко.

Хромая, Вермес взбежал по ступенькам. Дверь не заперта. К нему испуганно повернулись пожилая женщина и девочка-подросток, пившие кевату в маленькой сторожке.

— Здесь есть телефоны?

— Да... — ответила женщина. — Вам доктора вызвать?

— Где находятся телефоны? — хрипло перебил Вермес. — Они работают или для просмотра?

Женщина непонимающе моргала, но девчонка тонким голосом сказала:

— Рядом и в подвале, где котлы. Ой, после вас кровь на полу...

— Наружу, быстро! Тогда не убью!

Он мог бы перевести их в режим «Только для просмотра», но астранийцам это не понравится. Надо сдать властям без осложнений. Он хотел получить помощь и остаться в живых, и та часть его сознания, которая еще не была захвачена вирусом, добросовестно просчитывала варианты в поисках наиболее выгодного.

Женщина уронила чашку, торопливо закивала и потянула девочку к двери. Вытолкнув обеих на крыльцо, Вермес захлопнул дверь, задвинул засов. В подвал. Боль в ступне усилилась. Случайно глянув на пол, он заметил, что оставляет кровавые следы. Видимо, это для просмотра... Не имеет значения.

Еще одна дверь, железная. Она вела в темноту, но Вермес, пошарив рукой возле косяка, нашел выключатель. Засова нет, зато у стены стоит шкаф, который можно передвинуть. Стиснув зубы, он навалился на него всем весом. Шкаф со скрежетом поехал по кафельному полу, сверху что-то упало, стукнув Вермеса по голове и по плечу. В глазах потемнело, однако сознание он не потерял: нельзя перезагружаться.

Здесь было очень тепло, где-то в соседнем помещении мерно капала вода. Он огляделся: никакого телефона. Распахнул следующую дверь. Ага, вот! Старенький аппарат в облезлом корпусе висел на стене. Включив свет, Вермес огляделся: сначала — забаррикадироваться. Подходящей мебели не нашлось, но в углу стояла металлическая швабра. Ему удалось загнать ее под скобообразную дверную ручку таким образом, чтобы она заклинивала дверь в раме. Сверху доносились удары: санитары уже знают, где он спрятался. Ничего, на какое-то время засов их удержит.

Он еще не набрал до конца нужный номер, когда в трубке зазвучали короткие трели. Телефон-то для внутренней

связи... Однако он должен иметь выход в город — на случай аварии в котельной. Стараясь унять паническую дрожь, Вермес начал пробовать все цифры подряд, одну за другой. Связь с городом установилась после «пятерки».

Номер «Службы учета мнений» входил в число тех, которые он в свое время запомнил на всякий случай — вдруг понадобятся для той или иной цели.

— Здравствуйте, вас слушают, — отозвался доброжелательный голос на том конце провода.

— Я агент Хозяев! — крикнул Вермес, одновременно прислушиваясь, как санитары наверху методично колотят в дверь. — Не знаю, как называете их вы, для меня они просто Хозяева. Я хочу сдать! Нахожусь в какой-то котельной, на территории больницы — лучше определите сами, где я нахожусь! Только скорее, а то будет поздно!

Он спохватился: надо сообщить конкретные факты, иначе астранийцы тоже примут его за психа.

— Моим Инструктором был Ситавис, он сейчас работает у Хозяев. Я получил задание жениться на Тамьен Лакерой, чтобы добраться до леди Сентил. Если они ее захватят, они смогут оказывать давление сразу по нескольким ключевым линиям. Мне в мозг вживлен компьютер, но он завис, даже убить меня не может, потому что в него загружен вирус. Этот вирус сводит меня с ума, и мне нельзя засыпать или терять сознание, запомните это! После каждой перезагрузки становится хуже. Заберите меня отсюда скорее, даже если не верите, а то санитары меня усыпят, и я перезагрузюсь! Я владею нужной вам информацией, я знаю в лицо многих агентов, которых подготовили Хозяева! Я расскажу все, буду с вами сотрудничать, только убедите этот вирус из моей головы! Я знаю еще одну важную вещь — никого нельзя пускать к себе в мозги! Потому что сначала это кто-нибудь, кто выглядит умным, а потом на его место приходит тупой вирус, написанный придурком-хакером, и ты ему тоже подчиняешься, и от тебя ничего не остается! Я так не хочу! Можете меня убить, только сначала уберите вирус!

Он вдруг обнаружил, что держит в руке телефонную трубку с болтающимся проводом. Трубка для просмотра.

В какой момент он ее оборвал — до того, как изложил самое главное, или после? Его трясло, по лицу текли слезы, из-под левой ступни сочилась кровь. Не выпуская трубку, он привалился к стене.

Удар, грохот наверху. Вышибли входную дверь. Новый удар — это вторая дверь, припертая шкафом. Сейчас они будут здесь. Голова кружилась все сильнее, а он, из последних сил балансируя на грани обморока, даже не знал, кто пришел за ним...

Солнечный свет. Проникает сквозь веки вместе с ласкающим теплом. Вермес приоткрыл глаза. Он полулежал в удобном мягком кресле, а рассеянный свет, похожий на солнечный, лился с потолка. Голову что-то стягивало. Он поднял непривычно слабую руку и потрогал: повязка. На нем больничная пижама... Тут его словно ударило током: вспомнил про вирус. Значит, он все-таки потерял сознание около телефона в котельной... Произошла перезагрузка или нет?

— Как вы себя чувствуете?

Откуда-то сбоку, из той части комнаты, которую он не мог увидеть — голова не поворачивалась, — выступил парень в светло-бирюзовом комбинезоне с капюшоном, его лицо прикрывал прозрачный щиток. Так и есть, больница. Поймали и вернули обратно.

— Вы психиатр?

— Нет, я хирург. Я вас оперировал. Как вы себя чувствуете?

— Вы достали его, этот вирус?! — в душе у Вермеса затеплилась почти погибшая надежда.

— Я достал компьютер, который был вживлен в ваш мозг. Вы не ответили на мой вопрос, как самочувствие?

— Хорошо, — расслабленно выдохнул Вермес, а потом понял, что ляпнул нечто, достойное Семелой. Нахватался в «Кедайских россыпях»...

— С вами хотят побеседовать представители власти. Сейчас я приглашу их.

Отступив в сторону, врач исчез из поля зрения.

Двое посетителей появились бесшумно, и Вермес сразу узнал их, хотя на них тоже были медицинские комбинезоны с прозрачными щитками. Крупный, грузный мужчина с гладко выбритой круглой физиономией — Олвен Сентил, лорд общественного порядка Южной Меводы (выскачка, понятия не имеющий о том, что такое быть государственным деятелем, — если припомнить характеристику, данную ему Инструктором). Высокая женщина с бездонно-черными глазами на загорелом лице — Дайвин Танрос, полномочный астранийский наблюдатель в Меводе. Вермес впервые видел ее так близко. Последнее собрание КОНСа шесть лет назад, сокрушительный удар по психике... Страх, и безнадежность, и нежелание воспринимать себя таким, как есть. Одно дело, когда ты самходишь к зеркалу, потому что решил на себя посмотреть, — и совсем другое, если тебя с размаху треснут лицом об это зеркало.

Он пережил тогда нечто подобное и теперь не мог ни простить этого участникам той акции, ни избавиться от страха. Он знал, что она улавливает его эмоции (почти все астранийцы владеют эмпатией, из-за чего Хозяева и ввели режим «Свертывание»), но без компьютера не получалось держать их под контролем. Собственно, он и раньше не держал их под контролем. Биокомпьютер все делал сам, пока не подцепил вирус.

Только бы она не заговорила с ним... Ее присутствие выбивало Вермеса из равновесия, которое он обрел благодаря ласковому свету, неотличимому от солнечного, и хорошей новости насчет того, что с вирусом покончено. Ему было неуютно под ее взглядом.

Заговорил с ним Олвен Сентил:

— Ну что, башка-то теперь в порядке?

— Да... досточтимый лорд, — он запнулся, потому что не сразу вспомнил, как в Меводе полагается обращаться к главе министерства.

Память работала плохо, словно что-то в ней атрофировалось — слишком привык он полагаться на подсказки биокомпьютера. Вермес слегка запаниковал: что делать, когда его начнут допрашивать? Он же обещал им информацию..

— Мне трудно думать и трудно вспоминать. Я расскажу все, что вспомню, но сейчас у меня в голове какая-то каша, и трудно искать в ней то, что нужно...

— Тебе придется заново учиться думать. — Он вздрогнул от звуков ее голоса — в общем-то приятного, если отвлекаться от побочных ассоциаций.

— Вирус что-то повредил у меня в мозгах? — прошептал Вермес.

— Не вирус, а компьютер твоих Хозяев, — она смотрела на него почти с сочувствием. — Точнее, его программы. Такие шутки с сознанием не проходят бесследно. Вообще-то шансы вернуться в норму у тебя есть — если хватит сил и желания. Олвен, я жду тебя внизу.

Сейчас уйдет... Вермес ощутил облегчение.

— погоди! — окликнул ее лорд общественного порядка, когда она направилась к двери. — Из больницы-то ничего не прихватила? А то после тебя всегда чего-нибудь недосчитаешься, будь то отчет о беспорядках в Охтоле, живой человек или мой любимый карандаш с обгрызленным кончиком.

— Ты вчера нашел этот отчет на подоконнике, под коробкой со своим любимым печеньем, — бросила Дайвин Танрос, уже невидимая для Вермеса.

— Знаешь, да? А как насчет остального? О людях лучше помолчим, а карандашик-то в аккурат после твоего визита пропал...

Должно быть, она вышла, не дослушав, потому что лорд вновь повернулся к Вермесу, который смотрел на него и тупо моргал: ему дико было услышать такой разговор между людьми, облеченными высшей властью. У Хозяев по-другому: там вышестоящие всегда держались величественно, с мрачноватой торжественностью, как на похоронах — по крайней мере в присутствии подчиненных и посторонних. А эти... Но тут он с ужасом понял, что ему очень трудно находить в своей памяти какие-либо подробности из жизни Хозяев: они словно плавают в сером тумане, вне пределов досягаемости.

— Чего ты так перетрусил? — спросил лорд общественного порядка. — Естественно, ты арестован, но суда не

будет, и вообще неприятностей не будет. Ты нам очень помог. Посидишь пока в изоляции, чтобы твои Хозяева тебя не достали.

— Я мало помню, — с отчаянием признался Вермес.

— А, об этом не беспокойся. Тебя уже допросили, не приводя в сознание, так что ты выложил и все, что помнишь, и все, что не помнишь, и все, что Хозяева приказали тебе забыть. Кое-что мы и сами знали, кое-что было новенькое... Можешь отдыхать.

— Значит, я не буду считаться предателем?

— Нет, раз ты сам решил переиграть. — Лорд повернулся в ту сторону, где находилась, видимо, дверь, на ходу ощупал свой бок под медицинским комбинезоном и удовлетворенно пробормотал: — Вот он, мой карандашик, в кармане лежит... А куда ему деться?

Вермес расслабился в кресле: да, теперь можно отдохнуть. И от Хозяев, и от суркота на верхнем этаже, и от Семелой... Пусть «Кедайские россыпи» без него налаживают связи с общественностью!

Сняв натянутый поверх костюма комбинезон, Олвен Сентил спустился вниз. Дайвин ждала его в холле на первом этаже.

— С каких это пор ты стала такой деликатной? Смотри-ка, ушла, чтобы парня не нервировать... Ладно, я зато знаю, как мы выловим остальных!

— Я тоже знаю, — улыбнулась Дайвин. — Я уже связалась с нашими программистами, они сегодня же приступят.

— Ну почему мы с тобой иногда так одинаково мыслим? — вздохнул он с наигранной досадой. — Все равно приоритет за мной: ты первая сказала вслух, а я первый додумался. Вот будет работенка — ловить по городу психов, мне же придется на это дело мобилизовать всю полицию!

— Не придется. Этим займемся мы.

— На моей территории, ага?

— В соответствии с договором, Олвен.

Он вдруг ухмыльнулся:

— А ведь те, кто поумнее, сами к нам прибегут, как этот Вермес, после того, как мы запустим свой вирус. Это наша планета, и мы еще дадим Хозяевам под задницу!

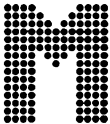
Вермеса привезли в палату с большим окном, за которым зеленел залитый солнцем парк под голубым небом. Окно скорее всего ненастоящее, но ему понравилось.

— Доктор сказал, читать и смотреть кино вам пока нельзя, — предупредила медсестра в таком же, как у хирурга, комбинезоне с прозрачным щитком. — Можно музыку слушать. Потом, через два-три месяца, будут книги, телевизор, компьютер...

— Нет. — Он хотел помотать головой, но не смог и повторил: — Нет! Компьютеров не надо.

ИГРА ОКОНЧЕНА

 не нужен был аквариум подешевле. Нет, не то чтобы у меня не было денег, просто все предыдущие увлечения, в какие я бросался очертя голову, длились не долго, оставляя после себя вещественные доказательства моего непостоянства. Время от времени приходилось выкидывать вполне еще новые мотоциклетные шлемы, краги для верховой езды и нагайку, выворачивать из мотора азотный ускоритель, установка которого обошлась мне в кругленькую сумму, дарить кому попало музыкальный синтезатор, гитару, вывозить на дачу спортивный арбалет и телескоп для наблюдения небесных светил. Все это захватывало меня на время, увлекало, а потом я вдруг понимал, что зря тратил время на совершенно никчемные занятия, весь смысл которых состоял в моде на них в тот данный, невысказанно краткий в сравнении с вечностью, момент.

Меня иногда удивляло, как я, отлично знающий об этой слабости собственного характера, попадаю в ловушку снова и снова, не в силах удержаться от нового соблазна. В общем, с аквариумом тоже так получилось. Виной всему был Стас — мы с ним дружили еще с институтских времен, не надоедая друг другу частыми встречами. Иногда мы месяцами друг друга не видели, а потом случайно встречались на вечеринке у общих знакомых, и он втягивал меня в очередную авантюру. Конечно, не только Стас бывал в роли змея-искусителя, но вот верховая езда, охота и телескоп

были целиком на его совести. Причем сам он счастливо продолжал пахнуть конским потом, пить водку с егерями и вдохновлять девушек звучными названиями звезд. К его чести, надо признать, что все его заслуги меркли в сравнении с азотным ускорителем на моем еще не старом «Форде». Это дьявольское устройство я поставил не по совету кого-нибудь из знакомых, как то обычно бывало, а после просмотра небезызвестного фильма Роба Коэна, так что ссориться со Стасом у меня не было никаких причин. А вот Роб Коэн мог бы выслушать от меня много приятного, повстречайся он на моем пути и будь мое знание английских жаргонизмов получше. Кто знал, что замечательные хромированные баллоны, установленные за сиденьем, в российском исполнении окажутся серыми громоздкими банками, а вместо значительного увеличения мощности дадут лишь чудовищный детонационный стук в моторе и счет за ремонт почти нового двигателя?..

С аквариумом получилось не столь динамично, зато очень красиво.

Как-то я заскочил к Стасу после незабываемого отдыха на Шри-Ланке. Воспоминания о пряных океанских ветрах еще бередили меня, но на душе было мрачновато от вида пыльных московских улиц и от осознания того факта, что еще раз на Шри-Ланку я попаду не скоро. Стас меня встретил — тихий, как обычно, умеренно улыбчивый, но заметил я у него знакомый блеск в глазах, предвещающий мне инфекцию нового увлечения. И только я шагнул в его гостиную, как сразу понял, что заболел. На этот раз сильно. Часть его стены теперь занимал аквариум, наверное, литров пятьсот в объеме — огромный, сияющий, яркий, ласкающий взгляд колышущимися под водой листьями. В нем невесомо парили рыбы — пестрые, фантастичные существа, помимо воли завладевающие вниманием. Это так походило на лучезарные воспоминания о моем отпуске, что мне непременно захотелось обладать подобным чудом, причем как можно быстрее.

— Нравится? — осторожно спросил Стас.

— Спрашиваешь! — Я придвинул кресло и устроился возле аквариума.

Толстые стекла чуть искажали прямой ход световых лучей, что вызывало чувство некоторой нереальности происходящего.

— И во что он тебе обошелся? — поинтересовался я.

— Не скажу, — нахмурился Стас.

— Это еще почему?

— Рыб жалко.

— Каких рыб?

— Твоих.

— У меня нет рыб, — сорвалось у меня с языка, но я его прикусил.

— Я что, не вижу, какой у тебя алчный взгляд? — Приятель нахмурился и сел на диван. — Такой же, кстати, каким ты оглядывал немецкое ружье, когда я помогал тебе его прикупить. Ручной работы оружие! И где оно теперь? А какие краги мы брали! Сколько ты за них отдал?

— Не помню, — соврал я.

— Даже не помнишь! На этот раз и не заикайся, чтобы я помог тебе с приобретением аквариума. Вот честно тебе говорю — не надо. Рыбы — это не железки какие-то, а живые твари, их за ненадобностью в гараже не бросишь.

— Не наезжай, — буркнул я, продолжая пожирать взглядом аквариум.

— Это почему?

— Потому что все равно ты мне поможешь выбрать нечто подобное.

— И не подумаю.

— Значит, тебе рыб не жалко?

— Погоди-ка. — Стас насторожился, предчувствуя подвох. — Это ты к чему?

— К тому, что аквариум я все равно куплю, только без твоего совета, а для рыб такая самостоятельность может плохо закончиться.

Мы договорились посетить аквариумное ателье в субботу. Я заехал за Стасом, и он вновь принялся меня отговаривать от покупки. В конце концов мы сошлись на том, что мое новое увлечение будет с испытательным сроком.

— Возьмешь аквариум подешевле, — безапелляционно

заявил Стас, — а то жалко будет хорошую вещь выбрасывать. Оборудование по минимуму. Рыб я тебе сам подберу. Если год продержишься, я тебе на день рождения сам подарю аквариум еще лучше, чем у меня. Ну?

А что «ну»? Согласился я, конечно. Понятное дело, хотелось мне аквариум, как у Стаса, такой же большой и сияющий, но иногда спорить с ним было так же умно, как останавливать тепловоз крестьянскими вилами. Самому же ввязываться в авантюру без дружеской поддержки и совета было боязно. В общем, кончилось дело не аквариумным ателье, а магазинчиком где-то в районе Шаболовки.

— Выбирай, — позволил Стас, оценив экспозицию.

— Ты издаваешься? — нахмурился я.

Выбирать-то было особенно не из чего. Ведерные ша-рообразные банки для золотых рыбок я вообще как вариант не рассматривал, пятидесятилитровые лоханки тоже. У меня монитор на компьютере больше! Двухсотлитровый аквариум был только один, но мне-то и одного достаточно.

— Этот хочу. — Я без лишних церемоний ткнул в него пальцем.

— Не советую, — покачал головой Стас.

— Почему?

— Размер ни туда ни сюда. Для постоянного маловат, а под нерест его потом не приспособишь — место будет занимать.

— Помолчи, а? — обернулся я через плечо. — Мне он нравится.

— Ладно, Вован. — Стас хлопнул меня по плечу и улыбнулся. — Не буду нудить. Бери эту стекляшку, и пойдем выбирать оборудование.

Так «эта стекляшка» попала в багажник моей машины. По дороге домой Стас прочел мне довольно длинную лекцию по поводу выбора рыб, основной идеей которой являлся парадоксальный факт, что рыб покупать нельзя. По крайней мере сразу.

— Думаешь, это так просто, рыбу купить? — спросил он, опуская ветровое стекло. — Приезжать на рынок надо

в субботу рано утром, когда продавцы только выставляют-ся и по рынку бегают оптовики с пакетами и термосумками. Так что встать тебе придется по будильнику. Погуляем с тобой, понаблюдаем за оптовиками и продавцами, послушаем, о чем они говорят между собой. Уши у нас, конечно, повянут немного, потому что таких матюгов ты и не знаешь, какими они общаются. Но это на рынке норма, как и подвыпивший с самого утра продавец. Рынок — это тебе, Вован, не курорт, не Шри-Ланка, и условия труда там не идеальные. В общем наша задача — присмотреть рыбу, а не того, кто ее продаст. Вот и будем смотреть на рыбу — сколько видов в ширме, как ее покупают оптовики, насколько эти рыбы совместимы между собой. Вопросы зададим — московская или подмосковная эта рыба, может, привозная? Если привоз, то откуда? Много спрашивать нельзя, на рынке поговорка ходит: «Задал больше трех вопросов — не купит ничего». Продавец в возрасте просто начнет тебя игнорировать, а те, кто помоложе и погорячее, — могут послать: погулять по рынку дальше или, как вариант, — куда подальше. Они там, Вова, на кусок хлеба зарабатывают, это тебе не «горячая линия» информационной поддержки. Но когда будем покупать рыбу, они все сами расскажут, главное, чтобы деньги уже оказались у них в руках.

— Может, лучше в магазине купить? — осторожно спросил я, вырывая с парковки. — И в рань вставать не придется.

— Про магазин я тебе потом расскажу. А без будильника все равно не обойтись. Причем через недельку подвиг надо будет повторить.

— Блин, Стас! На кой мне еще через неделю переться на рынок? Я же аквариум хочу наполнить, а не рыбный ресторан содержать!

— А мы в первый заход покупать ничего и не будем. Погуляем, что-нибудь присмотрим, запишем номера понравившихся мест, какой рыбой торгуют. А через недельку еще раз приедем с утречка. Пройдемся по отмеченным местам, сверим, чем в этот раз торгуют. Если у продавца ас-

сортимент не изменился, да и к тому же он к десяти утра почти все продал, — будем брать у него. Но немного для начала.

— Слушай, а к чему такие предосторожности?

— Паразиты, Вова.

— Продавцы, что ли?

— Да нет. Паразиты, которые на рыбах живут.

— Оптовики? — фыркнул я.

— Да иди ты! — обиделся Стас. — Что ты Бивиса из себя корчишь? Я говорю про болезни рыб, вызванные паразитами. Пойми, Вова, дрянь это изрядная, а любую болячку уничтожать лучше в зародыше. Дело в том, что на рынках столицы рыба попадает из пяти разных мест. Первое — рыбка разведена и выращена в Москве или области одним или группой любителей-аквариумистов. Это — самая лучшая рыба. Выкормлена она на живых кормах, приспособлена к московской воде. Вероятность болячек — минимальна. Обычно в больших количествах в домашних условиях можно развести два-три вида аквариумной рыбы. Так что с самого раннего утра надо найти ширму, набитую тремя-четырьмя видами рыб. Днем может ничего не остаться, включая продавцов, — рыба-то вся продана, чего стоять? Оптовики предпочитают именно этих.

Мы выехали на Садовое и застряли в пробке.

— Закрой окно, — попросил я Стаса, морщась от проникшего в салон выхлопного дыма.

Сколько я его вожу, он никак не может привыкнуть к кондиционеру в машине. Для меня же езда с открытыми окнами летом — сплошная пытка. Вот разве что где-нибудь в Абхазии... Там хорошо, там воздух, ветер в лицо... Позади рывкнул клаксоном кто-то нетерпеливый на джипе, вырвав меня из приятных воспоминаний.

— Вариант второй, — продолжил Стас, подняв ветровое стекло, — рыбка разведена и выращена в одном из средних или больших аквариумных хозяйств в Москве или области. Качество рыбы превосходное! Тут большее количество видов. Но разбросаны они по нескольким продавцам-перекупщикам, у которых может рядом сидеть и своя

рыба, и сингапурская. Болячки гуляют и размножаются, хотя и не всегда. В общем — лотерея. Отдельная песня о золотой рыбке и ее разновидностях. «Карась есть карась», — решили рыбпромхозы и начали разводить в прудах все это великолепие. Рыбки жирные, круглые и недорогие. А болячек на них — туева хуча. И есть довольно неприятные по своим последствиям.

— То есть золотую рыбку не брать?

— Погоди с выводами. Брать можно любую рыбу, только предосторожности должны быть разными. Вариант третий — рыба привезена из Украины, Белоруссии и прочих суверенных государств, где дешевая рабочая сила и корма. Рыба очень качественная. Даст сто очков вперед московской и по цене. Проблема только с пересылкой, часто нарушаются нормы посадки и перевозки по времени. На перевалочных пунктах, где-нибудь в Брянске, могут покормить живым кормом из близлежащей лужи со всеми имеющимися там паразитами. Раз на раз не приходится. Торгуют ею перекупщики, опять же вместе с другой рыбой. Надо быть очень внимательным.

Я уже всерьез призадумался. А не отказаться ли сразу от нового увлечения? Судя по рассказу Стаса, занятие сулило мне приобретение ранее не свойственных навыков, таких, как усидчивость и аккуратность. Не то чтобы я был злостным засранцем, но мысль о еженедельной уборке, к примеру, наводила на меня уныние. Домохозяйку же я опасался нанимать из соображений безопасности. Мне казалось весьма неразумным пускать в дом какую-нибудь соседскую старушку, которая потом всем своим плюшевым подругам будет описывать мою обстановку. Аквариум же предполагал, как оказалось, не только обязательный уход, но и ответственность, которой я, если честно, боялся больше всего. Однако разочаровывать Стаса столь быстрым отказом мне не хотелось, и я предпочел утаить забрезжившие сомнения.

— Вариант четвертый, — продолжал лекцию приятель, — привоз из Европы, в частности из Германии. Привозят в основном цихлид, сомов и «неразводную» рыбу. Немцы —

народ педантичный. Нормы перевозки и посадки соблюдают неукоснительно. Проблемы бывают крайне редко и небольшие, в основном ихтиохтириус. Есть игроки на этом рынке, которые передерживают рыбу в карантине в течение двух-трех недель. В общем, качественный товар, надо смотреть на продавца, чем он еще торгует. Мой знакомый всегда брал только у одного человека и говорит, что за три года проблем не было.

Может, и у меня не будет проблем? Я успокоился, подыскал лазейку на левой полосе, втиснул туда машину и поддал газу.

— Пятый вариант — азиатские рыборазводни. — Похоже, Стасу нравился сам процесс демонстрации собственной эрудиции. — Самая ужасная по качеству рыба. Во-первых, в большинстве случаев она выращена в открытых прудах. То есть не приспособлена не только к условиям аквариума, но и к условиям перевозки. Разные болячки, вызванные паразитами, встречаются так же часто, как блохи на бездомной собаке. Про нормы посадки там не слышали ничего, а если и слышали, то просто забили на них. Аргументация такого отношения к покупателям простая — если рыба не доедет, это твои проблемы, не заказывай столько. Продавец в Москве часто так же, не передерживая рыбу в течение двадцати одного дня, везет на рынок, где ее вместе с болячками оптом покупают магазины. Далее в розницу аквариумных рыбок приобретаешь ты, вместе со всеми проблемами. И что самое обидное — это очень яркая, броская, соблазнительная и экзотическая рыба, желание купить которую достаточно велико. Поэтому надо сначала присмотреться, понять, что ты хочешь, а через неделю брать.

— Так поехали смотреть сейчас!

— Да поздно уже. Ты что? Шило у тебя в заднице?

— Приедем, тогда и увидим, поздно или нет.

— Вот тебя припарило... — буркнул Стас.

Но машина была моя, так что у него не было выбора — я твердо решил ехать на рынок, а добираться до дому общественным транспортом ему не хотелось.

Его идея ехать на рынок лишь затем, чтобы присмотреть какую-то особую рыбу, но не покупать ее, бесила меня сама по себе. Зная Стаса, я предполагал, что такой подход вызван его обычным педантизмом, старанием ни в чем, ни при каких обстоятельствах не допускать случайностей. Даже очень естественных и обычных случайностей. Поэтому я твердо решил, что, если какая-то рыба мне сегодня понравится, я сегодня же ее и куплю. Вот просто назло педантизму. Не знаю, почему-то меня это всерьез приперло.

Но когда я припарковал машину и мы с приятелем наконец оказались на рынке, мое настроение мигом поменяло знак с глубокого минуса на вполне оптимистичный плюс. Было уже больше одиннадцати утра, и многие продавцы, избавившись от живого товара, собирали свое нехитрое торговое оборудование. Стучали клапанами моторы насквозь проржавевших «шестерок» и «девяток», небритые подвыпившие мужики самого разного возраста с матерщинкой грузили ширмы из оргстекла в багажники. Пахло выхлопным газом, пылью и чужим потом. Однако далеко не вся рыба была продана, некоторые ширмы на лотках переливались десятками экземпляров самых разных размеров и расцветок.

— Поздно приехали, — посетовал Стас. — Весь приличный товар уже сбыли, осталось одно «г».

— Да ладно, — мне надоели его причитания. — Вон, посмотри, какая рыбка красивая!

Приятель махнул рукой и понуро побрел за мной следом. Кажется, он окончательно поставил крест и на мне, и на моем нежданно возникшем увлечении аквариумистикой. Проговорив слово «аквариумистика» про себя еще раз, я как-то невольно разделил его надвое, получив два совершенно несвязанных слова с одной общей буквой — «аквариум» и «мистика». Странно, но это меня зацепило как следует, и я в задумчивости прошел мимо нескольких ширм, не останавливая на них внимания. И вдруг уперся взглядом в ширму с тремя настолько яркими рыбами, что у

меня дух захватило. Однако Стас, заметив мой интерес, ухватил меня за рукав и потянул дальше.

— Ты чего? — Я выдернул руку.

— Пойдем. Это сингапурская рыба, я тебе про нее говорил, а ты все равно попался в ловушку. На ней болячек, как звезд на небе. Пойдем, говорю!

— Да отстань ты! — уже почти всерьез разозлился я. — Меня в детстве достали мерами безопасности, а тут ты еще.

Стас опешил от такого напора. А вообще-то я ему сказал правду насчет детства. Отец мне в четырнадцать лет запрещал прикасаться к электродрели, чтобы я, не дай бог, не поранился. А уж о замечательном кордовом самолетике с настоящим мотором, работающем на смеси касторки с эфиром, я и мечтать не мог. Это же жуткая опасность! Эфиром можно отравиться, а лопасти винта могут запросто обрубить пальцы при запуске! Самолетик, однако, я все же купил, экономя на завтраках в школе, и уже через год выигрывал все районные воздушные бои. Только похвастаться родителям не мог — влетело бы по первое число.

Вот и сейчас я решил поступить по-своему.

— Сколько стоит? — я ткнул пальцем в ширму.

Продавца словно включили. До этого он стоял, как обесточенный робот-андроид, потеряв, по всей видимости, всякую надежду продать своих рыбок. А тут — «щелк», глаза засияли, а язык заработал со скоростью того самого моторчика, который приносил мне победу в боях.

— Мало стоит! — затараторил он. — За такую рыбу вообще не цена. Всех заберешь, еще скину. Такую рыбу на всем рынке больше не найдешь. Ухода почти не требует, только корми...

— А болячки? — остановил я ускоряющийся поток красноречия.

В голове продавца вновь что-то щелкнуло — видимо, переключилась программа.

— Какие болячки? Рыба сингапурская, росла в пруду. Иммунитет ко всему на свете. Специально будешь зара-

жать — не заболит. Любая вода подходит, аквариум любого размера. К тому же я таблетки дам. Сыплешь в воду, любой паразитдохнет, а рыба только ярче становится. Смотри какие — две самочки и самец. Еще разводить будешь, бизнес сделаешь.

Я понял, что это разводка, как Стас и предупреждал, но не хотелось мне соглашаться с его правотой. Вот лучше я впустую деньги отдам, но раз решил поступить по-своему, то назад пути нет. Путь назад в таком случае уже некрасиво выглядит. Может, разумно, но не красиво.

Так и не выяснив цену, я потянулся за бумажником. Взгляд продавца превратился в два сфокусированных лазерных луча, следивших за каждым моим движением. Я понял, что он пытается понять мою сегодняшнюю платежеспособность, чтобы назвать-таки цену и при этом не прогадать.

— Так сколько за трех? — я раскрыл бумажник.

В голове продавца снова щелкнуло. На этот раз запустилась виртуальная машина для подсчета купюр в чужом кошельке, как я понял.

— Триста, — слотнув, ответил торговец.

Похоже, ответ дался ему нелегко, хотя для меня цена была, понятно, смешной. Что такое триста рублей? Я с усмешечкой вытянул пятьсотрублевую купюру и уже хотел сказать «сдачи не надо», когда продавец уточнил:

— Долларов.

Я постарался сохранить улыбочку, хотя она сделалась у меня, как у восковой копии американского президента.

— Пойдем, — снова потянул меня за локоть Стас.

— А скидку? — чуть наехал я на торговца. — За трех оптом.

— Ладно, двести.

Я отсчитал к предыдущей пятьсотрублевке еще пять тысяч и протянул продавцу. Тот произвел техничный захват денег, мне даже послышалось, как лязгнули его сомкнувшиеся пальцы. Еще миг, и деньги исчезли в кармане ветровки.

— Забирай.

У продавца, видимо, кончился заряд энергии, взгляд его вновь потускнел, а движения стали вялыми, совсем не похожими на движения тварей из фильма «Чужие», как всего минуту назад.

По пути к машине Стас не проронил ни слова. И когда сели — тоже. Я высадил приятеля у его дома, и он хлопбыстнул дверцей, даже не попрощавшись. Мне стало ясно, что мы больше не увидимся никогда, разве что на случайной вечеринке у случайных общих знакомых. Хотя и на вечеринке вряд ли у нас завяжется разговор. Я обернулся на заднее сиденье, где лежал пластиковый, подкачанный кислородом пузырь с рыбами. Мой сегодняшний улов. А я не узнал ни названия диковинных рыбок, ни элементарных хотя бы приемов ухода за ними. В общем, понятно было, что сдохнут они через неделю, не позже, а аквариум отправится на дачу и превратится в емкость для хранения чего-нибудь сыпучего. Еще мне стало жалко денег. Лучше бы я их скинул на счет за мобильник или даже просадил в кабаке. Может, познакомился бы с интересной девушкой. Хотя это вряд ли. Времени на долговременные ухаживания все равно нет, а к услугам проституток я не прибегал из гигиенических соображений. Лучше уж сингапурские рыбки в аквариуме, чем полный набор со стендов КВД. Немного успокоившись этим сравнением, я забрал покупку, закрыл машину и, кряхтя под тяжестью аквариума, поднялся к себе.

Рыбок без лишних церемоний я вывернул из пакета прямо в аквариум. Как это делать правильно, я все равно не знал. Оказавшись в воде, красавицы покружили немного, расправляя длинные переливчатые плавники, а затем начали исследовать меня сквозь толстое стекло. Никаких признаков недовольства я у них не заметил — рыбы как рыбы. Ну, в общем-то, так я себе аквариумных рыбок и представлял. Осталось только включить освещение аквариума.

Едва вспыхнули длинные трубки люминесцентных ламп, я понял, что поступил верно. Конечно, этот аквариум

не был так красив, как у Стаса, но вполне удовлетворял моим эстетическим притязаниям. В освещенном виде он превратился в уютный мирок, приковывающий взгляд яркими красками. Еще от него исходили умиротворенность и успокоение — не частые в моей жизни радости. Окончательно очарованный, я погасил свет в комнате и задернул шторы, чтобы усилить нахлынувшие ощущения. Теперь свет в комнате исходил только от аквариума, делая его похожим на диковинный фонарь, какие на Востоке делают из бумаги. Только этот был прозрачным, а рыбы и растения на нем не были нарисованы тушью, а существовали внутри. Они колыхались, парили, как бы игнорируя гравитацию. И ощущение невесомости передалось мне столь ярко, что дыхание невольно замерло вместе с сердцем, как при неожиданном старте скоростного лифта.

Я осторожно опустился в кресло, не отводя взгляда от совершенно иного мира, отделенного от меня толстым стеклом и перепадом света. Через секунду он мне показался чуть более осязаемым, чем окружающее меня пространство, но это не удивило меня — ведь окружающее было во тьме, а ограниченная стеклом вода была наполнена жизнью, движением и плотью форм. Аквариум словно завис в нигде и в никогда, а я, подобно бесплотному духу, созерцал его существование.

Ощувив мой пристальный взгляд, лучезарные рыбы как по команде сгруппировались в плотную стайку и, грациозно шевеля длинными плавниками, начали медленное кружение. Меня кольнуло ощущение нереальности происходящего, но увлеченное сознание не отреагировало на сигнал опасности, все более затормаживаясь. Рыбы закружились в лучах света, лучи превратились в острые алмазные иглы, которые впились в реальность, зацепили ее, а затем резким движением разорвали пространство, как по утрам люди раздергивают гардины, впуская в жилище новое утро.

Передо мной образовался отчетливый коридор, на другом конце которого я с замиранием сердца разглядел картинку из недавнего отпуска — заросшее пальмами побере-

жье Индийского океана, бирюзовое сияние воды, а над всем этим гигантскую, убегающую в небеса вершину с туманным ледяным пиком на самой макушке.

Я сомневался лишь краткий миг. Затем вскочил с кресла и рванулся по коридору, стены которого уже начали медленно смыкаться. Всего пара шагов, хотя коридор казался мне намного длиннее, выбросили меня на искрящийся белый песок, исчерченный полосатыми тенями пальмовых листьев, в запах водорослей и в звуки тропического леса. В спину ударил поток воздуха, как от пронесшейся рядом машины, я не удержался и сделал несколько неприятно длинных шагов. Я понял, что коридор захлопнулся, но возможность потерять выход не напугала меня, ведь мой прыжок нельзя было назвать необдуманным. В общем-то я отдавал себе отчет в возможных последствиях.

Я обернулся, надеясь разглядеть то, что являлось входом в коридор с этой стороны, но ничего не увидел — ни скалы с тайными знаками, ни портала с колоннами, ни пещеры, ни идола неведомого божества. За моей спиной не оказалось вообще ничего. Всего два шага отделяло меня от кромки воды на песчаном мелководье, а дальше — океан до самого горизонта. Отойди я подальше, мне бы не удалось отличить это место от любого другого на побережье. Если не считать того, что мои следы на песке начинались ниоткуда, словно возникали из воды.

Как ни странно, больше всего меня поразило не способ, которым я сюда попал, а исполинская гора, чуть зауженной пирамидой взмывавшая на головокружительную высоту. Ну не мог я вспомнить точки на карте, где бы нашлось место чему-то подобному. В общем-то и не могло быть такой точки, поскольку, по моим прикидкам, гора должна была быть выше Эвереста, а это, извините, чересчур. Короче, несмотря на осязаемость окружающего, на запахи и на звуки, мой разум имел полное право усомниться в реальности происходящего.

— Возможно, это какой-то гипноз, — произнес я, чтобы услышать собственный голос.

И действительно, аквариум с наплывом на боковом стек-

★ ле мог запросто выполнить роль хрустального шара, каким гадалки издревле гипнотизировали доверчивых клиентов. Где-то я слышал, что глубокий гипноз мог обмануть все без исключения органы чувств. За гипноз говорило и то, что место было как две капли воды похоже на часть побережья Индийского океана, откуда я только недавно вернулся и по которому, если быть честным, довольно сильно ностальгировал.

Нет ничего удивительного в том, что люди создают себе воображаемые миры и воображаемо в них переносятся, но чтобы вот так... И мир не совсем воображаемый, и перенесся я в него более чем ощутимо. Я зачерпнул с берега теплую океанскую воду и омыл лицо. От моей руки метнулась в сторону стайка ярких мальков. Сняв рубашку, я обмотал ее вокруг пояса и решил немного пройтись по побережью — во мне проснулся дух исследователя.

Между тем все происходящее я воспринимал чем-то вроде занимательной игры, как если бы придумали аттракцион, вроде стереокино, но обманывающий все органы чувств. В этот аттракцион зевак пускают за деньги, минут на пять-десять, а потом выходишь из тесной будки, которая изнутри кажется безграничной, в душный воздух летней Москвы, а на твое место заходит следующий из длинной очереди. Да, это определенно напоминало компьютерную игру, вроде тех, где герою предлагается перенестись в другой мир, ходить там, собирать артефакты, беседовать с персонажами и выполнять другие простые, но занимательные действия. Только здесь все было взаправду. Или как бы взаправду. И мне это очень нравилось. К тому же мысль о компьютерной игре притянула за собой мысль о полной безопасности происходящего: ведь мое брэнное тело сейчас скорее всего пребывает в кресле перед аквариумом. Так что здесь можно и почудить. Найти и убить какого-нибудь злого колдуна, например, или спасти местную принцессу из рук людоедов. А потом эта принцесса в качестве вознаграждения...

Я замер и озадаченно поглядел вперед — там, над пальмовым лесом, хорошо виднелся поднимающийся дым.

— А вот и людоеды, — мне это показалось веселым. — Прямо как на заказ. Хороший какой аттракцион, даже мысли читает.

Однако согласно законам жанра мне бы неплохо было чем-нибудь вооружиться. Не спасать же принцессу голыми руками! Как-то неприлично, честное слово. Вообще, именно по закону жанра, мне сейчас должен был попасться под ноги сундук с ржавым замком, сбив который, я бы обнаружил внутри пару кремневых пистолетов и кривую турецкую саблю. Я даже огляделся в поисках сундука, но, не найдя ничего, направился к лесу, выломать хотя бы приличную жердь.

Будете смеяться, но найти жердь в пальмовом лесу так же просто, как доехать на мопеде до Рима. Одни пальмы кругом и кокосы под ногами. Ни кустов тебе, ни осин. В общем, для изобретения копья в таком лесу надо иметь ум, прямо скажем, не уступающий эйнштейновскому. В плане абстрактности мышления, я имею в виду.

Побродив без всякого результата, я решил вооружиться русским народным оружием вроде кистеня. А что? В этих местах оно могло быть весьма эффективным именно в силу экзотичности. Подобрал камень величиной с три кулака, я обмотал его рубашкой, получив нечто вроде гибкой палицы без шипов. Такой штуковиной местного людоеда можно было нехило накернить.

Размахивая этим оружием, я направился туда, откуда поднимался дым, едва заметный на фоне выцветшего неба. Где-то на заднем плане сознания мелькнуло воспоминание о фильме «Матрица» доблестных братьев Вачовски, где если героя убивали в виртуальности, то и в реальности он коньки в угол ставил. Даже гипотетическая возможность такого варианта несколько меня остудила, после чего я решил произвести сначала разведку, оценить силы возможного противника, а также оценить красоту принцессы, которую предстояло спасти. Вдруг она, на мой взгляд, уродина? Хотя это вряд ли, если аттракцион мысли читает.

Последние пятьдесят метров до пляжа, на котором горел костер, я преодолел ползком. Из-за наклоненного ство-

ла пальмы, как из-за бруствера, я разглядел пятерых чернокожих папуасов, жарящих на вертеле подобие поросенка. Папуасы были вооружены копьями. Где они жерди для них берут? Однако принцессы, к своему удивлению, я не обнаружил. Это несколько напрягло, но идею пойти подражаться с людоедами я не оставил, хотя фантомы братьев Вачовски нашептывали мне в оба уха, чтобы я сматывался отсюда подобру-поздорову. Пока я размышлял над их предложением, позади слышались мягкие шаги по песку. Но обернуться мне не дали — я ощутил прикосновение кремневого наконечника между лопаток. Чуть шевельнувшись, я понял, что где бы дикари ни брали жерди для копий, на поставщика им жаловаться грех. Хорошая была жердь. Крепкая.

Ударить же самопальным кистенем из моей позиции было весьма затруднительно.

— Вставай, да? — раздался позади голос на ломаном русском с нарочито кавказским акцентом. — Зачем лежишь, когда идти надо?

Такая легкость в преодолении языкового барьера хоть и поразила, но вполне отвечала представлениям об этом мире. Если он являлся плодом моего воображения, то не на урду же говорить местным жителям! Вот только почему кавказский акцент? Пожалуй, это уже к психологам. Пусть разводят теории про обобщенный образ врага.

— Будешь дальше лежать, прямо здесь зарэжу, — пообещал папуас.

— Не надо, — на всякий случай попросил я.

Фантом младшего брата Вачовски повертел у виска пальцем и медленно растворился в воздухе. Старший плюнул в сердцах и тоже исчез. Кажется, всемирно известные режиссеры потеряли остатки веры в меня, но сам я так просто сдаваться не собирался. И надежда моя состояла в том, что завернутый в рубашку камень, в силу своей экзотичности для здешних мест, не напоминал оружие в привычном для дикарей смысле. В общем, чернокожий воин с кавказским акцентом на мое оружие даже внимания не обратил.

— Встаю, встаю, — миролюбиво пробубнил я.

Затем, опираясь на свободную руку, я поднялся на ноги и с раскрутки засадил бульжником дикаря в колено. Тот от неожиданности выпустил копье и уже открыл рот, собираясь исторгнуть нечеловеческий крик, но я со второго размаха угодил ему кистенем в пах. Ну, крика не получилось, короче. В колено ведь не так больно получить, как по яйцам, поэтому от второго удара крикнуть ему захотелось значительно громче, и некоторое время ушло на корректировку усилия легких. А пока он с этим справлялся, я приложил ему между глаз, и он рухнул как подкошенный.

Подняв трофейное копье, я примерил его к руке, но остался недоволен. Ну что это за оружие? Только и годится, что свиней гонять по пальмовому лесу. С пятерыми сыновьями тропических джунглей сражаться таким копьем не с руки. К тому же для них подобная экипировка привычна, чего нельзя сказать обо мне. Но выбрать было не из чего.

Хотя нет, выбор, конечно, был. Можно было вообще не драться, а ползком, ползком скрыться в лесу от греха подалее. Но такой подход показался мне несколько странным. Ну, это все равно что купить компьютерную игру-стрелялку, а запустив ее, начать бегать от монстров, избегая вступать с ними в малейшую конфронтацию. В чем тогда, спрашивается, смысл развлечения?

Меня охватил некоторый кураж, я вскочил на ноги и с криком: «Долой расовую дискриминацию!», ринулся на представителей преобладающей здесь негроидной расы. Ближний ко мне папуас отреагировал молниеносно — почти без размаха швырнул копье с поразительной меткостью. Будь оно чуточку потяжелее, я бы не увернулся, но оно было кривым и легким, что позволило мне ускользнуть от свистнувшего наконечника. Ответил я адекватно — тоже швырнул копье, однако мой бросок был лишен того изящества, с которым это сделал дикарь.

Увидев, что дальнобойное вооружение меня больше не тяготит, папуасы расхохотались, за что один из них тут же и поплатился — я раскрутил завернутый в рубашку бульж-

ник и, метнув его, угодил зазевавшемуся воину в грудь. Удар оказался сильнее, чем я предполагал, — дикарь молча рухнул навзничь без чувств.

А другие перестали смеяться. Они рассредоточились и один за другим метнули в меня копья. Одно прошло мимо, другое воткнулось в грудь и тут же выпало, оставив глубокий надрез чуть ниже сердца. Кровь хлынула из меня ручьем, а боль оказалась столь сильной, что от нее потемнело в глазах. Я закричал, надрывая горло, но тут же умолк, задохнувшись от неистового удара в шею. Скосив глаза, я с ужасом обнаружил, что третье копьё навывлет пробило мне кадык и одну из сонных артерий. Сердце судорожно сжалось, выплевывая тугой фонтан крови высоко вверх. Не в силах дышать, я захрипел и рухнул на колени, бессильно вцепившись в древко копья.

Очнулся я в кресле перед аквариумом. Шея и грудь чесались от прилива крови, но боли не было. Только воспоминание о ней, весьма неприятное, надо признать.

— Хрен вам, — улыбнулся я, мысленно адресуя эту фразу одновременно братьям Вачовски и папуасам. — По крайней мере, если меня убьют по ту сторону коридора, здесь я воскресну.

Это была более чем обнадеживающая мысль. Мало того, получалось, что, купив удивительных рыбок, я приобрел в неограниченное пользование такой аттракцион, о котором мировая индустрия развлечений пока может только мечтать. При этом меня совершенно не интересовало, по какому принципу все это действует. Мог иметь место глубокий гипноз, могло произойти реальное перемещение в некий параллельный мир — я не отбрасывал и такую возможность. Вообще поразительно, как трудно чем-нибудь удивить современного человека, главные органы чувств которого — зрение и слух — каждодневно обманываются телевизором и кино. Если же обмануть все органы чувств без исключения, то разница между иллюзией и реальностью сотрется окончательно.

В общем, я остался доволен неожиданным приключе-

нием. Рыбы между тем спокойно плавали в аквариуме. Собраться сосредоточиться на них был очень велик, но мне не хотелось прямо сейчас, без соответствующей подготовки, отправляться под прицельные броски папуасов. Очень уж ярким было воспоминание о собственной смерти — мой инстинкт самосохранения до сих пор, пребывая в глубочайшем ауте, хватал ртом воздух как выброшенная из аквариума рыба.

В общем, надо было запастись каким-нибудь эффективным, а главное — дальнобойным оружием. Я вспомнил о немецком ружье ручной работы, от которого не мог избавиться, как от всего остального, и дух мой возрадовался. Однако в связи с этой идеей возникал закономерный вопрос, ответ на который можно было получить лишь экспериментальным путем. Реально ли я переношусь в другой мир, или это только плод моего воображения? Еще минуту назад мне казалось, что нет никакой разницы, однако теперь я понял, что есть. Куда попадет заряд картечи, выпущенный мной из ружья? Если я в другом мире, то в папуаса. При должной сноровке, конечно. А если я путешествую лишь мысленно, то картечь или разворотит шкаф итальянской работы, или же вынесет экран моего нового телевизора. В зависимости от того, где мне померещится дикарь.

Методика эксперимента созрела у меня в мозгу моментально. Заключалась она в применении не очень разрушительного оружия. Ну, например, трубки-плевалки. Я разобрал авторучку, получив из корпуса пластиковую трубочку, пожевал кусочек бумаги и уселся в кресло. Сосредоточиться на мерцающей в свете чешуе рыб оказалось проще, чем в прошлый раз, тем более что рыбы тут же послушно начали свой завораживающий танец.

«Ну и дела!» — подумал я, уже видя перед собой возникающий коридор.

А за ним все точно так же — пальмы, песок и ледяная вершина, вонзающаяся чуть ли не в космос. И снова упругий толчок в спину, несколько быстрых шагов, а через миг я уже снова стоял посреди пляжа, причем на песке оставались следы моего предыдущего посещения.

«Интересно, что стало с телом», — с некоторым содроганием подумал я.

Дым от костра дикарей виднелся над верхушками пальм, а через мерный рокот океана слышались победные выкрики с кавказским акцентом. Я вспомнил о важности своей миссии и испытал трубку-плевалку, несколько раз плюнув жеваной бумагой точно перед собой. Теперь оставалось вернуться домой и посмотреть, не прилип ли бумажный снарядик к стене над аквариумом.

Я обернулся и понял, что погорячился.

— Оп-па! — невольно вырвалось у меня.

Я не знал никакого способа возвращения! Точнее, знал один, но пользоваться им вторично уже не хотелось. Однако быть такого не может, чтобы не было никакой пещеры или какого-нибудь другого портала, через который можно вернуться назад. В любой игре есть кнопка GAME OVER, иначе как из нее выходить?

По законам жанра нужной информацией должен обладать местный колдун-шаман. Мне ничего не оставалось, как пуститься на его поиски, только я предпочел направиться на этот раз в противоположную сторону, чтобы избежать встречи с чернокожими людоедами. По пути меня стали занимать вопросы здешнего миропорядка. Или, если угодно, правил игры. Как, например, здесь течет время и как длина здешних суток соотносится с нашей, в смысле с московской? Так, размышляя, я двигался по песку вдоль кромки воды довольно долго. Солнце ползло по небосводу, это было видно по изменению его положения относительно горы. Наконец я снова увидел дым. Сначала решил, что просто обогнул остров кругом, но потом откинул эту идею — слишком быстро для столь внушительной территории. Да и гора должна была повернуться знакомым боком, чего не произошло. Значит, это другая стоянка дикарей, а может, опять-таки с учетом законов жанра, стоянка других дикарей. Причем скорее всего дружественных, раз уж это игра.

Воспрянув духом, я направился в выбранном направлении. И действительно, за изгибом леса расположилась деревня, состоящая из тростниковых бунгалов, хотя никаких за-

рослей тростника мне пока не попадалось. Но кто обращает внимание на подобные странности, когда речь идет об игре? Дураком надо быть.

Возле домиков, крытых пальмовыми листьями, резвились голые чернокожие ребяташки с рахитично выпяченными животами. Рядом сидели две молодые женщины и терли на каменных терках какие-то корневища. Мужчин видно не было. Вообще, деревню трудно было назвать многолюдной, что вызывало ассоциацию с не очень мощным процессором, намеренно занижающим детализацию прорисовки ради ускорения действия. Хотя, если быть справедливым, графика была изумительной, ну вообще ни в чем не отличимой от реальности. Если же учесть не менее точное воздействие на слух, осязание, обоняние и вестибулярный аппарат, то здешний процессор, пожалуй, должен был иметь просто сокрушительную мощность. Так что скромное количество женщин, сидящих перед домиками, можно было простить. Меня напрягло лишь то, что жительниц деревни трудно было назвать красавицами. Вообще-то в игре должен быть какой-то приз, а получить местную принцессу с такими внешними данными мне мало улыбалось. Но на данный момент необходим был колдун, так что я решил пока на этом сосредоточиться.

Вскоре меня заметили. Одна из женщин вскочила на ноги, вытянула в мою сторону руку и закричала что-то невразумительное. К моему удивлению, язык не имел ничего общего ни с одним из слышанных мною, ни о каком русском с кавказским акцентом и речи быть не могло. Сплошная тарабарщина.

Вторая женщина тоже вскочила, сгребла в охапку детишек и скрылась в одном из бунгало. Наконец появился мужчина. Он грузно выбрался из того дома, куда забежала женщина с детьми, глянул в мою сторону, прикрывшись ладонью от солнца, и двинулся мне навстречу. Было в нем росту не более чем метр семьдесят, а вот весил он точно за сто — складки жира под черной кожей покачивались при каждом шаге. Из одежды на дикаре была пестрая полотняная набедренная повязка и огромное количество бус, по

всей видимости, стеклянных, образующих нечто вроде накладки. Голова была лысой, как шар для боулинга, ее украшали затейливые, более светлые, чем кожа, татуировки. Дикарь вышагивал уверенно, словно встретил не белого незнакомца, а человека, которого давно ждал. Шагов за пять до меня он остановился и поднял руку. Я тоже замер.

Папуас оглядел меня с головы до ног и произнес что-то на своем тарабарском.

— Не понимаю, — развел я руками.

Чернокожий удивился и, не очень уверенно подбирая слова, ответил:

— Не думал, что белый пришелец говорит на языке коварных кува. Ты вышел из океана?

«Так-так, — мелькнуло у меня в голове. — Кажется, мне не первому удалось проделать подобный путь».

— Да, — кивнул я.

— Тогда следуй за мной. Я вождь.

Надо отметить, что по-русски толстяк говорил значительно лучше, чем коварные кува. По крайней мере полностью отсутствовал кавказский акцент. Я проследовал за вождем под навес, расположившийся в дальнем конце деревни. Там стояли три табурета, сколоченных из плохо оструганных брусьев, и стол, на котором покоились три глиняные пиалы и огромный кувшин. По моему предположению, это было местное пиво, сброженное из каких-нибудь жеваных корневищ. Толстяк предложил мне присесть, а сам с кряхтением расположился рядом.

— Пиво? — покосился он на меня.

— Нет, спасибо. Вообще-то меня очень интересует ответ на один вопрос.

— А... Как выбраться отсюда? Всех это интересует. Но для каждого ответ разный, хотя каждому подойдет один и тот же способ.

То, что вождь чернокожих говорил загадками, ничуть меня не удивило — все вписывалось в законы жанра. Тем более что загадки были для даунов.

— Я знаю этот способ, — мне показалось уместным поддержать разговор.

— Умереть... — с удовольствием произнес дикарь, наливая себе пива в пиалу. — Ты можешь умереть и вернуться. Это может любой, кто вышел из океана.

— А тело? — задал я мучивший меня вопрос.

— Я видел, как тела погибших пришельцев растворялись в воздухе, — ответил вождь. — Странно, что ты, демон, не знаешь этого.

— Я не демон.

— Все пришельцы так говорят, — отмахнулся вождь, отхлебывая пиво из пиалы. — Только по мне любой, кого нельзя убить насовсем и кто растворяется в воздухе, если его сердце пробить копьем, — демон.

Я решил, что во многом папуас прав. К тому же несколько глотков пива его расслабили, и это давало шанс выпросить у него побольше.

— А другой способ возвращения? — в лоб спросил я.

— Подвиг, — протяжно ответил вождь. — Для каждого он разный. Наш колдун посмотрит на тебя и скажет, какой поступок тебе надо будет совершить, чтобы стать демоном-рукко.

— Это еще что такое?

— Сможешь ходить туда-сюда не умирая, — охотно пояснил толстяк. — У всех это по-разному получается.

Такое определение меня обрадовало. Я даже подумал, что можно, смеха ради, попробовать местного пива, но брезгливость меня все же остановила.

Наконец со стороны деревни показался колдун — сухой тощий старик с мочалкой курчавых седых волос на голове. Бус на нем не было — только набедренная повязка, зато тело было так изрисовано, что он напоминал опору моста, испещренную граффити. Кряхтя и бормоча себе под нос, он устроился на табурете, налил пива и принялся пить, гулко глотая и дергая кадыком.

Они с вождем перекинулись парой непонятных мне фраз, после чего колдун обратился ко мне:

— Хочешь стать демоном-рукко? Слушай внимательно. У подножия горы живет водяной демон по имени Суно. Убей его, сними с него шкуру, принеси мне, а я сделаю из

нее талисман, который сможет переносить тебя туда-обратно. Если демон тебя убьет, возвращайся снова, но сюда не ходи. Сразу иди туда и пробуй снова, пока не одолеешь его.

— А оружие дадите?

— Демона можно одолеть лишь оружием демонов, — прошамкал старик. — Думай.

— Ну, хоть покажите, где он живет.

— Там. — Колдун махнул рукой в направлении горы. — Иди сейчас. Перед закатом демона одолеть легче, поскольку он отдыхает после еды.

— А скажите, это часть материка или остров?

Ни колдун, ни вождь меня не поняли.

— Что такое остров? — осторожно поинтересовался толстяк.

— Часть суши, со всех сторон окруженная водой.

— Значит, остров. А что, есть места, не окруженные водой?

Я не нашелся с ответом. В принципе ведь и материки окружены водой. В общем, я понял, что игровые функции у колдуна и вождя исчерпаны, а большего от них не добиться. Мне не оставалось ничего другого, как пуститься в путь.

Надо сказать, что заблудиться в здешнем лесу очень сложно — гора до небес весьма неплохой ориентир. Вскоре пальмы кончились, началась сырая болотистая местность, поросшая тростником. Тут же время от времени попадались тонкие деревца, ветви которых годились и на копыя, и на луки. Не без труда я отломил тяжелую сырую жердь для использования в качестве дубины, закинул ее на плечо и двинулся дальше.

Однако болото вскоре оборвалось глубокой трещиной метров шесть шириной. Перепрыгнуть не получится, мост строить нечем и не из чего. Тут меня осенило, что такие препятствия надо запоминать хорошенько, на случай гибели, чтобы потом можно было взять из реального мира что-нибудь, облегчающее путь. По крайней мере без топора и веревки я точно сюда больше не сунусь.

Глянув в глубину трещины, я заметил, что ее края не такие уж отвесные. Можно сначала спуститься, а затем подняться с другой стороны. Осторожно, цепляясь за пучки травы, я начал претворять свой замысел в жизнь. Однако ползать по крутым откосам оказалось значительно труднее, чем я ожидал. Не достигнув и половины пятнадцатиметрового спуска, я застрял на уступе. Для дальнейшего спуска не было опоры, а для подъема кончились силы.

Честно говоря, я испугался. Не за себя в данный момент, я ведь знал, что если сорвусь и убьюсь, то просто окажусь дома. Я испугался за всех тех людей, которые попадали в такие же переделки в реальности. В течение минуты я испытал всю глубину отчаяния от безвыходности. Это жутко до колик — ты еще жив, но смерть твоя уже очевидна, поскольку помощи взяться неоткуда, вниз не спуститься, а вверх не подняться. Остается только цепляться за траву слабеющими руками и ждать ужасающего мига падения. Я поклялся, что в реальности никогда не полезу ни на какие скалы, ни в какие пропасти.

Через пару минут мои пальцы окончательно ослабли, но я заметил, что если рискнуть и пройти бочком по уступу, на котором я застрял, то там уклон не такой крутой, и можно попытаться кубарем скатиться вниз. Я сделал два осторожных шага и на третьем сорвался. Сердце сжалось от рефлекторного ужаса, а я закрыл глаза, чтобы ничего не видеть. Однако это не помогло — я все равно явственно ощутил удар. Сначала головой, до алых искр из глаз, потом грохнулся спиной на каменный валун так, что позвоночник переломился в нескольких местах. От сильнейшего сотрясения мозга меня вырвало, затем все тело пронзила кошмарная боль, и лишь секунд через десять сознание мое угасло.

Я очнулся в кресле и отдышался. Затем походил немного по комнате, чтобы убедиться в том, что живой. Меня не отпускало с полчаса, не меньше, крючило и корежило ледяным ужасом, от которого никак не удавалось избавиться. Пришлось открыть холодильник и накапать сто граммов водочки. Полегчало.

— А может, ну его на фиг, такой аттракцион? — прошептал я, пряча бутылку обратно. — Еще одной смерти я точно не переживу. Сердце разорвется.

С другой стороны, во мне зародилось нечто вроде азарта. К тому же насчет умирания и его ужасов пришла мне в голову неплохая идея. На самом деле мне просто не везло со смертями. Обе были не самые лучшие. Однако есть ведь такие способы, при которых и не заметишь, как крикнешь. Например, пальнуть себе в голову из ружья картечью.

Это придало мне сил. Я внимательно обследовал стену, пытаясь найти жеваную бумагу, которой плевался в другом мире, но ничего подобного не обнаружил. Это говорило о том, что путешествие происходит не в моем сознании, что я действительно переносусь в другое пространство, как ни фантастично это звучит.

Это открытие заставило меня призадуматься. А вправе ли я продолжать использовать столь необычный портал в развлекательных целях? Не следует ли мне пригласить каких-нибудь ученых специалистов, чтобы они хорошенько исследовали моих рыб? Слово «моих» я мысленно повторил дважды, что направило ход моих размышлений в другую сторону.

«Зачем мне кого-то приглашать? — подумал я, почесывая макушку. — Скорее всего вообще никто не придет. Мало, что ли, в Академию наук звонит психов с чертежами торсионного двигателя? Если же придут, то рыб, ясное дело, заберут, а я за них отдал две сотни долларов. На фиг».

Мое решение трудно было назвать патриотичным, но мне самому оно показалось разумным. Не откладывая в долгий ящик, я забрался на антресоли, где у меня еще со времени увлечения охотой был устроен сейф для оружия, достал ружьецо-вертикалку и четыре коробки патронов к нему. Чтобы не мелочиться, я выбрал патроны, снаряженные картечью, на крупного, что называется, зверя. Кроме того, я приготовил к походу неплохой охотничий нож, топорик, флягу с питьевой водой и начатую бутылку водки. Затем пришлось пробежаться по магазинам, где я приобрел

рел десять метров капроновой веревки и рюкзак для переноски набранного снаряжения. Уже в конце сборов я догадался взять еды и газовую зажигалку.

Я не знал, как соотносятся тамошние сутки со здешними, но мне не терпелось добраться до обиталища демона Суно. Так что, несмотря на вторую половину дня, я решил отправиться в поход немедленно. Собрав рюкзак и повесив ружье на плечо, я погасил свет, уселся перед аквариумом и начал разглядывать мерное кружение рыбок. И снова сияние разорвало пространство, выкинув меня на знакомый песчаный пляж.

Очутившись на острове, я решил первым делом отомстить за свою смерть. Теперь, с ружьем, это представлялось мне легким делом, способным доставить к тому же немалое моральное удовлетворение. Поправив лямки рюкзака, я направился вдоль кромки воды, не помышляя о том, чтобы скрываться от папуасов за пальмами. В любом случае мое ружье уверенно било метров на пятьдесят, а то и на семьдесят, так что их копья ни при каких обстоятельствах не достали бы меня на таком расстоянии. Дым от костра дикарей стал вроде бы гуще и теперь являлся замечательным ориентиром.

Подобравшись поближе, я распотрошил коробку с патронами, два сразу зарядил в оба ствола, а еще четыре на всякий случай сунул в карман брюк. Вообще-то я был уверен, что дикарям хватит одного выстрела, чтобы броситься наутек, но при воспоминании о пронзенной копьем шее во мне разыгралась жажда крови. Так что я твердо решил кого-нибудь пристрелить. В реальном мире даже злейшего врага замочить проблемно, а здесь, в отсутствие правоохранительных органов и комитета по защите прав человека, можно было отвести душу. Глупо не воспользоваться таким шансом. Тем более что кавказский акцент для москвича сам по себе довольно веский повод.

Больше всего я боялся, что дикари, бросив горящий костер, ушли куда-нибудь в другое место, однако обогнув пальмовую рощицу, я с удовольствием разглядел четыре черно-

кожие фигуры возле огня. Жарили они, кстати, уже не поросенка, а гораздо более крупную тушу. Сначала у меня мелькнуло в голове, что мою, оставшуюся им в качестве трофея, но потом я вспомнил, что говорили вождь с колдуном. Я ведь в здешнем мире демон, так что мое тело растворяется в воздухе после смерти. Скорее всего жарили они своего соплеменника, которого я приговорил камнем по голове.

Поправив рюкзак и вскинув ружьецо к плечу, я окликнул папуасов:

— Эй, уважаемые!

Они разом оглянулись на меня, но копыя брать не стали. Меня немного расстроило, что грозное оружие не произвело на них должного впечатления, но и стрелять пока было нельзя, до них было метров семьдесят, многовато для уверенного огня из гладких стволов. Закинув ружье на сгиб локтя, как это делали крутые ковбои в вестернах, я начал сокращать дистанцию. Папуасы забеспокоились. Довольный произведенным эффектом, я ускорил шаг и начал выбирать, кого пристрелить первым. Мне хотелось узнать того, кто кинул роковое копые, но все дикари были на одно лицо, как мне показалось. В принципе при должной сноровке можно убить всех раньше, чем кому-то удастся скрыться в лесу.

Когда я приблизился метров на сорок, дикари вскочили на ноги, но снова проигнорировали копыя, что меня, с одной стороны, удивило, а с другой — всерьез насторожило. Скорее непроизвольно, чем обдуманно, я сбавил шаг и в этот же миг заметил в руках одного папуаса тяжелый автоматический пистолет.

Прежде, чем он выстрелил, я уже лежал на песке — сам не пойму, откуда такие рефлексy у сугубо гражданского человека. Тут же хлопнул выстрел, и перед моим лицом вздыбился фонтан песка. Не вдаваясь в размышления, откуда в этом мире вообще мог взяться пистолет, я не глядя пальнул в ответ сначала из одного ствола, затем без паузы из другого. Оба выстрела трудно было назвать прицельны-

ми, поскольку стрелял я скорее от страха, чем ради уверенного поражения цели. И, судя по тому, что пистолетный огонь сделался только плотнее, никуда я не попал. А если и попал случайной картечиной, то не в стрелка. Как бы то ни было, но ружье мое опустело, и мне пришлось перезарядить его под прицельным огнем.

Я переломил стволы и спешно вытянул гильзы, а потом трясущейся рукой вытащил патроны, но один тут же выпал из пальцев и увяз в песке. Очередная пуля вжикнула так близко от правого уха, что я ощутил завихрения, создаваемые ею в воздушном пространстве. Этот намек тут же трансформировался в идею, показавшуюся мне гениальной, — сорвать дистанцию и скрыться в лесу. Недолго обдумывая столь новационное тактическое решение, я развернулся и рванул в противоположную сторону сначала на карачках, а затем пригнувшись и петляя, как заяц.

Надо сказать, папуас неплохо управлялся с пистолетом — не всякий белый с пятидесяти метров в стену сарая попадет, а тут дикарь укладывал пули в опасной близости от моего организма. Чувствовалась набитая рука. Однако и на моей улице случился неожиданный праздник — у противника опустел магазин с патронами.

И вот тут передо мной встал двоякий выбор. Можно было разогнуться, пользуясь временным прекращением огня, и поддаться как следует, а можно было... Правду говорят, что русские все сумасшедшие. Американец бы так припустил, что его бы черти на роликах не догнали, а меня задело. Причем всерьез зацепило, что меня, цивилизованного москвича, вооруженного к тому же, гоняет по пляжу какая-то чернозадая людоедина.

Резко остановившись, я дозарядил ружье, развернулся, прицелился хорошенько и пальнул из одного ствола. Через секунду мой обидчик снопом рухнул в песок. Однако прыгать от радости мне не дали — оставшиеся дикари метнулись к своим тростниковым корзинам и вытянули оттуда три «калаша» с подствольниками. По инерции я разрядил и второй ствол, ранив в плечо одного из дикарей, но даль-

нейшая перспектива боя была ясна. Чтобы не ударить в грязь лицом, я распрямылся во весь рост и медленно, чинно начал перезаряжать ружье, уже представляя себя в кресле перед аквариумом.

Но неожиданно расстановка сил изменилась в мою пользу — со стороны леса грозно прогрохотала пулеметная очередь, и оставшихся дикарей смахнуло от костра в сторону океана. Они распластались на песке и больше не поднимались. Очередь еще с полсекунды не прекращалась, одна из пуль переломила рогатину, на которой был подвешен вертел с тушей, и та рухнула в костер, подняв сноп искр и тучу золы.

Наконец все стихло, только в ушах продолжало звенеть от грохота. Не представляя, кто мог быть моим спасителем, я решил держать заряженное ружье наготове. Ну, не так чтобы демонстративно, но и без лишней расслабленности.

Вскоре на фоне леса мелькнул силуэт человека в камуфляжных штанах и в безрукавке из такого же материала. Приглядевшись, я с изумлением убедился в том, что это молодая женщина, лет, может быть, двадцати шести, не больше. В руках она держала огромный ленточный РПК с коробчатым магазином. Пустой конец ленты свисал почти до песка, завораживающе покачиваясь при каждом шаге незнакомки. Из ствола едва заметно струился дымок от раскаленного масла.

— Привет! — Она остановилась шагах в десяти от меня и опустила пулемет на сошку. — Тебя как звать?

— Владимир.

— Забавно. Хотел овладеть этим миром? Это не так просто, уверяю тебя. Меня звать Ритой.

— Очень приятно. — Я поклонился, стараясь не показывать смущения. — А ты как сюда попала?

— Все попадают сюда одинаково, я выясняла. Рыбы в аквариуме. Так?

— В общем-то да.

— И как тебе тут? — усмехнулась Рита.

— Странно. Можно я подойду поближе?

— Пока не надо. Я сначала должна с тобой поговорить, протестировать...

— На предмет чего?

— На предмет склонности к изнасилованию в условиях кажущейся безнаказанности. Тут милиции, сам понимаешь, нет, так что некоторых мужиков пробивает. Ухо надо держать остро, а то впендюрят — и не заметишь. Тебе тоже, кстати, не следует расслабляться. Здесь народ весьма разнообразно ориентирован в сексуальном плане.

— Спасибо за предупреждение. И долго ты меня будешь тестировать?

— Это была шутка насчет теста. — Рита улыбнулась. — Какое тут на фиг изнасилование? Разве что негритосы позарятся, но я их близко не подпускаю. А нормальных мужиков сюда редко заносит. Хочешь меня за сиську подержать?

От такой откровенности у меня дух немного перехватило. Грудь у нее была, надо признать, весьма аппетитная, но пулемет у ног не располагал к развитию эротических фантазий.

— Нет, спасибо, — покачал я головой.

— Странно. Может, ты педик?

— Да, — отшутился я. — Начинающий.

— Ладно. Козлом от тебя вроде не воняет. Давно ты тут?

— Вообще-то первый день. Но я так... В общем, туда и обратно.

— Сколько раз?

— Два.

— Хреново. — Рита посмотрела на меня с сочувствием. — Ну ладно, пойдем, у меня здесь хижина на взгорье. Пожрать там есть.

— Кушать я не хочу.

— А я хочу. Пойдем. Все равно нам надо поговорить.

При первом взгляде Рита показалась мне очень симпатичной и женственной, но ее манера говорить и двигаться совершенно не вязалась с внешностью. К тому же перма-

нентная идея о том, что ее все хотят изнасиловать... В общем, мне показалось, что она лесбиянка. У меня была одна знакомая журналистка, как раз той породы, так вот манеры и речь — точка в точку.

Жаль, кстати. В первую секунду, увидев привлекательную женщину, я было подумал, что она-то и есть приз в этой игре. Но, видимо, нет. Просто один из персонажей. Ее поведенческая схожесть с той журналисткой вызывала некоторое дежа вю, но, покопавшись в памяти, я понял, что дело не только в этом. На самом деле Риту я уже точно где-то видел, но хоть убей не мог вспомнить где.

Она закинула пулемет на плечо и направилась в сторону леса.

— Тебе помочь? — спросил я на всякий случай.

— Нет, я привыкла. Знаешь, как говорят? Свое добро карман не тянет. Кстати, ты бы подобрал себе автомат трофейный. Или думаешь, как Шварценеггер, с дробовиком весь фильм проходить? Тут, дорогой, качество вооружений имеет решающую роль.

Пока новая знакомая ждала меня у кромки леса, я вернулся к костру и подобрал сначала пистолет, а затем один автомат с подствольником, который мне показался новее других. В рюкзак я закинул два патронташа с гранатами, три пистолетные обоймы и шесть автоматных рожков. Вес получился более чем внушительный.

— Что не взял, закинь в воду подальше! — крикнула Рита.

— Это еще зачем?

— Затем. Хочешь, чтобы тебе потом задницу из этих автоматов изрешетили?

Довод показался мне резонным, и я избавился от лишнего оружия.

— Ружье тоже брось. От него здесь мало толку.

— Нет. Оно на меня в милиции зарегистрировано. Не хватало мне проблем в реальности из-за тутошних походов!

Она махнула рукой, мол, что взять с дурака, а я навесил на себя трофеи и направился к лесу.

Хижина Риты располагалась глубоко в лесу, на холме, окруженном болотистой низиной. Так что нам пришлось пробираться туда по кустарно сделанным из бревен мосткам.

— Очень удобно, — говорила на ходу моя новая знакомая. — Держа мостики под прицелом, можно целую армию остановить. Ну, если армия не вооружена дальнобойным тяжелым оружием. Но пока не встречалось.

— А откуда здесь вообще огнестрельное оружие?

— Неужели непонятно? Приносят. Вот если бы убили тебя, то в реальности тебе пришлось бы долго объяснять милиции, куда делось ружье.

— Оно что, здесь бы осталось?

— Вот именно.

— Вот это номер... А почему одежда не остается?

— Она к телу ближе. Побывал тут один профессор, так он предположил, что переход происходит в коконе из поля, которое и разрывает границу между мирами. Кокон тонкий, едва прикрывает тело. Ну, и одежду захватывает. А все, что за пределами кокона, — не проходит.

— Бред какой-то. Туда я, значит, с ружьем могу, а обратно нет?

— А ты разве не заметил разницы между переходом туда и переходом обратно? — усмехнулась Рита.

— Заметил. — Я невольно содрогнулся от воспоминаний.

— Сюда ты проходишь по широкому тоннелю. Все, что пролезло в него, попадает в этот мир. А обратно тоннеля нет. Обратно ты доставляешься в коконе. Или в черном мешке из поля. Кому как больше нравится.

— В мешке мне не нравится.

— Понимаю...

Наконец мы преодолели болото и вскарабкались на заросший травой холмик, на вершине которого стояла хижина Риты.

— Чаю предложить не могу, — сказала хозяйка, отодвигая тростниковую занавеску, закрывавшую вход. — Чего нет, того нет. Зато дичь есть. Холодная. Будешь?

— Пожалуй, да.

Только сейчас я ощутил отходняк от пережитого. Ощущение, надо признать, не из приятных. Напряженные нервы начали потихоньку расслабляться, вызывая беспокойный озноб и чувство тревоги.

— А почему ты не возвращаешься? — осмелился спросить я.

Рита замерла в полутьме хижины, словно на что-то наткнулась.

— Давай поедим сначала, — ответила она.

«Странно, — подумал я. — Может, она сбежала сюда от каких-то проблем реального мира?»

Но мне было трудно представить такие беды, которые загнали бы меня из Москвы в этот почти придуманный мир. Хотя люди бывают разные, чего уж тут. О вкусах, как говорится, не спорят.

Было приятно смотреть, как она двигается. Сейчас до меня дошло, что никакая она не лесбиянка. Была бы лесбиянкой, жила бы с подругой. Нет, просто бывают такие люди, которые долго могут выносить только сами себя. Наверняка моя новая знакомая из таких. Слишком независима, слишком прямолинейна. Таковую носки не заставишь штопать, хотя кто в наше время штопает носки? Но это я так, фигурально. В общем, я заподозрил, что Рита не очень-то приспособлена для семейной жизни. Как, впрочем, и я.

Через минуту нехитрых приготовлений хозяйка хижины положила на стол две порции холодной птицы на широких пальмовых листьях. Похоже, в этом доме ни к сервировке, ни к готовке ни у кого не было особых пристрастий.

— И много здесь живет таких, как мы, пришельцев? — спросил я, приступив к еде.

— Точно трудно сказать. Недавно видела двоих мужиков. Не стала их трогать. А вчера... Вчера нашла тело женщины.

— Что? — У меня чуть кусок изо рта не выпал. — Какое тело? Дикарки, что ли?

— Ты что, вообще ничего не знаешь? — Рита подняла на меня взгляд. — Сколько ты тут?

— Да почти нисколько. Утром сегодня первый раз сюда занесло.

— И уже дважды успел умереть? Везучий, сказать нечего.

— А ты давно?

— Больше года.

Примерно такого ответа я и ожидал. Чувствовалось, что лучше ее не прерывать, и так каждое слово чуть ли не клещами приходится вытягивать.

— Рыб купила... — продолжила Рита. — Ну, ты знаешь, как это бывает. Вообще-то мне тут сразу понравилось. Дня два я тут побалдела, позагорала. На третий встретила парня. Ну, тоже нездешнего. Он рассказал, что рыбок этих еще в начале девяностых специально вывел какой-то ученый хрен, чтобы бабок срубить. Он вроде до того долго парился по физике, по квантам всяким, по тоннельным эффектам. Я в этом ни черта не соображаю, да не в этом суть. Здесь, знаешь, и профессора попадались, и доктора наук. Не в этом дело, а в том, что этот ученый довел дело до конца — соединил психику и физику. Там так получается, что параллельных миров до фига, но для прохода между ними нужна чертова уйма энергии. Ну, в смысле той, которую Эйнштейн в своей формуле изобрел. Но как оказалось, есть и другой путь. Помнишь, древние говорили, мол, человек что космос — одна фигня. Оказалось, так и есть. В башке каждого энергии — хоть залейся, но высвободить ее не так просто. Но тот хрен ученый придумал как. Все дело в особом гипнозе. Только гипнотизером должен быть не человек, не стекляшка какая-нибудь, а живая тварь. Парился он над этой проблемой, парился и вывел особых рыбок. А когда вывел, тут же продал идею бандюганам. Им понравилось — никакие менты здесь никого не найдут. А если достанут рыб и сунутся сюда, так их отсюда вышибут быстро. В середине девяностых тут целые оружейные

склады и базы устраивали на такой случай. Захочешь, я тебе даже настоящий дот покажу. Бетонный.

— Нет, спасибо.

— Как хочешь. Здесь и разборки иногда бывали. Поначалу это вроде пейнтбола было, только с боевыми патронами. А потом все разом кончилось, когда народ узнал главное.

— И что же оказалось главным?

— То, что энергии в голове хоть и залейся, но не без предела. Для входа сюда энергия высвобождается при помощи рыбок. А вот при выходе выцарапывается из башки силком. Поэтому и кокон такой тонкий. Раз выцарапывается, два... А на третий... В общем, третий раз у всех последний. Если в четвертый раз тебя убьют, то никуда ты уже не вернешься, а сдохнешь на самом деле, и тело твое останется тут. Понял? Я бы и рада отсюда убраться, да только три отпущенных раза я быстро по незнанию извела. А когда узнала, как все есть... Короче, чуть с ума не сошла. А может, и сошла немного. О себе в этом плане трудно судить. Ощущение было такое, что я попала в парк аттракционов, каталась, каталась в свое удовольствие, а потом села в чертовое колесо и застряла на самой верхушке. И все. Вниз никогда. Какое у тебя после этого будет отношение к аттракционам?

— Слушай... Погоди! А ты встречалась с добрыми дикарями? Ну, там колдун есть и вождь? Они говорят, что есть способ. Надо совершить подвиг...

— Забей. — Рита махнула рукой. — Это разводка для махровых лохов. Они тебя что, к крокодилу посылали? Ну-ну... Чтобы ты понатащил сюда побольше полезных предметов из нашего мира, сам сдох, а добро осталось бы дикарям. На это многие напоролись. Хорошо, что ты меня вовремя встретил. А то бы рвался через расщелины, через болота... В общем, там верный каюк, я тебе говорю. Тот край острова вообще неприветливый.

У меня мороз пробежал по коже — никогда раньше я не был так близко от смерти. Хорошо, еще обошлось.

— Так, значит, для тебя никакого выхода отсюда нет?

— Не бреди душу! — Она поднялась из-за грубо связанного из лиан и бревен стола. — Черт!

Рита резко вышла из хижины. Мне тоже кусок в горло лезть перестал. Жалко ее было, вот что. Я-то могу еще раз умереть, затем, уже дома, спустить злополучных рыб в унитаз и вспоминать эту историю, как сон. А она Москву вспоминает как сон. Или, может, она не из Москвы? В общем-то нет разницы.

Я тоже покинул хижину и поискал Риту глазами. Она сбежала с холма и сидела на корточках у самой воды болотца. Кажется, плакала. У меня сердце сжалось, но что я мог сделать? Своей энергией не поделишься. К тому же у меня самого осталось на один раз.

За хижинной я нашел ровные, очищенные от травы площадки. Кажется, Рита пыталась тут сделать грядки, да потом бросила. Через несколько минут услышал ее шаги за спиной.

— А ты кто вообще? — спросила она.

— Работаю в крупной фирме, — ответил я, оборачиваясь.

— А как там вообще... Ты откуда, кстати?

— Из Москвы.

— Я тоже.

— Ну, там сейчас лето. Хорошо.

— А здесь все время лето. И все время день.

— А как же деревья растут? Им же вроде нужна смена суток?

— Хрен их знает... Я только недавно нормально спать научилась — трудно жить, когда солнце вообще не заходит. Хотя «нормально»... Сам понимаешь. Ты, вообще, надолго собираешься здесь остаться?

— Смотря как дома время идет. В понедельник ведь на работу.

— Так же идет. Ну, в смысле, если здесь три часа прошло, то и там так же. На работу... Ладно. Не грузись.

— Да я и не грузюсь.

Это было враньем. Я загрузился, причем загрузился как следует. Плохо ей было одной, это и коню понятно, а я со своей работой. С другой стороны, она мне не родственница и не жена. Нет, оставаться здесь я не собирался. Большого идиотизма трудно было придумать. Хотя день здесь побыть можно. До понедельника.

— А есть хоть какой-нибудь способ здесь время определить? — спросил я. — Можно было бы остаться на выходные.

— Спасибо, не надо, — вздохнула Рита.

Затем выхватила пистолет и метким выстрелом снесла мне голову.

Это была самая легкая и безболезненная смерть за сегодняшний день.

— Дура! — тем не менее выругался я, очутившись в кресле.

Хотя в глубине души я понимал, почему Рита так поступила. Нет никакой разницы, на день останется человек из твоего родного мира или на минуту. Лучше сразу выгнать его взащей, чем растягивать сомнительное удовольствие. Беседы, ностальгия... А то и однодневный роман. Конечно, ей это было не нужно. Понятно. Но все равно неприятно, когда тебя вышвыривают за порог, тем более таким радикальным методом.

К тому же возникла и еще одна проблема — ружье. Оно действительно осталось там, что предвещало проблемы в случае прихода участкового с проверкой. Но как бы то ни было, первым делом надо было избавиться от опасных рыб.

— В унитаз! — решил я. — Причем срочно.

Пока народ не узнал истину, рыбки наверняка стоили не две сотни долларов за комплект. Там на тысячи счет должен был идти, если не на десятки тысяч. Сейчас они не стоили ничего, хотя красивые, заразы, чего уж тут говорить. Красивые, как все опасное.

— В унитаз! — подогнал я себя.

Каким же довольным должен был быть кавказец, про-

давший мне рыб! Хоть кто-то купил. По незнанию. А ведь Стас был прав, чертовски прав — нельзя было брать сингапурскую рыбу. Ее скорее всего никто и не брал, как раз по причине болезней. О реальной опасности мало кто знал — бандитов почти всех перебили, а рассказы о рыбах, перетаскивающих хозяев в другие миры, остались на уровне городских легенд. Странно, что их еще кто-то разводит. Или хачик просто от собственного комплекта избавился? Может быть. А впрочем, какая разница?

Я взял сачок, чтобы выловить рыб. Жалко было. Не только денег жалко, но и живых тварей. Они-то не виноваты в том, что какой-то ученый урод придал им такие свойства. Но оставлять было страшновато — засмотришься ненароком и окажешься, как Рита, на верхушке чертового колеса без возможности возвращения.

И вдруг меня осенило! Если добыть еще один комплект таких рыбок, то можно было перетащить их в банке на остров и создать двухсторонний коридор! Как же до этого раньше никто не додумался? Только где же этих рыбок искать? На рынке? У того же кавказца? Логика в этом безусловно была, а вот гарантии не было. А бывает ли она вообще — гарантия?

В любом случае уже было поздно для поездки на рынок. А вот завтра, в воскресенье, с утра — другое дело. Я так и решил — поеду на рынок, а там как получится. Может, найду продавца. А если не найду, тогда придется выбросить эту историю из памяти, убедив себя в том, что ничего не было и нет никакой Риты на несуществующем острове.

Накрыв аквариум покрывалом, чтобы рыбы не загнили, я хотел заняться чем-нибудь полезным, но все валялось из рук. В конце концов я с грехом пополам дождался вечера и пораньше лег спать.

Чаще всего пробуждение спозаранку полностью выбивает меня из колеи. Но в этот день все было иначе — я подорвался с постели, как ошпаренный, наспех умылся и через полчаса уже был на рынке. Все здесь было иначе,

чем в прошлый раз, — народу оказалось значительно больше, по случаю моего раннего появления, и продавцов было больше, и покупателей, так что к знакомым прилавкам мне пришлось проталкиваться. На меня косились, иногда ругались, но я не обращал на это внимания. Достигнув знакомой ширмы (правда, рыбы в ней были совершенно другие), я сразу наткнулся взглядом на знакомого кавказца. Он тоже меня узнал и тут же, перепрыгнув через металлический прилавок, бросился наутек. Я чуть пару ширм не перевернул, когда пустился за ним, подгоняемый крепкими мажорами других продавцов.

И мне, и кавказцу было в равной степени трудно пробираться через толпу, но вскоре я ощутил его физическое преимущество и начал отставать.

«Если сейчас упусти, — подумал я на бегу, — то потом его уже не найти».

В общем-то у меня было мало вариантов — только изменить траекторию и рвануть к припаркованной за бором машине. В детстве я неплохо брал заборы, спасаясь от овчарок, когда приходилось воровать яблоки в колхозном саду, но сейчас и вес уже не тот, да и форму я потерял, что тут говорить. Так что даже используя в качестве трамплина пустой торговый прилавок, я перевалился через забор, как тюк с удобрениями. Локтем ударился о землю, причем тем самым местом, которое отзывается, как электрическим ударом. Слезы из глаз выступили помимо воли, но некогда было охать и ахать.

Прыгнув за руль, я рванул машину с места, управляя одной рукой — другая онемела и от нее было мало толку. С визгом шин обогнув рынок, я, крикнув днищем автомобиля о довольно высокий бордюр, поймал беглеца прямым хонько на капот. Тот, похоже, подобного оборота не ожидал, так что у меня была секунда времени выскочить из машины и схватить его здоровой рукой за шиворот. Правда, он тоже был непрост — тут же угодил мне коленом в печенку так, что в глазах потемнело, но я его все равно не выпустил. Тогда торговец догнал меня прямым с руки в челюсть. Это была серьезная заявка — мои пальцы сорвались с

его ворота, и я рухнул на спину. Открыв глаза, я увидел убегающего кавказца. Он был так увлечен, что не заметил главного. Дело в том, что, выскакивая из машины, я не поставил ее на ручник. Жаль, конечно, новый почти «Форд», двигатель только после ремонта... Жаль. Но не зря я ее отремонтировал, выручила она меня. Разогнавшись под уклон, мой «Форд» подмял радиатором кавказца и только после этого шарахнулся в дерево, вызвав интенсивный, но кратковременный листопад. Железо раскорячилось, из разбитого радиатора пар рванул во все стороны, но я временно запретил себе об этом думать. Подскочив к поверженному на землю беглецу, я вернул ему полученное и добавил пару ударов от себя. Зол я был за машину, это правда.

Понятно было, что въехавшая в дерево машина вызовет наплыв зевак, так что мне пришлось оттащить кавказца в густые кусты соседнего палисадника и уже там учинить допрос с пристрастием, предварительно связав ему руки его же брючным ремнем.

— Ну что, дорогой? — спросил я, ощупывая желвак на скуле. — Наварился на мне? Думал, я там останусь? Не получилось. Я вообще на редкость живучий, сам иногда удивляюсь. С лошади даже падал на галопе. Другие шею ломают, а мне ничего. Говори, есть у тебя еще рыбы?

— Купить хочешь? — усмехнулся кавказец.

— Знаешь, дорогой, ты, наверное, не совсем правильно оцениваешь ситуацию. Я зол до последней возможности, так что я тебя прямо здесь придушу, сяду на такси и отправлюсь домой, к аквариуму, а оттуда в известное тебе место. Надолго. У меня и женщина там есть. Отсижусь, пусть менты ищут. А? Как тебе перспектива? Но есть и другой вариант. Ты сейчас говоришь, где рыбы, я звоню людям, они их берут, привозят сюда, после чего я тебя отпускаю. Понимаешь, дорогой, я как-то не в меру сегодня серьезно настроен. Ну?

— Ладно, слушай адрес. Рафика там спросишь, скажешь, Гера велел рыб дать. Он даст.

— Погоди. Сейчас я звоночек сделаю...

По мобиле я позвонил Вадику, нашему начальнику службы безопасности.

— Выручай, — говорю, — понимаю, что воскресенье, но я тут попал на свой «Форд». Гости с Кавказа. Хорошие люди, сговорчивые, но ты все равно кого-нибудь из ребят возьми... Ладно, все, ученого не учу. Надо взять у них рыб. Три штуки. Привезешь их мне, я проверю, чтобы те были. Да, до фига они стоят, как раз сколько мне надо. Слушай, сочтемся, понятное дело. Начальству только не трепи. Ладно, хорошо, доложишь, черт с тобой. Едешь?

Я обернулся к захваченному Геру и протянул ему трубку.

— Говори адрес.

Если кому не приходилось просидеть в кустах со связанным кавказцем почти полтора часа, то скажу, что удовольствие ниже среднего. Больше всего я боялся, что бдительные московские бабушки, оглядывая из окна подответственную территорию, непременно вызовут милицию. Но обошлось. Милиция находилась у соседнего дома, пыталась выяснить, чей это «Форд». Когда приехал Вадик с рыбами, мою славно погибшую машину как раз грузили на эвакуатор.

Оглядев комплект рыб, я остался доволен.

— То что надо, — похвалил я Вадика. — Подбросишь до дома?

— А этого куда? — начальник охраны кивнул на Геру.

— Этот расплатился. Поехали.

Уже дома я заподозрил, что все могло быть напрасно, все мои приключения с прыжками через забор, разбитая машина... Вдруг в том мире эффект рыб не работает? Почему его до меня с той стороны никто не применил? Не полные ведь дураки.

Накрыв банку со вторым комплектом рыб старой рекламной газетой, я всерьез призадумался о риске, ожидающем меня на выбранном пути.

— Могу ведь туда попасть, а обратно не вернуться, —

произнес я вслух. — Застряну, как Рита. Что тогда? Жизнь робинзона без всякой надежды на изменение ситуации?

В общем, я испугался. Было из-за чего. Правду говорят, что своя рубашка ближе к телу. Рита ведь прожила на этом острове долго, привыкла, наладила быт. А я нет. Мне это на фиг не надо. У меня приличное место в более чем приличной фирме, перспектива роста опять-таки. Да, в конце концов, кто мне такая эта Рита? Что, каждому встречному на улице помогать, рискуя шкурой? Нет. Была бы еще какая-нибудь особенная красавица... Да и ни одна красавица не стоит такого риска. Это раньше, похоже, женщин было совсем мало, приходилось за каждую на мечях рубиться. Сейчас все лучше. Да, по большому счету, можно и без них обходиться.

— Не пойду я за ней, — твердо решил я.

Нет, ну правда, зачем? Десятки тысяч людей ежегодно погибают в автомобильных катастрофах, и я об этом не думаю. Не пытаюсь кого-то спасать. Войны идут. Люди на этой земле попросту никому не нужны. Только и думают, как загасить ближнего. Одним человеком больше, одним меньше — никто внимания не обратит. Риту эту давно списали со счетов человечества как потерянную без вести единицу. Нет, на роль Иисуса, пожертвовавшего собой ради спасения человечества, я не метил. Есть ведь разные люди. У одних, как у Мюнхаузена в фильме Захарова, на определенный час назначено совершение подвига, а у других — повышение собственного благосостояния. И не надо думать, что повышение личного благосостояния чем-то хуже спасения человечества! Не надо этого... Было уже. Если бы все в равной степени заботились хотя бы о себе, то не приходилось бы каждую сотню лет заново спасать человечество.

Я принес из кухни более компактную банку с крышкой и перелил в нее добытых рыб вместе с водой. Сунул банку в пластиковый пакет.

— Интересно, кто-нибудь пробовал искать у русских вирус, поражающий генотип? — пробормотал я, подходя к

аквариуму. — Мы ведь все так или иначе больные. И по наследству это явно передается.

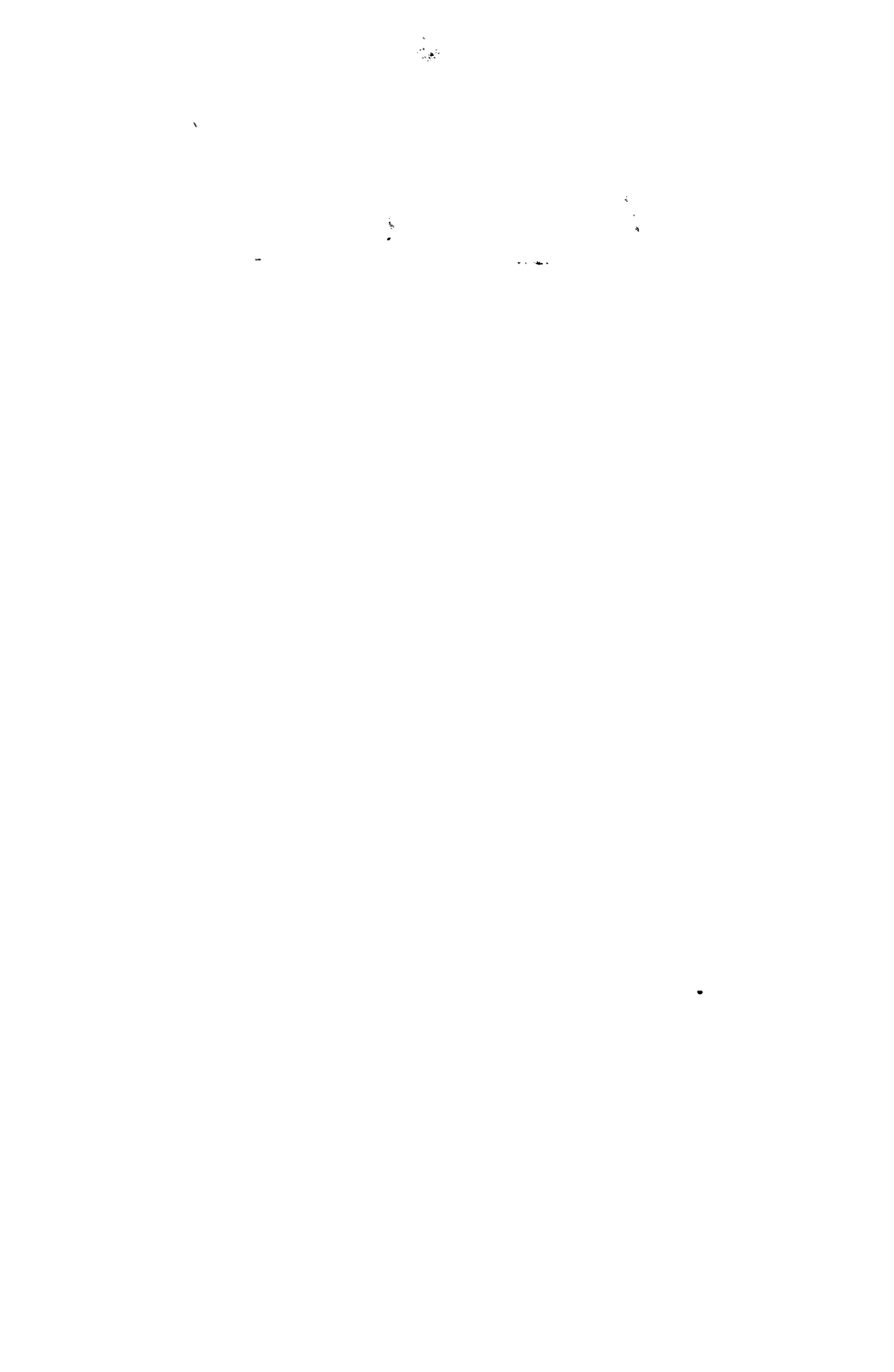
Уж насколько я считал себя прагматичным эгоистом, а и то зашевелился внутри червячок сомнения. Червяк. Толстый такой червячина. Вьедливый. Наверное, это неистребимо у русских — рисковать собой ради других. Только дай возможность. Конечно, это болезнь. Наверняка с этим надо бороться. Надо учиться жить для себя. Весь мир на этом держится. Ну, в смысле цивилизованный мир.

А может, все и по-другому, может, это не болезнь, а свойство, необходимое для выживания вида в тяжелых российских условиях? Может, мы тут рождаемся такими, а потом разъезжаемся по всему миру — программисты, ученые, художники, просто дельцы — с единственной целью спасти человечество? Каждый по-своему?

Я сел в кресло, сжал в руках банку и сдернул покрывало с аквариума.

РАССКАЗЫ

УЛЬТРАЛАЙТ

 тром 31 августа Антон Протасов приблизился к своей цели еще на триста пятьдесят граммов. Он узнал об этом, встав на тонкий сенсорный лист весов. На жидкокристаллическом дисплее зажглись цифры 38,655... потом экранчик неуверенно мигнул, и последняя пятерка на глазах у затаившего дыхание Протасова перетекла в ноль. Славный такой, пустотельный нолик. 38,650.

— Йес! — прошептал Антон, когда весы загрузили окончательный результат тестирования в память домашнего компьютера. — Ай дид ит! Ай наконец дид ит, рили!

Привычка говорить с самим собой по-английски появилась у него после того, как супервайзер их подразделения объявил борьбу усложненным лексическим конструкциям, делающим речь и мышление сотрудников офиса слишком *тяжелыми* для восприятия. Хотя супервайзер ни слова не сказал о том, что это за конструкции, все поняли, чем конкретно он недоволен. Конечно, английский куда более логичный и легкий язык — легче его, наверное, только эсперанто, однако эсперантистов в штате «Москоу Ультра-лайт Интеллектуал Текнолоджис» не было.

Еще вчера весы показывали ровно 39 кило. Но таблетки для бессонницы, прописанные доктором Шейманом, оправдали свою запредельную цену — Антон полночи ворочался на надувном матрасе, чувствуя, как его бросает то в жар, то в холод, и заснул лишь перед самым рассветом.

И вот вам результат — минус триста пятьдесят граммчиков!

Настроение у Протасова улучшалось с каждой минутой. Он покрутил педали на велотренажере, потом быстро принял душ, стараясь получить наслаждение от каждой капли трех с половиной литров воды, составлявших половину дневной нормы, и, хотя на подмышки капель, как всегда, не хватило, почувствовал себя свежим и обновленным. Вытираясь, Антон раздумывал, стоит ли ему завтракать, рискуя отличным утренним результатом, и в конечном итоге решил, что не стоит. Достаточно будет и чашки растворимого кофе «Nescafe-Acorn» (отличный вкус и ноль калорий!), а сэкономленные десять минут можно потратить на подбор галстука к новому темно-синему костюму из тончайшего льна. «Тудэй о нэвер, — повторил про себя Протасов, завязывая галстук небрежным кембриджским узлом. — Сегодня я пойду к супервайзеру и прямо скажу о том, что мою ставку необходимо пересмотреть. Тридцать восемь шестьсот пятьдесят — да такого результата ни у кого в отделе нет!»

Закончив с галстуком, Антон достал из шкафа титановую раму своего кара и, стараясь не испачкаться, потащил ее к лифту.

Лифта пришлось ждать долго. Малогабаритная холостяцкая квартирка Протасова располагалась на сорок восьмом уровне типового стоэтажника — лифты шли вниз, под завязку набитые обитателями верхних этажей. Наконец ему удалось втиснуться в кабину, где, заученно улыбаясь, толкались локтями человек двадцать — некоторые, как и Антон, везли с собой рамы каров. Места в подземном гараже были раскуплены еще до заселения дома, а со стоянки во дворе кары уводили с пугающей регулярностью — не помогали ни сигнализация, ни стальные цепочки. Антон, разумеется, зацепил углом своей рамы какую-то старушенцию, и та немедленно раскудахталась: смотреть надо во круг, совсем уже проходу не стало от этих автомобилистов, глядишь, скоро порядочным людям и джоггингом негде будет заниматься... В другой день Протасов, возможно, обозлился бы на нее (старушка казалась мрачной и не-

прилично полной для своих лет), но утро началось слишком хорошо, чтобы портить себе настроение из-за сумасбродной бабки. К тому же старуха очень смешно выговаривала слово «джогтинг» — у нее получалось нечто среднее между «жогинг» и «шопинг», и Протасов только одарил ее снисходительной улыбкой.

Во дворе он извлек из кейса портативный компрессор и быстро надул шины и корпус кара. Он ездил на «Мицубиси Балуун», подержанной, но вполне пристойной машине с переделанным левым рулем. Место, где располагался когда-то родной японский руль, было заклеено суперпрочным полимерным патчем, но клей, произведенный в Стране восходящего солнца, не выдержал сурового российского климата, и теперь приборная панель время от времени немного сдувалась. Главным достоинством машины была ее маневренность — несущие оси при необходимости укорачивались чуть ли не вдвое, и умелый водитель, уменьшая объем колес, мог пролезть даже в самую узкую щелочку. Правда, внешний вид у «Мицубиси» оставлял желать лучшего — ярко-желтая некогда резина кузова от едкого московского смога приобрела нездоровый серый оттенок и покрылась сеткой страшноватых трещин. Можно было, конечно, потратиться на новый кузов, но Антон предпочитал дожидаться повышения и купить «Тойоту Эйр Круизер», положенную по статусу главе маркетингового отдела крупной корпорации.

На съезде с Четвертого кольца на Рублевку Протасов все-таки попал в пробку — такую, что даже юркая, как муравей, «Мицубиси» безнадежно встала между роскошным, угольно-черным «Мерсед-Эйром» с тонированными пленками окон и совершенно бандитским «Чероки-Пневматик». Рублевка, насколько мог видеть Антон, была девственно чиста, но основание эспланады перегораживали неприятно массивные, оцетинившиеся стальными шипами броневики дорожной полиции, проскользнуть мимо которых казалось делом безнадежным. Протасов вздохнул, заглушил мотор и, достав мобильник, позвонил Ие.

— Хай, Тони, — голос у Ии был озабоченный, как, впрочем, и всегда. — Ты о'кей?

— Я о'кей, — привычно ответил Антон. — Сейчас в пробке стою, на Рублях. Не посмотришь по своим каналам — надолго это?

— Ах-х, — сказала Ия недовольно. Подразумевалось: вечно ты грузишь меня своими проблемами, используя мое хорошее отношение к тебе в корыстных целях, эгоист несчастный. Но вслух, конечно, ничего такого она сказать не могла — это означало бы признаться в том, что ей тяжело выполнить просьбу бойфренда. Поэтому вся нотация и ограничилась невнятным «ах-х». Антон слышал, как подруга шустренько стучит клавишами. Ия работала в Администрации, почти на самом верху, и ухитрялась при этом оставаться добросердечной и безотказной девушкой. На самом деле ее звали Валерия, но секретарь Большого Босса должен откликаться на короткое имя: смешно думать, что у занятого человека нет других дел, кроме как произносить «Ва-ле-ри-я» каждый раз, когда ему захотелось выпить кофе.

— Да, — произнесла наконец трубка. Антон удивленно уставился на крохотный экран мобильного — лица Ии все равно было не различить, но что-то в интонации подруги его насторожило.

— Что «да», хани?

— Ты спросил, надолго ли это. Да, надолго. Еще что-нибудь?

Упс, подумал Протасов, неужели обиделась? Но на что?

— А у меня новость, хани, — сказал он, искренне желая порадовать подругу. — Сбросил еще триста пятьдесят, представляешь? Пойду сегодня к Теду, поставлю вопрос ребром...

— Я рада, — сухо ответила Ия. — Прости, я занята сейчас. Позже созвонимся.

Минуту Антон сидел, тупо разглядывая погасший экранчик, потом засунул мобильник обратно в портмоне и решительно потянулся к кнопке аварийного стравливания воздуха.

Когда он заталкивал сдувшийся кузов в рюкзак, пленка, затягивавшая боковое стекло «Чероки», с треском отле-

пилась, и из джипа высунулась острая, как у хорька, мордочка.

— Братан, — тонким голосом осведомилась она, — этот попандос всерьез?

Протасов не любил, когда к нему обращались так фамильярно, но запас хорошего настроения еще не истощился, поэтому он наклонился прямо к носу хорька и произнес ритуальный слоган:

— Будь проще, и тебе станет много легче!

— Проще! — возмущенно пискнул хорек. — У нас стрела на пол-одинадцатого на Гребных каналах, а тут кругом эти ежики бешеные торчат...

— Пешком ходи, — посоветовал Антон, широко улыбаясь. Он протиснулся перед широким надувным капотом «Мерсед-Эйра» и, обернувшись, помахал бандюге рукой. — Сжигай калории!

Осторожно лавируя между машинами, он выгацил раму «Мицубиси» на обочину и сноровисто принялся разбирать ее на части. На андеграунде доберемся, подумал он бодро, чай, не лендлорды... сейчас в подземке как раз самая толчая, если повезет, еще грамм пятьдесят сойдет с потом!

Здание штаб-квартиры «Москоу Ультралайт Интеллектуал Текнолоджис» украшал гигантский неоновый слоган «WE TAKE I.T. EASY!!!», хорошо различимый с любой точки внутри Садового кольца. Глядя на него, Антон испытывал привычную гордость за принадлежность к столь могущественной и богатой организации, но сегодня к этому чувству примешивалось еще и сладкое предвкушение близкого торжества. Он не вошел, а прямо влетел в просторный холл, сдал разобранный на части кар в камеру-паркинг и побежал взвешиваться. У тестинг-панели, которую некоторые остроумцы называли Стеной Валтасара, толпился народ. Становясь на весы, Протасов краем уха ловил обрывки фраз: «Поздравляем, Эф Пэ!», «Превосходный результат!», «Экселлент!!!» и даже «Руководство, несомненно, оценит!». Рискаю ввести в заблуждение компьютер, реаги-

ровавший на малейшее мускульное усилие, Антон повернул голову и увидел невдалеке бухгалтера департамента Федора Петровича Хомякова, окруженного кольцом восторженных коллег. Выглядел Эф Пэ плохо — на обтянутом желтой кожей лице лихорадочно горели огромные, как у совы, глаза, обширная лысина блестела от пота. Бухгалтер, пошатываясь, отходил от тестинг-панели, причем Антону показалось, что если бы не заботливые руки сотрудников, он упал бы прямо посреди зала.

— Тридцать килограммов! — громко сказал кто-то из свиты Хомякова. — Анбилливибл!

Протасова словно окатило ледяной водой. В отделе и раньше шептались, что Хомяков последние месяцы стремительно улучшает свою физическую форму, но тридцать килограммов — это было уже слишком. Чтобы достичь такого результата, самому Антону пришлось бы каким-то образом сбросить еще восемь килограммов и шестьсот пятьдесят граммов, а как это сделать, когда в буквальном смысле слова борешься за каждую лишнюю унцию веса?

Это был удар. Антон с трудом дождался, пока компьютер выдаст ему распечатку результатов тестирования, и, даже не взглянув на нее, сунул в карман. Ничего, твердил он себе, направляясь к лестнице, ничего, мы еще поборемся... ви шел оверкам, Эф Пэ, ви шел оверкам самдэй...

На второй ступени лестницы Протасов остановился и выругался. Обычно он поднимался на свой восемнадцатый этаж пешком, сжигая лишние калории, но сегодня эта самоэкзакуция показалась ему бессмысленной. Рекорд бухгалтера был недостижим, а насиловать себя из-за каких-то паршивых двадцати граммов Антону внезапно расхотелось. «А вот хрен вам, — злобно подумал он, непонятно кого имея в виду, — я вам не белка в колесе — задаром километры наматывать... Пойду сегодня к Теду и скажу — или двигай меня на позицию выше, или я ухожу на фиг... И легко!» От этой мысли Антону действительно полегчало, и он, отчасти восстановив душевное равновесие, принялся подниматься по ступенькам, привычно останавливаясь передохнуть после каждого пятого пролета.

В отделе только и разговоров было что о сегодняшнем

феноменальном результате Хомякова. Протасов убедился в этом, просмотрев файлы внутренней переписки сотрудников в локальной сети. Женская половина коллектива взахлеб спорила о том, какая именно диета помогла бухгалтеру стать абсолютным чемпионом подразделения — белковая или углеводная, мужчины же строили язвительные предположения о некоторых особенностях интимных привычек Эф Пэ. Читать все это было забавно, но куда больше интересного Антон нашел в письмах самого Хомякова. Угрызений совести он не чувствовал — выполняя негласное распоряжение Теда, Протасов раз в неделю готовил для него обзор настроений в отделе. Обычно такое происходило в пятницу, но никто, разумеется, не запрещал Антону поделиться своими озабоченностями с начальством в любое время. Едва дождавшись, когда у супервайзеров отделов закончилось их ежедневное совещание, он снял трубку и набрал номер Теда.

— Тони! — голос начальника показался ему еще более оптимистичным, чем обычно. — Хау а ю?

— Файн, Тед! У меня есть к тебе один вопрос... ты не мог бы уделить мне десять минут?

— Легко, Тони! Поднимайся!

Супервайзер встретил Протасова на пороге своего маленького кабинета. Впрочем, как ни мал был кабинет, он выгодно отличался от той прозрачной клетушки, в которой трудился сам Антон, да и стоявшая в углу персональная беговая дорожка ненавязчиво подчеркивала статус хозяина. Миниатюрный, похожий на подростка Тед энергично потряс руку Протасова и произнес стандартную формулу приветствия:

— Тудэй из беттер зен йестердэй, май френд!

— Индид, — не стал спорить Антон. — Тед, я хотел поговорить о своих достижениях... это возможно?

— Ну разумеется! — супервайзер широко улыбнулся. — Ты не против, если я буду в это время бегать? Вчера я, кажется, немного перебрал в баре...

«Выделяется», — подумал Протасов. Тед пил только безалкогольное низкокалорийное пиво «СтарЛайт», перебрать которое можно было, выпив разве что цистерну. Од-

нако сомневаться в словах начальства не стоило. Антон понимающе поднял брови и вытащил из кармана распечатку.

— Мой вес — тридцать восемь шестьсот пятьдесят, Тед.

— Прекрасно! — супервайзер бодро вспрыгнул на дорожку и принялся деловито перебирать тонкими ножками. — Отличный результат, Тони!

— Да! — в тон ему откликнулся Протасов. — Я тоже так думаю! Я шел к этому долго, Тед. Упражнения, медитации, самоограничения... И вот, наконец...

— Такое достижение нужно отметить. Позволь угостить тебя витаминным коктейлем, Тони. В шкафу есть бутылки, смешай себе порцию...

Антон кашлянул.

— В связи с этим, Тед, я хотел бы поговорить о своей карьере. Я уже два года...

Жужжание беговой дорожки усилилось — видимо, Тед включил форсированный режим.

— Я уже два года сижу на должности координатора по хьюман ресорсез. Ты прекрасно знаешь, что это уровень тех, кто весит больше сорока килограммов. Все эти годы я упорно совершенствовался... и я достиг многого. Мне пора расти дальше, Тед. Мой вес...

— Говори проще, — посоветовал супервайзер. Он уже не улыбался — по худому лицу стекали крупные капли пота, но продолжал бежать к какой-то невидимой Антону цели. — Не отвлекайся на мелочи.

Протасов глубоко вздохнул и приготовился произнести фразу, которую обдумывал последние три месяца.

— Я считаю, что достоин занять место начальника отдела.

— Нет, — лаконично ответил Тед. — Недостойн.

— Но почему? Мой вес...

Взгляд супервайзера заставил его замолчать.

— Твой вес почти на девять килограммов больше, чем у Хомякова. Так кто из вас более достоин занять это место?

— Но Эф Пэ — бухгалтер! — Протасов изо всех сил пытался сдержать раздражение. — Он не может претендовать на эту должность!

Тед холодно усмехнулся.

— При весе в тридцать килограммов он может претендовать на все, мой друг. Даже на место в совете супервайзеров, если, конечно, такая мысль придет ему в голову...

— Да, сэр. — Антон опустил глаза. Пришла пора выкладывать на стол последний козырь, но ему почему-то не слишком хотелось это делать. — Вы, безусловно, правы. Однако есть одно обстоятельство...

— Какое же?

— Мне известно, что блестящий результат Хомякова никак не связан с его стремлением к совершенствованию. Эф Пэ попросту болен — и болен очень серьезно!

Он извлек из кармана крошечный лазерный диск и аккуратно положил его на пластиковую столешницу.

— Здесь сообщения от его лечащего врача, — пояснил Антон. — Судя по этим материалам, болезнь Хомякова прогрессирует довольно быстрыми темпами. Черт возьми, босс, да этот парень отбросит коньки через пару месяцев!

Тед спрыгнул с тренажера и погрозил Антону пальцем.

— Опять избыточные лексические конструкции! Я же просил тебя выражаться проще... — Он вытер лицо влажной салфеткой и подошел вплотную к Протасову. — Я осведомлен о проблемах мистера Хомякова. Но тот прискорбный факт, что ему недолго осталось работать на благо нашей компании, ничего не меняет. Пусть даже два месяца — но он будет занимать место, которого достоин! Место, которое тебе еще предстоит заслужить!

— Но это же идиотизм! — взорвался Антон. — Я уже достиг необходимого уровня, мне просто нет смысла ждать, пока этот тощий хрен наконец сдохнет! Что я, черт возьми, буду делать эти два месяца?

Лицо Теда застыло хрупкой гипсовой маской.

— Будем считать, что я не слышал твоих последних слов, Тони. Ты — славный парень, и мне было бы жаль потерять такого ценного сотрудника. Но на твой вопрос я все же отвечаю. Эти два месяца — или сколько там времени отмерил господь бесстрашному мистеру Хомякову — ты будешь продолжать совершенствоваться. Ты будешь становиться легче!!!

— Чтобы сдохнуть, как Эф Пэ? — тихо спросил Антон. — Невозможно терять вес бесконечно, босс. Как бы мы ни стремились к идеалу, существуют природные ограничители... Мы не можем...

Супервайзер прервал его, нетерпеливо взмахнув рукой.

— Посмотри на меня, Тони. Как ты думаешь, сколько я вешу?

— Тридцать пять кило, — хмуро ответил Протасов.

Тед довольно рассмеялся.

— Шестьдесят два фунта. Тридцать килограммов и четыреста граммов по-вашему. Я похож на умирающего?

«К сожалению, нет», — зло подумал Антон. Иногда он ненавидел своего начальника.

— Пятьдесят лет назад взрослого мужчину, весившего сорок килограммов, сочли бы дистрофиком или карликом. А теперь это повсеместная норма! Врачи прошлого века с ума посходили бы от методов, которыми наше общество регулирует физические параметры своих граждан. А ведь эти методы доказали свою эффективность! Гормональная коррекция, генетический контроль, программы питания... но главное — непрерывное стремление к совершенствованию! Без этого фактора все прочие — ничто. Неужели ты думаешь, что речь идет о способе преодолевать ступеньки карьерной лестницы? Не разочаровывай меня, Тони, — мы говорим о спасении цивилизации!

Лицо Теда покраснело, глаза лихорадочно блеснули. Все это было так не похоже на сдержанного обычно супервайзера, что Протасов невольно испугался.

— Ресурсы планеты ограничены, а людей с каждым днем становится все больше и больше, — продолжал меж тем Тед. — Ты же читаешь книги, Тони, не отпирайся, я знаю... нет, я не детективы имею в виду. Ты наверняка слышал, что есть такая штука, как демографическое давление. Переполненные мегаполисы, истощившиеся запасы нефти и газа, нехватка питьевой воды... Десять миллиардов особей волей-неволей должны ограничивать свои потребности, не так ли? К счастью, мы оказались достаточно разумны, чтобы понять, в чем наше спасение. Не войны, не

принудительная стерилизация... а добровольная, осознанная миниатюризация! И этот процесс будет продолжаться! Да, возможно, те ограничители, о которых ты говорил, и существуют для отдельных личностей — но не для человечества в целом. Эф Пэ Хомяков не способен преодолеть тридцатикилограммовый барьер без необратимых изменений в своем организме, а Антону Протасову это удастся. Каждый из нас может стать Адамом нового мира, Тони! И не заставляй меня думать, что ты хуже всех...

Протасов молчал, ошарашенный неожиданным приступом красноречия своего шефа. Тед извлек из пакетика новую салфетку и вытер вспотевший лоб.

— Надеюсь, ты все понял, — сказал он обычным тоном. — Больше мы к этой теме возвращаться не будем. Иди работай.

Несколько секунд Антон раздумывал над тем, что бы ответить шефу, но так ничего и не придумал. Ограничившись легким кивком, он повернулся к двери.

— Вэйт, — сказал ему в спину супервайзер. — Если через два месяца будешь весить тридцать два килограмма, подавай документы на начальника отдела...

Выйдя из кабинета, Протасов, шатаясь, добрался до туалета и, склонившись над раковиной, плеснул себе в лицо холодной водой. Зеркало над умывальником отражало изможденную физиономию с запавшими щеками и тонкими бледными губами мертвеца. Антон бросил быстрый взгляд на своего зеркального двойника и отвернулся.

— Адам, блин, — с отвращением произнес он. — Тридцать два килограмма... Фак ю, крейзи бастард!

Но в голове его уже с грохотом вращались барабаны цифровых машин, и чей-то механический голос бесстрастно вел каунтдаун:

«Тридцать восемь шестьсот... тридцать восемь двести... тридцать семь восемьсот пятьдесят...»

После работы расстроенный Протасов решил заехать к Ие. Он убедил себя в том, что все неприятности этого дня начались после того, как подруга по неизвестной причине

обиделась на него во время телефонного разговора, и решил исправить ситуацию. По дороге в Кузьминки, где обитала Ия, он купил роскошный букет искусственных голландских роз и очень кстати попавшийся на глаза новый бестселлер культового автора Марьи Простецовой «Диета для людоеда». Ия, как и все девушки ее возраста и социального положения, обожала Простецову, и Антон не без основания предполагал, что подарок поможет ему вновь обрести сердечное расположение подруги.

Ия долго не открывала. Антон топтался перед дверью, сжимая в руках чересчур сильно пахнущие розы, а его воображение услужливо подкидывало ему все новые и новые версии происходящего в квартире. Наконец, когда надежда почти оставила Протасова, щелкнул замок и дверь медленно, словно бы нехотя, отворилась. Девушка стояла на пороге, в халате на голое тело, и смотрела куда-то сквозь Антона. За спиной ее чернел темный провал комнаты, и такая же темнота и пустота была в ее огромных, ничего не видящих глазах, похожих на окна покинутого дома...

Слава богу, она успела выпить только половину упаковки. Правда, таких таблеток Антон раньше не видал — на зеленой пачке была нарисована Дюймовочка в балетной пачке, танцующая на листе кувшинки с надписью «ВЕЙТ КОРРЕКШЕН УЛЬТРАЛАЙТ». Выкидывая оставшиеся таблетки в мусоропровод, Антон испытал легкое чувство вины — пару дней назад подруга спрашивала его о безопасных средствах для снижения веса, а он, как обычно, посоветовал ей заниматься шейпингом...

«Скорую» Антон вызывать не стал. Вместо этого он приготовил раствор марганцовки и кое-как промыл Ие желудок. Потом растолок в чашке три таблетки активированного угля и, разведя водой, влил черную взвесь ей в рот. Когда щеки девушки слегка порозовели, Протасов осторожно поднял ее невесомое тело на руки и отнес в спальню. Уложил в подушки, укутал теплым одеялом, поцеловал в лоб и уселся в уютное кресло рядом с кроватью, положив себе на колени «Диету для людоеда». Читать, впрочем, он даже не пытался. Сидел, глядя на мерно вздымающееся

одеяло и думая о том, что он скажет Ие, когда она проснется, и сам не заметил, как задремал.

— Ты чего здесь сидишь? — Ия тормошила его за колена. Протасов вздрогнул от неожиданности и уронил книжку на пол. — Иди в кровать, замерзнешь же...

— Ия! — Антон лихорадочно старался найти подходящие к ситуации слова, но в голове, как назло, крутилась только ритуальная фраза «тудэй из беттер зен йестердэй». — Ия! Чтобы больше этого... чтобы больше такого не было!!!

— Чего? — Девушка смотрела на Протасова так, словно у него выросла вторая голова. — Почему ты кричишь? Я ничего не понимаю!..

Последние слова она произнесла так жалобно, что Антону захотелось немедленно обнять ее, но он, разумеется, сдержался.

— Ты пыталась покончить с собой, — сказал он жестко. — Выпила полпачки этих дурацких таблеток... Кстати, где ты их достала?

Ия недовольно дернула худеньким плечиком.

— Мне их выписал мой доктор. Но с чего ты взял, что я... как ты выразился? Пыталась покончить?..

— Хочешь сказать, ничего такого не было?

— Разумеется, нет! Я выпила пять таблеток — доктор сказал, что ударная доза обеспечивает особенно эффективный результат... но, похоже, немного не рассчитала... — Девушка наткнулась на грозный взгляд Протасова и немедленно сменила тон: — Ой, Тони, они же совершенно безвредные, эти таблеточки! А мне знаешь как нужно немножко похудеть... У нас сокращение наклеывается, всех девчонок, которые весят больше тридцатника, будут переводить с понижением в муниципалитет... а я, ты же знаешь, тридцать два с половиной... вот и решила по-быстрому...

— Дура ты, — сказал Антон, чувствуя невероятное облегчение. — Дура ненормальная. По-быстрому... нет чтобы мне позвонить — помнишь, как мы с тобой за уик-энд по полтора килограмма потеряли?..

— Помню. — Ия выскользнула из-под одеяла и прижалась к нему всем своим горячим тельцем. — Конечно, помню, Антошка... Но ведь это так давно было... а с тех пор мы

все отдаляемся и отдаляемся друг от друга... и вообще, знаешь, мне кажется, что ты меня разлюбил...

Протасов фыркнул и принялся расстегивать рубашку.

— Глупости только не говори, — благодушно проворчал он. — Разлюбили ее... да с чего ты только это взяла?..

— Взяла! Ты же сам сейчас сказал про уик-энд... мы тогда с тобой из постели не вылезали... а сейчас что? Физкульт-пятиминутка перед сном — и все?

— Ах, да перестань ты! — с досадой ответил Антон. — Сама же видишь — времени ну вообще нет...

— Просто тогда ты этого больше хотел, — упрямо поджала губки Ия. — Нет, не спорь. И я... я, наверное, тоже этого хотела сильнее, чем сейчас... Тони, тебе не кажется, что мы теряем что-то очень важное?..

Протасов аккуратно повесил брюки на спинку кресла и залез к подруге под одеяло. Обнял ее за худенькие плечи и на минуту почувствовал себя самым сильным человеком в мире.

— Мы совершенствуемся, — успокаивающе сказал он, припомнив сегодняшнюю проповедь супервайзера. — Мы все избавляемся от лишнего груза... Мы становимся легче, и мир вокруг нас становится лучше...

Некоторое время он гладил Ию по голове, прислушиваясь к голосу плоти. Голос, как назло, молчал, и Антон, поняв всю тщетность своих попыток, откинулся на подушки.

— Знаешь, Тони, — прошептала Ия, свернувшись калачиком у него под рукой. — Мне так иногда хочется, чтобы у нас был ребенок...

«Глупышка, — подумал Протасов устало. — Только этого нам еще и не хватало...»

— Подожди немножко, малыш, хорошо? Я говорил сегодня с Тедом — через два месяца меня почти наверняка сделают начальником отдела. Вот тогда и подумаем о ребенке.

Плечо девушки окаменело, и Антон немного смягчился.

— Ты пока наведи справки в банках генофонда, — шепнул он в маленькое прозрачное ушко. — Бог с ними, с деньгами, главное — качество. Ребенок — он же надолго...

— Я не хочу через банк! — тихо вскрикнула Ия. — Я хочу своего... чтобы родить самой... как раньше...

Крыша поехала, подумал Протасов испуганно, ну и таблетки ей доктор выписал...

— Малыш, ну успокойся, ну что ты, в самом деле... Кто же сейчас так делает? Это раньше, когда все были огромные и толстые, как слоны, женщины могли себе такое позволить, не думая об эстетике... представь только, как это некрасиво... как неряшливо... как тяжело...

Ия перестала всхлипывать и повернулась к нему спиной.

— Ты ничего не понимаешь, Тони, — голос ее звучал тихо-тихо. — Совсем ничего...

— Все-таки узнай насчет банков, — сказал Протасов. — И давай спать. Сегодня день был...

Он едва не сказал «тяжелый», но вовремя остановился. На самом деле такого просто не могло быть. Каждый день был легким. Лайт дэй, подумал он, медленно погружаясь в сон. А завтра будет ультралайт дэй. Потому что тудэй из олвэйз беттер, зен йестердэй...

Маленький словарьк лайт-инглиш-слэнга

1. Ай дид ит! — Я сделал это!
2. Джоггинг — спортивный бег трусцой.
3. Хани — ласковое обращение; «золотко», «лапа».
4. We Take I.T. Easy — лозунг «Москоу Ультралайт Интеллектуал Текнолджис» — «Мы не напрягаемся по поводу Интеллектуальных Технологий».
5. Экселлент — великолепно.
6. Анбиливибл — невероятно.
7. Ви шелл оверкам самдей — однажды мы победим.
8. Тудэй из беттер зен йестердэй — сегодня лучше, чем вчера.
9. Индид — на самом деле.
10. Вэйт — подожди.
11. Фак ю, крейзи бастард — пошел ты, сумасшедший ублюдок.
12. Каунтдаун — обратный отсчет.
13. Вейт коррекшен — коррекция веса.
14. Лайт дэй — легкий день.

ЕНОТ ДОПРЫГАЛСЯ

начала его прозвали Канада Кид, говорит Дядя. Потому что мелкий и с севера родом. Чего он оттуда сорвался, не знаю, врать не буду. Сам не рассказывал. Может, ухлопал кого не того. Да наверное. Он был по молодости такой. Стрелок. Если до обеда ни разу не пульнул, считай, день прожил зря. Ну, вот. Приехал он, значит, представился местной публике, как тогда было принято, и нанялся объездчиком к ирландцам...

Опять салун в маленьком городке. Стук игральных костей, звон посуды, гул нетрезвых голосов. Не хватает только расстроенного пианино. Сегодня нет музыки. Будний день.

И как это он представился, твой Енот, чего у вас было принято, ты скажи, перебивает старика Рик-с-Пальцем. Небось въехал прямо в салун верхом и с ходу шерифа грохнул, да, а вы ему похлопали немножко, снисходительно так, мол, ничего, парень, сойдешь за ковбоя в ненастный день с большой дистанции!

Все смеются, даже Джонни Конь одобрительно хмыкает.

Ну, шерифа не шерифа, а вот депутата¹ он собирался грохнуть, бросает Дядя небрежно. Но тот уклонился от поединка, а Енот не стал его дожимать.

Шутишь, не верит Рик-с-Пальцем.

¹ Deputy (амер.) — сокращение от «deputy sheriff», на русский обычно переводится как «помощник шерифа», что некорректно, поскольку американский «депутат» — «лицо, облеченное правами шерифа». (Здесь и далее примечания автора.)

У Рика на правой руке не гнется указательный палец, торчит вперед, это гремучка цапнула. Легко отделался.

Не шучу, говорит Дядя. Закажи круговую, услышишь, как было дело.

Старый вымогатель, бурчит Рик.

И заказывает.

Буквально через секунду, будто почуяв гармовую выпивку, в салун вваливается Папаша Плюх, но его мигом выталкивают за двери. Выталкивают, похоже, чуть энергичнее, чем надо, потому что Плюх с крыльца летит и, судя по звуку, падает в навоз.

Вот скотина немытая, говорит Рик. А ведь тоже небось с вами тут куролесил по молодости лет.

Бывало и такое, соглашается Дядя, утираясь рукавом. Куролесил. Хотя иногда страсть как утомлял своими выходками. Этот хрен потомственный алкоголик. Человек безответственный и непредсказуемый. Его однажды депутат Карлайл — ну, вы знаете, Карлайл, которого позже грохнул Билли Кид, — за мексиканца принял и хлыстом стеганул. Чтобы в луже посреди города не валялся. А Плюх встал и, не говоря ни слова, депутата на свое место уложил. Он тогда крепкий был парень, тридцать лет назад. Но уже насквозь проспиртованный. Револьвер специально пропил, чтобы не застрелиться ненароком. А вот попомните мои слова, он еще всех нас переживет. Так, прямо из лужи, в двадцатый век и шагнет. Точнее, вползет.

Не исключено. Насколько я вижу, запас здоровья у Плюха достаточный. Вот уж трагическая фигура, нереализовавшийся воин. На его беду, здесь не было недостатка в воинах гораздо более сильных. Взять хотя бы Енота.

Ладно, давай про Енота, напоминает Рик.

Кстати, Енот тут очень даже при чем, говорит Дядя. Наш Огги — ну, который Плюх, — может, жизнью Еноту обязан. Огест Вильям Чарлтон, вот как его звать-то, пьянчугу. Вечно он надирался при первой же возможности, и совершенно вусмерть. И именно Енот подсказал ему: пропей, Огги, револьвер. Пока ты не разглядел однажды с утреца своего отражения в луже и не понял, что этой образине нет смысла жить... Надо же, а я забыл!

С улицы доносится профессиональная ругань бывшего объездчика. Это Огест Вильям Чарлтон озвучивает свое отношение к навозу.

Просто ты сочиняешь, говорит Рик. А что у вашего Огги связано с лужами? Сколько помню себя, Папаша Плюх куда-то плюхается. Мне еще мама говорила — будешь пить, станешь такой же. Ну вот я пью, пью — не плюхается. Наверное, у Плюха талант.

Все опять смеются, только Джонни Конь и бровью не вежет.

Дурачье вы, говорит Дядя. Когда идет сильно пьяный человек — где поскользнется? Там, где мокро. А у нашего Огги действительно талант — он умудряется ходить в таком состоянии, в каком любой другой лежал бы. Вот и собрал все лужи в графстве. Вы бы видели, как он с лошади падал! Театр. Цирк. Идет по улице шериф Бэнкс — ну, тот, вы знаете, которого позже грохнул Билл Манни... Топают злой, как сто чертей, потому что у него корова сдохла. А навстречу едет Огги, и вдруг прямо шерифу под ноги с коня в лужу — плюх! Шериф весь в грязище, Огги носом вниз пыгается заснуть и булькает. Неудобно ему, болезнью. Шериф стоит, утирается и думает: может, ну его к дяволу, этого вечно пьяного объездчика, пусть себе тонет. А дело было прямо в центре города, собственно во-он там, между салуном и заведением мамаша Шварцкопф, и лужа по сей день на месте... Шериф Бэнкс потом говорил — ну очень ему хотелось, чтобы в городе, где нет даже ручейка, появился собственный настоящий утопленник!..

Я больше не закажу, говорит Рик, даже и не думай.

Джонни Конь оглядывается на бармена и щелкает пальцами.

Вот это пример настоящего благородства, говорит Дядя. Как в старые добрые времена. Спасибо, Конь. Помнишь ведь, у меня когда звенело-шуршало в кармане, я всегда угощал. И ты угощал.

К столу подбегает мальчишка-подавальщик с бутылкой коричневой отравы. Здесь это называют «виски».

Заливаешь, Дядя, его же не было еще в то время, Коня-то, напоминает Рик.

И хорошо, что не было, кивает Дядя. Пристрелили бы к черту еще одного порядочного человека. Тот же Огги ему запулил бы. Или тот же Енот. Тогда, знаешь, простые были нравы. А чего, спрашивается, с нас было взять — деревня деревней. Почты нет, телеграфа нет, железной дороги нет, китайской прачечной нет, одни лужи и навоз. Из примет цивилизации только кузница — Дядя отгибает пальцы, — салун, заведение мамы Шварцкопф и офис шерифа. Что еще? Ну, церковь, допустим, но она как-то не сильно влияла. Короче, общая дикость и ветхозаветная простота. Не понравилась чья морда — шарах в нее, и готово. А уж если морда красная... Джонни, ты не обижаешься? И правильно. Да, Конь приехал гораздо позже. А как приехал, сразу всех угостил.

И вас с Енотом, вворачивает Рик.

Не уверен, говорит Дядя. Не уверен. По-моему, Енот к тому моменту уже допрыгался.

Джонни Конь молча кивает.

Мы очень переживали, говорит Дядя. И радовались за Енота, и переживали. Боялись. В такую странную историю он влип...

Почему Енот-то, спрашивает Рик.

Может, ему на роду написано было, разводит руками Дядя. Именно ему, самому непоседливому и резкому из нас.

Нет-нет, отмахивается Рик, ты сначала объясни, почему он — Енот?

Похож, вот и Енот. Я еще не видел его, но все и так понятно — по выражению лица Дяди.

А почему я Дядя, отвечает вопросом на вопрос Дядя. Потому что Сэм Андерсон¹. Ну, Огги понятно, отчего Плюх. А у Енота была крутая бобровая шапочка с енотовым

¹ Некто Сэм Андерсон поставлял солонину по контракту с армией. И якобы на недоуменный вопрос прохожего — что означает маркировка US-UA на бочках — грузчики ответили: Дядя Сэм (Uncle Sam) Андерсон. Сегодня это один из фрагментов самой распространенной легенды о возникновении образа Дяди Сэма.

хвостом. И сам он юркий, подвижный, с хитрой такой мордочкой. Вот и получился — Енот. Никогда не жаловался, между прочим. Маленький, да... Помню, останавливался у нас проездом Док Холлидей — ну, знаете, тот, который умер от чахотки, — картишками дергал в заведении у мамы Шварцкопф. И вздумалось ему задеть Енота. А Енот всегда носил два револьвера: один нормальный кольт «эс-эй-эй», а другой — «байнтлай» с длинющим стволом и приставной кобурой. Лупил из него всякую живность как из винчестера. Где добыл, не рассказывал. Может, ухлопал кого. Да наверное. И, в общем, то ли Холлидею не понравился Енот, то ли понравился его револьвер, но он возьми и ляпни: обычно самую длинную пушку выбирает тот, у кого своя коротенькая. Мы все притихли, ну, думаем, началось. А Енот вместо того, чтобы вызвать Дока на улицу, просто скромно улыбнулся, расстегнул штаны и — показал.

Дядя выдерживает паузу. Джонни Конь не шевелится. Рик тоже. Я оглядываюсь на бармена и киваю.

Спасибо, молодой человек, говорит Дядя. Вот пример истинной учтивости. Было время, когда демонстрация хорошего воспитания считалась естественным делом и не предполагала благодарности. Но в эпоху коммерциализации всего и вся, когда миром правит доллар... Эх! Ваше здоровье.

И Енот — показал Холлидею, напоминает Рик.

О да, усмехается Дядя, там было на что посмотреть! Мы-то знали, Енот не раз говорил, что сам такой шуплый потому, что весь в корень пошел. Ну, и девицы из заведения мамы Шварцкопф делились впечатлениями. А Холлидей как глянул, прямо окаменел. Потом встал, сказал «приношу извинения, сэр» и церемонно протянул Еноту руку. И Енот, по-прежнему с расстегнутыми штанами, руку его пожал.

Холлидей заказал шампанского, и они сели играть в покер, досказывает за Дядю Рик.

Енот не играл с шулерами, мотает головой Дядя. Слишком умный был для этого. С Холлидеем сели мы. Потом хотели вымазать его дегтем и извалить в перьях, но ограни-

чилились тем, что отняли проигранные деньги. Нехорошо показалось унижать большого человека, он уже вовсю кашлял, бедняга Холлидей. Черт побери, какие люди тут бывали!

Билли Кид, Санденс Кид и Канада Кид, хохочет Рик. А братья Клеменсы мимо не проезжали?

Джонни Конь презрительно косится на Рика.

Ну, ладно, бормочет Рик примирительно. Ну, ладно.

Машет бармену.

Как помалу теперь наливают, ты заметил, Конь, говорит Дядя. Все дорожает. Я давно заметил, едва что-то становится лучше, оно сразу дорожает. В былые времена мы пили чудовищную дрянь, настоящую огненную воду, но порции были мужские и стоили ерунду. Сколько мы пили! Что мы вытворяли! По выходным, когда приезжали ребята с дальних ранчо и начиналось веселье, все мужчины — и пришлые, и местные — сдавали револьверы шерифу. Вы могли видеть в офисе такие полки с ячейками, на которых сейчас лежат всякие бумаги. А раньше люди заходили и клали в ячейки свои пояса. От греха подальше. Никто нас не заставлял, сами договорились, с подачи того же Енота, кстати... М-да, было время... Братья Клеменсы, значит? Это которых потом застрелил шериф Эрп в О'Кей-Коррале? Ну-ну. Ну-ну.

Не сердись, Дядя, говорит Рик. Я так, для красного словца.

Будут тебе и Клеменсы, обещает Дядя многозначительно.

С улицы доносится угалая разбойничья песня. Огест Вильям Чарлтон развлекается. Ему хорошо,

Кто-нибудь, заткните этого алкоголика, кричит бармен.

Этот алкоголик, говорит Дядя тихонько, первым встретил Клеменсов, атаковавших наш город. Окажись он тогда потрезвее, мерзавцы не прославили бы шерифа Эрпа. Не дожили бы. Понимаешь, Рик, малыш, знаменитый бандит — это тот, кто не нарвался в самом начале карьеры на хладнокровного и меткого стрелка. С возрастом бандит наглет, становится опытнее, а его дурная слава бежит впереди и распугивает людишек... Огги мог пришить Клеменсов дважды. У них счета очень старые. Думаешь, братцы всег-

да грабили дилижансы и банки? Ха-ха. Они занялись этим, поняв, что ремесло грабителя куда безопаснее, чем бизнес угонщика скота. Братья были совсем щенята, да и Плюх еще сопляк, когда они схлестнулись в первый раз из-за стада, которое Огги охранял. И не схлопочи он тогда пулю в ногу, неизвестно, чем бы все закончилось. Но в первый раз ему не повезло, а во второй он уже не попал бы из артиллерийского орудия в офис шерифа с десяти шагов. Еще Клеменсов мог застрелить Енот. Запросто мог. Но ему не дали. М-да. Он к тому моменту уже...

Допрыгался, говорит Рик.

Рик доволен, что разговор опять свернул на Енота. Дядя нехорошо щурится, вспоминая Клеменсов. Дядя единственный из местных стариков, кто по-прежнему носит револьвер и вроде бы неплохо с ним управляется. Персонаж из учебника новейшей истории. Новейшей, да, но истории, да.

Мы с Риком одновременно машем бармену. Рик смеется.

Вот надерусь сегодня, мечтательно говорит Дядя, и пойду к мамаше Шварцкопф. Будем с ней плакаться друг другу в жилетку и горевать об ушедшей молодости. Присоединяйся, Конь, тебе ведь тоже есть что вспомнить.

Джонни Конь едва заметно кивает.

А вышло так с Енотом, говорит Дядя. Нам в ту пору всем сравнялось лет по тридцать. Это сейчас ты и в тридцать можешь ходить дурак дураком, а тогда выросли рано. У меня уже трое детишек по дому бегало. Ответственность, сами понимаете. Особо не забалуешь. Я служил управляющим на одном ранчо, а Енот старшим объездчиком у соседей, и все подумывал, не перебраться ли в город. Очень звали его в депутаты, а там, глядишь, и шерифом бы стал. Он справедливый был, Енот, хотя и резкий. Знали за ним такое — не выносит человек подлости и мухлежа. Он потому и в управляющие не пошел. Должность непростая: хочешь сам жить и быть в чести у хозяина — умей искать выгоду. Сегодня чужих обсчитаешь, завтра своим недоплатишь, послезавтра договоришься со сволочью какой вместо того, чтобы к черту ее послать. Или вдруг прискачут молодые идиоты и скажут: мы тут подумали, мистер Андер-

сон, и пришли к выводу, что вы нам должны триста долларов за тот мордобой в прошлом сентябре, и еще семьсот за то, что мы не угоняли ваш скот... И поди им надери уши. Нет, Енот не годился в управляющие. Он бы погиб на этой работе. Натурально.

А еще у него жениться не получалось никак. Влюблялся он постоянно, не реже раза в году, и обязательно вдребезги, на всю жизнь. Букеты цветов, трогательные записочки, тайные свидания. Сам ходил принаряженный, счастливый, добрый, трезвый, всем улыбался, а потом — бац! Увы, говорил, опять не повезло. Опять что-то не то. Горевал, уходил в запои, становился опасен. Однажды Плюха вынул из лужи и ни за что ни про что набил ему морду. Сказал потом — даже этого придурка кто-то любит просто таким, какой он есть, а меня никто! Искал, понимаете ли, идеальную себе подружку...

Дядя умолкает, задумавшись, и вдруг оказывается, что в салуне очень шумно, людно, накурено. И довольно опасно для чужака.

Раньше мне было неуютно в салунах. Но теперь я стараюсь не обращать внимания на общую атмосферу. Вижу лишь то, что хочу разглядеть, и слышу лишь тех, кого мне нужно слышать. Иначе страшно.

И вот, продолжает Дядя, сели мы как-то воскресным днем, чуть ли не за этим самым столом, поболтать о жизни. Ну а потом к мамаше Шварцкопф собирались. И тут шериф вбегает, морда злая, кричит — опять! Опять краснозлые, чтоб им пусто было!.. Конь, ты меня простишь за эпителиды? Ты же знаешь эту историю. Из песни слова не выкинешь, как говорится.

У вас же был с индейцами договор, мне дед рассказывал, вспоминает Рик.

Разумеется. Мы с ними по-человечески обращались, говорит Дядя. Это, конечно, если бы племя было сильное, началась бы война. А так как индейцев всего ничего в округе водилось, то к ним подъехали чинно-благородно и сказали: ребята, мы не хотим неприятностей, держитесь от нашего хозяйства подальше, и все останутся живы. Ну, они посмотрели, сколько у нас стволов, покочевряжились для

порядку, выторговали себе охотничьи угоды получше, огненной воды два бочонка, сколько-то кожаных штанов... В общем, нормальные оказались ребята. У них ведь свой, индейский, телеграф работал. Они знали прекрасно, как белые люди в других местах порядки наводят. И, понимая нашу к ним доброту, старались договор соблюдать. Но иногда, обычно почему-то весной, ихним молодым идиотам моча в голову ударяла. Налетят на дальнее ранчо, постреляют в воздух, наворуют лошадей... Слушай, Конь, ты хоть и полукровка, но ведь должен знать. Вот объясни, чего индейцы такие больные насчет лошадей?

Джонни Конь оживает и произносит первую за вечер фразу.

Индеец без коня, как птица без крыльев, надменно бросает Джонни Конь.

И оглядывается на бармена.

Люблю, как он это. Гордо так, говорит Дядя. Вы ж не знаете, он когда в городе объявился, у него пытались жеребца выторговать, потом в карты выиграть, потом украть, потом отнять. Ох, какой был жеребец! Ох, как Джонни отдубасил тут некоторых из-за него. Чего бы и не отдубасить, сила лошадиная, кузнец, черт возьми. Разозлился, уехать хотел, насилу отговорили. Твое здоровье, Джонни.

Джонни Конь произносит вторую фразу.

Вам тогда нужен был не кузнец, а гробовщик, говорит Джонни Конь.

Гробы мастерить дело нехитрое, хихикает Дядя. Это мы умели. А вот хорошего кузнеца, чтобы лошадей по-настоящему любил и понимал, поди найди. Надеюсь, ты не обижаешься за тот случай, Джонни. Нельзя тридцать лет носить в себе обиду. Это совершенно не по-христиански... Все-все, молчу!

Ты не молчи, ты про Енота давай, требует Рик.

Значит, вбегает шериф, начинает заново Дядя, и кричит — опять краснозады, так их и раззетак! Спрашиваем — что случилось? Оказывается, прискакал мальчишка с одного из дальних ранчо, сказал, налетели индейцы, утнали лошадей и украли бабу. Ну, баба там была такая... Знали мы эту бабу. Ее даже индейцы могли украсть только но-

чью. Безлунной и дождливой. Но, конечно, непорядок. Енот, тот просто зубы стиснул, встал и молча пошел сесть на лошадь. Мы ему — погоди, а он — вы пока соберетесь, краснозадых уже след простынет. Между прочим, отменный был следопыт, лучший из нас. Сказал, потихоньку-полегоньку двинет вперед, и либо мы его нагоним, либо он разведает, где у индейцев лагерь, и встретит нас на полпути. Ну, пытались его утихомирить, а он ни в какую. И таки уехал один. Мы пока собирались, не меньше часа прошло. Поскакали, тут сумерки, потом стемнело, ни черта не видать, мы дважды с дороги сбились, пока добрались до того ранчо, отстали от Енота сильно. На ранчо решили заночевать. И среди ночи услышали: где-то далеко за холмами бух-бух! Будто кто скалу динамитом рванул. Один из наших, который на каменоломне срок отбывал, даже крикнул спроне — огонь в дыре!¹ Выскочили из дома, кто в чем, и на самом горизонте разглядели странное такое синеватое зарево. Удивились все очень. А наутро, едва собрались и дальше тронулись, видим — скачет Енот. И поперек седла лежит у него кто-то, в плащ замотанный.

Баба, говорит Рик.

Баба, говорит Дядя. Да не та.

Погоди, говорит Рик. Не может быть.

Погожу, говорит Дядя. Я еще много выпить в состоянии. Мне сегодня надо, чтобы до слез пробрало. Ностальгия у меня.

Рик поднимается и идет к стойке. Бармен кивает ему — не извольте беспокоиться, сударь. Значит, Рик вполне крепитоспособен. А вот Дяде здесь не полагается ни стопочки даже за наличные.

Этот салун принадлежит Дяде на восемьдесят процентов. Поэтому Дядя запретил себя обслуживать. Только если угостят. Боится пропить бизнес.

¹ «Fire in the hole!» — предупредительный возглас при взрывных работах. Был заимствован военными подрывниками и широко распространился в американской армии. Применяется до сих пор, например при вбросе гранаты в закрытый объем.

Интересный тут народ. Есть в нем какая-то первозданная чистота помыслов.

Если бы только не эта агрессия, которой они буквально дышат...

Мне не страшно.

Мне не страшно.

И хватит думать об этом.

Неужели она, качает головой Рик, неужели она. Конечно, она, кто же еще... Послушай, зачем ты это рассказываешь, думаешь, я поверю? Хотя да, да, как же иначе. Она.

Мы поверили, говорит Дядя. Все происходило у нас на глазах. Мы не знаем, откуда она взялась, но то, что было дальше... Этого у нас не отнимешь. Мы не выдумщики или там газетчики какие, мы свидетели. И Енот тоже ничего не выдумывал. Просто рассказал что видел. Он скакал по следам индейцев, а когда стемнело, рискнул спешиться и осторожно продвигаться в том направлении, которое показалось ему верным. И тут за холмами рвануло. Он пошел туда. Лошадь упиралась, Енот привязал ее. Ползком забрался на холм и увидел лощину, залитую голубым светом. По лощине валялись какие-то обломки, и на траве лежала мертвая голая баба. Енот еще подумал, что индейцы ее использовали и бросили. Он спустился вниз, пригляделся и понял, что это совсем не та баба. И вроде никто ее не пользовал, а она как бы в глубоком обмороке. И индейцев никаких поблизости. Свет угасал, тогда Енот замотал бабу в плащ и понес обратно. Она небольшая была, ему под стать. И красивая, очень красивая, очень. Она и сейчас красивая.

Молодая, говорит Рик, задумчиво поигрывая стопкой.

Все еще молодая, кивает Дядя. Не такая, как тридцать лет назад, но... Будто она за это время прожила от силы лет десять. Кстати, Енот тоже мог бы выглядеть постарше.

Я думаю об этом столько, сколько знаю ее, говорит Рик. Я вчера здоровался с ней на улице и думал об этом. В нее нельзя не влюбиться, правда, Дядя? Но она какая-то... Не такая, как мы.

Разумеется, говорит Дядя. Странно было бы предположить, будто женщина, зародившаяся из голубого огня в степи, окажется во всем подобна нам. Тем не менее физи-

чески она вполне человек, что засвидетельствовал доктор, который ее осматривал. Я бы немного больше сказал, но это уже выходит за рамки допустимого в приличном обществе.

Голубой огонь и обломки, бормочет Рик, голубой огонь и обломки. А что за обломки?

Железки, говорит Дядя. Странные бесполезные железки. Мы побоялись брать их в руки, очень уж это дело отдавало бесовщиной. Но я видел обломки своими глазами. Трое наших, и я в том числе, специально ездили проверить слова Енота. Чтобы потом никто не посмел обвинить его во лжи. Обломки, наверное, и по сей день там, только в землю вросли, не забудь лопату. Место могу показать на карте.

Какой смысл, хмыкает Рик. Но что же это было?

Никто не знает, говорит Дядя. Может, знает она сама. И если знает, наверное, сообщила Еноту. А может, и нет. Для нас главным было то, что она человек. Доктор пошептался со священником, тот пришел, глянул на нее одним глазом... И сказал: красота ее, конечно, вызывает у меня понятные опасения. Но то, что дочь сия ведет себя как новорожденное дитя, прямо указывает на чудо. А чудо — оно и есть чудо. Шапки прочь, всем смирно, помолимся. Сказал как отрезал. Он ее и окрестил потом. Он такой был священник... Правильный. Бывший капеллан. Оружие терпеть не мог. Говорил, как увижу своего прихожанина с ружьем, так и подмывает схватить ружье за ствол да прикладом — прихожанина по башке!

Постой, а другую-то бабу нашли вы, спрашивает Рик.
Джонни Конь неожиданно фыркает.

Сама вернулась к осени, ухмыляется Дядя. Злая, как сто чертей. Мы ее искали, честно. Но те индейцы, они тоже слышали взрыв и видели голубой свет. Перепугались, снялись с нажитого места и удрали к самой границе. Больше их тут не было.

И что же, говорит Рик, вот так все с таинственной женщиной устроилось само собой? Приняли как родную, выдали за Енота — и спокойно зажили?..

А как бы ты хотел, удивляется Дядя. Здесь тебе не Вашингтон. И даже не Линкольн. Съезди на север, там тебе

расскажут про Бродячего Духа. На западе — про Человека-Жука. Нечисти вокруг до черта. Говорящие койоты, рогатые змеи... И поди разберись, правда это нечисть или чья-то белая горячка вышла погулять.

Я разбирался. И на севере, и на западе. Я побывал везде и вот добрался сюда. Удивительно, как просто они утаили свое местное чудо. Взяли и ассимилировали его.

Но зато сохранили.

А могли... Страшно подумать, что могли сделать с беспомощной девушкой эти существа, иногда стрелявшие друг в друга, если не попадалось более достойной мишени. Дядя о таком не расскажет, не вспомнит, он постарался забыть, хорошо постарался.

Он ведь тоже был когда-то «молодым игуотом». И он, и этот сказочно благородный Енот. И милейший Орест Вильям Чарлтон, мирно дремлющий в навозе у крыльца. Ой, неспроста забавный алкоголик Плюх так ненавидел страшных братьев Клеменсов...

Убийцы. Грабители. Насильники.

Я отвлекся. Это простительно — мне все уже ясно.

А Дядя говорит.

Енот сказал: я ее нашел, она будет моя. Мы согласились. А дальше... Понимаешь, говорит Дядя, я не могу утверждать, что она сломала Еноту жизнь, боже упаси. Но все у него пошло наперекосяк. Когда бедняжка очнулась — это случилось примерно через сутки после того, как ее нашли, — она была не просто слаба, будто новорожденная. Она и вела себя так же. Не умела говорить, не умела ничего делать, на ноги ее ставили доктор и Енот вместе. А она только глядела во все стороны огромными своими глазами и иногда тихо плакала. Даже жевать пришлось ее учить, я уж молчу об остальном. И тогда Енот стал ее нянькой. Он уволился с ранчо, перебрался в город, купил домишко на отшибе и забрал девушку к себе. Ну, если честно, Еноту много помогали. Потому что она почти всем понравилась с первого взгляда. А кому не понравилась, того попросили не распространяться об этом. Знаешь, я так подумал, реши священник объявить ее отродьем дьявола, у него возникли бы проблемы. Но это я подумал много позже

и в чисто философском плане. А тогда все решили, что нам на голову свалился ангел. И уж если кому-то должно было достаться такое счастье, то, конечно, Еноту, невезучему в любви. Сама мамаша Шварцкопф натаскивала девушку готовить и шить. Доктор преподавал ей гигиену и всякие другие полезные вещи. Священник вел с девушкой беседы о божественном. И фактически научил ее говорить. Хотя рот она открывает редко. Что выгодно отличает ее от большинства местных дам. Но ее и так понимаешь, просто по взгляду. С Енотом она, кажется, не разговаривает вообще. Им это ни к чему. Заметь, она с самого начала знала, кто ее спас, и глядела на Енота как на божество. А может, он ей тоже с первого взгляда понравился. Когда ей было плохо, когда она плакала, едва приходил Енот, она кидалась к нему в объятия и успокаивалась.

И наконец их обвенчали, заканчивает историю Рик. Года через два, да, после того, как она тут появилась.

Около того, кивает Дядя. Жених напялил звезду депутата, невеста учтиво щебетала благодарности, весь город переписался в хлам. Енот взял ссуду и переехал в дом на главной улице, во-он тот, отсюда видно. Казалось, теперь всеобщему счастью не будет конца... Кстати, о концах. Что-то у нас тут пусто.

Упреждая движение Рика, я показываю бармену на наш столик. Джонни Конь странно косится на меня. Вероятно, шестым индейским чувством понял, что никакой я не коммивояжер.

У них спальня на втором этаже, хихикает Дядя. И даже сейчас, если пройти мимо, когда стемнеет, слышно, как весь дом ходит ходуном. В этом смысле они редкостно счастливая пара. То, что нет детей... Такое случается. Это горе, конечно, но тут все в руке божьей. А может, она и правда ангел, и тогда какие уж дети от брака с простым смертным. Было время, я склонялся к мысли, что она именно ангел. Сейчас мне как-то все равно, не те мои годы, чтобы ломать голову над чужими проблемами, а раньше я искал разгадку. И только в ангельской сущности жены Енота мог ее найти.

Несколько секунд Дядя молчит, глядя в пустую стопку.

Потому что не может обычная женщина так переменить взрослого самостоятельного мужчину, бормочет Дядя. Мужчину, который способен всадить весь барабан в консервную банку, крутящуюся на конце веревки, и побриться в темноте.

Джонни Конь хмыкает и выдает странную ремарку.

Баба не мужик, говорит Джонни Конь.

Несколько мгновений Рик и Дядя оторопело глядят на Коня.

Сильное высказывание, говорит Дядя. Умри, не оспоришь.

М-да... Побриться в темноте и я могу, замечает Рик. А вот насчет консервной банки... Не пробовал. И не буду.

Началось все с выпивки, говорит Дядя. Енот стал реже и реже заглядывать в салун. Мы над ним подтрунивали — мол, дело молодое, силы уходят понятно куда, какое уж тут пить. Но однажды в его дежурство я сильно перебрал. И Енот, добрая душа, отвел меня под руку в офис шерифа проспать. Чтобы моя благоверная не учинила надо мной расправу — водилось за ней такое. Когда город более-менее утих, Енот вытащил бутылку, налил мне добавить и сам моментально надрызгался до такого же состояния, как и я. И пожаловался, что его жена терпеть не может, когда он пьет. Она не кричит, не ругается, а просто закрывается от него. Я переспросил — запирается на замок? Енот посмотрел на меня как на полного осла, потом горько рассмеялся и сказал — ну да, что-то в этом роде. И когда она закрывается, Еноту очень плохо. Поэтому он пьет только по большим праздникам или если совсем тоска накатит. Как вы вообще — поинтересовался я. И Енота прорвало! Он, похоже, никому не рассказывал столько. Жаль, что я был пьян и запомнил лишь самое главное. Но зато я поверил!

Они с Енотом общались без слов. Она знала все его мысли, предугадывала все желания. Если он грустил, она просто гладила его по голове, и ему становилось легко. Если Енот веселился — радовалась с ним вместе. Они были совершенно безоблачно счастливы вдвоем. И ради этого Енот готов был на многое, даже на отказ от рюмки. Правда, тогда он еще надеялся, что пойдут дети. Ему на ум не

шло, что такого может не быть. Он не знал, а чувствовал — именно чувствовал, — как жена восхищается им. Рассказывал, как она любит его телом и душой. Да-да, именно так он говорил.

Согласитесь, за такое отношение мужчина готов в лепешку расшибиться. А уж если он тоже женщину искренне любит — то и любого в лепешку расшибить.

И вот как раз с этим встала новая проблема.

Еноту в те годы не приходилось стрелять. Он, конечно, тренировался, весь забор издырявил на заднем дворе. И на охоту ходил. Но поднимать ствол на человека ему просто не было нужды. Да что там ствол — руку поднимать! Енота слишком уважали в городе. Шериф или депутат, он ведь в чем-то вроде бандита: сначала работает на славу, потом слава работает на него. Когда приходилось утихомиривать распоясавшуюся пьянь, Еноту хватало грозного окрика. Ну, и община стояла за парня горой. Если кто на Енота лез, тут же находилось до черта желающих скрутить смутьяна. Пусть и таких же пьяных, но вполне мирно настроенных. И еще, сами понимаете, когда подходит и читает нотацию депутат, едва достающий тебе до плеча... Нужно быть последней дрянью, чтобы такого обидеть. Тем более депутат всегда прав и никогда ни от кого не требует лишнего или невыполнимого. Повторяю: он справедливый был, Енот. Он и сейчас ничуть не хуже.

А потом в город сунулась на разведку одна мелкая сошка из банды Клеменсов. Покрутилась тут, покрутилась там... Шериф смекнул, к чему идет дело, они с Енотом пригласили шпиона в офис и передали Клеменсам совет держаться от города подальше. Сначала хотели вырезать совет у шпиона на заднице, но обошлись словесным внушением. Город ощетинился стволами и стал ждать атаки. Клеменсы всегда атаковали в лоб, когда знали, что готовится теплая встреча. Не просачивались втихаря, к банку поближе, а нагло заезжали по главной улице развернутым строем, пуляя по окнам и гогоча. Наверное, этим напором и объясняются все их успехи. Шериф Эрп прищучил братцев, потому что они вконец распоясались и потеряли осторожность. Были пьяны с утра до ночи и совершенно ничего не

соображали. Хвати у Клеменсов разума понять, насколько Эрп достойный противник... Их бы убил попозже какой-нибудь другой шериф.

На нас Клеменсы наскочили, когда еще не успели окончательно пропитать мозги. Мы ждали атаки месяц, но ее все не было. Наша разведка не нашла следов банды в окрестностях. Тогда мы расслабились. Сняли караулы. Тут-то банда и подкралась воскресным вечером. Мы на всякий случай разрешили ношение оружия по выходным, но много ли с того толку, когда полгорода уже не отличит ствола от приклада, а посреди дороги лежит Плюх.

Надо отдать Плюху должное. Валяясь ухом на земле, он первым услышал топот копыт. Вскочил, заорал: «Тревога!», прыгнул к салуну, выдернул из-под крыльца винчестер — откуда только узнал! — и открыл стрельбу. Все его пули угодили в заведение мамыши Шварцкопф, но шуму он наделал преизрядно.

Клеменсов было человек шесть или восемь, но уж точно меньше десяти. Они заорали и рванули во весь опор, стреляя по дверям и окнам салуна, чтобы не дать народу высунуться. Появились первые раненные, началась паника. Новый дом Енота стоял на главной улице, и когда банда проезжала мимо, из-за угла показались стволы. Там прятался сам хозяин, очень спокойный, с обоими своими револьверами в руках и дробовиком на плече.

То, что минимум половина Клеменсов тут же сыграла бы в гроб, удайся Еноту его засада, я вам гарантирую.

Но случилось непредвиденное. Раздался пронзительный крик, такой громкий, что его услышал чуть ли не весь город, и на Енота из окна выпрыгнула его супруга. Она схватила мужа за руки, сшибла на землю и упала сверху.

Кажется, Енот успел произвести один выстрел, но, скорее всего, произвольный.

Лошади налетчиков дружно шарахнулись в сторону, банда слегка замешкалась, и кто-то из подручных Клеменсов поймал-таки пущенную с крыльца салуна пулю. Так что в принципе Енот городу помог.

Клеменсы несколько раз выстрелили в проулок, где ка-

тались по пыли, немилосердно волгузя друг друга, Енот с женой, но промахнулись.

Дальше были анархия и бедлам, в результате которых городу остались два трупа налетчиков, с дюжину своих раненых, опустошенный банк и потерявший лицо Енот. Да, и еще Плюх успел под шумок стащить в салуне бутылку виски и тут же ее выжрать.

А Енот наавтра явился к шерифу. Положил на стол звезду депутата. И сказал, пряча глаза, — прости, я больше не могу исполнять свои обязанности. Мне, понимаешь ли, нельзя стрелять в людей.

Религия запрещает, да, съязвил шериф, баюкая простреленную руку.

Жена, сказал Енот. Извини, сказал. Можешь отдать меня под суд за то, что я в ответственный момент не защитил город. Но я иначе не могу. Повернулся и ушел. Шериф крикнул ему вслед, что пригласит на вакантную должность алкоголика Плюха, от того больше толку — но Еноту, похоже, было все равно.

Через десять лет мы забрали его назад, говорит Дядя. Вот и вся история.

И выразительно стучает гонышком пустой стопки по столешнице.

Как это — забрали, удивляется Рик. Енот уехал? А я и не знал.

Машет бармену.

Взяли бы сразу бутылку, говорит бармен, мой пацан запарился бегать, сейчас же не воскресенье, больше подавальщиков нет.

А пусть быстрее шевелится, советует Дядя, вот и на второго ежедневного подавальщика заработаете.

А вы больше экономьте, бурчит под нос бармен.

Дорого все, вздыхает Дядя, все очень дорого. И дальше будет только дороже. Цивилизация наступает, чтоб ее черт побрал. Навыдумывали бесполезных финтифлюшек и дерут за них деньги. Вот, например, ты, парень, запомнил я, что ты продаешь?

Расходные материалы и запчасти для швейных машин, сэр.

А-а, говорит Дядя, ну это ладно.

Два чемодана барахла, хотите, покажу, сэр? Возьмите хотя бы рекламный проспект, супруге вашей пригодится. Закажет себе что-нибудь по почте.

Ладно, повторяет Дядя. Расслабься, парень. Просто мне показалось вдруг, что ты газетчик. Физиономия у тебя... Нарочито простецкая.

Вы много видели коммивояжеров с хитрыми мордами, сэр? Простота и открытость — наш бизнес. Я должен вызывать расположение, иначе ничего не продам. Внутри-то я редкий хитрец, конечно.

Дядя и Рик оговорительно смеются.

А Джонни Конь окончательно уверился в том, что я не коммивояжер.

Твое здоровье, парень, говорит Дядя.

Ваше здоровье, господа.

Так все-таки про Енота, Рик теребит Дядю, откуда вы его забрали, я думал, он всегда жил здесь.

Енот укатил в тот же день, говорит Дядя. Прикупил захудалую ферму и стал помаленьку крестьянствовать. Изредка заезжал в город за припасами, ну и на ярмарках мы его встречали. Перекидывались словечком-другим. Он изменился заметно — стал тихий, смирный, рассудительный. Прямо, кажется, дай по шее, не ответит. Помню, наш Плюх все кипятился — чего это Енот такой просветленный, аж до отвращения, не съездить ли ему в ухо? Ну, и съездил однажды. Ка-ак Енот схватил оглоблю, да ка-ак перекрестил ею старого приятеля... И тут я увидел, что в самом Еноте много чего осталось от того ушлого парня, которого мы помнили. Главное, в нем жили боль и тоска по Еноту прежнему. Он, конечно, допрыгался с этими поисками идеальной женщины и этой безумной романтической любовью. Попал в западню, которую расставил сам на себя. Но теперь я знал, как можно все вернуть назад. Если не все, то основное.

Это было не бескорыстно. У нас проворовался городской казначей, да столько украл, подлец, что едва удалось отбить его у толпы линчевателей. И мы искали честного парня на замену. Весь город засмущали вопросами. Подхо-

дили и спрашивали — будешь, сволочь, воровать?! Вы не смейтесь, дело серьезное. В общем, однажды нам это надоело, мы сели на лошадей и поскакали к Еноту. Как бы проведать.

А она стояла у ворот фермы, будто ждала нас. Мы посмотрели на нее и дружно потеряли дар речи. И подошел Енот. Тоже молча. И тут мы поняли, какая пропасть лежит между нами и этой странной парой. Десять лет мы их толком не видели. Кого мы зовем в город, черт побери? С чего мы взяли, что знаем этих людей? И могут ли они зваться людьми? Свежие, молодые, с острыми живыми глазами, они разглядывали нас, а мы — их. И мы казались себе дряхлыми стариками, и плечи наши сгибались под тяжестью бесчисленных грехов. А она... Да ладно, какие претензии к ангелу — а Енот? Ведь был такой же, как и все мы, наемный стрелок с туманным прошлым. Знаете, в тот момент я готов был просто избить его. От ненависти к себе. Спрыгнуть с коня, и в грязь, в грязь ткнуть эту невинную морду! Но я понял, что именно себя ненавижу и презираю. И опомнился.

А Енот сказал — если мы вам очень нужны, ребята... Именно так — «мы».

А она вообще ничего не сказала.

Вот. И хватит на сегодня. Догоняй меня, Джонни, если не передумал.

Дядя кивает Рику и мне, встает и выходит из салуна.

Хм, говорит Рик, вы заметили, как ловко он замял историю про Енота и депутата, которого тот якобы собирался грохнуть? Они, конечно, были крутые парни, никто не спорит, но стреляться с городской властью — это чересчур даже для старых добрых времен. Да и чем Еноту помешал тот депутат...

Джонни Конь зачем-то косится на меня, поворачивается к Рику.

Депутат задавал много вопросов, говорит Джонни Конь.

И пока Рик гумает, как бы съязвить в ответ, двери салуна успевают захлопнуться за спиной Коня.

Они так со всеми тут, бурчит Рик, не обращайтесь внимания. Как с мальчишками. Они, видите ли, основали этот

город, и теперь попробуй им чего скажи. Из них самые нормальные Плюх и Енот. Ну, Плюха вы видели, а Енот, он добрый и совсем не задирает нос. Я, конечно, только за глаза его зову Енотом, так-то он...

До свидания, мистер Рик. Пойду слегка проветрюсь, если вы не возражаете.

Хорошо на улице. Привольно и тихо. Даже Огест Вильям Чарлтон не раздражает. Я миную несколько домов, слегка забираю влево, направляясь к крыльцу изящного двухэтажного здания, и резко останавливаюсь.

Здесь это называют «встал как вкопанный».

В меня целятся из винчестеров с трех разных крыш. А на веранде в кресле-качалке сидит Енот и крутит между пальцами мой значок федерального агента.

Он именно такой, как я его представлял, этот человек. Сухой, поджарый, некрупный, выглядит лет на сорок в свои шестьдесят и излучает опасность.

Своими руками он больше не убивает.

Они охотники, думает Енот. Привыкли ждать подолгу, сливаясь с местностью, понимаешь? Сливаясь не только телом, но и мысленно. Поэтому ты их и не заметил.

Я подхожу к веранде и облакачиваюсь на перила. Интересно мы выглядим, наверное, для стороннего наблюдателя — двое мужчин, беседующих молча.

Я пришел с миром. Вы же знаете.

Не знаю, думает Енот. Ты слишком долго разнюхивал тут. Мог бы сразу обратиться ко мне.

Стрелки на крышах поразительно спокойны. Но одно мое резкое движение спровоцирует огонь. Такой у них приказ.

Мне важно было выяснить, как все произошло.

Вот и выяснил бы у меня, думает Енот.

Мне уже случалось быть мишенью здесь. Неприятно, но увернуться можно. Однако сейчас я, кажется, попался.

Я здесь, чтобы оказать помощь, не более того.

Ты очень поможешь, если уберешься из города.

И где-то за городской чертой со мной произойдет несчастный случай? Я читаю это в колючих глазах Енота.

Я не заберу ее у вас.

Не заберешь, кивает Енот. Не дам. Она моя.

У салуна проснулся Огест Вильям Чарлтон. Стоя на четвереньках, отряхивается от навоза.

Только разрешите мне поговорить с ней.

Ты же знаешь, разводит руками Енот, что она не хочет этого. Она бы давно связалась с тобой, едва ты появился в городе. Меня она слышит за милую, а уж тебя-то...

Папаша Плюх медленно бредет по улице в нашу сторону. Лишь бы не плюхнулся снова.

Неужели вам самому не хочется знать, откуда прибыла ваша жена? Кто она? Почему вы прогоняете меня так резко?

Она моя жена, думает Енот. Мне этого достаточно.

Вещи придется бросить, это очень жаль. Будет тут у кого-то шпулька от швейной машины, способная наматывать на себя время, будто нить...

Я даже не пытаюсь вас переубедить. Вы сами принимаете решение. Мне только интересно — почему?

А вот не любим мы чужих, улыбается Енот.

...и приводной ремень для пространства.

Но вы сами уже не очень здешний, верно? Давайте пообщаемся хоть немного более раскованно. Я же полностью в вашей власти.

Вот я и прошу тебя убраться, думает Енот.

А значок федерального агента — что ж, подделка она и есть подделка.

Мне нужно совсем немного информации, и я действительно уберусь. Навсегда.

Твоя информация на втором этаже, показывает Енот. Попробуй добудь ее.

Ну, спровоцировать меня бессмысленно. Я сразу понял, что проиграл. Теперь надо спасать свою жизнь. Плюх сдает еще несколько шагов, и все три стрелка на мгновение отвлекутся. Тогда я нырну в проход между домами.

Почему вы мне не верите?

Потому что ты не веришь самому себе, парень.

Ваш ход, Огест Вильям Чарлтон.

Эй, мистер, говорит Плюх. А не найдется ли у вас...

Я давно уже оглаживаю пальцем запонку на правом манжете. Короткий нажим. Облако тьмы на миг окутыва-

ет улицу. И я исчезаю. Я бегу так быстро, как не может никто здесь. Вот, я убежал. Спасся.

Прощайте.

Убийцы.

Мать твою, мать твою, мать твою, сказал Плюх, когда тьма рассеялась. Что это было? Енот! Здорово, старина, мать твою! Одолжи монету, а?

Подошли Дядя и Конь.

Как же он нас боится, сказал Енот, как же он нас боится.

Я вас не боюсь, сказал Плюх, я никогда вас не боялся, кого угодно спросите.

Иди уже домой, попросил Дядя, надоел.

Тогда одолжи монету, потребовал Плюх, а то мне худо будет.

Это шантаж, сказал Дядя.

На, возьми монету, только отстань, сказал Енот, швыряя в Плюха доллар.

Премного благодарен, сказал Плюх, ловко хватая доллар на лету.

Напрасно, покачал головой Дядя, провожая неодобрительным взглядом Плюха, ковыляющего к салуну. Оплата сверх договоренности развращает.

Слушай, ты, законник, сказал Енот, не буду же я гнать Огги пинками, верно?

Да ты и муху пинками не прогонишь, фыркнул Дядя.

Скажи это нашему гостю, посоветовал Енот, хищно шурясь. Бьюсь об заклад, он убежал отсюда с полными штанами. В жизни меня никто так не боялся. Я уже сам начал себя побаиваться. Заразился от этого чудика. Хорошо, Плюх подошел, а то я просто не знал, как поступать дальше.

Он не вернется, спросил Дядя, а? Нам шпионов не надо. Лазают, понимаешь, вынюхивают...

Он не вернется, заверил Енот. Он здесь и так умирал от страха каждую минуту, а уж мы на него ужасу нагнали дальше некуда. Да, слушай, вещички его я бы посоветовал закопать поглубже. Буквально — закопать. И это тоже.

Енот протянул Дяде значок.

Как ты думаешь, спросил Дядя, понижая голос, это был шпион с небес или из преисподней?

Конечно, из преисподней, ответил Енот. Сам знаешь, ангелы не умеют бояться вообще. Ты же знаком с одним из них.

Тогда зачем этому мелкому бесу понадобился наш ангел, задумчиво пробормотал Дядя.

Ладно, хватит придуриваться, сказал Енот, зевая, он уже далеко и не может слышать нас. Как я устал сегодня! Спать пойду. Спасибо всем. Не забудьте угостить ребят. Они заслужили. Могли ведь запросто всадить нашему гостю пулю в задницу.

А все равно она ангел, сказал Дядя. Так и передай.

С удовольствием, кивнул Енот, поворачиваясь к двери.

И тут Джонни Конь подвел итог дня.

До чего же вы, белые, ограниченные и нелюбопытные люди, сказал Джонни Конь. Вот ты, Енотище, спрятался, извини за выражение, бабе под юбку и ничего вокруг себя видеть не хочешь. А ты, Дядечка, дай тебе волю, обнес бы город десятифутовым забором без ворот. Тьфу! Помяните мое слово, Северо-Американские Соединенные Штаты капитально погорят из-за этой тупости однажды.

Дядя обиженно надулся. Енот хмуро уставился на Коня, жуя губу.

Хорошо, сказал он, бери ребят, дуй на север вдоль железной дороги. У первой же от города водокачки ты найдешь шпиона и сможешь устроить ему допрос. Только он не британский шпион, и даже не мексиканский. Тебя сильно обрадует, если он прибыл, допустим, с Луны?

С Марса, авторитетно заявил Дядя.

И что, вкрадчиво спросил Енот, ну, и что?

А вдруг они хотят нас завоевать, буркнул Джонни Конь.

На втором этаже звонко и молодо рассмеялась женщина.

Енот еще секунду помедлил, безнадежно махнул рукой и заспешил навверх.

Дядя с Конем, переглянувшись, направились к заведению мамы Шварцкопф.

Енот вошел в спальню.

Дорогая, подумал он, ты спасла меня от цирроза пече-

ни и бандитской пули в голову. Я твой до гроба. Я люблю тебя, черт побери. Но это не значит, что когда мужчина занят делом, можно показывать ему всякие дразнилки. Пару раз я чуть не расхохотался. Будь посерьезнее, а?

Кто бы говорил, улыбнулась она. Ты просто упивался своей ролью. И сыграл отлично, между прочим. А Дядя правда собирался арестовать и пытаться его?

Конечно, дорогая. Здесь не Вашингтон, и даже не Линкольн. Здесь очень не любят шпионов. Они готовили ловушку прямо на выходе из салуна. Плюх должен был схватить парня за ногу, и тут же с балкона второго этажа ему на шею кидали петлю. Он ничего не успел бы сделать. Мне пришлось сказать Дяде, что парень — мой, и точка. А потом — самому парню дать это прочувствовать.

Я горжусь тобой, снова улыбнулась она. Ты, как обычно, не оставил никому выбора. Они все пытаются, насколько могут, сузить чужое поле решений, а ты просто отнимаешь у других право выбирать.

Только не у тебя, подумал Енот. Слушай, какого черта, ты мне давным-давно отдала все долги...

Давай не будем об этом, попросила она. Любимый, не хмурься. Ты устал, у тебя был трудный день. Иди сюда, ложись.

А что мне остается, подумал он, что мне остается.

Я сижу на насыпи у водокачки, поджидая состав. Рядом переминаются с ноги на ногу лошади и прохаживаются трое вооруженных мужчин. Мы уже познакомились. Они дали мне пару долларов — я сказал, что в городе меня обчистили до нитки и пытались убить.

Собственно, так и было.

Когда эти трое ограбят поезд, я сяду на него и поеду на север.

Кто-нибудь, заберите меня отсюда прямо сейчас.

ОРГАЗМ В ОКТЯБРЕ

 го всосало и выплюнуло, но где-то в промежутке еще и раскрутило бешеным волчком, так что Трифону, даже несмотря на вновь обретенные способности, понадобилось несколько долгих микросекунд, чтобы сориентироваться на новом месте.

Полигон представлял собой круговое плато диаметром 8400 метров, засыпанное мелким красным песком, почти пылью. Местами сквозь пыль проглядывала плита, образующая основание, судя по цвету, из монолитного асфальтида. Небо напоминало огромный мыльный пузырь, радужно отливающий по краям у горизонта и почти прозрачный над головой. Через него вполне можно было наблюдать звезды, если бы не затмевающее все на свете солнце, также красноватое и палящее. В паре километров к югу от плато чернел глубокий шрам пересохшего канала. Дальше начинались скалы.

«Что это? — подумал Трифон. — Марс?»

— Нет, «Сникерс»! — раздался в его голове дребезжащий женский голос с заметным акцентом.

Трифон внутренне поморщился. Курсанта до сих пор корбило от осознания того, что каждая его мысль во время операции мгновенно становится известной людям за пультом. Или нелюдям, вроде Немки.

— Вон из прохода, Грифон! — последовала мысленная команда. — Не задерживай высадку!

«Стерва! — выразительно подумал Трифон. — Не уме-

ешь говорить, так хоть думай по-человечески». Вместо «вон» у Немки получалось «фон», а уж как она умудрилась изуродовать простое русское имя Трифон... Впрочем, в качестве позывного «Грифон» звучало очень даже неплохо.

Он перебрал манипуляторами, откатившись на десяток метров в сторону, при этом заметил, что кое-где песчаная пыль маскирует отверстия и трещины в плите, и отрегулировал соответственно площадь ступающих поверхностей. Портал немедленно замерцал, возникла светящаяся точка в центре, быстро разрослась до нужных размеров и ярко вспыхнула напоследок, прежде чем раствориться в небесном перламутре.

Марфа упала на песок с высоты нескольких метров, грациозно спружинила манипуляторами и повела башней, оглядываясь.

— Что это? Марс? — мгновение спустя спросила она.

— Нет, «Сникерс»! — машинально ответил Трифон.

— Отчень остроумно! — ввинтился в мозг дребезжащий голос Немки. — Вы в системе Каппы Полипа...

«Ничего себе! Нормальному человеку и не выговорить...»

— ...на десятой от местного солнца планете. Она называется Октябрь.

— А всего планет, что ли, двенадцать? — догадалась Марфа.

— Да. И вы здесь, чтобы подавить восстание.

— Октябрьское? — прыснул Трифон.

Он слушал вполуха, то есть с учетом ситуации лучше сказать: одним полушарием. Его взгляд постоянно возвращался к Марфе, тем более что, кроме нее, на залитом солнцем полигоне смотреть было не на что. Он любовался ее стройными подвижными манипуляторами, покрытыми чувствительными волосками датчиков движения, изящной башенкой с чуть раскосыми смотровыми щелками — рудиментарным напоминанием о тех временах, когда для управления тяжелой машиной требовалась целая команда сидящих внутри операторов.

Трифон представил себе четверку небритых потных мужиков в грязных сапогах (которые мало того что сами

забрались в его тонкое электронное нутро, но и для неясной надобности прихватили с улицы какую-то облезлую шавку) и содрогнулся от отвращения. Нет уж, слава конструктору, ПАУКу, то бишь полуавтоматической установке Каталкина, такая участь не грозит. Он перевел взгляд на Марфу и, не стесняясь Немки, подумал: «Все-таки какая же она прелесть!»

— Не заводись раньше времени, — холодно посоветовала напарница. — На вот, остынь.

Она игриво обдала Трифона тонкой фотонной стружкой, не способной нанести серьезного ущерба, разве что выбить пыль. Но эта ласка только сильнее возбудила его. «Где эти чертовы повстанцы?» — в нетерпении пробормотал Трифон.

— Горятчий, горятчий малчик! — похвалила вездесущая Немка.

Он не ответил. Не хотелось нехорошо выражаться при напарнице.

— Марф, а можно я буду звать тебя Прелесть? — спросил он. — А ты меня...

— Балда! — перебила она. — Смотри!

Над дальней оконечностью полигона замигал светлячок вражеского портала. Отличить его от своего было легко по бледно-зеленому свечению. Из портала один за другим высыпались один, два, три... пятеро КЛОПов! Выплюнув пятого, канал вхлопнулся внутрь себя и стал невидим для датчиков Трифона.

«Ну ничего себе — пятеро! — возмутился он. — Извращения! Дешевые дрочуны!» Хотя, строго говоря, до сих пор не было доподлинно известно, откуда повстанцы черпают энергию для боя. Может быть, из детских страхов или боли одиночества. Тем более извращения! Вот в группе Трифона всегда работали парами. Разнополами, естественно.

— Ого! — сказала Марфа, и хотя это «ого» относилось не к нему, Трифон возбудился еще сильнее. Выжимая из ходовой все возможное, он рванулся на огневую.

— Да, маленький, да. Ты справишься! — несло ему вслед.

Сама Марфа осталась в тылу (вполне разумно, учитывая, что ей нужно больше времени на разогрев), по мере сил оказывая товарищу моральную поддержку. М-м-м... оральную, промычал Трифон и почувствовал, что сейчас взорвется. Нет, ни в какой поддержке он определенно не нуждался. Генераторы и без того гнали плазму как ошпаренные, разрядники были накачаны под завязку. Единственная проблема, беспокоившая его, — не разрядиться бы раньше времени. В воздух! А что, говорят, бывали случаи...

Как же долго продержала его в резерве злопамятная Немка!

— Марфа! — хищно прорычал Трифон.

— Что, маленький, что? — вспыхнуло в мозгу ласковое.

— У-у-у-у-у!

Первый залп удался на славу: рассредоточенный, навесной, по групповой цели. На то они и КЛОПы, чтобы давить всех скопом, пока не разбежались, не попрятались. Струи сверкающей плазмы накрыли как минимум троих, один из которых, тот, что телепортировался последним, не успел пройти и метра по сыпучей поверхности Октября. И, судя по виду повреждений, уже не успеет.

— Умничка, — похвалила Марфа, приближаясь. — А ну-ка, дай я!

Трифон резко перекатился вправо. Гибкие сочленения манипуляторов делали возможным такой маневр.

И очень кстати! Ответный залп слегка поджаренных КЛОПов не заставил себя долго ждать.

Мощный разряд ударил в то место, где секунду назад находился Трифон. В песчаной пыли образовалась трехметровой длины прогалина угольно-черного асфальтида.

Марфа была расчетливо, наверняка и совершенно беззвучно, что у предыдущих напарниц Трифона случалось редко. Обычно они хотя бы поскуливали в такие моменты или несли невнятную чушь; Олесья, например, материлась сквозь зубы, занудно-однообразно. Марфа молчала. Ее точечные удары уверенно находили цель: одну, вторую, третью. Наконец иссякла и она.

— Откат! — скомандовала Немка, разом испортив Трифону настроение.

— Без гундосых солнце светит! — огрызнулся он.

Трифон немного завидовал Марфе. Сам он едва ли смог бы расходовать боезапас так долго, точно и... хладнокровно.

Только трое из пяти КЛОПов погнались за ними. Их задние турбины оставляли за собой многометровый шлейф потревоженной пыли. Из оставшихся один совсем сдох, датчики фиксировали нулевую энергоактивность, а другой, раненный в ходовую, стоял на месте, провожая отступающих поворотом башни. От него в принципе еще можно было ждать неприятностей, но только в ближнем бою.

— А ты долго... ну, перезаряжаешься? — поинтересовалась Марфа.

— Никто пока не жаловался, — усмехнулся Трифон.

Честно говоря, он мог продолжить хоть сейчас, но хотел подкопить энергии, чтобы вышло позффектней. После показательных стрельбищ, устроенных Марфой, ему тоже хотелось произвести на нее впечатление.

— Да? — кокетливо усомнилась она. — Ну что ж. Если понадобится моя помощь... все, чем могу.

— Да? — передразнил ее Трифон. — Повтори мне это, когда вернемся в операторскую.

— Посмотрим...

— Ты прелесть! — не сдержался он.

— Ты тоже мне нравишься.

Засоря эфир подобным трепом, они добрались до границы полигона и, не снижая скорости, понеслись дальше, на юг. Теперь вместо асфальтидового монолита их манипуляторы ступали по мягкому грунту планеты, проминая его и ловко маневрируя среди неровностей рельефа. А вот преследователям с их уютнообразными телами и низким клиренсом волей-неволей пришлось замедлиться.

Когда через минуту с небольшим путь Трифону и Марфе преградило извилистое русло пересохшего канала, КЛОПы отставали уже на километр.

— Куда теперь? Разворачиваемся? — спросила Марфа. — Или ты не готов?

— Погоди.

Трифон был почти готов. Однако просто развернуться к противнику лицом и обрушить на него всю мощь неизлитой нежности было бы слишком грубо. Хотелось игры, интриги, флирта.

— Давай поиграем, — предложил он.

— Как это? — удивилась Марфа, невольно или сознательно принимая наиболее привлекательную позу: легкая осадка назад, передняя пара манипуляторов чуть скрещена, башня полуобернута навстречу солнцу. В серебристых плоскостях Марфиного тела Трифон видел множественные свои отражения, голубоватые искры, проскакивающие между блоками накопителей, быстро заполняющиеся разрядники... и чувствовал, что готов уже не почти.

— А вот так! — воскликнул он, ощущая себя расшавшимся подростком периода ранней пубертации, каким, собственно, и являлся.

Он рухнул в пыль плоской полусферой кабины, распластав манипуляторы на манер розы ветров, затем загнул их вверх под не предусмотренным инструкцией углом и свел вместе над башней, став похожим то ли на футбольный мяч, то ли на оторвавшийся клубок перекати-поля. В таком виде, используя амортизирующие свойства своих многофункциональных ног, он скатился на дно канала.

— Ого! — сказала Марфа, и Трифон подумал, что если не усмирит эмоции прямо сейчас, то, чего доброго, отстрелит себе манипулятор-другой. К сожалению, обычный прием с перемножением в уме трехзначных чисел в данном случае не срабатывал: бортовой компьютер щелкал такие задачки не замечая.

— Давай за мной! — весело скомандовал он.

— А вылезать как? — осторожничала Марфа.

— Трифон, немедленно прекратите самодеятельность! — не преминула вклиниться Немка. «Р» от «прекратите» противно перекатывалось у нее во рту, как подобранная с пола окаменевшая карамелька.

— Шайзэ, — выругался Трифон и, не будучи уверен в своем немецком, перевел: — Дерьмо! — Потом снова позвал Марфу: — Ну, давай же!

— Я боюсь, — призналась она.

— Чего? — рассмеялся Трифон. — Из капсулы вывалиться?

Действительно, в то время как сознание операторов без жалости и страха манипулировало мощнейшими боевыми единицами, их человеческим телам, оставшимся в управляющих капсулах, угрожали разве что пролежни да неприятные сюрпризы от органов выведения.

Первого КЛОПа, сунувшегося в канал, Трифон, укрывшийся за естественным изгибом, накрыл еще на спуске, так что до дна тот долетел уже бесформенной и бесполезной грудой, которую не приняли бы даже в металлолом. Второй КЛОП сам неуклюже приземлился на плоскую спину, да так и остался лежать, беспомощно семеня лапками, точно одноименное насекомое, и обугливая ни в чем не повинный песок метра на три вокруг себя.

Этот бессмысленный расход боекомплекта Трифон счел лишним подтверждением того, что повстанцы черпают энергию для боя откуда-то не оттуда. Из страха, из паники, возможно, из предчувствия близкой гибели, в общем, совсем из иных источников, чем все нормальные люди.

Тратить на лежачего свежий заряд было жаль.

— погоди ты! — остановил Трифон Марфу, которая, судя по частоте несущихся в эфир «маленьких» и «миленьких», начала заводиться не на шутку. — Сам добыю.

А потом просто подъехал к перевернутому на минимально безопасное расстояние и слил на его беззащитное брюхо все, что оставалось в практически разряженных генераторах. И едва не поплатился за такое циничное хулиганство.

Третий КЛОП, предусмотрительно оставшийся наверху, выпустил по Трифону заряд, по счастью, короткий и одиночный. На большее его предусмотрительности не хватило, так как Марфа, чьи накопители, казалось, вот-вот расплавятся от переполнявшей их энергии, с утробным урчанием уничтожила его единственным выстрелом. КЛОП, конечно, сдетонировал напоследок, но многочисленные осколки разлетелись поверху, никому не причинив ущерба.

— Вах! — огорченно сказала Марфа. — Я еще хочу.

Прежде чем ответить, Трифон закончил тестировать

свое тело на предмет повреждений. Течь в левом накопителе, поврежден один манипулятор, на другом как бритвой срезало все датчики. Теперь, если враг подкрадется слева, Трифон рискует его не почувствовать, но в целом ему сильно повезло. Могло быть гораздо хуже.

— Ну давай добьем того, безногого, — предложил он. — Кстати, спасибо.

— Угу.

Они выбрали наиболее пологий участок склона и рухнули перед ним на колени, приготовившись к трансформации. Поврежденный манипулятор не помешал Трифону: сочленение уверенно вошло в сочленение, сменился рельеф несущих поверхностей, и вот вместо восьми ступающих конечностей он обзавелся парой сносных гусениц. Мощно взревев двигателями на подъеме, два ПАУКа вынеслись на равнину... и замерли в оцепенении.

— Ты, кажется, хотела еще? — напомнил Трифон.

— Ну не столько же! — оторопело заметила Марфа.

Ее датчики отследили уже двенадцать новых целей, а зеленая вспышка портала все еще мерцала над полигоном, не собираясь коллапсировать.

— Але, гараж! — позвал Трифон. — Отследите наши координаты и настройте портал. Мы сматываемся.

— Секунду, — немедленно отозвалась педантичная Немка, — какая-то проблема с каналом.

— Какая еще проблема?

— В данный момент это выясняется. Попробуйте продержаться какое-то время.

— Вдвоем против пятнадцати? Нет уж, спасибо. Вытаскивайте нас вручную! — потребовал Трифон, в голову которого закралось смутное подозрение.

Хотя после насильного прерывания сеанса потом сутки болит голова, вдобавок врагу достается вся брошенная техника, такой выход был все-таки лучше, чем ощущать, как тело твое вылизывают языки холодной плазмы.

— Ну что ты, малтчик! — неожиданно развеселилась Немка. — Вручную — это твоя специализация. Жалко будить, ты такой сладкий, когда спишь.

— Фригидная сука! — Бессильная злоба заставила

Трифона забыть о присутствии Марфы. — Ну, погоди, я вернусь... Я ведь все равно вернусь, ты в курсе? И тогда мы посмотрим, кто заснет крепче!

Теперь-то задним умом он сообразил, какова была истинная цель этого внеурочного задания. И почему в операторской осталась одна Немка, хотя по инструкции наблюдающих должно быть минимум двое. Эта мстительная гадина решила расквитаться с ним! Черт! Надо было еще тогда подать рапорт о переводе. Или уж сделать то, чего хотела от него наставница, и так, как она хотела. Мало ли, что неприятно. Гореть заживо тоже неприятно.

— Нас что, бросили? И что же теперь делать? — растерянно спросила Марфа, и Трифон с трудом отогнал от себя образ прыщавой, неуклюжей девицы, явно обделенной мужским вниманием, каких только и берут на эту работу.

— Главное — не скучать! — злорадовала Немка.

КЛОПы отчего-то не спешили нападать, только елозили по полигону, выстраиваясь каким-то причудливым порядком. Должно быть, осознавали свое безусловное превосходство и хотели сполна насладиться триумфом. Ну и пусть, подумал Трифон. Зато меньше мучиться.

Он тупо попер на врага, на ходу бросив Марфе:

— Ты как хочешь, а я свое отстрелял.

Он шел напролом, брал противника на испуг, провоцировал, не пытаясь нанести удар, думая только: скорее бы все закончилось. Все равно после предательства Немки его разрядники надолго перешли в небоевое состояние. Ну ничего, вот сейчас его испепелят, он очнется внутри управляющей капсулы, посмотрит в холодные глаза наставницы, аккуратно, двумя пальцами придержит ее острый подбородок...

Однако КЛОПы не стреляли. Методично окружали Трифона, загоняли, выдавливали обратно на дно канала. Вероятно, они намеревались взять ПАУКов «живьем», чтобы получить образцы правительственной техники.

— Не хотите по-хорошему? — отступая под их натиском, усмехнулся Трифон. — Как хотите. Марф, прижги, пожалуйста, сколько сможешь. Я сдетонирую.

Детонация была в его состоянии последним выходом, благо на дне накопителей кое-что все еще плескалось.

— Ну да, а мне потом одной с этими вонючками куковать? На твои обгорелые осколки возбуждаться? Или на КЛОПов? А может, на Немкин голос? Я что, на извращенку похожа? — неожиданно заупрямилась напарница, выкатываясь вперед. — Нет уж, я первая!

Умом Трифон понимал, что Марфа права, у нее наверняка больше опыта по самодоведению, да и женский оргазм в среднем на 20 гигаджоулей мощнее мужского. Она рванула в сторону КЛОПов и, не дойдя до них сотни метров, развернулась в сторону Трифона.

— Ну же! — позвала Марфа. — Иди ко мне! Тришка, Тришенька...

Он потянулся за ней, сам невольно начиная возбуждаться. В конце концов, почему бы не сделать это одновременно? Вот это будет фейерверк! Правда, работая в паре с Марфой впервые, он не успел еще вникнуть в особенности ее темперамента. Не рванет ли раньше времени? Дождется ли его?

— А это правда? — жадно спросил он. — То, что ты тогда сказала?

— Что, маленький? — нетерпеливо отозвалась она. — Что правда?

— Ну, что я тебе нравлюсь.

— Да, сладкий мой. Как ты можешь не нравиться? Отягощенная модель, офигительные разрядники и... о!

— Да нет. Я про вообще. В жизни.

— Дурак! Не ломай кайф. Нашел время... — огрызнулась Марфа. — Лучше... Повернись вот так. Ну, пожалуйста! И задние манипуляторы вытяни, чтобы на солнце засверка... Да! Теперь, ради бога, секундочку не шевелись. Все! Иди ко мне! Да не так, дурачок! Сзади, чтобы к накопителям поближе...

И он послушно прижался к ней, желанной и желающей, всем своим большим и мощным телом ощущая приближение цепной реакции...

Через полчаса, выходя из душевой, Трифон с удовольствием вспоминал выражение лица Немки, и без того достаточно неприятное, которое отнюдь не улучшил отпечаток ладони на щеке — грубой, скорее мужской, чем подростковой. О возможных последствиях он не думал. Если кому-то здесь и светят какие-либо карательные санкции вплоть до увольнения в запас, так это Немке, нарушившей инструкцию ради мелочного сведения счетов. Едва ли Трифона упрекнут за рукоприкладство, сегодня он герой.

В соседней кабинке, фальшиво насвистывая, грелась в плотных водяных струях Марфа. Тоже героиня. Временами, когда девичья фигура за мутным запотевшим стеклом наклонялась вперед, Трифону чудилось в ее силуэте что-то смутно знакомое. То ли элемент ходовой, то ли блок накопителя, каким он видится сзади, не хватало только голубых искорок рвущегося наружу разряда.

Попробовать, что ли, пристать? — полуплутливо подумал Трифон и сам себе ответил: да ну! Вот через неделю, если их снова вместе отправят на задание, — тогда да, а так... Нет, так неинтересно.

С этими мыслями Трифон подошел к стене, задумчиво стянул опоясывающее чресла полотенце.

«Что это я? Разнесет же все на хрен!» — ужаснулся он, глядя, как струя тяжелых фотонов ударяет в стенку писсуара.

Но струя благополучно преломилась о сверкающий фаянс, и только теперь курсант с легким сожалением вспомнил, что больше не ПАУК.

ОЧЕВИДЕЦ

нтон неторопливо щелкал мышью, морщился, поглядывая на экран. Материалы вчерашнего эфира оставляли желать лучшего. ДТП на Волгоградке с пьяным водилой. Трое пострадавших, жертв нет. ДТП в Капотне: наезд на остановку, пустую, слава богу. Пожар в заброшенной сторожке старого склада. Здесь без жертв не обошлось — двое бомжей сгорели заживо вместе со своим временным обиталищем. А может, и не бомжей, может, кто-то таким образом спрятал концы своих грязных делишек.

В кадре лениво дымилось нечто деревянное, пожарные, по трое на брандспойт, старательно заливали «возгорание» целыми океанами воды. Недалеко топтались и вездесущие зеваки — несмотря на ранний час, их набралось порядочно: мальчишки из ближайших домов, собачники, всякие бегуны-джоггеры, сторонники здорового образа жизни. Вон один такой стоит: высоченный как каланча, вырядился не по погоде в темный бесформенный плащ. Бэтмен, блин!

Так, что там еще? Бытовуха. Обыденная до зубовного скрежета: познакомились, выпили, закусили, снова выпили... тут выпивка кончилась, а пока решали, кто пойдет за новой порцией, — схватились за ножи. Цинизм, иначе не скажешь, а все равно — рутина. Такими материалами рейтинг не поднимешь. А значит, шеф опять будет брызгать слюной и рассказывать про «о-очень серьезных людей», которые не для того деньги на канал давали. Если и сегод-

ня не подвернется материал, из которого спецрепортажик можно раскрутить...

— Может, ночная бригада чего-нибудь этакое привезла? Антон поискал глазами трубку. Где же она?

Наконец телефон нашелся под пачкой разношерстных бумаг, прижатых от сквозняка переполненной пепельницей. Антон набрал номер, зажал трубку плечом. Глебов мобильник привычно отбарабанил: «Абонент недоступен или находится вне зоны действия сети». Олух! Опять оставил где-то! Придется в аппаратную звонить... Как же там новенькую эту зовут? Катя, что ли?

— Алло? — вопросительно пропел в трубку мелодичный голосок.

— Катюша? Привет, Антон говорит...

— Здравствуй... те...

Бедная девочка! Два месяца всего на работе — еще не поняла пока, каких начальников можно звать на «ты» и по имени, а каких — только на «вы», даже в самой неформальной обстановке. Ничего, привыкнет.

— Глеб с бригадой приехал уже?

— Полчаса назад.

— Угу. Дай его, пожалуйста...

Шуршание, звонкий перестук каблучков, какая-то невнятная скороговорка. В ответ — «бу-бу-бу» профессорским басом и в трубку:

— Слушаю.

— Привет, старик! Опять телефон профукал?

— Да не-е... Батарейка села, собака, я его в тачку снес — заряжаться. Ты насчет материала, да?

— Угадал.

— Предупреждаю сразу, ничего оригинального. Обыденка полная. Хоть стой, хоть падай.

— Блин! Совсем ничего?

— Ну, монтаж мы пока не закончили, возни еще на полчаса, но я тебе и сейчас могу сказать: ничего.

— Ладно. Все же, как смонтируете, поднимись ко мне — о'кей? Подумаем, чего из этого в эфир можно дать. А то, чую я, шеф меня скоро без вазелина пользоваться будет. Да так, что мало не покажется.

— Гуд. Договорились.

Минут через сорок в кабинет без стука ввалился Глеб. За это время Антон успел скурить до фильтра уже третью «элмину». Места в пепельнице не было, и он тушил окурки в кадке с фикусом. Цветку было по фигу. На своем веку ему довелось попробовать кое-что и по сильнее никотина.

Глеб грузно опустился на потертый кожаный диван — пружины только скрипнули, — почти не глядя, одним движением воткнул кассету в приемник.

— Смотри, начальник.

Первый сюжет ночной группы не баловал оригинальностью: трое приезжих откуда-то с южных границ попались с фальшивыми баксами. Беспристрастная камера цепко вглядывалась в ошарашенные рожи задержанных (такого поворота они точно не ожидали), деловито сканировала веером расстеленные на столе пачки зеленых купюр.

Все-таки Глеб — классный оператор! Молодец! Даже такой скучный материал ухитрился подать словно конфетку. Только зритель этих конфеток за последние годы наелся вдосталь. Сколько уж раз на экране возникали такие же вот неудавшиеся аферисты да долларовые россыпи. Поначалу цепляло, конечно. Любой человек, глядя на зеленое изобилие, подспудно думает: «Вот бы мне! Уж я бы не попался!» На первый раз так думает, и на второй, и на пятый, а на десятый — зевает и отворачивается. А теперь, завидя привычный пасьянс из долларов на казенных ментовских столах, и вовсе переключит программу. Нет, этот материал первым ставить нельзя.

— Это в самый конец. И покороче.

— Да ежу понятно! Чего мы, маленькие, что ли?

— Ладно, не обижайся. Это я так — диктаторские замашки проявляю. Редактор я или что? Выпускающий или где? Ладно, крути дальше.

Глеб крутанул верньер. По экрану забежали менты, суетливо просеменили задержанные южане. Ага. А вот и новый сюжет. Тоже не фонтан, прямо скажем. На каком-то там километре МКАД перевернулась огромная фура с мебелью. Наверняка водила пытался увернуться от чрезмерно наглой иномарки, попал колесом на бордюр — и готово.

Здоровенный трейлер завалился набок, перегородив сразу три полосы. Ехавшая следом «Волга» успела дать по тормозам, а вот «Шкоде» со второй полосы не так повезло. Телевизионщики подъехали раньше спасателей, почти одновременно с ментами. Глеб опять оказался верен себе — успел заснять, как два гаишника и санитар со «Скорой» матом и парой гнутых монтировок пытались отжать заклинившую дверь «Шкоды». Им на помощь подбежали еще два дальнобойщика и таксист-армянин с пассажиром — высоким мужчиной в темном, изрядно помятом плаще. Из выдавшей виды «Победы» вылез сухопарый ветеран с тускло блестящим орденом. Всем вместе на «раз, два, взяли!» им удалось отогнуть дверь едва на ладонь. Поплевали на руки, приготовились еще раз, но тут прибыли спасатели с гидравлическим домкратом.

Антон кивнул на экран.

• — Чего там с пострадавшими? Выяснили?

— Обижает. Водила фуры отделался сотрясением мозга и парой ушибов, а женщина из «Шкоды»... Там не так просто. Чтобы ее достать, всю тачку пришлось на металлолом распилить. Хорошего мало, в общем. Шесть переломов, из них три — грудной клетки. В Склиф повезли.

— И?

— Через пару часов звонил — состояние тяжелое, говорят. Но — выживет.

— Ладно. Значит, в Склиф ехать не надо. Дай в конце пару секунд больничных коридоров, врачи чтоб в белых халатах посуетились... ну, короче, найдешь что-нибудь такое. И текст — состояние, мол, тяжелое, критическое... кстати, а кто она?

— Кто?

— Блин! Да пострадавшая же! Узнай! Если выяснится, что мать троих детей и обладательница счастливого семейства, — в самый раз. Добавь чего-нибудь такого слезоточивого. Ну и общая мысль... Понакупили, мол, красивых тачек, права проплатили, а теперь ездить по городу нет никакой возможности.

— Понял.

— В таком вот разрезе. Сам понимаешь, если ничего

посильнее не будет, этот сюжет — в начало, в крайнем случае вторым. Еще что?

— Дальше совсем отстой, — Глеб ловко орудовал верньером, — обязателька от наших доблестных брандмейстеров. У них там соревнования какие-то прошли, типа кто быстрее окурок в урне затушит, вот и навязали нам.

На экране трое мускулистых парней с нечеловеческой быстротой разворачивали брезентовый рукав. Несмотря на дикую жару, все они щеголяли в глухих «негорючих» комбезах, касках с воротниками и с неудобными коробками дыхательных аппаратов на спинах.

Антон поморщился.

— Понятно. Дальше.

— Дальше будет веселее.

Происшествие было действительно из редких. На одной из новомодных реставрационных строек, когда от старого дома оставляют лишь стены, внутри все выстраивая заново, рухнул башенный кран. Погиб крановщик, да еще двух рабочих задавило обвалившимися от удара перекрытиями. Глеб искусно дал общую панораму: ржавый каркас крана утопает в куче щебня, еще недавно бывшей домом. Спасатели нагнали кучу техники для разборки завала. Поначалу еще надеялись, что оказавшиеся под завалом люди живы — разбирали руками. Камера крутилась рядом, выхватывая то крупный план измазанных в штукатурке рук, то озабоченные лица спасателей. Мобилизовали некоторых зевак и случайных прохожих — люди организовали цепочку. Камера проследила путь одного каменного обломка. Вот он в руках у тщедушного очкарика, вот — у мрачного типа в спецовке, теперь...

— Стоп!!! Стоп! — неожиданно закричал Антон.

Глеб послушно ткнул в паузу.

— В чем дело?

— Дай-ка крупный план... Нет, не этого! Предыдущего. Вот он!!!

Камень оказался в руках у высоченного, под два метра, парня или мужчины — лица не видать — в темном, бесформенном, измятом плаще.

— Что, твой родственник? — спросил Глеб ехидно.

— Знаешь, — тон у Антона был такой, что Глебу сделалось немного не по себе, — я тебе пока ничего говорить не буду. Не хочу потом идиотом выглядеть. Просто отпечатай этот и несколько следующих кадров.

— Ладно, — Глеб пожал плечами, — как скажешь...

Принтер с тихим, почти ласковым шуршанием выплюнул десяток листов. Плащеносец вышел не очень отчетливо, но в общем неплохо. Антон схватил листки, стал их жадно рассматривать. Потом перебрал парочку через стол.

— Посмотри внимательно.

— Да чего такого? Мужик как мужик...

— Несомненно. А теперь верни, пожалуйста, тот сюжет с фурой. Там, где доброхоты «Шкоду» вскрывали.

Глеб хмыкнул, снова вцепился в верньер. Антон ерзал как на иголках.

— Вот! Приглядись, ты никого здесь не узнаешь?

На ускоренном просмотре камера быстро перебирала добровольных спасателей. Менты... санитар со «Скорой»... пожилой дальнбойщик... толстый дальнбойщик... таксист-армянин... высокий мужчина в темном мятом плаще остервенело подсовывал монтировку под заклинившую дверь.

Глеб присвистнул и снова нажал паузу. Он долго вглядывался в экран, потом перевел взгляд на распечатку, все еще зажатую в руке. Потом неуверенно произнес:

— Я, конечно, всегда могу сослаться на теорию вероятностей — повезло, типа, мужику, два раза за день очевидцем оказался. Да только, думается мне, у тебя еще что-то в рукаве припрятано.

— Смотри. — Антон развернулся вместе со стулом к своему пульту. — Это вчерашний эфир. Пожар в старой бытовке, если помнишь. Здесь, правда, помощь со стороны не понадобилась, пожарные и сами управились. Вот он, видишь? Тот же плащ, та же поза... Я бы, может, и не обратил внимания, да больно одежда у него не по сезону. Кто ж в такую жару в осеннем плаще разгуливает?

Глеб с минуту молча теребил пальцем нижнюю губу, потом неожиданно спросил:

— Ты только что догадался?

— Да, а что?

— Значит, старые эфиры ты еще не проверял?

Они переглянулись и почти одновременно рванулись к стойке с кассетами. Антон поспел первым — ему не пришлось огибать стол, он просто перемахнул через него. Глеб поскользнулся на предательски надраенном линолеуме, чуть не упал, чтоб удержать равновесие, пришлось схватиться за стойку. Хлипкая конструкция угрожающе заскрипела.

Антон ухмыльнулся:

— Обойдемся без разрушений, о'кей?

Через три часа обоим было уже не до веселья. Мутило от сотен просмотренных заставок родного «Тревожного вызова», но дело было не в этом. Только за последние десять месяцев высокий плащеносец так или иначе засветился в сорока семи сюжетах. Иногда он случайно попадал в кадр — не заметить его в толпе зевак было просто невозможно, иногда помогал спасателям. Ни разу он не давал интервью как очевидец, так что лицо его толком разглядеть не удалось.

Антон смотрел материал почти неподвижно, разве что изредка перекачивал в пальцах ручку. Глеб взволнованно ходил из угла в угол, всегда первым замечал неизменный темный плащ, вскрикивал, бросался к экрану.

К концу второй кассеты он не выдержал:

— Хватит! Все ясно. Антоха, что думаешь?

Антон достал из пачки новую сигарету, сунул в рот, но прикуривать не стал. Пожевал фильтр, задумчиво потер рукой подбородок.

— Вот материалчик был бы, а?

— В смысле? А, вот что у тебя на уме! — Глеб мгновенно ухватился за замысел редактора. — Спецрепортаж из него сделать! Неплохо. И название — непременно чтоб черными буквами на фоне «мигалки» или пылающего дома: «Профессия — очевидец».

— Интересно, — задумчиво пробормотал Антон, — кто он такой?

— Да ясно кто! — Глеб рубанул кулаком по ладони. — Энергетический вампир. Стоит, на пострадавших любит-

ся и упивается отрицательными эмоциями. Или этот... Ну, как его?.. Черный интрасенс.

— Кто-о?

— Интрасенс, причем черный, — продолжал Глеб, игнорируя насмешку в голосе Антона. — Экстрасенсы кто такие, знаешь? Ну вот. А этот — интрасенс, который свои способности проецирует наружу. А черный интрасенс — это такой злой парень с мощной черной аурой, от которой народ кругом мрет как мухи. Говорят, один такой у Чернобыля жил, в Припяти. Тридцать лет жил — представляешь, какая там аура накопилась! Вот и этот наш... ну, в плаще... куда ни посмотрит, все горит, рушится и умирает.

Антон только хмыкнул. В свое время Глеб начинал журналистскую карьеру в одной «желтой» газетенке. Из тех, что пишут про конец света в ближайшую субботу, нашествие инопланетян в Подмоскovie, кошек-зомби на Арбате и всякую прочую дребедень. Жаргон с того времени он успел сменить, а вот идеи, похоже, еще не все поыветрились из головы. Прийти с такого рода материалом к шефу... гм... нет, лучше уж сразу ржавой лопатой себе вены повскрывать.

А Глеб продолжал сыпать версиями:

— Чего скалишься? Не веришь? Ну, хорошо. Я знаю, ты фантастику любишь. Как тебе такая версия: он — наблюдатель от недружественной цивилизации. Подстраивает аварии и катастрофы с теми людьми, которые в будущем смогут им сопротивление оказать. Как Шварценеггер в «Терминаторе». Откуда ты знаешь, может, та женщина из «Шкоды» — мать будущего суперборца за независимость?

— Так она же выжила!

— Блин! Промахнулся парень в этот раз, ошибочка вышла...

— Глебушка, — проникновенно сказал Антон, — хватит болтать ерунду! Я знаю: ты в своем «Гласе Универсума» много понахватался от всяких психов. С тех пор — каша в голове капитальная.

— Ладно, ладно... Каша! А ты-то сам что думаешь?

— А это важно? Есть у меня одна версия, не хуже твоих, только, по-моему, туфта это все. Ничего мы так не уз-

наем. Надо этого парня проследить и поговорить с ним. Мне кажется, ему есть чего нам рассказать.

— Ага, — Глеб не унимался, — пригласим его в студию, побеседуем, снимем репортажик, да? А потом коллеги из «Дорожного патруля» будут про пожар в седьмой студии рассказывать. Или про то, как в «Останкино» оборвался лифт и... — он притворно всхлипнул, — ...в цвете лет погибли два молодых...

— Все! Расслабься. Отставив фантазию. Скажи лучше вот что: ты завтра в ночной бригаде или дневной?

— Завтра я — пас. Заслуженный отдых.

— В ж... гм... в баню отдых! Прикроют программу, вот тогда все наотдыхаемся! В ток-шоу пойдем, массовки ин-структировать!

— Да, ладно, Антох, чего ты завелся? Ну, поработаю, если надо...

— Иди в дневную. Шансов больше. Да-да... пока ты тут по кабинету бегал, я считал. Сколько случаев мы насчитали?

— Сорок семь.

— Угу. Из них ночью — только девять. И больше всего, двадцать один, — это ДТП. На втором месте — пожары. Пятнадцать случаев. Расклад ясен?

— Не тупой, однако. Объявляют по спецсвязи вызов пожарным или гаишникам, и мы туда рвем со всех сил. И начинаем аккуратненько камерами по сторонам водить. Как только замечаем нашего друга, подходим к нему, берем за пуговицу и ла-асково так спрашиваем...

— Ёпрст! Не дай бог! Не, — Антон выделил слово голо-сом, — подходим и не спрашиваем. Смотрим издалека, стараемся заснять лицо, приметы, если есть тачка — номе-ра. И, ради всего святого, не играй в детектива, ладно? Да-же и не пытайся его проследить. А то и вправду придется на тебя некролог писать.

Глеб вытянулся в струнку, изображая старательного солдата.

— Есть, сэр! Разрешите идти, сэр?

— Иди-иди с глаз моих...

Глеб прошагал к двери, четко печатая шаг. Но прежде чем прикрыть ее, всунул голову и спросил:

— А правда, Антох, какая у тебя была версия?

— Бли-ин! За что мне такое наказание?!

— Ну, скажи...

— Вот привязался! Фильм такой был в свое время, «Тысячелетие», не видел? Зря. Там ребята из будущего возили из нашего времени людей для колонизации прошлого — они таким образом пытались цивилизацию сохранить. У них там, видишь ли, народу совсем мало осталось, да и с рождаемостью проблемы возникли из-за ядерной войны и каких-то там еще ужасов. Но, чтобы со временем чего не случилось, они отсюда тятали только жертв катастроф. Изымали из нашего мира за несколько секунд до смерти.

— И ты думаешь...

— Ничего я не думаю! Просто версия хорошая. А теперь сгинь, бога ради, пока я в тебя пепельницей не кинул. Казенное имущество жалко.

На следующий день Глеб, столкнувшись с Антоном в коридорах телецентра, лишь покачал головой. Ночная смена тоже не привезла ничего похожего. В четверг Антон ездил на переговоры с рекламщиками и не успел вовремя вернуться в студию. Утром в пятницу он пришел пораньше и, дожидаясь возвращения ночной бригады, выпил, наверное, литра три омерзительного растворимого кофе, а еще довел до белого каления охрану на воротах:

— Белая «Киа» не проезжала? Извините.

Наконец Глеб объявился. Он с порога бросил кассету на диван, хитро улыбнулся и подмигнул.

— Ну?!

— Вот тебе и ну! Чего б ты без меня делал...

Антон медленно досчитал до десяти, аккуратно смял пустую пачку «ЛМ» в маленький комочек и осторожно положил его на край стола. Глеб изобразил испуг:

— Это я буду, да? Понял, понял. Чего кота за хвост тянуть — нашелся наш парень. Вчера и нашелся, на третий выезд. Все, как ты говорил — ДТП на Дмитровке, «мерин» с «девяткой» перекресток не поделили. Два трупа, из «девятки» которые, еще трое — в Скифф с переломами. Ну, и

этот там стоял, в сторонке. Наблюдал. Я случайно его приметил, камерой панораму брал, смотрю, на остановке — он, не он? Народу много, не видно толком. Отснял я его хорошо, минуты две в кадре, на кассете посмотришь. А тачки у него нет, мы с полчаса еще на этом ДТП крутились, так он сел в автобус и укатил. Следить я не стал, как приказано.

— Молодец, Глеб...

— Подожди, это еще цветочки все, ягодки впереди. Я ж его второй раз видел.

— Да ну!

— Точно так, вечером, у нас уж смена кончалась. Правда, не ДТП, не пожар, банкира одного вместе с тачкой полетать отправили, прямо у собственного подъезда. Мы мчались как угорелые, ели успели. Приезжаем, смотрю: обугленный каркас «бэхи» дымится, рядом менты суетятся. Пока взрывники приехали да начали там все лентой своей огораживать, наснимать порядком успели. А потом собрались уже уезжать, глянь: у самого дальнего угла оцепления он переминается. Шлангом прикинулся — замаскировался в подъезде и смотрит.

— Просто смотрит?

— Ну да. Стоит, не шелохнется. А потом чего-то не понравилось ему — нырк в подъезд! Я обрадовался: вдруг, думаю, живет он там. Мальца этого, стажера, послал проверить, а подъезд проходной оказался.

— А он тебя не вычислил?

— Черт его знает! Да нет, наверное. Я ж не паялся как баран на новые ворота на него одного. Давай лучше материал посмотрим — может, чего углядим в спокойной-то обстановке.

Пиликнула трубка. Антон раздраженно буркнул в микрофон:

— Да?

— Антон Вадимыч, это Ливитин говорит. Охрана. Тут человек пришел без пропуска, к вам вроде...

Ливитин из вохровцев старой закалки — без ксивы и президента не пропустит, костыми ляжет.

— Что за человек?

— Говорит, со вчерашнего ДТП, свидетель.

— Свидетель?

— Да-да, — быстро-быстро закивал головой Глеб, — я на том ДТП с «меринком» кое-кого из очевидцев, тех, что на остановке стояли, попросил прийти в студию, наобещал с три короба: в ток-шоу, мол, будете участвовать. Подумал, вреда не будет, а пользы... Польза вдруг да и будет. Мало ли. Может, нашего парня знает кто, каждый день на автобусе с ним на работу ездит или в одном подъезде живет...

Антон показал Глебу большой палец. Голос Ливитина в трубке все еще что-то объяснял.

— Пропустите. Да-да, под мою ответственность. Выпишите пропуск на час. Пусть поднимется на четвертый этаж, студия семь, дверь с надписью «Редактор». Спасибо. Глеб! Распечатай мне пару фоток нашего друга. Где лицо видно получше. Похоже, все-таки придется поиграть в детектив...

В дверь осторожно постучали.

— Входите. — Антон развернулся вместе со стулом к посетителю, да так и застыл на месте. Попытался сказать что-то, но не смог, лишь открывал и закрывал рот, словно пойманная рыба.

На пороге кабинета стоял высокий нескладный человек в измятом плаще. Мрачноватое лицо, высокий лоб с залысинами, немного запавшие глаза... Просто усталый, забитый жизнью холостяк. Ничего неземного или сверхъестественного.

И все же Антон молчал. Глеб, занятый пультом, обернулся, вскочил, попятился назад, попытался вжаться спиной в стеллаж.

— Так, — сказал посетитель. Голос у него оказался глухой, невыразительный. — Похоже, я пришел правильно. Разрешите присесть?

Антон смог только кивнуть.

— Спасибо. Итак, господа, скажите мне: на чем я засыпался?

— Прежде всего, — Антону наконец удалось взять себя в руки, — кто вы такой?

— В смысле? — спросил посетитель несколько агрес-

сивно. — Мое имя? Фамилия? Род занятий? Краткую биографию рассказывать?

— Для начала хватит и имени.

— Станислав, коротко — Стас.

— Гм... Я — Антон, выпускающий редактор программы «Тревожный вызов», это вот — Глеб, оператор программы.

Стас кивнул.

— Это я знаю, два раза видел вашу машину. По ней и определил, куда идти. Программу вашу мне часто приходится, — он произнес это слово с некоторым нажимом, — смотреть. Только это не объясняет, зачем ваш... э-э... оператор со своей камерой вчера весь день охотился за мной.

— Да ничего я не охотился! Скажи ему, Антоха! Он на всех происшествиях тут как тут, а я, значит, охочусь...

— Подожди, Глеб. Расслабься. — Антон нервно покрутил в пальцах ручку. — Стас, давайте не будем юлить. Тем более что своей первой фразой, помните: «На чем я засыпался?», вы выдали себя с головой. Стоп, стоп, стоп... — заметив, что Стас собирается возразить, Антон жестом остановил его. — Подождите. Сначала я вам скажу кое-что. Вы, Стас, умудрились с конца осени сорок семь раз попасть в кадр на съемках наших сюжетов. Согласитесь, это выходит за рамки любых вероятностей. Даже самых, — он усмехнулся, — невероятных. Мы не собираемся раздувать из этого скандал или уголовное дело, например. Ничего противозаконного вы вроде не совершаете...

— Вроде... — эхом отозвался Стас и поник.

— Все же мы — журналисты, охотники за горячими фактами. Пускай в контексте нашей программы они и окрашены в мрачные тона. Неважно. Однако сорок семь раз, Стас, — это тенденция. Мы готовы вас выслушать.

— Хорошо, — сказал Стас медленно, — я расскажу.

Пока он говорил, Антону и Глебу стало жалко своих красивых фантазий. Инопланетяне, люди из будущего, черная аура и энергетические вампиры горели синим пламенем.

— ...Я почти всегда точно вижу место и время. Иногда, если места знакомые, — просто кусок улицы или дом, где должно произойти несчастье, иногда как бы с высоты.

Чаще всего аварии, пожары, редко теракт, крупные катастрофы — пару раз. В аэропорту, например. Что еще сказать? За сколько времени? За пять-десять часов, обычно ночью, во сне, но иногда накатывает прямо посреди улицы, хоть волком вой. Простите, у вас нет воды?

Глеб вытащил из сумки бутылку спрайта, протянул Стасу. Тот дрожащей рукой отвинтил пробку, тоник вспенился, едва не пролился на пол.

— Спасибо... Территориально мой дар почему-то ограничивается областью, да и то — самой ближайшей: Домодедово, Мытищи, Химки, Зеленоград... Вы мне верите? — вдруг как-то настороженно спросил он.

— Когда у вас это началось? — вопросом ответил Антон.

— Наверное, в детстве. Только я тогда не понимал, что это, просто картинки какие-то снились. Я понял, что к чему, только недавно, года четыре назад, когда появились программы вроде вашей. Сначала не верил, все пытался совпадениями объяснить, но потом...

Антон скептически протянул:

— Да-а...

— Вы мне не верите? Впрочем, можно не спрашивать. Я бы точно не поверил. Ну, у меня есть чем разрушить ваш скептицизм.

— Нет-нет, что вы, Стас, мы вам верим, но...

— Вот именно — «но». У вас есть машина? — неожиданно спросил он.

Глеб с Антоном переглянулись.

— Зачем?

— Вот зачем. — Стас посмотрел на часы. — Через два часа сорок семь минут на тридцать пятом километре Минского шоссе «КамАЗ»-бетономешалка столкнется с рейсовой пригородной маршруткой. Если машина у вас есть, мы еще можем успеть.

Дневная бригада уже уехала в рейд, поэтому пришлось заводить непослушную Антонову «шестерку». Глеб усадил Стаса на заднее сиденье, сам плюхнулся рядом с Антоном.

Машина ощутимо просела. «Шаха» взревела разболтанным глушителем, рванула вниз по улице Королева.

— Вот было бы здорово, если он не врет! — прошептал Глеб. — Взяли б его в команду. Житуха бы началась! На сюжеты за полчаса до ментов приезжали бы. А то и вообще, глядишь, какую катастрофу вживую бы удалось снять. А, Антоха? Шеф бы кипятком писал от радости!

Антон, занятый дорогой, лишь молча кивал. Идея, конечно, неплохая. Только кадры «вживую» в эфир лучше не давать — потом вопросов не оберешься. Еще в умысле каком обвинят.

Он мазнул взглядом по зеркалу заднего вида и столкнулся с потухшими, загнанными глазами Стаса. Тот, похоже, все слышал.

На Кутузовском чадила бензиновым перегаром огромная пробка. Машины двигались еле-еле, от жары плавился асфальт, лакированные борта и хромированные бамперы слепили глаза. Несколько тачек не первой свежести стояли, окутанные паром, с поднятым капотом.

— Влипли, — Глеб посмотрел на Антона. — Может, в объезда, дворами?

— Поздно. Глянь назад — подперли уже.

В пробке они проторчали почти час. Машина дергалась, проезжала едва метров пять и снова утыкалась в бампер идущей впереди «восьмерки». За все время никто не произнес ни слова. Стас то и дело посматривал на часы.

Ближе к Кольцевой пробка стала рассасываться. Озверевший от духоты и бесцельно потерянного времени Антон остервенело давил на газ. В приоткрытое окно со свистом врывался встречный ветер.

На выезде из города «шаху» тормознул патруль. Молоденький лейтенант вяло, словно бы с отвращением козырнул, невнятно представился:

— ...нант ...аев. Документы, пожалуйста.

Машина у Антона была отцовская, он водил по доверенности. Гайшник долго и придирчиво изучал права, вчитывался в текст доверенности, проверил техосмотр. Ему хотелось денег. Но придраться вроде было не к чему, и тогда он приказал открыть багажник.

— Слушай, лейтенант, — Антон начал заводиться. — Чего тебе еще показать? Огнетушитель? Аптечку? Аспирин и презервативы? Может, хватит, а? — Он достал из верхнего кармана красный бейдж с надписью «Пресса. ПраймТВ» и прилепил на лацкан. — Видишь? Мы с телевидения, программа «Тревожный вызов», знаешь? Выехали на сюжет. И если ты не хочешь, чтобы завтра я вернулся и начал снимать материал о коррупции в низовых подразделениях этого вашего ГАИ-гибэдэдэ, ты перестанешь нас мурожить и найдешь себе «мерина» какого-нибудь. Я понятно объясняю?

Лейтенант покраснел от гнева, но, видно, рыльце у него было в пуху, и осторожность взяла верх над мстительностью.

— Ладно, проезжайте.

Антон кивнул, чуть ли не вырвал из руки гаишника документы, яростно хлопнул дверью. «Шестерка» рванула с места, как заправский гоночный болид. Еще километра два Антон никак не мог успокоиться.

— Вот же! Проходу нет от всяких инспекторов! Оператор машинного доения! Ему самое место — на Таймыре перекресток регулировать, а он — тут! Рожу отъел, собака!

— Покажите мне такого водилу, который не ругал бы ментов, — хмыкнул Глеб. — Ладно, успокойся. Его уже не видно, а ты все кипишь, как чайник.

Антон бросил машину в левый ряд, утопил педаль газа. «Шаха» понеслась, как выпущенная из лука стрела. После того как спидометр переполз отметку 120, Глеб решил больше на него не смотреть, старательно отворачивался. Изредка он косился через плечо на Стаса, но тот будто окаменел — сидел без движения, как манекен. «Шестерка» дребезжала, подпрыгивая на трещинах и выбоинах асфальта, время от времени утыкалась в бампер какой-нибудь зализанной иномарки, и тогда Антон начинал нетерпеливо мигать фарами. Обабдевшие от такой наглости крутые «Саабы» и «Ауди» пропускали потрепанные «Жигули» без слов.

Приглушенный хлопок был почти не слышен за шумом мотора, но машину неожиданно резко повело вправо.

Взвизгнули тормоза. Антон, матерясь, судорожно выворачивал руль, а сзади возмущенно орал клаксон только что обойденного «Паджеро». Наконец «шаха», ткнувшись колесами в бордюр, остановилась.

Антон, весь в холодном поту, сидел не двигаясь, вцепившись руками в баранку.

— Что... что это было? — дрожащим голосом спросил Глеб.

— Колесо...

Стас с заднего сиденья что-то пробормотал, по тону похоже — выругался. Глеб повернулся к нему.

— Стас, вы в порядке?

Вместо ответа Стас показал на часы.

— Еще сорок две минуты осталось. Успеем.

Антон помотал головой. Хрипло, старательно сглатывая слюну, произнес:

— Даже если запаску быстро поставим... все равно. Водитель из меня сейчас, того... хреновый. Вот что. Я здесь останусь, в себя приду маленько, а то что-то ноги дрожат. А вы — ловите тачку и дуйте к тридцать пятому километру. Я потихоньку отойду, колесо поменяю и за вами следом двинусь. Там и встретимся.

И уже вдогонку вылезавшему из машины Глебу крикнул:

— Камеру в багажнике не забудь!

Водила попался пожилой и несговорчивый.

— А денег-то сколько заплатите? — все допытывался он.

— Отец, — проникновенно сказал Глеб, доставая свой пропуск в «Останкино» — смотри: видишь, написано «Пресса»? Мы сюжет едем снимать, опаздываем. Тебе ж все равно прямо, вот и подбрось до тридцать пятого, а там — договоримся. Время, время поджимает! Давай на месте поторгуемся!

— Ладно, садитесь.

Всю дорогу водитель жаловался на свою нелегкую долю. Был он инженером на каком-то военном заводе, зарплату там теперь платят — полрубля в год. Только вот дач-

ный огород и спасает. Зимой приходится выезжать на промысел — бомбить. Иначе не проживешь.

— Слушай, отец, — в конце концов не выдержал Глеб, — а кому сейчас легко? Ты б лучше на дорогу смотрел...

Водитель обиженно засопел, хотел было тоже сказать что-то язвительное, но в этот момент шедший справа «МАЗ» неожиданно пошел на обгон, перекрыв дорогу старому «Москвичу». Второй раз за день завизжали тормоза, древняя колымага метров двадцать пролетела юзом, потом судорожно дернулась несколько раз, подпрыгнула и замерла.

— ... ! — в сердцах выругался Глеб. — Да что за невежество!

Он выглянул в окно, посмотрел назад.

— Черт! Еще и в колею попали! Вот хрень собачья! Давай, отец, рули, а мы подтолкнем.

Они со Стасом дружно уперлись ладонями в багажник, шелушащийся отслаивающейся краской.

— Раз, два... еще раз! Ну!

Несчастный «Москвич» чадил, кашлял форсированным мотором, но все же минут через десять отчаянных усилий выполз-таки на дорогу.

Глеб хотел было сесть в машину, но Стас неожиданно остановил его. Показал на часы:

— Все, не успели.

Оператор вопросительно поднял бровь, потом понял, чертыхнулся.

— Екараный бабай! Да мне Антоха теперь голову скрутит! — Он выудил из верхнего кармана джинсовой жилетки телефон, набрал номер. — Антоха! — заорал в трубку. — Тут такое случилось! Короче, мы опоздали. Что делать? Где? Километрах в пяти. Угу. Угу. Понял. Едем. — Глеб спрятал мобильник, пожал плечами: — Говорит, все равно надо ехать.

Место аварии не заметить было трудно. «КамАЗ» почти разорвал микроавтобус пополам. Куски «Газели», искореженные, скрученные, словно жеваная бумага, валялись в радиусе метров двадцати. По асфальту растеклась огром-

ная кровавая лужа, резко пахло пролитым бензином. Около останков маршрутки суетились врачи, рядом лежало несколько бесформенных тел, накрытых белыми простынями. На ткани алыми кляксами проступали пятна крови. Водела «КамАЗа», всклокоченный, небритый тип в драных кроссовках, в шоке привалился спиной к колесу, обхватил голову руками. Он был невменяем. Капитан с побелевшим лицом пытался чего-то от него добиться.

Глеб вылез из машины, потянул за собой камеру. Тут же подлетел седоусый старшина:

— Проезжайте! Проезжайте!

— Спокойно, шеф, — Глеб ткнул ему в лицо пропуском «Пресса», — мне можно.

Гаишник яростно смерил оператора взглядом.

— Понаехали, стервятники... Как узнали-то, а, как узнали? Еще и двадцати минут не прошло...

Он плюнул себе под ноги.

Тихий голос Стаса Глеб, наверное, не услышал бы. Но он так старался не упустить ни слова из того, что бормотал про себя удаляющийся гаишник, так напрягал слух, что не расслышать слова Стаса было невозможно.

— Опять...

Глеб резко обернулся.

— В смысле?

— Опять не успел. Как всегда. Я много раз пытался. Выезжал заранее, за много часов, даже за сутки. Но все время что-то мешало. То люди, то поломки и неудачи. Один раз, когда я решил всю ночь просидеть в кустах за полтора метра от места будущей аварии, чтобы успеть заранее тормознуть одну из машин, меня повязали доблестные оперативники МУРа. Потом уж выяснилось, что меня приняли за давно и безуспешно разыскиваемого маньяка-убийцу. Кто-то разглядел меня в кустах, сообщил в милицию, там сработали быстро, да только взяли не того. Пока выясняли личность, пока снимали допрос... В общем, сам понимаешь. Извинились, конечно, отпустили. Потом. Поздно уж было.

Глеб изумленно смотрел на него, не в силах вымолвить ни слова. Стас продолжал:

— Каждый раз так. И я ничего не могу поделать, ничего... Все уже перепробовал. Пытался предупредить. В милицию, ФСБ звонил, в МЧС даже... либо не соединяет телефон, либо мне не верят, либо вдруг звонят со станции и сообщают об отключении телефона за неуплату.

— Но вы все равно каждый раз приезжаете?!

— Да, конечно. Бывает, что спасателям требуются добровольные помощники... А если нет — тогда я просто стою, смотрю и заставляю себя не отворачиваться.

В его голосе и глазах — неподдельная тоска от собственной исключительности и беспомощности.

— Господи, но зачем?! — воскликнул в сердцах Глеб. На них уже начали оборачиваться, но ему было наплевать.

— Должен же я делать хоть что-то! — выкрикнул Стас. — А вы бы на моем месте как поступили? Заперлись бы в четырех стенах, не включали бы телевизор и не выписывали газет? Так?

Еще какое-то время Стас в упор смотрел на оцепеневшего Глеба, потом вдруг взгляд его угас, и он глухо произнес:

— Мне пора, простите. — И, отвечая на немой вопрос, добавил: — Да. Пожар на Солянке. Еще есть три часа. Вдруг успею...

ИЗ КАНАЛИЗАЦИИ

самого начала это была насквозь гнилая мысль — вылить в канализацию полбочки имитатора боевого отравляющего вещества. Однако, видит бог, идея принадлежала не мне. Если же разобраться как следует, то на самом деле виноват во всем наш ротный старшина, и как раз его-то и нужно брать за жабры по поводу всего произошедшего. Подваливает сегодня этот самый старшина Педалин к солдатской курилке, где пацаны после обеда потихоньку в себя приходят, и отработанным жестом вытаскивает из толпы двух традиционных козлов отпущения — Добрицу и Мидянина. Отводит он, значит, нас в сторонку и начинает привычно на мозги капать. Вы, говорит, гоблины, говорит, и жует свою поганую «Ватру». Бандерлоги. Вы мой дурной характер знаете, ага? Так точно, товарищ старший прапорщик, говорим мы с Добрицей. Очень знаем. Тогда, опять говорит Педаль, бедуины вы мои ненаглядные, в свете данного тезиса нарезаю очередную боевую задачу. Слушайте меня ушами. Мне срочно нужна емкость под сыпучие материалы, ага? Железная бочка — подойдет. Или что-нибудь около того. Где вы ее возьмете, суслики, — это для меня малогребучий фактор, но если через полчаса емкость не будет передислоцирована в район кочегарки, я сурьезно рассерчаю. Ферштейн? Так точно, отвечаем, товарищ старший прапорщик. Ферштейн. Ага, говорит Педаль. И учтите, замечает он напоследок, бочка наверняка будет чистая и ни в коем случае не дырявая, а

не то я, растудыть, обратно рассерчаю — и тогда вешайтесь, жулики. Я дурак, вы меня знаете: когда выведете меня из положения равновесия, с дерьмом вас всех съем, ага.

Знаем, твою мать, знаем! «Съем с дерьмом» — это воскресный пятнадцатикилометровый марш-бросок для всего взвода при полной боевой выкладке, с автоматами, подсумками, противогазами, саперными лопатками и вещмешками, набитыми сырым песком. Если кто не пробовал, рекомендую — через десять минут после старта жалеешь, что вообще на свет появился. А то еще устроит Педаль взводу по доброте душевной неделю строгой уставщины — вот это уже совсем будет полная, окончательная и бесповоротная трагедия. В любом случае, когда старшина серчает, не бывает ни хрена хорошего. Поэтому мы с Добрицей без долгих разговоров тушим свои «беломорины» и покидаем курилку, уныло рассуждая на ходу, где же нам взять вышеупомянутую емкость под сыпучие материалы, будь они трижды неладны. То, что мы ее где-нибудь возьмем в течение получаса, не подлежит ни малейшему сомнению, иначе после марш-броска мы покойники — Педаль не забудет проинформировать дембелей, кому они обязаны своим кровавым потом.

Однако разрази меня генерал-майор Грибанов, если я имею хотя бы одну подходящую идею на этот счет. Можно, конечно, отогнуть на заборе возле кочегарки колючую проволоку, вылезти на гражданку и пробраться в офицерский городок, где дом пятиэтажный строят, там много разных технических бидонов валяется и бочек из-под краски. Только вряд ли они подойдут — строители в них обычно гудрон растапливают для заливки перекрытий, и этот гудрон внутри застывает. Потом есть еще железная бочка на заднем дворе столовой, туда наряд по кухне всякую парашу сливает для свиней из подсобного хозяйства. Тоже не лучший вариант. Еще одна бочка с водой возле курилки по пояс в землю вкопана, вроде как пожарный водоем. Ну, здесь даже и говорить не о чем. Ее оттуда трактором не выдернешь. Пара бочек приспособлена на стадионе под летний душ, но туда соваться не стоит, там вечно бродят свирепые дембеля, физорги хреновы — либо Ара Беше-

ный, либо урод Слава с шестой роты, либо тот и другой вместе. Если застукают, душу вынут с гарантией на всю оставшуюся жизнь. Вот, собственно, и все. У кого еще есть варианты?..

У Добрицы есть. Он терпеливо ждет, пока я выложу ему свои соображения, и выдвигает собственную версию:

— Как насчет химгородка?

Гм. Что касается химгородка, то он у нас расположен в самом глухом углу части, между казармой роты химической защиты и оружейными складами, куда даже столовский кот редко забирается, а нормальные люди вообще никогда не заглядывают. Второпях оборудованный на месте бывшей мусорки к приезду какой-то проверяющей комиссии из Москвы, показушный этот городок довольно успешно ветшает и разваливается второе лето подряд. Так вот, там, между фанерными щитами с покоробленной наглядной агитацией по защите от оружия массового поражения, установлена была однажды брезентовая туристическая палатка для проверки состояния солдатских противогазов. Выглядит эта процедура примерно так: надеваем мы раз в две недели всем личным составом свои противогазы и поочередно заходим в брезентовую душегубку, а прапорщик-химик затыкает все щели и начинает разливать по полу имитатор отравляющего вещества — хлорпикрин называется. Этот самый имитатор мгновенно испаряется и создает внутри такую атмосферу, что глаза на лоб вылезают. Одним словом, стоишь, дышишь. Если повезло, и в твоём резиновом хоботе нету трещин, и в очках оба стекла целые, минут пять живым протянешь. А химик, паскуда в новеньком противогазе, пакость свою нервно-паралитическую из бадьи знай себе расплескивает да еще прикалывается: то прыгать заставит, то отжиматься, то приседать на одной ноге. Протестовать никак нельзя — это называется «тренаж в условиях, приближенных к боевым», уставом положено. А то еще подаст, тварь, команду «большой разрыв шлем-маски». Это значит, нужно затаить дыхание, зажмурить глаза, коробку противогазную на ощупь открутить, шлем-маску снять и дышать ртом через дырочку в коробке. Способ еще тот, скажу я вам. Гарантирует стопроцент-

ное попадание на небеса. В общем, кто сразу из адской палатки не выскакивает как ошпаренный, тот делает это чуть позже — задыхаясь, кашляя, в соплях, со струящимися ручьем слезами, глазами навывкате и желтой пеной на губах. Химику только того и надо, гниде. Мы-то в течение нескольких минут отходим, конечно, летальных исходов пока не случилось, но все равно удовольствие каждый раз ниже среднего.

Ну так вот. Как я уже сказал, стояла обычно в палатке этакая пластиковая бадья, герметично закрывающаяся посудина из-под хлорпикрина, размерами чуть поуже и раза в полтора пониже стандартной железной бочки. Именно о ней Добрица и вспомнил. По инструкции стоять там эта посудина не имеет никакого права, но такая уж у нас развеселая страна. Частенько бывает: поручит прапорщик своему помощнику, ефрейтору Мише Тыквину, закупорить бочку с остатками ОВ-имитатора и отнести ее на склад, а тот пойдет в клуб смотреть кино или подастся в город к бабам и про все на свете позабудет. В результате торчит злосчастный химикат в палатке неделю и больше, разлагается потихоньку на составляющие, дембеля его таскают консервными банками ради прикола — то в туалете разольют, полдня никто зайти не может, то в бане, то в столовой, с аналогичными результатами. Потом уже спохватится ефрейтор Миша Тыквин за пару дней до очередной проверки, сольет выдохшийся хлорпикрин в какую-нибудь канаву, землей притопчет, тару на складе тряпьем закидает, и все довольны. А прапорщику до лампочки, он уже списал в отчетности эту бочку как полностью использованную по назначению — благо фонды не контролируются никем, кроме капитана химзащиты, с которым вышеупомянутый прапорщик выпивает каждую субботу три бутылки водки. Ловкость рук, понимаешь, и никакого мошенства. Стоит ли вообще удивляться, если у нас из опечатанных боксов танки бесследно исчезают, а годы спустя все в полных непонятках руками разводят: куда ж техника-то подевалась и куда наряд по парку смотрел?.. А вот туда и смотрел.

Итак, отправились мы с корешком моим покойным в химгородок. Вообще-то эта отравленная территория обне-

* сена сеточным ограждением со спиралью Бруно поверху, и ворота запираются на замок, но дырок в заборе видимо-невидимо: лазают всякие, кому неведомо до туалета добежать... Отворачиваем у палатки полог — посуда на месте. Первая хорошая новость за сегодняшний день. Добрица откинул крышку, и мы отшатнулись, зажимая рты ладонями: в бочке оказалось на треть мутной гадости с едким хлорным запахом. Этаким дембельский привет от ефрейтора Миши Тыквина. По глазам резануло, словно бритвой, и я торопливо крышку захлопнул. Тут взяло меня сомнение: все-таки ядовитые вещества, мать их через колено. Отравится, не дай бог, Педаль ненароком, туда ему и дорога, а ведь на нас спишут. Наплевать, говорит Добрица. Чего он в ней, капусту солить будет? Наверняка козлу под известь скрыня понадобилась или под цемент ворованный, до дому довести, а там он ее и выкинет к чертовой бабушке. Выкинет, уныло соглашаюсь я. Я соглашаюсь, потому что ничего другого в ближайшие пятнадцать минут мы все равно не найдем, а получать по башке после пятнадцатикилометрового марш-броска мне совсем не хочется.

Получать по башке мне не хочется особенно потому, что нельзя мне этого. Я и так стукнутый. С мопеда фигакнулся аккурат за год до армии. Сотрясение и гематома мозга, многочисленные поражения мозговой ткани, то-се. Как фигакнулся, так весь год в ушах шум стоял непрекращающийся, в глазах жирные черные мухи плясали, везде запах тухлых яиц чудился. Комиссовать должны были вчистую. А я, когда залечили мне более или менее башку, поперся сдуру на медкомиссию в военкомат за белым билетом, а там недобор массовый. Нормально, говорят, ограниченно годен. Постарайся только больше по башке не получать. И заломили руки за спину.

Значит, бочку мы с Добрицей все-таки решили забрать. Выливать из нее ничего не стали, потому что приговор, и потечет все на асфальт: сейчас химики пойдут с обеда, Миша Тыквин по запаху мигом сообразит, что его посудине приделали ноги, и тогда мы с Добрицей опять-таки зря на свет народились. Очень у него, товарища ефрейтора, кулак убедительный. В итоге волочем мы тяже-

ленную емкость по вымершему в связи с выходным днем военному городку, из бочки через неплотно прикрытую крышку вонь просачивается страшная, глаза режет, руки напрочь отваливаются, пот по спине ручьем, а до кочегарки еще километров триста: миновать оружейные склады, завернуть за угол и потом еще много по прямой. Опять же солнышко тут, на юге, злое, особенно в обеденное время.

Добрица взмолился: Васек, говорит, не могу больше, давай отсудова выльем все к чертовой бабушке! Я ему отвечаю: куда выльем-то? На тротуар прямо? А вон, говорит Добрица, и тычет пальцем в приоткрытый канализационный люк возле склада.

Блестящая идея, земляк. Пять баллов. Помнится, у нас на родине в позапрошлом году таким же образом какая-то секретная воинская часть речку угробила: вылили в водосток цистерну жидких отходов, и вся рыба ниже порогов кверху брюхом всплыла. А впрочем, если пошевелить мозгами, здесь канализация должна выходить прямо в пустыню, потому что на двадцать километров в округе ручья паршивого не встретишь. Воду для столовой нам дежурная машина привозит. Вся местная пустынная пакость в наших канализационных трубах от солнца прячется, как в оазисе, — всякие навозные жуки со жвалами, крупные пауки вроде тарантулов и черви дождевые, толстые и длинные, как в Австралии, я про таких в «Клубе путешественников» смотрел. Чуть послеполуденная жара спадет, выползают изо всех щелей: растянется червяк метра на полтора, тащится по асфальту, слизью бордюры пачкает... Мерзость проклятая, чистая аскарида. Чистый капитан Сутягин. Пауки в туалете до последнего времени прямо из очка вылазили, дневальные их каждый день гоняли вениками по всей казарме. Сидишь порой со спущенными штанами и молишь небеса, чтобы никто тебе в задницу не вцепился. Начальству, конечно, глубоко наплевать, оно в наш туалет редко заходит, у них свой при штабе — с унитазами и мягкой бумагой. Дневальные по-всякому пыгались насекомых отвадить: и антифриз в очко лили, и масло машинное, и соль, и дустом сыпали, но все без толку. Травануть подземный зоопарк боевыми отравляющими веществами пока

никому в голову не приходило, и я вдруг подумал, что это остроумно и может принести пользу.

Пока я размышлял, Добрица ныл не переставая — выльем да выльем. Ну, говорю, хрен с тобой, золотая рыбка, давай выльем! Подождали мы, пока часовой за оружейные склады пойдет, подтащили бочку к люку и вывернули ее туда всю. Хорошо хлорпикрин по сухим трубам пошел, с нежным плеском. От неожиданности из люка пара жуков говенных выскочила, мы их сапогами по асфальту размазали.

Дальше легче пошло. Пустой бочонок мы мигом доставили в назначенное место, обтерли его изнутри старыми газетами. Вскоре и Педаль явился. Нам с Добрицей пришлось оказать ему еще одну услугу: перетащить бадью через забор и погрузить в педальский «Москвич». Емкость старшине не очень понравилась, он рассчитывал на большую железную бочку, поэтому, хотя буря в принципе прошла стороной, Педаль насупился. По-видимому, он уже успел где-то принять на грудь грамм триста, что привело его в тревожно-угрюмое состояние. Гоблины, сказал Педаль. Бандерлоги. На сегодня отмазались, но в понедельник неукоснительно продолжим. Согласно действующим расценкам. И еще раз войду в туалет и с изумлением обнаружу, что вы там курите сигаретами, пеняйте сами себя. Я дурак, вы мой азимут знаете. А где ж курить-то тогда, говорим мы с Добрицей. На улице, в специально отведенных и оборудованных для этого местах, терпеливо поясняет Педаль. Курить в туалете — нет такой буквы в этом слове, добавляет он. Это с пятого этажа-то не набегаешься, справедливо замечаю я. Тогда Педаль без дальнейшего разговора — дыдых мне леща по затылку! Я думал, у меня мозги через нос выпрыгнут. Еще вопросы, боец? Нет вопросов. Благодарю за службу.

Выпустив пар, прапорщик мгновенно утратил агрессивность, добродушно выяснил, до какой степени мы его уважаем, угостил нас своей поганой «ватрой», залез в «Москвич», радостно бибикнул от полноты ощущений и уехал зигзагами. А мы с Добрицей перелезли обратно через забор — я о колючую проволоку каблук рассадил, — и пош-

ли в казарму, потому как было воскресенье и скоро по телу должен был дядюшка Скрудж начаться.

Кровь у тебя под носом, сказал Добрица. А, сказал я. Это... сейчас. Добрица перепугался: тебе что, плохо? Не, нормально, говорю, поднимаясь с земли. Голова только закружилась. А, говорит Добрица.

Вернулись мы в казарму. Умылся я в умывальнике, помаячил туда-сюда по подразделению, почитал «Эммануэль», выкурил в туалете прапорщицкую поганую «ватру», потом пошел в ленинскую комнату мультики смотреть. И вот как раз закончились «Утиные истории» и начался Чип с Дейлом, когда мы услышали первые выстрелы. Судя по направлению, откуда доносилась пальба, стрелял часовой возле оружейных складов. Сначала он бабахнул раз, после еще раз, а потом, видимо, справившись с предохранителем, засадил длинной очередью.

— Ого! — по забитой народом ленкомнате пробежал бодрый шумок. — Рэмбо опять дембеля поймал!

— Бьет на поражение! — авторитетно заявили из угла.

Два месяца назад у нас вышел дурацкий случай. Дух из второй роты, впервые попавший в караул, с перепугу расстрелял весь магазин в перелезшего через забор сослуживца, который в гражданской одежде возвращался под утро из самоволки. Дембель был пьян в дугу и по этому поводу пер напролом. У часового руки ходуном ходили, из-за чего ни одна пуля не попала в цель, зато серьезно пострадали стекла случившейся рядом бани и кабина припаркованного возле нее автобатовского «ЗИЛа». Несмотря на причиненные разрушения, командование решило, что караульный действовал по уставу, дембеля-алкоголика сгноили на гауптвахте, а за несчастным духом, на следующую ночь крепко избитым приятелями обстрелянного, намертво закрепилась кличка «Рэмбо». С тех пор эта история стала у нас излюбленной темой насчет посмеяться...

На улице стихло, а потом снова раздалась очередь патронов в пять, и еще одна — короткая. И снова тишина.

Прошла минута, а потом по тротуару возле казармы загрохотали разношенные солдатские сапоги. Вся ленкомната прилипла к окнам, мы с Добрицей, ясное дело, тоже

* прилипли. Там, внизу, по направлению к оружейным складам бежали пятеро солдат во главе с дедушкой-сержантом — свободная смена суточного караула, которую выстрелы на четвертом посту выгнали из сторожевого помещения. У каждого на плече болтался семьдесят четвертый «АКС» с откинутым прикладом и пристегнутым магазином. Они свернули за угол, а секунда через пятнадцать их автоматы разразились кашляющим лаем. Мне показалось, что среди остервенелого тарыхтения автоматных очередей кто-то пронзительно вскрикнул: «Серег!..» Потом из-за угла вывалился один из караульных — автомата на нем не было, панамы тоже. Пригибаясь, зигзагами, словно вспугнутый заяц, караульный стремительно пересек строевой плац и нырнул в двери расположенного напротив штаба полка.

Стрельба продолжалась еще некоторое время, пока «АКСы» по одному не умолкли — я думаю, караул выпустил все патроны, которые у него были с собой. И после того как внезапная тишина перестала звенеть у нас в ушах, со стороны оружейных складов начал доноситься отвратительный влажный звук, которого можно добиться, размазывая ложкой теплое сливочное масло по хлебу. Правда, судя по силе звука, ложками там работало не меньше трех батальонов голодных солдат.

Ленкомната встала на уши. В те минуты никто из нас не догадывался о масштабах бедствия, разворачивающегося в части, и в общем взбудораженном гуле возникали самые дебилные версии, даже заключались крутые пари: если это террористы или местные моджахеды, ты мне отдаешь две следующие зарплаты, а если какие-то салабоны, доведенные до ручки свирепой дедовщиной, заперлись и отстреливаются, я тебе отдаю свой почти доделанный дембельский альбом.

Один только покойный Добрица сказал мне вполголоса: — Чует мое сердце...

И у меня тоже, честное слово, в груди заныло. Ведь тот канализационный люк, куда мы свою отраву вылили, прямо у четвертого поста расположен, у самых складов. Выхо-

дит, задержишься мы на четверть часа, попали бы в самый эпицентр перестрелки...

Потом на тумбочке дневального у входа слабо задрезжал телефон, и с этого паскудного момента дальнейшие события разворачивались со стремительностью тугой спиральной пружины, выпрыгнувшей из корпуса заводной игрушки. Дневальный поспешно схватил трубку, ему что-то сказали, он что-то ответил, ему еще что-то сказали, он испуганно пискнул «Есть!» и, с трудом прочистив свое петушиное горло, хрипло заблажил:

— Батальон, боевая тревога!

Мы еще несколько секунд сидели на местах, недоуменно озираясь — стать жертвой идиотской шутки скучающих дембелей не хотелось никому. Однако в ленкомнату вихрем ворвался дежурный по батальону и бешено заорал:

— Придурки, команды не слышали?! Быстро строиться у оружейки!

Получив новый ориентир, народ бросился к выходу. Как обычно в таких случаях, возникла легкая паника и давка в дверях. Какой-то салабон больно ткнул меня локтем в бок, я лягнул гада ногой, но попал почему-то не по нему, а по Аре Бешеному. Мать твою двадцать! Ара меня размазал с полуразворота, по всем армейским правилам — ударом в солнечное сплетение. Несколько метров я пролетел по воздуху, собирая собой стулья, и вписался башкой аккуратно в огромное настенное зеркало. У нас, знаете, в батальоне зеркала повсюду, на каждом шагу — это комбат, лысая дрянь, озаботился, чтобы бойцы постоянно могли следить за своим внешним видом. Но зеркало в ленкомнате было особенным: возле него комбат и его замы прихорашивались каждое утро перед разводом подразделений на работы. Поэтому еще с вечера дневальным приходилось натирать эту стекляшку фланелью до состояния абсолютного блеснения. А зеркало было внушительным, полтора на два с половиной метра, намучаешься тут... И вот вся эта зеркальная масса дождем обрушивается мне под ноги, я тупо хватаюсь за стену, сквозь жуткую головную боль с трудом соображая, что следующих двадцати зарплат мне не видать, а оторопевший дежурный замирает в дверях и, не

веря своим глазам, обозревает учиненный нами разгром, а потом пристально смотрит на меня, будто выбирая, в какое место вернее ударить, чтобы послать в нокаут с первого раза. Вот эти-то потерянные секунды, ребята, меня и спасли, потому что засипело внезапно в засоренных канализационных трубах на этаже, пошли по ним с грохотом шершавые пузыри воздуха, и еще потек снизу журчащий вибрирующий шум. Как выяснилось вскоре, это двигалась смерть.

Дежурный по батальону колебался еще пару секунд, однако чувство долга победило, и он, звеня ключами и матеря меня в голос, побежал отпирать оружейку. Проклинаю все на свете, я выбрался вслед за ним из опустевшей ленокмнаты. Счастливые люди, которым не довелось разбить комбатское зеркало, уже образовали вдоль коридора длинную очередь, головой упиравшуюся в оружейную комнату, а хвостом — в ленинскую. Размазывая по лицу кровь из носа, я пристроился последним.

Канализационные трубы грохотали и рычали не переставая, и вскоре из туалета начал доноситься характерный плеск — судя по всему, жидкое дерьмо нашло дорогу наружу.

— Тумбочка! — страдальчески завопил несчастный дежурный: бросить открытую оружейку он никак не мог. — Ты что, не слышишь, что творится? Давай свободного дневального, олух!

— Дневальный свободной смены, на выход! — послушно гаркнул его помощник.

Искомый дневальный обнаружился в расположении первой роты. Грохоча сапогами, он добежал до туалета, рывком распахнул дверь и выдохнул: «Елки!» Потом он бросился внутрь, раздался грохот жестяного таза по кафельному полу, и больше дневального никто не видел.

Сколько времени прошло с этого момента до тех пор, пока из распахнутой настежь двери туалета не начало вытекать? Наверное, немного. По крайней мере дежурный не успел еще справиться с замком последней ружейной пирамиды, когда в коридор с мерзким масляным шумом хлынул мутно-коричневый поток гигантских червей вперемешку с пауками и жуками говенными.

Нет, это только сейчас смешно, это сейчас я по-идиотски хихикаю, а тогда было совсем не до смеха. Я прямо примерз к полу, внутри у меня стало прохладно и противно, будто я разом выкурил целую пачку ментоловых сигарет. За мгновение до того, как из туалета хлестнуло, я механически сделал два шага назад и оказался в ленкомнате. В голове у меня было пусто, в пальцах покалывало, дыхание в груди перехватило, словно я провалился под лед. Я протянул руку и аккуратно прикрыл за собой дверь. Я точно знал, что сейчас произойдет.

В коридоре возникла немая сцена. Все длилось, наверное, не дольше нескольких мгновений, но для меня, затаившегося за дверью, они растянулись на тысячелетия. Кто-то в задних рядах успел пронзительно взвизгнуть, кто-то, стоявший у двери, вывалился на лестничную площадку, кого-то вырвало — и в этот момент склизкие твари атаковали. Этот поганый маслянистый шорох я бы не спутал ни с чем. Судя по звуку, передвигались канализационные насекомые очень быстро, скорее всего, так стремительно, что порой глаз даже не успевал схватывать их перемещения. От прежней их медлительности и неуклюжести не осталось и следа. И их было *слишком много*. Мужики, я чуть не рехнулся, когда понял наконец, что происходит — а понял не сразу. Маленькие твари с разбегу впивались ребятам в ноги, рассекали одежду и кожу жуткими жвалами, карабкались еще выше. Они быстро расползались по коридору, словно мутное озеро серной кислоты.

Меня парализовало страхом и омерзением, прямо к полу пришилило. За дверью паника поднялась, крик страшный, стряхивают ребята этих тварей, отрывают от себя, оставая в теле жвалы, насекомые лопаются, из них какая-то мерзость хлещет... Паша Телепнев и Ромка Гецько сразу погибли: их повалили на пол и растерзали прямо перед туалетом. Я их по голосам опознал. Основная масса народа, придя в себя, ломанулась к выходу, а из тех, кто замешкался, не уцелел никто. Я слышал, как Ара орет в расположении первого взвода — видно, раненный, забрался на кровать второго яруса, чтобы не достали. Но его и там достали. Женю Камаева сожрали недалеко от ленкомнаты... И кровь,

кровь, как из пожарного шланга, в потолок бьет — слышно, как документацию на стенде дежурного по батальону кропит крест-накрест красным... Противный звук такой: кровью по бумаге... Сам дежурный трясущимися руками на ощупь набивал автоматный магазин патронами из цинкового ящика, потрясенно глядя на бойню, происходящую перед оружейкой; с другого конца коридора через неравные паузы доносились торопливые металлические щелчки. Когда патроны влезать перестали, он торопливо вщелкнул магазин в ближайший автомат и нажал на курок. Разорванные пулями насекомые брызнули во все стороны, с влажным чмоканьем впечатываясь в стены. Потом из туалета выплеснулась новая волна шуршащей, чавкающей, отвратительно воняющей погани, и в коридоре, похоже, стало по колено кровавой каши из дергающихся, извивающихся, бьющихся в бешеной злобе, копошащихся насекомых тварей... Все, не могу больше...

Ладно. Вроде отпустило немного. Короче, дальше было вот чего... Стою я, значит, перед закрытой дверью, и прислушиваюсь к тому, что в коридоре происходит. Знаете, бывает иногда такое жуткое заторможенное состояние, — например, если махнешь разом пару стаканов водки или по башке получишь, — словно дело во сне или не с тобой происходит: вроде и страшно, и подташнивает, но знаешь, что в любой момент можешь проснуться или переключиться на другой канал, где мультики показывают, и поэтому ничего не делаешь, а стоишь и смотришь с дурацкой недоверчивой улыбкой, как кретин... Или слушаешь... Ч-ч-черт... В общем, слышу — ползет с той стороны Добрица, корешок мой покойный. Впусти, хрипит! А я даже шевельнуться не могу — как, честное слово, сковало меня по рукам и ногам... Короче, не впустил я его. Все равно он почти сразу голову на пол со стуком уронил и больше не двигался, я бы ничего сделать не успел...

Судя по доносившемуся из коридора грохоту, дежурный по батальону заклинил палец на курке и бешено вращал стволом автомата, все увеличивая и увеличивая диаметр очерчиваемого круга. Судорожно отбивавшийся от насекомых возле моей двери Вова Пасечник, материвший

все святое семейство на чем свет стоит, поймал пулю в живот, булькнул и с омерзительным плеском рухнул прямо в кучу копошащихся червей. На следующем круге в радиус поражения наконец попала и моя дверь. Брызнувшими щепками мне лицо посекло — до сих пор болит. Бросился я на пол и слышу за дверью, у самого лица, какую-то новую гадость — такое хитиновое поскрипывание, и словно кто зубами дерево двери точит. Воображение мигом нарисовало мне здоровенных зубастых мокриц с ладонь величиной. Я таких никогда раньше не видел. Наверное, они жили в самых глубоких канализационных трубах и не вылезали наружу, а наш с Добрицей покойным хлорпикрин их оттуда выкурил. Но главный фокус заключался в том, что отделявшая меня от насекомых дверь неудержимо разлеталась в клочья и осыпалась на пол, расколотая автоматными пулями, и вскоре между мной и мокрицами с человеческими зубами должно было остаться только сантиметров десять свободного пространства.

Вот тогда-то я и очнулся окончательно. Кое-как развернувшись на четвереньках, рванулся к окну, уже почти ощущая, как мне в ноги впиваются маленькие челюсти. Автомат дежурного захлебнулся — или у него кончились патроны, или насекомые просочились через отверстия в решетке оружейной комнаты. Вылез я в распахнутое по случаю послеполуденной жары окно, поймал ногой карнизик шириной в полкирпича, который всю казарму опоясывает, и пополз по нему, поковылял прочь от окна, вжался в стену, щекой задеваю кирпичи, вниз не смотрю, ногами еле перебираю... Пятый этаж, эти его мать!..

Добрался до соседнего окна, что в расположение второго батальона выходит, хотел туда залезть, но вовремя прислушался... Бог ты мой! У них тут свой фильм ужасов почище нашего — куда там «Чужие»!.. Маслянистый шелест — черви, сухой шорох — пауки, скребущий треск — жуки, хитиновое поскрипывание — мокрицы и еще какое-то сгистящее шипенье — наверняка бледные осклизлые твари с членистыми усами, которым я даже названия подобрать не могу. Копошатся слоем чуть не до потолка. Мерзость-то... Еле живой от страха и отвращения, пополз даль-

* ше. Аккуратно ступаю по карнизнику размером в полкирпича, мышцы ног болят, руки о стену ободрал до мяса, башка кружится, тошнит страшно, вот-вот сорвусь. Кое-как миновал еще одно окно второго батальона. Туда я даже и пытаться заглядывать не стал, зажмурился, но глухие негромкие удары слышал отчетливо: черви бросались изнутри на оконное стекло, пытаюсь меня достать, и у каждого на конце рот-присоска, а внутри него — челюсти вроде сложенных вместе идвигающихся из стороны в сторону бритвенных лезвий. Добрался я до кирпичной ниши возле самого угла казармы, сел в эту нишу и ноги свесил. Мама, думаю, не перебраться мне через угол!

Внезапно напротив раздался грохот, а потом — звон разбитого стекла. Я вскинул голову. В одном из окон соседнего корпуса казармы возник солдат в разодранной афганке. По-моему, он это стекло прямо кулаками вышиб. Он подавал мне какие-то странные знаки; в руках у него почему-то были огромный китайский веер и чучело фазана. Прыгнул он в окно плечом вперед, видно, рассчитывая в прыжке выдавить оставшийся в раме огромный осколок и броситься вниз. Верхнюю-то часть осколка, растрескавшуюся от первого удара, он действительно выдавил, а вот нижняя, блестящая и зазубренная, на которую он, не рассчитав, рухнул по инерции, разорвала ему живот и выпустила кишки. Даже с такого расстояния я отчетливо увидел, как стеклянное лезвие вспорол его тело, словно консервную банку. Хотя если бы и не этот осколок, падение головой вниз с четвертого этажа вряд ли прибавило бы ему здоровья. Когда он судорожно задергался на своем осколке, до половины свесившись из окна, на его спине появились, отчаянно карабкаясь и отпихивая друг друга, до боли знакомые канализационные твари. И вот тут-то я окончательно понял: а ведь такая чертовщина по всей казарме происходит! Некуда мне бежать! Эти гады, наверное, из всех унитазов повылазили, из всех раковин и писсуаров!..

Только тогда я и обратил внимание на непрерывный странный шорох, текший снизу. Схватился я за водосточную трубу, вниз свесился... Паскудство! Прямо подо мной по горячему асфальту хлещут полчища тварей поганых.

Целые коричневые сугробы тварей, которые извиваются, корчатся, шевелятся, кусают друг друга и расползаются, расползаются во все стороны. Шум от них стоит, словно кто разом тысячу бумажных листов комкает. И изо всех канализационных люков они: лезут, карабкаются, шуршат. Но стошнило меня не из-за этого, а тогда, когда я разглядел между ними отдельные нестандартные экземпляры размерами с хорошую овчарку и червей толщиной с физкультурный канат. Наверное, эти чудовища были у них королями колоний и постоянно прятались в удаленных коллекторах или в каких-нибудь заброшенных канализационных отводах. Вот, значит, по кому караул палил... Видно, дело действительно серьезное, если даже такие монстры наружу повывлазили. Я уже потом, в каптерке, представил себе ужас и потрясение часового, когда на его глазах из люка в асфальте выбрался гигантский паук, способный откусить ему руку. А в тот момент моя фантазия не работала, меня хватило только наклониться пониже и вывалить прямо на этих тварей то, что еще оставалось в моем желудке от обеда.

Тогда я увидел все это очень отчетливо. А вот теперь думаю: как такое могло быть, если я как зажмурился после окна второго батальона, так и не открывал глаз, пока блевать не закончил?..

Где-то в районе штаба вякнула одинокая автоматная очередь, какая-то зигзагообразная и рваная, словно полоснул кто-то наугад, лишь бы куда. Да, точно, тогда-то я глаза и открыл. Вслед за этим бабахнуло возле столовой, и над крышами складов поднялись клубы белого дыма. Значит, наши еще не сдались, соображаю я. Кто-то пытается эту дрянь «черемухой» травануть. Соображаю я так в перерывах между рвотными спазмами, а сам прикидываю: если твари от выдохшегося хлорпикрина настолько осатанели, что же от «черемухи» будет? И становится мне, прямо скажем, нехорошо. Хотя уж куда хуже вроде бы.

Больше я ничего подумать не успел, потому что окно, мимо которого я проползал минуту назад, угрожающе затрещало и внезапно вывалилось наружу — они на него, наверное, всей массой изнутри навалились. От отчаяния я

сделал единственное, что еще мог сделать: обхватил водосточную трубу руками и ногами и медленно поехал по ней вниз, обдирая локтями и коленями серебристую краску. Доехал я каким-то чудом до третьего этажа и тут почувствовал, что труба вот-вот лопнет. Эти водостоки вечно на соплях крепятся, на проволочках каких-то, на обойных гвоздиках... Впрочем, спускаться на землю мне с самого начала было ни к чему. Там меня ждали с распростертыми объятиями. Так что шагнул я прямо в закрытое окно третьего этажа, мимо которого как раз проезжал, и оказался в каптерке батальона связи. Вскочил на ноги, весь поцарапанный, в осколках, озираюсь вокруг, как ненормальный. Счастье мое, что в момент первой атаки насекомых каптерка оказалась запертой. Несмотря на непрерывный скребущий шорох в коридоре, в щель под дверь забралось не так уж много насекомых. Не дожидаясь, пока они вцепятся мне в ноги, я расплющил тварей каблуками раньше, чем они успели меня почуять. Двух жуков, сумевших забраться на стол, я сначала не заметил, и тут же был наказан: один из них впился мне в левую кисть, а другой — в предплечье. Рука моментально онемела, словно в нее с размаху ткнули тупой ржавой рогатиной. Вырвал я по очереди тварей из своего мяса, едва не оставив челюсти в ранах, и швырнул об шкаф. Разлетелись жуки по всей каптерке: головы отдельно, лапки отдельно, желудки отдельно. Обшарив все помещение, я никого больше не нашел, но предварительно щель под дверь сейфом металлическим закрыл, а саму дверь на всякий случай шкафами завалил и окно обратно шкафом задвинул — не хватало еще, чтобы червяки с пятого этажа сыпаться начали. Раздавленные остатки маленьких тварей сгреб щеткой в дальний угол и накрыл старыми парадными кителями. В шкафу под парадками обнаружилась непочатая бутылка «Столичной», я ее вскрыл и облил раны как следует, для дезинфекции, а перед этим еще спичками прижег. Потом провел также сеанс внутренней дезинфекции — прямо из горлышка...

Вот, собственно, и все. Уже очень поздно. Я не знаю, сколько, у меня нет часов. Стемнело давно. Из-под вороха парадок в углу идет нестерпимая вонь. За дверь по-преж-

нему комкают бумагу и размазывают масло. Кажется, у меня поднялась температура и начался озноб. Ужасно болит поцарапанное лицо, похоже, будет нагноение. Башка, которой я треснул об зеркало, просто раскалывается. Твари не собираются уходить обратно в канализацию, их дразнит запах крови. Впрочем, обоняние у них развито совсем не так хорошо, как мне показалось вначале, потому что за запертой дверью они оставили меня в покое. Оно и понятно — нельзя иметь хорошее обоняние и жить в канализации. Спасать меня, судя по всему, никто не собирается. Мне не хочется об этом думать, но, похоже, из всей нашей части только я один и выжил. Может быть, сидят где-нибудь еще несколько таких же бедолаг, забаррикадовавшись, тихо с ума сходят... Пока еще в офицерском городке смекнут, что к чему, пока еще зачешутся, пока еще пришлют помощь... Впрочем, черт его знает — может, как раз сейчас лавина кровожадных насекомых выбирается из дренажных колодцев прямо посреди городка. В этом случае там будет не до нас...

Ну, вот я все и рассказал. Сейчас лежу в каптерке батальона связи на куче мятых матрасов и надиктовываю себе трибунал на старшинский магнитофон. Впрочем, если меня спасут, пленку я заберу с собой и сожгу. Ну а если нет — может быть, потом, когда найдут эту кассету, она пригодится для выяснения обстоятельств... Если ее раньше черви не пожрут... Времени у меня много, жаль только, пленка заканчивается.

Знаете, дорого бы я дал, чтобы узнать, куда эти горе-строители нашу канализацию вывели, где такая флора и фауна водится. А может, за те годы, что наша воинская часть здесь стоит и отраву под землю спускает, местные насекомые мутировали, как в том фильме «Крысы», и одного маленького толчка, нашей с Добрицей покойным глупости, хватило для того, чтобы выгнать их на поверхность в поисках крови... Либо тот хлорпикрин, что мы бабахнули в канализационный колодец, обжег кого-то из насекомых королей, который отдыхал там в холодке, и обезумевший от боли король устроил нам карательную акцию... Не знаю, не знаю... Если бы не бутылка, в которой на настоящий мо-

мент уже ничего не осталось, я вряд ли сумел бы сохранить здравый рассудок посреди этой чертовщины.

Или я его и так не сохранил?..

Адски болит башка, которой Ара приложил меня от зеркала.

Не я ли два дня назад, стоя на вечерней поверке и ощущая нытье в почках, отбитых Железником, страстно, до боли в стиснутых челюстях желал, чтобы из канализации выбрались полчища насекомых и сожрали всех? И эти звуки — маслянистый шелест, сухой шорох, скребущий треск.. разве не эти же самые звуки я слышал почти год после того, как фигакнул с мопеда?..

Черт, да видел ли я на самом деле хоть одно атакующее насекомое? Что, если я сейчас приподниму парадки, а под ними ничего не окажется? Если я сейчас посмотрю на свою искусанную руку и увижу на ней следы собственных зубов?..

Что, если сейчас в каптерку войдет старшина связистов и крайне удивится, обнаружив на вверенной ему территории постороннего солдата — дрожащего, исцарапанного, с блуждающим безумным взглядом?

Честно говоря, я предпочел бы такой вариант.

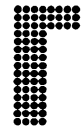
Однако выходить наружу и проверять свои догадки я не собираюсь. Говорят, у психов никогда не возникает сомнений в собственной душевном здоровье. Так что если я выйду из каптерки, а кровожадные насекомые существуют на самом деле, получится очень смешно.

Все, мужики, нету больше пленки. Живите тысячу лет только, пожалуйста, будьте поосторожнее со всякими канализациями...

ЗАПАСНЫЙ ВЫХОД

Центр управления РВКН

Главный оперативный зал Центра управления Российскими войсками космического назначения был заполнен деловой суетой, пронизанной тихим шепелестом работающих систем, мониторов, пультов, панелей, экранов и негромкими человеческими голосами. Находящимися на рабочих местах операторами этот шум на слух не воспринимался, они давно привыкли к нему, как к стуку сердца в груди. Но редко появлявшимся в зале гостям этот специфический гул казался сродни морскому прибою, что заставляло их напрягать слух и ловить знакомые звуки. Впрочем, вошедшую в зал группу людей атмосфера Центра управления не напрягала и не отвлекала, все они были профессионалами РВКН и свободно ориентировались в пространстве зала.

Трое из них свернули к линиям мониторов контроля и связи, трое подошли к главному ситуационному экрану, занимающему всю стену зала. Экран показывал космос: угольно-черное небо с россыпью звезд, яркий, но не режущий глаз огонек солнца, цветные огоньки планет, нанизанные на пунктиры орбит, объединенные разноцветными трассами схем взаимодействия.

Гостей встретили двое мужчин: один, в мундире генерала, тучный, с огромным брюхом — директор Центра экстремального оперирования, второй, в штатском, седой, с длинным носом и узкими губами — начальник Центра слежения за космическим пространством. Прибывшие по-

здоровались с ними за руку. Седой посмотрел на генерала, тот кивнул.

— Это не комета, товарищ командующий, — проговорил седой.

На экране загорелся еще один огонек. Вокруг него образовалась алая окружность, и тотчас же в углу экрана отделилась часть изображения, внутри которой появилась белая капля с туманно-светящимся хвостиком. Больше всего этот объект напоминал зажженную свечу, а также дымящийся окурок.

— Ракета? — удивленно проговорил сухощавый мужчина средних лет, которого называли «товарищ командующий».

— Нет, — качнул головой седой.

Размеры «окурка» в растворе экрана скачком выросли. Теперь стало видно, что это цилиндрической формы объект из серо-белого, пористого, с утолщениями и кавернами, материала, один конец которого постепенно терял плотность, превращаясь в дымно-серебристый хвост.

— Похоже на комету...

— И тем не менее этот «окурочек» — мы так его и называли — не имеет с кометами ничего общего. Его хвост представляет собой сложный композит, теряющий плотность по мере удаления от головной части, но это не газ, хотя сам объект состоит из льда, правда, не водяного. Да и направлен хвост не по радиусу от Солнца, а под углом семьдесят градусов к нему и под углом двадцать три градуса к траектории движения.

— Тогда что это?

Спутники командующего и хозяева Центра переглянулись.

— Точного ответа мы дать не можем, — пробасил генерал Лещенко. — Возможно, это экзотический оортид, одна из глыб протовещества, из которого сформировались планеты Солнечной системы, но возможно, что в Систему залетел чужой корабль.

Командующий хмыкнул, разглядывая «дымящийся окурочек».

— Любопытно.

— Оортидом этот объект быть не может, — проворчал один из спутников командующего, пожилой, морщинистый, одетый в темно-коричневый костюм. — Параметры не те.

— Но и на космический корабль он не слишком похож.

— Диаметр Окурка — около километра, длина — более девяти, я имею в виду плотную часть, плюс хвост — около двух сотен километров.

— Да, это не ракета.

— Куда он движется? — спросил командующий.

— К сожалению, мимо. — Седой поймал красноречивый взгляд командующего, торопливо добавил: — Или скорее к счастью. Он пройдет в десяти миллионах километров от Земли, направляясь к созвездию Орла. Поэтому я предлагаю...

— Доложить президенту.

— Направить к нему наших парней.

Спутники командующего посмотрели на патрона. Один из них, в мундире генерала, что-то прошептал ему на ухо.

— Как давно вы следите за... гм-гм, этим Окурком? — спросил второй сопровождающий, в гражданском костюме.

— Двое суток.

— Американцы знают об этом?

— Думаю, знают, — кивнул Лещенко, — хотя делиться с нами открытием не спешат.

— Можно подумать, мы спешим поделиться с ними.

— Объект настолько необычен, что мы не имеем права...

— Не стоит оправдываться, Георгий Степанович, — поморщился командующий РВКН. — Все и так понятно. Я доложу президенту о наших открытиях и предложениях. Вы уверены, что наши ребята достанут этот ваш Окурочек?

— Вполне, — осторожно сказал Лещенко.

— Кто именно?

— Группа майора Молодцова.

— Того, кто год назад командовал спасоперацией на астероиде Ирод?

— Так точно.

— Поднимите их по тревоге. Если американцы знают об Окурке и молчат, возможно, они тоже решают, что делать, или уже готовят экспедицию. Неплохо было бы их опередить.

— Подготовка нашего второго «челнока» уже началась.

— Действуйте, Георгий Степанович.

Командующий еще раз всмотрелся в изображение странного космического обломка и направился к выходу из зала.

База РВКН. Плесецк

Вставать не хотелось. Любая поза была приятной, тело нежилось под легким одеялом в расслабленном состоянии, и потребовалось некое усилие, чтобы заставить себя думать о работе.

Еще минуту, и встаю, решил Денис, закрывая глаза и блаженно вытягиваясь в постели во весь рост. И уснул. Однако через две минуты проснулся снова: сработал внутренний сторож организма, отвечающий за реакции хозяина. Пора было вставать и приводить себя в порядок.

— Не хочу! — вслух заявил Денис.

Но тело само сбросило с себя одеяло, ноги опустились на коврик, он встал и пошелся в душ, привычно настраиваясь на активное бодрствование.

Прошел почти год после спасательной экспедиции к астероиду Ирод.

Экипаж американского шаттла, спасенный русскими космонавтами, расформировали, но его командир — капитан Кэтрин Бьюти-Джонс получила новый «челнок» и продолжала трудиться на благо своей родины. Своего спасителя она отблагодарила забавным образом, пригласив к себе на ранчо в Техасе погостить, однако майора Молодцова не отпустили, и на этом его контакты с американкой заглохли. По сведениям информслужбы РВКН, Кэтрин дважды побывала в космосе, доставляя грузы на МКС и на Луну, и готовилась к длительному полету на Венеру.

Почему именно на Венеру, Денис догадывался.

Ирод, изменивший траекторию после контакта с зем-

лянами, направился к Венере и скрылся под ее облачным слоем. Но не вонзился в нее на бешеной скорости, как ожидалось, а притормозил и скорее всего совершил мягкую посадку. А так как груз внутри он нес специфический — зародыши жизни, то интерес к себе вызывал огромный. Естественно, все ведущие державы мира мечтали теперь найти на Венере место его приземления и начать исследования, а то и вступить в контакт с пришельцами, которые решили остановиться в Солнечной системе на «постоянное место жительства».

Денис тоже был бы не прочь слетать на ближайшую соседку Земли, чтобы встретиться с удивительной формой жизни, спящей внутри астероида. Но он был не космонавтом-исследователем, а космическим спасателем и не имел возможности предложить свои услуги Российскому аэрокосмическому агентству.

В крохотной гостиной квартиры — во время двухнедельных дежурств Молодцов жил в общежитии базы — звонил интерком.

Денис вылез из-под струи душа и голым пошлепал в гостиную, оставляя на линолеуме лужицы и мокрые следы. Ткнул пальцем в клавишу ответа. Засветился тонкий, как лист бумаги, экран жидкокристаллического монитора, на нем появилось загорелое лицо полковника Зайцева, начальника группы АСС РВКН.

— Майор, срочный сбор! У тебя полчаса на завтрак!

— Что случилось, Константин Петрович?

Полковник оглядел фигуру подчиненного, но на его лице не отразилось ничего.

— Тебя ждет генерал.

Денис подобрался.

— Спасательный рейд?

— Нет. — Зайцев пожевал губами. — Перехват. Но все подробности позже. Жду.

Экран погас.

Денис почесал затылок, глянул на часы и заторопился.

Через полчаса он входил в кабинет Лещенко, одетый в форму летного состава РВКН.

В кабинете начальника директора Центра экстремального оперирования находились пять человек.

Генерал сидел за столом, остальные стояли: полковник Зайцев, капитан Абдулов, главный технический специалист АСС профессор Черников и полковник Матвейкин, начальник службы безопасности.

Денис поймал взгляд Славы Абдулова, кивнул. Приглашение капитана говорило о многом. Им действительно предстояла какая-то нестандартная экспедиция.

— Проходи, — буркнул Лещенко.

Висящий за его спиной плоский экран ситуационного контроля подернулся сизым дымком и протаял в глубину, показывая схематическое изображение Солнечной системы.

— Коротко о главном, — продолжал Лещенко. — В Системе появился еще один странный объект. Похож на комету. Предстоит догнать его и выяснить, что оно такое.

На схеме за орбитой Марса разгорелся огонек.

— В настоящий момент объект под названием Окуроч движется в направлении на созвездие Орла. Перехватить его можно будет только в одной точке. — Лещенко достал световую указку. — В десяти миллионах километров от Земли. А это значит, что старт вашего «челнока», майор, состоится уже через два часа. Вопросы?

— Разве нам предстоит кого-то спасать?

— Я тебя понимаю, майор, но ты самый опытный перехватчик в отряде, поэтому выбор пал на тебя. Конечно, ты имеешь право отказаться.

— Нет.

— Тогда у меня все. Остальные сведения вам сообщит Георгий Степанович.

Черников кивнул.

— Еще вопросы?

— Состав экипажа?

Лещенко посмотрел на Зайцева, криво улыбнулся.

— Похоже, для ваших парней главная проблема — состав экипажа.

Полковник философски пожал плечами.

— В таких операциях слаженность коллектива имеет зачастую решающее значение. С вами, Денис Васильевич,

пойдут еще трое специалистов: капитан Абдулов, старший лейтенант Шилов и эксперт Глинич, с которым вы уже знакомы.

— С Шиловым я никогда раньше не ходил.

— Это мой человек, — сказал полковник Матвейкин.

— Понятно.

— Он не только профи службы безопасности, — добавил Зайцев, — но и прекрасный специалист, бортинженер и электронщик.

— Глинич тоже хороший специалист...

— Вы возражаете, майор?

— Нет, — стиснул зубы Денис, стараясь не выказывать своих чувств. Присутствие в экипаже еще одного работника спецслужб указывало на озабоченность командования сложившейся ситуацией. Оно явно подстраховывалось, вводя в экипаж еще одного чекиста. Но если Феликс Глинич, астрофизик и спец в области космического материаловедения, показал себя неплохо в прошлом полете к Ироду, несмотря на свой тяжелый характер, то присутствие в отряде нового человека вряд ли способствовало возникновению благоприятной атмосферы на борту корабля.

— Начинайте, Георгий Степанович, — сказал Лещенко. — Времени у нас мало.

***Борт спасателя «Быстрый».
10 000 000 километров от Земли***

С расстояния ста километров Окурок больше походил на космический корабль «Союз», разве что его дымный хвост был намного длиннее, чем выхлопная струя двигателей. И все же глаз невольно искал в этой незатейливой белой тростинке следы технологической обработки или намеки на то, что она действительно является звездолетом пришельцев. Однако на экране системы дальновидения, оборудованной телескопом и фотозлектронным умножителем, «звездолет» превращался в цилиндр с дырчатохолмистой поверхностью, никаких следов обработки — кроме самой цилиндрической формы — он не демонстрировал, поэтому издали сделать какой-либо однозначный вывод о его при-

надлежасти к тому или иному классу объектов не представлялось возможным. Одно было ясно: профессор Черников справедливо сомневался в том, что Окуроч является кометой.

— Идем на сближение, — сказал Денис, понимая чувства экипажа, не отрывающего взглядов от экрана. Ему самому не терпелось подстыковаться к Окурочу и «на ощупь» определить, что это такое.

Экипаж отреагировал благожелательным ворчанием. Даже Глинич, за все время полета не произнесший ни одной фразы длиннее, чем в три слова (типа: я хочу есть), разразился тирадой, из которой явствовало, что «давно пора нанести визит хозяину Окуроча и попросить его не дымить в Солнечной системе». По-видимому, главный эксперт по космическому мусору на борту «Быстрого» всерьез полагал, что пошутил.

Корабль устремился к белой тростинке, с одного конца твердой и четко видимой, с другого — расплывающейся сизым дымком длиной в две сотни километров. Вскоре ее размеры заметно возросли, Окуроч загородил почти всю переднюю полусферу обзора, и Денис включил торможение. Когда расстояние между кораблем и Окурочом достигло всего километра с небольшим, «Быстрый» остановился.

— Черт возьми! — произнес Абдулов, оглядываясь на командира. Весь экипаж сидел на местах в скафандрах, «застегнутых на все пуговицы», и лица штурмана Денис видеть сквозь бликующее забрало шлема не мог, но и так было ясно, что штурман изумлен.

Впрочем, остальные были удивлены не меньше.

Корабль повис, уравнивая скорость со скоростью мчащегося через Солнечную систему Окуроча, возле его правого, самого твердого конца, имевшего почти строгую цилиндрическую форму, и теперь стало видно, что с торца этот цилиндр имеет впадину. Точнее — нечто вроде входа в тоннель. Окуроч и в самом деле смахивал на выброшенную в космос каким-то гигантом папиросу!

— Мать честная! — сказал Алексей Шилов, маленький, кругленький, вечно что-то жующий, но подвижный и быстрый, отличный специалист и вообще веселый парень. —

Кто сказал, что это комета? Это же издевательство над здравым смыслом!

— Феликс Эдуардович, что это, по-твоему? — спросил Абдулов.

Глинич не ответил. Он вообще говорил мало и в основном с аппаратурой, находя в ее лице приятного собеседника.

— Подходим ближе, — предупредил Денис, включая маневровые двигатели. — Слава, посмотри внимательнее, мы здесь одни?

— Так ведь темно, ничего не видно, — сострил Шилов.

— Похоже, мы подошли первыми, — отозвался Абдулов. — Ни американцев не видно, ни китайцев, ни прочих желтых и зеленых человечков.

Шилов фыркнул:

— Рали Париж — Дакар неожиданно выиграл российский истребитель «Су-35»!

Абдулов засмеялся.

— Сообщение на базу, — сказал Денис, — вышли к объекту, приступаем к изучению.

— Есть, командир!

«Быстрый» облетел бело-сизый, весь покрытый ямами, дырами и наплывами — ни дать ни взять стеариновая свеча — цилиндр Окурка, завис над краем торца. Стало и во все очевидно, что это колоссальная труба с толстыми стенами, начинающими терять плотность в девяти километрах от торца и расплывающимися в дымно-сверкающий «кометный» хвост.

— Да, такого я никогда не видел, — заговорил вдруг Глинич.

— Неужели? — притворно удивился Шилов. — А я думал, что ты видишь подобные «окурки» каждый день.

— Что вы имеете в виду, Феликс Эдуардович? — спросил Денис.

— Материал Окурка... посмотри на дисплей анализатора... никакой это не композит...

Денис хмыкнул.

— Газовый конденсат?

— Конгломерат из замерзших водорода и гелия, с вкраплениями лития и бора.

— Апейрон.

— Что?

— Первосубстанция древних греков.

— Вроде того.

— Внимание, радио с базы! — предупредил Абдулов.

В шлемах космонавтов после щелчка выплыл из тихого шелеста голос генерала Лещенко:

— Майор, будьте внимательны. Только что стало известно, что американцы запустили к Окурку свой новый шаттл, причем практически вслед за вами. Так что поторопитесь с исследованиями.

— Вот заразы! — пробормотал Шилов. — Нигде от них покоя нет.

— Берем объект на abordаж, — скомандовал Денис. — Начинаем работать.

«Быстрый» пошел на сближение с Окурком.

Труба

Что произошло, сразу толком никто не понял.

Корабль вдруг настигла какая-то чудовищная сила и понесла к устью трубы. Впечатление было такое, будто заработал пылесос и поток всасываемого воздуха подхватил «челнок» с космонавтами, как соринку, втягивая его в трубу кормой вперед.

— Полная тяга на оси! — отреагировал Денис, дублируя голосовую команду компьютеру нажатием кнопки включения форсажного режима.

Удар ускорения вжал тела космонавтов в спинки противоперегрузочных кресел.

Движение замедлилось. Но «ветер» был все же сильней и продолжал толкать корабль в отверстие трубы. Вокруг выросли белесые, покрытые голубовато-сизой изморозью и вкраплениями сверкающих в лучах Солнца кристаллов стенки трубы. Плазменный маршевый двигатель «Быстрого» не справлялся с действующей на корабль силой, его продолжало сносить в глубь трубы, и Денис включил все пять жидкостно-реактивных маневровых двигате-

лей, понимая, что рискует лишиться спасательный корабль свободы маневра. Однако другого выхода не было. Надо было во что бы то ни стало выбраться на волю, в открытое пространство.

Корабль остановился, вибрируя всем корпусом. Ему не хватало какой-то малости, чтобы начать двигаться к близкому — всего в полукилометре — устью трубы, но этой малости энергоустановка «Быстрого» выжать из себя как раз и не могла.

Кончилось топливо в маневровых баках.

Корабль начал падать в глубь трубы.

И тогда Денис принял решение.

— Садимся! Слава — готовь гарпуны! Леха — аварийные комплекты! Феликс Эдуардович — дублирующие системы!

— Есть! — дружно рявкнул экипаж.

Приблизилась округлая, в наплывах и вмятинах, внутренняя поверхность трубы. Корабль выстрелил два гарпуна. Оба вонзились в бело-синеватые бугры. Вспухли и рассеялись облачка газа.

— Еще!

Абдулов навел кормовые гарпуны, предназначенные для аварийных ситуаций, выстрелил. Завизжали, разматываясь, тарконовые тросы, остающиеся и в вакууме упругими и гибкими.

Корабль ощутимо уперся в пространство, его понесло боком к волнистой впадине со множеством рытвин.

— Берегись!

Серия ударов, скрежет, затихающий свист. Погасли экраны обзора, мигнули и погасли светильники кабины, загорелись аварийные лампы. Последовало еще несколько толчков, и наступила тишина и неподвижность.

— Поздравляю, приокурились, — мрачно сплюнул Шилов.

Загорелись экраны обзора.

Перед глазами космонавтов развернулась панорама внутреннего пространства трубы и близкий черный круг с россыпью звезд — выход в космос.

— Интересно, как мы выберемся обратно? — поинтересовался Абдулов индифферентным тоном.

— Ползком, — тем же тоном ответил Шилов.

— Отставить разговоры! — бросил Денис. — Контроль функционирования, диагностика повреждений, оценка живучести. Феликс Эдуардович, можете объяснить, что произошло? Почему нас засосало в трубу Окурка?

— Не могу, — буркнул планетолог экспедиции. — Мало данных.

— Чем быстрее мы разберемся в причинах явления, тем быстрее выберемся отсюда. Слава, радио на базу...

10 000 000 километров от Земли. Неожиданное

«Ветер», подхвативший корабль и занесший его в трубу Окурка, все еще продолжал дуть, хотя, по словам Глинича, никакой это был не ветер — какой уж тут ветер, в пустоте? — а некое силовое поле, которое Феликс Эдуардович назвал «градиентом давления поляризованного определенным образом вакуума». Что планетолог имел в виду, вряд ли понимал и он сам.

Правда, сила, сносившая корабль в глубины трубы, у поверхности ее внутренней стенки действовала слабее, что позволило экипажу «Быстрого» выйти наружу и провести визуальный осмотр корпуса и кое-какой мелкий ремонт. Им удалось восстановить работу антенн систем связи и сменить панели плазменных накопителей, хотя установить связь с базой на Земле не удалось. То ли был поврежден передатчик, то ли стенки трубы не пропускали радиоволн в очень широком диапазоне электромагнитного спектра.

Прошли сутки. Экипаж выдохся в попытках оживить систему связи и впал в уныние. Единственным человеком на борту корабля, который был занят по горло работой, оказался Глинич, задействовавший всю имевшуюся в его распоряжении научную аппаратуру и трижды вылезавший из корабля наружу для взятия проб «грунта».

На вторые сутки Денис решил провести совещание, чтобы определить дальнейшую стратегию поведения эки-

пажа, попавшего в ситуацию, когда его самого надо было спасать.

— Своими силами нам отсюда не выбраться, — начал майор, оглядев невеселые лица подчиненных. — У кого какие соображения?

— Если бы наш «Быстрый» имел гусеницы как у тягача, — проговорил Шилов робко, — мы бы вылезли.

— Вряд ли, — возразил Глинич. — Слишком скользко, а «ветер» продолжает дуть. Дернемся — нас унесет в трубу.

— Авось не унесет. Мы же выходили — и ничего. К сожалению, у нас нет гусениц и...

— Еще варианты? — перебил старлея Денис.

— Надо выбраться на край трубы Окурка и попытаться установить связь с базой, — предложил Абдулов: в полете он по обыкновению не брился и теперь был похож на молодого монаха.

— Скафандровый передатчик слишком слаб, — проворчал Глинич. — Нас не услышат.

— Можно попробовать протянуть антенну от главного передатчика к выходу из трубы.

— На восемьсот метров? Где ты найдешь такой кабель?

— Тогда давайте помигаем прожектором, — загорелся Шилов. — За Окурком сейчас следят в три глаза, нас наверняка заметят.

— Где вы возьмете прожектор?

— Что ты нам все обрезаешь? — возмутился старший лейтенант. — Сам предложи что-нибудь дельное.

— Предлагаю провести разведку в глубь трубы, — буркнул Глинич. — Может быть, там тоже есть выход. Отцепимся, проскочим трубу и вылетим через другой конец в космос.

В кабине управления стало тихо. Все посмотрели на командира.

Денис хмыкнул.

— Идея неплохая.

— Какая?

— Обе. Надо попробовать дать световой сигнал СОС на базу. И, наверное, действительно стоит разведать, что нас ждет в другом конце трубы. Начнем со связи.

* — Я пойду, — вызвался Шилов.
— Идти надо как минимум двоим, для подстраховки.
— Тогда и мне придется, — пожал плечами Абдулов. — У нас в спецгрузе есть мощные фонари, возьмем пару и помигаем в унисон азбукой Морзе: спасите наши души.

Денис, в задумчивости оттянув губу, прикидывая возможные варианты развития событий, кивнул через минуту:

— Хорошо, собирайтесь. Пойдем втроем: я подежурю снаружи, во избежание непредвиденных осложнений. Берем фонари, тарконовую бечеву, кошки, ледорубы и липучки.

— Ледорубы лучше не брать, — проворчал Глинич. — В невесомости они бесполезны, а в наших условиях опасны. От каждого удара вас будет относить от стены, можно сорваться.

— Возьмем вместо них малый гарпун.

Космонавты начали готовиться к выходу в космос.

Через час все трое открыли тамбур и выплыли в открытое пространство, подсоединив страховочные фалы к специальным скобам на корпусе корабля.

«Ветер», засосавший корабль внутрь трубы Окурка, продолжал «дуть» в том же направлении, пульсируя в такт каким-то перепадам давления в глубине трубы. У самой поверхности он почти не ощущался, но стоило подняться над слоем замерзших газов на один-два метра, как давление на скафандры резко усиливалось, и риск быть подхваченным «воздушным» потоком увеличивался. Пришлось по большей части передвигаться ползком, не отрывая тела от сизобело-голубой, в потеках и рытвинах, местами прозрачной стенки трубы.

Корабль возвышался над буграми поверхности на восемь метров, поэтому «ветер» давил на него сильнее, и держался он исключительно на тросах, принятовленных к гарпунам, вибрирующим от напряжения. Сколько могли выдержать тросы и гарпуны, вонзившиеся в лед стенки, было неизвестно.

Распаковали контейнер.

Перецепили карабинчики тросов со скоб на корпусе корабля на гарпуны.

Абдулов и Шилов укрепили в спецзажимах скаффандров фонари, запасные батареи, комплекты липучек и острые крюки, медленно двинулись «вверх», к достаточно близкому выходу из трубы. Денис остался у кормы «Быстрого», приготовив на всякий случай запасную бухту бечевы, и стал ждать, изредка переговариваясь с оставшимся в кабине Глиничем и ползущими, как мухи по потолку, товарищами.

Прошел час.

Космонавты преодолели восемьсот метров, отделявшие корабль от торца трубы, перевалили за ее край. Их голоса стихли.

Денис вздохнул с облегчением, расслабился.

— Что там у вас?

Никто не ответил. Стенки Окурка экранировали радиоволны, и связь с десантниками прекратилась.

— Надо было предупредить... — начал Глинич и недоговорил.

Беззвучный удар потряс вдруг стенку трубы!

Окурок содрогнулся.

Корабль подбросило вверх!

Один за другим лопнули удерживающие его тросы. «Быстрый» дернулся, ударился носом о стену, его развернуло и потащило к оси трубы.

— Феликс Эдуардович! — крикнул Денис, подтягивая себя к ледяному вздутию: его тоже отбросило от поверхности трубы, но страховочный фал, прикрепленный к кормовому гарпуну, выдержал рывок. — Что случилось?!

— Откуда мне знать? — прилетел сдавленный голос Глинича. — Похоже, что-то врезалось в Окурок. Может быть, астероид.

В наушниках рации раздались крики, ругань. В чернозвездном окне торца трубы появились летящие «вниз» блестящие фигурки.

— Тихо! — рявкнул Денис. — Без паники! Что произошло?!

— Нас обстреляли! — завопил Шилов. — Сволочи!

- * — Кто?! — изумился майор, не веря ушам.
— Мы толком не разглядели. Возле Окурка висит чей-то шаттл..
— Американцы?!
— Не похоже, — заговорил Абдулов. — Скорее всего китайцы, судя по форме «челнока».
— Они что, совсем охренели?! Как они здесь оказались?
— Об этом ты у них спроси. Что нам делать?
— Включайте движки, догоняйте спасатель! Феликс Эдуардович, что там у тебя?
— Сейчас, снимаю блокировки, запускаю маршевый...

Из сопел «Быстрого» вытянулись струи газа, вспыхнуло неяркое пламя. Корабль кувыркнулся еще раз, однако Глинич вместе с компьютером корабля все же справились с управлением и не допустили катастрофы. Спасатель выровнялся, развернулся носом к выходу из трубы, включил полную тягу.

Капитан и старлей пролетели мимо Дениса, нанизанные на струйки газа систем маневрирования скафандров, и с трудом изменили траекторию полета, нагоняя корабль. Обоим удалось вцепиться в скобы над треугольными крыльями «челнока», сползти по ним к люку. Тогда и Денис отцепил свой фал, оттолкнулся от скользкого ледяного бугра и прыгнул в глубину трубы, к кораблю.

Окно в Иномерье

Никто не знал, почему китайский «челнок», внезапно подкравшийся к Окурку, открыл огонь по космонавтам. Возможно, китайцы приняли их за хозяев странного объекта и перетрусили, но возможно, они просто решили устранили конкурентов и объявить Окурок собственностью Китая.

Спасателям же в кабине «Быстрого», сумевшим забраться в корабль через оставшийся открытым люк, было не до размышлений о причинах конфликта. Они снова решали проблему спасения собственного корабля и своих жизней.

Главный двигатель корабля не справлялся с несущей

его в глубь трубы силой. Несмотря на максимально допустимый режим, тяги двигателя не хватало на торможение, и корабль продолжал неумолимо проваливаться «вниз», как затонувший парусник в пучину моря.

Денис попытался подвести «челнок» поближе к поверхности трубы, где сила воздействия на него была значительно меньше. Но тангенциальные рысканья корпуса «челнока» свели на нет все усилия пилота. Стукнувшись пару раз кормой о гладкие бугры внутренней стенки трубы, «Быстрый» потерял стабилизаторы, закрутился штопором, и экипажу с большим трудом удалось уравновесить его и развернуть кормой к засасывающей бездне.

Между тем корабль углубился в трубу уже на пять с лишним километров, и до конца ее плотной части осталось не более четырех километров. Дальше должен был начинаться хвост Окурка, состоящий из утратившего плотность материала, превращавшегося в постепенно редеющую газовую струю. Чем грозило кораблю столкновение с этой странной субстанцией, можно было только гадать. Причин же силы, затягивающей «челнок» в трубу, не знал никто, в том числе и Глинич, единственный на борту специалист по метеоритам и космическим телам естественного происхождения. Область его компетенции не распространялась на объекты, подобные Окурку, так как теперь было понятно, что он скорее всего — искусственное сооружение.

Пролетели еще один километр.

Стенки трубы стали сближаться, уменьшая ее внутренний диаметр. Гладкие вздутия и бугры на внутренней поверхности трубы обзавелись острыми гребнями и ложбинами наподобие русел рек и ручьев.

Скорость падения начала возрастать.

— Что будем делать, командир? — не выдержал Шиллов. — Может, катапультируемся, пока не поздно?

— Чтобы разбиться об эти ребра? — кивнул на ледяные торосы Абдулов.

— Нас же засосет! Мы все равно разобьемся!

— Не психуй!

— Я не психую. Но что-то же надо предпринимать!

Денис вдруг в свете прожектора заметил нечто вроде

гигантского рва, заканчивающегося фестончатым карнизом. Медлить было нельзя, и он повел корабль ближе к стенке трубы, рискуя разбиться о торосы.

— Держитесь! Аварийная посадка!

«Быстрый» ударился о дно ложбины и заскользил по ней кормой вперед, ломая корпусом попадавшие на пути ледяные иглы, грибообразные наросты и сталактиты.

— Взорвемся к чертовой матери! — крикнул Шилов.

Денис облился холодным потом. Его пальцы забегали по клавишам ручного управления вектором тяги, словно он играл на пианале.

Корабль вжался в поверхность рва плотнее, стал отнавливаться, вздрагивая от ударов о препятствия.

— Слава, гарпун!

Абдулов, целившийся из последнего страховочного гарпунометателя, выстрелил.

Удар, рывок, грохот, треск лопающихся перегородок!

Корабль встал на дыбы, но трос не дал ему перевернуться, бросил на дно рва, лопнул от рывка. А затем «Быстрый» ударился соплами о карниз, корма смялась в гармошку, и корабль остановился.

Последним движением пальцев Денис отключил двигатель и потерял сознание...

В себя все пришли довольно быстро.

Кабина была разгерметизирована, воздух из нее вышел, но космонавты находились в скафандрах и не задохнулись. От удара же их спасли сработавшие системы защиты кресел, аналогичные воздушным подушкам в автомобилях.

— Все живы? — осведомился Денис, чувствуя во рту привкус крови.

В мигающем красном свете аварийного светильника стали видны летающие по кабине обломки приборов и технических конструкций. Зашевелился Шилов.

— Где я?

— Все там же, — отозвался невнятно Абдулов.

— Ничего не вижу...

— Сбрось подушку.

Из-под кресел вынеслись струи изморози — космонавты освобождались от оболочек противоударных систем.

— Ни фиги себе! — пробормотал Шилов, озираясь. — Крошево! Ни одного целого прибора!

— Похоже, приплыли, — угрюмо добавил Абдулов. — Отсюда мы уже не взлетим.

— Отставить панические вопли! — сказал Денис, пытаясь говорить уверенным голосом. — Мы пока живы, а это главное. Что произошло, когда вы увидели чужой «челнок»?

— Мы ничего не успели сообразить. Что-то сверкнуло, рядом с нами рвануло, и нас отбросило назад к трубе. Уже потом мы сообразили, что это был взрыв ракеты. Нас обстреляли из зенитно-ракетного комплекса!

— Никто вас не запрашивал по радио? Сразу обстреляли?

— Абсолютно!

— Ничего не понимаю!

— Мы тоже. — Шилов выругался. — Узнаю, кто это сделал, китайцы ли, исламисты, американцы, — башки откручу!

— Сначала выберись отсюда.

— Феликс Эдуардович, что молчишь?

— Дышу, — с кряхтением отозвался Глинич.

— Ну и отлично! Начинаем осматриваться и анализировать положение. Потом посоветуемся и решим, что делать дальше. Вопросы?

Вопросов не последовало. Даже оптимистично относящийся ко всем жизненным неурядицам старлей Шилов не смог заставить себя пошутить. Ситуация складывалась далеко не оптимистичная, и он это понимал.

На контроль состояния бортовых систем спасателя ушло чуть больше часа. Вывод был неутешителен: «Быстрый» уже не мог стартовать, потеряв почти всю свою электронику, а главное — он истратил почти все топливо. Его энергоресурса могло хватить максимум на пять суток при экономном расходовании энергии.

— Воду мы тоже потеряли, — добавил Абдулов, — бак

пробит, часть воды вылилась, остальное замерзло. Запасов еды хватит на месяц, но это нас не спасет.

— Какие будут предложения? — поинтересовался Денис.

— Придется ползти к открытому концу трубы, — криво усмехнулся Шилов, — и сдаваться китайцам в плен.

— Перспектива не из приятных. А если они снова начнут стрельбу?

— У тебя есть другой вариант?

— Почему бы нам не проверить, куда ведет другой конец трубы? — подал голос Феликс Эдуардович. — Ее твердая часть заканчивается всего в километре от нас. Вдруг повезет, и мы вылезем в космос с другой стороны?

Стало тихо.

Потом раздался смешок Шилова:

— Безумству храбрых поем мы песню... А вы, однако, господин военный эксперт, рискованный парень.

Глинич промолчал.

— Хорошо, пойдем вниз, — подвел итоги совещания Денис. — Если не удастся пройти там, вернемся и поползем вверх. Берем только самое необходимое: НЗ, кислород, липучки, фонари.

— А оружие?

— Мы не воевать сюда прилетели.

— Но китайцы могут снова...

— Не стоит отвечать тем же, мы не китайцы. Возьмем еще пару ракетниц на всякий случай, выпустим несколько красных ракет, наши на базе поймут, в чем дело.

— Вряд ли они успеют снять нас с Окурка за пять дней.

— Будем надеяться на лучшее. Собираемся и выходим.

Космонавты принялись за экипировку и вскоре собрались у тамбура, увешанные спецконтейнерами, превращавшими их в диковинных иноземных существ. Выбрались через люк наружу и один за другим, связанные страховочными фалами, поползли на гребень рва, внутри которого лежал разбитый, изуродованный шрамами и пробоинами космический спасатель «Быстрый».

Сила, затянувшая корабль в трубу Окурка, продолжала действовать и здесь, поэтому решили не поднимать головы лишний раз, чтобы не подвергаться опасности быть подхваченными и унесенными «ветром». Остановились на несколько секунд, посмотрели сверху на брошенный корабль, выглядевший сиротливо и печально.

— Прощай, дружище... — пробормотал Абдулов.

Чем дальше в глубь трубы продвигались космонавты, тем уже становилась труба. Через час она сузилась до сто-метрового диаметра, а потом и того меньше, превратилась в ледяной тоннель с изрезанными трещинами стенами. Мало того, твердая до этого момента поверхность льда начала терять плотность, превратилась в подобие желе, вздрагивающее от каждого прикосновения. Впереди же, как ни всматривались космонавты, в надежде разглядеть черную бездну космоса, по-прежнему была видна сплошная белизна, испещренная синеватыми и бирюзовыми прожилками трещин.

— Ох, чуется мое сердце, вяпаемся мы в какое-нибудь болото, — пропыхтел Шилов.

— Я бы тоже повернул назад, — признался Абдулов. — Чуете? Мы ползем по киселю — все трясется под руками.

— Кто еще за возвращение?

— Я против, — отозвался Глинич. — Столько ползти, мучились, и вдруг — назад? Давайте еще чуть-чуть продвинемся, хотя бы на полкилометра.

— Что ты собираешься там обнаружить?

— Сам не знаю. Но Окурочек — не просто кусок водородно-гелиевого льда, его создали искусственно для каких-то целей.

— Почему ты так решил?

— Потому что гелий практически невозможно заморозить до кристаллически твердого состояния, он при любых температурах остается жидким и сверхтекучим. Окурочек же, как видите, состоит из льда.

— Почему же ты раньше об этом не сказал?

— Вы не спрашивали. Возможно, все дело в составе и

количестве примесей, но, может быть, причина в том, что внутри Окурка вакуум поляризован, не ходит в другом фазовом состоянии.

— Ну и фрукт же ты, Феликс Эдуардович!

— Отставить препирательства! — остановил разошедшего Шилова Денис. — Идем дальше. Если через полкилометра ничего не изменится — вернемся. Что ты там говорил насчет поляризации вакуума, Феликс Эдуардович?

Глинич помолчал, затем проговорил нехотя:

— Я еще не уверен... но впечатление такое, будто внутри трубы Окурка действуют другие физические законы.

— Какие?

— Градиент давления среды имеет ярко выраженный векторный характер... квантовые флуктуации вакуума имеют амплитуду на порядок выше, чем в обычной пустоте... волновой фон повышен...

— Ладно, потом разберемся, поплыли дальше.

Космонавты устремились вперед, вжимаясь телами в ставший податливым материал стенки трубы.

Впереди появилось кольцо, еще больше сужающее ледяной тоннель.

«Ветер», подгонявший экипаж потерпевшего кораблекрушение «Быстрого», усилился.

— К черту! — решил Денис. — Возвращаемся! Незачем рисковать...

Внезапно рука Глинича, ползущего последним, попала в пустоту, он приподнялся, собираясь податься в сторону, и тотчас же порыв «ветра» бросил его вверх и вперед.

— Держитесь! — запоздало рявкнул Денис. — Цепляйтесь кто за что может!

Скафандр Глинича пролетел над вжавшимися в «желеобразный лед» космонавтами. Последовал сильный рывок, и Шилов, связанный с Феликсом Эдуардовичем тарконовым фалом, не удержался и с криком взлетел над поверхностью тоннеля.

— Мать твою!..

Еще рывок, и теперь уже не удержался Абдулов, хотя какие-то мгновения сопротивлялся, раскорячившись, как

лягушка, отчетливо вдавливая локти и колени с липучками в колеблющийся слой «желе». Однако липучки не выдержали, и капитан заскользил по сизо-белым торосам, выдав порцию мата.

Денис приготовился к рывку, по самую рукоять загоня нож в ближайшую трещину. Вот когда пригодился бы ледоруб, мелькнула мысль.

Подчиненных пронесло над ним.

Удар, рывок!

Липучки отклеились. Руку пронзила боль. Но Денис не разжал пальцы, удерживаясь на месте за рукоять ножа.

— Работайте ножами!

Еще рывок!

Нож прорезал желеобразную стенку трещины, и вся связка барахтавшихся людей покатились по льду к сужению тоннеля.

— Ножи! — прохрипел Денис, распластавшись по скользкой поверхности. — Вбивайте ножи в пол!

Все замахали ножами, проделывая в подрагивающем материале «пола» шрамы и разрезы. Наконец усилия всех четверых сложились в дружное действие, и, ударившись о невысокий — полуметровый — кольцевой уступ, космонавты остановили скольжение.

— Уф! — выдохнул Шилов. — Зацепились! Ползем назад!

— У меня нет сил! — проговорил, задыхаясь, Абдулов.

— Отдыхайте, — сказал Денис, не поднимая головы. — Это я виноват. Не надо было разрешать этот эксперимент.

— Феликс Эдуардович виноват, его идея.

— Смотрите! — сдавленным голосом произнес Глинич.

Денис приподнял голову, напрягая мышцы рук, чтобы не сорваться с места.

— Что ты там увидел?

Эксперт, приподнявшись над уступом, смотрел в горло тоннеля, точнее, в окно, которым заканчивалась труба Окурка. Денис осторожно высунул голову и стиснул зубы, перекусывая изумленный возглас.

Подняли головы и Шилов с Абдуловым.

— Мать честная! — прошептал старлей.

Впереди простиралась... бездна!

То, что они принимали за продолжение тоннеля, за «газовый хвост кометы», изнутри представляло собой бездну пространства! Только не черную, а сияющую перламутром, усеянную мириадами искр! Возможно, это были звезды, образующие «небо», сплошную сферу вокруг окна, возможно, такова была структура этого пространства, но ощущение бездны не проходило, и у наблюдателей начала кружиться голова.

— Что это?! — просипел Шилов.

— Выход, — пробормотал Глинич.

— Какой выход?!

— Откуда мне знать? Запасный... или аварийный...

— Что ты мелешь, Феликс?

— Ну-ка, ну-ка, — хмыкнул Абдулов. — Продолжай, Феликс Эдуардович. О каком выходе речь?

— Это мои фантазии...

— Выкладывай, — поддержал штурмана Денис.

— Издеваться не будете?

— Клянемся!

— Окурок не комета — искусственный объект, случайно залетевший в нашу Систему. Его создали не люди и очень давно, на заре рождения Вселенной.

— Зачем?

— Ну, не знаю... может быть, для связи с другими Вселенными... надо думать... но факт налицо: перед нами выход в иной мир.

— М-да! — с чувством произнес Шилов. — Полная шиза! По мне, лучше бы это был выход к базе.

— Интересная гипотеза, — искренне сказал Денис. — Запасный выход... вот только как он здесь оказался?

— Вопрос не ко мне.

— А вообще, тебе не кажется, Феликс Эдуардович, что нам везет? Год назад мы наткнулись на один экзотический объект — Ирод, теперь на Окурок...

— Везет.

— Господа, все это хорошо, — проговорил Шилов, ..

ваши восторги впечатляют, но не пора ли подумать о возвращении? Или вы собираетесь прыгнуть в эту дыру?

— Почему бы и нет? — философски отозвался Глиннич.

— А я умом еще не тронулся, — фыркнул старлей. — Я домой хочу, к жене и детям, их у меня трое.

— Будем возвращаться, — тихо сказал Денис, добавив про себя: «Если хватит сил».

В наушниках вдруг раздался чей-то голос. Женский. Уверенный и насмешливо-сердитый. Говорили по-английски:

— Джентльмены, как долго вы собираетесь там сидеть, на дне?

Космонавты вздрогнули. Денис оглянулся.

В невероятной дали, там, где виднелась черная точка — выход из трубы Окурка в «нормальный» космос, — замигал огонек.

— Кэтрин, вы?!

— Совершенно верно, майор Молодцоу. Кажется, теперь моя очередь вас вытаскивать. Не возражаете?

— Нет!

— Как вас угораздило?

— А как вы догадались, что мы в за... э-ээ, в яме?

— Вы стартовали чуть раньше, а поскольку, кроме китайского «челнока», возле Смока никого не видно, мы поняли, что вы нырнули внутрь. Ну и подстраховались.

— Так это не вы обстреляли моих парней?

— Что?! Вас обстреляли?!

— Значит, это все-таки сделали китайцы...

— Вас обстреляли китайцы?

— Похоже, они.

— Вот почему они так странно повели себя... Заявили, что Смок...

— Мы назвали эту штуковину Окурком.

— Оригинально, но не суть важно. В общем, они заявили, что Смок принадлежит им. Пришлось напомнить китайским коллегам Хартию космического сотрудничества: внутри Солнечной системы действует Устав ООН, ну и так далее. Они попытались нам помешать, но не смогли.

— Все это пре расно, — не выдержал Абдулов, — однако нас вот-вот засосет в дыру. Как вы собираетесь вытаскивать нас отсюда?

— Держитесь, господа, что-нибудь придумаем.

Денис вспомнил улыбающееся красивое лицо Кэтрин Бьюти-Джонс, капитана американского шаттла, и подумал, во-первых, что долг платежом красен, а во-вторых, теперь его очередь приглашать спасительницу к себе в гости. Естественно, после того как они вылезут из трубы «запасного выхода», созданного неизвестно кем, неизвестно для каких целей и ведущего в иные Вселенные.

Но как принято говорить в таких случаях, это уже другая история.

МЕТЕЛЬ НАМ ПЕЛА ПЕСЕНКУ...

десь, наверное.

Кабинет — пять на три. Мебелишка потрепанная, со светлой покоробившейся полировкой. На столе, под плексигласом, — календарь, какие-то бумажки. Невнятный плакат на стене: кошки-собачки.

Девица — тут же. Невзраченькая, с мышинным хвостиком волос.

— А бланки где у вас?

— Да какие там бланки...

И в слезы.

И в дверь.

И только каблучки зацокали, удаляясь.

Волька озадачился. Экое, право, начало.

Прошелся вдоль стен. Старый вытертый паркет поскрипывал и щелкал. От окна поддувало: линияые шторы выгибались пузырем.

Заведение культуры, н-да...

— Что, устраиваться?

Волька едва не подпрыгнул от неожиданности. Оглянулся через плечо.

Там, у входа, опершись плечом о косяк и сунув руки в карманы, стоял невысокий, крепко сбитый, с намечающейся плешью. Пышные усы спускались к подбородку.

— Да я, вот...

— Угу, — кивнул тот, у двери, понимающе. — А Нинка где? Опять убежала? Вот свиристелка... Спишут ведь

вчистую. — Выпрямился, поскреб подбородок. — Бланк небось тебе нужен? — спросил.

Волька кивнул.

Мужик шагнул к столу, потянул ящик. Склонился, перебирая бумаги и бормоча неразборчиво.

— Ага, — сказал наконец. — Вот, стало быть, — протянул Вольке бланк. — На имя Панкратия Исидоровича Черного пиши. И главное, срок укажи: с завтрашнего числа и по седьмое. Чтобы потом претензий не было, — добавил. — В сто вторую занесешь, — сказал еще напоследок.

Кашлянул глухо и вышел.

Волька присел за стол, склоняясь над бланком.

Где-то вдалеке играла бравурная музыка, говорили что-то неясное. «И славные рыцари...» — донеслось только.

Веселятся, подумал Волька. Пляшут и поют. Славные рыцари, поди ты.

Он вздохнул и потянулся за авторучкой — та торчала в стаканчике здесь же, на столе. Разглядел бланк.

В верхней части — логотип: лев на задних лапах с улыбающейся маской на морде. Ишь ты. Впрочем, кому какое дело? И страньше бывало.

«Директору ЗАО «Терпсихора» Черному П.И. ...» — начал он.

Вдали зазвенело железо, потом кто-то взревел: надсадно и яростно.

Волька прислушался, но рев не повторился, звон тоже стих. С минуту ничего не происходило, но вот — сдвоенные шаги в коридоре, дребезжание железа, легкий скрежет. Затем дверь распахнулась.

Двое. Один: в темно-зеленых бриджах, черно-зеленой куртке с красными вставками по рукавам, пояс с кольцами белого металла. У пояса — короткий кинжал в простых черных ножнах. Пепельные волосы спадают на уши, в правой мочке — крупная медная серьга с гранатом. Замшевые сапожки. Второй — в кольчуге, металлические вставки через грудь, волосы под бармицей, полосы сажи на щеках. Тяжеленные с виду сапоги с металлической окантовкой. Несут кого-то: с натугой, по-над самым полом. Третьего.

В латах. Волочится ружа: покоробившийся обгорелый металл перчатки скребет по паркету.

— Давай, заноси. Осторожней, осторожней.

Опустили под стену (латы щелкнули коротко). Тот, что в кольчуге, привалился рядом. Стянул сетку бармицы с головы: волосы слиплись, топорщатся в стороны. Справа, по груди, через металлические бляхи — глубокая вмятина.

— Леха, — прохрипел второму, с серьгой. — Гони за доктором, Леха. Где-то он возле Сидора терся. Давай.

Леха кивнул, рванул к двери. Дробно затоптал по коридору.

Волька смотрел на все это растерянно.

Этот же, сидящий, отстегнул от пояса флягу, запрокинул голову, ерзая кадыком. Закашлялся.

— Твою мать, — выдохнул.

Лежащий под стеной застонал и слабо шевельнулся.

— Тихо, Семен, тихо, — сидящий приподнялся, придержал лежащего за плечо. — Сейчас Леха доктора приведет, — облизнул губы. — А таки мы его сделали, Семен. — Посмотрел на Вольку через плечо. — Новенький? — спросил. — Новенький, — пробормотал, не дожидаясь ответа. — Наблюдай, новенький, как у нас здесь. Весело... — сплюнул в угол.

Волька лишь сглотнул. Сказать, что все это было неожиданным... Куда ж, однако, мы попали? ЗАО «Терпсихора», значит...

А в дверях нарисовался уже Леха. С ним — старенький врач: бородка клинышком, пенсне даже на переносице. Добрый доктор Айболит, судя по всему. И два оглоеда — в белом и с закатанными рукавами. Группа прикрытия, стало быть.

Айболит присел, провел ладонью над грудью лежащего, поглядел на второго.

— Что, — проговорил, — опять попались? Говорили же вам... Берите-ка, ребятки, — уже оглоедам. Те нагнулись слаженно, подхватили Семена под руки и за ноги, понесли.

Айболит с Лехой помогли встать второму. Тот шагал

тяжело, приволакивая ногу. Обернулся от дверей, помахал Вольке.

— Давай, новенький. Встретимся...

Некоторое время Волька сидел, словно пришибленный. Вот, значит, как. А главное — им же говорили. Это что ж получается — не впервые, что ли? Просто обладеть.

Так стоит ли?

Он снова поглядел на бланк.

А впрочем...

«Заявление...»

Едва успел начать писать и — поднял голову. Похоже, по коридору опять кто-то шел. Равномерно стучала деревяшка. Тым-тым-тым... Палка? Костыль? Детские санки?

Скрипнула дверь.

— Табачку не найдется?

На пороге стоял... Пират? Да, наверное. Распахнутый, не первой свежести камзол. Треуголка. Седая косичка парика. Деревянная нога и черная повязка на одном глазу. В руке — трубка с прямым чубуком.

Волька похлопал по карманам, достал пачку.

Одноногий ловко выщелкнул пару сигарет, распотрошил их над листом бумаги, орудуя узким, синеватой стали ножом, ссыпал табак в трубку. Примял большим пальцем, чиркнул спичкой. Выдохнул серое кольцо в потолок.

— Красота, — протянул. — Отвыкаешь ведь, — сказал, глядя на Волькину курточку. — Пятнадцать, мать его, человек на сундук мертвеца... А чтобы стопочку кто налил — так скорее удавятся.

Вокруг левой глазницы у него виделось из-под повязки — блеклое, но явственное — красно-синее месиво шрамов.

— Здоровский грим у вас, — кивнул Волька.

Пират затянулся опять.

— Грим... — бормотал. — Выйдешь вон работать — узнаешь, какой грим. — Притопнул деревяшкой. — Час который? — спросил.

— Три почти, — глянул Волька на часы, а одноногий поскреб подбородок.

— Пора, — сказал. — Встретимся небось, салажонок, —

сказал через плечо и затянул хрипло: — Когда воротимся мы в Портленд, клянусь, я сам взойду на плаху...

Вновь стукнула дверь

«Вот только в Портленд воротиться — не дай нам, боже, никогда...» — донеслось. Потом хлопнула еще дверь — дальше по коридору, и голос стих.

Волька потер ладони. Все страньше и страньше. Но — интересней и интересней. Чем же закончится-то?

«Прошу принять меня на работу... С условиями труда...» Дата. Подпись.

Куда теперь? В сто вторую, что ли?

А где у нас сто вторая? Возле сто первой, надо полагать.

Волька выглянул в коридор: лампы горели через одну, пыльные тени толпились по углам. Вытертый линолеум, плохо крашенные плинтусы.

Похоже, в ту сторону, налево.

За спиной коридор изгибался вправо: где-то там были подмости.

Около сто второй, вплотную к стене, стоял стул: старенький, с деревянным жестким сиденьем. Что-то в его пропорциях было не так, но с расстояния оставалось непонятным — что. И лишь подойдя вплотную, Волька понял, в чем дело: ножки у стула были урезаны почти вполювину. Для наших маленьких друзей, видимо. Колобок там или Чебурашка какой.

Дурдом форменный.

Из-за двери доносились голоса. Волька прислушался.

— А ты куда смотрел, Егор? — раздраженно спрашивал знакомый уже голос усатого мужика. — Тебя я о чем просил?

— Да, Викторыч, не углядишь ведь! Ты ж знаешь, как оно бывает. Как инстинкт все равно что: хоп — и готово...

— Я тебе дам «и готово»... Это с драконом такие номера проходят: зрители в восторге, а обормоты на роль всегда найдутся. Нервы, опять же, пощекотать. А здесь что прикажешь делать? Опять объявление давать будем? Третий раз за неделю...

— Так ведь и в сценарии сказано: «...и проглатыва-

ет», — заметил осторожно третий голос. — Мы ведь строго придерживаемся...

— Ты-то хоть помолчи, Варвара-краса... Не тебе ж теперь перед Исидоровичем отдуваться. Намылят вот мне холку — на вас ведь отыграюсь, так и знайте!

Волька осторожно постучал. Потянул за ручку.

Усатый («Зам. директора по кадрам Ормусов Г.В.» — вспомнилась Вольке табличка возле двери) нависал над двумя, что сидели тут же, у стола. Один был большой, на полкабинета, в коричневом меховом трико и в гриме: по щекам и подбородку бежала бурая шерсть, лишь глаза высверкивали. Вторая — в безрукавке, мехом наружу, хвост свисает со стула, рыжие волосы растрепаны и лишь кое-как собраны в пучок на затылке. Оба — потупившиеся. Распекают их, похоже.

— Можно? — шагнул вперед Волька, чувствуя себя довольно неловко.

Усатый глядел искоса.

— А-а, новенький... Написал? — протянул руку.

Волька отдал заявление. Кадровик проглядел: быстро, наискось.

— Годится, — сказал. Протянул тонкую картонную папку. — На вот. Сценарий. Просмотри до завтра. Ничего сложного — с ходу играть можно.

Волька кивнул, а усатый помахал рукой.

— Завтра — в восемь утра: познакомлю с остальными. Все, извини.

И опять повернулся к этим двоим.

Волька тихонько прикрыл за собой дверь.

— В общем, — донеслось, — чтобы в последний раз. Повторится — вышибу сразу. К ветеринарам пойдете, на опыты.

Волька хмыкнул и неспешно пошел к выходу, заглядывая на ходу в папку. Было там с десятков страниц, текст незамысловатый. «Это — чтобы тебя лучше слышать...» и все такое прочее. На последней странице зацепился глазами: «Охотники разрубают Серому Волку живот, и оттуда выходят невредимые бабушка и Красная Шапочка». Добрая детская сказка со счастливым концом.

На крыльце он постоял, прикуривая сигарету, кинул спичку в снег. Елка у входа была наряжена, лукаво перемигивались лампочки.

Проехала машина. «Говорят, под Новый год, что ни пожелается...» — тянулась вслед песенка.

Волька выдохнул дым и пошел ловить маршрутку.

* * *

*Директору ЗАО «Терпсихора»
Черному Панкратию Исидоровичу
от Агенцова Владимира Павловича*

ЗАЯВЛЕНИЕ

Прошу принять меня на работу на должность «Серый Волк» для проведения новогодних шоу на срок с 30 декабря ... года по 7 января ... года. С условиями работы ознакомлен и согласен.

Инструктаж по технике безопасности на рабочем месте прошел.

29 декабря ... года. Агенцов В.П.

ПОЛОВИНКИ

кции «ТехЭнергоЭкспорта» не могли упасть на шесть пунктов только из-за неудачного высказывания финансового директора. Проблемы бывают у всех, даже у китов, но спекулянты не станут сбрасывать столь мощные активы после одного интервью. Должно быть что-то еще...»

В биржевых играх важна каждая мелочь, каждый слух, каждое слово. Любое высказывание может привести к взлету или, наоборот, падению акций. К резкому выигрышу или крупным финансовым потерям. Игорь Тареев знал эти законы лучше других. Он умел играть, был настоящим профессионалом, которому доверяли большие деньги. Принадлежащая Тарееву брокерская компания процветала, сам Игорь славился чутьем, информированностью, удачливостью, но ситуация с «ТехЭнергоЭкспортом» ставила его в тупик.

«Сбрасывать или подождать?»

— ...альбом. Светка уже заказала столик. — Марина допила кофе и посмотрела на часы. — Ой, опаздываю. У меня переговоры через двадцать минут.

«Новый альбом? Ах, да, поп-идол десятилетней давности пытается вернуться в обойму». Игорь припомнил, что вчера вечером Маринка долго щебетала с подругами, обсуждая потертого кумира не столь давней юности. Сколько им было во времена расцвета героя? Лет по четырнадцать? По пятнадцать? Судя по последним словам, щебетание за-

кончилось твердым решением посетить мероприятие и воочию полюбоваться на лысеющего кумира.

— Я заеду за тобой в офис, — предложил Игорь.

Он совершенно не помнил, о каком клубе говорила девушка.

— Прекрасно! До вечера.

Она позволила себя поцеловать и упорхнула. Нет, правильнее будет сказать, стремительно умчалась, на ходу превращаясь в железную бизнес-леди. Спокойную, уверенную и деловитую — несмотря на молодость, Маринка уже стала партнером в крупной юридической фирме.

Тареев с улыбкой проводил взглядом выбежавшую из кафе подругу и рассеянно потянулся за счетом.

«Кому же позвонить по поводу «ТехЭнергоЭкспорта»? »

— Ваша жена?

Игорь удивленно повернулся к задавшему вопрос человеку. Прищурился, пытаясь выбрать наиболее подходящий вариант ответа, но голова была занята необъяснимым падением котировок, и пришлось ограничиться недружелюбным:

— Какое ваше дело?

За соседним столиком сидел подтянутый старик в старомодном костюме-тройке. Сухонький, абсолютно седой, очень морщинистый, но с большими, горящими, как у юноши, глазами. С очень молодыми глазами, как машинально отметил Игорь: быстрыми, живыми, очень внимательными.

— Позвольте извиниться, — искренне произнес старик. — Честное слово, я совсем не рассчитывал, что мой вопрос прозвучит бестактно. Простите меня.

В его голосе было столько неподдельного раскаяния, что Тарееву стало немного стыдно за резкость.

— Моя невеста, — слегка извиняющимся тоном произнес Игорь.

— Очень красивая, — сдержанно кивнул незнакомец.

И замолчал. Но продолжал смотреть на Тареева, явно надеясь на продолжение разговора. «Какого черта?» Игорь посмотрел на часы — пора бы вернуться в офис, и, неожиданно для самого себя, спросил:

— Почему вы решили, что она моя жена?

— А вы не обидитесь?

— Обещаю.

— Хорошо. — Старик улыбнулся и протянул руку: — Александр Александрович. Но, пожалуйста, называйте меня Сан Саныч.

— Очень приятно, Игорь. — Тареев пожал крепкую ладонь старика. — Так почему вы решили, что Марина моя жена?

— Потому что вы расстались обыденно, — объяснил Сан Саныч. — Очень обыденно. Так, словно прожили с этой женщиной не один год. И еще вы не очень внимательно ее слушали.

— Мы вместе семь месяцев, — буркнул Игорь.

— Это большой срок. — Старик произнес эту фразу так, что Тареев не понял, серьезно он говорит или с издевкой. — Вы хотите сказать, что семь месяцев назад все было по-другому?

— Э-э-э... Наверное. — Игорь снова взглянул на часы. — Но почему вас это интересует?

— Дело в том, что я профессор психологии... — Сан Саныч правильно истолковал резкий взгляд Тареева и замахал руками: — Нет-нет, не волнуйтесь, Игорь, я на пенсии и давно не практикую. Более того, не пишу научных трудов, так что можете быть абсолютно спокойны — вы не являетесь объектом исследования.

— Тогда к чему ваши вопросы?

— Проклятая привычка, — обезоруживающе улыбнулся старик. — Я специализировался в семейной психологии. В том, что обычно называют любовью.

— Интересно, — обронил Тареев.

— Очень интересно, — охотно согласился Сан Саныч. — Игорь, вы позволите задать еще один вопрос?

— Последний?

— Как захотите.

— Задавайте.

— Вы полюбили ее с первого взгляда?

— Можно сказать и так, — медленно ответил Тареев, машинально припоминая первую встречу с Маринкой.

Она представляла интересы крупного инвестора и пы-

тала Игоря по каждому пункту контракта. А он путано отвечал, отчаянно пытаясь совладать с эрекцией — строгий деловой костюм превосходно подчеркивал изысканную красоту Марины. После подписания договора Игорь послал прелестному юристу огромную корзину роз и пригласил в Большой на премьеру.

— Мне хорошо с ней.

— Насколько хорошо?

— Очень.

— Вы принимаете снотворное? — неожиданно спросил Сан Саныч, внимательно глядя в глаза Тареева.

Глядя внимательно и профессионально. До сих пор Игорь видел такой взгляд лишь однажды, на приеме у крупного медицинского светила, врача от бога. Старик смотрел внутрь Тареева, видел насквозь, и лгать ему было бессмысленно.

— Принимаю, — кивнул Игорь. — Почти... Да какое «почти»? Каждый вечер принимаю. — Он пожал плечами. — Я устаю. Бизнес. Закрываю глаза и вижу монитор с таблицами. Или продолжаю переговоры. Если бы не снотворное, я бы проводил на работе двадцать четыре часа в сутки. А так удается поспать.

Сан Саныч понимающе посмотрел на Тареева, отвел взгляд, медленно провел пальцем по столешнице.

— А в те дни, когда вы ночуете с Мариной, вам тоже приходится пить снотворное?

— Конечно, — пожал плечами Игорь. И только потом понял смысл вопроса. Прищурился. — Разве это важно?

— Если вам действительно хорошо с этой женщиной, то неважно, — задумчиво сказал старик. — В конце концов, современные средства не вызывают привыкания и гарантируют спокойный, глубокий сон.

— Мне нужны таблетки, чтобы успокоиться. Какая разница, с Маринкой я засыпаю или нет?

— Вы прекрасно ответили на свой вопрос, — вздохнул Сан Саныч. — Нет разницы. С любимой вы засыпаете или нет. Вы ни минуты не слушали ее во время обеда и едва заметили, что она ушла.

— У меня сложный день.

Но старик не слышал Тареева.

— Вы прекрасная пара. Успешные, красивые, яркие, но где искра? Где огонь? Помните старую легенду? О том, что каждый человек лишь половинка чего-то целого и должен найти свою вторую часть? Вторую половинку своей души.

— Я свою половинку нашел, — твердо сказал Игорь.

Но Сан Саныч вновь не отреагировал на его слова. Старик говорил негромко, но очень искренне. Не поучал, а скорее рассуждал, могло даже показаться, что Сан Саныча не очень-то и волнует, слушает его Тареев или нет.

— Ошибиться невозможно. Свою половинку нельзя воспитать, вырастить, притереться к ней. Ее можно только найти. Кому-то везет, он встречает свою судьбу в школе, в институте, в соседнем подъезде. Кто-то ищет всю жизнь, заводит семью, детей, но так и остается один. Кто-то не ценит свое счастье и легко расстается со своей половинкой, а кто-то... — Старик жестко посмотрел на Игоря. — А кому-то не следует ее искать.

Тареев вздрогнул — настолько откровенным был взгляд Сан Саныча.

— Даже так? Не следует искать?

— Да, не следует искать.

— Но я уже нашел ее.

Старик покачал головой.

— Игорь, сколько раз вы бросали все дела ради того, чтобы приехать к Марине среди дня и взять за руку? Потому что соскучились?

Тареев честно попытался представить себе эту картину: он мчится в офис к Маринке, врывается в переговорную и берет девушку за руку.

— Но это безумие.

— Разве не безумие делает нас настоящими людьми?

— Это говорит психолог?

Сан Саныч пропустил язвительное замечание мимо ушей.

— Один совет на прощание, Игорь. Когда встретите свою вторую половинку — бегите. Плачьте, стискивайте зубы, изнывайте от тоски, но бегите. Бегите изо всех сил.

Старик поднялся, поклонился с церемонной старомодностью и медленно направился к дверям. Удивленный Тареев только развел руками. Странная встреча, странный разговор, странный совет. Нет, ребята, психологам, даже бывшим, надо запрещать покидать пределы клиник. Они от своих клиентов такого набираются, что к нормальным людям их пускать нельзя. «Бегите изо всех сил!» Идиот! Игорь усмехнулся, тоже встал из-за столика и, уже подходя к дверям, услышал недовольный голос одного из посетителей:

— Черт побери, где мой бифштекс? — Румяный мужчина удивленно смотрел на тарелку. — Я отрезал всего кусочек!

— Ну, ты проглот, — захохотали спутники румяного. — Слопал мясо и не заметил. Не завтракал сегодня?

— Черт, я же говорю — только начал есть! — Мужчина ошарашенно огляделся, словно пытаясь найти вора. — Один кусочек отрезал!

Бывшей звезде вполне удавалось зажигать. Потрепанный мачо радостно скакал по небольшой сцене, вертелся вокруг подтанцовывающих девочек и вполне правдоподобно делал вид, что вытягивает ноты самостоятельно. Повзрослевшие фанатки бушевали на танцполе и требовали старых хитов. Кумир счастливо улыбался и исполнял. Игорь, задумчиво потягивающий за столиком коктейль, с улыбкой наблюдал за раскрасневшейся Маринкой, лихо извивающейся перед эстрадой в компании ровесниц.

— Девчонки в восторге, — усмехнулся Боря, кавалер Светы. — Даже о нас забыли.

— Я не против, — рассмеялся Тареев. — Не хватало еще плясать под такую музыку...

И резко замолчал, поймав на себе взгляд незнакомой девушки.

Нет, скорее девочки. Хрупкой, еще немного угловатой, в дешевом зеленом платье и с косичками. С двумя косичками! Она стояла у бара и не сводила глаз с Игоря. Тареев отвернулся, вновь приложился к бокалу, но взгляд незна-

комки манил, притягивал, и Игорь снова обернулся к стойке. Она по-прежнему стояла у бара. И по-прежнему смотрела прямо на него. И даже сквозь клубный полумрак Тареев сумел разглядеть огонь в ее глазах. Пленительную искру, заставившую учащенно забиться сердце. «Что за черт? Я ее знаю?»

— Гарик, ты кого там увидел? — Боря допил коктейль и немедленно приступил к следующей дозе. — Слушай, я анекдот вспомнил...

Оторваться от глаз незнакомки было невозможно. Игорь резко поднялся на ноги.

— Боря, я сейчас. Там знакомые... кажется... надо поздороваться.

Он потерял девушку из виду всего на мгновение, но этого оказалось достаточно. Когда Тареев добрался до стойки, хрупкой обладательницы детских косичек там уже не было. «Я пьян?» Еще глоток коктейля из предусмотрительно захваченного с собой бокала и... Игорь чуть не поперхнулся — девчонка стояла в противоположном конце помещения. У выхода. Дешевое зеленое платье до колен, узкие плечи и глаза... Глаза, которые накрыли Игоря с головой. У него задрожали руки. «Да что происходит, черт побери?!» Девушка медленно повернулась и вышла из зала. Тареев машинально сделал шаг следом.

— Ищешь кого? — Маринка обняла Игоря за шею. — Пойдем, потанцуем.

— Мне что-то не очень... — Тареев поставил недопитый бокал на стойку, рассеянно поцеловал подругу в щеку. — Марин, я выйду на улицу, подышу.

Она удивленно хлопнула ресницами.

— Тебе плохо? Давай уедем.

— Пройдет... — Игорь потер лоб. — Если не пройдет — уедем. Я скоро.

Освободился от объятий и, на ходу закуривая сигарету, быстро направился к дверям.

Она стояла рядом с его машиной. Худенькая, угловатая, с двумя косичками. «Интересно, как она прошла фейс-контроль? В этот клуб малолеток не пускают». Игорь доку

рил сигарету, растоптал каблуком, подошел к машине и, не глядя на девушку, отрывисто спросил:

— Как тебя зовут?

— Настя.

— К тебе или ко мне?

— К тебе.

— Садись.

Они молчали всю дорогу. Они встретились, что еще нужно? Могучий консьерж кинул на Настю удивленный взгляд: новая знакомая Тареева не соответствовала обычному уровню его подруг — но высказаться не посмел. Игорь спокойно провел Настю к лифту, нажал на кнопку своего этажа, а оказавшись в коридоре, кивнул на дверь.

— Сюда.

Первое слово с тех пор, как они уехали из клуба.

В обширном холле тареевской квартиры Настя нерешительно остановилась, но Игорь взял девушку за руку и молча, уверенно провел в спальню. Она не протестовала. Только попросила:

— Не включай свет.

Он подчинился, отдернул потянувшуюся к выключателю руку и принялся молча раздеваться. Пиджак, сорочка, брюки... Вопреки обыкновению, Игорь не складывал одежду, а швырял ее на пол. Резко стаскивал и швырял, грубо, почти зло, словно дорогие тряпки были в чем-то перед ним виноваты. Тареев не мог понять, что с ним происходит. Какая сила заставила его, хладнокровного и расчетливого бизнесмена, бросить любимую женщину и приехать домой с этой тощей и не очень красивой замухрышкой? Он не мог понять. Не мог объяснить. Но и не мог поступить иначе. Сердце, сорвавшееся с цепи в клубе, разрывало изнутри грудь и подсказывало, кричало: «Это она!»

Она?

Что за безумие?

А разве не безумие делает нас настоящими людьми?

Раздевшись, Игорь обернулся к девушке и замер.

Настя робко стояла около кровати. Тоненькая, хруп-

ка, немного угловатая. Она развязала косички, и пшеничные волосы рассыпались по узким плечам. Маленькие острые груди торчат в разные стороны, длинные пальцы закрывают треугольник волос внизу живота, а на шее бешено пульсирует крохотная жилка. Настя стояла в нескольких шагах от Игоря, свет в спальне он так и не включил, но даже в непроглядной тьме Игорь видел и сморщенные соски, и огонек в серых глазах и крохотную, едва уловимую жилку на шее. Он видел так отчетливо, будто девушка стояла совсем рядом. Видел так, будто ее озаряло волшебное сияние. И он понял, что даже если закроет глаза, то все равно увидит каждую черточку Насти. Каждый ее волосок, каждую родинку.

И, едва ли не впервые в жизни, Игорь почувствовал робость наедине с женщиной. Молчаливая уверенность, с которой он вез Настю домой, сменилась юношеской застенчивостью, ожиданием... — нет, пониманием! — приближающегося чуда. Пониманием, что этот раз станет особенным.

— Я тебя вижу.

Игорь откашлялся.

— Я знаю, — очень тихо ответила Настя. И улыбнулась.

Он подошел, взял ее руку и нежно, очень-очень нежно поцеловал тоненькие пальцы. Девушка закрыла глаза, судорожно вздохнула и прильнула к Игорю. Он понял, что дрожит. Не от возбуждения. От счастья. От волшебного ощущения слияния с женщиной. Он поцеловал каждый пальчик Насти, поцеловал пшеничные волосы и маленькие розовые ушки. Он медленно увлек ее на кровать, он гладил ее острые груди, плоский живот, узкие бедра. Он наслаждался прикосновениями к прозрачной коже и сухой сладостью ее губ. Игорь не говорил ничего, молчал, но знал, что Настя слышит стук его сердца, дрожь пальцев и шепот дыхания. Слышит и читает их, как открытую книгу. Зачем слова, если одно его прикосновение говорило Насте больше, чем многословные объяснения? Зачем слова, если ее горящие глаза говорили Игорю больше, чем тысячи признаний...

И когда он понял, что пришло время, то медленно вошел в Настю, замер, почувствовав сопротивление, но продолжил движение, стараясь быть аккуратным и нежным. Он был первым.

У Марины был ключ от квартиры, и ее прекрасно знала охрана. Открыв дверь, она прошла по коридору, услышала шум воды в ванной и остановилась, тяжело прислонившись к стене. Ее переполняли обида, ярость, ненависть, но Марина ни за что бы не ворвалась за закрытую дверь, из-за которой доносились негромкие голоса, мужской и женский. Она и без того была достаточно унижена.

Марина стояла, кусала губы и изо всех сил старалась сдерживать слезы. За дверью выключили воду, некоторое время слышалось шуршание полотенец, а потом из ванной вышел Игорь, держа на руках тощую белокурую девушку.

— Я так и думала, — хрипло произнесла Марина.

Тареев молча посмотрел на бывшую подругу. Красивая, красивая до боли. Чуть-чуть силикона в губы и грудь, фитнес и диеты, тряпки из бутиков и коллекционные туфельки. Красивая до боли и чужая. Сейчас — чужая абсолютно. А раньше?

Марина сделала два шага и сильно ударила Игоря по щеке.

— Мерзавец! Дрянь! — Он продолжал молчать. Еще удар. Его щеки стали красными, по ее текли злые слезы. — Какой же ты мерзавец! Отпусти эту тварь!

Игорь качнул головой, крепче прижал к себе дрожащую Настю.

— Нет.

Марина швырнула ему в лицо ключи от квартиры. Острое железо оцарапало щеку, но Тареев даже не вздрогнул. Марина плюнула в него и третий раз ударила по щеке. Он только опустил глаза. И не поднимал взгляд до тех пор, пока рыдающая Марина не исчезла за громко хлопнувшей дверью. Только после этого Игорь отнес Настю в спальню и опустил на кровать.

— Хочешь вина? Фруктов?

— Принеси, пожалуйста, воды.

— Воды?

— Из-под крана.

Она жадно выпила целый бокал простой воды из-под крана, забралась под одеяло и прижалась к Игорю всем телом.

— Я счастлива.

— Мы.. — Он обнял узкие плечи и зарылся лицом в пшеничные волосы. — Мы счастливы, Настя. Мы.

И впервые за много лет Игорь заснул почти сразу, едва закрыл глаза. Заснул спокойным, безмятежным сном. Заснул без помощи снотворного.

* * *

Он проснулся один. Совершенно один в огромной пятикомнатной квартире. Он открыл глаза и понял, что Настя ушла. Не выскользнула в ванну или на кухню, чтобы сварить утренний кофе, а ушла, покинула его дом.

Навсегда? Вопрос напугал Игоря. Нет, разумеется, нет. Она ненадолго отлучилась. В институт или на работу. Или домой, успокоить родителей. Настя обязательно перезвонит, скажет, где они встретятся, он услышит ее голос... Но Игорь не мог ждать, не мог полагаться на случай, не мог отсчитывать мгновения тоскливого ожидания.

— Я должен найти ее, — твердо заявил Тареев своему отражению в зеркале ванной. — Немедленно.

Но как? Что он знает, кроме имени? Примерный возраст? Внешний вид? Не слишком ли мало информации, чтобы отыскать любимую в десятиmillionной Москве?

Любимую? Игорь не сразу понял, что назвал Настю любимой. Конечно, любимую! Единственную! Половинку... И застыл, забыв выгтащить изо рта зубную щетку.

Половинка. Женщина, предназначенная для меня. Кусочек меня самого.

Тареев вымыл щетку и сполоснул рот. Имел ли смысл вчерашний разговор? Встреча с психологом на пенсии: совпадение или нет? Игорь вытер лицо, аккуратно повесил

полотенце на крючок и вышел из ванной. Вероятность совпадения — мизерная.

А раз так, он знал, где искать Настю.

— Игорь Александрович, от Манаяна звонили уже три раза. «ТехЭнергоЭкспорт» упал еще на девять пунктов...

— Зина, я приеду не раньше обеда. Я заболел. У меня личные проблемы. Я на важных переговорах, все понятно?

— Вы будете в обед, — слегка обиженно повторила секретарша.

— Правильно.

Тареев убрал телефон в карман, вошел в кафе и внимательно оглядел зал. Они сидели за самым дальним столиком. Настя, все в том же дешевом платице, и Сан Саныч в старомодной тройке. Девушка завтракала — перед ней стояли две тарелки с омлетом и десертом и бокал с соком. Психолог-пенсионер ограничился чашкой кофе. Игорь молча подошел к столу, без приглашения присел и коротко, почти враждебно, поинтересовался:

— Что все это значит?

— Я не могу обвинять тебя, Настя, — ровным голосом произнес Сан Саныч. Он проигнорировал появление Тареева и спокойно продолжал начатый до появления Игоря разговор: — Но считаю, что ты поступила неправильно.

— Мы созданы друг для друга, — ответила девушка. — Мы половинки.

И продолжила завтракать. Пирожное, дожидавшееся своего часа на второй тарелке, было надкусано, словно Насте не терпелось попробовать сладкого. А на бокале с соком Игорь заметил след губной помады. Странно, вчера девушка косметикой не пользовалась...

— Ты должна думать не только о себе, — глухо сказал Сан Саныч.

Настя доела омлет, вытерла губы и только после этого сказала:

— Теперь уже ничего не исправить.

— Да, — согласился старик, — теперь уже поздно.

— Объясните, в чем дело? — угрюмо поинтересовался Тареев.

— Я не могу. — Сан Саныч вздохнул и поднялся на ноги.

— Далеко собрался?

— Игорь, он не может тебе ничего рассказать, — негромко сказала девушка.

— Не может или не хочет?

— Не может. Ему запрещено.

— Кем?

Сан Саныч медленно побрел к выходу из кафе.

— Что происходит? — Тареев пристально посмотрел на девушку.

Она не отвела взгляда, но ответила не сразу, видимо, пыталась подобрать правильные слова:

— Игорь, я... Я не знаю, кто я и кто мои родители. У меня нет дома, нет семьи, нет документов. Единственное, что связывает меня с миром, — Сан Саныч.

Психолог на пенсии. А она? Бывшая пациентка? Или нынешняя? Тареев жестко посмотрел на девушку, на надкусанное пирожное, на испачканный красным бокал. Снова на девушку — помады на ее губах не было.

— Что ты ешь?

— То, что принес Сан Саныч. — Ее голос дрогнул. — Он ворует и кормит нас украденной едой. Ничего другого нам нельзя.

— Вас? Кого вас?

— Меня и... Нас четверо, сейчас четверо...

Настя наконец решилась, собралась с духом и заговорила быстро, торопливо, словно боясь, что Игорь поднимется и уйдет. Оборвет ее монолог. Не дослушает. Рассмеется. Она говорила быстро, но убежденно, без малейшего сомнения в словах.

— Самое сильное проклятие на Земле — материнское. Самое тяжелое, самое ужасное. Ни одна мать не должна желать вреда своему ребенку. Ни при каких обстоятельствах! Это главный закон. Вечный закон. Один из принципов мира. И если его нарушить, последствия будут страшными.

— Что за сказки? — пробормотал сбитый с толку Тареев.

— Люди делали все, чтобы забыть слова проклятой формулы. Никто, ни темные колдуны, ни ведьмы, ни шаманы, никто не рисковал связываться с этим страшным заклинанием. Материнское проклятие бьет по всем, кто к нему прикоснется, и формула давно исключена из книг. Но иногда ее произносят. — Настя всхлипнула. — По незнанию, случайно. Я верю — случайно! Иногда, в пылу ссор, матери невольно произносят древнюю формулу, не понимая, что она работает! Не думая... — Губы девушки дрожали все сильнее, но она старалась не сбиваться. — Ребенка, на которого легло материнское проклятие, ждет страшная участь. Особенно некрещеного ребенка, за которого совсем некому заступиться. Проклятый родной матерью, он становится отверженным, парией.

— Настя, Настя! — Игорь взял девушку за плечо. — О чем ты говоришь? Что за ерунда? Какие колдуны? Какая формула?

— Моя мать прокляла меня, — бесцветным голосом продолжила Настя. — Случайно! Конечно, случайно, она не понимала, что творит, но теперь никто не в силах отменить действие формулы. Я помню этот день. Я помню, как испугалась, услышав ее слова. — Девушка взяла бокал, на котором остался след чужой помады, и сделала глоток сока. — Я плакала всю ночь. — Еще один глоток. — Я плакала очень тихо, под одеялом, чтобы никто не слышал. — Настя поставила бокал на стол. — А утром пришел старик, Сан Саныч, и увел меня с собой. Ребенку, носящему материнское проклятие, запрещено оставаться в родном доме.

— При чем здесь старик? — нахмурился Тареев.

— Сан Саныч обязан заботиться о нас. Таково его наказание.

— За что?

— Он подарил формулу людям. — Девушка помолчала. — За это ему никогда не будет покоя.

Тареев покачал головой, огляделся — к счастью, слова Насти не долетали до соседних столиков, — и спросил:

— Вечно?

— Сан Саныч дает нам кров, ворует для нас еду и одежду. Он обязан заботиться о детях, которые прокляты из-за него.

Игорь посмотрел на красный ободок на стекле бокала.

— Ворует еду?

В памяти всплыла вчерашняя сценка в кафе: «Официант, где мой бифштекс?» А глаза Тареева нашли надкусанное пирожное.

— Мы имеем право только на проклятую пищу, только на проклятую одежду... — Настя опустила голову. — У меня никогда не было платья, купленного для меня, понимаешь, именно для меня! Все, что приносит Сан Саныч, — чужое. Проклятое воровством. Мы не имеем право ни на одну чистую вещь. — Она подавила рыдания, глубоко вздохнула и совсем тихо закончила: — Прости, что я к тебе пришла.

Бред, бред, девчонка явно больна! Шизофреничка! Плюнуть и бросить! Как там говорил Сан Саныч: «Бегите изо всех сил, когда встретите свою вторую половинку»? Вторую половинку!

Тареев закурил сигарету и посмотрел на Настю. На недопитый сок в бокале, испачканном чужой губной помадой, на надкусанное пирожное, на дешевое платье. Моя вторая половинка? Вчера он равнодушно наблюдал за истерикой Марины, а сегодня всерьез выслушивает идиотский рассказ Насти. Моя вторая половинка? «Бросить?» Игорь понял, что не уйдет, что не оставит девочку. И вряд ли Настя больна. Судя по всему, ей искусно внушили эту историю. Внушили качественно, профессионально, чувствуется рука опытного психолога. Сан Саныча, например.

— Ты мне не веришь? — Девушка в упор посмотрела на Игоря.

Он нежно провел пальцами по ее щеке.

— Я не уйду.

И увидел, как вспыхнули ее глаза. Можно ли подделывать такой огонь?

— Я хочу во всем разобраться. — Тареев понял, что не только не уйдет, но никогда больше не отпустит Настю.

Больна она или обманута — он хочет посмотреть в ее глаза всю жизнь. Вторая половинка.

— Сейчас поймаем такси, и ты поедешь ко мне домой, — приказал он, торопливо царапая на вырванном из записной книжки листке. — Вот ключ. Записку отдашь охране, и тебя пропустят.

Она безропотно взяла ключ, обрывок бумаги. Кивнула.

— Хорошо.

— Я приеду вечером, поужинаем и решим, что делать дальше.

— Я не могу есть то...

— Да, я помню... Я украду для тебя еду.

— Не волнуйся, Гарик, если за девочкой что-нибудь есть — узнаем в два счета. — Петр Круглов, когда-то однокашник Тареева, а теперь майор милиции, весело посмотрел на старого друга. — А все-таки, к чему такие сложности? Раньше ты досье на подружек не собирал.

Игорь задумчиво посмотрел на бокал, с которого эксперты Круглова сняли отпечатки пальцев Насти. Посмотрел, помолчал и коротко ответил:

— Странная она.

— Наркотики принимает?

— Вроде нет.

— Ключи от квартиры просила?

— Э... Я сам их дал.

Круглов удивленно поднял брови:

— А как же Марина?

Петр был хорошим другом, очень хорошим и достаточно близким, но сейчас Игорь не испытывал желания рассказывать о своей личной жизни кому бы то ни было.

— Марина э-э-э... все знает.

От более развернутого ответа Тареева избавил мелодичный перезвон компьютера — пришел ответ на запрос. Круглов, понявший, что Игорь не собирается откровенничать, выразительно покрутил пальцем у виска и уставился в монитор.

— Та-а-ак, Анастасия Крючкова. — Резко замолчал.

Быстро пробежал глазами текст, нахмурился и жестко посмотрел на Тареева.

— Откуда ты знаешь эту девочку?

— Она преступница?

— Она числится среди пропавших без вести.

— Мне передали визитку, Игорь Александрович. — Елена Крючкова внимательно посмотрела на Тареева. — Конечно, я слышала о ваших успехах, но, если мне не изменяет память, у нас не было совместных проектов. — Она чуть улыбнулась. — И не будет.

Крючкова держалась с потрясающим самообладанием и великолепно выглядела: ухоженное лицо, идеальная прическа, тщательный маникюр и немножко драгоценностей. Дорогая женщина в дорогом санатории, дорогая женщина в косметологической клинике... Но Тареев знал правду: дорогая женщина безнадежно больна. Из ЦКБ ей не выбрать, и развязка может наступить в любой день, в любую минуту.

— Елена Сергеевна, я просил о встрече, чтобы поговорить о вашей дочери.

— О Вере?

— О Насте.

В глазах Крючковой мелькнуло недоумение, затем — боль. Острая боль. А потом боль сменилась враждебностью.

— Я ждала кого-то, похожего на вас, — медленно и очень холодно произнесла женщина. — В меру известного, энергичного, с незапятнанной репутацией.

«Ждала? — Игорь насторожился. — Что значит «ждала»? И не слишком ли быстро она поняла, что речь идет о пропавшей двенадцать лет назад девочке?»

— При чем здесь моя репутация?

Искреннее недоумение, прозвучавшее в голосе Тареева, произвело впечатление на Крючкову. Елена Сергеевна внимательно посмотрела на Игоря, выдержала короткую паузу и все еще холодно, но без агрессии сообщила:

— Примерно две недели назад ко мне приходили из

милиции. Интересный такой молодой человек, примерно вашего возраста. Он сказал, что появились новые обстоятельства... Правда, не уточнил какие. Сказал, что расследование может быть возобновлено.

— Вы против? — Тареев удивленно посмотрел на Крючкову. — Если обстоятельства действительно существуют...

— Я слишком цинична, чтобы верить в совпадения, а эти обстоятельства появились очень вовремя, — жестко перебила Игоря женщина. — Я умираю, молодой человек. Я стою восемнадцать миллионов долларов, но вряд ли дотяну до конца месяца. Все, что у меня есть, завещано моей старшей... моей единственной дочери — Вере. Настя умерла.

— Пропала без вести.

— Она официально признана умершей, — отрезала Крюčkова.

И Тареев вновь восхитился ее самообладанием. Сам бы он давно вызвал охрану.

— Рассказни о том, что Настя чудесным образом воскресла, на меня не подействуют, — презрительно продолжила Елена Сергеевна. — Завещание составлено и находится у юриста. У очень хорошего юриста — не рекомендую с ним связываться.

И взяла с маленького столика хрустальный бокал со свежавыжатым соком, всем видом показывая, что аудиенция окончена. Тареев поднялся со стула, чуть поклонился — Крюčkова не шелохнулась, — но не удержался от еще одного вопроса:

— Мне важно знать, что произошло перед тем, как пропала Настя. Очень важно, поверьте!

Женщина с любопытством посмотрела на Игоря.

— Вы ругали ее? Что вы ей говорили? Ответьте, просто ответьте: вы ее ругали? Да или нет? Она провинилась, и вы ее ругали?

— Это важно?

Тареев кивнул.

— Очень.

Крюčkова поколебалась, затем пожала плечами:

— Я не помню, действительно не помню, что случилось тем вечером. Это удивительно, но это так: иногда мне кажется, что я бранила Настю, но совершенно не помню, что при этом говорила.

Неужели разгадка последних событий столь банальна? Елена Крючкова безнадежно больна, умирает, оставляя большое наследство — неплохой приз, ради которого можно начать интригу. Легализовать (шпионское словечко, кстати, всплыло из недр памяти) давно пропавшую дочь и претендовать на кусок пирога. Но зачем усложнять игру? Зачем подключать меня? Незапятнанная репутация и слава законопослушного бизнесмена — в делах о наследстве такие мелочи очень важны. Расчет строился на том, что я поверю в историю Насти и потребую от Крючковой признать дочь. Если Елена Сергеевна не соглашается — начинаю судебный процесс. Муж Крючковой давно умер, единственная наследница — старшая дочь, и выцарапать в ходе процесса пять-семь миллионов вполне реально. Возможно, тайственных кукловодов интересуют не деньги, а какие-нибудь акции Елены Сергеевны, доли в предприятиях. В таком случае затяжка процесса им даже на руку — на все пакеты накладывается арест, а в это время принимаются нужные решения. Вариантов масса. Предположим, я выигрываю дело, и Настя получает свою долю наследства. Победа. А на следующий день приходят серьезные мужчины в строгих костюмах, предъявляют доказательства, что девушка родилась и выросла в какой-нибудь Таврической губернии, и забирают свою долю. В смысле, оставляют Насте маленькую долю, а меня цепляют на крючок: обвинение в мошенничестве может испортить любую карьеру. А как же отпечатки пальцев? Ради семи миллионов можно найти способ внести изменения в базу данных, тем более, кто сейчас отыщет настоящие отпечатки пальцев девочки, пропавшей двенадцать лет назад?

Разговор с Крючковой убедил Игоря в том, что он оказался в эпицентре тщательно спланированной аферы и роль ему уготована самая что ни на есть жалкая — лоха.

Глупого, жадного лоха, делающего за кукловодов грязную работу. И лишь один нюанс немного портит эту версию. Маленький вопрос, который следовало проверить.

Украсть продукты оказалось не настолько сложным делом, как предполагал Тареев. Немного внимательности, немного осторожности, никакой суетливости и капелька удачи. Но ведь новичкам всегда везет?

Ни один продавец на рынке (действовать в магазине Игорь не решился) ни за что не подумает, что дорого и со вкусом одетый господин станет воровать с прилавка. Внешний вид Тареева ставил его выше подозрений, и Игорь охотно воспользовался этим преимуществом. За каких-то сорок минут он умудрился стащить кусок свинины — продавщица как раз отвернулась, расхваливая печенку придирчивой домохозяйке, два красных болгарских перца, шесть помидоров и пакетик майонеза. Угрызений совести Игорь не испытывал, он делал то, что считал нужным, и плевать хотел на мораль. В перерывах между налетами Тареев купил четыре куриные ножки, два желтых перца, пять огурцов и пару килограммов картошки.

Приехав домой, Тареев попросил Настю приготовить ужин, а сам отправился в ванну. Не спеша побрился, принял душ, а когда вновь вышел на кухню, с удовольствием отметил, что готовить девушка умеет: на сковородке аппетитно шипела свинина, а по тарелкам был разложен заправленный майонезом салат. Из красного перца и помидоров.

Курица, огурцы, желтый перец и картошка остались в пакетах.

Игорь закурил и тяжело опустился на стул.

— Я не могу готовить эту еду, — негромко сказала Настя. — Извини.

Как она узнала украденное? Если интрига действительно существует, то на рынке за ним следили, список ворованных продуктов передали Насте, и она разыграла очередную сценку. А если интриги не существует?

Тареев выкурил сигарету стремительно, за несколько

очень глубоких затяжек, и очнулся только тогда, когда приблизившийся к фильтру огонек обжег пальцы. Все это время Настя молча сидела за столом, робко положив руки на колени.

— Давай ужинать, — предложил он.

— Давай.

Но есть не хотелось. Игорь поковырялся в тарелке, съел пару кусков мяса, отложил вилку, нож и снова закурил, не спуская глаз с девушки. Она же, не стесняясь, быстро и жадно съела все до последней крошки, вытерла губы салфеткой и, не поднимая взгляд, сказала:

— Я вижу их ауру.

— Что?

— Я вижу черную ауру на украденных вещах, — пояснила Настя. — Ты ведь хотел спросить, почему я выбрала именно эти продукты?

Тареев молча прикурил следующую сигарету.

— Ты мне не веришь.

— Я не знаю, что делать, — честно произнес Игорь. — Просто не знаю. Уверен я только в одном: игра это или нет, но ты действительно моя половинка. Когда ты рядом, мое сердце стучит, как сумасшедшее. Когда мы расстаемся, мне хочется выть. Мне достаточно просто смотреть на тебя, чтобы быть счастливым. Я вполне взрослый, чтобы понять, что ни одна женщина еще не вызывала у меня такие чувства.

Настя еще ниже опустила голову.

— Я тебя люблю, — закончил Игорь, — это я знаю точно.

На грязную тарелку упала слеза. Тареев раздавил едва начатую сигарету и снова закурил.

— Тебя зовут Анастасия Михайловна Крючкова. Ты исчезла двенадцать лет назад. Сейчас тебе шестнадцать.

— Откуда ты узнал?

— Твоя мать жива. Она в больнице.

— В какой?

— В ЦКБ. — Он ответил машинально, но сразу же подумал, что зря не сдержался. Помолчал, недовольный со-

бой, но сказанного не воротишь, и продолжил: — Твоя мать богата. У нее была очень успешная карьера.

— Была?

— Она умирает.

— Проклятие всегда возвращается, — очень-очень тихо произнесла девушка. — Материнское проклятие бьет по всем, кто к нему прикоснулся.

— Твоя мать любит тебя, любит до сих пор. Мне она, разумеется, не поверила, держалась очень холодно, но я видел, что она тоскует. Я думаю, мы должны поехать в больницу и поговорить с ней. Я думаю... — и сразу же поправился: — Я уверен, что она тебя узнает.

— Но...

— Подожди, не перебивай, — попросил Игорь. — Твоя мать не поверила моим словам еще и потому, что речь идет об очень большом наследстве. Вопрос крайне серьезный и болезненный. Я предлагаю поехать в больницу вместе с опытным юристом, и ты подпишешь официальный отказ от претензий на наследство. Это убедит твою мать...

— В чем? — перебила его девушка.

— В том, что тебе можно верить, — пожал плечами Игорь. — В том, что ты на самом деле ее пропавшая дочь.

— И что будет дальше?

Тареев вытащил из пачки новую сигарету.

— Мы расскажем ей твою историю и найдем выход. — Игорь щелкнул зажигалкой. — Я не знаю, как это делается: ее раскаяние, твое прощение... Спроси у Сан Саныча. Твоя мать наложила проклятие, и должен быть способ его снять.

— Способ есть, — прошептала Настя.

— Вот видишь!

— Материнское проклятие можно снять только смертью. — Девушка подняла голову и твердо посмотрела в глаза Игорю. — Раскаяние, прощение — это для мелких случаев, для рядовых ссор. Неужели ты думаешь, что, если было бы достаточно «мирись, мирись, мирись и больше не дерись», за мной пришел бы Сан Саныч? Только смерть, Игорь, только ее смерть! Или ее убьют за меня, или она,

раскаившись, наложит на себя руки. Только так я получу свободу. Другого выхода нет.

— А если она умрет? — жестко спросил Тареев. — Просто умрет? Раскаившись?

— Смерть от болезни — заурядное явление, — вздохнула Настя. — Для материнского проклятия этого не достаточно, нужна особая плата. Если моя мать просто умрет, оно останется со мной навсегда.

Девушка старалась говорить спокойно, но Игорь видел, что Настя едва сдерживается. Каждое слово давалось ей с большим трудом.

— Я буду заботиться о тебе. — Он попытался улыбнуться. — В конце концов, некоторые члены правительства всю жизнь живут на ворованное и неплохо себя чувствуют. На ворованном едят, на ворованном пьют, обучают детей на украденные деньги.

— У них есть выбор, — глухо ответила Настя. Шутки она не приняла.

— Да, — согласился Тареев. — У них есть выбор.

— А у меня нет. И я, и мои дети будут жить под гнетом материнского проклятия вечно. — Девушка закусил губу. — Не я придумала этот закон. И никто его не нарушит. Только смерть снимет груз.

— Ты понимаешь, о чем говоришь?

— Да. Я понимаю.

Она играет? Вряд ли шестнадцатилетняя девочка способна так гениально лгать. Нет, Настю убедили, обманули, заставили поверить в эту чушь... Игорь не мог думать, что Настя лжет. Не мог, не хотел и знал, что, даже получив доказательство обратного, ни за что не бросит девушку. Настя его половинка. Женщина, наполняющая смыслом жизнь. И эта женщина просит убить ее мать.

Но для чего? Врачи дают Елене Сергеевне не больше недели. Зачем кукловодам смерть? Смысл? Замазать меня по самые уши? Кровь — это не мошенничество с наследством, кровь — это серьезно. С таким пятном я буду делать все, что мне скажут, а могу я много: мои связи на бирже открывают очень широкие перспективы, к тому же мне доверяют миллионы. Тареев сжал кулаки. Как говорил Сан Са-

ныч? «Иногда лучше не встречаться со своей второй половинкой»? Игорь стиснул зубы. Надо было браться не за Настю, а за старика. Сразу искать кукловодов, а не тратить время на несчастную девчонку.

Или нет никаких кукловодов?

Никому не нужен послушный Тареев, а Настя на самом деле видит черную ауру на ворованных вещах? Если каждое ее слово — правда? Если для того, чтобы зажить полной жизнью, ему действительно надо убить умирающую женщину?..

Незаметно для себя Игорь выкурил все сигареты, которые оставались в пачке. Выкурил машинально одну за другой и наполнил кухню густыми облаками табачного дыма. Настя не протестовала.

— Знаешь... — Тареев откашлялся и почувствовал неприятный привкус во рту. Кисло-горький. Омерзительный. — Знаешь, пойдём спать? — И добавил избитую фразу: — Утро вечера мудренее.

— Пойдем, — послушно кивнула девушка.

Они долго лежали без сна. Просто лежали, чувствуя тепло друг друга. Настя спряталась в его объятиях, уткнулась в грудь Игоря, и пшеничные волосы нежно щекотали его кожу. Они просто лежали и слушали дыхание друг друга, наслаждаясь тем, что они вместе.

— Игорь Александрович, третья линия.

Тареев безразлично нажал на кнопку. Говорить ни с кем не хотелось, обсуждать дела — тем более. Игорь сам не понимал, зачем приехал в офис. Чтобы не встречаться глазами с Настей? Наверное. Чтобы отвлечься от раздумий, вызванных вчерашним разговором? Чтобы нырнуть в знакомый мир? Спрятаться в нем? Но знакомого мира больше не было.

Тареев безразлично нажал на кнопку.

— Да?

— Ты мерзавец, — тихо сказала Марина, — ты мерзавец и похотливая скотина. Ублюдок. Я тебя ненавижу.

Игорь молчал.

— Ты ломаешь меня, подонок. Ты искалечил мою душу. Ты... — Она задыхнулась, оборвала фразу и даже всхлипнула. Железная леди умеет плакать? — Ты уже наигрался с этой сучкой? — Вопрос прозвучал так жалко, что у Игоря защемило сердце. Боль, почти физическая, пронзила грудь, и он крепко-крепко сдвинул трубку. — Когда наиграешься... Ублюдох!

Короткие гудки. Тареев понял недосказанное: «Когда наиграешься, можешь мне позвонить». Железная леди умоляла его. Железная леди оказалась хрупкой женщиной. Железная леди научилась любить.

Минут пять он просто сидел в кресле, держа в руке телефонную трубку, а затем решительно набрал номер регистратуры.

— Я бы хотел узнать о состоянии Крючковой Елены Сергеевны.

— Одну минуточку. — Короткая пауза, слышны щелчки по клавиатуре и чей-то невнятный голос: «Таня, мне положен отгул за...» — Извините, вы сказали: Крючкова Елена Сергеевна?

— Да.

— Она умерла сегодня ночью.

«Умерла?!» Игорь дрожащей рукой вернул трубку на рычаг. И снова взялся за нее, машинально отвечая на звонок.

— Гарик, ты гений! Монстр! Как ты выдержал эти два дня?! Кто тебе подсказал? «ТехЭнергоЭкспорт» взлетел до небес! Ты, чертов везунчик...

Потом, потом...

Оставалась еще надежда, что она просто не подходит к телефону. Что она спит. Что она принимает ванну. Что она читает книгу или смотрит телевизор. Эта надежда поддерживала его все тридцать минут, которые потребовались, чтобы на сумасшедшей скорости доехать до дома. Тридцать минут у него была надежда. Но стоило Игорю открыть дверь, как она исчезла. Умерла прямо на пороге.

В квартире было пусто.

Дорогая мебель, расставленная дорогим дизайнером. Дорогие картины. Дорогие ковры. Дорогая обстановка великолепно подчеркивала царящую в доме пустоту. Пронзительную пустоту отсутствия души. Потери смысла...

Настя ушла.

Ключи лежали на столе.

Настя ушла.

Оглушенный, Игорь прошел через все комнаты, заглянул в ванну, на кухню и даже в чулан, но все напрасно. Настя ушла. Ее не было. Дом умер. Тареев проверил последний набранный на телефоне номер — регистратура ЦКБ, скрипнул зубами и позвонил на охрану.

— Девушка, которая была в моей квартире, давно ушла?

— Примерно час назад.

— Она...

И оборвал разговор — в кармане зазвонил мобильный. Тареев стремительно выхватил маленькую трубочку, запутался, выбирая нужную кнопку, и торопливо крикнул:

— Да?!

— Гарик, — негромко произнес Круглов. — Я, конечно, боюсь ошибиться, но посмотри новости. Второй канал.

Игорь включил телевизор.

«...не узнаем, что привело к ужасной развязке. Несмотря на все усилия психологов, девушка прыгнула с моста...»

Он увидел косички. Увидел худенькую руку и дешевое платье. Увидел старика, рыдающего за линией оцепления. Увидел и все понял. Он спокойно прошел в спальню и достал из тумбочки упаковку снотворного. Вернулся в гостиную, вытащил из бара бутылку, большой бокал и сел в кресло. Медленно, очень спокойно, наполнил бокал водкой и высыпал на гладкую поверхность стола горсть таблеток.

И посмотрел на подавший голос мобильник — звонила Марина.

СОБАКИ В КОСМОСЕ: ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ ПЧЕЛКИ И МУШКИ

Немыслимо фантастическое произведение

ы, конечно, слышал, дружок, про Белку и Стрелку? Да-да, про этих замечательных собачек, которые слетали в космос и невероятно тем самым продвинули вперед нашу советскую космонавтику. Это они правильно сделали, наши конструкторы и изобретатели, что сначала послали на орбиту собак, а уж потом только — человека. Потому что если наоборот, так черт его знает, чем бы все кончилось и в каком таком мире мы бы сегодня жили да и жили бы вообще...

Ты уже пописал на ночь, мой маленький друг? Пописал? Точно? Может, еще сходишь? А то история, которую я собираюсь тебе поведать, она — страшная, знаешь ли... Уверен? Ну смотри, я предупредил, потом не жалуйся и не тоскуй.

Ну так вот. В году, наверное, одна тыща девятьсот пятьдесят первом наша родная космонавтика развилась до такой степени, что уже не могла сдержаться, чтобы кого-нибудь куда-нибудь не послать. В смысле — в космос. Посылать далеко, конечно, не планировали: просто не умели еще далеко посылать, так — километров на двести вверх. Это сейчас здоровущие мегадестроеры запросто бороздят просторы Вселенной и шутя в поисках очередной кислородосодержащей планеты для последующего мирного орбитального обслуживания преодолевают десятки световых лет, пока их бравые экипажи — все сплошь заслуженные

космические волки — а как же! — дрыхнут себе в освежающем анабиозе, набираясь необходимых сил для вступления в контакт с инопланетным разумом, буде таковой по глупости себя обнаружит.

Тогда было иначе: чтобы запустить даже самую малюсенькую хреновину на орбиту — вроде спутника, — целая страна напрягалась чертову тучу времени, да еще не всякая страна могла так напрячься, но только та, у которой хватало ресурса, то есть налогоплательщиков. Я понимаю, звучит странно и даже дико, дружок, но ведь ты вспомни, как вам в школе рассказывали про гамбургеры. В истории человечества полно таких смешных моментов, но ты должен понимать, что это теперь мы смотрим на гамбургеры снисходительно и с отвращением, а когда-то — да-да! — кое-где стояли длинные очереди, чтобы всего лишь попробовать заморскую диковинку. Верь дедушке, верь...

Ну и вот, созрела, значит, советская космонавтика — и стали думать: кого бы послать? Умные дяди рассудили, что это должен быть кто-то некрупный, потому что крупный — тяжелый — еще не долетит, обратно хряпнется, мало ли что. И еще — чтоб не человек. Потому что если хряпнется — не так жалко будет. А хряпнуться запросто могло. У нас тогда все было на соплях, но зато из металла. Крепкое, но могло полететь не туда...

Хряпнется? Ну это, дружок, когда на сумасшедшей скорости падает — и вдребезги. Вы теперь говорите... э-э... ну так, как вы говорите. Дедушка немного старомодный, понимаешь?

...Ну так вот, решили: а давайте пошлем в космос собак. Собаки есть разные, среди них много именно что некрупных, прямо скажем — мелких, и их ракета запросто на орбиту доставит, а если не доставит, то учтем опыт ошибок трудных, переделаем что надо и снова пошлем.

Американцы обрадовались: во-во, вы давайте и посылайте, а то у нас тут всякие борцы за права животных, а вы один хрен светлое коммунистическое будущее строите, вам все едино. Мы, мол, макаку в космос запустили, а нам: «Убийцы!» Нет, макака сдохла, конечно, даже посинела, но

ведь сколько пользы перед этим принесла! К тому же у вас и налога... гм... плательщиков больше.

И стали посылать.

Как ты понимаешь, дружок, с первого раза ничего не получилось. То есть получилось, но собаки — сдохли. И со второго раза не вышло, и с третьего. Наверное, собаки были слишком крупные или им забыли кислород включить. Или щели оставили слишком широкие в корпусе корабля. Или перегрелись собаки. Разные причины, а только четвероногим летунам наступали регулярные вилы.

Опыт учитывали, строили ракеты еще круче и снова собак посылали. Зациклило их на собаках, дружок. И вдруг: получилось! Белка и Стрелка. Те самые. Взлетели, облетели, приземлились. Обе живые. Сказка! Весь мир в экстазе.

Но до них, надо тебе знать, были Пчелка и Мушка. Спасители Земли и ее окрестностей.

Нет-нет, дружок, это не бэттлшип «Перестройка-21» спас Землю, хоть вас так в школе учат. То есть «Перестройка» спасла, конечно, кто бы спорил, но гораздо позднее, а в первый-то раз честь спасения выпала двум невзрачным, но вполне жизнерадостным собачкам, далеко не дотягивающим до семидесяти сантиметров в холке...

Вам про это не рассказывают, потому что никто толком ничего и не знает. А я — знаю. Неважно откуда. Ух ты какой настырный! Что значит источники? Как это — на кого ссылаться? Ты вот что, дружок, магнитофончик-то свой выключи. И второй тоже. И вилку питания компа из розетки выдерни. Юннат. А то ничего не расскажу! Ты будешь дедушку слушать или нет? Ну то-то.

...На самом деле Пчелку и Мушку звали не Пчелка и Мушка, а Жучка и Жучка. И были они стопроцентными дворняжками, детьми беспорядочных связей в помойках и подворотнях. То есть — самого пролетарского происхождения. От сохи, так сказать. Но ты же сам понимаешь, дружок, что лететь в космос с именами Жучка и Жучка как-то неудобно: что подумает мировая общественность? Поэтому собаки полетели под псевдонимами. Жучка стала Пчелкой, а Жучка — Мушкой. Вполне летные такие имена. Тем более собаки попались добрые и практически не кусались.

В космосе было интересно: перегрузки, невесомость и вообще клево. Никто не заставлял выполнять всяческие дурацкие команды, не ставил опытов, так что собаки оттягивались вовсю. Мушка сразу после старта радостно проблевалась, а Пчелка всю дорогу лаяла от восторга, и на Земле все это с умилением наблюдали разные конструкторы и биологи. Собаки были обвешаны разными датчиками, показания которых непрерывно транслировались в Центр управления полетом.

Словом, все шло хорошо, и главный генерал по ракетах предвкушал близкую удачу.

И тут, дружок, случилось непредвиденное.

Ну кто, скажи на милость, мог ожидать, что как раз в этот исторический момент к Земле из подпространства выломится негуманоидный звездолет, протащившийся черт знает сколько световых лет из черт знает какой галактики? Звездолет летел очень, ну очень долго, дружок. Так долго, что на возвращение его экипаж совершенно не рассчитывал. Нет, дружок, чей это был звездолет, — и посейчас никто не знает. При всех наших достижениях мы до сих пор не то что летать, а даже заглядывать в такую даль еще не научились. Но зато доподлинно известно, что в задачу экипажа космического пришельца входило уничтожение планет с жизнью, которая, на взгляд негуманоидов, могла представлять для них хотя бы даже потенциальную опасность. Этакая команда космической зачистки, знаешь ли. Нам об этом известно, потому что перед Землей негуманоиды посетили окрестности Альфы Центавра и расфигачили там одну планету, о чем спустя сто лет сообщили выжившие и успевшие снова размножиться центавриане...

Как они определяли, кто угроза, а кто — нет, спрашиваешь? Хороший вопрос. Кто его знает. Они же негуманоиды, понимаешь, дружок? Мыслящее мыло или что-то в таком роде. А пойдя пойми резоны мыслящего мыла!

Но дело не в этом, мой маленький, а в том, что это мыло выбралось в обычный космос и повисло на дальней орбите. Глядит, а с Земли что-то радостно в космос прет, причем на вредных для экологии примитивных двигателях.

«Ни фиги себе», — образно помыслило главное негу-

маноидное мыло: первый показатель потенциальной опасности был уже налицо. А непонятное тело отстрелило ракетоноситель и пошло себе неторопливо по низкой орбите.

Главное Мыло испустило поток значащих частиц в адрес мыла попроще, и небольшая капсула стала подвергаться сканированию и разному импульсному просвечиванию всякими хитрыми лучами неземного происхождения. В результате стало очевидно, что на борту капсулы присутствуют два некрупных органических объекта, помещенные в странную кислородосодержащую смесь.

«Аборигены», — сделало вывод главное мыло и впало в период анализа, задействовав все три свои контура мыслеобеспечения.

«Расфигачим?» — имея в виду Землю, нетерпеливо плюнуло частицами мыло попроще: молодое и еще активное, оно по юной глупости питало-таки надежду вернуться домой, а потому торопилось. Ведь до выполнения плана сверхдальнего очистительного рейда им оставалось всего три планеты.

Но главное мыло, дружок, было старым и мудрым, всеми полезными полями осознающим груз громадной ответственности за судьбу остального разумного мыла. Главное мыло не было склонно к принятию поспешных решений, хотя и знало, что родина его не забудет, — но ему, мылу этому, нужно было больше информации. Любило главное мыло всякую информацию. Расфигачить планету проще простого. Раз — и готово. Один мусор полетел. А вот не ошибиться при этом... А вдруг им только впрок пойдет, что мы их сейчас расфигачим? Вдруг они от этого расти начнут как на дрожжах? Случалась уже такая фигня...

Ты хочешь знать, мой маленький друг, что в это время делали наши героические собачки? Справедливое и своевременное желание. Пчелка и Мушка спокойненько пролетели, гавкая по очереди, сколько-то там десятков километров, как вдруг почувствовали нечто: их как раз настигло одно из излучений мыльных негуманоидов. И это излучение обладало такими неизведанными свойствами, что обе собачки внезапно приобрели способность мыслить в при-

ближенном к человеческому стандарту диапазоне. И осознали себя.

«Опа... — подумала Мушка. — Я — собака».

«Ого! — подумала Пчелка. — Гав!»

Она вообще была более тупая, эта Пчелка. Типичная Жучка.

И, изумленно заткнувшись, собаки уставились друг на друга. Ибо волна следующего излучения подарила им ярко выраженные способности к телепатии. Лаять вслух теперь не было никакой необходимости.

«Это... тушенка была очень вкусная», — глядя на Пчелку, на пробу подумала в ее сторону Мушка.

«Кость! Кость!» — машинально послала ей обратный мыслеимпульс тупая Пчелка, и возникший в сознании Мушки образ сочной кости вызвал у нее обильное слюноотделение, которое немедленно зафиксировали на Земле. «У первой пошла слюна!» — встревоженно пронеслось по Центру управления, все засуетились и начали листать справочники.

Неизбалованные до того излишней мыследеятельностью собаки быстро между тем осваивались.

«Ты... это... меня слышишь?» — вывалив язык от восторга, спросила Мушка.

«А то! Ух ты! Зашибись!» — радостно задергалась Пчелка, ибо скакать от привалившего нежданно счастья ей мешали закрепляющие ремни и ошейник с датчиками.

«Вторая проявляет непонятную активность!» — взволновались на Земле и стали теревить кинологов. Кинологи глубокомысленно гукали.

Тут капсулу настигло третье излучение мыслящего мыла. Мушка и Пчелка замерли.

Показания приборов на Земле зашкалили. «Мы теряем их, теряем!!!» — орали диспетчеры, конструкторы и биологи с кинологами, бегая вокруг пультов и беспорядочно нажимая на кнопки.

«Мяу», — телепатически вдруг лягнула Пчелка и посмотрела на Мушку свежим взглядом.

«Что же это?..» — растерянно отвечала ей Мушка, с трудом осознавая себя в новом качестве.

Да, дружок, да. Наши отважные собачки под воздейст-

вием чуждого негуманоидного излучения стали кошками. Нет, внешне они ничуть не изменились, но сознание приобрели исключительно кошачье. Только не спрашивай, как это вышло, дружок. Я не знаю. Полно еще в мире такого, чего не знает не только Кремль, но и твой старенький дедушка. Ну а мыслящее мыло, само собой, предусмотреть такой эффект заранее тоже не могло. Мыло же.

«Получается, мы теперь кошки...» — задумчиво стелепатировала Пчелка.

Мушка, в ответ послав ей образ крупной жирной мыши, уточнила: «Коты», — и, не сходя с места, пометила территорию. Инстинкт никуда не денешь.

Приборы в центре управления продолжали зашкаливать. Главному генералу срочно поднесли корвалолу пополам со спиртом в мерном стаканчике: на проводе ждал Кремль.

«Информации для расфигачивания достаточно, — импульснул тем временем нетерпеливый Подмылок Главному Мылу. Подмылок принял уже достаточно образов непонятных предметов и существ, но — ни одного сколь-либо осмысленного и выдающего принадлежность к высшему разуму. Тем опаснее казалась голубая планета. — Убогая, извращенная жизнеформа».

Главное Мыло колебалось: много помех, не совсем четкий сигнал, агрессия выражена неявно.

«Принять на борт», — распорядилось оно наконец, не обращая внимания на недовольство помощника. Надо было попытаться вступить в контакт и вывести уровень развития органической жизни. А то расфигачишь сгоряча, а потом себе дорожке выйдет. Мы-то уже не зафиксируем, а остальные Мыла? Вот то-то.

...И капсула с собаками, подхваченная направленным силовым лучом, легко снялась с орбиты. Мыслящее мыло тянуло собак неспешно, дабы не потревожить преждевременно образцы непонятного разума.

«Мы теряем их!!! Мы их теряем!!! — рвали на себе волосы на Земле. -- Непредвиденный сбой в управлении... Капсула самопроизвольно уходит в сторону Юпитера... Теряем контакт... Все, потеряли...»

«Запишите собак в герои, — распорядился Кремль. — Учтите все промахи и готовьте Белку и Стрелку!»

Главного генерала с почетом унесли.

...Вот так, дружок, человечество рассталось со своими четвероногими посланцами в неведомое. Попрощалось и записало в герои. Выпустило памятные марки с изображением Мушки и Пчелки. Даже Монголия расстаралась. К слову сказать, на этих марках собаки на себя похожи совсем не были: просто кавказские овчарки какие-то. Я тебе потом покажу, у меня есть голограмма.

Но Мушка и Пчелка ничего о том не знали. Незаметно для себя они дрейфовали помаленьку в сторону негуманоидного корабля, ожесточенно споря из-за территории: как-никак, а обе теперь были котами в самом расцвете сил. Самое время выяснить, у кого яйца больше и волосатее.

Гм... Кстати, ты знаешь, дружок, что такое яйца? Знаешь? Ух ты, акселерат! Все-то ты знаешь!.. Что? Какая подружка? Как четвертая?! Ну мы потом с тобой поговорим об этом.

...А дальше было вот что. Главное Мыло скупыми потоками значащих частиц сформировало приемную камеру и, ориентируясь на результаты анализа приближающейся капсулы, наполнило ее странной газовой смесью, в которой существовали захваченные особи.

Мягкий толчок прервал телепатические споры Мушки и Пчелки.

«Что это?» — удивленно спросила Мушка. А, это они прибыли.

«Мое, все мое! Все кошки мои! Щас в морду вцеплюсь!» — продолжала бушевать тупая Пчелка и, мечтая-таки помериться яйцами с недавней приятельницей, настойчиво рвалась из надежно застегнутых ремней.

«Слышь, ты! — воззвала к ней Мушка. — Ты это... давай потом».

«А мне плевать! Плевать мне! — ярилась Пчелка, обливаясь злобной слюной. — Вот прямо сейчас признай, что у меня яйца больше и что тут всюду — моя территория!»

Все-таки на Земле крепко думали, подбирая собачьи

экипажи: ведь если бы и Мушка оказалась таким же злобным и тупым уродом, то черт знает, как бы все кончилось.

«Ладно, — стелепатировала мудрая Мушка. — Ты главная, ты! У тебя громадные яйца, я ни у кого таких еще не видела. Просто чудовищные. Только успокойся».

Мыслящее Мыло между тем вырастило в обшивке звездолета достаточное для прохода капсулы отверстие и засосало ее внутрь — как раз в ту самую камеру, где был воздух.

Капсула плавно проникла в негуманоидное межзвездное судно и опустилась на псевдопол. Звездолет тут же переместился на темную сторону ближайшей необитаемой планеты.

Правильно, дружок, это была Луна.

Главное Мыло подробно обследовало капсулу и нашло, что помещенные в ней особи не располагают сколь-либо существенным оружием, а кроме того, с помощью непонятных лентообразных приспособлений лишены возможности перемещаться в пространстве отдельно от своего летательного средства. Негуманоид немедленно настроился на частоту восприятия объектов и конвертировал значащие частицы в понятный им мыслеимпульс в виде ряда простых чисел.

Ощущающим себя котами-самцами собакам на цифры было ровным счетом наплевать. Как ты понимаешь, мой маленький друг, ни считать, ни писать они никогда не умели, цифр и букв не знали, о существовании теоремы Пифагора не ведали, а число «пи» не снилось им даже в страшных снах, когда они еще не были кошками. Да и телепатию Мушка и Пчелка освоили несколько минут назад.

Поэтому в ответ Главное Мыло получило целую вереницу перебивающих друг друга образов, в которых каждый любой землянин с трудом, но узнал бы уродливые, а-ля зрельй Дали, симбиозы мозговых косточек со свежей корюшкой, шестиногих мышей и целый табун соблазнительных мартовских кошечек. Но ни Главному Мылу, ни его менее значащему в мыльной иерархии помощнику все это ровным счетом ничего не сказало, а если учесть, что подобная хрень пришла как реакция на ряд простых чисел,

оба мыла были вынуждены задействовать дополнительные мыслеобеспечивающие контуры своего корабля, но и это не дало никакого результата. Вся мощь негуманоидной техники не могла помочь правильно оценить полученный мыслеряд и уловить хоть какую-то его связь с числами.

Главное Мыло транслировало в капсулу образ треугольника. В ответ получило образ комфортабельной помойки в одном из фешенебельных районов Москвы.

На квадрат последовал жирный голубь, тусующийся на газоне.

А на куб... На куб было получено такое, чего я тебе, дружок, описывать не буду, хоть у тебя уже такая толпа подружек сменилась. Скажу только, что это исходило от Пчелки и было связано с кошачьими самками.

Диалога, как ты сам уже, наверное, понимаешь, никакого не получалось. И все необходимые признаки для расфигачивания планеты в мусор просматривались совершенно отчетливо.

Однако перед этим Главное Мыло, одержимое страстью к познанию, решило провести еще один смелый эксперимент: пойти на прямой контакт. Никогда еще оно не встречало подобного способа мышления и на излете своей очистительной карьеры хотело увеличить багаж знаний. Да, Мылам не суждено было вернуться домой, и энергетический сгусток информации об их рейде получают на родине спустя многие годы после гибели героического экипажа, потому что столько никто не функционирует. Но, дружок, надо тебе знать, что Главное Мыло стремилось к чистому, абстрактному знанию. Так уж заведено у мылоподобных негуманоидов. Как хорошо, что больше в Солнечной системе они не появлялись!

Итак, Главное Мыло сформировало вокруг себя защитный скафандр — такой, знаешь ли, идиотский куб — и переместилось прямо в нем в камеру с капсулой, а затем направленными потоками рабочих частиц освободило заключенные в капсуле условно-разумные объекты от сдерживающих их примитивных устройств, разгерметизировало капсулу и вскрыло ее.

«Опа...» — телепатировала Мушка, когда капсула развалилась на две части.

«Я первая! — мысленно взвизжала Пчелка и рванулась вперед. — Это тоже все мое! Мое! Мое!»

И, прежде чем Главное Мыло успело определить, что к чему, смелая собачка лихим прыжком взлетела на его кубический скафандр и обильно на него помочилась.

«Ну уж нет...» — решила Мушка и, в свою очередь выскользнув из капсулы, ринулась к ближайшей псевдостене и присела рядом с ней — ведь несмотря на виртуальные яйца, как Мушка, так и Пчелка физически оставались сто процентами суками — а потом еще, еще и еще, по периметру.

Собачья моча вызвала необратимую реакцию в тонких аморфных структурах негуманоидного корабля и разбудила доселе не известную никому во Вселенной реакцию — ни раздраемое неупорядоченными бесполезными частицами Главное Мыло, ни распадающееся на составляющие мыло попроще не успели ничего предпринять, и в считанные секунды звездолет, перед мощью которого не могла до того устоять ни одна планета, превратился в облако элементарных частиц. Приказал долго жить. И поделом: нечего издеваться над животными.

Вспышка необычайной силы в окрестностях Луны была зафиксирована тремя земными наблюдателями, но дать ей разумное объяснение так никто и не смог.

...Ну что, дружок, не описался? Я же предупреждал, что история эта страшная. Что ты плачешь? Собачек жалко? Да, ты прав, наши замечательные Мушка и Пчелка тоже распались на элементарные частицы и в скором времени оросили собой значительную поверхность Луны. Мне тоже их жалко, но ты не плачь, слышишь? Все земляне должны гордиться этими мелкими, нерослыми собаками — ведь наша замечательная планета осталась нерасфигаченной, а негуманоидное мыло с тех пор больше к нам не прилетало. А если вдруг прилетит — мы теперь его сами расфигачим. В пыль.

МОЕ ЧЕРНОЕ СЕРДЦЕ

Читая текст, помните: этот рассказ не про то.

Автор

Не часто снятся рыбы. Они плывут ко мне через зыбкую ткань сна. Их много. Они приближаются и смотрят на меня своими холодными глазами. Во сне я называю их имена. И плачу. По крайней мере, после таких снов подушка мокрая. Иногда от крови. Это плохо установленная мембрана в носу начинает кровоточить. Так бывает, когда подключаешься чаще обычного. И когда плачешь. Я помню рыб по именам. Старым именам тех, кто утонул в первое подключение, и новым именам тех, кому не повезло.

Подключившись один раз, подключаешься навсегда.

Мне снятся рыбы, которые плывут зимой подо льдом, а над ними непробиваемая твердь. И трудно дышать.

Глупые рыбы, несчастные, смиренные, холодные...

Они висят сутками. Неделями болтаются, как забытые на дереве груши, облепленные проводами и шлангами жизнеобеспечения. Рыбы, плавающие в собственном соку затхлого воздуха квартиры-пенала. Мертвые рыбы виртуального мира. Обреченные на вечное одиночество там, за гранью этого мира. Они оставили пустую оболочку тут, среди нас, а сами ушли. В глубину.

Попали в ловушку, когда подключились. Всего один раз. Подсели на самый лучший наркотик всех времен и народов. Один раз и навсегда.

Мне снятся «рыбы».

Я проснулся от холода. В щели комнаты сквозило. Там, снаружи, дул северный ветер. Злой, холодный, но чистый.

Было бы значительно хуже, если бы с юга наносило свалочной гарью и заводским смрадом. А так город кутался потеплее в искусственную дешевую шерсть и терпел, наслаждаясь чистотой морозного воздуха, которым можно дышать без респираторов.

Натянув одеяло на голову, я свернулся в клубочек и попытался сохранить жалкие остатки тепла. Надо было хорошенько выспаться. Очень давно я читал книгу автора, жившего черт знает когда, еще до Прорыва. Он описывал жизнь таких, как я. Смешно. Я даже пытался запомнить какие-то слова... Сейчас все стерлось из памяти, но впечатление нелепицы осталось. Какой-то удивительный набор из благ цивилизации, которые недоступны тем, кто подключился. Один раз и навсегда. Наркотики, богемная жизнь, разудалый секс, бессонные ночи. Удовольствия, которые не может себе позволить такой, как я. Импланты, мембраны, разъемы, каналы «вход-выход», устройства расширенной памяти. Все эти сложные, сверхвысокотехнологичные устройства — божества, позволяющие таким, как я, существовать, подключившись. Они требуют своих жертв. Если кто-то думает, что он сможет жить, как прежде, после внедрения первых мембран и каналов, то он сильно ошибается. Подключение раз и навсегда изменит его существование. Наркотики, безудержные ночные удовольствия и иногда даже любовь остались позади. Любая перегрузка теперь может убить. Только здоровый образ жизни. А любая дурь выжжет лучше, чем глоток напалма. Но ведь есть подключение. Чтобы навсегда стать другим. В этом давным-давно умерший вместе со своими книгами писатель был прав.

Комнатка была паршивой, как, впрочем, и гостиница, где я остановился. Из щелей дуло, в санузле текла вода, со стен, тихо шурша, оползала краска. Обыкновенная, гадкая ночлежка, где можно остановиться за полмонетки и не бояться полицейского патруля, голодных бомжей и насекомых, заползающих под кожу, пока вы спите. В остальном это временное пристанище ничем от подвала не отличается.

И спать в нем почти невозможно.

Преодолев себя, я откинул одеяло и сел. По голым но-

гам пробежал нахальный холодок, и кожа покрылась мурашками.

Мембраны снова кровоточили. Дотронувшись до носа, я обнаружил на ладони красный след. Пришлось выгаскивать из аптечки диметазин и капать, сверяясь по бумажке с инструкциями. Хотя, наверное, разбуди меня среди ночи, я мог бы наизусть без запинки пересказать все правила использования, побочные эффекты и противопоказания этих капель. Сейчас внутри меня сотни, тысячи, сотни тысяч маленьких, невидимых глазу существ находили поврежденные ткани, очищали операционное поле, укрепляли стенки, присоединяли, закрывали, сужали. Нелепо задрав голову, я рассматривал два флакончика диметазина на свет. Где-то там, в этой мутноватой жидкости, ожидали своего часа маленькие дети Прорыва. Такие же, но чуть-чуть другие, работали на человечество день и ночь.

В носу защипало. Я зажмурился. В ближайшие несколько дней мембраны будут работать лучше новых. Но через некоторое время снова начнутся боли, удушье в момент подключения и ночные кровотечения. Употреблять диметазин чаще одного раза в две недели не рекомендовалось. Остатки наномеханизмов, составляющих основу препарата, должны были покинуть организм. О тех, кто перебрал с детьми Прорыва, ходили жуткие легенды. Я уже выбрал полный возможный лимит, и теперь придется терпеть. И вспоминать Серого-М, левого хирурга, который по какой-то причине так дерьмово внедрил мне мембраны.

Конечно, самыми лучшими специалистами по внедрению имплантов были вьетнамцы. Бог знает почему, вшитое ими держалось лучше, приживалось легко и не создавало проблем. Но идти к «желтым» было запахло.

Ноги окончательно занемели от холода, когда лекарство наконец прекратило свою деятельность. Стало легче дышать. Я встал, распрямил спину, чувствуя, как шевелится под кожей «вход-выход». Я не подключался уже несколько дней, и теперь вдоль позвоночника ощущался легкий зуд, но расчесывать каналы было нельзя.

Где-то за стенами, за несуществующими окнами, за муравейником жилых пеналов, стоял октябрь. 2070 год. Со-

рок лет после Прорыва. Цивилизация открыла безграничный макрокосм и сумела населить его работающими, послушными существами, не видимыми глазом. Теперь все человечество медленно погружалась внутрь себя же, обнаживая все новые и новые миры на блестящих гранях песчинки, обкатанной Океаном. В небо смотрели только чуткие уши радарных антенн метеоритной угрозы. Бесчисленные россыпи звезд, Млечный Путь, планеты — все это было забыто. Земля плыла в пустоте, с трудом прокладывая себе дорогу через метеоритную пыль. Люди осваивали внутренний мир. Удаляясь от солнца.

Где-то за стенами, за несуществующими окнами и муравейником жилых пеналов, был октябрь. Огромный мир, увеличивающийся внутрь, был заселен десятью миллиардами существ, более семидесяти процентов из которых составляли «цветные». Негры, арабы, китайцы, вьетнамцы, корейцы, албанцы, цыгане — вся эта черноголовая орда расселилась по Земле с ужасающей скоростью, проникла во все сферы жизни. И вот буквально за несколько лет стало невозможно найти место, где на вас бы не пялились раскосые, черные, жадные глаза. В этом мире стало трудно жить таким, как я, он словно сделался грязнее. Появились «черные» банки, корпорации, заводы, фирмы. Везде и повсюду. Негры, арабы, китайцы. Негры, арабы, китайцы. И снова, и снова. С какой бы радостью я залез сейчас в вагон метро и сел на место, над которым написано «Только для белых». Пусть в самом конце вагона. Но и в этой униженной радости нам было отказано. Мы, три миллиарда чистых белых, теперь живем в клоаке. Выброшены на помойку. Где живут... эти. Они превратили наш мир, *наш мир*, в подобие своего.

Но остались еще такие, как я, — Виртуальные Наци, лучшие представители вымирающей белой расы. Подключившиеся раз и навсегда, уничтожающие «черные» банки, наносящие жестокие раны «черным» корпорациям. Мы ведем нашу войну. Каждое подключение придает смысл борьбе.

— Если цвет, то белый. Если идти, то до конца. Если подключился, то раз и навсегда, — бормотал я девиз «Вир-

туальных Наци», обливаясь холодной водой под душем. — Если цвет, то...

«Виртуальные Наци» было агрессивным и нелегальным крылом официальной организации «Белое Братство». Братство защищало права белых по всему миру и добилось в этом некоторых успехов. Теперь по крайней мере полиция предпочитала арестовать «завязавшего драку» чернокожего, чем связываться с нашим собратом по расе. Хотя, конечно, это мало утешало.

В «Виртуальные Наци» я вступил лет пятнадцать назад. Двадцатилетним пацаном, которого соседские мальчишки загоняли палками в угол и били. За то, что не похож. Один раз я лежал на солнце до ожогов первой степени, желая наконец избавиться от молочного цвета своей кожи. Ненавидя ее всем сердцем. За побои, за крик «эй, белый», за эбеновые кулаки. Я брил голову, чтобы черные пальцы не могли ухватить светлые вьющиеся кудри. Я учился драться. Но как нужно бить, чтобы свалить пятерых? Шестерых? Сколько нужно держаться на ногах, чтобы победить десяток?..

В «Виртуальные Наци» я вступил, как только мне отказали в праве на покупку оружия. Я помню, как улыбался тот китаец, подписавший мне запрет на покупку вожденного «вальтера». Может быть, я должен его отблагодарить. Приблуди я тогда ствол, почти наверняка сидеть мне в тюрьме.

Я стал Белым Братом после того, как мы, молодняк, сумели выйти целыми и невредимыми из погрома «Майнфрейм-Банк».

Когда старшие товарищи вытаскивали нас из Виртуальности, отстегивали клапаны и разъемы, я плакал. Потому что охранная система успела зацепить нескольких наших. И теперь они стали «рыбами». Глупыми, пустыми оболочками. А ведь шли со мной... И я помнил их имена.

— Не плачь, — тряс меня Белый Медведь. — Не плачь. Ты теперь наш. Ты Белый Брат.

С тех пор я забыл свое прежнее имя. Я — Белый Брат. И был им пятнадцать лет. Из молодого стал Старшим, из Старшего превратился в Наставника.

Но теперь мне надо было заняться совсем другим делом.

Одевшись и собрав вещи, я сунул в большую дорожную сумку так и не раскрытый вечером мобильный терминал и покинул комнату. На пороге, согласно инструкции, сломал ключ-карту и бросил ее в мусорный контейнер. Дверь за мной закрылась, щелкнул замок. Теперь на терминале у портье этот пенал будет считаться свободным.

Спустившись вниз по загаженной лестнице, я вышел на улицу. Небоскребы стеклянными плечами подпирали воздух. Мимо проносились машины, сновали люди. Суэта нормального европейского мегаполиса, вобравшего в себя десятки городов и несколько стран. Каждую секунду в этих стенах рождались и умирали, боролись и сдавались, кричали и замолкали. Миллионы. Холодный северный ветер гнал по улицам клочья не то дыма, не то утреннего тумана, поднимающегося от мокрого асфальта.

Осмотревшись, я двинулся к ближайшей голограмме «М». Там, под землей, среди теплых потоков воздуха, закручиваемого вихрями проносащихся поездов, меня ждала группа ребят из числа добровольцев. Эти парни согласились помочь, ничего не желая получить взамен. Только право упоминать, что работали с Белым Братом. Если, конечно, выживут. И новые имена по моему усмотрению.

В метро было тепло, пахло горячим металлом, электричеством и чем-то еще, может быть, человеческими телами, стиснутыми в вагонах. Огромная паутина переходов, сопоставимая по своим масштабам только с городом, возвышающимся над ней, жила своей жизнью. Нижней. Совсем не похожей на Верхнюю. Жилые подземные ярусы небоскребов, автомобильные стоянки, служебные эвакуационные коридоры, теплотрассы и наконец тоннели метро. Действующие, старые и строящиеся. Запутанный и сложный верхний город-муравейник имел еще более запутанные корни, уходящие в невероятную глубину, к самому основанию Земли, черпая оттуда тепло и электричество.

Скоростной эскалатор промчал меня через километры изъеденного туннелями камня, и я ступил на платформу как раз вовремя, чтобы успеть на подошедший поезд.

Тонко звякнуло в ухе. Я быстро приладил лепесток гарнитуры и проскочил в закрывающиеся двери. Пол под ногами дрогнул. В окнах мелькнули огни, и все почернело.

Конечно, я мог говорить по мобильному и не надевая микрофона. Имплантаты позволяли. Но так грубо светиться было бы неразумно.

— Слушаю.

— Белый Брат? — раздался молодой голос.

— Да. Уже еду.

— Все собрались.

— Хорошо, — ответил я и отсоединился. Молодежь нервничала. Для них, одаренных и талантливых, это было все-таки первое, по-настоящему серьезное дело.

Они ждали меня на станции, неподалеку от одной из решетчатых ферм, поддерживающих высокий потолок. Мальчики и девочки лет по восемнадцать. Все в черном. Плечо к плечу. Словно камень на пути у людского потока.

Я подошел к ним и поднял правую руку ладонью вперед.

— Белый Брат.

— Здравствуй, — ответил высокий парнишка, повторяя мой жест. — Я младший. У меня еще нет имени. Меня зовут Сергей.

— Хорошо, Сергей. Если сегодня мы сделаем все правильно, то у всех вас появится имя. Где берлога?

— Там, — Сергей мотнул головой в сторону туннеля. — Пройдем служебными ходами, у меня есть знакомый...

— Тогда пойдем, — оборвал я его. Парень сильно волновался и поэтому много говорил.

Молодые окружили меня плотным кольцом. Сергей открыл какую-то дверцу, мы шагнули внутрь темного коридора.

— Сейчас, — прошептал кто-то. Послышалось шипение газа, прыснули искры. В темноте вспыхнул маленький огонек зажигалки, осветивший лица, руки. Из ниоткуда появился факел.

— Электричество будет дальше, — извиняясь, пояснил Сергей.

— Ничего, — ответил я.

Лестница. Коридор. Переход. Снова лестница. Какие-то туннели, из которых дует сильный горячий ветер. Воронки служебных винтовых лестниц. Вниз. Ниже, ниже. Факел чадит, дым ест глаза тем, кто идет сзади. Наконец мы останавливаемся, вспыхивает яркий свет, и я уже не представляю, где мы.

— Теперь осталось недолго, — говорит Сергей, и мы снова идем.

Лестницы, туннели, переходы, коридоры. Лестницы.

Берлога оказалась вместительной. Я смотрел на разри-сованные стены, опутанные толстыми кабелями, на ремни подвески, свисающие с потолка, и старался понять, какой была берлога, пока ее не обнаружили эти ребята. Полу-крутлый серый потолок из морщинистого, разъеденного временем камня. Крепкие стены. Прямоугольные колонны. Тут можно было разместить массу народа.

— А шнурки сюда протянуты? — спросил я.

— Да, конечно, — ко мне подскочил Сергей. Он вместе с остальной группой занимался предварительной на-стройкой оборудования. — Это место нашла Мария.

Он махнул рукой куда-то в толпу ребят. Девочка под-няла руку. Я встретился с ней глазами. Милая. Светлень-кая. И совсем молодая. Это было плохо. Брать с собой очень молодых не хотелось. Их психика слишком неустой-чива. Они могут наделать глупостей. Но... подключился один раз, подключился навсегда.

— На самом деле мы раскопали данные в архиве, это бывшее бомбоубежище.

— Так глубоко?

— Да! — Сергей обрадовался моему вниманию, а я не-довольно поежился. Привыкать к молодым нельзя. Они слишком легко уходят... — Когда-то оно было глубоко, чтобы не достали бомбы.

— Но сюда не достанет ничто. Даже если будут лучом бить с орбиты.

— Дело в том, что город, когда строили это убежище, был ниже.

— То есть?

— То есть метро, которое действует сейчас, проходило

когда-то по улицам города. На специальных мостках. Но потом город рос, поднимался выше. Поставили первый купол, накрывший всю эту зону. Потом второй. Кажется, они хотели сохранить тепло, когда льды начали таять. Так поверхность земли оказалась внизу. А сверху насыпали новые поля, высаживали деревья и траву. Снова строили. Я могу показать остатки домов, залитые бетоном. Сохранилась даже целая улица. Окна, асфальт, стены. Представьте, дома стали чем-то вроде колонн, цельнолитых колонн, которые удерживают купол и все, что на нем стоит. Это очень красивое место. Я потом вас свожу, обязательно...

Он зря начал этот разговор. «Потом» у них может и не быть. А у нас «потом» не будет точно.

— Тут есть связь?

Сергей сбился. Покраснел.

— Да. Сюда протянули все давным-давно, когда еще не было первого купола.

— Тогда готовьте подвеску.

— Да, конечно.

Он отошел, а я принялся распаковывать свое оборудование. Подключаться на чужом хозяйстве могут только новички. Терминал, разъемы, кабели. Все должно быть свое. Притертое. Знакомое. Так парашютист укладывает свой купол, стропами держащий его за небо. Сам. Это не понт или примета. Просто никто не знает тебя лучше, чем ты сам.

— Которая? — спросил я у ребят.

Они поняли меня без лишних слов и указали на центральную подвеску. Я улыбнулся. Вот это как раз была примета. Центральная подвеска считается почетной. Там подключается лидер группы. Хотя на самом деле все подвески равнозначны. Иногда, если есть вероятность, что на подключенную группу нападут, в центральную подвеску ложится самый молодой. Он смертник. Спецназ в первую очередь стреляет именно по ней. По центральной. Спецназ верит в приметы. И думает, что мы в них верим тоже.

Поскольку напасть на тех, кто подключился, в реальности могут всегда, то неподключенной должна остаться группа прикрытия. Если в виртуальный бой идет молодежь, то в реальности остаются старики. После недавних законо-

дательных изменений старики — это те немногие, кто знает, как обращаться с оружием. В профессиональную армию таких, как мы, не берут. А учиться владеть оружием на стороне есть возможность не у многих.

— Кто будет связным? — спросил я.

— Я! — Руку поднял низенький толстячок, полная противоположность Сергею. — Антон.

— Ты быстрый?

— Очень, — ответил за парня Сергей, хлопнув его по плечу. — Он действительно быстрый.

Я кивнул и принялся выдирать их провода из подвески.

Сергей некоторое время молча смотрел на мои действия, а потом не выдержал:

— Зачем вы делаете это? Провода совсем новые.

— Вижу, — ответил я. — И приемник для порта совсем новый. И все фирменное.

— Да, — в его голосе я услышал легкую обиду.

— Так пусть все это останется новым подольше. Каждый подключается со своим хозяйством. Это правило.

— Извините, — Сергей опять покраснел и отошел.

— Тебе не за что извиняться, — ответил я. — Вы все сделали правильно. Хозяйство в норме. Но подключаться со своим.

Я махнул рукой Антону. Толстячок подошел ближе.

— Ты «быстрый»?

Он кивнул.

— Я поясню тебе задачу... — Антон хотел что-то сказать, но я жестом заставил его замолчать. — Ты ее знаешь, но я расскажу тебе все заново. «Быстрый» — это тот, кто легко может разорвать подключение. Передать сообщение реальности и снова подключиться. Ты это знаешь. Значит, ты не должен уходить слишком глубоко. Таково правило, и ты его тоже знаешь. Однако я хочу, чтобы ты сегодня нарушил его. Мне потребуется твое присутствие. Рядом. Постоянно. Так глубоко, насколько ты сможешь, потому что я буду нырять серьезно. Понял?

— Да.

— И ты должен всегда держаться на расстоянии фразы от меня. Как это делать, ты знаешь. Но есть одна осо-

бенность. Концентрация должна быть на мне. Отвлекся — погиб. Только на мне. Тогда ты сможешь разорвать подключение легко.

— Но как же...

— Никак. — Я рубанул ладонью воздух. — Если я скомадную разрыв, ты должен разорвать подключение и вынести то, что я тебе дам. Найти меня на том уровне будет уже невозможно. По крайней мере я бы не смог. Так что ты сегодня «быстрый» на один раз. Если все сложится плохо, ты вынесешь объект наверх. Без меня.

— А что потом с ним делать?

— Я скажу. Но главное, чтобы ты все понял.

— Я понял. Можешь не беспокоиться, Белый Брат.

— Тогда иди.

Антон вернулся к своей подвеске.

— Кто остается снаружи? — поинтересовался я.

Сергей показал на группу ребят, неуклюже примостившихся у входа. На коленях они держали биты, у кого-то на руку была накручена цепь.

— Это все, что у вас есть?

Ребята кивнули.

Из сумки я вытащил короткий «скорпион-В» и несколько одноразовых пульсаторов.

— Умеете обращаться?

Ребята покосились на старшего. Тот прочистил горло и взял в руки пистолет.

— Думаю, справимся.

— Когда-нибудь стрелял?

— Ну, да. Немного. В тире у отца.

— А кто отец?

— Он умер, а был полицейским.

Я молча кивнул и отошел. Команда прикрытия была до крайности хлипкой. Приходилось надеяться на сложную систему переходов, лестниц и прочие лабиринты, которые неизбежно придется миновать спецназовцам по пути в берлогу.

Вообще ребята были зеленые. Совсем. В годы, когда я начинал, таких в подключение не брали. Никто не хотел отвечать за мертвецов.

Но выбирать не приходилось.

Я вернулся к основной группе.

— Кто пойдет в первой волне?

Сергей недоуменно посмотрел на меня.

— Все...

— Нет. Всем нельзя, — я покачал головой. — Со мной сначала пойдут четверо. Плюс «быстрый». Остальные тоже подключатся, но не сразу. Возможно, надо будет войти на место ушедшего бойца.

— Ушедшего?

— Того, кто больше не сможет держать подключение, — пояснил я. — Того, кто уйдет от нас. Туда. Я говорю про «рыбу».

Сергей кивнул. Остальные при упоминании «рыб» побледнели.

Ничего.

Иначе в подключении нечего делать. Там смерть далека, но зато слишком близко подходит безумие.

— Остальные, если не будет «рыб», пойдут позже. Мы уйдем очень глубоко. Возможно, нас надо будет вытаскивать. Сначала иду я, «быстрый» и еще четверо. Кто?

Вперед шагнули все, но четыре человека успели чуть раньше. Хорошая реакция и способность моментально принимать решения — это то, что может действительно спасти в трудную минуту.

— Я буду показывать на вас, а вы — называть имя.

Тычок пальцем. В лоб. Как пистолетным дулом. Это очень правильное сравнение. Выбирая, я, может быть, убиваю их.

— Мария.

Тычок пальцем.

— Стас.

Тычок...

— Роман.

Последним был Сергей. Он не был бы главным, если бы не пошел в первой четверке.

— Остальные подключатся через час. Или на место того, кто уйдет. Если это произойдет, называть вас там я буду по имени тех, кто подключился первым. Мария, Стас,

Роман, Сергей. Те, кто пойдет во второй группе, будут оттягивать внимание на себя. Если потребуется. Приблизительно к этому времени мы будем уже в охраняемой зоне. Всем все понятно?

Они кивнули одновременно.

Если ребята будут так же синхронно действовать, подключившись, то у нас есть шансы.

— Тогда, — я осмотрел всю группу, — готовность номер один. По машинам.

Подвеска. Ремни. Человек повисает в воздухе, распятый, привязанный к потолку. Разъемы. Порты. Зрение подводит. Стены дрожат. Потолок опускается вниз. Мембраны включаются. Трудно дышать. Спазмы. Питающая смесь мягким теплом разливается по венам.

— Если цвет, то белый. Если идти, то до конца. Если подключился, то раз и навсегда...

Подключение. Подключение. Подключение.

Короткие гудки на линии связи. Занят. Мозг занят. Мир занят. Вселенная.

Короткие гудки. Звезды на небе пульсируют в такт.

Подключение.

Это не похоже ни на что. Весь жизненный опыт пасует, когда подключаешься в самый первый раз. Да и потом, когда мир становится плоским, двумерным, неизменно чувствуешь себя обманутым. В первый момент. Потом... картинка комкается, валится куда-то внутрь. И ты с ужасом понимаешь, что это ты — картинка, плоский мир, схлопывающийся в себя.

Коллапс. Ты сжимаешься в точку.

На этом режется большинство тех, кто не создан для подключения. Момент смерти, когда подключившийся с треском проламывается внутрь собственного сознания.

Я читал об этом. Виртуальность фактически находилась где-то внутри человеческого Я. В глубинных слоях мозга создавались образы, события, реакции. Но все это вместе с тем существовало и вне человека. Виртуальность не была чьей-то личной фантазией, галлюцинацией, бредом. Нет. Это была общая, глобальная сеть, поддерживаемая теми, кто был подключен. Само подключение было чем-то

сродни прорыву на другой уровень реальности, в ноосферу, где людские сознания могли свободно взаимодействовать. Сложнейшие машины и аппаратные комплексы только поддерживали общую для всех среду обитания, способствовали проникновению. Никто не создавал Виртуальность. Она существовала всегда. Внутри людей. Вокруг людей. Ее нужно было только открыть. Но чтобы попасть туда, нужно было умереть.

И мы умирали. Каждое новое подключение — смерть по дороге к бессмертию.

Можно было сказать, что все это было результатом обшей, многомиллионной медитации. Миллионы людей ежесекундно уходили в себя, погружаясь в подсознание, как в море, чем глубже, тем темнее, тем страшнее. Виртуальность — это внутренний мир человека. Вид на его сознание изнутри. Человечество научилось пользоваться им. Как машиной.

Я повис где-то на поверхности. Подо мной, далеко-далеко внизу, горели яркими огоньками сообщества. Возвышались огромные прямоугольники корпораций, защищенные от чужого вмешательства. Глыбы банков. Чашки развлекательных центров.

— Ты говорил, что цель скажешь нам при подключении, — донесся до меня голос Сергея. Он висел справа. Остальные еще не появились.

— Скажу, — я подобрался к нему поближе. — Видишь, вон там... Огромная чаша.

— Вижу.

— Нам надо туда.

— Это «Медицина». В зеленой зоне. Нельзя атаковать тех, кто находится в зеленой зоне.

— Знаю. Но мы идем не атаковать. Нам всего лишь нужна небольшая услуга.

— Услуга?

— Да. Нам нужны данные.

— Почему ты не сказал раньше?

— А ты бы согласился?

— Не знаю. — Сергей смотрел на огромную чашу медицинского банка данных.

— Но сейчас ты уже не отступишься.

Я не спрашивал, я утверждал. Сергей промолчал. Если ты подключился, то раз и навсегда. Это становится жизнью.

— Мы не должны ломать, — сказал я, — мы должны войти. Но не с парадного входа.

— Почему не с парадного?

— Я уже пробовал.

— Но что мы ищем?

— Вы не ищете. Ищу я. От вас только помощь. Ты когда-нибудь слышал о системе трех точек?

— Слышал, — сказал Сергей. Вокруг начали проявляться другие члены группы. — Система трех точек — это минимальная схема подключения, необходимая для функционирования Виртуальности. Она работает все время.

— Совершенно верно. Все знают, где она находится?

— Наверху.

— Тоже правильно. Система трех точек выведена из Виртуального мира. Она снаружи. Это единственное созвездие, которое светит нам, когда мы подключаемся. — Я знал, что сейчас вся группа смотрит в небо. Туда, где горят три яркие звездочки. — Об этом писали многие. Есть много умных книг на эту тему. Но все они за ворохом слов и зауми прячут собственную некомпетентность. О системе трех точек известно только, что любые действия в Виртуальности связаны с этим созвездием. Так или иначе проходят через него. А значит, именно оттуда можно осуществлять контроль. Тот, кто сможет проникнуть в систему, будет владеть этим миром.

— Но ее никто не ломал...

— Ты хочешь сказать, не сломал? Не проник. Пытались многие.

— Но как? Мы же находимся на самом верхнем слое, а до звезд еще... — подал голос кто-то. Мне показалось, что это Мария.

— Ребята. Мы ныряем. А для того чтобы достичь звезд, надо взлететь.

— Я все равно не понимаю, какое это имеет отношение к нашей сегодняшней работе, — проворчал Сергей.

— Нам нужна информация о человеке, который однажды был там. — Я указал наверх. — И она хранится в «Медицине». Слышали про Белого Медведя?

Группа молчала. Только «быстрый» пробормотал что-то неопределенное.

— Он был одним из нас.

— Но почему «Медицина»?

— Я ищу его уже два года. Во время одной из атак его взял «спрут». Знаете, что это?

— Защитный модуль. Бот.

— Правильно. Бот высшего уровня. Если вас схватил «спрут», это очень плохо. У Белого Медведя не выдержало сердце. Это, наверное, его и спасло. Он не стал «рыбой». Он просто умер раньше. Ему сделали операцию. И после нее он пропал.

— Почему он не стал «рыбой»? — Сейчас у них была возможность спрашивать. Для того чтобы полностью подключиться, нужно время: начинать акцию сразу — чистой воды самоубийство.

— Никто не знает. В Виртуальности не умирают, тут сходят с ума. Сначала человек становится «рыбой», теряет ум, а уже потом... Потом неважно, что станет с телом, разум не вернется никогда. А Белый Медведь умер раньше. Группа прикрытия вовремя сообразила, что произошло, и успела доставить его в больницу. Я нашел тех, кто еще жив из той команды. Кто-то видел Белого Медведя после операции, но до конца в этом не уверен. Некоторые считают, что он не дотянул до больницы или окончательно умер под ножом хирурга.

— А если это действительно так?

— Я в это не верю. Я должен знать наверняка. Потому что если он сумел дойти до системы трех точек, то, значит, может и другой.

— Скажи, — подал голос Сергей. — Это только твое дело или...

— Или, — оборвал я. — Вы идете?

— Мы идем, — сказал Сергей.

Погружение. Далеко под нами темная бездна. Наша задача — падать. Опускаться. Сначала неторопливо, мед-

ленно, осторожно. Но чем глубже, тем быстрее. Чем быстрее, тем короче становится расстояние между нами. Расстояние одной фразы. Виртуальность имеет свой звук. Тут слово теряет смысл. И остается ритм. Колебания. Чего? Какая субстанция окружает нас? Через какие слои мы прорываемся? Что выталкивает нас на поверхность? Никто не знает. Виртуальность не существует в реальном мире. Она внутри нас. Это путешествие в глубины собственного Я. Погружение в себя.

Наконец мы достигли первого транспортного слоя. Тут движение было значительно более оживленным, чем у поверхности. Это чувствовалось кожей, необъяснимо, однако вместе с тем понятно. Слово сообщение, принятое мозгом напрямую, в обход слуха или зрения. Первый транспортный слой. Ежесекундно мимо нас пронеслись тысячи, десятки тысяч пользователей. Невидимых, но вполне ощущаемых. Повстречать случайного человека в Виртуальности невозможно. Мы подключились группой, зная об этом заранее, и только это позволяло нам взаимодействовать, видеть друг друга, слышать. Но вокруг нас тоже были люди. Мы чувствовали их присутствие так же, как они ощущали наше.

— Идем еще глубже, — скомандовал я. Фраза достигла ушей первого, через его ретрансляторы второго и далее по цепочке. Именно это и называлось «расстояние одной фразы». Когда сказанное тобой слово доходит до адресата само. Если бы расстояние между нами было больше, фраза незаметно прошла бы через ретрансляторы тех людей, которые находятся в этот момент рядом. Или в пустой зоне вообще не была бы услышана. Такова Виртуальность. — Нам нужен третий слой.

И снова погружение. Теперь быстрое. В темноту. И только три ярких звезды светятся за нашими спинами.

Второй транспортный слой — это уже зона повышенной плотности. Им не пользуются те, кто подключился из дома. Это область жизнедеятельности фирм. Малых и средних контор. Небольших представительств. Тут идет постоянный обмен данными, цифрами, знаками. Всем, за счет чего существует бизнес вообще.

Мы погружались все глубже. В самые темные зоны человеческого сознания. На третий транспортный слой. В царство серьезных корпораций, научных центров, правительственных организаций. Приходилось напрягаться, чтобы удержаться на этом уровне Виртуальности.

— Входим...

Транспортный поток легко втянул нас. Это было ни на что не похожее, удивительное ощущение, движение во всех направлениях одновременно. Необходимо было только выбрать направляющий вектор. Мгновение, и вот огромная светящаяся чаша начинает расти на глазах.

Перемещаться таким образом можно было до определенного момента. Потом движение становилось неуправляемым. Именно эта проблема и стала причиной разделения изначально одного транспортного потока на два, три, а потом и четыре. Труднее всего почувствовать момент перехода. Вот течение послушно, но всего лишь миг, все меняется, и из хозяина положения человек превращается в пленника.

Я немного ушел вверх. Наверное, можно было еще подождать, но есть четкое правило: «Если ты подумал, что пора выходить из потока, значит, действительно пора».

Вверх. Еще немного. Группа шла за мной. Маловероятно, чтобы ребята забирались дальше второго уровня, но сейчас действовали они правильно. Каждое мое движение синхронно повторялось за моей спиной.

Поток отпустил неохотно. Теперь чаша «Медицины» возвышалась над нами огромной, до самого неба башней чистого знания. Мы все еще неслись с большой скоростью, но движение уже не ощущалось.

— Разворачиваемся, — сказал я.

«Быстрый» переместился за мою спину, остальные перестроились «розеткой». Приближалась нулевая «человеческая» зона идентификации. После нее должны были начаться сложности.

Впереди замаячила фигура в светлом халате.

— Вы приближаетесь к информационному центру «Медицина». Доступ...

Мы в молчании промчались мимо.

Фигура в белом появилась снова.

— Вы приближаетесь к информационному центру «Медицина»...

Наша скорость была еще слишком высока.

Третий пункт очутился на нашем пути почти сразу же.

— Доступ только зарегистрированным пользователям.

Прошу вас пройти идентификацию.

Конечно, это требование можно было проигнорировать. После третьего предупреждения автоматически включается тревога. Но почему-то хотелось заявить о себе. Чтобы где-то далеко, по всему миру разом, взвыли системы безопасности. Чтобы люди тревожно повернулись к вечно спокойным терминалам зеленой зоны.

Пусть знают. Это я. Белый Брат. Снова нарушаю закон.

Наша «розетка» пошла вперед, я развернулся и вмазал почти не глядя в бесконечно повторяемое:

— ...пройти идентификацию. Прош...

Что ты делаешь, птичка, на черной ветке,

Оглядываясь тревожно?

Хочешь сказать, что рогатки метки,

Но жизнь возможна?

Виртуальность не понимает слов. Эта глубина человеческого сознания не знает смысла. Любая сервисная программа общается с вами через интерпретатор колебаний той среды, которая нас окружает. Эту среду можно раскатать. Растревожить. Закрутить в заданном ритме. Слов, предположений, стихов. Да, конечно, можно было бы выдать бессмысленный набор звуков, имеющих определенный ритм, а то и воспользоваться специальным модулятором. Сейчас многие поступают именно так, но это все-таки дурной тон.

Я задержался на секунду, чтобы посмотреть, как сказанные мной слова рвут на части фигуру в белом халате. Как колеблется, постепенно затихая, мир вокруг нас.

Слова не имеют значения, только ритм.

Вскоре я догнал основную группу, отметив, что «бы-

стрый» действительно хорошо удерживает дистанцию. Даже когда я отстал, парнишка висел рядом.

— Вперед!.. — выкрикнул Сергей. Концовка фразы смялась, не дошла до меня. «Медицина» в экстренном порядке вычищала подключения. Плотность ретрансляторов вокруг нас становилась меньше.

Я подобрался поближе.

— Повтори.

— Впереди первая линия.

— Вы знаете, что делать.

Первая линия — это не страшно, это для совсем зеленых. Всего лишь первый слой ночных кошмаров. Их нечеловеческой части.

Группа разошлась в стороны.

Словно из небытия вынырнули «пиявки». Черные плоские боты-модуляторы. Никаких мозгов, никакого разнообразия, только звуковая волна определенной частоты. Глушилка.

«Пиявки» прыснули в стороны, пытаясь охватить всю группу разом. Но «розетка» разлетелась слишком широко. Драгоценные секунды были впустую потрачены на перориентацию. Я видел, как перед ребятами возникают стоячие звуковые волны, компенсирующие вой глушилок. Мне очень хотелось знать, что используют новички, но расстояние не позволяло. Как-то раз, давным-давно, я, еще очень очень зеленый, оказался рядом с Длинным Пером, уничтожившим первый «батискаф». Мощь его оружия меня потрясла. Именно после этого случая я забросил свои автоматические модуляторы, вопилки-кричалки и перешел на стихи.

Видимо, я выглядел не самой опасной мишенью. На меня отвлеклась только одна «пиявка». Я почувствовал вибрации, исходящие от нее, издалека. Пока слабые, но нарастающие.

Древко твое истлело, истлело тело,
в которое ты не попала во время Оно.
Ты заржавела, но все-таки долетела
до меня...

Заканчивать не пришлось. Глоская черная пластинка дернулась, изогнулась, размазалась и пошла вниз, вниз, в темноту глубины. Фактически четверостишие было «стоячее», но примитивному боту первой зоны хватило легкого диссонанса во второй же строчке.

Мимо, откуда-то сверху, проплыла другая «пиявка», убитая кем-то из нашей группы. До меня донеслось:

Революция,
Как проституция, —
Нелегальна...

Кто-то лихо работал на трех строчках. В первой зоне этого было достаточно.

Зеленая колоссальная чаша «Медицины» становилась все ближе. Она уже закрывала полностью все пространство впереди, когда на нас вышли «батискафы».

Группа приблизилась ко мне, мы пошли одним кулаком.

«Батискаф» — существо более сложное, чем «пиявка». Прежде всего бронированное, и простым волновым возмущением пространства его не возьмешь. Эту круглую посудину надо раскачать, сделать нестабильной. К тому же бот уже знает оборонительные азы. По крайней мере вполне уверенно создает стоячие волны. Слава богу, его не оборудовали синтезатором речи, иначе нам пришлось бы туго.

Очень немногие могли утопить «батискаф» в одиночку. Требовалась согласованная работа всей группы. Бронированная машина бота не переносила разницы в ритмах.

— Поехали по кругу, — скомандовал я. — Начинает Сергей. Заканчиваю я.

«Батискаф» стремительно приближался.

Сергей молчал.

Сказать слово сейчас означало спровоцировать бота на упреждающую атаку. Он учует волну и даст залп такой мощности, чтобы завалить наверняка и всех.

Сергей молчал. Мы приблизились настолько, что я уже мог разглядеть мембраны звуковых орудий на толстых стенках «батискафа».

До выстрела оставались считанные секунды.

Все химеры — по клеткам.
Этапы пройдены.
И на лавровых ветках
Слезинки Родины
Не заметны.

За ним подхватила Мария:

Жизнь обносит железным забором
Все, чем я дорожу на земле,
Жизнь берет мою душу измором,
Приучая к тоске, как к игле.

Следом за ней послышался невнятный, разбитый на тройки рев глушилки Стаса. Парнишка использовал стандартную схему. Не слишком надежно, но сейчас действительно. Что-то заговорил Роман. Его слова спотыкались, путались. Перед нами плыло жаркое марево. Пространство впереди потемнело. Через эту неверную занавесь я видел, как волнуется «батискаф», пытаясь подстроиться под нужный ритм, выставить контрволну. Но не сейчас.

Проституция будет легальной.
Конституция — оригинальной.

Это Роман. Я понял, кто давил трехстишиями «пиявок» в первой зоне.

Слово было за мной.

Я всегда твердил, что судьба — игра.
Что зачем нам рыба, раз есть икра.
Что готический стиль победит, как школа,
Как способность торчать, избежав укола.
Я сажу у окна. За окном осина.
Я любил немногих. Однако сильно.

Страшное мерцающее облако накрыло обреченный бот. И за мгновение до того, как он разлетелся дымными осколками, я даже успел пожалеть его. Не каждый может сочинять стихи, не каждый может даже их читать. Читать так, чтобы ясен был не смысл, а ритм, построение звуков в сложные узоры. Когда-то давно мне казалось, что тут, в Виртуальности, жить легко. И любой, начитавшийся стихшков, может всю пиратствовать в корпоративных сетях. Одна-

ко потом все оказалось сложнее. Виртуальность, как часть сознания подключившегося, оказалась нечувствительна к простому зазубриванию. Ритм должен был странным образом ложиться на душу человека. Быть где-то внутри. На некоем, закрытом от света, неосязаемом уровне восприятия. Иначе первая же «пиявка» превратит неудачника в овощ.

Стихи как программы — кто-то умеет их писать, кто-то нет. Кто-то пользуется уже готовыми, а кто-то просто подбирает ключи.

Мы мчались к зеленой башне, окруженные облаком слов и звуков.

Где-то далеко-далеко нашего возвращения ждали наши тела. Капал физраствор. Гудела вентиляция. За мониторами сидела вторая группа. Ребята пытались замаскировать нас. Представить ложными обращениями, случайными контактами, неизбежными в виртуальной среде. Они грузили защитную оболочку имитациями вторжения, отвлекали внимание. В это же самое время такая же группа работников «Медицины» пыталась отследить канал подключения. Отбросить ложные цели. Пустить по нашему следу собак. Скинуть нам на голову спецназ.

Сейчас все решала скорость. К месту прорыва стягивались «призраки». Боты последней зоны обороны, встреча с которыми не сулила ничего хорошего.

Я был уже на границе зеленого, сказочного света, когда сверху оглушительно охнуло, и мир вздрогнул. В тело впилась боль. Мне показалось, что все мои органы одновременно рванулись в разные стороны. Еще чуть-чуть, и я порвусь. Лопну кровавым мыльным пузырем. В глазах потемнело.

Я дернулся вниз. Извернулся, чтобы увидеть, как бьет в конвульсиях Роман и медленно дрейфует вниз, в черноту, Мария. Над нами нависла огромная «акула» из призраков последней линии. Сзади торопливо подтягивались распуганные «батискафы».

Кто-то, кажется Сергей, извернулся так же, как я, и бил метко, рвано:

Революционный держите шаг,
Неугомонный не дремлет враг.

«Акула» не торопясь набиралась сил для следующей атаки. Слишком популярный ход. Тут, в Виртуальности, Маяковский так и просился на язык. Многие боты к нему были уже нечувствительны. Я знал, что сейчас анализаторы «акулы» цепко держат нас на прицеле, ловя отголоски нервных импульсов, биений сердца. Она сейчас подбирала ключик к нервной системе каждого из нас. Чтобы ударить наверняка.

Последний раз дернулся Роман. Его движения сделались осмысленными. Это кто-то из резервной группы подключился на готовой подвеске. Мария «ожил» чуть позднее. Замешкалась. На самом деле я знал, что сейчас ее тело выволакивают из паутины ремней. Отключают систему жизнеобеспечения. Пытаются вернуть... Уже осознавая безнадежность своих действий.

— Оставь ее! — закричал я Сергею. — Оставь! В зелень! В зелень уходи!

Меня услышали, но уйти от второго удара «акулы» успели не все.

И сейчас, где-то далеко-далеко, снаружи, из подвески выволакивали еще одно тело. Парнишка, занявший место Марии, разделил ее судьбу.

«Рыба».

Я смотрел, как тает «акула». Как нервно подрагивают ее плавники. Истончаются. Бледнеют на глазах. Призрак втянулся обратно. Туда, откуда вышел. В коллективное подсознание.

— Пойдем, — с трудом выдавил я. — По очереди. В ключевых точках буду оставлять по одному.

Лабиринт. Зеленые стены. Направлений нет. Сейчас от меня не зависит ничего. Задача поставлена. Поисковый модуль включен. Я могу только падать. Опускаться в зеленое, в огромную изумрудную чашу. Гудок. Занято. Гудок. Я падаю. Опускаюсь. Все ниже, глубже.

Где-то на середине кольнуло под сердцем. Остро.

— Сергей, останься, — прошептал я.

Первая ключевая точка. Чтобы потом вернуться, требуются четыре.

Падать. В зеленое. Находиться на грани. Сознания.

Укол.

— Роман, останься...

Укол.

— Мария...

Я говорю с «рыбами». Они смотрят на меня холодными блюдцами глаз. Не мигают. Я называю их имена. Мертвые идентификаторы того, чего больше нет. За мной тянется эта цепочка. Холодных, пристальных глаз, которые уже не видят меня.

— Стас...

Поисковый модуль рассчитал точки возврата. Ему ничего не стоило привести меня к искомой информации сразу. Но тогда я бы никогда не нашел дороги назад, вечно дрейфуя в зеленом изумруде, растворяясь в нем, становясь его частью. Ключевые точки позволяли мне вернуться.

Где-то впереди замаячила яркая звездочка.

Я подплыл. Протянул к ней руки, чувствуя, как разливается по ладоням тепло.

Объект. Цель. Данные.

По спине пробежал холодок. Сковал ноги, грудь. Из-за плеча высунулось длинное щупальце.

— Антон! — Я толкнул яркую звездочку «быстрому». Он подхватил ее и исчез. — Уходи...

Я извернулся и лицом к лицу столкнулся со «спрутом».

Тупая морда, глаза-тарелки, в которых отражается мое лицо.

Редкая неудача.

Боты высокого уровня никогда не плавают в таких местах, потому что никто не нападает на объекты, расположенные в зеленой зоне.

Прости меня, Белый Медведь.

Я почувствовал, что «спрут» тянет меня на глубину. Изумрудная зелень вокруг нас потемнела, это была уже не ласковая вода, а гибельное болото. Там, на глубине, любое слово, любой звук подобен разорвавшейся гранате.

Успеть немного раньше...

Простимся,
До встреч в могиле.
Близится наше время.

Когда заговорил «спрут», меня передернуло. Это была умная машина.

Ну что ж!
Мы не победили.
Мы умрем на арене.

Пространство заколыхалось, задергалось. Граница ритмов, волн, проходила через нас.

Тем лучше: не облысеет
От женщин, от перепоя...
...А небо над Колизеем...

В сцепке менять ритм было нельзя. Ни я, ни «спрут» не могли просчитать вероятную реакцию среды. Такой фокус мог пройти во время боя на расстоянии. И тогда вероятность победы у бота была велика. Но не сейчас.

...Такое же голубое,
Как над родиной нашей,
Которую зря покинули...

Секундное промедление, и стоячая волна огромной силы пойдет в сторону замешкавшегося. Разорвет, сомнет, уничтожит.

Ради славы,
А также
Ради золота римлян.

Я знал этот стих лучше, чем люди знают свое имя. И «спрут» знал его так же хорошо.

Впрочем,
Нам не обидно,
Разве это обида.

Просто такая,
Видно,
Выпала нам планида...

Морды «спрута» почти не было видно за темной волной.

Близится наше время...
Люди уже расселись.
Мы умрем на арене.

«Гладиаторы» были моей последней надеждой. Я не сбился. Не потерял ритма. И последнее слово осталось за мной.

Людам хочется зрелищ.

Я еще видел, как в разные стороны полетели ошметки тела бота. Как лопнули глаза-блюда. А потом, вероятно, волной зацепило и меня. Череп стиснуло болью. Все потемнело вокруг. И когда я открыл глаза, мое тело, плотно оплетенное паутиной шупалец, медленно опускалось вниз. В глубину. Без шансов на возврат. Болотно-зеленый менялся на серый, который все больше темнел. Мне не всплыть. Кончилось...

Я — «рыба». И буду ею всегда. Не умру. Всегда, пока существует Виртуальность, я буду опускаться в темноту. Собственного сознания. Глубже и глубже, туда, где нет дна.

Рыбы зимой живут.
Рыбы жуют кислород.
Рыбы зимой плывут,
Задевая глазами лед.
Туда,
Где глубже.
Где море.
Рыбы.
Рыбы.
Рыбы.

Безнадежные волны уплывали вверх. Чтобы затеряться, стать фоном.

Виртуальность существует, пока есть чье-нибудь сознание, которое поддерживает ее. И я, мой разум, есть, пока существует Виртуальность. Так змея заглатывает собственный хвост.

Рыбы плывут зимою.
Рыбы хотят выплыть.
Рыбы плывут без света.
Под солнцем
Зимним и зыбким.

★
Меня перевернуло. И я закрыл глаза, чтобы не видеть той страшной тьмы, в которую опускался.

— Белый Брат, — шепнуло пространство. — Белый Брат...

Я замотал головой, чтобы не слышать.

— Белый Брат...

Но я только сильнее стиснул веки. Зубы. Сходить с ума — это гораздо хуже, чем умереть.

— Белый Брат! — И что-то ухватило меня сзади.

Темнота светлела, делалась серой, потом зеленоватой. И из страшного, немого болота я выплыл на поверхность.

— Белый Брат! — Плотное спеленатое тело развернулось, будто само по себе. На меня смотрел «быстрый».

— Не надо было... — выдавил я.

Он рискнул. Нырнул. Ушел так глубоко, насколько мог.

— Я шел на ваших рыб.

— Они не мои...

А потом мы всплыли. И отключились.

— Легкий Ветер, — я коснулся ладонью плеча того, что когда-то, давным-давно, едва ли не вечность назад, назвался Сергеем.

— Быстрый Рыбак. — И Антон улыбнулся, забывая, как его звали раньше.

Еще пять имен.

И три «рыбы». Ночными кошмарами они будут возвращаться ко мне. Из страшной глубины моей головы. Мой язык так и не повернулся сказать Быстрому Рыбаку, что меня действительно не надо было спасать.

Я нашел его не в каком-нибудь экзотическом месте. Таких мест просто не осталось в мире. Все истоптано, искожено вдоль и поперек. Каждая черточка, каждая песчинка посчитана и нанесена на карту. Любая экзотика кажется уже пошлостью. Хотя понимают это немногие.

Я нашел его на окраине города.

В доме, который поддерживал нижние купола. Круглая огромная колонна, уходящая в небо.

И панорамная полоска монитора на стене показывает фермы и бетон строящегося города. Несуществующее окно. В реальный мир.

Белый Медведь посадил меня в центре комнаты. Он был рад. Только горчила немного улыбка. Грустью.

Мы пили чай. Настоящий. Не синтезированный. Где он его взял?

— Ты ведь пришел спросить про систему трех точек?

— Да, Белый Медведь. Нам нужна эта система.

— Тебя послало Братство?

— Да. Но неофициально. Это что-то вроде закрытого дела. О моей миссии знают немногие.

— Миссии. — Белый Медведь улыбнулся. — Какие красивые слова. Братство любит неофициальные дела.

— Чтобы найти тебя, пришлось постараться.

— Ну, хорошо, пусть будет миссия. Иначе все жертвы могут показаться напрасными.

— Нам нужен путь в систему.

— Это невозможно.

— Ты сделал, значит, возможно.

— Да, конечно. — Белый Медведь развел руками. — Но цена... Ты же не знаешь, какой может быть цена. Особенно для такого, как ты. Или любого из Наставников Белого Братства.

— Мы боремся с черным миром.

— Да, и нас исчезающе мало. Люди живут по другим законам. Этот мир на семьдесят процентов черный. Но даже оставшимся тридцати, огромной цифре, наша борьба не нужна. Мы экстремисты.

— Это не значит, что не нужно бороться.

Белый Медведь кивнул.

— Я тоже так считал. Мы похожи на индейцев. Последние из могикиан. У нас такие же имена. У нас своя правда. Но борьба уже проиграна.

— Ты стал другим. Где ты так изменился?

— В сердце, — глухо ответил Белый Медведь.

— Не понимаю.

— Я умер. Ты это знаешь. У меня не выдержало сердце. Редчайший случай на самом деле. Ребята вытянули меня

из подвески и закинули в больницу. Странно, но хирурги вытащили меня.

— Все это мне известно.

— Но ты не знаешь другого. Вот тут, — Белый Медведь дотронулся до груди, — тут бьется черное сердце.

Я молчал.

— Его звали Николас Лимбе. Кениец. Погиб в автокатастрофе. И у него было здоровое сердце. В отличие от моего. Я узнал это потом. После операции.

— Ну и что? Сердце какого-то черного... Сердце не имеет цвета! Мышца...

— Я тоже так думал. Но оказалось, что это не так. В моей груди билось черное сердце, и я ничего не мог с этим поделать.

— Я по-прежнему ничего не понимаю.

— Тот, кто не подключался, никогда не поймет логики подключившегося. Ты никогда не ощущал этого... В твоей груди бьется сердце белого человека. А в моей... Я стал по-другому слышать, Белый Брат. Я стал по-другому видеть. Это чувство ритма. Мое сердце... Слышал такое выражение: «Чувствовать сердцем»?

— Ну и что?

— Я чувствую сердцем. Моим черным сердцем. Чувствую биение жизни вокруг меня. Ее ритм. И я не знаю, разум ли мой подчиняется сердцу или сердце все-таки подчиняется разуму. Я не подключался два года.

— Почему?

— Ритм, — коротко ответил Белый Медведь. — То, что определяет Виртуальность. Ритм — вопрос сердца. Я понял это тогда, подключившись впервые после операции. Понял, что стал другим. Совершенно другим человеком. Тебе очень трудно будет понять то, что почувствовал я. Мне просто страшно, подключившись, утратить остатки разума. Я боюсь власти моего сердца.

— По-моему, это шизофрения...

— Вся Виртуальность — это шизофрения! Это область чувств, в которую мы влезли, думая, что можем все подчинить себе. Каждый подключившийся — псих! — Белый Медведь вскочил. — Во мне бьется черное сердце, и оно

изменяет меня. Мне больно оттого, что эта планета теряет свой разум. Свое белое начало. Но мы не можем с этим ничего поделать. Когда-то раньше, может быть, могли, но не сейчас. Человечество живет внутрь себя, оно развивается в область чувств, туда, где властвует сердце, а не разум. Его становится все меньше. Мы сами, когда-то давно, выбрали этот путь. Если разум не постигает внешний мир, он слабеет. И его место занимает сердце. В этом мире оно черного цвета. Понимаешь? У Земли черное сердце...

— А система трех точек?

— Я был там.

— Как?

— Все то же самое, — Белый Медведь пожал плечами. — Чем выше ты поднимаешься, тем больше сопротивление. И нужно поймать ритм. Уловить гармонию этих колебаний. Почувствовать их...

— Как?

— Сердцем. — Белый Медведь прижал руки к груди. — В этом самое грустное. Ты должен почувствовать ритм сердцем. И чем выше ты поднимаешься, тем больше власти у твоих чувств, у сердца. Оно или разорвется, или завладеет тобой полностью. Мое черное сердце овладело мной. И я не смог...

— Не смог чего?

Белый Медведь странно посмотрел на меня.

— Я не смог уничтожить ее. Не смог пойти против веления сердца.

— Ее?

— Виртуальность. — Белый Медведь нагнулся. Наши лица оказались очень близко. — Навсегда закрыть путь к сознанию, навсегда изгнать человечество из бессознательного состояния, в котором оно находится.

— А контроль?

— Вранье, — коротко ответил Белый Медведь. — Достичь системы трех точек я смог только благодаря черному сердцу. И я знаю, система трех точек не контролирует Виртуальность. Это миф. Она поддерживает ее. Только благодаря системе Виртуальность вообще существует, понима-

ешь? Теперь ты можешь себе представить, что собой представляет это созвездие?..

Мы еще некоторое время пили чай. Молчали. Потом разговаривали на какие-то отвлеченные темы. Он рассказал мне, как делает деньги. Я посоветовал ему не вкладываться в ряд банков. Он понимающе кивал.

Покинув его, я спустился вниз. На нижних уровнях было не так холодно.

Я вытащил телефон, прилепил гарнитуру к щеке, набрал номер.

— Ты нашел его? — спросили в трубке.

— Да. Нашел.

— Он нам поможет?

— Нет.

— Почему?

— Белый Медведь сошел с ума.

И мне стало страшно оттого, что это, наверное, правда. Он растерял свой разум. Но живет.

Сердцем.

В рассказе использованы фрагменты стихов Иосифа Бродского, Папланацци, Вероники Гудковой, Виталии Чагиной

ДНЕВНИК КОТА С ЛИМОНАДНЫМ ИМЕНЕМ

Вторник

ехали. Счастливого пути, ветер в паруса, не забудьте куру в дорогу, и т.д. и т.п... Мр-ру-ф-ф, свалили, и ладно! Дома все как всегда: сосиски в холодильнике, молоко там же, сметана с просроченной датой годности... зато целая банка, — короче, жируй, котик, наслаждайся жизнью! Пять дней относительной свободы, и не кипешуй...

Просто наслаждения у нас разные, ИМ — тиражи, гонорары, конвенты, премии... Мне — безвылазная пахота за компьютером, импортный набор жиров и химикалий под названием «Вискас», боль в пояснице и наглая, тупорылая рыбка в аквариуме, которая вечно прячется у самого дна! Вторую неделю ее прикармливаю, на поверхность не идет, зараза, а лапы мочить не хочется...

Среда

Сижу, вожу мышкой, правлю свой очередной шедевр. У самого от скуки скулы сводит, но мои все равно умудряются за него что-нибудь отхватить. Там своя политика — не дать нельзя, ай-яй-яй, как же так, ИМ и не дать — неприлично даже...

Мр-р, мне-то что? Все люди играют в игры, не замечая, что рано или поздно игра начинает играть людьми. Просто... обидно бывает иногда. Выйдут оба на сцену, приз

заберут и с улыбочкой, эдак, в микрофон: «Вообще-то на самом деле этот роман написал наш кот...» Ой, как всем в зале весело-о! Какой тонкий юмор, какая изысканная самоирония, какие интеллектуальные аплодисменты... тьфу!

Они же вам правду сказали! Я этот роман написал, идиоты, я! И прошлый — тоже я, и позапрошлый, и поза-поза-поза... А что толку? Правду, оказывается, тоже можно ТАК сказать, что никто не поверит...

Вон, даже рыбка вертит плавником у виска — работай, котик, работай, солнце еще высоко...

Четверг

Звонил Генрих, толстый пижон и сноб. Хвастался, что у него в квартире хозяева обили все стены войлоком на метр вверх, дабы их светлость могла чесать когти где вздумается. Вот жизнь у кого-то... А тут сиди, пиши не разгибаясь, когда на крыше в последний раз был — не помню. Рыбка, стерва, хвостом плеснула, знает, что я в три прыжка от монитора не добегу, издевается...

Генрих сказал, что в Сети новую подборку вывесили — вроде рассказы современных фантастов исключительно про котов. Надо глянуть хотя бы мельком. То, что мы про людей пишем, давно известно; интересно, что они там про нас накропали...

Почему мы? Мр-ря-уф, а вы думаете, я один такой, подневольный?! Да нас трое как минимум, все за хозяев вкальывают. Вон, тот же Гофман, ляпнул разок, что «Житейские воззрения» написаны самим котом Муром, так наши до сих пор себе на этом имидж делают. Вроде как сами такую фишку придумали, ага... К классику примазываются!

Рыбка, рыбка, вот скажи, ну почему у Генриха хозяева сами пишут?! Молчишь... Ладно, сейчас подойду, помолчим вместе...

Пятница

Нашел. Читал. Не дочитал, плевался и плакал. Убийцы-ы!!! Сколько можно нас убивать, ради ваших окололитературных экспериментов?! Слов нет, кровь кипит, хвост трубой,

уже всю клавиатуру когтями расцарапал, этих умников представляя...

Один философию молол-молол, дозрел, резюмировался: «Каждой кошке по мышке, на каждую мышку своя кошка!» Блин, прямо Жириновский какой-то: «Каждой семье по квартире, каждой бабе по мужику!» Да и черт бы с ним, проехали, но убийцы эти...

Нашел котенка, впустил в дом, вырастил, а когда заметил, что тот электричеством больно бьется — взял и убил! Ей-богу, своей рукой, без малейшего зазрения совести — шлепнул уникальнейшее для науки животное и счастлив по уши — типа, спас человечество...

Другой вообще своими руками кошку создал, а она козлов из научного совета не устроила, ну и... Ну и под нож ее, естественно! Тоже мне, Тарас Бульба: «Я тебя породил, я тебя и убью!». А ведь какая прелесть кошечка была, всем нравилась — трехцветная красotka, умница, преданнейшая душа...

Зачем? Я спрашиваю, а убивать-то зачем? Ради возвышающей вашу же душу трагедии?! Ну, конечно, куда вам без трагедии, без нее никак — реализм не катит, да?! Тем паче, кошку убить легко, дело-то неподсудное, кто за нее заступится...

Отвали, рыбка. Пойду попою валерьянки.

Суббота

Приехали? Здравсте. Ага, первым делом новый приз на полочку поставить, пыль собирать. Вторым, понятно, за компьютер — проверять, много ли я наработал? Не извольте сомневаться, уж не мышей ловил. Сюжетная линия, характеры героев, двойственность выбора, душевная драма — пальчики оближешь, все как ВЫ любите. Может, разве концовку смазал слегка, торопился...

Все довольны? Так я пойду? А почему нет?! Какая еще рыбка? Знать не знаю, в глаза не видел, и вовсе морда у меня не подозрительная... Она же на дне пряталась, и во-

* _____
обще, я сырую рыбу не ем, у меня вон еще «Вискаса» полмешка, поделиться?

За что же сразу веником?! Может, тут воры были, поймали сетью и зажарили, я-то весь день у монитора, носом в экран, не разгибаясь, как проклятый... ый! ай! ой!

За что? Ах, за рыбку... подумаешь... Я тут книжку одну читал, короче, не убили — уже спасибо! Главное, роман-то я ВАМ закончил. Когда теперь на следующий конвентик? Мр-р-уф, значит, через месяц, еще пять дней свободы.

А рыбку можно и новую купить... лучше селедку... копченую!

СТАЯ

 тот день ничто не предвещало беды для нашей стаи, обжившей участок леса у излучины.

Половину ночи я, как водится, не спал, вслушиваясь в темноту, и вставать рано было мучением. Но утренние лучи пробивались сквозь лиственный полог и горячо щекотали веки, побуждая к действию, да еще развизжались бабуины, спустившиеся с верхнего яруса подразнить диких собак. Один прыгнул на крышу моего гнезда. Я сонно жмурился, а между тем в щель между прутьями пролезла цепкая лапа и ухватила меня за волосы с такой неистовой силой, словно вознамерилась скальпировать. Мой крик боли немало позабавил мерзкое животное.

Я немедленно сунул палкой под ребра этой наглой твари. Перебранку мы провели по высшему разряду: визжали, злобно лаяли друг на друга, брызгали слюной, бабуин — бегая вверх-вниз по дереву, я — выставив из гнезда взлохмаченную голову. К счастью, сородичи бабуина были слишком увлечены преследованием собак, и ему пришлось ретироваться. Напоследок краснозадый встал в позу презрения, а я погрозил ему палкой, после чего мы сочли инцидент исчерпанным.

Отдышавшись, я слез с дерева и покричал в разные стороны: «Йо-хо-ху! Йо-хо-ху!» Ну, это у меня выходит хуже всех. Не потому, что голос тихий. Просто я не какой-нибудь слабак, которому кажется, что он немедленно умрет, если пробудет в одиночестве хотя бы два часа. Да и

напрасно я кричал. Все давно отправились на поиски еды, даже известный лентяй Илигри.

Пустой желудок сводило, и я соблазнился незрелыми орехами с сердцевинной горькой, как молодая кора. От них обычно болит живот, так что стоило поискать что-нибудь повкуснее. Я рискнул, и в высокой траве, где водились ядовитые змеи, обнаружил гнездышко перепела. Четыре яйца немного утолили мой голод — птенцы вот-вот должны были вылупиться, — а еще два я приберег на обед.

...Я нашел их на белом песочке у реки. Кто ловил улиток, кто играл в камешки, и почти все жевали. Тридцать шесть человек. Пакрани, самая красивая девушка стаи, грациозно полоскала пучок моркови в воде, пронизанной солнцем. Мужчин в стае достаточно, и не я один пялился на длинноногую речную нимфу в юбчонке и топике, сплетенных из травы. Время от времени кто-нибудь из нас начинал шумно дышать — расслабляющая дыхательная гимнастика хорошо способствовала подавлению ненужных и опасных инстинктов.

Пакрани вышла из воды и, перекинувшись парой слов с женщинами, присела рядом со мной на расстоянии вытянутой руки. Эта крайне чистоплотная особь регулярно мыла свои золотистые волосы зеленой речной глиной и расчесывала рыбьей костью. К сожалению, после того как толстуха Руди запуталась длинными волосами в зарослях и ее сцапал камышовый кот, в моду вошла короткая стрижка. Вся женская половина стаи без колебаний сколотым камнем обрезала волосы по плечи. Да оно и к лучшему — меньше блох. Пакрани доверила эту ответственную процедуру мне, и у меня до сих пор тряслись руки при воспоминании о том, как я перебирал эти шелковистые, одуряюще пахнущие пряди.

Несколько минут мы сидели скованные, как подростки на первом свидании. С деликатным покашливанием и без резких движений, чтобы обо мне не подумали чего плохого, я положил рядом с Пакрани два белых яйца в крапинку. Мелькнула загорелая ручка, и вместо яиц на песке оказались две свежевывмытые морковки. Тут я решил немного

разморозиться, повернул голову и улыбнулся. Пакрани ела яйца и тоже улыбалась, мило морща аккуратный и до ужаса хорошенький носик. Остро заточенный камень на веревочке свешивался с шеи на высокую грудь, сквозь дырочки в топе проглядывали нежные розовые соски. Перехватив мой взгляд, Пакрани нахмурилась. Я поспешил отвернуться, сглотнул слюну и вонзил зубы в морковку.

До вечера мы учились кидать камни пальцами ног. Непростое это дело, но весьма полезно развивать нижние конечности, особенно если учесть, что все больше времени нам приходилось проводить на деревьях. Все-таки там безопаснее, чем на земле.

С наступлением темноты ветер принялся неистово раскачивать деревья, в кронах которых мы устроили свои гнезда. Совсем рядом душераздирающе закричала обезьяна, пойманная леопардом, и, как по сигналу, гроза обрушила на леса раскаты грома и жуткие водяные потоки.

Яростно хлестал дождь. Мое промокшее жилище ходило ходуном; каждую секунду я ожидал падения с десятиметровой высоты, которого, конечно, не пережил бы. В такие минуты я всегда вспоминал мать. Хотелось, как в детстве, прижаться к ее теплому животу, испытать забытое, умиротворяющее состояние защищенности. Мама, шептал я, глядя в черную пустоту под ногами, где ты?

В соседнее дерево вонзилось длинное жало молнии. На мгновение я оглох и ослеп, а когда пришел в себя, дерево уже пылало как факел. Дождь не был помехой пламени, перекинувшемуся на новые деревья и гнезда. Ободравшись до крови, я сполз на землю и бросился в лес.

Очнулся я на рассвете в глухой чаще. Похоже, я запнулся и врезался в дерево — голова трещала, как после хорошего удара дубиной. Это длительное беспомощное состояние сохранило мне рассудок, ибо ночью я был близок к умпомешательству: мне казалось, что Огонь вот-вот сожрет меня. Лесной пожар быстр, коварен и почти не оставляет шансов выжить, он берет в кольцо или душит дымом. В прошлом месяце от него погибла треть наших. Наверное, в этот раз своим везением я был обязан пережившему ветру.

Справа раздалось улюлюканье — кто-то собирал стаю. Я попробовал отозваться, но только захрипел и, как издыхающий зверь, пополз в кусты, чтобы оттуда все хорошенько рассмотреть.

На поляне подавала сигналы изрядно подкопченная Пакрани: обгоревшая юбочка лохматится на стройных бедрах, вид несчастный. В ответ на ее зов зашевелилась трава, и во весь свой невеликий рост встал Мёбиус — средних лет мужчина с крепким торсом и хорошо развитыми мускулами. Рот у него по-жабы простирался до ушей, и глаза тоже были жабыми — выпученными и холодными. Однажды этот мужлан поколотил безобидного Илигри, когда тот неосторожно бросил рядом с ним камень.

Нарисовался долговязый Шерстистый Трот. Издалека было видно его ярко-рыжую шевелюру, бороду до пояса и покрытую огненными зарослями впалую грудь. Если не знать, что нрава Трот весьма мирного, можно поначалу испугаться. Тайком от других Трот боролся с растительностью на худых руках и ногах, но это личное дело каждого, я так считаю. Меня вполне удовлетворяло его умение выслеживать ящериц. Если удавалось, я пристраивался к Троту и уж тогда не ложился спать голодным.

Пакрани одарила пришельцев хмурым взглядом и снова принялась взывать своим нежным, немного испуганным голосом. Ну да, водитель рефрижератора и художник не слишком подходящая для нее компания. Можно подумать, модель — на редкость востребованная профессия в девственном тропическом лесу! Во мне росло раздражение против Пакрани и против судьбы: мне вдруг стало совершенно ясно, что обе меня не любят.

Следующим припелся маленький лысоватый мужичок по прозвищу Физик — арьергард стаи, как он есть. С тех пор как кувыркнулся с утеса, он припадал на левую ногу и изъяснялся исключительно стихами. При виде него наша красotka сильно переменилась в лице: поэтические таланты Физика действовали на нервы всем без исключения. Я злорадно ухмыльнулся. Врача небось ждет. Что ж, врач — профессия нужная, но ведь он ветеринар, а не фельд-

шер или, на худой конец, стоматолог. Авторитет у Врача в стае был немереный, что не могло меня не раздражать. Чуть какой смешной порез, зовут его. А он посмотрит с важным видом, будто что-то понимает, и даже не прикасается к ране — боится заразиться. Скажет какую-нибудь глупость типа «Положение серьезное...», и всеобщее восхищение ему гарантировано. Всю жизнь лечил свиней и принимал роды у коров, а теперь прославился!

Только зря они вытягивали шеи и улюлюкали, больше никто не пришел. Придется им довольствоваться дипломированным инженером коммуникационных систем, утратившим профессиональные навыки в связи с форс-мажорными обстоятельствами. Кое-как переставляя ноги, я выбрался на поляну.

...Огонь выгнал нас к скалистой гряде на востоке. Уже давно мы инстинктивно опасались этого места и табуировали даже упоминание о нем. Вот чего боишься, то и случается. Западня была классической. Над лесами еще клубилось едкое дыхание Огня, а впереди поднимались гранитные утесы с черными зевами пещер, откуда доносился звериный рев. Сооружая себе новый наряд из травы, Пакрани тряслась мелкой дрожью. Да мы все были просто больны страхом.

Через пару часов наши новые гнезда были готовы. Один Физик со своей распухшей ногой не смог взобраться на дерево и зачем-то устроился у подножия моего. В стае не приветствовались приступы человеколюбия, но незаметно для Пакрани я притащил ему охапку хвороста. Сам себе при этом удивлялся. Наверное, Физик расположил меня к себе тем, что прекратил наконец плести вирши, заговорил как нормальный человек — пережитый стресс выбил из его башки эту дурь. А может, мне хотелось перед смертью сделать ему приятное. Не жилец он был, это точно. Еще никому не удавалось переночевать на земле.

На новом месте нам было тревожно, поэтому, когда Трот предложил не разбредаться, а всем вместе наловить ящериц в расщелинах скал, все сразу согласилось. Трот впереди, за ним я, Пакрани, Мёбиус и Физик — мы шли

цепочкой и внезапно обнаружили глухую тропу, ведущую к перевалу. Заросшая травой лента вилась меж каменистых россыпей и валунов, как большая гадюка, и грозила нам неприятностями. Чуть не бегом мы бросились назад.

— А я бы сходил через перевал, — неожиданно сказал Шерстистый Трот, на ходу смешно жестикулируя худыми руками. — Похоже, там долина, а по долинам всегда текут реки. Я уже не могу без рыбы. От кореньев у меня второй день болит живот.

— Чокнулся ты, рыжий... — с осуждением заметила Пакрани. — Рыбы ему, видите ли, захотелось. Лучше бы следил за дыханием. Вон как тяжело дышишь.

— Я жрать хочу! — заорал Трот с такой жуткой гримасой, будто Пакрани уже вырывала из его рук вожделенную рыбину.

Мы все остановились и удивленно воззрились на него. Но он уже утихомирился — сам знал, как безбожно отрицательные эмоции расшатывают нервную систему.

...Наступила ночь. Не глядя на Физика, мы забрались на деревья. Я заткнул уши пучками травы, поджал колени и свернулся в своем довольно уютном гнезде. Взошла луна, похожая на круг сыра. Когда-то, в другой жизни, я любил сыр...

Снизу раздался вошь. Я плотнее затолкал траву в уши, стиснул голову ладонями. Каждое лето мать возила меня в деревню, и там я от пуза наедался козьего сыра. Крики продолжались... Чтобы представить, что происходит под моим деревом, не нужно было сильно напрягаться. Лучше все же сосредоточиться на воспоминаниях о сыре... Крики переросли в вой. Они были такими отчаянными и жалостными, что я вынул из ушей затычки и решил выглянуть из гнезда.

Прижавшись спиной к стволу, Физик неумело тыкал палкой в грудь двум гиенам, которые наскакивали и пытались дотянуться до его горла. У него и раньше-то не было силенок от недоедания, а сейчас он и вовсе изнемог — истерично выкрикивал какую-то рифмованную чушь и плакал.

Гиены были средних размеров, но скоро здесь будет вся стая, и тогда от человека не останется даже набедренной повязки. С минуту я наблюдал за этой возней, потом, захватив свою тяжелую палку, полез вниз, альтруист чертов...

Было непросто висеть у него над головой, держась руками и ногами за сучковатый ствол, но с первого же удара я раскроил одной из гиен череп. Вторая трусливо убежала в кусты.

— Руку давай! — крикнул я.

Метрах в двух над землей на дереве была развилка. Не знаю, как не вывихнул ему плечо, пока тянул наверх. Почти безжизненное тщедушное тело я перекинул через толстый сук, отдышался и уже потом помог недотепе сесть, свесив ноги. Губы у него тряслись, лицо было совсем белым.

— Ты это... Не свались, горе луковое, — сказал я и полез в свое гнездо.

На следующее утро Пакрани смотрела на меня с опаской, как на душевнобольного. А во мне ночная битва — будь она неладна — что-то расшевелила. Весь день я гнал от себя новые чувства и мысли, мучился, но под вечер, умирая от тревоги, предложил Троту:

— Ну, что, Человек Огня, идешь со мной?

Вернулся я через три дня. Был предзакатный час. Пакрани с Мёбиусом сидели у песчаного бугра, заросшего травой. Мёбиус, соблюдая этикет, держался от девчонки на расстоянии. Еще бы, она крепко сжимала в руке каменный нож.

— Где Физик? — вместо приветствия спросил я.

— Мы вас каждый день ходили встречать, — хриплым голосом сказал Мёбиус.

— Где Физик?!

Они усталились в землю. В груди у меня заныло. Мёбиус отрезал, разинув жабий рот:

— Мы ему не няньки!

— Тебе нужно было только посадить его... только посадить на мое дерево... Я же просил!

— А не надо меня просить, у меня и без того полно забот! Обо мне небось никто не побеспокоится!

— Правда, правда... — поддержала его Пакрани, зябко поводя плечами. — И не надо так нервничать.

— Ну ты и сволочь, Амебиус... — Мне не хватало слов, и я поднес к его роже свой внушительный кулак. Задумчиво оглядев его, Мёбиус отвернулся. — Чего еще ожидать от жабы...

— От какой это жабы? — смиренно сказал он в пустоту.

— Даже обезьяны отбиваются все вместе. Стаей!

Пакрани возмутилась:

— Но мы не обезьяны!

— Да, мы хуже. — Сплюнув, я сел на траву.

Солнце над горами краснело, будто вбирало обратно дневной жар. Горьковатый ветер, прилетавший с пепелища, взметал в небо редкие хлопья сажи. Где-то в ветвях высоченных сосен у нас над головами перекликались две птицы — самец подыскивал себе подружку, жил в свое удовольствие, зараза...

— Почему ты один? — буркнул Мёбиус. — Где Трот?

— В пропасть сорвался, — угрюмо ответил я. Пакрани взвизгнула и закрыла лицо руками. — Там дорога — лучше не бывает. Нет, его понесло за ящерицей прямо на повороте!

— Он был неосторожен, — подняла голову Пакрани... Это было в лучших традициях стаи — найти объяснение и сразу успокоиться. Уж мы-то будем осторожны, с нами такое не произойдет...

— Неосторожен был, — как эхо, повторил Мёбиус, — и неудачлив. Не повезло. Ну, что там, в долине?

— Поселение там. Крепкие фермерские хозяйства. Кажется, это называется «община».

Воцарилось ошеломленное молчание. Мне самому поначалу было нехорошо от таких новостей.

— Они курят.

— Сигары? — быстро уточнил Мёбиус.

— Табак в трубках.

Он шумно выдохнул, словно выпустил из легких клуб дыма, и кивнул:

— Да, в этих широтах вполне может произрастать табак, если за ним хорошенько ухаживать...

— Сумасшедшие... — пролепетала Пакрани. — Никотин!

— Еще у них есть водяная мельница. Мы с Тротом помогли им притащить новый камень для жернова. Они нас угостили хлебом.

— Какое безрассудство... Вы могли надорваться. — Пакрани так таращила глаза, что стала похожа на Мёбиуса.

— А вечером, после работы, они ходят по улицам в красивых нарядах. Обнявшись или взяв друг друга за руки. Смеются, пьют вино... — Я прикрыл глаза. — И целуют своих женщин...

Пакрани тронула мой локоть. Кончик ее хорошенького носа от страха совсем побелел.

— Ты хочешь сказать... ты намекаешь... Неужели у них есть... дети? — От моего легкого кивка у них обоих вытянулись лица. — Как вспомню этот кошмар... Но ведь это ужасно!

— Пасут скот.

— Э-э-э... смело, — протянул Мёбиус, рассматривая свои кулачищи.

— Пашут землю. Пекут хлеб. Моются в бане. Ловят рыбу. Катаются на лодках, украшенных горящими фонариками. — Я говорил первое, что приходило в голову.

— Аккумуляторы? — уточнил Мёбиус.

— Да нет. Какие-то светляки в прозрачных пластмассовых баночках.

Он удивленно хмыкнул.

— Остроумно... И безопасно.

— Есть у них кладбище? — допытывалась Пакрани.

— Мы спрашивали. Бывают несчастные случаи, болезни. А вообще, говорят, у нас здесь такая вода хорошая, родники бьют из-под земли сладкие, чистые... Через то и живем долго.

Пакрани ахнула, пронзенная догадкой. До женщин все

доходит позднее. Мёбиус уже давно допер, набычился и башку руками обхватил.

— Они не знают! Боже мой... Но ведь это несправедливо, неправильно! — По мере того как работала ее мысль, лицо у нее мрачнело, а взор преисполнялся решимости. Я с удовольствием заткнул бы ей рот. — Мы должны рассказать, предостеречь. Надо открыть им глаза. В конце концов это наш долг!

Даже не ожидал от модели таких слов, про долг. Мёбиус тоже без колебаний кивнул. Я поднялся.

— Пойду собираю еще веток. Надо гнездо подправить. А то вдруг — леопард.

Они не услышали в моем голосе иронии, заозирались по сторонам.

— Тьфу ты! К ночи! Вот язык без костей... — забормотал Мёбиус.

Мы проводили Пакрани к ее дереву. Это была наша единственная привилегия в стае — стоять и смотреть, как женщины забираются в свои жилища. Пакрани взлетела наверх проворно, как белка, и было уже довольно темно, но дальнобойщик, забыв про опасности, еще долго ворочался и шумно дышал в своем гнезде.

Я тоже не мог заснуть, меня терзали воспоминания. Они были яркими, объемными, просто стереоскопически. И неудивительно. Ведь не только я — никто не мог стереть их из памяти. Мы никогда ничего не забывали, ибо не старели.

Все начиналось просто отлично. Ученые объявили о величайшей победе современной науки, об открытии средства для уничтожения маленького вредоносного гена старости. Господи, как хорошо я помню те дни... праздничные шествия, карнавалы и — немыслимо — выражение поистине всенародной любви к правительству... Даже референдум не понадобился, потому что не нашлось ни одного дурачка, который захотел бы отказаться от такого восхитительного и бесплатного подарка. Ни одного голоса против.

На удивление оперативно сработали люди в погонах: опылили планету крошечными сверхактивными частица-

ми, незаметно и безболезненно пожравшими гены старения в наших несовершенных телах. Кто в те дни не боготворил само это словосочетание — «космическая авиация»? Кто не выходил по вечерам на улицу и, радуясь, как ребенок, не тыкал пальцем в небо, воображив, что видит следы ее деятельности?

Народ валом повалил в больницы, каждый хотел убедиться, что чудесным образом исцелился от старости. Вместе со всеми я пролил слезы умиления на маленький желтый кусочек картона — результат анализа, официально подтверждающий мое право на бессмертие. Больше меня за меня радовалась только мать.

Всеобщее ликование, энтузиазм, эйфория... Прогресс ринулся вперед, как жеребец, сорвавшийся с привязи — ведь смерть из-за старости больше не останавливала полет мысли, процесс творчества. Открытия посыпались одно за другим: вечный двигатель, принципиально новый вид энергии, вакцины от неизлечимых болезней и еще сотни и сотни других. Мы с матерью уставали торжествовать, знакомясь с новостями.

И вдруг все переменялось. Человечество неожиданно осознало, какой драгоценный сосуд держит в руках. Начался лечебный бум. Все озаботились своим здоровьем. Реклама фармакологических препаратов, предметов гигиены и лечебных процедур вытеснила все остальное. Говорить при встрече с друзьями о чем-то ином, кроме здоровья, стало неприличным. А опасности подстерегали на каждом шагу. Прежде всего очень опасно было плавать на кораблях, летать самолетами, ездить на поездах, автомобилях, мотоциклах, велосипедах — человечество незамедлительно отказалось от всех видов транспорта. Водители тоже люди, и они тоже боялись. На улицах стало тихо. Опустели шоссе, дороги, перекрестки. Дети играли в песочницах с серьезностью старичков. Мы ходили, внимательно глядя себе под ноги, или передвигались короткими перебежками.

Каждый мой день превратился в кошмар. Можно лечь и не проснуться: пожар, землетрясение, наводнение, теракт, дом рухнет, батареи перемерзнут. Секс — вообще

ужас: инфекции, роды, дети. Какое же в этом удовольствие? Бреясь, можно порезаться. Электроприборы в любой момент могут ударить током. В воде полно микробов и вредных примесей. Есть тоже вредно — кто знает, какой туда напихали дряни, кроме того, можно подавиться. На лифте ездить нельзя — вдруг оборвется трос? А если застрянешь, то получишь инфаркт или инсульт. Тем же грозит хождение по лестницам на верхние этажи. В подъезде подстерегают бандиты, на улице — гололед, кирпич с крыши, пьяный водитель, толпа, начиненная вирусами.

«Будь осторожен, сынок, смотри себе под ноги», — просила меня мать, провожая на работу.

«Вы приобрели новое лекарство от простуды? — вопрошал рекламный плакат на улице. — Не забывайте, чем вы рискуете!»

«Остерегайтесь прикосновений посторонних людей! — орала в мегафоны добровольцы из Общества борьбы с инфекциями. — Они могут быть не привиты от...» Следовал перечень.

«Осторожность, осторожность и еще раз осторожность!» — предупреждали меня со всех сторон с утра до ночи и с ночи до утра.

Разве мы не слышали этого раньше? О, сейчас эти слова приобрели для нас особый, сакральный, священный, таинственный смысл — ибо что может быть дороже твоего собственного бессмертия?

Так человечество привыкало к мысли, как вредно жить. И все рухнуло в одночасье: не стало ни работы, ни транспорта, ни увеселений. Мы слонялись по улицам — толпы зомбированных своим бессмертием полудурков в респираторах, резиновых перчатках и защитных костюмах. Никто никому не препятствовал, никто ни на кого не нападал и не защищался — ведь существовала обоюдная опасность получить травму и погибнуть. Мы просто брали на складах и в магазинах еду, а когда она иссякла и на улицах появились первые трупы, начался отток горожан в пригороды. Мы все шли в одном направлении — на юг, где нет зимы,

а еда растет на деревьях и пальмах. Там же только протяни руку, твердили все вокруг, и ты сыт.

Однажды моя мать взбунтовалась и осталась у мелководного озера в вытоптаных беженцами степях, где подчистую съели птиц, змей и ящериц. Из озера можно было выловить только крошечных моллюсков, но она удовлетворилась этим малым. Я умолял ее идти со мной дальше, но она сказала, что ей надоело бежать незнамо куда и что по какой дорожке. Ее слова показались мне тогда лишенными смысла. Так я потерял ее и через сотню лет оказался здесь, в тропиках. Наша огромная стая, насчитывающая, по моим наблюдениям, около тридцати тысяч человек, постепенно рассеялась по лесам, многие погибли у меня на глазах.

Сто лет я не старею, наоборот, в моем организме происходят благотворные мутации, и клетки перманентно омолаживаются. То же происходит и с другими. Дети, рожденные до наступления Эры Бессмертия, выросли. На вид им лет двадцать — вот Пакрани, например. А остальные... остальные все в том же возрасте, мне по-прежнему тридцать пять. Но в эти дни я понял, как сильно я устал. Устал бояться. Я устал еще пятьдесят лет назад. Или даже сто. Так хочется увидеть мать... И поестъ сыра.

Поэтому завтра я не буду перечить Пакрани и Мёбиусу, чтобы они не заподозрили, что я что-то задумал. Мы вместе пойдем через перевал. Но на повороте, где дорога внезапно обрывается под ногами, я сделаю шаг в сторону, не предупредив их. А когда они рухнут в пропасть, жалко и трусливо вопя во весь голос, я заткну уши руками. И даже не посмотрю вниз. Я не дам им лишить тех людей жизни.

С легким сердцем я спущусь в долину. И буду делать там сотни опасных вещей, могущих убить и отнять у меня бессмертие: целовать женщин, валить деревья, доставать из колодца воду, разводить пчел, пить вино, ловить рыбу, строить дома, греться у костра, растить детей...

Мать сказала, что никогда, никогда не уйдет с того места — чтобы я мог найти ее, когда захочу. А она будет ждать. Потому что я самое дорогое, что у нее есть. Решено:

однажды я вернусь и наконец скажу ей, как я ее люблю. Я сделаю это, клянусь.

И надо будет подумать, как защитить их от внешних воздействий. Может быть, придется завалить вход в долину. Или попробовать приучить их к мысли, что бессмертие возможно. Как же иначе им справиться с этой страшной вестью?

...Мое гнездо раскачивается на ветру. Снова идет дождь. Я слушаю его размеренное бормотанье и думаю ночь напролет, хватит ли у меня сил молча шагнуть в сторону на повороте...

КОНСЕРВЫ

Андрей

каждым годом становилось только хуже, жизнь действительно превращалась в ад — я не преувеличиваю. Последнего друга потерял в восьмом классе — он растворился в окружающем меня быдле. Оказался таким же, как все. Я понял: некоторые люди выглядят иначе только потому, что среда не принимает их, отталкивает. Они страдают, все эти дохлые пацаны, некрасивые девчонки, и кажется, что они другие, умнее и чище. Но приходит срок, и выясняется, что твой друг, тот, с кем когда-то собирался удрать в Америку, может залпом выпить полбутылки водки. Какой престиж! Все зовут в компанию. И конец дружбе, ты становишься ему неинтересен. Я хотел разбить Димке морду, просто так, на прощание, но раздумал. Он и этого недостойн. Все оказалось ложью: и книги, и разговоры наши, и даже мечты.

Одиночество. В школе я просто отбывал номер, благо был слишком крупным, чтобы ко мне часто приставали. Потом возвращался домой, обедал и читал что-нибудь до вечера, а перед приходом домашних уходил бродить в лес. Невыносимо стало слушать их разговоры, их бестолково бормочущее радио на кухне, их idiotический телевизор. Раньше я мог и при родителях забиться в угол, уткнуться в книгу, а потом все чаще стал задумываться: неужели этот обрызганный тупой мужик — мой отец? Хорошо еще если трезвый, тогда пожрет, чавкая, и уткнется в телевизор. А ес-

ли напьется... Я подумывал его убить как-то раз, всерьез подумывал чуточку подтолкнуть, когда он в трусах, задницу почесывая, на балконе курит. Но заставил себя взглянуть на вещи спокойно: деньги-то приносил в основном он.

Кроме того, остаться наедине с толстой дурой в бигудях, которую меня приучили называть мамой, — перспектива тоже не из радужных. Книжки, редкие хорошие фильмы... Как часто там натыкаешься на образы матерей. Достойные, мудрые, любящие, всегда аккуратно одетые. Ложь! Классе в шестом я специально выслеживал матерей своих одноклассников, по списку. Среди них были моложе моей, красивее моей, даже попадались умнее. Или нет: хитрее. Всего лишь хитрее, пронырливее, энергичнее, а по сути — все та же тупая ограниченность, готовность день за днем спускать в унитаз отпущенное им время.

И вот, глядя на это существо в драном халате, пердящее под телевизор, думая, что ее никто не слышит, я решил оставить отцу жизнь. Недолго оставалось терпеть. Годы через два я впервые послал его ко всем чертям, когда он снова стал меня жизни учить, ну и пришлось постоять за себя. Сильно я старался не бить, так, больше отталкивал. Отец быстро устал, ушел к себе и орал оттуда матом всю ночь. Зато эта шавка прибежала, что-то поддакивала, да я не обращал внимания. Ненавижу мат. И с Димкой окончательно расстался, когда он стал материться.

Потом я врезал себе замок, ну и еще одно дело провернул. Пьяные скоты, которых каждый вечер полно возле метро — я давно на них поглядывал. В общем, превозмогая почти физическую боль от «музыки», что неслась от ларька с дисками, я купил водки и познакомился с одним таким. Проблем почти не было: он не замечал, как я выплескиваю гадость на землю, а когда уроду приспичило отлить, я его в кустах немного обработал. Несильно — только чтобы лежал смирно. Мне повезло, денег оказалось довольно много. Я купил магнитоу и хорошие наушники... И то и другое давно выкинул, конечно, обзавелся со временем приличной аппаратурой.

Музыка — кто ее сочинил? Детские мечты я давно оставил, Америка — такая же помойка, как и Рашка, только вместо «Руки Вверх!» тамошнее быдло тащится от Бритни Спирс. Но кто сочинил настоящую музыку? Откуда среди населяющих нашу землю уродов берутся настоящие, стоящие чего-то люди? Я читал биографии музыкантов, писателей и чуть не плакал: водка и наркотики, наркотики и водка. Еще самки, тупые в своей самодовольности. Зачем эти люди губили себя? Больше всего это походило на самоубийство. Жизнь как самоубийство. Я даже пробовал сам пить, однажды приобрел хорошего коньяка и вылакал едва ли не всю бутылку, но стало противно.

Со школой я простился под те же «Руки Вверх!». Едва включили эту мерзость, как все, толкаясь, кинулись отплясывать, и я не выдержал. Распихал плечами полупьяных «дежурных», каких-то тупарей с прежних выпусков, выбил окно в туалете на втором этаже — и все, гуд бай. Больше ни разу даже не поздоровался ни с кем, ни с одноклассниками, ни с учителями. И на какое-то время жить стало легче — так мне казалось.

В институт я так и не стал поступать. Поехал было в один, но, толкаясь перед стендами с информацией, почувствовал тошноту. То же самое быдло, то же самое... Плюнул и вернулся домой. В результате устроился охранником в один магазинчик с тряпьем, благо росту во мне два с лишним метра и вес соответствующий. Зарплата небольшая, но есть приработки, а иногда я «крышую» какого-нибудь придурка, провожаю пьяного домой. Я не пью и не курю, мне не нужны наркотики, я не хочу потеть вместе с уродами на пляжах, что на наших, что на турецких, я не люблю жрать в ресторанах всякую падаль, приготовленную грязными руками, я физически не могу находиться в толпе и хорошие фильмы покупаю на DVD очень редко, потому что мало хороших. Я даже не хочу машину — в этом-то городе? Я хожу на работу пешком. Мне не нужно много денег, потому что я не такой, как все.

Конечно, кое-какие бытовые проблемы остались — от-

дельное жилье, например. Но не они меня мучили. Я не знал, как жить дальше, что делать. Мелкие заботы: купить еды, подработать, откосить от армии. Они возникают постоянно, они сжигают мою жизнь, мое время. Зачем я живу? Как мне выбраться окончательно из этого дерьма, как спастись? Я не спал ночами, разные мысли лезли в голову. Уехать в Сибирь, поселиться лесу? Или все-таки в Америку, попробовать «сорвать куш»? Тогда затвориться в особняке... А зачем? Всегда этот страшный вопрос: зачем?

И еще женщины. Без них трудно, с ними противно. Так я познакомился с Лиззи, точнее, это она ко мне прилипла на улице. Поначалу она показалась мне обычной дрянью...

Лиззи

...Андрей себя повел со мной, как полная скотина. Вообразил себя Аполлоном, такое часто с высокими парнями бывает. Никак не получалось нормально заговорить, наконец он даже предложил мне отсосать в подъезде и проваливать. Я подумала, что Глэнор, наверное, что-то перепутал.

— Ты слышишь меня, баран?! Мне поговорить с тобой надо.

— О чем, девушка? — скривился весь, будто я его насиловала. — Или вы иеговистка к тому же?

— На лавочку хотя бы мы можем присесть? Это важно. Неужели тебе даже не интересно, откуда я знаю твои имя, фамилию и адрес?

Чуть ли не со стоном, он со мной все-таки пошел. Я села, а этот подонок посмотрел на лавку и ногу на нее поставил. Типа грязно. Урод. Я достала сигарету, чтобы хоть немного успокоиться, ну и прикурила, конечно, сама.

— Андрей, меня просили найти тебя и поговорить. Мне сказали, что ты... не такой, как все. — Я, конечно, готовилась к разговору, но не ожидала встретить такого мерзавца, сбилась. — Ты когда-нибудь замечал, что окружаю-

щие... не понимают тебя? Что они сами по себе, а ты — сам по себе?

— Как же, как же, — кивает. — Каждый день замечаю, что я какой-то особенный. Не успею на улицу выйти — тут же иеговистка с бешенством матки за руки хватается.

— Я же серьезно, идиот! Дело в том, что ты действительно другой. И есть еще такие же, как ты, одного с тобой племени, понимаешь? Они ищут тебя, хотят, чтобы ты все вспомнил. Хотят вернуть тебе настоящую жизнь, свободу.

Почему Глэнор послал меня, а не Чака? Глупость какая-то, сижу и краснею. Андрей прошелся вокруг лавочки, напел что-то по-английски, покашлял — якобы дымом поперхнулся.

— Так-так, — говорит, снова передо мной останавливаясь. — Продолжайте нести чушь, девушка, у вас еще две минуты.

— Меня зовут Лиззи. Это не по паспорту, но... В общем, меня зовут Лиззи. А тебя — Андрей, но у нас есть и другие имена, настоящие. Мы их забыли, когда попали сюда. Те, кто заставил нас здесь жить, позаботились, чтобы мы все забыли.

— Но ты — вспомнила? — хмыкнул Андрей. — Молодец! Пять баллов и люкс в Кашценко!

— Дурак. Я ничего не помню, как и ты. Но понемногу, кое-что... Ты потом поймешь, о чем речь. Месяц назад ко мне подошел один парень, вот как я сейчас к тебе. Его зовут Чак. Он рассказал мне, кто я такая. Я, конечно, не поверила... А потом пообщалась с теми, кто его послал, и поняла, что все это — правда. У нас украли нашу настоящую жизнь, Андрей! Мы другие, и поэтому нам так плохо здесь.

— Мы — другие? — он довольно-таки по-скотски меня оглядел. — Я бы даже сказал, мы разные. Но ладно... С кем же это ты пообщалась так сладко, крошка, что во все поверила?

— Вот.

Я отдала ему нэйламор. Сразу легче стало: все, миссия выполнена. Теперь домой, рюмочку ликера и в ванну.

— Постой! Это что за пудреница?

— Открой — увидишь! — Я даже не обернулась. — Пока!

Так мы и расстались. Я знала, что нэйламор его впечатлит, сама чуть с ума не сошла, когда увидела. Он действительно похож на пудреницу, но на самом деле это видеотелефон. То есть нет, на самом деле это, конечно, нэйламор, но Чак называет его видеотелефоном. Я сутки не вылезала из комнаты, когда Глэнор, а потом и Мاستиж со мной разговаривали, показывали далекие миры. Я сразу поверила. А вот Чак — он не такой, он поверил, только когда с нэйламором забрался в какой-то подвал, где стены чуть ли не из свинца, а нэйламор все равно работал. Чак умный, и Глэнор говорит, это потому, что Чак больше нашего помнит.

А я лежала под одеялом и слушала, слушала... Глэнор показывал мне наш дом, нашу планету. Это прекрасный мир, там высокие горы с водопадами, дома, словно сказочные замки, моря с рыбами, похожими на дельфинов, но гораздо умнее. Там мы жили когда-то: Глэнор и Мастиж, я, Чак, Ленка и даже этот вот урод Андрей. Мы были друзьями, я видела, как выглядели наши настоящие тела.

К этому было труднее всего привыкнуть. Я не считала себя такой уж красавицей, просто парни липнут. И привыкла: две ноги, две руки, глаза, волосы... Я даже испугалась сначала. Нет, настоящее тело не показалось мне отвратительным, так же, как не кажутся противными кошечки, например, или лошади. Но по-настоящему приняла его только, когда увидела то море с дельфинами. С этим телом можно плавать так, как людям и не снилось. И еще можно прыгать — так далеко, что это похоже на полет. Это красивое тело, сильное. Я не стала спрашивать, но мне показалось, что любят они... То есть мы любим друг друга совсем не так, как люди. Гораздо красивее.

У людей это глупо и нехорошо, грязно. Когда идешь по

городу, и все на тебя смотрят и думают, как бы побыстрее всунуть, поерзать и пойти друзьям рассказать, — это не любовь. А по-настоящему все только в книжках, но это ведь ложь, такое простое воспоминание о настоящем. Случайное воспоминание таких же, как мы... Потом с Андреем много говорили об этом, он оказался не таким уж гадом. Вообще, постепенно, когда начали вспоминать, когда свыклись с тем, что наш настоящий дом далеко в космосе, мы все сильно изменились.

И даже по улицам стало не так противно ходить. Жаль их всех, несчастных, недоделанные они. Люди... Особенно маму жалко. Но ей не помочь, она человек. Поэтому и такая несчастная, не видит жизни без мужиков. Ладно, про это можно больше не думать, теперь у меня другая семья. Мы договорились, что, когда освободимся, первое время будем помогать друг другу. Все-таки Глэнор и Мاستиж, хоть и очень хорошие, не так все понимают, как мы. Хмоллы заперли их здесь, на Земле, но не изменили до конца, потому что хотят отыскать корабль.

Глэнор и Мاستиж прилетели сюда на корабле сами. Они искали эту планету-тюрьму, их шестеро было в экипаже. И случилась авария, их корабль, похожий действительно на летающую тарелку, упал. То есть им удалось его кое-как посадить, но что-то сломалось. Тогда звездолетчики замаскировали корабль и пошли искать, чем заменить те детали, которые сломались. Они почти успели, но хмоллы нашли эльвейнов — это наш народ — и напали. Четверо погибли в бою, а Глэнора и Мاستижа хмоллам удалось захватить.

Но они не выдали места, где находится их корабль, как их ни пытали. Даже сумели выйти на Чака, подсказать ему, где найти нэйламор. А уже Чак пришел ко мне, а потом к Ленке, я — к Андрею. Теперь снова есть шестеро, и можно лететь. Скоро Глэнор и Мастиж сделают вид, что сдались, и в обмен на жизнь отведут хмоллов к кораблю. Хмоллы их не боятся, потому что полностью лишили сил, они это умеют, поганые твари. Хмоллы, кстати, на самом деле выгля-

дят как пауки и ведут себя почти так же. Но когда они пойдут к кораблю, то будут в человеческом обличье, и тут появимся мы.

Вот будет сюрприз! Уже скоро. Чак сказал, что добудет пистолет, но только один, а нам с Ленкой сделает арбалеты. Я все-таки больше надеюсь на Андрея, он очень сильный.

Ленка

Я учусь на пилота-вычислителя. Честно говоря, это самое трудное. Вот Андрею повезло, он отвечает за энергетику корабля: надо просто выучить схему всех этих аккумуляторов-генераторов и следить за нагрузкой. Чак — навигатор, ему будет помогать Мастиж, который когда-то давно тоже был навигатором. Лиззи сядет в кресло обычного пилота только на время, и ее будет дублировать Глэнор, командир. Она поднимет корабль, выведет в космос, и, как только мы удалимся от планеты, наступит моя очередь.

Я ничего не понимаю... Хорошо еще, Чак мне кое-что объяснил. Он сказал, что в принципе все просто. Есть расстояние, время и скорость, как в задачке про паровозы. Чтобы не лететь до звезд тысячи лет, нужно уменьшить время. Люди умеют это делать, только увеличивая скорость, а эльвейны, жмоллы и другие расы давно научились именно уменьшать время, тогда скорость сама растет. А время уменьшают как-то через массу, которая то же самое, что энергия, вот как-то так. Мое дело — управлять с помощью этой энергии временем и следить, чтобы... Чтобы цифры на приборах не выходили за некоторые пределы, вот. Ничего не понимаю.

Глэнор говорит, что это не страшно, что у меня будет еще достаточно времени все понять. Потом, дома. А пока нужно только запомнить приборы и значки на них. У нас один нэйламор на всех, мы обмениваемся, и я запоминаю, зарисовываю вид этих приборов, зазубриваю числа... Нам нужно будет трижды войти в «режим дальнего полета», так безопаснее. Это потому, что придется огибать звезды, у

них большая масса. Был бы опытный пилот-вычислитель — хватило бы одного «прыжка», но опытный погиб. Я так ненавижу хмоллов... Обязательно выучусь всему и пойду с ними воевать, Глэнор говорит, что теперь война неизбежна. Эльвейны нашли наконец эту планету-тюрьму, теперь хмоллам не отвертеться. Здесь еще есть наши соплеменники, которые тоже томятся в чужом теле, их нужно освободить.

А вообще Земля населена полуразумной расой. Я всегда это знала, мы все знали. С тех пор как Глэнор и Мастиж начали говорить с нами, у всех появились какие-то видения. Это возвращается память. У меня лучше всех получается: я даже знаю, что у меня был любимый. Только никак не могу увидеть лицо, не получается... Дома, на Эльве, нас вылечат, вернут тела и память. И больше мы никогда не будем страдать здесь, среди людей. Об этом приятно думать.

Вчера в метро два придурка смеялись, думали, я не замечаю. Прыщи, да, по всему лицу. Знали бы, уроды, что если бы я начала смеяться, то просто не смогла бы уже остановиться. Видели бы свои несчастные тела со стороны, а еще слышали бы себя. Ведь зоопарк какой-то! В самом деле: мы будто были заперты в клетке с обезьянами. Или с крысами. И я их ненавидела, а теперь мне просто смешно. Теперь я ненавижу хмоллов.

Когда пришел тот день, точнее, ночь, я уже немного научилась стрелять из арбалета. Только перезаряжать его очень долго, конечно, и в полумраке трудно увидеть цель. Но Глэнор сказал, что они включают габаритные огни на корабле. Ведь на самом деле корабль стоит на виду, в парке, но там включены специальные защитные генераторы, и его не видно. Лиззи — почему ей нравится себя так называть? — тоже пробовала стрелять, но сказала, что у нее ничего не получилось. Зато Чак принес не только пистолет, но и такую трубку специальную, из нее можно выстрелить всего один раз. Глэнор на последней связи сказал, что хмоллов будет трое или четверо. Я была уверена, что мы спра-

вимся. У Андрея есть нунчаки, он ими очень здорово дерется.

Мы уже давно знали, где находится корабль, так что и в темноте легко нашли дорогу. Спрятались за деревьями так, как учил Глэнор. Я оказалась за толстой старой березой, гладила ее на прощание. Ведь природа ни в чем не виновата, вся гадость от людей. А природы земной мне будет не хватать, особенно русской. Я даже немного поплакала, пока никто не видел. А потом услышала шаги.

Они подошли со стороны аллеи, от асфальтовой дорожки. Хмоллов оказалось всего трое, а Глэнора и Мاستижа мы уже видели в человеческом обличье. Два старых тощих мужика, хмоллы специально так сделали, чтобы легче было справиться, если что. Зато сами-то все здоровенные, широкоплечие, и руки в карманах — там оружие, очень опасное. Глэнору и Мاستижу повезло: те кристаллы, с помощью которых их изменили, один из хмоллов несет с собой, чтобы в своем настоящем виде эльвейны смогли проникнуть в корабль. А нам придется оставаться людьми до самой Эльвы...

Как они преобразились, я не видела, все произошло в тени от деревьев. Но когда габаритные огни вспыхнули и корабль оказался на полянке, стало светло. Красивые тела у эльвейнов, сильные, вот только очень непривычные... Я даже вздрогнула, когда впервые увидела их перед собой, а не по нэйламору. Чуть не прозевала счет: Глэнор сказал, что как огни загорятся, надо сосчитать до пяти и начинать.

Первым выстрелил Чак и сразу попал в одного хмолла, тот вскрикнул и упал. Мимо меня промчался Андрей, в одной руке нунчаки, в другой — та трубка. Я тоже выстрелила, но промахнулась, едва не зацепила Глэнора. Эльвейны не могли нам помочь, они были лишены сил. Чак выстрелил еще два раза, повалил второго врага, а на третьего налетел Андрей и сразу ударил нунчаками по руке, в которой тот держал свое оружие. Но хмолл успел все-таки выпустить красный луч и случайно ожег руку Лиззи — она так и не выпустила стрелу, решила подбежать ближе.

Потом Андрей выстрелил из своей трубки хмоллу прямо в голову, а Чак дострелял все патроны в других двоих. Я так ничем и не помогла, только Лиззи руку перевязала. Глэнор заговорил, приказал подтащить к нему одного из убитых. Он достал у него из кармана кристаллы, и они с Мاستижем смогли двигаться. Первым делом они забрали у хмоллов оружие, конечно.

Нужно было торопиться — враги могли держать поблизости еще нескольких бойцов. Глэнор открыл люк в корабль, и мы по одному забрались туда. Лиззи все плакала, но Мاستиж сказал, что скоро ей будет не больно, что все обойдется. Внутри оказалось очень тесно, тем более что наши друзья сразу сели в специальные кресла, а нас попросили пока собраться в нижнем помещении, маленьком и холодном.

Лиззи как-то вдруг перестала плакать, и я хотела ее спросить, как дела. И поняла, что не могу разговаривать и двигаться — тоже. Корабль задрожал: мы, наверное, взлетели.

Чак

Я остался один. Лежу, разглядываю стену, потому что не могу отвернуться. Первой сожрали Лиззи, я чувствовал, как на меня брызнула ее кровь. Теплая кровь, это даже приятно было — тут довольно холодно. Лиззи не кричала, и я не знаю, чувствовала ли она боль. Я ничего не мог понять, и Ленка тоже: хлопала глазами и смотрела то на меня, то на эльвейнов. А они жрали Лиззи. С нами не разговаривали, вообще ни звука не произнесли. Потом ушли наверх.

Мы лежали, переглядывались, больше ничего не могли сделать — ни пошевелиться, ни заговорить. За моей спиной часто дышал Андрей, он, наверное, не видел, что случилось с Лиззи. Так прошло много времени, сколько — я не знаю. Голода я не чувствовал, холода вообще-то тоже. Или, точнее, я не мерз. Иногда чуть мутило — наверное, корабль двигался. Но ни перегрузок, ни невесомости, ничего такого я не чувствовал. Мощная техника, я верю, что

эльвейны действительно умеют летать к звездам. А мы, может быть, первые люди, участвующие в таком путешествии. Или не первые...

Потом сожрали Ленку. Потом почему-то Андрея, этого я не видел, только слышал. А теперь я остался один. Пробовал надеяться, что меня в качестве какого-нибудь опытного образца привезут на Эльву, но не получилось. Почему в качестве продуктов на время полета выбрали именно нас, а не мороженое мясо, например, не знаю. Может быть, им нравится свежатинка. А может быть, просто так вышло, все равно ведь кто-то должен был помочь им справиться с хмоллами.

Мне уже ничего не интересно. Вот только надо бы сейчас, напоследок, о чем-то важном подумать, а я не знаю, о чем.

Я не знаю, о чем...

ПИСЬМО С ЗЕМЛИ

инь-дон» — сказал терминал.

Помедлил секунду и пропел снова: «Динь-дон, динь-дон»...

Мелодичный переливчатый звук, слишком непохожий на сигнал подъема. Антон заворочался на койке и сквозь сон попытался опознать сигнал. Внутренний вызов? Разрешение войти в каюту? Извещение сервисного автомата?..

Черт!..

От неожиданной догадки он даже сел и открыл глаза. Письмо. Ох, нечасто этот сигнал раздавался в его каюте! Настолько нечасто, что Антон уже стал забывать, как он звучит.

«Динь-дон» — настаивал терминал.

Надо же, не просто письмо, а срочное с уведомлением.

— Ну иду, иду... — проворчал Антон, сбросив ноги с койки. Бог знает почему за нарочито безразличным тоном он пытался скрыть охватившее его нетерпение. От кого здесь что-то скрывать? Пусть крохотная, но одноместная каюта стала его маленькой привилегией после того, как он по собственной воле продлил контракт на два года. Между прочим, единственный из бойцов. Кроме него, одноместные каюты были у командира блок-базы и у капитана Хафта — даже младший командный состав селился по двое. А уж простые контрактники-первосрочники и вовсе обитали в кубрике.

Антон чинно уселся перед крохотным, как и все остальное в этой каютке, терминалом и нажал нужную кнопку. Терминал булькнул напоследок о том, что уведомление о прочтении отправлено, и выложил текст на экранчик.

«Здравствуй, сынок...»

Антон приподнял брови и почесал затылок. Перечитал на всякий случай еще раз:

«Здравствуй, сынок.

Наконец-то выдалась свободная минутка, и решила снова написать тебе. Что же ты не отвечаешь на мои письма? Понимаю, что ты, наверное, все время занят на службе, неусыпно бдишь, охраняя нашу Землю, но прошу тебя, черкни хоть пару слов в ответ матери. Жив-здоров, мол, чего и вам желаю...»

Антон усмехнулся. Все ясно: ошибка адресом. С непонятным самому себе разочарованием он убрал текст с экрана. Давно известно, что ему не от кого ждать писем. И уж тем более он не мог ждать их от матери, которую совершенно не помнил. Только вот зачем об этом лишний раз напоминать?

Напоследок он все же пробежался взглядом по строчке с адресом: «Блок-база №-0456, вторая эскадра, ведущему бойцу Антону Быкову». Адрес был правильный, но все равно это ошибка. Непонятная, досадная, но не более чем ошибка. Кто знает, что происходит с почтой на серверах и ретрансляторах по дороге от Земли до окраинных секторов сферы влияния человечества? Огромные расстояния, невообразимое число помех, программное обеспечение от известного всей галактике монополиста... В общем, понятно.

Ложиться спать на оставшиеся жалкие десять минут до подъема не имело никакого смысла, тем более что настроение упало практически до нуля. Антон хмуро открыл шкафчик с умывальником и принялся за обычную утреннюю работу.

Три дня назад капитан отстранил его от полетов, одновременно решив при этом проблему поощрения за последний патрульный вылет, в котором Антон практически спас двоих ведомых своей группы, и наказания за нарушение приказа, которое позволило ему вывести группу из-под

атаки. Сегодня короткий отпуск кончился, и теперь, после дурацкого письма, Антон был этому даже рад. В капсуле перехватчика проще всего забываются мелкие бытовые неурядицы, вроде перепутанных писем и того, что на самом деле, кроме продленного контракта да шапочных знакомств на базе, у тебя больше никого и ничего на всем свете нет...

В столовой он оказался как раз в тот момент, когда по базе прокатился сигнал подъема.

— Антуан, ви сегодня 'ано, — сообщил ему Шарль. — Но для ге'оя базы — лучшие блюда, как всегда...

Он шлепнул перед Антоном меню из трех дежурных утренних блюд и, мурлыкая легкомысленный мотивчик, удалился.

— Не спится вот... — проворчал ему вслед Антон. По его мнению, Шарль был сумасшедшим. Он тоже продлил свой контракт, но при этом не был бойцом, и отдельной каюты ему не досталось. А всем известно: нужно быть сумасшедшим, чтобы продлить свой контракт на этой базе. Конечно, за исключением того случая, когда просто некуда возвращаться... К тому же Шарль знал по именам всех бойцов, даже тех, с кем Антон и виделся-то мельком. Текучка личного состава была достаточно большой, чтобы не стараться заводить долгих знакомств. К тому же запоминать гораздо полезнее не имена, а позывные.

Самые расторопные пилоты появились в столовой, когда Антон первый раз зачерпнул ложкой свою порцию протеинового киселя. В первых рядах прибывших он заметил одного из своих ведомых. И, как обычно, сначала вспомнил позывной Волга, а потом уже имя: Толик.

Толик тоже заметил его и просиял. Антон поморщился. Ведомые у него тоже менялись достаточно часто. Слишком часто, чтобы прикипать душой к каждому. А уж когда саляги-первогодки смотрели на него, открыв рот, изо всех своих силенок стараясь равняться на старшего опытного товарища...

— Привет! — провозгласил Толик, появляясь рядом со своим подносом. Он, конечно, взял у раздаточного прилавка то, что досталось, — выбрать одну из трех разновиднос-

тей питательной, но совершенно безвкусной смеси Шарль ему не позволил. — Наконец-то ты выбрался из своей берлоги. Мы уж думали, плесенью там покроешься...

Толик успел поучаствовать в нескольких патрулях и двух перехватах под крылом Антона и считал, что это дает ему право на некоторую фамильярность. Пускай. Максимум через месяц на его место придет другой, и тоже сперва будет заглядывать в рот... Ну а если так случится, что салага выдержит, то, значит, и впрямь имеет право на фамильярности.

— Слышал? — Толик понизил голос. — Народ поговаривает, что скоро намечается прорыв.

— Нет, — сказал Антон, — не слышал.

Он пожал плечами. Прорыв так прорыв. Не в первый раз. Видали мы и прорывы, и нашествия, и даже один раз орду, после которой блок-базу пришлось почти отстраивать заново...

— Ну и что?

— Так. Ничего. Интересно. — Толик несколько увял, обнаружив, что его новость не такая уж сногшибательная. Но тут же оживился вновь: — Просто у нас тут дела странные творятся. Капитан сам не свой ходит.

— Н-да? — скептически протянул Антон и покосился в сторону дверей. Капитан Хафт появился в столовой точно таким же, каким Антон видел его три дня назад. Идеальная выправка, немного снисходительный взгляд и полное ощущение почти абсолютной власти казнить и миловать на данной конкретной блок-базе. Принципу питаться вместе с личным составом, для поднятия боевого духа последнего, он тоже не изменил.

— И что же случилось? — осведомился Антон, чтобы совсем уж не разочаровывать своего ведомого.

— Да понимаешь... Как бы сказать... Ребята странные письма стали получать. За три дня уже четверым пришло. Главное, обратный адрес один и тот же. Какая-то старая дура с самой Земли шлет, и как денег не жалко!..

Ложка Антона вдруг звякнула о край железной тарелки, и он с удивлением посмотрел на свою руку.

— ...Каждого, кому шлет, называет сыном! И, пред-

ставляешь, будто каркает, ведьма! Дюк первым письмо получил. Прочитал перед всеми, ну, естественно, позубоскалил маленько... Ну ты ж Дюка знаешь...

Антон кивнул, хотя Дюка совершенно не знал.

— А потом... У него вылет был в тот день... В общем, он не вернулся. Ушел на двухчасовой патруль и не вернулся. Ведущий, Сеня Звягинцев, говорит, что даже не заметил, как его потерял, просто оглянулся в очередной раз, а позади никого... Потом Коля-гусляр письмо получил. В тот же день, только вечером. Прямо перед вылетом прочитал, дурень. И все, кранты. Угодили в засаду. Отбились удачно, вся группа вернулась... кроме Коли.

— Ясно, — сказал Антон. Рассказ его не впечатлил. База то и дело наполнилась слухами и суевериями, которые не успевали приживаться, уходя вместе с людьми. Вероятнее всего, так будет и с этой новой мрачной приметой.

— Где Серго? — спросил он про своего второго ведомого. — С кем летали без меня?

На второй вопрос Толик внимания не обратил вовсе. А на первый... С непонятной злостью он отодвинул в сторону поднос с наполовину полной тарелкой.

— Серго тоже получил письмо от старухи, — проговорил он, — вчера утром. Он даже его читать не стал, сразу уничтожил...

Продолжать Толик не сумел или не захотел. Отвернулся, стараясь скрыть отчаяние, промелькнувшее на его лице.

— Все мы получим свое письмо, правильно, командир? — проговорил он срывающимся голосом. — Каждый в свой срок...

— Отставить, пилот! — веско произнес Антон. Такие переходы от бравады к депрессии тоже были ему знакомы. И если имеешь еще какие-нибудь виды на своего ведомого, то в таких случаях нужно немедленно брать парня за шкирку, встряхивать, возвращать боевой настрой любым способом... Только сейчас почему-то слова застряли в гортани. На Серго ведь он тоже имел виды... Но все же три дня назад так обрадовался неожиданному отпуску, легко передав уже почти слетанную группу... Кому? Ведь даже не спросил у капитана, кто будет водить его ребят...

Он разжал кулак, и раздавленная пластиковая ложка осыпалась на стол.

Нет. Нельзя прикипать к людям здесь, на самой дальней от Земли блок-базе. Незаменимых нет. Наверняка капитан уже подобрал замену — звено не может вылетать в ограниченном составе. И замена эта будет, во всяком случае, не хуже.

— Отставить... — повторил Антон тише, непонятно кому — Толику или самому себе. Он успел подумать, что, пожалуй, надо добавить что-то еще, но в следующий миг все слова стали совершенно лишними.

База содрогнулась от истошного рева сирены.

Боевая тревога первой степени...

Все бойцы немедленно по машинам...

Странно, но, расшвыривая попавшиеся на пути стулья и столы, Антон не испытывал ничего, кроме облегчения...

Звено замерло на позиции, медленно дрейфуя в пустоте. Они все же пришли вовремя, несмотря на то, что прямо в ангаре Толику пришлось разбить нос для поднятия боевого духа, а новенький кадет — как имя паренька, Антон даже не удосужился узнать — прибыл на старт с почти минутным опозданием.

Три перехватчика в боевом построении, великолепные машины уничтожения — лучшее, что удалось создать Земле для защиты своего подконтрольного пространства. Похожи скорее на атакующего осьминога, нежели на боевые корабли, вот только в щупальца-манипуляторы встроены орудия, способные в несколько залпов освободить Сатурн от пары лишних колец. Переплетение подвижных сочленений, консоли с двигателями, вынесенные на пилонах системы обнаружения, прицеливания, постановки помех... И во все это вплетена капсула с человеком, впряженным в органы управления. Боец не управлял летательным аппаратом — он надевал доспехи рыцаря двадцать третьего столетия, которые дарили ему защиту, скорость и мощь, сравнимую с линкорами времен «Первой волны».

Антон повел плечами, разминая мышцы, — перехват-

чик распрямил четыре верхних манипулятора, словно тоже потягиваясь. Стволы пушек рыскнули жерлами по верхней полусфере, отыскивая цель, и успокоились, снова заняв положение готовности. Антон усмехнулся. Древний бог-громовец мог только мечтать о такой силе, и ради этого ощущения, пожалуй, стоит продлить контракт на третий срок.

Впрочем... Удастся ли дослужить второй?

Воспоминание об утреннем письме и рассказе Толика неприятно кольнуло сердце. Усилием воли Антон заставил себя встрепенуться. Что за чушь! Когда это он верил в приметы?.. В капсуле перехватчика можно верить лишь в свои силы и мощь вверенной матчасти, иначе не то что второй, а и первый срок дослужить не успеешь!

Не задумываясь о том, что бравивирует словно кадет, только что попавший на базу, Антон, в нарушение всех правил боевого патрулирования, связался с терминалом в своей каюте и перекачал злополучное письмо в память перехватчика.

Первые прочитанные уже строчки он пропустил.

«...А у нас здесь все хорошо. Ты помнишь Андрюшу, твоего двоюродного брата? Он недавно получил очень перспективную работу на верфи. Мы надеемся, что и у него теперь жизнь наладится, как и у тебя...»

Тетка точно сумасшедшая. У Антона никогда не было ни братьев, ни сестер, а считать свою жизнь налаженной мог только сам Атон. Да и то лишь за рюмкой коньяка после отбоя.

«...Вот только погода что-то в последнее время стала портиться. Говорят, глобальные изменения климата, но ведь ты знаешь, у нас все время так говорят, сколько я себя помню. Правда, цветник у тебя под окном весь вымок — все дожди и дожди. А у меня нет сил пересадить туда новые цветы. Скорее бы ты возвращался на Землю, Антошка. Жду не дождусь, а то ведь, не ровен час, убьют тебя, так и не увижу я сына на старости лет...»

— Дьявол, карга старая! — Антон не сразу сообразил, что рывкнул эти слова прямо в интерком.

— Это Волга, не понял тебя, — немедленно отозвался Толик.

Безымянный второй ведомый промолчал. Видать, мандражирует, сопляк. Ничего, если сегодня вернется, появится и у него имя.

— Отставить, звено, — сказал Антон. — Не расслабляться, следить за пространством...

Выполняя собственное распоряжение, он скосил глаза влево, и боевая индикация послушно обозначила на прозрачной полусфере капсулы расположение эскадры. Десять групп выстроились полумесяцем, перекрывая расчетное направление прорыва. Служба раннего предупреждения довольно четко обозначила вектор выхода портала, который сейчас усердно пробивали исчадия иного измерения во Вселенную землян.

Когда-то им это удавалось делать практически безнаказанно. Как варвары-кочевники, чужие появлялись из ниоткуда, нападали на корабли и колонии, после чего бесследно исчезали, иногда прямо на глазах у перепуганных уцелевших. Ценности чужих, естественно, не интересовали, ресурсы и энергия оставались нетронутыми... Только человек терял то, что и делало его человеком, — разум. Чем он служил для чужих — пищей, источником энергии или источником удовольствия — достоверно так и осталось невыясненным. Попытки исследований провалились, на призывы к переговорам враги реагировали неадекватно...

Зато было достоверно установлено, что они весьма адекватно реагируют на залп плазменных батарей линейного корабля. Кроме того, вскоре обнаружилось, что открывать свои порталы чужие могут только в определенных областях пространства, и это открытие разом решило если и не проблему контакта с иным разумом, то по крайней мере проблему пиратских набегов. Четырнадцать блок-баз, раскиданных по дальним секторам, остановили враждебное проникновение и дали время лучшим умам человечества для поиска иного выхода из ситуации. За последние несколько лет не было ни одной удачной попытки прорыва, но чужие не переставали открывать все новые и новые

порталы в одних и тех же областях. Видимо, голод был сильнее артиллерии...

В этот раз, правда, у чужих получалось как-то совсем уже неважно. Термин «прорыв» предполагал возможность появления до трех порталов одновременно — сейчас же готовился только один. Причем правый пеленг вектора был перекрыт выстроенным недавно минно-заградительным пространством, напичканным управляемыми минами и автоматическим оружием. Левый пеленг насквозь простреливался орудиями блок-базы, которая в результате последней перестройки была способна подавить даже «орду», не то что какой-то там «прорыв».

А на единственном открытом направлении вовсю порезвятся перехватчики. Конечно, повезет далеко не всем. Кто-то из новичков сторит в огненной каше, но все же тридцать боевых машин едва ли понесут значительный урон. Антон вдруг с некоторым разочарованием понял, что и схватки-то никакой не получится. Поток чужаков из портала захлебнется в огненном шквале. В лучшем случае им удастся попасть в кого-то шальными ответными выбросами, но на большее давнему противнику сегодня рассчитывать не приходится...

— Внимание ведущим, — раздался голос капитана Хафта на командном канале, — полуминутная готовность... Вперед не лезем, давим с позиций.

Антон дождался своей очереди. Проговорил:

— Десятый здесь, понял тебя, первый...

Заканчивая короткий доклад, он уже видел, как плывет и рвется пространство в фокусе полумесяца встречающих. Антон собрался, сгруппировался, словно приготовившись к прыжку. Перехватчик вздрогнул, подавая энергию на оружие и двигатели, включая системы прицеливания. Машина готовилась повторить и многократно усилить любой порыв хозяина.

— Внимание, портал, — спокойно информировал капитан Хафт. И скомандовал: — Всем группам — огонь по готовности.

Ответный доклад не требовался. Антон сосредоточил взгляд на набухающем нарыве портала — пузыре мутно-

малинового цвета, — напряг пальцы внутри сенсорных перчаток. Перед глазами вспыхнула прицельная сетка, орудия поймали указанную цель.

В следующий миг нарыв лопнул, и в человеческий космос потек гной...

Боец, который задумывается о том, как именно он управляет своим оружием, не имеет шансов на выживание. Действия должны быть доведены до автоматизма, координация и скорость реакций обязаны превосходить компьютер. Антон не выстрелил — он нанес удар. Сжатыми в кулаки пальцами, одетыми в управляющие консоли ногами, всем корпусом... И перехватчик послушно изрыгнул залп из восьми стволов.

Индикатор запаса энергии дернулся вниз, столбик температуры орудий подскочил вверх.

— Звено — залп! — скомандовал Антон. — Следить за перегревом...

Краем глаза он успел отметить, что выстрел Толика слился в единый жгут из восьми огненных плетей, а у второго безымянного ведомого вместо залпа получилась разрозненная серия выстрелов из разных стволов. Учиться и учиться еще, салаге... Если вернется сегодня на базу.

А потом открыли огонь остальные группы. Потоки плазмы захлестнули портал. Они не могли повредить почти нематериальному образованию, но первая волна чужих оказалась сметена еще до того, как успела выстроиться в атакующее построение.

— Ма-аладцы, — прокомментировал в эфире капитан. — А теперь не расслабляться! Эскадра, беглый огонь!

Из портала уже истекала вторая волна. Чужие — живые машины или неорганические существа... Это тоже не удалось установить достоверно, но то, что сейчас вторглось в космос, полностью соответствовало представлениям человека о нечеловеческом ужасе. Визуальные системы послушно приблизили волну нападавших, Антон скользнул взглядом по потоку инопланетной нежити. Сознание мгновенно вычленило силуэты, классифицировало цели... «Вампир», «паук», «змея»... Обычный состав. Он настроил оптимальные режимы огня и разразился серией очередей из

разных стволов, экономя энергию, успевая охлаждать орудия.

Кто-то из группы последовал его примеру, кто-то бил одиночными мощными импульсами... На самом деле сейчас это не имело особого значения. Энергии хватит и на три таких прорыва, можно не экономить, а расстояние играет в пользу людей.

В эфире слышались плоские шуточки — несмотря на приказ капитана, ведущие расслабились, чувствуя слабость противника.

— Сеня-Сеня, ты сегодня кашку-то свою успел доесть? Она у тебя под сирену обратно не полезла?

— Не успел, Арам. Ты же в нее сам чуть не сед, когда тревогу объявили?

— Да разве ж это тревога? Не светит сегодня «страшененьким». У нас вон Антоха фланг прикрывает...

— Тихо-тихо, не буди его. Ему капитан специально приказал в бой не вступать, не то нам работы не достанется, а кормить все равно придется...

— А что, пацаны, никто сегодня писем не получал? Не то ведь расстроится старушка, что ошиблась!..

Пауза в эфире была короткой, но емкой. Антону даже показалось, что на миг стих заградительный огонь перехватчиков. Но тут же ударил с новой силой, а в наушниках раздался спокойный голос капитана:

— Шестой — сутки карцера по возвращении на базу. Всем держать строй! Соблюдать боевой режим переговоров!

И все. Только настроение испорчено окончательно.

Через несколько секунд Антон уловил, что даже под шквальным огнем чужие сумели перегруппироваться. Из бесформенного потока, которым они выливались из портала, выстроились в атакующий конус. Вернее, в подобие атакующего конуса. Построение, которое должно выглядеть как монолитное твердое тело, рвалось и ломалось под огненным натиском. Было очевидно, что, когда чужие выйдут на дистанцию ответного удара, от конуса ничего не останется.

— Внимание ведущим! — проговорил вдруг капитан, и

в его голосе Антон уловил напряжение, не соответствующее обстановке. — Сосредоточить огонь в центре! Я хочу, чтобы мы пробили там дыру!

Зачем? Антон приподнял брови, и послушная машина на миг замерла будто бы тоже в недоумении. Гораздо эффективнее бить по всей площади конуса, заставлять противника перегруппировываться, затыкать дырки, маневрировать и терять темп... А потом он понял, зачем понадобился этот странный приказ.

Портал изменялся. Схлопнулся на миг и тут же снова набух мутным малиновым пузырем. Пузырем гораздо больших размеров, чем это полагается при прорыве. Антон сумел увидеть это, потому что визуальные системы получали данные от других перехватчиков эскадры, от детекторов базы и наблюдательных скаутов, что реяли в пространстве неподалеку от битвы. Но прямому обзору и вектору огня мешал конус.

— К нам что-то лезет, братцы. — Сеня все-таки не удержался. — Давайте-ка встретим на выходе...

Все и так видели, что что-то лезет. Залпы тридцати перехватчиков ударили в вершину конуса, смяли ее, проломил и... на несколько мгновений увязли в кишасщем внутри его рое чужих.

Портал лопнул, освобождая из своих недр то, что так стремилось в человеческую Вселенную. Сфера. Просто большая черная сфера, покрытая буграми, наростами и шипами, но все-таки... Медленная, неповоротливая и, вероятно, очень уязвимая. Но Антон спинным мозгом почувствовал — ее нужно уничтожить немедленно, во что бы то ни стало. И остальные, видимо, были с ним согласны.

Строй перехватчиков успел сделать еще три залпа. Два первых расшвыряли, испепелили остатки прикрывающего портал конуса, третий дотянулся до сферы и... угас. Визуальная система раскинула обширное, подсвеченное розовым полотно перед сферой, в котором утонули плазменные потоки.

— Это что еще за дрянь?.. — проговорил кто-то.

Последовало несколько отдельных выстрелов. С тем же результатом.

— Щит, — проговорил Антон. — Они нашли способ защищаться...

Первым очнулся капитан.

— Что замерли? Добиваем одиночек!

Остатки уничтоженного клина поспешно стягивались под прикрытие щита. По ним хлестнуло несколько очередей, Антон тоже машинально отработал приказ. Несколько чужаков вспыхнуло, остальные сгруппировались около сферы.

И тут портал сработал снова. Третья волна пробилась в космос и накапливалась, уплотнялась за спасительным зонтиком. А помешать этому люди были уже не в силах.

Наверное, стальной капитан Хафт все же растерялся. Наверное, нужно было отдать приказ об атаке, попытаться обогнуть защиту и ударить в самый центр плотной группы. Да, это был бы уже ближний бой, в котором чужие почти не уступают людям, но по крайней мере инициатива осталась бы за последними...

— Держать строй! — сказал капитан, и ни один перехватчик не стронулся с места.

А драка-то все-таки будет, подумал Антон. Только теперь эта мысль почему-то не принесла удовлетворения.

Сфера двинулась вперед неожиданно быстро для ее размеров. В скорости она не уступала остальным чужакам. Только в этот раз люди не имели возможности ослабить их атаку дальним огнем. Антон отсчитывал секунды.

Три... Две... Одна...

Чужие вышли на дистанцию, с которой их атака была способна поразить перехватчиков, и рой брызнул во все стороны из-под своего прикрытия.

— Огонь! Всем огонь!

Крик капитана Хафта потонул в реве орудий Антона. Эскадра ударила изо всех стволов, не считаясь с расходом энергии, не обращая внимания на перегрев оружия... Но рой было уже не остановить. Ответный удар не заставил себя ждать. Кто-то вскрикнул в эфире, один из перехватчиков на миг засветился ослепительным оранжевым пламенем и беззвучно лопнул, заставив соседей сдвинуться со

своих позиций. Другой закрутился как юла и по замысловатой спиральной траектории покинул строй.

И тогда Антон закричал, не задумываясь, как и кем будут восприняты его слова:

— Внимание, атака! Режим ближнего боя!..

Он прыгнул прямо в гущу роя, не обращая внимания, последует ли за ним кто-нибудь. Вперед, в ближний бой! В космический спарринг! Он, кажется, жаждал драки? Ну, так он ее получит сполна! В один миг бесконечный космос исчез — остался лишь маленький пяточок пространства, ринг, на котором почти рукопашную сошлись две равные силы.

Антон запараллелил управление пушками попарно и превратился в четверорукое, смертельно опасное животное. Пусть огонь будет не таким массивованным, зато каждый выстрел — смерть чужому!

Выбор цели, залп, прыжок в сторону... Все очень быстро, почти одновременно...

Вот черный силуэт возник слишком близко... Извини, дружок. Рывок вперед — и удар. Штык — композит алмаза и титана — пробивает кремниевый панцирь, и «вампир» уплывает из поля зрения, кувыркаясь и выворачиваясь наизнанку. А сэкономленный выстрел, возможно, спасет кому-то жизнь.

Не спать, не спать!..

...Маневр ухода с резким разворотом, мимо пронесется энергетический импульс. Ответный выстрел с двух рук: извини, дружок, от тебя не осталось даже пепла.

...Вот навстречу, кувыркаясь между сиреневыми струями, несется перехватчик. Две короткие очереди по его преследователям: из пятерых остается двое, все, теперь парень справится сам...

...Невесть откуда на ведомого сваливается «паук». Толик держался справа, значит, это безымянный новичок. Проклятие!.. Усилием воли заставив себя не зажмуриться, Антон разряжает пушки в слившийся в последнем смертельном союзе клубок... Извини, дружок, не повезло. Вернись, обязательно узнаю твое имя...

...А вот и первый пропущенный удар... Но реакция все

же спасает — сиреневый поток струится перед самым лицом и сносит одно из верхних орудий...

...На миг огненно-черная каша расступается, и из пространства выплывает борт проклятой сферы. Очередь с максимальной нагрузкой, почти в упор изо всех оставшихся стволов... Плевать на перегрев! Плевать на перегрузку систем! Получи, сволочь!..

Неожиданно легко сфера лопается, расшвыривая в стороны участников свалки. Извини, дружок...

— ...Внимание всем! К базе! Оттягиваемся к базе, внимание всем...

Что это за звук отвлекает от драки? Капитан Хафт все же взялся снова командовать? Ну что же, приказ вполне разумен...

Боевая индикация доложила о потерях перехватчиков: уже восемь боевых машин перестали отзываться, еще три с огромными повреждениями пытались выйти из боя. Рой слабел значительно медленнее.

Но Толик пока здесь, значит, можно еще пару секунд покрутиться, прикрывая остальных... Только вот почему этот идиот бросает бой и уходит в сторону минного пространства?

— Волга!!! — Он почти сорвал голос в этом крике. — Немедленно вернуться в строй!.. Держать позицию!..

— Я здесь нашел кое-что!.. — За такой ответ в бою сутками карцера не отделаешься. — Оттянем их на мины, командир!

Почти рефлекторно Антон срезал пару «вампиров», устремившихся за ведомым, и только тогда увидел, что висит у того в рабочем захвате.

«Координатор». Маленькое, темное, полиморфное тело. Всегда присутствует в рое, выполняемые функции неизвестны. Никогда не атакует и не защищается, зато обладает великолепной маскировкой, обнаружить его — огромная удача, гораздо проще уничтожить рой целиком.

Название неверно отражало суть — с потерей «координатора» рой не терял боеспособности и даже, наоборот, кажется, становился злее. Единственное сравнение, которое приходило в голову, — знамя. Символ, которым доро-

жили чужие и который были готовы защищать любой ценой.

— Я прикрываю! — Антон мгновенно принял вспомогательную роль. — Спокойно, Волга. Тяни в мины и следы за хвостом...

Рой встрепетулся. Чужие почувствовали пленение «координатора» и мгновенно забыли обо всем остальном. Черно-зеленые тела безжалостно подставлялись под огонь Антона, они стремились только к одному — догнать, уничтожить дерзкого человечешку, посягнувшего на нечто неприкосновенное...

Пушки Антона не умолкали. В глазах рябило от попаданий, кажется, сегодня ему удастся удвоить свой годовой счет, если хватит энергии и выдержит оружие...

Раскаленным клинком они пронизали рой и вырвались в чистый космос. Еще две — две с половиной минуты форсажа, и вся компания войдет в заградительное пространство. А еще через минуту от чужих не останется и воспоминания.

Капитан Хафт оценил замысел. Ни один перехватчик не преследовал растянувшийся рой — это было бессмысленно. Эскадра, выполняя последний приказ, оттягивалась под защиту орудий блок-базы.

Антон криво усмехнулся. Ну что, старушка, похоже, ты все-таки ошиблась сегодня с письмом. Во всяком случае, ты прислала его не по адресу...

Он полоснул парой очередей себе за спину, охладив пыл наиболее ретивых преследователей. Прицелился снова, но передумал. Энергия еще может пригодиться, а они уже почти на месте. До границы минно-заградительного пространства, которая существовала только в памяти машины, оставались считанные секунды... Нет, мгновения...

На появление множества стационарных объектов прямо по курсу чужие не обратили внимания так же, как чуть раньше не обращали внимания на сокрушающий огонь Антона. Вслед за перехватчиками рой врезался в заштрихованную на всех навигационных картах красным зону, и через секунду космос превратился в преисподнюю.

Автоматические турели ожили и открыли огонь. Не

слишком мощный. Не слишком точный. Но их были сотни. Сенсоры мин уловили враждебное присутствие, компьютеры рассчитали направление и мощность взрывов. Каждая из них была запрограммирована на уничтожение не менее трех противников...

Антон остановился и развернулся лицом к противнику. Толик пристроился по левому пеленгу — на своей штатной позиции за ведущим.

— Неплохо мы их, а? Командир?.. — возбуждение от неслышанной удачи заставило его едва ли не прокричать эти слова. Но Антон решил не делать замечания. Он уже привык быть спасителем базы, но сегодня почести будет принимать не он, а Толик. Может быть, даже капитан подаст вверх ходатайство о повышении в звании.

— Неплохо, — согласился Антон.

Рой погибал быстро и ярко. Огненная феерия продолжалась не более полуминуты, а потом утасла так же мгновенно, как и началась. На месте бушующего пламени образовалась мертвая зона, в которой были израсходованы все мины и уничтожены турели. Через некоторое время пространство перегруппируется, заполнив пустоту, но сейчас здесь плавал только мусор и изорванные куски чужих машин.

— Это была хорошая идея, — прокомментировал Антон. — Погребли потихоньку домой, получать почести...

То, что он позволил себе непозволительную роскошь — расслабиться, — Антон понял только в последний момент.

Десяток чудом уцелевших чужаков были обречены, ибо оказались заперты внутри минного пространства, но это не помешало им попытаться взять реванш за поражение. Антон успел снова активировать оружие и даже сделать один неприцельный залп. Но остановить врага он не смог. Трое встретились с плазменными импульсами и разлетелись клочьями, остальные ударили в ответ... Нет, не в него. В Толика, который так и не выпустил почему-то свою добычу, обеспечившую столь эффектную победу.

Удивленный возглас был единственным, что тот успел сделать. В следующий миг его боевая машина приняла на броню семь импульсов и перестала существовать.

Чужие разминулись с Антоном на встречных курсах, развернулись и замерли перед последней решающей схваткой. Хорошо, что никто, кроме них, не мог слышать его брань — возможно, даже у капитана Хафта уши свернулись бы трубочкой.

Нельзя прикипать к людям на этой долбаной базе! Здесь можно жить только одним днем!..

Но это после, в маленькой уютной каютке, можно будет подвести подо все свою маленькую пошленькую философию. А пока есть на чем выместить гнев и отчаяние от собственной непростительной ошибки..

Семь чужих, семь «змеев». По одному на каждый уцелевший ствол.

— Ну что ж, — процедил он сквозь зубы. — На вашем месте я бы начинал бояться...

Они ринулись друг на друга в едином порыве — уничтожить.

Пушки заработали в режиме непрерывного излучения. («...Использовать только в критических ситуациях. Длительность импульса не более четырех секунд...») К черту инструкции! Антон и сам знает, на что способна эта машина... Маневровые двигатели едва успевали обрабатывать его броски, но перехватчик послушно укладывал свое стальное тело между струящимися навстречу сиреневыми трасами. И бил, бил в ответ...

Удар! В левый бок! Еще одно орудие сорвалось с направляющего манипулятора и унеслось в пространство. Два других замолчали — рабочие камеры не выдержали перегрева, но и противников осталось трое... Нет, двое...

Юркие, опасные твари, немудрено, что в огне уцелели только они. В шестого Антон выстрелил почти в упор. Прямо в морду, в оскаленную шипами четырехстворчатую пасть!.. И сразу же последний «змей» ударил сжатым в таран носом в основание орудийных направляющих. Индикация заверещала о невозможности наведения на цель, но это было уже неважно. Антон бросил пушки и схватил хрустящее каменное тело... Легированная сталь его механических рук была все же крепче, чем панцирь чужого. Он получил еще один удар хвостом куда-то в основание антен-

ного блока. Прицельная сетка на стекле погасла, система навигации пискнула и доложила о невозможности ориентации в пространстве... Но броня выдержала, а это главное.

Штык Антона пробил панцирь чужого в тот миг, когда его пасть сошлась на стекле капсулы. С противным скрипом шипы прочертили глубокие борозды и... ослабили хватку. В последнем конвульсивном изгибе «змей» соскользнул с острия, дважды дернулся и застыл, медленно уплывая в пространство и разбрасывая вокруг бьющие фонтаном жидкие внутренности.

— Вот так-то будет лучше... — прошептал Антон.

С огромным трудом он расслабил мышцы и извлек руки из управляющих консолей. Осмотрел индикационную панель. И криво усмехнулся.

Похоже, старуха все-таки была права со своим письмом. Вернуться домой без навигационной системы и связи было невозможно.

Экономить тепло и воздух не имело никакого смысла. После того что выдержал перехватчик, ресурсов в жилой капсуле осталось не больше чем на пару-тройку часов. А без точных координат поисковый отряд едва ли доберется до Антона раньше чем через сутки. Оставалось только развалиться в обесточенном сенсорном комбинезоне, превращенном в гамак, и ждать неизбежного, размышляя о своей беспутной жизни. Вот уж в чем Антон никогда не мог преуспеть, так это в размышлениях о жизни. Видимо, поэтому и осталась у него два года назад только одна дорога — подальше от Земли, на самую глухую блок-базу. А впрочем, к чему жаловаться? Жалел ли он за прошедшее время о своем выборе? Нет. Порезвился ли он вволю, не обременя себя привязанностями и долгом? Да. И еще как. Видимо, только такие, как он, одиночки, которым нечего терять, могут стать настоящими бойцами.

Остальные гибнут раньше.

Но и на настоящих бойцов, видать, бывает управа. Не враг, так случай, какая разница, что именно тебя убьет. Черт бы побрал старуху с ее письмом...

Внезапно его разобрало любопытство. Глупое, ничем не оправданное — ведь все уже сделано, рыпаться некуда. Но ведь и терять нечего. Как всегда...

Он лениво дотянулся до клавиатуры. Надо же! Какая-то часть программ еще работала. Жаль только, что эта часть совершенно бесполезна с точки зрения выживания. Лобовое стекло покрылось рябью — проекционная система тоже дышала на ладан — и на него выпрыгнул знакомый уже текст.

Так.

Где он остановился-то?..

«...Я помню, что твой контракт скоро заканчивается, Антошенька, так ты уж возвращайся скорее. Не продляй больше. Или хотя бы в отпуск прилетай на Землю. У нас тут ходят слухи, что скоро ученые придумают, как вовремя закрывать порталы и не пускать нечисть в наше измерение. Скорее бы уже. Всем надоела эта бесконечная и бессмысленная война...»

Да, это было бы здорово. Жаль только, что ученые малость опоздали. Антон усмехнулся и вернулся к тексту.

«...Ну да ладно, что это я все о нас. Расскажи лучше, как тебе там живется на заставе? Хорошие ли командиры? Хорошо ли вас там кормят? Не нужно ли чего? А то ведь я быстренько посылочку соберу...»

Антон представил себе эту посылочку, вспомнил капитана Хафта и паек в столовой. И не смог удержаться от смеха. Ой уморила, карга старая, ой рассмешила насмерть! В прямом смысле, между прочим.

Ну ладно, что еще ты выдумашь?

«...Да, чуть не забыла. Мать Семена Звягинцева сказала мне о вашем последнем сражении. Он-то молодец, матери пишет, не то что ты. Очень жалко твоего товарища Толю. Он ведь придумал, как вас всех спасти, верно? И еще — не забудь отблагодарить от меня того парня из ремонтной бригады, что забыл в твоём корабле свой ящик с запчастями, иначе не читать бы тебе мое письмо...»

Антон слотнул.

Нет. Проклятие! Не может быть! Откуда она знает про все это!

Он вскочил с гамака и перечитал последние строки. Потом машинально сверился с датой отправки письма. Увиденное заставило его высветить еще и календарь, но ошибки не было — письмо было датировано завтрашним днем.

Так не бывает, не бывает... Это было единственное, о чем он мог думать, пока лихорадочно обыскивал капсулу. Да нет, ерунда. Все забытое здесь давно разможило бы ему голову. Разве что в техническом канале, куда так любят лазить ремонтники...

Контейнер валялся прямо под крышкой крохотного отсека, среди переплетения питающих шин, энергопроводов и проводов. Малый ремонтный комплект — набор готовых схем, с помощью которых на скорую руку можно продублировать почти любое оборудование перехватчика, кроме разве что боевых систем.

Антон сел на пол, тупо разглядывая содержимое контейнера. Его руки сами собой извлекли несколько блоков, необходимых для сборки примитивного радиомаяка, а голова была занята совсем другими вопросами...

— Ну что, боец, и в этот раз выкрутился? — Спокойствия капитана Хафта, кажется, не могло поколебать ничто. Антон, только несколько минут назад пришедший в себя в спасательном челноке, вяло кивнул.

Ангар был полон людьми и техникой. База зализывала раны. А капитан, похоже, задался целью проводить своего лучшего бойца до его каюты.

— Я хочу представить твоего ведомого к награде. По-смертно. Напишешь представление? Все же парень спас эскадру...

Антон снова кивнул. Хотя на миг ему захотелось съездить Хафту в челюсть.

— Я просмотрел твой компьютер, — продолжил капитан тише. — Извини. Мы думали, ты не вернешься, и я готовился отдать каюту Сене. Ты тоже получил письмо.

Это был не вопрос, а утверждение.

— Да, — выговорил Антон наконец. — Я как раз хотел поговорить об этом...

— Не стоит. Я уже принял меры. Знаешь, что числится по обратному адресу? Специализированная психиатрическая клиника. Сумасшедший дом для тех, кто контактировал с чужими. Я связался с главврачом, объяснил ситуацию... оказывается, эта тетка была одна из первых, кто пытался вступить с ними в контакт — тогда еще по-хорошему. Ее сознание как будто сдвинулось на сутки вперед. Никто не может понять почему, но она постоянно говорит о настоящем в прошедшем времени и всегда угадывает счет в завтрашнем матче... Впрочем, это неважно. В целях сохранения спокойствия на базе я попросил врача присмотреть за ней. Думаю, больше никаких писем от этой карги не будет...

— Что? — Антон остановился. — Слушайте меня внимательно, капитан. Во-первых, не смейте ее оскорблять. Во-вторых, позвоните врачу снова и попросите его не препятствовать этой женщине ни в чем. В-третьих, прикажите читать ее письма всему личному составу. Всем, кто их получит. Можно прямо на утреннем построении.

— Э-э-э... Да ты, солдат, не свихнулся ли там в одиночестве?

— Нет. Позже я представлю вам все необходимые объяснения. А сейчас прошу меня извинить, у меня есть одно неотложное дело...

Антон оставил ошарашенного Хафта посреди коридора и быстрым шагом двинулся в свою каюту. Включая компьютер, он понятия не имел, о чем будет его письмо. Зато совершенно точно знал, как его начнет.

Он напишет:

«Здравствуй, мама...»

МАРШ МЕРТВЫХ БЛОНДИНОК

Иван был разложен, постель развернута, а в ней, любовно прикрытый одеялом, лежал труп молодой блондинки.

Игорь попятился. Голова вдруг стала такой ясной, что его затошнило. Он едва успел добежать до туалета. Извергнув содержимое желудка в унитаз, Игорь протрезвел окончательно.

Заходить в комнату еще раз побоялся. Сел на кухне, придвинув табуретку к окну, и стал рассуждать логически.

У него в комнате труп. Причем Игорь не мог вспомнить, когда его притащил. Когда и, главное, зачем? Вчера у него был день рождения, посидели с ребятами. Женщин в доме не было, причем никаких — ни мертвых, ни живых. Два часа назад он пошел провожать гостей до стоянки такси, заодно и добавки взял. Уходя, оставил диван сложенным, это Игорь помнил точно. Значит, труп появился позже. Игорь восстановил последовательность событий и выяснил, что из памяти вывалился кусок продолжительностью примерно двадцать минут — между посещением супермаркета и скамейкой на детской площадке, где он глушил жажду пивом. Теоретически он мог бы успеть притаранить труп и снова выйти на улицу. Но это только теоретически. Потому что на практике такой номер можно было отколоть лишь в том случае, если он подобрал труп на пороге супермаркета и бегом доставил к себе. Причем, уложив мертвячку, он ушел и прихватил пакет с купленной водкой, будто боялся, что баба вылакает его добавку.

Чушь. Не бывает так.

Куда вероятней, что водка была паленой и труп ему примерещился. Тогда надо будет прямо с утра, не переодеваясь, навестить ребят в психосоматике. Может, белая горячка еще не началась и Игорю удастся отделаться легким испугом. Но для этого необходимо заглянуть в комнату сно-ва и убедиться, что никаких мертвых блондинок там нет.

ПокOLEбавшись, он отказался от идеи глотнуть горячительного для смелости. Во-первых, чего трупов-то бояться. Во-вторых, если водка паленая, то глюк никуда не исчезнет.

Встал и повторил эксперимент.

Труп был.

Игорь поморгал, потом еще раз проблевался.

Труп не исчез.

Тогда Игорь решительно откинул одеяло.

И расхохотался.

Это был не труп, а очень искусная имитация. Кукла. Из секс-шопа на «Полежаевской». Резиновый труп для некрофилов.

Игорь присел рядом, осмотрел изделие. Н-да, роскошная вещичка. С двух метров и с пьяных глаз от настоящего жмурика не отличить даже ему, на что уж он спец. Потрогал. На ощупь — почти как нормальная мертвая кожа. Интересно, сколько такая дамочка может стоять? Тысяч пять-шесть, факт. Это если не на заказ делали.

Игорь понял, откуда она взялась в его квартире. Ребята приехали с одной водкой, скабрёзно хихикали и намекали, что подарок есть, но отдадут они его потом. Игорь припомнил, что Колька долго вертелся в прихожей, потом зачем-то, уже обутый, возвращался в комнату. Глазки у него бежали, и провозился он долго. Наверное, девку пристраивал. Чтоб Игорь вернулся, а тут — сюрприз! Не совсем понятно, как ребята эту дуру протащили в квартиру и Игорь ничего не заметил. Хотя не исключено, что баба надувная.

Он повертел игрушку, но клапана не обнаружил. Плюнул и отложил изыскания на утро — вместе со звонком

Кольке и руганью. А что? Так ведь и инфаркт заработать можно!

Вытащил бабу на кухню, бросил на пол. Потом пинком задвинул под стол. Еще не хватало, чтобы он, похмельный и забывший про подарок, наткнулся на него утром. Тут его точно удар хватит.

Спал он плохо. Мутило, заболела спина. Потом он замерз, потом захотел пить. Ухитрился задремать, но его преследовали кошмары. А когда Игорь в очередной раз раскрыл глаза, то увидел на соседней подушке колтун светлых волос. Он вскочил, лихорадочно оделся и выбежал на улицу.

Только-только начинало светать. Игорь прикинул, что вполне может успеть на работу вовремя. Сменщик дар речи потеряет... А может, даже расстроится: Игорь ему за каждое свое опоздание приплачивал, чтобы тот не обижался.

Руки тряслись так сильно, что Игорь не осмелился сразу садиться за руль. Сначала добежал до ларька у метро и купил литр пива. Торопливо выпил его, пока машина грелась. Почувствовав, что уже в порядке, выехал со двора.

Строго говоря, пьяный Игорь ездил намного осмотрительней, чем трезвый. А похмельный синдром делал из него образцового водителя. По странной закономерности, гаишники тормозили его только трезвого. Тем не менее Игорь всегда возил с собой сто баксов — на всякий случай.

Конечно, купюра не понадобилась. Игорь завел машину на больничную стоянку, вышел, поежился: в машине печка работала на полную катушку, и после салонного тепла на улице показалось морозно не на обещанные погодным сервисом минус десять, а градусов на двадцать пять.

День тянулся невыносимо медленно. Игорь успел сбежать в магазин, взять еще пива, выпить и сбежать еще: на вечер, не с пустыми же руками идти к психиатрам. После обеда, когда суета схлынула, на него снизошло благодушие, и Игорь в который уже раз подумал, что его работа не так плоха.

Было в этом определенное извращение: единственный сын преуспевающего адвоката и доктора математических наук работает санитаром в морге. Игорь мог бы вообще

нигде не работать, но ему было скучно сидеть дома. Тем более что предки спроворили ему на двадцатилетие отдельную квартиру. Машину он купил раньше и менять не собирался, так и ездил на рухляди. Наверное, мотивация была той же, какая заставила его устроиться в морг: подростковый бунт против родительских обывательских ценностей.

Родители время от времени ласково выговаривали непутевому сынку, намекая, что пора бы перебеситься и трудоустроиться по специальности. Игорю претила мысль, что он будет работать в какой-нибудь юридической консультации, подстраиваться под общие правила игры... По крайней мере в морге эти правила он придумывал сам. И нарушал, как только они ему надоедали.

Например, прошлым летом Игорь задумал сколотить свою группу и дать всем просрать, показав, как надо играть панк. После второй репетиции, состоявшейся, естественно, на квартире, сосед пришел к нему с топором. Игорь не расстроился, перетащил свою ударную установку на работу. Жаль, ребята не поняли, как круто репетировать в такой обстановке, и группа развалилась. Зато у Игоря появилось чудесное развлечение. По ночам, напившись или обкурившись, он рассаживал мертвецов по столам и каталкам и давал им эксклюзивные концерты. И искренне верил, что души на эти часы возвращались, вились вокруг бывших своих жилищ и слушали настоящую музыку, о которой при жизни и мечтать не могли.

Ну и в какой консультации он мог бы позволить себе играть по ночам для мертвых душ?! Не говоря уж о том, что мертвецы не покушаются на твою водку, не перебивают тебя, когда хочется поговорить, не лечат советами и не требуют, чтобы ты немедленно изменился и стал таким, каким им хотелось бы тебя видеть.

Хороший они народец — мертвецы.

Вечером Игорь дозвонился до Кольки.

— Нашел?! — чуть не повизгивая от восторга, спросил тот.

— Я-то нашел. А вот ты на свой бездельник натуральный

труп в постель получишь, это я тебе гарантирую, — пообещал Игорь.

— К-к-какой труп? — Колька начал заикаться.

— Обыкновенный. У меня их тут до хрена. Выберу какой пострашней, обмывать не буду, так и привезу — обоссанный. Чтоб на всю жизнь запомнил.

— Игорь, ты что?!

Тут-то Игоря и прорвало. Он высказался очень лаконично, и так, что его маме лучше бы не знать, как единственное чадо умеет строить витиеватые фразы из весьма ограниченного набора слов.

Колька мямлил, пытаясь перебить сердитого друга. До Игоря не сразу дошло, что именно приятель ему объясняет.

— Чего? — растерялся он.

— Под книжным стеллажом, говорю. Там у тебя пыльно еще... Рядом с пылесосом. Там место было. Ну, я ее туда и положил. Но она на труп совсем не похожа, правда! Обыкновенная резиновая телка... я на «Пушке» в секс-шопе брал...

— То есть ты диван не раскладывал и бабу эту не надувал?

— Да нет же!

Положив трубку, Игорь сел на край прозекторского стола, закурил, стряхивая пепел на пол. Значит, ребята подарили ему обыкновенную резиновую женщину. Не из дорогих. Ну да. У них бабок, конечно, хватило бы в складчину купить такое произведение искусства, какое Игорь обнаружил в своей постели, но — сомнительно было... Они, если бы вздумали сделать ему по-настоящему дорогой подарок, пригнали бы новую тачку. А если бы им приспичило положить ему кого-нибудь в постель, то пригласили бы живую девочку из любого «модельного агентства».

А как тогда к нему домой попала вторая кукла?

Игорь в задумчивости совершил обход своих «владе-ний». В коридоре на каталке лежала блондинка лет тридцати — пару часов назад привезли из реанимации. Самоубийца. Игорь постоял, разглядывая лицо. При жизни красивая баба была. Она и после смерти неплохо выглядела.

Интересно, почему она покончила с собой? Да кто их разберет, этих баб, сказал сам себе.

Блондинка неприятно напоминала невесть каким образом очутившуюся в его постели куклу. Впрочем, почему невесть каким? Если она по квартире перемещалась свободно — вон, вернулась же из кухни, — то и в дверь, надо полагать, проследовала своим ходом.

Игорь схватился за голову. Его накрыло жутким ощущением близкого сумасшествия. Он обвел взглядом темный коридор, зачем-то заглянул в холодильник. Ему помешало, что мертвецы за закрытыми дверями вели беседы и танцевали вальс, а при его появлении мигом позапрыгивали обратно на полки. И заткнулись. Чтоб он не понял: у них жизнь продолжается. Своя, трупная. Вот сейчас он отвернется, и кто-нибудь шустрый проскользнет за его спиной наружу, там прикинется резиновой куклой и прокрадется в чью-то квартиру, заберется в чью-то постель...

Игорь сжал кулаки. Он никогда раньше не боялся свихнуться. Что он, психов не видал? Знал, что такие же люди. И окружающие к ним относятся не как к прокаженным. На улицах не шарахаются. И от него не станут. Подумаешь, три месяца в году придется проводить в больнице, в запертом отделении с решетками на окнах. Не смертельно же, правда?

Да, не смертельно. Но уж больно противно. Игорь криво усмехнулся, сообразив, как он выглядит со стороны. Мальчик из обеспеченной семьи, с высшим образованием, работает санитаром в морге. Разговаривает сам с собой, с трупами. Дает им концерты. Пьет как сволочь, вообще не просыхает. И думает при этом, что он весь из себя замечательный и адекватный.

Выругался. Собственный голос отразился от стен, вернулся холодным, мертвым звуком. Игоря накрыло волной панической атаки, показалось, что еще секунда — и на него обрушится потолок. Схватил куртку, вылетел в подвальный ход. Трясущимися руками запер дверь и понесся в психосоматику.

Пока бежал, паника отступила, оставив по себе бешен-

ное сердцебиение. Игорь забыл, что ночью больничные корпуса закрыты и войти можно только через приемный покой. Пока обегал корпус, замерз и почти успокоился, потому и не стал ломиться сразу в ординаторскую.

На мужской половине дежурил фельдшер Сашка. Игорь обменялся с ним несколькими ничего не значащими фразами. Замолчал. Здесь было здорово, хотя мочой и нейролептиками воняло так, что наворачивались слезы.

— Плохо? — понимающе спросил Сашка.

Игорь отметил, как при этом изменился тон фельдшера. Кивнул.

— Хочешь, врача позову? У нас блатная палата свободна, положим тебя, прокапаем...

Игорь покачал головой. Ему расхотелось лечиться.

— Да нет, так-то все нормально, только спать плохо стал, — соврал он.

— Это мы запросто, — нарочито бодро сказал Сашка.

Он принес из процедурной две пластинки аминазина в драже. Сунул Игорю:

— Вот. Пей по одной перед сном. И учти, он давление сильно понижает.

— Спасибо.

Игорь собрался уходить, Сашка придержал его за рукав:

— Уверен, что врача не надо? А то глянь. — Сашка подтащил его к каталке, на которой, накрытое простыней с головой, лежало тело. Сдернул ткань, показал лицо, покрытое коростой. — Сегодня умер. Белая горячка. Молодой мужик совсем, двадцать девять лет. Ты подумай — оно тебе надо, такой смертью подышать?

Игорь, уловив знакомые позывы, метнулся к рукомойнику в холле. Его вырвало. Прополоскал рот, хрипло буркнул:

— Извини, водка паленая была. Меня с нее глючит. На жмуриков уже смотреть не могу, они мне даже дома мерещатся.

— В смысле — мерещатся?

— Ну, захожу домой с бухлом — а у меня в койке дохлая блондинка. Заметь — не настоящая.

— Крашенная?

— Да не в том смысле... Кукла. Я ее, главное дело, на кухню вынес, под стол запихнул, просыпаюсь — а она рядом, под одним одеялом со мной! Я подорвался — и на работу...

— А она тебя уже в морге ждет, — подсказал Сашка.

Игоря передернуло.

— Нет. Но точно такую же вечером из реанимации привезли. Только не резиновую, а натуральную. Все, блин, я завтра точно уволюсь.

— И куда пойдешь? Игорь, не дури. Работу бросить никогда не поздно, а ты пойдешь устроишься.

— Да я, как бы тебе сказать, без проблем... У меня ж высшее, я юрист вообще-то.

Сашка несколько секунд молча смотрел на него.

— И ты с таким дипломом не придумал ничего лучше, чем ворочать трупы в морге? Ты б еще свиньям хвосты крутить пошел!

— Мне так захотелось.

— Ненормальный.

— Что, заметно?

Сашка замялся.

— Вообще-то да, заметно. Особенно последний месяц. Я думал, ты на иглу сел.

Игорь вздохнул:

— Ладно, пойду я.

— Лучше бы остался.

— Саш... Короче, я подумаю. Может, утром приду. Смену сдам и приду. А то как-то неудобно, у сменщика ключей нет, морг-то я запер, он войти не сможет... в общем, пойду я. И жмурика твоего давай, отвезу заодно.

Он шагал по улице, волоча за собой громающую каталку, и думал, что ложиться на лечение придется. Если окружающие видят, что с ним не все в порядке, значит, он болен. Не заболевает, как ему казалось, а давно и серьезно болен. Психически.

В морге было тихо. Мертвецы по углам не шептались. Игорь оформил новое поступление, потом съел горошину аминазина. От пива перед сном на всякий случай отказался.

Сменщик сумел растолкать его только к двум часам дня. Голова у Игоря была тяжелой, окружающая действительность казалась мутной. И все мысли относились к категории либо «шоб я! еще раз! этот гребаный аминазин!», либо «еще пять минут посплю и встану, да-да, обязательно, ну дайте же еще хоть пять минут поспать!!!».

Ехать на машине в таком состоянии было бы самоубийством, а Игорь не настолько еще сошел с ума, чтобы желать себе смерти помучительней. Перспектива добираться до дому на метро, впрочем, ему казалась ничуть не более жизнеутверждающей. А деньги куда-то подевались. Он то ли крупные забыл дома, а мелочь просадил на пиво, то ли, одурманенный нейролептиком, лунатически гулял и потерял бумажник. Разбираться Игорю не хотелось. В конце концов он сообразил, что у него в техпаспорте на машину спрятана взяточная купюра, и ее хватит доехать до Тулы, не то что в Строгино.

Его вез разговорчивый грузин, ухитрившийся одновременно болтать и гонять на всю катушку попсовую музыку. Игорь мерз и мечтал поскорей оказаться дома. Дорога тянулась невыносимо медленно, грузин останавливался на каждом перекрестке: попали под «красную волну». Войдя наконец в теплую и душную квартиру, Игорь едва переборол искушение уснуть тут же, на коврик под дверью.

Кукла по-прежнему лежала в постели. Сейчас Игорю было наплевать, он слишком устал. Выкинул ее на пол, сам завернулся в одеяло и смежил веки. Во сне страдал от холода, думал, что напрасно оставил форточку открытой. Но встать и ликвидировать причину понижения температуры не смог. В полудреме увидел около себя женщину, потянулся к ней в поисках тепла, прижал к себе, но ничуть не согрелся, даже наоборот...

Очнулся, сжимая в объятиях знакомую куклу. Выругался, пинком отправил ее в угол. Прошлепал в туалет, заглянул на кухню и остолбенел: на красиво сервированном

столе его ожидал завтрак. Игорь хмыкнул: такие чудеса ему нравились.

Вид пищи напомнил о голоде: Игорь последний раз ел сутки назад. Наскоро умывшись, плотно уселся за стол. И разочаровался: и порция маленькая, и безвкусно, будто синтетическую тряпку жуешь. Кукольный обед какой-то. Кукольный? Его снова чуть не вырвало. Игорь на цыпочках подкрался к двери комнаты, заглянул: кукла лежала в постели. Вздохнул с облегчением. Он уже привык, что чертовка моментально забирается под одеяло, стоит ему отвернуться. Но вот с приготовленным ею завтраком примириться было бы сложнее.

Наверное, мать приезжала, догадался Игорь. С ней такое случалось: ни с того ни с сего нападал на нее родительский стих, тогда она навещала сыночка. Свои ключи от его квартиры у нее были. И — да, она всегда заботилась о том, что детушка кушает. Ходила в магазин, что-то варила и парила, Игорь потом неделю давился ее стряпней и все равно часть блюд успевала испортиться.

Готовила она средне, не хорошо и не плохо. Однако такой дрянью мать его не потчевала ни разу. Вычитала небось в женском журнале диетические рецепты, да на Игоре и опробовала.

Интересно, она в комнату заглядывала? Естественно. Игорь хмыкнул. Мать отдавала себе отчет, что отдельно живущий совершеннолетний сын время от времени спит с женщинами, но он испытывал неловкость. Хорошо еще, что с порога да в темноте не разглядеть, кого именно он там обнимает. А то мать пришлось бы откачивать.

Послonyaвшись еще некоторое время по квартире, Игорь поехал забирать машину с больничной стоянки. В морг заходить не стал, но долго сидел в заледеневшем салоне и смотрел в пустоту, пока его не осенило: надо Ритке позвонить.

Они поссорились две недели назад. Рядовая ссора, они регулярно расплеывались и разбегались. И всегда отношения возобновлял Игорь. Ритка была то ли слишком гордой, то ли не любила его, как твердили все приятели. Но

Игорь-то ее любил! Или не любил, но был очень привязан и скучал, когда не видел строптивую девчонку подолгу.

Ему посчастливилось застать ее дома — Ритка только что вернулась из института. Ему повезло даже дважды: она пребывала в замечательном настроении. Обменявшись несколькими вежливыми фразами — исключительно с целью предварительной разведки, Игорь намекнул, что неплохо бы встретиться.

Она согласилась и, похоже, даже обрадовалась. Когда он заехал, девушка была уже одета, а в прихожей стояла сумка, с которой Ритка ездила на учебу. Судя по всему, ночевать она собиралась у Игоря.

— У тебя есть, что пожрать? — спросила Ритка.

— Да как тебе сказать... Утром мать приезжала, но я не смог есть то, что она сварила. Дрянь какая-то.

— Значит, закажем пиццу, — решила Ритка.

И только в лифте Игорь вспомнил, что у него дома хозяйничает кукла, которую девушке лучше не показывать. Пока Ритка раздевалась, он метнулся в комнату.

Куклы не было.

Мало того — диван был сложен, пол подметен, а пыль вытерта.

Игорь осторожно, задом выполз обратно в коридор. Заверил себя, что это, конечно, мать приезжала второй раз, убралась, а потом уехала и даже записки не оставила. Каприз у нее такой. Разве не может быть у нее капризов?

Но ужинали они с Риткой на кухне. Девушка удивилась:

— Ты прямо на себя не похож. В доме чисто, пьешь не пиво, а минералку...

— Я пить бросил.

— Надолго ли?

— Совсем. Мне тут хреново было, решил завязать.

И вообще я из морга увольняться буду.

Она недоверчиво улыбалась, качала головой.

— И куда пойдешь работать? Дворником?

— К отцу. Он будет счастлив, что я одумался.

— А ты одумался?

— Знаешь, когда меня прихватило, я понял, что хватит играть в бирюльки. Мне двадцать четыре, пора бы и делом заняться.

— Надо тебя к рукам прибирать, пока не поздно.

Сначала Игорь решил, что ослышался. Посмотрел исподобья — Ритка глядела честно и открыто. И ждала его ответа.

— Ты мне предложение, что ли, делаешь?

— Я?

— Ну да. В своей манере. Ты ж не пережила бы, если б я тебя опередил.

— А ты хочешь на мне жениться, да?

Игорь замаялся. Отодвинул тарелку с куском пиццы, помолчал, подбирая слова. Сказал, конечно, глупость:

— Ну, в общем, не возражаю.

Ритка торжествовала:

— Тогда я подумаю над твоим предложением, — она голосом подчеркнула слово «твоим». — Три дня.

У него тряслись руки и хотелось выпить. Тем более такой повод! Тут бы в ресторан да шампанского ведечко... десятилитровое... и голову в него опустить, чтоб пузырьки в уши затекали и там лопались. Но Игорь сдержался. Он же заявил, что бросил пить.

В девять вечера Ритка начала зевать — она была «жаворонком», ложилась рано.

— Пойду, постелю нам, — обронила она. — А ты пока посуду помой.

Игорь, обалдевший от счастья, кивнул. Сложил тарелки в раковину, включил воду... И чуть не умер от страха, услышав Риткин визг.

Он столкнулся в ней в коридоре. Ритка, не переставая орать, вырвалась из его рук и принялась хватать с вешалки в прихожей свои вещи. Игорь притиснул ее к стене, но девушка расцарапала ему все лицо. Из потока обвинений Игорь понял, что он убийца и маньяк и специально положил труп на диван. Он хотел, чтобы Ритка заранее знала о своей участи и готовилась. Маньяки такие, им важно, чтобы жертва тряслась от страха.

Удержать ее Игорь не сумел. Она не стала дожидаться лифта, поскакала вниз по лестнице, держа в одной руке пальто с шапкой, в другой — сапоги и сумку с учебниками.

Игорь сел на ступеньку, перебарывая желание немедленно открыть подъездное окно, да и выброситься из него. Наверное, та блондинка из реанимации, покончившая с собой, тоже пережила что-то подобное. Сначала — неумемная радость, потом — все надежды и планы рухнули. Из-за чепухи. Из-за полтергейста, который поселился в квартире без спросу.

Вышел сосед. Игорь с трудом вспомнил, как его зовут.

— Паш, помоги мне, а?

— А чего надо?

— Кое-что вынести и сжечь.

— Ща оденусь.

Сосед схватился за сердце, увидев, что Игорь заворачивает в простыню женский труп.

— Кукла, — не дожидаясь расспросов, пояснил Игорь. — Друзья, чтоб им пусто было, на день рожденья подарили. А у меня девчонка ее увидела... ну и труба. Девчонку я потерял.

— Труп-то как настоящий...

— В том-то и фигня. Я б тоже обосрался, если б в море не работал. На, сам глянь. Да потрогай ты, не бойся!

Сосед потрогал куклу. Успокоился.

Упакованную в простыню и обмотанную бечевкой, куклу вынесли на лестничную площадку. Тут началась та самая чертовщина, из-за которой предусмотрительный Игорь и позвал соседа на помощь. Кукла цеплялась за все углы, не пролезала в лифт, будто сопротивлялась. Еще она внезапно потяжелела, и перемещать ее пришлось вдвоем и волоком. А на первом этаже лопнула бечевка, и покров свалился, обнажив мертвое лицо как раз в тот момент, когда в подъезд заходили две женщины.

Не обращая внимания на крики за спиной, мужчины дотасовали свою ношу до помойки. Игорь слил из машины немного бензина, окатил куклу. Подъехал милицкий патруль, вызванный бдительными бабами. Тоже поудивлял-

ся — надо же, как похоже на настоящий труп! Предложили выкупить за бутылку водки: над коллегами издеваться. Игорь представил, что кукла сбежит и вернется к нему домой, — и отказался.

Когда вспыхнуло пламя, ему показалось, что в голове что-то лопнуло.

* * *

— А дальше что было? — спросила заинтригованная Лена.

— Сгорела она. Жженой резиной еще дня три во дворе воняло. Я-то не знаю, меня в больницу с микроинсультом увезли. Сосед рассказывал. Говорил, эти же три дня кто-то по ночам выл на лестнице. Ничего, сходил в часовню, принес святой воды и все стены облил. Вой прекратился. А я выписался, уволился из морга и поменял квартиру. Хотел к отцу сначала устроиться, потом передумал. Лучше от него не зависеть. Однокашник мне пару клиентов подобрал, с них и начал.

Лена приоткрыла ротик. Губы у нее соблазнительно блестели, в глазах светился неподдельный восторг. Игорь не удивлялся: он знал, что нравится этому типу женщин.

Зато он не понравился Михаилу, ее шефу, с которым, собственно, Лена и пришла в кабак. Встав, Михаил нервно поправил галстук и, задыхаясь от гнева, произнес:

— Ну, знаешь, это уже чересчур. Я знал, что ты врешь, но не подозревал, что ты еще и подонок. Твоим обществом я сыт по горло. И имей в виду: появишься у меня в офисе, тебя охрана вышвырнет.

Игорь молчал. Михаил, не скрывая презрения, швырнул на стол несколько купюр и удалился, негодуя. Компания проводила его недоумевающими и сочувственными взглядами. Лена, будто извиняясь за шефа, пробормотала:

— Он очень изменился. Женился — как подменили его.

— Вот что с хорошими людьми делают плохие бабы, — поддакнул один из знакомых.

— У меня не было случая, чтобы я рассказал эту исто-

рию и кто-нибудь не ушел бы вот так, назвав меня подонком и мерзавцем, — обронил Игорь. — И всегда это были люди, недавно женившиеся. И всегда их жен никто не видел, на свадьбе у них никто не гулял, и всегда их друзья говорили: да мужика будто подменили...

Компания замолчала. Все переглядывались.

— Думаешь, это как-то связано с твоей историей? — выдохнула побледневшая Лена.

Игорь красиво пожал плечами. Историю эту он выдумал. У него не было преуспевающих родителей, а те, которые были, трудились в магазинчике возле дома. Квартиру он снимал, и то смог позволить себе такую роскошь недавно. Единственное, что было правдой, — его юридическое образование. Трупы Игорь видел, но не в морге, а на практике. В морге он не работал никогда. Он три года пахал в консультации, хватаясь за самые скучные и бесперспективные дела, потому что лучшие места давно были разобраны. Он старался, унижался и терпел. Он хотел выбраться из той ямы, где ему предназначено было жить по рождению.

Но эту историю, без сомнения, характеризовавшую его с лучшей стороны, женщины слушать не хотели. Они скучали и ждали, что он поведаст нечто героическое. Они предпочитали быть обманутыми, лишь бы не сталкиваться с прозой жизни. Игорь возмущался, расстраивался и горевал. А потом сочинил нелепицу про самоходный труп блондинки. Сначала это был настоящий труп, потом он заменил его на куклу. Байку никогда не рассказывал в присутствии клиентов, важных людей или тех, кто Игоря знал давно и хорошо. Фактически он приберегал страшную историю для случаев, когда собиралась малознакомая и бесперспективная для работы компания, в которой есть симпатичные девушки. Мужчины, как правило, скептически хмыкали, а женщины ему верили. Особенно такие, как эта Лена.

Сегодня вечером она уйдет с ним. Они проведут умопомрачительную ночь, утром Лена выпросит у него телефончик и позвонит еще несколько раз. Со временем ему станет тухло: он поймет, что Лена не так наивна, как глупа. Тогда они расстанутся, и он найдет кого-нибудь другого.

★ Подцепит в кабаке такую же глупую блондинку с эмалевыми голубыми глазами.

Конечно, лучше бы ему не размениваться на курочек с красивыми перышками. Лучше бы найти умную женщину, которая примет его таким, какой он есть. Но на умную женщину Игорь пока не заработал.

— Я подозреваю, что с такими людьми происходит, — признался он. — И знаю куда больше, чем говорю. Но мне лень разбираться. — Театрально вздохнул: — Я мог бы спасти мир, если б не был таким ленивым. Но я ленив, и миру придется спасаться без меня.

Лена хихикнула, взмахнула рукой и задела бокал. Мартини вылился ей на юбку. Игорь ободряюще улыбнулся ей:

— Чтоб не ехать в мокрой одежде, могу предложить зайти ко мне. Обсохнешь и поедешь домой.

— Эта юбка, — притворно вздохнула Лена, — из такого материала, что сохнуть будет до утра.

Игорь посмотрел ей в глаза. Девушка улыбалась.

— Лена, только я должен тебя предупредить. У меня после того случая с блондинками... не получается.

— А может быть, тебе неправильные блондинки попадались?

Он рассмеялся. Она тоже.

* * *

Михаил поставил машину на подземную стоянку. Высокомерно кивнул охраннику в подъезде. Долго звенел ключами, отпирая бесчисленные замки. На пороге постоял, впитывая ставший привычным и любимым затхлый воздух помещения, в котором никогда не открывают окна.

— Дорогая, я дома! — радостно объявил он.

Разулся, разделся, помыл руки. На кухне его уже ожидал богато сервированный стол.

— Извини, дорогая, я задержался, — в его тоне слышались заискивающие нотки. — С ребятами посидел, выпил... Совсем чуть-чуть. Да-да, я помню, что обещал больше не пить, но тут нельзя было отказаться, ты ж понимаешь —

компания. Ты ведь понимаешь? Ну конечно, ты у меня умница. Но я больше с этими ребятами встречаться не стану. Ни за что. В последнее время мне попадаетесь очень много мерзавцев. И куда только катится наше общество? Так что ты не волнуйся: сказал, что брошу пить, — значит, брошу.

Он с аппетитом поужинал, сложил грязную посуду в мойку. Принял душ, почистил зубы.

— Ну вот, теперь можно и баиньки, — сказал он, глядя на свое отражение в зеркале. Он плохо выглядел, четыре недели семейной жизни состарили его на двадцать лет. Но Михаилу казалось, что он стал солидней и представительней. Да и какая разница, если он любит и любим?

В спальне под белоснежным пуховым одеялом его ждала кукла, изображавшая мертвую блондинку.

АНДРЕЙ ВАЛЕНТИНОВ,
МАРИНА И СЕРГЕЙ ДЯЧЕНКО,
ГЕНРИ ЛАЙОН ОЛДИ

СПАСАТЕЛИ (из цикла «Пентакль»)

Дорогие читатели!

Когда Г. Л. Олди, М. и С. Дяченко и А. Валентинов впервые решились объединить свои усилия, результатом этого соавторства стал роман «Рубеж». Прошло несколько лет, и авторы снова отыскивали творческую задачу, которую не грех бы распотрошить сообща. Одной из отправных точек послужил «Миргород» Гоголя — малороссийские истории, провинциальные байки, сложившиеся в Мир-Город, в картину Странного Мира...

Перед вами — три рассказа трех авторов. Ни Олди, ни Дяченко, ни Валентинов не скажут вам по доброй воле, кому именно принадлежит каждый рассказ. Таков принцип построения новой книги — это единый цикл, состоящий из отдельных самостоятельных новелл. Единство места (Украина с ее городами, хуторами и местечками), единство времени (XX век-«волкодав») и наконец единство действия, можно сказать, даже взаимодействия пяти человек, желающих, соответственно, разного и по-разному видящих жизнь, но пишущих одну общую книгу. Как видите, мы вольготно устроились в рамках классической драмы. Подобно тому, как у Луиджи Пиранделло шесть персонажей искали автора, мы вышли на поиски персонажа — однажды переступив порог кофейни, где вместе обсуждали замысел. И разошлись до срока по разным улицам, чтобы в финале встретиться под часами на главной площади. Или в

полдень у старой мельницы. Или в полночь возле разрушенной церкви...

Предлагаем ли мы сыграть в игру «угадай автора»? Разумеется. Хотя и не питаем иллюзий — искусственному читателю зоркости не занимать. Насколько цельной получится будущая книга — покажет время. А пока предлагаем вашему вниманию фрагмент будущего цикла.

Искренне ваши, Марина и Сергей Дяченко, Дмитрий Громов и Олег Ладыженский (Г. Л. Олди) и Андрей Валентинов.

Туфли

имой Кирилл покупал абонемент в бассейн «Чайка», именовавшийся также банно-прачечным комплексом. Несмотря на оскорбительное название и малый размер, бассейн пользовался оглушительной популярностью среди окрестных школьников и пенсионеров. Дабы не плескаться, как в корыте, в толпе детей и стариков, Кирилл выбирал всегда самое позднее время — с половины одиннадцатого до половины двенадцатого ночи.

В это время в бассейне, кроме Кирилла, было еще человек пять-шесть. Все они молча плавали от бортика к бортику — сосредоточенно и даже торжественно. Один был научный сотрудник, уверявший, что особо ценные мысли приходят к нему именно в эти часы ритуального плавания взад-вперед. Другой был журналист, очень заботящийся о своем здоровье. Прочие трое-четверо все время менялись.

В бассейне были высокие окна под самым потолком. В ясные дни плывущий Кирилл мог видеть над собой звезды, а иногда и луну в морозной дымке; тогда жизнь казалась ему пронзительной, емкой и полной смысла.

Сезон в «Чайке» заканчивался рано — в апреле. В последнюю пятницу накануне Пасхи Кирилл явился поплавать в последний раз.

Он добросовестно проплыл триста метров. Полежал на спине, глядя в требующий ремонта потолок; прыгнул с трехметровой вышки. С сожалением выбрался из воды (земное притяжение заново навалилось на плечи) и побрел в душ, а потом в раздевалку, где к тому времени почти никого не было.

Оделся и ушел, попрощавшись до осени, научный сотрудник. Потом ушел журналист; Кирилл остался один, и

недовольная тетушка-гардеробщица заглянула в раздевалку не раз и не два, пока он кое-как высушил слабосильным феном свои слишком длинные, по мнению многих, волосы.

В кармашке сумки имелось два номерка — на куртку и на кроссовки (в «Чайке» было твердое правило: сдавать обувь на хранение перед входом в раздевалку). Сонная и злая гардеробщица поставила перед ним на стойку пару черных туфель — очень дорогих и модных, как показалось Кириллу.

— Это не мои, — сказал он, — у меня кроссовки.

Гардеробщица поджала губы:

— Номерок-то ваш? Шестьдесят три? Там они и стояли!

— Но это не мои. — Кирилл улыбнулся, пытаясь задобрить строгую тетку. — Посмотрите, пожалуйста, там должны быть кроссовки, синие с белым...

— Смотрите сами, — гардеробщица распахнула перед Кириллом деревянную дверцу.

Он вошел и сразу понял, что кроссовок нет. Ячейки с номерками были все до одной пусты; кое-где в них остался песок от грязной обуви, а в одном месте — троллейбусный талончик, скомканый и серый, прилипший, видимо, к подошве, а потом в тепле отклеившийся. Но кроссовок не было; были щегольские черные туфли, и были резиновые шлепанцы на ногах у Кирилла. Все.

Хрипло распевал приемник на кособокой тумбочке. «Над тобою солнце светит, Родина моя-а...»

— Что же мне делать? — спросил Кирилл.

— Не задерживать, — посоветовала гардеробщица. — Бассейн закрыт.

— Но это не мои! А мои пропали!

Гардеробщица ткнула пальцем в написанное от руки объявление: «За сохранность сданных в гардероб вещей администрация ответственности не несет». Но, оценив жалкий вид Кирилла, смягчилась:

— А может, вы сами забыли, в чем пришли? И кроссовки ваши дома?

— Это даже не мой размер, — безнадежно отозвался Кирилл.

— А ну примерьте...

Кирилл взял со стойки правую туфлю (на вид она была сорок пятый примерно, а Кирилл носил сорок третий). Надел, дабы продемонстрировать гардеробщице всю вздорность ее предположения, притопнул ногой — и вдруг понял, что размер подходящий. Более того — обувь сидит, как влитая.

— Это не мои! — он тут же стянул чужую туфлю, будто чего-то испугавшись. — У меня были кроссовки! Я за ними полтора часа в Москве в очереди стоял...

— Эти тоже ничего себе, — сказала гардеробщица. Она внимательно разглядывала оставшуюся на стойке левую туфлю — сгибала и разгибала подошву, щупала кожу, пыталась прочесть «лейбл». — А знаете что? Пишите заявление, что у вас кроссовки пропали. А эти я заберу себе. Может, кто-то вспомнит да придет за ними?

— Э, нет, — Кирилл, спохватившись, снова натянул правую туфлю и завязал шнурок. — В чем я домой пойду?

Он замолчал, и стало тихо. Во всем здании «банно-прачечного комплекса» в этот час было пустынно и мрачно; гардеробщица смотрела на него, не выпуская из рук левой «спорной» туфли.

— Заявление на ноги не наденешь, — сказал Кирилл тоном ниже. — Если кто-то за ними придет — я оставлю свой телефон... То есть телефон соседей, они позовут.

Гардеробщица молчала.

— И пусть он отдаст мои кроссовки, — сказал Кирилл. — Что за безобразие! В шлепанцах мне домой идти, что ли? И на работу — в шлепанцах?!

Насчет работы он слукавил — работа у Кирилла была такая, что в кроссовках на нее не пускали.

Гардеробщица наконец выпустила из рук левую туфлю. С легкой брезгливостью отодвинула ее к краю стойки:

— Который час?! У меня рабочий день давно закончен! Давайте не задерживайте...

Кирилл обулся (туфли сидели как родные). Нашел в сумке ручку, вырвал листок из блокнота. Написал, привычно попадая цифрами в клеточки, телефон соседей. При-

писал внизу: «Позвать Кирилла Стержева из пятьдесят седьмой».

— До свидания, — сказал гардеробщице.

Та не ответила. Возилась зачем-то под стойкой.

* * *

Утром, пока Кирилл заливал в себя горячий чай, мама долго рассматривала его неожиданное приобретение.

— Кроссовок жалко, — сказала наконец. — Но эти вообще-то подороже. Импортные, сразу видать... Может, ты их в школу наденешь?

— Не буду я их носить, — отмахнулся Кирилл, доедая пшеничную кашу с маслом. — Тот растяпа, что ушел в моих кроссовках, вернется и отдаст. А я тогда отдам ему.

Мама с сомнением покачала головой:

— Странно как-то... Пьяный он был, что ли?

— Не знаю. — Кирилл уже был в прихожей, натягивал свои рабочие, с черными круглыми носками, грубоватые башмаки. — Если позвонит — отдашь ему, ладно?

— В обмен на кроссовки, — твердо сказала мама.

— Ага... Ну, я побежал?

На остановке было полно народу, но троллейбусы в этот час шли один за другим. Кирилл протиснулся в салон и проехал три остановки, покачиваясь на поручне, как обезьяна на лиане. Выбираться обратно было трудно, Кириллу оттоптали все ноги, и, если бы не мощные круглоносые башмаки, он хромал бы весь день, наверное.

— ...Здравствуйте, Кирилл Владимирович!

— А макулатуру сейчас сдавать?

— А субботник на втором уроке или на третьем?

— А Петренко плюется!

— Тихо! Тихо!..

Он поставил сумку на скрипучий стул. Оглядел всю эту ораву красногалстучных, шумных, ни хрена не способных к математике; обвел их взглядом, и они замолчали. Молоденькая физичка Лариска, второй год работающая в школе, страшно завидовала этой его способности. Сама-то

надрывалась до хрипоты, грохотала по столу тяжелыми предметами, бывало, и за уши хватала... Ничего не получалось, дети у нее на уроках орали, будто в зверинце.

— Здравствуйте, пятый «А». Кто принес макулатуру, поднимите руки. Мало, мало... Девочки, красные косынки есть у всех? У кого нет? Плохо, плохо... На первый урок вы идете на ботанику. На второй — собираетесь здесь, и я скажу, кто что будет делать...

Впереди был безумный день, тем более безумный, что Пасха в этом году совпала с Днем рождения Ильича, и видит бог — ни переругиваясь с завучем, ни добывая своим школьницам дополнительные красные косынки, ни руководя побелкой деревьев на школьном дворе, Кирилл не вспоминал ни о пропавших кроссовках, ни об импортных туфлях, доставшихся ему волей странного, довольно-таки дурацкого случая.

* * *

Через несколько дней (была, кажется, среда), в дверь позвонили, и соседка Марья Павловна позвала Кирилла к телефону.

— Добрый вечер, — сказал незнакомый голос. — Это Кирилл Стержев?

— Да, — отозвался Кирилл, почему-то предчувствуя недоброе.

— Я по поводу туфель... Простите, это моя вина. В бассейне вам выдали мои туфли. Черные, производство Великобритании. Вы слышите?

— Да... конечно. А кроссовки?

— Какие кроссовки?

— Ну, у вас должны быть... По ошибке... Мои кроссовки, которые пропали... в обмен...

— Да, — отозвался голос после паузы. — Кроссовок ваших у меня нет, но я готов взамен дать вам деньги. Скажем, сто рублей. Этого достаточно?

Кирилл молчал. В месяц ему платили сто тридцать.

— Я заеду к вам, если вы не против, — продолжал голос. — Назовите адрес.

Кирилл молчал.

— Алло, алло! Вы меня слышите?

— Да, — сказал Кирилл. — Хорошо.

И назвал адрес.

* * *

Туфли стояли на полочке под зеркалом. Мама начистила их бархаткой, и они выглядели во всех отношениях блестяще.

В половине девятого в дверь снова позвонили. Пришедший был человек лет сорока, высокий, светловолосый, с улыбчивым ртом и неподвижными голубыми глазами.

Кирилл пригласил его в переднюю. Человек вошел и остановился, с неделикатным любопытством разглядывая убранство самой обыкновенной «учительской» прихожей.

— Неловко получилось. — Кирилл потер ладони. — Но, поверьте, у меня пропали кроссовки, а идти домой в шлепанцах я же не мог...

— Ну разумеется, — обладатель неподвижных глаз улыбнулся, показывая блестящие зубы. — Вот, однако, деньги... Где же мои туфли?

— Мне неловко брать с вас деньги, — сказал мужественно Кирилл. — В конце концов это ваши туфли. Это просто ошибка. Я не могу пользоваться вашим, э-э...

— Где же, однако, туфли? — мягко повторил визитер.

Кирилл обернулся к полочке под зеркалом. Полочка была пуста.

— Мама... Ты взяла туфли?

Мама выглянула из кухни. Настороженно поздоровалась с визитером, обернулась к Кириллу:

— Какие туфли? Те? Нет, я их поставила вот здесь... — Она посмотрела на полочку и в свою очередь разинула от удивления рот: — Своими руками поставила вот здесь! Четверть часа назад!

Кирилл долго рылся в шкафчике для обуви. Вытряхнул

оттуда все; туфель не было. Сгорая от стыда, Кирилл обшарил прихожую, оглядел комнату, заглянул во все шкафы...

— Мама! Ну где же...

— Я не брала, — отозвалась мать твердо, и по ее голосу Кирилл понял, что шутки кончились. Мама, проработавшая в школе тридцать лет, слишком серьезно относилась к таким понятиям, как «вранье» и «правда».

— Я, — Кирилл прятал глаза, обращаясь к визитеру, — я ума не приложу, куда они делись... Они были вот здесь, мы приготовили их к вашему приходу...

— Не волнуйтесь, — сказал визитер неожиданно мягко. — Не стоит так расстраиваться... Они найдутся. А когда они найдутся, позвоните, пожалуйста, — он вытащил из внутреннего кармана прямоугольник визитной карточки, — вот по этому телефону... Хорошо?

— Обязательно, — пообещал красный, как свекла, Кирилл. — Непременно... Обещаю!

* * *

Ночью Кирилл проснулся от грохота. Подскочил на скомканной постели; рывком включил лампу-бра над головой. Дверца платяного шкафа была приоткрыта, оттуда наполовину вывалилась старая обувная коробка от маминых сапог. Крышка коробки валялась посреди комнаты, и рядом лежала на боку знакомая черная туфля производства Великобритании.

— Ч-черт, — пробормотал Кирилл.

Вторая туфля обнаружилась в коробке — вместе с ворохом каких-то стелек, полиэтиленовых кульков и оберточных бумажек.

Мама выглянула из своей комнаты — производимый Кириллом шорох разбудил и ее тоже.

— Кирюша! В чем дело?

— Ну, мама... — проныл Кирилл трагически-укоризненно, указывая взглядом на туфли.

В следующую секунду, глядя на ее лицо, он вынужден был отбросить всякое подозрение.

Мама не прятала туфли в шкаф.

* * *

— Ну может быть, — сказал Кирилл, сдаваясь.

— Да-да, — мама закивала. — Иногда так бывает — сам заснешь куда-нибудь и совершенно не помнишь куда. Ты их автоматически спрятал в шкаф.

— Или ты.

— Или я, — согласилась мама просто затем, чтобы не начинать все сначала. — Слава богу, у этого... странного человека есть телефон. Ты позвонишь ему и скажешь, что туфли нашлись.

Туфли стояли посреди комнаты ровно и строго, будто в почетном карауле. Черные блестящие шнурки тянулись к Кириллу, как умоляющие руки игрушечных негрятят.

— У меня сегодня уроки, — напомнила мама.

— У меня тоже, — вздохнул Кирилл. — Вот черт, не выспался из-за этой ерунды...

Пока мама умывалась, Кирилл приготовил два бутерброда с вареной колбасой. Снял с веревки два выстиранных и высушенных полиэтиленовых кулька, положил в каждый по бутерброду и по яблоку. Отправился в комнату — в поисках своего портфеля; едва переступив порог, споткнулся о черные туфли и чуть не выронил сверток с бутербродом.

Туфли отлетели к стене — правая, а за ней и левая. Кирилл чертыхнулся, открыл портфель, сунул сверток в пространство между книгами, щелкнул замочком — и тогда только сообразил.

Все эти несколько минут мама не выходила из ванной. Туфли, как он помнил, стояли посреди комнаты — как в почетном карауле...

— Эй!

Он зачем-то заглянул в мамину комнату (кровать аккуратно убрана, зато на письменном столе — беспорядок, стопки тетрадей и три стакана из-под чая и кофе). Потом, поколебавшись, заглянул в шкаф; там не было ничего, кроме пары маминих платьев да рыжего Кириллова пальто, короткого по ушедшей моде. Он выглянул в окно — пятый

этаж, голуби на карнизе, поток хмурых утренних прохожих на тротуаре...

Он резко обернулся. Туфли снова стояли под дверью — там, где он споткнулся о них полминуты назад.

— Тю-у, — сказал Кирилл. Универсальное междометие Тани Яковенко из пятого «Б» прилипло к нему еще в прошлой четверти. Толстенная Таня искренне поражалась свойствам дробей и, глядя на доску, не могла сдержать своих чувств.

— Полвосьмого, — мама вошла в комнату с чашкой кофе в руке. — Что ты... — и в свою очередь запнулась о неожиданное препятствие, расплескала кофе на старый выщербленный паркет. — Да кто же ставит туфли вот так под ногами?!

— Они сами, — сказал Кирилл, давясь от нервного смеха, — бегают.

— Я заметила, — проворчала мама желчно. — Я опаздываю, ты опаздываешь... Туфли то прячутся, то выпрыгивают ночью из шкафа, то бегают под ногами... Если этот чудак их не заберет, они в конце концов прыгнут в мусорный бак — с моей помощью... Все, я пошла.

За мамой захлопнулась дверь.

Кирилл осторожно закрыл окно, оставил только форточку. Вдохнул. Подошел к туфлям — они теперь снова стояли посреди комнаты, но не уверенно и строго, как прежде, а как-то жалобно, привалившись одна к другой, будто в поисках защиты и поддержки.

— Кроссовок жалко, — сказал Кирилл сквозь зубы.

Правая туфля вдруг опрокинулась подошвой вверх. Кирилл отскочил как ужаленный.

* * *

— Закрыто, — сказал сапожник.

— У вас написано, что вы до пяти...

— А сегодня санитарный день. Закрыто, — и окошко с нарисованным на нем красным сапогом захлопнулось.

Кирилл вполголоса чертыхнулся. Если бы не воспитательный час — а по четвергам у них обязательно воспита-

тельный час... Если бы не завучиха с ее идиотскими придирками (стрижки в его классе, видите ли, не соответствуют стандартам! Волосы касаются воротников, а виной всему классный руководитель, у которого патлы висят, как у Бабы Яги!)... Если бы не вся эта ерунда — с набойками давно было бы покончено, Кирилл позвонил бы странному растяпе с голубыми глазами, отдал бы ему туфли и вздохнул бы спокойно...

Странно. Когда Кирилл обувался в бассейне, набойки черных туфель были целы. А теперь они стертые так основательно, будто туфли без хозяина прошагали много километров. Не может же он, Кирилл, возвращать туфли хозяину в таком виде...

Раздумывая, он дошел до следующего сапожного ларька — на углу. Синее окошко было, по счастью, открыто; Кирилл приободрился.

— Вот...

Сапожник, не выпуская изо рта сигареты, взял туфли у Кирилла из рук. Наметанным глазом глянул на набойки; осмотрел туфли, отогнул стельку, присмотрелся...

Снова поставил на стойку перед Кириллом.

— Не возьмусь.

— То есть как?

Сапожник вынул сигарету изо рта. Раздавил, недокуренную, в круглой жестянке из-под гвоздей; Кириллу показалось, что рука у него дрожит.

— Не возьмусь, — повторил сапожник. — Они импортные... Дорогие... Испортить можно...

— Да это же набойки! Всего только!

— Ты глухой? — тихо поинтересовался сапожник. — Не возьму я твои туфли! И вообще проваливай...

Кирилл взглядом сказал наглецу все, что он нем думал. Взял туфли с прилавка и снова упаковал в холщовую сумку с ручками — на одной стороне сумки была когда-то нарисована Алла Пугачева, а на другой Михаил Боярский, но с тех пор в сумке переносили столько овощей и молока, консервов и хлеба, что лица их сделались почти неотличимы друг от друга.

...А может, наплевать и отдать туфли хозяину, как есть? И пусть думает о Кирилле, что хочет?

С самого сегодняшнего утра... Да где там — со вчерашнего вечера, когда за туфлями пришел хозяин, а их не оказалось на полочке... Короче, вот уже почти сутки Кирилла мучила тревога. Он проклинал бассейн, тот вечер, когда не отдал туфли гардеробщице, а отправился в них домой... Лучше вернулся бы в резиновых шлепанцах. Не умер бы. И черт с ними, с кроссовками...

— Не чертыхайтесь, — резко сказали у него над ухом.

Он поднял голову. Пожилая женщина, сухая и строгая, уже не смотрела на него — шла по своим делам, покачивая мужским портфелем. Кирилл готов был поклясться, что вслух ничего не говорил. Значит, все-таки вырвалось... Плохо. Надо владеть собой. Не ребенок.

Он посмотрел на часы — большие, круглые, еще отцовские. Было без пяти четыре; по идее, до закрытия еще как минимум час, а сапожных мастерских в городе много...

Следующий сапожник, которого он посетил, располагался со своими инструментами в сыром подвале по соседству с детской комнатой милиции. Мастер чинил полусапожки на каблучках таких тонких, что ими, пожалуй, можно было ковырять в зубах; во всяком случае, так подумалось мрачному усталому Кириллу. В углу мастерской сидела на клеенчатой банкетке манерная блондинка в чулках — ждала окончания работы.

Кирилл уселся на свободный край банкетки. Им владела угрюмая решимость охотника — затравить зверя во что бы то ни стало, пусть и придется сидеть у норы до утра.

Сапожник был молод — немногим старше самого Кирилла; руки его двигались, как притертые друг к другу части сложного механизма. В углу мастерской бормотало радио, невнятно отчитывалось о прошлом пленуме; Кирилл поднялся: во-первых, потому, что наблюдать за работой сапожника лучше всего было стоя, и, во-вторых, потому, что пахнувшая духами блондинка раздражала его.

— Покажите, — тихо попросил сапожник, не отрываясь от работы.

Кирилл сперва не понял, а потом спохватился и выгру-

зил на низкий прилавок черные туфли с шелковыми шнурками.

Сапожник бросил на них косой взгляд; огонек настольной лампы блеснул на металлической набойке острого женского каблучка.

— Я напишу вам адрес, — сказал сапожник все тем же тихим бесцветным голосом. — Вы пойдете по адресу... и там вам все скажут.

Кирилл молчал.

Сапожник в последний раз оглядел набойку. Кивнул блондинке:

— Готово...

И, пока та оценивающе разглядывала полусапожки, вытащил обрывок бумаги из нагрудного кармана потертой клетчатой рубашки. Похлопал руками по рабочему столу в поисках ручки; нашел огрызок карандаша. Написал несколько слов, протянул бумагу Кириллу:

— Удачи...

Кирилл вышел, так ни слова и не сказав. Даже «спасибо».

* * *

По адресу, нацарапанному на листке бумаги под типографской шапкой «Счет-фактура», располагался, к большому Кириллову облегчению, Дом быта. Не приемная экстра-сенса, не психиатрическая клиника — обыкновенный Дом быта с ателье, ремонтными мастерскими, прачечной и химчисткой — и, конечно, с сапожником, пожилым дядькой в рабочем комбинезоне, в толстых квадратных очках.

В мастерской никого не было. Время шло к закрытию; Кирилл, понатаскавшийся по городу в час пик, выложил туфли на стойку и тяжело опустился на стул.

— Хочешь чаю? — спросил сапожник.

Это было так неожиданно, что Кирилл кивнул.

Сапожник вытащил кипятильник, две зеленые кружки, жестянку из-под импортного кофе и пачку сахара-рафинада (кусочек такого сахара не растворится в кипятке, если его не долбить упорно и не размешивать минут пят-

надцать). Налил воды из графина, поставил чай кипятиться; снова глянул на Кирилла.

— Ты их надевал.

Вопрос был не вопрос, а как бы утверждение.

— Да, — сказал Кирилл. — Я шел в них из бассейна...

И рассказал, сам не зная зачем, свою историю.

Вода в кружке закипела; не выключая кипяtilьник из розетки, сапожник ловко перебросил его в другую кружку.

— Значит, он знает, где они.

— Да, — сказал Кирилл.

Сапожник сжал губы. Уголки его рта опустились вниз, отчего Кириллов собеседник сделался похож на угрюмого сома.

— Плохо.

О боже, подумал Кирилл. И здесь сумасшедшие; проклятые туфли, они самого меня сведут с ума... Встать немедленно и уйти...

И остался сидеть.

* * *

— Да ты вообще знаешь, что это такое — обувь?

Напротив Дома быта был гастроном с двумя буфетными стойками в углу. Там варили кофе и разливали водку; Кирилл поделился с сапожником половинкой несъеденного бутерброда.

— Не обязательно смотреть в лицо, ты посмотри, как человек идет... Как ставит ногу... Как у него стесывается каблук... Вот ты проносишь туфли, скажем, год — и в них сидит твоя душа. Запах, ритм... Ты идешь или они тебя водят? Почему Петр Первый сам себе сапоги сшил? Знал...

Кирилл переминался с ноги на ногу. Водки он не любил, а кофе в этом гастрономе отдавал желудьями.

— Присмотрись к обуви... К любой... Особенно к той, что проработала хоть бы сезон... Она живая. А некоторые...

Сапожник хотел еще что-то сказать — и вдруг в ужасе уставился Кириллу за плечо; Кирилл поперхнулся кофе:

— Что?!

У прилавка стояла очередь, человека четыре. Высокий светловолосый мужчина в костюме и галстуке мелкого партработника покупал красное вино.

— Показалось, — глухо пробормотал сапожник. — Слушай, парень... Тебе эти туфли достались... правильно, наверное. Есть в тебе что-то... такое. Вот только он...

Сапожник замолчал. Откусил от Кириллова бутерброда, вытер губы указательным пальцем, с болезненным видом уставился Кириллу в глаза.

— Не отдавай их ему. Молчи, слушай... Покупать будет — не отдавай. Грозить будет — не отдавай... Они сами к тебе пришли, сами и уйдут, но ни продавать, ни дарить, ни отдавать их — никому! — нельзя. А ему — тем паче... они от него бегут, к тебе прыгнули, считай, от отчаяния...

— Как же...

— Как хочешь. Они счастье приносят. А если ты их отдашь — счастья тебе не видать вовек. Сгниешь в тоске, сопьешься.

— Может быть, вы...

— Эх, парень... Если бы ты их не надевал — я бы взял их у тебя... А так — нельзя. Они твои. Надень и носи.

* * *

— Кирюшка, да ты что, пил?!

— Я набойки ставил... На туфли...

— Да что за проклятие с этими проклятыми туфлями...

Кирилл отчего-то вздрогнул.

— Мам, ты таких слов... не говори... Мало ли...

Он прошлепал в носках в комнату, к телевизору; сегодня «Что? Где? Когда?», несмотря на все странности и тревоги этого дня, он никак не мог пропустить, ведь сегодня...

Звонок в дверь.

— Не открывай! — крикнул маме. Поздно. Мама даже вопрос «Кто там?» считала невежливым.

— Добрый вечер, — послышался в прихожей знакомый прохладный голос. — Ничего, что я без предупреждения? Дело в том, что ваших соседей нет дома...

А туфли под зеркалом, подумал Кирилл тоскливо. Как я их бросил в сумке, так и лежат...

— Ну как мои туфли, нашлись? — осведомился визитер.

— Извините, — слышно было по голосу, что мама очень смущена. — Так получилось, что...

— Так получилось, что мы их не нашли, — сказал Кирилл, входя в прихожую.

Мама, кажется, на минуту потеряла дар речи. Кирилл мельком глянул на холщовую сумку, привалившуюся к обувному шкафчику; ткань явственно подрагивала, и оттого казалось, что Михаил Боярский на портрете шевелит усами.

Кирилл поднял голову — и встретился взглядом с голубоглазым.

— Мы не нашли их, — тихо повторил Кирилл. — Мне очень жаль. Вы можете пойти в бассейн и написать жалобу на гардеробщицу. Правда, она все равно не несет никакой ответственности...

— Простите, — мягко сказал визитер. — Как я понял, вы не намерены отдавать мне мою вещь? Мои туфли?

— А вдруг это не ваши туфли, — сказал Кирилл, поражаясь собственной наглости. — А вдруг вы просто узнали от гардеробщицы, что у меня пропали кроссовки... то есть... короче говоря, я прошу вас больше к нам не приходите.

Мама тяжело дышала за его плечом. Смотреть на нее сейчас Кирилл не осмеливался.

— Кирилл Владимирович, — визитер улыбнулся краешками губ, глаза его оставались холодными. — Вы напрасно верите всяким... людям, которых видите, между прочим, впервые. Которые пьют плохую водку и в алкогольном бреду рассказывают странные сказки... А вы ведь математик. Вам в сказки верить не пристало.

— Откуда вы знаете? — выдавил Кирилл. — Вам-то что за дело?

Визитер улыбнулся шире. Сунул руку во внутренний карман пиджака:

— Вот вам двести пятьдесят рублей, Кирилл Владимирович. За пару поношенных туфель — более чем достаточно.

— У меня нет ваших туфель, — шепотом сказал Кирилл.

— Триста? Четыреста пятьдесят?

И тогда взорвалась мама. Мама, тридцать лет проработавшая в советской школе, имела твердые представления о том, что дозволено, а что — нет.

— Молодой человек! — сказала мама немного резким, металлическим голосом, который прорезался у нее всякий раз, когда надо было выстроить в узеньком коридоре четыре класса по тридцать пять человек. — Что это за торги, я не понимаю? У нас нет товара, чтобы с вами торговать! Мой сын ничего у вас не брал. Если, в самом деле, в гардеробе случилось недоразумение — обращайтесь в гардероб! Пусть Кириллу звонит администратор бассейна! И, кстати, пусть вернут его пропавшие кроссовки!

Показалось Кириллу или нет, но в неподвижных глазах незнакомца что-то изменилось. Чуть-чуть.

— Хорошо, — сказал он по-прежнему мягко, глядя на Кирилла. — Я буду ждать вашего звонка...

И, не прощаясь, вышел.

* * *

Кириллу снилась статья в вечерней газете о зверском убийстве пожилого сапожника.

Кириллу снилось — он приходит домой и, повернув за угол, на месте окна кухни видит выгоревшую черную дыру. Сажа вверх по стене... Дымящиеся развалины на месте балкона...

Кириллу снилось: он приходит домой, а у подъезда стоит белая машина «Скорой» — микроавтобус, кардиология...

Кириллу снилось: толпа на улице, на переходе кого-то сбили... Он подбегает, заглядывает через чье-то плечо... И видит сначала знакомую сумку — в луже молока...

Кирилл не мог спать. До утра сидел, проверял тетради.

* * *

— Какие у вас туфли, Кирюша, — сказала завучиха, едва поздоровавшись. — Импортные?

— Да, — сказал Кирилл.

И неловко замолчал.

— Все-таки как обувь красит человека, — подала реплику молоденькая физичка Лариска, скромно забившаяся в угол учительской.

— Человека красит не обувь, — завучиха привычно назидательно вскинула палец. — Человека красят знания... Вы слышите, Лариса Евгеньевна? Знания!

И, не опуская пальца, выплыла из учительской прочь. Лариска осмелела:

— Где ты достал, Кирюша, такую прелесть?

— Сами пришли, — сказал Кирилл.

Лариска подобострастно захихикала.

* * *

Семиклассник Шевченко отвечал у доски, путаясь в иксах и игреках. Кирилл не отрываясь смотрел на его кеды (вообще-то в кедах приходиться на любой урок, кроме физкультуры, строжайше запрещалось, но данные кеды не были Кирилловой заботой — пусть болит голова у Лариски, ведь это ее седьмой «Б» класс).

Кирилл смотрел на босоножки отличницы Козонос, которая была вызвана на помощь Шевченко.

Потом, на перемене, Кирилл смотрел на тупоносые, бульдожьего вида туфли географички Егоровой, на хлипкие неустойчивые лодочки молоденькой глупой Лариски, на завучихины полуботинки: высоченные толстые каблуки — как античные колонны...

Шагая к троллейбусной остановке, Кирилл не поднимал головы — разглядывал ноги прохожих. Поначалу ему казалось, что он в самом деле понимает, что туфли, как сабаки, перенимают характер своих хозяев и демонстрируют его в преувеличенном, гротескном виде; потом он запутался. Туфли говорили кое-что о возрасте, роде занятий, степени достатка и аккуратности владельца — но ничего боль-

ше Кирил не мог узнать по каблукам и пряжкам, сбитым набойкам и развязавшимся шнуркам. Кириллу надоело; он устал и присел на скамейку.

— Кирил Владимирович?..

О господи!

Он сидел на лавочке в незнакомом дворе, перед ним в песочнице возились малыши, а рядом сидела, удивленно на него глядя, девушка лет восемнадцати, тощая до прозрачности, с темными тенями вокруг карих глаз.

Он узнал ее. Она выпустилась в позапрошлом году — Ира Толочко, алгебра — «четыре», геометрия — «пять».

— Привет, — сказал Кирил, обрывая неловкость. — Что ты здесь делаешь?

Она неуверенно улыбнулась, кивнула на годовалого малыша, толкающего по дорожке летнюю коляску:

— Выгуливаю...

— Твой?

— Мой.

— А я не знал, что ты замужем, — брякнул Кирил и тут же прикусил язык.

— А я и не замужем, — сказала Ира просто.

— А-а, — сказал Кирил и проклял свой глупый язык. — А я... из школы иду. Домой.

— Вы переехали? — зачем-то спросила Ира.

— Нет.

Ира странно на него посмотрела. Ничего не сказала.

Кирил огляделся. Улица, видневшаяся за неровным строем отдаленных кустов, казалась совершенно незнакомой.

— Какие у вас красивые туфли, — сказала Ира.

— А?

Ира была почему-то красной. Даже темные крути под глазами слились с румянцем. Потупилась. Отвела взгляд.

Кирил смотрел на ее туфли. На ее простые, без каблучков, открытые туфли с ремешком вокруг щиколотки, с носком, устремленным вперед, как нос взлетающего самолета. На пластмассовой подошве туфель был узор, и он был многократно оттиснут вокруг скамейки на песке. Будто печать, подумал Кирил.

— А какая же это улица? — спросил он, наконец отрывая взгляд от Ириных туфель и их отпечатков.

Идущий малыш оттолкнул коляску, шагнул, шлепнулся — и басовито заревел.

* * *

В десять часов он проводил Иру на троллейбус. Посадил в тусклый полупустой салон, помахал рукой.

И она помахала в ответ.

Троллейбус ушел, оставив Кирилла на пустой остановке — внутренне пустого и легкого, как надутый гелием шарик.

Еще вчера ничего не было. Еще сегодня утром ничего не было! Была всякая ерунда — туфли, набойки... Сапожники...

— Кирилл Владимирович?

Что-то подпрыгнуло в животе, судорожно дернулось. Нет, ерунда. Еще горят окна. Еще идут прохожие. И он, Кирилл, не хлюпик и не трус.

Голубоглазый стоял перед ним, загораживая дорогу. Кирилл быстро огляделся. Толпы дружков, которую хозяин туфель мог бы с собой привести, поблизости не наблюдалось.

— Поздравляю вас, Кирилл Владимирович... Ваши новые туфли очень быстро отплатили вам добром за добро.

Кирилл молчал.

— Ну да, как же... Вы героически вступились за них — не зная, чем рискуете... То есть на самом деле вы не рискуете ничем. Я не стану преследовать вас, не стану угрожать вашим близким... Вы ведь этого боялись?

Кирилл молчал.

— Я не стану поджигать вашу квартиру, не стану охотиться за дураком-сапожником, который дал вам дурацкий совет... Когда вы отказывали мне, вы ничего этого не знали, принимали решение на свой страх и риск... Много лет назад один человек попросил меня достать для него туфли. Я достал. Но не смог удержать. Тот человек до сих пор ждет...

Кирилл молчал.

— Понимаю, — голубоглазый кивнул. — Что же...
Время у меня есть. А у вас есть мой телефон.
Шагнул в темноту — и растаял. Будто не было его.

* * *

Мама все еще сидела на кухне, перед тремя немытыми чашками из-под чая.

— Ну надо же, — сказала, обращаясь не то к Кириллу, а не то к самой себе, — а ты ничего не замечал?

— Нет. — Он сел на свое место, отрезал себе кусочек торта «Песочный», оправдывавшего свое название и цветом, и вкусом. — Не замечал. То есть теперь я что-то припоминаю...

— Как тебя занесло в тот двор? — тихо спросила мама. — Ты знал?

— Нет.

— Значит, знал, — мама вздохнула. — Сердце иногда знает такое, о чем разум не подозревает...

Кирилл постарался не морщиться. Мама любила устраивать своим восьмиклассникам «Вечера поэзии».

— А об отце ребенка она что-то говорила? — снова начала мама.

— Нет.

— Глупые девчонки... Вот дурочки... Как же она это себе представляет — и работать, и учиться на вечернем? И ребенок в яслях?

— «Москва слезам не верит», — мрачно пошутил Кирилл.

— Она хорошая девочка, — продолжала мама, не слушая его. — Но ведь ребенок... Сынок, ты от меня точно ничего не скрываешь?

— Ма, да ты что?

Стало тихо.

Ира Толочко, алгебра — «четыре», геометрия — «пять»... Они никогда не общались вне школы, а после выпускного — и вовсе не виделись... Кирилл — не очень распро-

страненное имя. И не очень редкое. Но записать в свидетельстве о рождении сына «Кирилл Кириллович»?!

Удивительное дело, но за всеми этими волнениями он и думать забыл о голубоглазом незнакомце. Отвязался — и слава богу.

* * *

В воскресенье утром Кирилл не нашел черных туфель в обувном шкафчике.

Вытряхнул все. Долго рассматривал — вот стоптанные полукеды, вот зимние ботинки, вот мамины босоножки, вот выходные туфли на каблучке, мама надевает их только на выпускной вечер... Все — привычные, смирные, старые друзья, хранящие память ноги, призрак ноги, очертания подобранных пальцев...

А черных туфель нет.

Вдохнуть с облегчением? Позвонить голубоглазому — ушли, дескать, ваши туфельки, в другом месте ищите?

Ира ждет его к десяти... Но не в кедах же топать. Придется надевать верные, с круглыми носами, рабочие башмаки...

Кирилл потянулся за кепкой — и на полочке для головных уборов вдруг нащупал мягкий кожаный задник. Неосторожное движение — и вторая туфля свалилась прямо на голову, больно двинула по макушке.

Ну не поверить же, что это мама, учительница с тридцатилетним стажем, так оригинально шутит?

* * *

— Эй, смотри, куда идешь!

Кирилл дернулся и поднял глаза.

Он возвращался от Иры. Малыш устал, капризничал, никак не желал засыпать; наконец Ира попросила прощения, пообещала завтра подойти к школе, и они расстались.

И угораздило же по дороге снова засмотреться на обувь! Сперва — на кирзовые сапоги молоденького солдата, потом на слоновые, на огромной платформе, сапоги-чулки какой-то модницы, потом на войлочные полусапожки ста-

рушки с продуктовой сеткой... Вслед за старушкой он влез в троллейбус, не посмотрев на номер...

И вот — чуть не столкнулся с грузчиком на задах большого гастронома. Что за магазин? Что за улица? Опять?!

Он обогнул пятиэтажную хрущевку: так и есть. Чужой район — новостройки, молодые деревца, канал с горбатым мостиком; красиво. На мосту стояла женщина в ярко-бирюзовом блестящем плаще. Глаза у нее оказались такими же бирюзовыми и блестящими. Она смотрела на Кирилла, чуть улыбаясь краешками мягких, чуть напояженных губ.

Она была его ровесницей. Может быть, на несколько лет старше; в руке у нее была книга на английском, и палец с коротко остриженным ногтем служил закладкой. Имя автора — «J. R. R. Tolkien» — ничего не сказало Кириллу.

Над женщиной висело облако духов. Подобного запаха Кирилл никогда не слышал; ни у мамы, ни у завучихи, ни у одной из знакомых ему женщин такого запаха не было и быть не могло... Ветер относил аромат прочь от моста, но облако возрождалось вновь.

— Добрый день, — сказал Кирилл.

— Вы кто? — спросила она, и улыбка ее куда-то пропала. — Как-то вы появились... подозрительно кстати. Вы кто?

* * *

После шестого урока Ира ждала его на школьном дворе. Темные тени вокруг ее глаз сгладились; среди толпы школьников она казалась такой же ученицей, только без формы, сияющей, счастливой ученицей.

До самой остановки они не смели взяться за руки — школа! Все смотрят! И, только усевшись на заднее сиденье троллейбуса, обнялись.

— Я так соскучилась, — виновато призналась Ира. — Я просыпаюсь и думаю: неужели это случилось? Неужели это со мной и это не сон?

Кирилл держал ее за тонкое запястье. Смотрел в окно;

в стекле отражались бирюзовые глаза женщины по имени Алиса.

У Алисы был домашний телефон. Скомканная бумажка на дне Кириллова кармана.

* * *

— Хватит! Я сказал, хватит!

Туфли стояли посреди комнаты, сцепившись шнурками, будто держась за руки.

— Хватит! Мне достаточно одной любимой женщины! Две — это много, вы понимаете?!

Мамы не было дома. Кирилл сам себе напоминал персонажа комедии; свои увещевания туфлям он перемежал нервным смехом и питьем «Миргородской» минеральной воды.

— Я больше вас не надену, — сказал он наконец. — Дурак, надо было раньше догадаться... Я вас больше не надену!

И вздохнул с облегчением.

* * *

— Алло, — сказал ее голос в трубке.

— Добрый день, Алиса, — он пугливо оглянулся на дверь учительской. — Это Кирилл...

— Я узнала, — серьезно отозвался голос. — Кирилл, что вы делаете сегодня вечером?

— В основном проверяю тетради...

— Да бросьте вы, доставьте детям радость, проверите потом... Как насчет чашечки кофе?

— Я...

В учительскую заглянула директриса. Кого-то искала. Не Кирилла.

— Одну минуту, — сказал Кирилл в трубку.

— Звонок был минуту назад, Кирилл Владимирович, — прохладно сказала директриса.

— У меня сейчас окно, нет урока. — Кирилл вежливо поднялся со стула.

— Ах, у вас окно, — директриса вплыла в учительскую, как медуза в аквариум. — О, какие у вас туфли... Импортивные?

Покрываясь потом, Кирилл взглянул на свои ноги. Черные туфли поблескивали, будто только что натерты бархаткой.

Кирилл отлично помнил, что сегодня утром надевал тупоносые рабочие ботинки.

* * *

Ира встречала его у школы. Что такое, ведь сегодня они не договаривались!

Он выбрался через заднее крыльцо. Пролез через дыру в заборе, как мальчишка. Кто-то обязательно доложит завучихе... Ну и черт с ними!

Бедная Ира. Бедняга, что же она подумает? Как же она огорчится...

Один раз, говорил себе Кирилл, убегая в противоположную от остановки сторону. Один раз, только один раз выпью кофе с Алисой. И все. Алиса сильная... А если я брошу Иру — это грех на душу, тяжелый грех... А двух сразу любить я же не могу?..

Он остановился, переводя дыхание. Не могу... Почему не могу? Что за сила запрещает мне любить двух?

Пусть я женюсь на Ире, думал Кирилл. Это справедливо. Я ее люблю... Я усыновлю ее Кирюшку. Пусть будет нормальная семья. Пусть Ира поступает в универ, хоть бы и на вечернее...

Но с Алисой я же не расстанусь? Что мне мешает любить одновременно Алису?..

Он споткнулся о выступающий из земли кусок строительной арматуры. Чуть не упал. Огляделся: и здесь стройки. Новый стадион, рядом теннисные корты, малышня с ракетками, лет по восемь-девять, не больше...

Он сделал шаг. Потом другой. Подошел вплотную к железной сетке, отделяющей рыжий корт от недавно заасфальтированной дорожки.

— Замах — удар! Ну-ка, еще раз, слева: замах — удар! Смотрим все на мяч... Вадик, выше ракетку!

Тяжелое предчувствие — счастливое предчувствие — ужасное предчувствие — накрыло Кирилла, будто суповой крышкой. Девушка, одетая в короткую белую юбку, в белой тенниске, с широкой лентой-«резинкой» на черных волосах, — эта самая девушка стояла в нескольких метрах, командуя малышкой так твердо и вместе с тем по-дружески, как любил и умел это делать сам Кирилл.

— Справа! Слева! Замах — удар! Потянуться за мячом! И снова в стойку! Так, хорошо! Теперь разобрали мячи и стали вдоль стеночки, постучали...

Строй детей рассыпался; Кирилл глядел, как во множестве мелькают зеленые подошвы китайских кед.

Потом увидел прямо перед собой — за железной сеткой — белые брезентовые туфли. Белые носки. Белые ноги, мускулистые, с круглыми крепкими коленками. Подол коротенькой теннисной юбочки...

У Кирилла перехватило дыхание. Он ухватился за железную сетку — как узник или как зверь в зоопарке.

— Вы что-то хотели спросить? — весело поинтересовалась девушка. Тяжелая грудь колыхнулась под белым сатином тенниски.

— Да, — сказал Кирилл обреченно. — Как вас зовут?

* * *

Босоножки безнадежно порвались. На старых туфлях лопнула подошва. Даже кеды просили каши. Вся, буквально вся обувь Кирилла — кроме черных туфель, естественно, — в один день пришла в негодность по разным естественным, хотя и обидным причинам.

...За витриной обувного магазина толпился хвост многообещающей очереди. Кирилл тут же вошел и встал и не ошибся: давали летние мужские югославские туфли. Кирилл еще успел сбегать домой за деньгами.

На другой день обновка приказала долго жить: обнаружился брак. Мама ходила в магазин, возмущалась, деньги

ей вернули, но менять неудачную покупку было уже не на что.

Черные туфли с шелковыми носками смиренно стояли на опустевшей обувной полочке. Как будто они тут ни при чем.

* * *

— Кирюша, — сказала мама. — Ну хоть мне ты можешь объяснить, что случилось? Петровы жалуются, что им слишком часто стали звонить... Они же не могут по сто раз в день тебя звать к телефону...

— Я люблю Иру.

— Ну и прекрасно... Тебе двадцать шестой год... Давно пора...

— Я люблю Алису.

— Какую Алису, глупости! Откуда она взялась?

— Она создана для меня. Она понимает меня с полуслова. Я люблю ее. Она...

— Ну так выбери, кого ты любишь!

— Викторию.

— Кого?!

— Виту, мама. Она студентка института физкультуры...

— Так, — сказала мама, подумав. — У меня с тобой, Кирилка, никогда не было никаких проблем — ни в детстве, ни в институте, ни сейчас... Видать, за все надо платить. Все проблемы явились в куче, и явились, откуда не ждали... У тебя гормональный взрыв.

— Что?!

— Надо к врачу пойти, Кирилка. В школе ты был к девочкам спокоен, и после школы тоже... не очень они тебя занимали. Выходит, лучше бы ты в шестнадцать лет перебесился.

— Мама, — Кирилл взялся за голову. — Ты посмотри... У каждого человека есть кто-то, с кем можно бы прожить жизнь и быть счастливым, так?

Мама недоуменно молчала.

— Иногда найти его не получается... Встречаются чужие люди... Что-то их объединяет...

— Кирилл, — обеспокоенно сказала мама, — у тебя голова не болит?

— А у меня сразу встретились все, в кого бы я мог влюбиться... нет, полюбить... Если бы любая из них... одна — я был бы просто счастлив, мама. Но их три. И если я... если... короче говоря, у нас город большой, их может быть четыре. Или пять. Или десять...

Он вдруг поймал мамин взгляд. Поднялся со стула; пошел в ванную. Сунул голову под струю холодной воды. Тщательно вытер лицо и волосы полотенцем.

Мама не двигалась с места.

— Мама, — сказал, Кирилл, снова усаживаясь напротив. — Ты прости. Я... уже все. Считай, что я пошутил... Все по-прежнему, мама.

Она смотрела жалобно. Ей очень хотелось поверить.

* * *

Кирилл плотнее перевязал сверток. Три слоя полиэтилена — не промокнет: в старину так избавлялись от младенцев, чья судьба была не определена либо, наоборот, predetermined слишком хорошо. И младенец плыл себе в люльке по водам реки, пока в конце пути его кто-нибудь не подбирал...

Кирилл подошел ближе к берегу и опустил сверток в воду. И долго смотрел, как тот уплывает.

Позади были сто неудачных попыток избавиться от туфель. Кирилл пытался сбавить их сотрудникам в школе (импортные! Дешево! Почти не ношенные!). Пытался продать на толкучке, где едва ускользнул от милицейского патруля (вот был бы скандал! Учитель-спекулянт, глядишь, и с работы уволили бы). Пытался оставить во дворе рядом с мусорным баком, но мама нашла и принесла обратно...

Сверток зацепился за корягу. Освободился. Двинулся вниз по течению — медленно и торжественно, как пароход «Адмирал Нахимов», на котором Кириллу однажды довелось побывать...

Кирилл не стал дожидаться, пока плавучий сверток

скроется из виду. Вытер пот тыльной стороной ладони — и потрусил к автобусной остановке.

— Где ты так долго? — с беспокойством спросила мама. — И кажется, промочил туфли?

Кирилл посмотрел на свои ноги.

Хорошо, что в прихожей накануне перегорела лампочка и мама не могла разглядеть как следует его лица.

* * *

— Здравствуйте, — сказал Кирилл.

— Здравствуйте, — отозвался сапожник, не поднимая головы. — Берем заказы на понедельник.

— У меня не заказ, — сказал Кирилл.

Сапожник наконец-то оторвался от стоптанной подошвы. Взглянул на посетителя поверх очков; тут же потупился и, как показалось Кириллу, поскуцунел.

— Вот, — Кирилл поставил туфли на прилавок. — Я вам их принес. Забирайте.

— У меня не магазин, — отозвался сапожник сварливо. — Обувь на комиссию не принимаем.

— Если вы не возьмете, я ему отдам, — пообещал Кирилл.

Сапожник посмотрел на него снова — тяжело и устало:

— Отдавай. Увидишь, что будет. Мне-то что. Отдавай.

* * *

Ночью туфли и босоножки возятся в шкафчике для обуви, шепчутся, подергивают шнурками, и песчинки опадают с их натруженных подошв. Посмотрите, утром на обувной полке полно песка...

Днем невиданные полчища обуви бродят по улицам, вынюхивают чужие следы, решают, повернуть вам направо или налево, успеть на автобус или опоздать, встретить нечаянно друга — или пройти в двух шагах, разминувшись на долю секунды... Стучат каблуки, шлепают подошвы, хлопают слишком свободные голенища.

Чей-то башмак стоит на письменном столе. Как он туда заскочил?..

Кирилл проснулся.

За окном едва серело.

Из приоткрытой форточки приторно пахло черемухой.

* * *

— Чего вы от меня хотите?!

Туфли стояли на столе, на старой газете «Известия». Стояли, бессильно раскинув шнурки — будто разводя руками.

Туфли не могли ему ответить.

Он снова — в который раз — взял их в руки. Внимательно рассмотрел подошву, пощупал швы, потрогал стельку. Господи, да он рехнулся, это всего лишь туфли, обыкновенное изделие обувной промышленности, производство — Великобритания...

Это он, Кирилл, сходит с ума.

* * *

Этот обрывок бумаги с записанным на нем номером телефона он выбрасывал уже раз пять. А тот все равно находился — в кармане, на дне сумки, в ящике учительского стола...

Гудок. И еще гудок. В телефонной будке сыро и пахнет какой-то дрянью, сквозь мутные стекла видна коротенькая очередь — две нетерпеливые грузные дамы, блондинка и брюнетка, обе заранее раздражены ожиданием, хотя Кирилл еще не начал разговор.

Может быть, ему так никто и не ответит?..

— Алло! Кирилл Владимирович?

— Я...

— Добрый день! Вы что-то хотите мне сказать?

— Я... отдам вам туфли.

— Замечательно. Мне зайти?

— Н-нет, — выдавил Кирилл. — Давайте встретимся... Возле... нет... — почему-то он не додумался выбрать место

встречи заранее, — возле... Возле центрального книжного, знаете где?

— Возле магазина или возле книгообмена? — Кириллов собеседник выказал осведомленность.

— Возле книгообмена.

— Хорошо. Когда?

— Через... час, — Кирилл кашлянул, прочищая горло.

— Договорились, Кирилл Владимирович. До встречи!

Гудки.

Пухлая брюнетка постучала согнутым пальцем в мутное стекло телефонной будки:

— Сколько можно! Люди же ждут!

* * *

Кирилл стоял, глядя на книжные полки.

До встречи с голубоглазым оставалось еще пятнадцать минут. Кирилл стоял. «Граф Монте-Кристо»... «Женщина в белом»... «Виконт де Бражелон»...

На самой верхней полке, под номером один, помещались помимо приключений неукротимой Анжелики здоровенный том Стругацких и не менее толстая книга Станислава Лема. Кирилл знал, что у него нет ничего, достойного такого обмена. Все, что он приносил, оценивалось зазнайками-продавщицами как «три» или даже «четыре»; Кириллу не раз снилось, как он открывает стеклянные дверцы и, протянув руку, ощущает мягкую тяжесть книги...

Туфли жали. Стискивали ноги все сильнее. Или кажется?

Зачем он здесь? Что он задумал — предательство?

Бред. Ерунда. Кого он предает — туфли? Смешно... Это вещь, неодушевленный предмет... Производство — Великобритания...

Корешки книг расплывались перед его глазами. Как будто там, в шкафу, шел сильный дождь и заливал стеклянные дверцы изнутри.

Зачем он здесь? Что его держит? Есть еще десять минут до назначенного времени, он может просто повернуться и уйти... Не обуть управляет человеком, а...

★ Что плохого в том, чтобы вернуть чужие туфли хозяину? Это ведь чужие туфли, он, Кирилл, в жизни не присваивал чужого...

Уйти! Еще есть время. Он не должен их получить!

Кирилл повернулся к выходу. Идти было неожиданно трудно — в магазине вдруг образовалась толпа, путались под ногами чьи-то дети, не уходили с дороги старушки с авоськами, продавщица выплыла из-за прилавка и двинулась к шкафам, позванивая ключами, — доставать книгу для какого-то счастливица...

— Кир!

Он вздрогнул: Ира, нарядная похорошевшая Ира, стояла у входа:

— Кирюша! Привет!

— Привет. Ты как здесь? — спросил он через силу.

— Секрет. — Ира улыбнулась так хитро-невинно, что Кирилл вдруг вспомнил о своем дне рождения, о том, что осталась всего неделя, и вспомнил какие-то Ирины слова насчет «потрясного подарка»...

Он был готов улыбнуться в ответ, улыбнуться и обнять Иру за плечи, когда сквозь стекло витрины, за спиной нетерпеливого покупателя, перебирающего на прилавке уже отобранные книги, увидел на улице Алису, сосредоточенно и быстро шагающую к двери «Букиниста».

Оказывается, он все время этого ждал. Был готов к такому вот мгновению. Ноги его приклеились к цементному полу, но разум оставался свободным, в бешеном темпе перебирая десятки возможных сценариев.

Алиса вошла в магазин и тут же увидела Кирилла; стоящую рядом Иру она поначалу не заметила.

— А кто это здесь?.. — весело начала Алиса.

В этот момент за ее спиной показалась Вита — высокая, молочно-розовая, с пучком молочно-розовой редиски на дне прозрачной кошелки. И тоже первым делом увидела Кирилла.

— Ага! — выкрикнула радостно, на весь магазин. — Кирюшка!

Ира посмотрела озадаченно сначала на Виту, потом на Кирилла, а еще потом, будто опомнившись, на Алису. Они стояли втроем между Кириллом и выходом, а за их спинами поджидал голубоглазый и улыбался широко и уверенно, как с плаката Госстраха.

— Я... сейчас, — сказал Кирилл неизвестно кому.

...Узкие двери в подсобку.

Пожилая женщина в кудрявом парике выглянула из крошечного кабинета:

— Эй, молодой человек! Вы куда?

— Пожарная инспекция! — крикнул Кирилл на бегу. — Где второй выход?

— Нету...

— Как — нету?!

И, проскользнув мимо растерявшейся женщины, кинулся к раскрытому окну. Вазон с геранью — вот незадача — полетел на пол...

— Куда? Куда?! Милицию вызову!

Господи, пронеси, подумал Кирилл, холодея.

Спрыгнул на газон. Двора за магазином, по сути, не было — мусорный бак, скамейка, пыльная площадка для автомобилей...

И пусть меня заберут в милицию, пусть выгонят с работы, пусть исключат из комсомола, думал Кирилл. Только бы свернуть за угол. Только бы проскочить на ту сторону улицы...

И рванулся сломя голову через дорогу.

* * *

— Повезло, — сказал хирург. Кирилл не видел, как шевелятся его губы; все лицо хирурга было — зеленая маска с толстыми линзами очков.

— Повезло, — повторил хирург, на этот раз с явным удивлением. — Ну, сотрясение, ну, ребро... А позвоночник — хоть бы хны. Везучий ты, мужик. Обычно когда босых привозят — считай, все...

— Туфли, — сказал Кирилл. Вернее, попытался сказать. Молоденькая медсестра услышала, наклонилась ни-

же — Кирилл увидел два светло-серых глаза над белой полоской марли:

— Пропали твои туфли... На дороге... Боже, как ты не понял, что жив!..

* * *

День рождения он праздновал в больнице. Мама, осунувшаяся, но с виду спокойная и даже довольная, накрыла рядом с его кроватью импровизированный стол.

— Есть хорошие новости, — сказала как бы между прочим.

Два соседа по палате жевали каждый по ломтю домашнего пражского торта и жадно поглядывали на принадлежащий имениннику бледно-зеленый банан.

Мама помешивала чай в граненом больничном стакане.

— Ученички твои в гости набиваются... Не хотят, видят ли, экзамен Розе Игнатьевне сдавать, хотят — тебе...

Дверь в палату медленно, скрипуче приоткрылась.

— Кстати, Кирилка... — продолжала мама, не оборачиваясь. Кирилл увидел женскую фигуру в глубине коридора — неясно, в полумраке. — Кстати... звонили из бассейна. Представляешь, твои кроссовки... нашлись!

На плечи женщины накинут был белый халат. Она стояла в тени.

Спасатели

И пожалел седого малыша
Симург, царь птиц, великая душа...

Фирдоуси. Шахнаме

Сегодня мы опять идем спасать мир. Мы — это Ленка, Жорик, Вась-Вась (который вообще-то Алпамыс, но Вась-Вась ему очень подходит) и я, Дум-Дум. По документам меня зовут Сергеем. А Дум-Дум — кличка. Я оружие люблю. Убивать не люблю, а оружие люблю. Пули такие есть, «дум-дум». Вот меня в их честь и прозвали.

Будем проникать в секретный институт. Надо добыть

там один диск. А информацию на винчестере они стерли сами. Боятся, что украдут. Это облегчает нашу задачу. На диске записана очень опасная штука. Хорошо, что диск у них один, а тот, кто опасную штуку придумал, вчера умер от старости. Так нам передали. За институтом мы следим уже неделю. Надо бы еще пару дней, но завтра диск увезут. Далеко. Приходится спешить. Это плохо. Спешка — это всегда плохо. Если спешишь, что-нибудь обязательно пойдет не так. Я смотрю, как Вась-Вась дожевывает свой хот-дог. Последний кусок он глотает смешно: кадык дергается лягушкой.

— Пошли, — говорит Вась-Вась, утирая губы ладонью.

Здание института — самая обычная шестизэтажка. Похожа на общежитие. Только вывеска другая. Странно, когда я на нее смотрю, я все понимаю, что там написано. А стоит отвести взгляд, и уже ничего не помню. Один номер помню.

Двадцать три.

Институт такой секретный, что на входе даже охраны нет. Дядька-вахтер, и все. Сейчас обеденный перерыв, народ снует туда-сюда, и мы смешиваемся с толпой. Проходя мимо вахтера, Вась-Вась солидно кивает ему, как старому знакомому. И смотрит на часы, будто торопится. Вась-Вась умный. У него такой метод. Смотришь на часы, хмуришься, и вахтер думает, что ты свой. Что опаздываешь к директору. Или еще куда. Вась-Вась у нас самый старший, ему тридцать семь. Поэтому он идет впереди. Хотя на самом деле главного у нас нет. Каждый знает свое дело. У каждого — специализация. А вместе мы — команда. Вроде пальцев на руке: каждый сам по себе, а если сжать — кулак получится. Таким кулаком можно ого-го как врезать!

Сейчас нам вверх по лестнице и направо. Вась-Вась заранее рассказал. Он тут никогда раньше не был, как и мы все. Но Вась-Вась — *видун*. Может сквозь стенку видеть. Не всегда, правда. В воскресенье не может. И по средам, с десяти утра до двенадцати.

Ступеньки. Длинный коридор с дверями. Идти надо быстро, но не бежать. Чтобы не привлекать внимания. В конце коридора будет железная дверь. Она заперта. Жорик ее

взломает. Он что хочешь взломает. Хоть дверь, хоть пароль в компьютере. Потому что Жорик — взломщик. У него есть маленькая блестящая отмычка. Щелк! Готово. Это старая раздевалка для рабочих. Зачем в секретном институте рабочие, я не знаю. Наверное, поэтому раздевалка заперта и тут никого нет, одни шкафчики. Здесь мы будем ждать. Не люблю ждать, но ничего не поделаешь. В институт можно попасть в обеденный перерыв. А в подземные этажи — вечером, когда сменяется охрана. Там, на подземных этажах, охраны много. Это только на входе один вахтер, чтоб никто не догадался. Наверное, те, кто здесь работает, тоже не все знают, чем они занимаются. И мы бы не догадались. Нам Симуург сказал. Симуург дает нам задания. Я вижу его у себя в голове и могу с ним разговаривать.

Я — *связник*.

Выслушав Симуурга, я рассказываю задание остальным. И мы отправляемся спасать мир. Нам это нравится. Потому что мы — Спасатели. «Чип и Дейл спешат на помощь!» — смеется Ленка. Ведь нас как раз четверо. Вась Вась — это, конечно, Роки. Он тоже большой, толстый и все время жует бутерброды. Ленка, понятно, Гаечка. А мы с Жориком — Чип и Дейл. Вот только кто из нас Чип, а кто Дейл, я никак не пойму. Я и в мультике их все время путаю.

Ленка из нас самая маленькая. Ей двадцать три года. «Двадцать три с половиной!» — любит уточнять Ленка. А выглядит на восемнадцать. Или на пятнадцать, если захочет. Жорик четвертак. Я смотрю на него чуть-чуть свысока, потому что мне тридцать один. Жорик — Ленкин жених. Уже давно. Года два, наверное. Не знаю, почему они никак не поженятся. Мне, между прочим, Ленка тоже нравится. Я с ней целовался. Три раза. Думал, после будет стыдно, а стыдно не было. Ни капельки! Наоборот, было хорошо. Жорик знает, но не сердится. Ему тоже другие девушки нравятся. Иногда.

Ждать нам долго. Я усаживаюсь на скамейку, прислоняюсь к железному шкафчику для одежды и засыпаю.

Дракон застрял. Здесь пещера слишком узкая, ему не пролезть. Одна шея с головой торчат из прохода. Пасть дымится, глаза отливают багровым блеском в свете фонаря. Красиво! «Скорее! — кричит Ленка. — Надо расширить проход!» Она права: лишь дракон может справиться с Черным Колебателем. Я уже слышу, как он топает внизу, приближаясь. Где-то рядом должна быть каморка со старым шахтерским инструментом. Сумург говорил, когда давал задание... Вот она! Вась-Вась с Жориком шли позади дракона, и теперь им до нас не добраться. Двумя кирками мы с Ленкой отчаянно долбим стену. Ленка — она только с виду хрупкая. Если надо, работает как заведенная. Не всякий мужик так сумеет. Камень мягкий, слоистый, отлетает целыми пластами. Проход расширяется на глазах. «Быстрее!» — торопит дракон, фыркая дымом. Пот каплет с нас градом, от каменной крошки першит в горле, слезятся глаза. «Ай!» Словно тысяча рыболовных крючков впивается мне в задницу! С криком роняю кирку себе на ногу. Пещерный крысобраз! Пускай это всего лишь детеныш... В следующий миг с грохотом обваливается огромный кусок стены. Походя отшвырнув крысобраза, дракон устремляется вперед, в глубину громадного зала. Словно в пасть чудовища с клыками-сталактитами. Детеныш крысобраза отчаянно визжит где-то в углу. Он насмерть обижен. Из прохода выскакивают Вась-Вась с Жориком, светят фонарями. В лучах возникает большущая черная фигура. Я сбиваю Ленку с ног, падаю сверху, закрываю...

— Пора.

Я всегда просыпаюсь мгновенно. Жорик трет глаза кулаками, а я уже проверяю снаряжение. Сначала — одежда. Отлепить от футболки рисунок-самоклею и надпись. Надеть поверх синюю куртку, извлеченную из сумки. Очень похоже на одежду здешних техников. Вась-Вась видел. Теперь — оружие. Пистолеты у нас особенные. С такими даже если полиция остановит, ничего нам не будет. В первых, Вась-Вась может сделать так, чтобы пистолеты никто не увидел. Гипноз. Я тоже так могу, но не всегда полу-

чается. А во-вторых, пистолеты на вид — как игрушки. Пластмассовые. Нажмешь на курок — из дула брызнет струйка воды. Ребенку купил, в подарок. Но если знать, где фиксатор... и снять верхнюю накладку с баллончиком для воды...

Крутое оружие. Мне нравится.

— Готовность — одна минута.

Вась-Вась смотрит на часы. Беззвучно шевелит губами. Должно быть, считает.

— Пошли!

Спускаемся по другой лестнице. Один пролет, второй, третий. На стене — электрический щит. Жорик снимает крышку, вырывает какие-то провода. Свет на лестнице гаснет. Проходит минуты две. Внизу лязгает дверь, слышны голоса. «Опять фазу выбило! Схожу за электриками...» Удаляясь, голос ругается. Очень плохо ругается. Я понимаю, что это значит, но повторять стыдно.

— Включить фонари! — шепчет в темноте Вась-Вась. Три луча света рвут темноту, и она спешит ударить вниз, вниз... Нам туда. Ленка фонарик не включает. Она идет позади меня и сопит. Ленка всегда сопит, когда злая или сосредоточенная.

Навстречу громко топают шаги.

— А, вы уже... Быстро!

— В первый раз, что ли? — пожимает плечами Вась-Вась.

Охранник кивает, спускаясь впереди нас. Вась-Вась спрашивает в спину:

— Где тут у вас фаза?

Фазу мы находим за углом, в распределительной коробке. Дальше по коридору и налево будет комната, где хранится диск. Охранник возвращается на пост у входа в подземный этаж. Остальная охрана сейчас сдает смену этажом выше. Там свет не отключался, и они ни о чем не подозревают. Переодеваются, складывают автоматы в специальный шкаф, начальник расписывается в журнале. На постах стоят три человека. Или четыре — Вась-Вась точно не уверен. Будь у нас еще пара дней...

Под потолком вспыхивают лампы аварийного освещения. Багровые, как глаза дракона. Надо спешить. Хорошо, что коробка — за углом и охранник со своего поста нас не видит.

— Жорик, остаешься здесь. Делаешь вид, будто чи-нишь фазу. Следи за коридором. Если что, мы пошли мена-нять перегоревшие лампочки. За мной!

Это Вась-Вась для порядка. Любит командовать. Мы и так знаем, что делать.

Достаем пистолеты и идем следом.

Низкие потолки. Под потолком — толстые трубы. От одной пышет жаром. Отопление? Зачем летом отопление? А вон вода капает. Совсем как в обычном подвале. И ничуть не похоже на секретный институт. Я все себе иначе представлял. Шкафы с приборами, колбочки разные, что-то булькает, индикаторы мигают, люди в белых халатах...

Поворот. Нужная дверь приоткрыта. На ней замок электрический, а электричество-то мы вырубил!

— Эй, вы куда?! Стой!

Из боковой дверцы выныривает охранник. Эх, зря мы заранее пистолеты достали. Не подумали. Так, может, сошли бы за электриков... Не люблю стрелять. Вернее, не так: не люблю никого убивать. Стрелять-то я как раз люблю. Но дело обходится без пальбы. Вась-Вась наставляет на охранника пистолет. Охранник пятится в дверь, откуда выскочил. Запирается там и трясется от страха. Стрелять или звать подмогу он боится. Это хорошо.

— Действуйте! — продолжает командовать Вась-Вась.

А то мы без него не знали...

Сейф открыт. Над сейфом, спиной к нам, склонился толстый лысый дядька в костюме. Пиджак задрался, круглый, обтянутый брюками зад смешно оттопырен. Хочется пнуть в этот зад ногой. Я с трудом сдерживаюсь, а Ленка пинает. Она известная хулиганка.

— Диск! Быстро!

Дядька белеет. Это видно даже в мигании аварийных ламп. Блестящие бисеринки пота выступают на лбу.

— Я... я не имею права!

— Имеешь! Скажешь, тебе оружием угрожали.

— Помогите! Террористы! — взвизгивает дядька, пятясь в дальний угол комнаты. Сейчас он очень похож на крысобраза.

Ленка грозит ему пистолетом:

— Не ори! Все равно не услышат. Мы дверь закрыли. Давай диск — или...

— Там! В сейфе... Вторая полка сверху...

Лысого трясет. Он очень боится за свою жизнь. Зря боится, мы не убийцы. Но ему об этом знать ни к чему.

— Есть! Идем.

— Подожди. Надо его связать и рот заткнуть. Чтоб не поднял тревогу раньше времени.

Ох, накаркал!

На нас обрушивается вой сирены. Я быстро оглядываюсь по сторонам, ища коробку сигнализации, чтобы ее разбить. Как в компьютерной игре. Коробки нигде нет, а связывать лысого уже не имеет смысла.

— Уходим!

Лампы вспыхивают, едва мы оказываемся в коридоре. Кричат динамики: «Караул! Проникновение на минус второй уровень! Четверо вооруженных террористов в одежде технического персонала! Охране принять меры к задержанию!»

— За мной!

Я очень надеюсь, что Вась-Вась знает, куда нас ведет. Поворот. Один, другой. Да тут настоящий лабиринт!

— Ленка, диск у тебя?!

— Да.

Вась-Вась довольно пыхтит.

Повороты, железные двери, трубы, штабеля жестяных бочек, деревянных ящиков с грифом «Секретно»... Лестница! Вроде пожарной. Ступеньки влажные, скользкие. Не сорваться бы... Минус первый уровень. Зброшенный холл: пыль, горы хлама. Снова лестница: обычная, каменная. Перила отполированы касаниями многих рук. По таким хорошо съезжать. Только нам не вниз, а вверх! Там светло, там солнце, свобода! Бежим, торопимся. Я люблю приклю-

чения. Но мне не слишком нравится, когда за мной гоняется толпа здоровенных охранников. С автоматами и в бронежилетах.

— Уходим через окна второго этажа. На первом — решетки.

Главное, добраться до ближайшего кабинета или лаборатории. Для Жорика любую дверь взломать — раз плюнуть. Но за углом взрываются топот, крики. Опоздали! За всех принимает решение Ленка. Молниеносный стриптиз, я краснею, не успев отвернуться... Мелькает одежда. И вот перед нами — строгая «училка» в белой блузке с кружавчиками, старомодной юбке, в очках и с узлом волос на затылке. Эта... «синий чулок». Никогда не думал, что Ленка может выглядеть такой старой. Лет на сорок! С половиной.

— Охрана! Сюда! Я их видела!

Здорово вопит. Оглохнуть можно. И голос дрожит правильно.

— Они побежали вон туда! Туда!

Вжимаемся в стену. Не дышим.

— Спасибо! — рывкает Ленке старший, с грохотом проносясь мимо. За ним топочут остальные. Молодец, Ленка. У нее специализация — *отвлекала*. Умеет.

Снаружи доносится вой полицейских сирен.

— Окна отменяются. Полиция окружает здание.

— Канализация?

— Верно мыслишь, Дум-Дум. Пошли.

Приятно, когда Вась-Вась тебя хвалит. Но в канализацию лезть совсем не хочется. Лазил однажды.

Даже если сам придумал, все равно не хочется.

Нас настигли, когда Жорик с Вась-Васем выламывали решетку стока. Ленка замешкалась, стрелять пришлось мне. К счастью, на охраннике был бронежилет. Он просто упал, а потом его отвезут в больницу и вылечат.

— Уходим!

Под ногами хлюпает грязная вода. Очень сильно воняет.

— Снимайте ботинки. И брюки. Нам потом наружу выбираться.

Хлюпаем босиком. Обувь и брюки держим в руках.

Ленка юбку тоже сняла, сверкает белыми трусиками. Хочется все время посветить на нее, но я сдерживаюсь. Труба расширяется. Это уже не труба — кирпичный свод, кладка явно старая. В разные стороны расходятся три коридора. Вода доходит до колен. Вась-Вась зажмуривается, молча стоит несколько секунд. Мы стараемся ему не мешать.

— Туда! — он машет рукой вправо.

Идем долго. Кирпич сменяется потрескавшимся бетоном, бетон — ржавым железом, железо — полупрозрачным пластиком. Светлеет. Запорные вентили сверкают хромом в свете наших фонарей. Никакой ржавчины, потеков на стенах, даже вонь стала слабее. Колпаки из пластмассы, в баках пузырятся цветные жидкости. Я уверен, что так и должно быть. Если мы близимся к спасению, значит, делается светлее и чище. Нормально.

Последняя лестница.

Карабкаемся наверх. Вась-Вась упирается в крышку люка, с усилием сдвигает...

Пустующий общественный туалет оказался кстати. Мы привели себя в порядок. смыли грим, отклеили: я — накладную бороду, Вась-Вась — усы. Ленка выбросила в урну парик. Теперь нас не узнать. Побрызгались одеколоном, чтоб не воняло. На улице сели в трамвай, честно взяли билеты у кондуктора. Только штрафа нам не хватало! Проехали мимо секретного института. Сирены, сполохи мигалок. Снова не могу прочесть вывеску. Кроме цифры 23. Вокруг полно полиции. Но до ползущего мимо трамвая и глазающих в окна пассажиров им нет никакого дела. Ловят неуловимых террористов. Обманули дураков аж на восемь кулаков!

— Дум-Дум, свяжись...

— Сейчас.

Закрываю глаза. Ответ приходит быстро. Симуург, как всегда, в костюме, при галстукe, гладко выбрит. Скулы у него такие острые, что о них, кажется, можно порезаться. Иногда я думаю, что это у него не лицо, а маска. Никогда не видел Симурга живьем. А в моей голове он может пока-

зывать себя таким, каким захочет. Интересно, кто он вообще? С какой планеты?!

— Спасибо, — говорит Симург.

— Вы опять спасли мир, — говорит Симург.

— Возвращайтесь, вас ждут, — говорит Симург и улыбается.

Улыбаюсь в ответ.

* * *

Закончив сеанс, Симург встал с кушетки. Отошел к окну, слегка согнув колени, присел. Смешно растопырил руки и закрыл глаза. Этой дурацкой процедуре он якобы научился у какого-то ламы с Тибета, пьяницы и святого. Врал, пожалуй. Анна Николаевна наблюдала за ним, стыдясь своей детской влюбленности. Попасть в интернатуру к Симургу было для нее безумным везеньем, даром судьбы, который молоденькая «тетя доктор» никак не заслужила. Об этом человеке рассказывали легенды и анекдоты. Он работал без шлема: начинающие *психопомпы* записывались в очередь на блицтесты, надеясь, что комиссия позволит и им выходить на контакт без адаптеров — голова потом раскалывалась от боли, а председатель комиссии механически подписывал отказ за отказом. Ну и наконец, Симург был учеником Деда Мазая.

Любимым учеником.

Того самого Деда, чей бюст стоял у ворот интерната.

Анна Николаевна подошла сзади, легонько тронула пальцами виски Симурга. Очень стараясь, чтобы жест был деловитым, в рамках обычной процедуры считывания. Как всегда, ничего не получилось. И как всегда, Симург остался доброжелательно-равнодушным, помогая «выйти на тропу».

— Я очень устал, Анечка, — счастливо сказал он. — Очень.

— Вам надо в отпуск, Дмитрий Ильханович.

Она еле удержалась, чтобы не ахнуть. Считка шла легко, но результаты!.. Базовая коррекция за шесть недель?!

— Обязательно, Анечка. Доведу этих архаровцев и уеду в Крым. Дикарем. В самый разгар сезона. Сниму сарай в

Судаке и буду делать глупости. Сгорю на пляже, густо измажусь кефиром... поднимусь в Генуэзскую крепость, на Алчак...

— Врете вы все. Никуда вы не поедете.

— Анечка, обижаете! Пальцы держите ниже, на ямочках, так вам будет удобнее. И не бойтесь дышать мне в затылок. В моем почтенном возрасте это входит в число маленьких радостей, еще оставшихся старому мизантропу.

В его возрасте... Анна Николаевна отступила назад, до сих пор не веря результатам. Ни одного убийства на второй месяц коррекции. Ни единого. Даже раненых не было.

— Вы тоже заметили? Ах, архаровцы, ах, молодцы... Помните первые три сеанса?

Еще бы она их не помнила. После считки ее тошнило. Нет, она знала, как спасают мир эти несчастные, озлобленные на всех дети, знала из учебников, из лекций, из лабораторных работ — но когда пациенты днем бегают наперегонки под твоим окном, смеясь, а потом сеанс, и кровь, кровь, смерть... Месть за причиненное зло — проклятый, безусловный рефлекс. Анна Николаевна ненавидела формулировку «интернат для детей, пострадавших от насилия». Ей больше нравилась шутка Деда Мазая: «Лодка для зайцев».

И еще ей нравился Симург.

— Вам надо в отпуск, Дмитрий Ильханович, — повторила она. — Вы устали. Архаровцев я доведу сама, если позволите. Тут осталось всего ничего. Я до сих пор не понимаю, как вы это выдерживаете. С вашей интенсивностью контакта... Вы этому учились у Деда? То есть я хотела сказать, у академика Речицкого?

Симург выпрямился. С хрустом потянулся.

— Учился? Анечка, милая, я лечился у Деда. Около года. Мне тогда было... э-э... мало мне было. Очень мало. Димка Симург, отпетая душа... У меня мир спасался такой кровью, такой оглушительной мстью всем и вся, что архаровцы — ангелы в сравнении со мной, грешным. Разве что эта, Ленка... С ней пришлось повозиться. Трудно мне с женщинами, Анечка. По сей день трудно.

Что он имел в виду, Анна Николаевна не поняла.

В окно влетела мохнатая бабочка-ночнушка и стала кружиться под лампой.

* * *

— ...Подъем!

Вставать не хочется. Глаза слипаются. Почему я *там* всегда просыпаюсь сразу, а здесь — нет? Почему там я взрослый, а здесь... Ничего, здесь я тоже вырасту! И тогда...

Еще месяц назад я знал, что тогда. Знал так, что в животе все слипалось от ненависти. А сейчас я знаю совсем иначе.

— Вставай, Серый. Завтрак проспипь.

Бреду в умывальную. Вода, как всегда, будет ледяная и слишком мокрая. Ладно. Вообще-то здесь неплохо. Это я просто сонный. Если б еще не заставляли вставать так рано. И если б не приходилось есть на завтрак эту манную кашу! И пусть чаще дают поиграть на компьютере. А уколы — ерунда. Я уколов не боюсь. Тем более что их с прошлой недели отменили. Только Ленку колют и таблетки дают. Одну желтенькую раз в три дня, на ночь.

Сейчас лето, занятий нет. После завтрака мы пойдем строить крепость. А после обеда поиграем в ее штурм. И книжки тут всякие, в библиотеке. Оказывается, книжки бывает интересней читать, чем играть на компе. Там за тебя уже все нарисовано, а тут читаешь и сам рисуешь. Воображаешь. Но не так, как Ленка воображает, а по-другому. Ленка так не умеет. Она книжки редко читает.

Но спасти мир интереснее всего!

Мы — хорошая команда. Сыгранная. А еще нам везет. Так Симуург сказал. Он сказал: «Вам очень, очень везет!» Я все наши задания помню. *Там* почти все забываешь, а здесь сразу вспоминаешь. Главное, никому из взрослых не рассказывать про Симуурга с его заданиями. Даже Аннушке, хотя ей очень хочется рассказать. Она добрая. Но глупая, как все взрослые. Решит еще, что у нас крыша поехала... Я, если честно, поначалу тоже так думал. Даже испугался немного. А потом с нашими поговорил: с Жориком, Вась-Васем, Ленкой. Они говорят — с ними то же самое.

Вот скажите: разве так бывает, чтобы у четырех человек сразу одинаково крыша поехала? Значит, с нами все в порядке. Нас Симуург куда-то переносит, пока мы спим, и мы там по-настоящему спасаем мир! Можете не верить, но это все не понарошку. И не глюки. Потому что мы — настоящая команда. Спасатели. А никакие не психи.

Когда я из умывальной выходил — ну, из нашей, мальчишечьей, конечно! — из девчачьей Ленка как раз вышла. Подмигнула мне. И я ей тоже. Мы с ней вчера опять целовались. Забрались в кусты, сидим, смотрим друг на друга. У обоих — улыбки до ушей. Жорик знает, но он не обижается. Он сам с Надькой и с Викой уже целовался. И Ленка тоже не ревнивая. Надо будет научить ее книжки читать.

После завтрака будем крепость строить... А, да, я уже говорил. Хотите с нами? После обеда я крепость поштурмую, а после ужина, наверное, книжку читаю. А потом — отбой. Мы ляжем спать, и снова придет Симуург. Даст нам новое задание. И мы опять будем спасать мир. Только не тот, что в прошлый раз. Другой. Тот мы уже спасли, и теперь там все будет хорошо. Иногда мне хочется вернуться туда, где я успел побывать. Насовсем? Нет, насовсем не хочу. Тут лучше. Я только недавно начал понимать, что тут лучше. Хотя и там хорошо. Симуург обещал, что время от времени будет давать нам «отпуск». Тогда мы сможем попасть, куда захотим. Меня дракон из пещеры, кстати, покатавать обещал. Как только Симуург нам отпуск даст, я сразу — к нему в гости. Обещал, мол, — катай! И вообще дракон хороший. Добрый. Симуург тоже добрый. Был бы злой, стал бы он нас отправлять миры спасать?! Вот и я думаю, что не стал бы. А еще он говорит: не волнуйтесь. Никого вы не убили. Даже когда стреляли и попадали. Раненые, и те выздоровели. Это он раньше говорил. А сейчас не говорит. Незачем сейчас такое говорить. Вот сами подумайте, разве может такой человек быть злым?! И я говорю: не может. А пусть даже и не человек, все равно.

Ладно, мне на завтрак пора. Наверное, я сегодня даже манную кашу съем. Думаете, это легко — мир спасти?!

Сердоликовая бусина

1

Черепом играть в футбол не так и удобно. Легок слишком, да и кость, особенно старая, не резина, не каучук. Удар точно не рассчитаешь, улетит — ищи в кустах! К тому же недолговечен, в крайнем случае, на две-три игры хватит.

Тем не менее играли. Как и полагается — с криком, с лихими ударами по ногам, с отчаянными свистками судьи. Разгорячились, сорвали майки, растерли первую грязь по разгоряченным лицам.

Крепкие они ребята, археологи!

Удар, еще удар! Еще! Желтая неровная кость летит в импровизированные ворота. Летит, летит... Неужели гол?!

— Череп-то отдайте!

Зачем Максиму понадобился череп, причем именно перед ужином, он и сам не смог бы объяснить. Ну, шумят, ну, играют, ну, вопят бабуинами. Что с них взять, с футболистов? Первокурсники! Тем более не свои, с истфака университета, а, так сказать, приданные, из братского института физкультуры. Им и положено в футбол играть. Силы к вечеру еще остаются, а мозгов — поменьше, чем в найденном накануне черепе.

И связываться, признаться... Кто он для них, Максим? Студент-третьекурсник и начальник раскопа, причем не их родного, а соседнего. Драться, может, не полезут, но... Кому такое нужно?

Так и есть! С первого раза не услышали или сделали вид.

— Отдайте!

— Чего-о?!

Пока соображали, пока кучковались и толпой подступали, Максим наконец-то понял. Не нужен ему череп, и никому не нужен, кроме таких лосей, и не первый это футбол с желтой костью вместо мяча. Просто...

— Говорю, череп!

— Так он наш, понял? Иди, не мешай!..

...Просто Максим не любил подобный народ. Чему именно подобный, он даже затруднялся уточнить. Слово «быдло» не выносил, но не называть же их благородным латинским «плебс»! Однако не любил, причем сильно. Интеллигент в четвертом колене, ничего не попишешь. «Интель», как выражался он сам.

— Ваш?

Вот этого будущие чемпионы и не знали — психологии. А она наука хитрая, учит всякому. В том числе и паузу держать, и взглядом пустым смотреть в чужие глаза. Ну-ка подождем...

— Максим, мы это... Доиграем только!

Теперь давить! Пока не очухались — давить! «Подобные» отличаются неустойчивым настроением. Азбука!

— Нужен сейчас. Я его описывать буду — для отчета. Кстати, нижняя челюсть где?

Экспедиция копала уже третью неделю. В этом году везло: ни дождей, ни дизентерии, ни запоя у бульдозериста. Большой Курган почти закончили, вскрыли три малых, две одиночные могилы и даже обследовали соседнее поселение, то, что за совхозным садом. Кое-что нашли. Череп, например.

Нижняя челюсть оказалась поблизости, рядом с хозяйственной палаткой.

Максим мог быть вполне доволен. Опыт прикладной психологии удался вполне, шум за пологом палатки утих, а он оказался владельцем индивидуального черепа. Вопрос лишь в том, что с ним, с черепом, делать дальше. Не описывать же, в самом деле! Вообще-то полагалось, но никто этим и не думал заниматься, причем не только в данной, но и во всех известных Максиму экспедициях. Специалисты в Киеве, а брат недоучку из мединститута — себе дороже. Лучше лишнего копача пригласить, хотя бы из того же физкультурного.

Максим взял череп, взвесил на ладони. Бедный Йорик, не знал я тебя! Просто выкопал сегодня как раз перед обедом. Лежал ты, где и полагается лежать черепу — в давно порушенном кургане. Выше на метр от костяка, в обвалив-

шемся грабительском лазе. Знакомый почерк — дорыться до ямы, оттяпать голову вместе с кистями рук (почти все золото на них), а после вверх, пока землей не придавило. Иногда, впрочем, давило и очень успешно — как в кургане, раскопанном ровно неделю назад.

Итак, череп. Итак, бедный Йорик. Скифского происхождения, возраста, судя по жалким остаткам инвентаря, тысяч двух лет с половиной, сохранности средней... Что еще? А еще ты не Йорик, а мадам Йорик или даже мадемуазель. Мадам — если исходить из все того же инвентаря (сережка, бронзовый браслет, две бусины), а мадемуазель — судя по (ого!) прекрасно сохранившимся и совершенно не сточенным зубам. Если учесть, что жевали и кусали в те годы не в пример нынешнему, то... Вам и двадцати еще не было, мадемуазель Йорик!

И что прикажете с вами делать?

Сергей Сергеевич, начальник экспедиции, изволил удивиться. Редкий случай, между прочим! Начальники экспедиции не удивляются даже на раскопе. «Так я и знал!» — и весь сказ, даже если лопата вывернула золотую пектораль с грифонами.

— Максим! Откуда это?

— Курган номер три. Сегодняшний. Куда положить?

Начальник позволил себе не просто удивиться — моргнуть. Остальное Максим мог угадать заранее. Сейчас ему объяснят, что краниологическое исследование в этом году невозможно, вести в музей — тоже, фонды и так переполнены... Если же коротко: «Избави нас бог от старательных старшекурсников!»

Значит, можно проявить инициативу.

— Я подумал, Сергей Сергеевич... Закопаю его рядом с курганом, а место в дневнике помечу. Лежал со времен Перикла — и еще полежит. Если вдруг понадобится — возьмем. Так сказать, долговременная консервация.

— Правильно, действуй!

В начальственном взоре читалось явное одобрение. Но

и укор тоже. Мол, ты же не из Дворца пионеров, Максим! Или сам сообразить не мог?

А вот не мог. Идея с «долговременной консервацией» родилась сама собой, посреди разговора. Спонтанно, если совсем по-научному. Как и бессмысленная затея с отменой футбольного матча.

Штыковую лопату он взял в хозяйственной палатке, бутылку же портвейна пришлось покупать в сельмаге совхоза имени Химерного, на что ушло ровно полтора часа.

— Череп! А точнее, уважаемая мадемуазель! — проникновенно начал Максим, сидя рядом со свежей ямой и подсвечивая себе фонариком. — Прежде всего сообщаю, что кости я тоже собрал. Кажется, все, мы их в угол раскопа сложили...

Максим не страдал типичной интеллигентской привычкой разговаривать сам с собой, но в данном случае имел полное право считать, что находится в компании. Кроме того, ночь, пустая степь, разрытая могила, да и бутылка уже не полна... Кто осудит?

— Прежде чем поговорим о дальнейшем, позволю себе представиться. Имя мое вы уже, вероятно, слышали. Остается добавить, что я студент третьего курса исторического факультета, копаю с четырнадцати лет, дело это люблю, надеюсь лет через пять стать заместителем начальника экспедиции и... И, между прочим, из-за вас я порезал палец.

Последнее было не совсем справедливо. Максим оказался сам виноват, ибо решил копать без фонарика и почти сразу же наткнулся на бутылочное стекло. Пришлось заливать рану портвейном.

— Наконец о том, что я тут вообще делаю. Отвечу так: и самому интересно. Все мои сегодняшние поступки нахожу странными и нелогичными. Будет желание, можете подумать на досуге. Попытаюсь лишь выдвинуть непротиворечивую версию. Скажем, я учел, что вы умерли молодой, после смерти вас ограбили, а затем всякая босота посмела играть вами в футбол. Все данные обстоятельства и вызвали мою неадекватную реакцию.

Максим замолчал, дабы оценить, как это все выглядит со стороны. Да уж! Но раз взялся — доводи до конца.

— Поскольку оба мы с вами не христиане, позволю совершить над вами нечто вроде языческого обряда. Прошу прощения, если вместе с благородным портвейном за рубль тридцать две на ваши кости попадет капля моей крови. Впрочем, так будет еще архаичнее. А на память о вас оставляю себе сердоликовую бусину, которую имел честь только что найти в отвале вашего кургана. Описывать в дневнике и сдавать не буду, чтобы не путать хронологию.

Максим порылся в кармане штормовки, подсветил фонариком. На ладони лежал неровный коричневый шарик. Издалека — камешек и камешек, но вот луч коснулся поверхности, и где-то в глубине засветился ответный огонек...

Захотелось просто встать и уйти. Монолог по типу «Многоуважаемый шкаф!» изрядно затянулся. Поэтому Максим просто плеснул от души портвейна, подумал, сам отхлебнул пару глотков и взялся за лопату. Но в последний миг остановился. Шкаф шкафом, но ведь это, как ни крути, похороны!

От такой мысли и вовсе стало не по себе. Максим отвернулся, словно надеясь что-то увидеть в окружавшей его тьме, затем виновато вздохнул:

— Прости, если что не так. Наверное... Уверен, ты была красивая, храбрая, умела в отличие от меня прекрасно ездить верхом и стрелять из лука. Стихи бы прочесть, но ничего на русском в голову не приходит. Разве что на украинском, но у меня от него идиосинкразия. Зато почти о нас с тобой. Борис Мозолевский написал, он археолог, как и я. Точнее, это я, как он. В свое время я честно попытался перевести.

Максим вытер тыльной стороной ладони внезапно вспотевший лоб. Вспоминать собственные поэтические подвиги оказалось не так и легко. Но если постараться...

Он не спал. Среди звезд немного гласа
Шел сквозь тьму — и замер, недвижим:

Афродита скифов — Аргимпаса
Озаряла степь огнем своим.

Перевод был так себе. К тому же Максим ошибся — безлунная ночь была черна, Аргимпаса скрыла свой лик. И так же темен казался сердолик на испачканной землей и кровью ладони...

2

— Вы археолог, — уверенно заявила девушка. — Из экспедиции, которая курганы копает.

— А вы из тех домиков, что возле берега, — не оборачиваясь, констатировал Максим. — Отдыхаете от трудов праведных.

Ему помешали.

Археологи редко копают в одиночестве. Это и хорошо, и плохо. Хорошо, если рядом село с магазином, и плохо, когда начинается почти неизбежный конфликт с местными «подобными». Отдыхающие в качестве соседей лучше — но не слишком надоедливые.

То, что гостья именно из домиков, он понял после первого же слова. Свои все наперечет, а сельский «суржик» узнаешь сразу.

А вообще-то в округе былолюдно. Село, которое с магазином, рядом еще одно, почти пустое, река с фанерными домиками на берегу и лодочной пристанью. Когда же после первой недели работы хочется одиночества, обилие себе подобных начинает утомлять.

Вечером Максим уходил «свит за очи» — на старый курган, варварски раскопанный еще век назад. Садился так, чтобы не видеть ничего, кроме далекого леса.

— Помешала? — гостья оказалась до странного чуткой. — Наверное, думаете о работе? Извините, сейчас уйду.

То ли девушка и в самом деле смутилась, то ли не хуже третьекурсника изучила мудрую науку психологию. Максим поспешил встать.

— Это вы меня извините. Никому вы не помешали, я ухожу, точнее, уже ушел. Кстати, курган, на котором мы

стоим, раннескифский, века седьмого до нашей эры, слева — кладбище, но уже поновее и... Ушел!

— Оставляете меня одну на кладбище?

Девушка засмеялась, и археологу сразу же расхотелось уходить.

— Кладбище? — он поглядел вниз, где оно и находилось, покачал головой: — Если мы собираемся знакомиться, повод — лучше не придумать. Кладбище начала двадцатого века, заброшенное, разоренное, как и все в этом богоспасаемом крае...

Девушка вновь рассмеялась, протянула ладонь:

— Нина! Запомнить легко — из «Кавказской пленницы». А вас я знаю, вы — главный в той яме, где копают, и зовут вас Максим.

— Как у Стругацких в «Обитаемом острове», — согласился он, тоже протягивая руку.

Странное дело свершилось в этот миг на заброшенном кургане. Коренной, настоящий археолог не стал поправлять невежду, посмевшую назвать раскоп какой-то «ямой». Наверное, девушка и в самом деле хорошо смеялась.

— Я действительно из, как вы говорите, домиков, но отдыхаю не после трудов, а перед. О вас мне рассказали ребята. Они первокурсники, пытались играть со мной в волейбол и очень вас боятся.

— При этом считают занудой и карьеристом, мечтающим об аспирантуре на нашей кафедре, — согласился Максим.

Тут бы девушке его поправить (для того и говорилось), но Нина почему-то смолчала. Лишь поглядела очень внимательно. Максиму немедленно захотелось вынуть из кармана забытую в палатке расческу, а заодно сбегать в ту же палатку за бритвой. Археолог в поле — не студент в актовом зале. Во всем же остальном расческа с бритвой не помочь не могли. Максим был уверен, что внешностью не вышел, равно как и ростом, а если тебя сразу же признали занудой...

Он поглядел на часы, чтобы замотивировать отход, но девушка внезапно шагнула ближе.

— Так... Обидела, причем ни за что ни про что. Мак-

сим, мне очень нравятся зануды, а мечта об аспирантуре — очень стоящая мечта. Смотреть на часы не надо, этот прием давно не проходит.

— Вы — психолог, — понял он.

— Четвертый курс, — девушка почему-то вздохнула. — Как психолог предлагаю немедленно перейти на «ты» и оценить ситуацию. Пришла я сюда, конечно же, не случайно, но вот знакомиться ни с кем не хотела, даже с археологами. Напротив, мечтала побыть в одиночестве. Кажется, наши мотивации совпадают?

Максим кивнул, прикидывая, что о привычке быть лидером в умной беседе временно придется забыть. Психолог, значит?

— Не только мотивации, Нина. У нас с тобой одинаковая привычка находить самые мудреные слова для простейших вещей, мы оба о себе слишком высокого мнения, а познакомиться со мной ты все-таки хотела.

На этом можно было и расходиться. Но они остались.

3

Дождь пошел в конце четвертой недели, почти под самую завязку. Великий Закон Вредности, о котором знает любой археолог, сработал без осечки. Что толку в уже сделанном, в извлеченном, упакованном и описанном, если срывается главное, из-за чего затеян сезон? Большой Курган, почти уже вскрытый, освобожденный от чудовищной многометровой засыпи, почти готовый отдать все, что уцелело от Времени, казалось, передумал. Аккуратный, пять на пять «квадратов», раскоп не так уж и медленно, зато верно превращался в бассейн со склизкими глинистыми стенками.

Земля не спешила отдавать своих мертвецов.

Утром, когда закапало, начальник Сергей Сергеевич стал бел. К полудню, как полило, — желт. После двух часов дня ливень стих, и лицо Сергея Сергеевича начало розоветь.

К пяти вечера вновь лило, на этот раз беспощадно, от всей души.

Смотреть, как начальник зеленеет, Максим не стал. В пять пятнадцать он уже подходил к деревянному домику у реки. Третий слева, синий, с небольшой верандой.

Нина стояла возле открытой двери, зажав в пальцах сигарету.

— Ты куришь, — отметил он очевидное, но прежде не виданное.

— А у вас дождь, наверняка все залило, но ты не куришь, — согласилась девушка, затягиваясь в последний раз и бросая окурочек в ближайшую лужу. — Вывод: мои обстоятельства сложнее.

Он поглядел Нине в глаза и понял, что игры в прикладную психологию кончились. Совсем. На миг Максим пожалел, что пришел. Но раз пришел...

— Помочь могу?

Беспомощный по форме и по содержанию вопрос подразумевал любой ответ. От просьбы ссудить двадцатью рублями до предложения совершить чудо. Причем здесь же, не сходя с мокрой веранды.

— Можешь. Соверши чудо.

Странно, но Максим словно этого и ожидал. Влажная ладонь скользнула в карман штормовки.

— Единственная стоящая вещь у меня, кроме зачетки. Но зачетка чудес не творит. Эта — может.

Сорвавшаяся с жестяного карниза капля умыла сердолик.

— Заходи в дом, я чай заварила. — Нина осторожно взяла в руки бусину, на миг задумалась. — На ней ведь кровь, правда? Твоя?

— Эта девушка из кургана должна тебя полюбить.

— Должна была бы, — уточнил вьедливый Максим. — А главное — за что?

В жестяных кружках дымился чай, штормовка сохла у горячей электроплитки. За окном шумел ливень, переходящий в потоп.

— Скифы верили в вечную жизнь. Поэтому не «бы», — невесело улыбнулась Нина. — А за что... Ты ведь ей эту вечную жизнь подарил заново, разве не так? Навел поря-док в царстве мертвых?

Сердоликовая бусина лежала тут же, на столе, рядом с пачкой рафинада.

Максим кивнул.

— Именно. Могу пересказать соответствующую главу из монографии Абаева. И ведь что интересно, Нина? За эти дни мы обсудили с тобой не только все обязательные для интеллей...

— Прости? — Кружка в руке девушки дрогнула. — Ах да, опять Стругацкие!

— И опять «именно». Все обязательные для интеллей темы, даже перешли на дополнительную программу. Это с одной стороны. С другой же... Я, как предатель на допросе, выложил о себе все, включая сагу о дедушке, Максиме Ивановиче, который умудрился именно в этих местах сложить свою комсомольскую голову в самый разгар коллективизации. И ты слушала, как будто тебе интересно.

Кружка в ее руках вновь дрогнула. Кипяток плеснул на пачку с сахаром.

— Мне было интересно, Максим. Если не веришь, то... поверь. Могу продолжить. Я о себе ничего не рассказывала, а ты, как истинный... интель не спрашивал. А теперь тонко намекаешь, что мои неприятности где-то там.

Максим поглядел в залитое белой водой стекло. Темнеет. Если будет лить всю ночь, прощай, Большой Курган!

— Разве что очень тонко, Нина.

Девушка поставила кружку на стол, вытерла мокрое запястье носовым платком, закусила губу.

— Тебе нужно было уйти сразу, пока еще было видно. У тебя и так хватает проблем с твоим курганом.

— То, что я не русская, ты уже понял.

Максим пожал плечами. Сам он, будучи насмерть обруселым украинцем, все-таки не видел в том особой беды.

Более того, казацкие гены порою нашептывали ему, что русским быть совсем не обязательно.

Теперь они сидели на кровати — панцирной, с никелированными шариками по углам. Нина — возле пододвинутой к стене подушки, он — на противоположном конце. Между ними лежал полуразобранный рюкзак.

— Я не только не русская... Остальное домысли себе сам. Извини, не могу.

На этот раз Максим моргнул — не хуже Сергей Сергеевича. Почему-то подумалось о чилийских эмигрантах. Нет, не похожа.

— Домысливать не хочу. Извини — взаимно.

Девушка провела рукой по лицу. Затем в ее ладони оказалась знакомая бусина.

— Хорошо! Домыслию сама. Представь, что я — та самая скифская девушка, которую ты похоронил. Но ты совершил ошибку, кровь нельзя было смешивать с вином. Вместо погребального ты провел совсем иной обряд. Так?

О черепе Максим рассказал ей сам. И сразу понял — зря. Теперь же понял это вторично.

— Ты вызвал ее, заставил вновь вдохнуть воздух, выпить воды, поговорить с живыми людьми. Но твоей крови хватит ненадолго. Ей... Мне скоро придется уйти — вернуться под землю, в темноту, в Ничто. Новая кровь не поможет, требуется другое чудо. Скажем... — Нина перекатила бусину по ладони, осторожно коснулась пальцем. — Скажем, сердолик должен засветиться.

— Это будет причиной или следствием?

Максим очень постарался, чтобы вопрос звучал в меру иронично. Но очень в меру.

— Еще не знаю.

За окном лил дождь, красным огнем горела спираль электроплитки, дымился окурок в пустой банке из-под сайры. Штормовка еще не высохла, и Максим, сам промокший, изрядно продрог. Из открытого рюкзака на него смотрел вязаный свитер, но претендовать на такую роскошь закоренелый интель не решился. Нине же было не до штормовки — и не до свитера тоже.

— Теперь я поняла, кто из нас старше, — внезапно заметила девушка. — Это не упрек, хвалиться тут нечем. Я тоже мечтала бы играть в раскопки курганов. Очень сильно...

В эту минуту Максиму срочно захотелось повзрослеть. Курган для этого не годился. Он поглядел на бусину в ее ладони.

— Ты... Ты выйдешь за ме...

Сердолик исчез. Ладонь Нины дотянулась до его губ. Надавила.

— Дождь, кажется, кончается... Ты очень хороший мальчик, Максим.

4

Мертвый царь увидел солнце через два дня.

Боги устали. Слишком древние, слишком утонувшие в толще памяти, своей и чужой, они сделали, что сумели. Не помогло. Осквернители были молоды, с горячей кровью, острым холодным умом и ненасытной жаждой. Их не ждала вечность, под их кедами чавкала холодная грязь, в которую им всем предстояло очень скоро уйти. Поэтому они спешили насладиться мигом победы, счистить мокрую землю с золотой диадемы, с радостной усмешкой поднять к растерянному солнцу парадный царский меч, поглядеться в умерший лик серебряного эллинского зеркала.

Боги отдали царя. Рычащий бульдозер отъехал в сторону, хмурые бородатые парни — гвардия экспедиции — склонились над чем-то темным, проступающим из-под желтой грязи. Остальных безжалостно отогнали прочь. Миг победы — он для всех, но делится не поровну.

— Как всегда, две главные камеры, — начальник Сергей Сергеевич, гордо попиравший армейскими ботинками бровку кургана, кивнул вниз, на дно раскопа. Там оскверняли царские кости.

— Царь и царица, — согласился образованный мальчик Максим, глядя куда-то в сторону. В этот жаркий день, день победы, ему стало как-то все равно. Сейчас заорут,

сейчас скатится вниз напряженный фотограф, держа наготове свой «Любитель». Они выиграли. Вечером — футбол.

— Местные копали курган лет сто, — он поглядел на близкое село, поморщился, как всегда, при мысли о «подобных». — И не смогли ничего найти. Почему, Сергей Сергеевич? Они же целое метро нарыли! А мы нашли.

По губам начальника промелькнула улыбка, которую Сергей Сергеевич мог позволить себе только в такой день. Когда они приехали, Большой Курган и в самом деле походил на заросшую травой строительную площадку. Каждый в округе знал про казацкий клад, лежавший под желтой глиной, про спрятанного золотого коня с золотой уздечкой. Копали годами, целыми семьями, поколениями.

— Ты же понимаешь, Максим.

Сказать старшекурснику «ты» — непростительный промах даже для начальника, но в такой момент «ты» было подобно медали.

— Аборигены потеряли квалификацию, — не без удовольствия констатировал будущий заместитель. — Они не знали, где искать главную камеру с погребением. Ну а мы то знаем, Сергей Сергеевич!

Начальник дернул углом рта, затем вновь улыбнулся, но уже иначе — холодно и спокойно. Так улыбается брахман, думая о париях. Так наверняка усмехались в своем тартаре души древних грабителей, наблюдая за бесполезной суетой «аборигенов».

Внизу уже что-то нашли, но еще не кричали. Рано! Сейчас очистят поверхность, положат картонные цифры, фотограф зарычит, освобождая «кадр»...

— Сергей Сергеевич, — внезапно для самого себя заговорил Максим. — В каждом кургане — грабительские лазы. Они искали золото, это понятно. Но ведь опасно! Охрана, заклинания, обвалы, наконец. Мы нашли троих погибших... Неужели ими двигала только...

— Алчность? — подхватил начальник не без интереса. — Ты прав, подобное ремесло редко себя окупает. Заработать на жизнь можно иначе. Мне кажется, многими двигало то, что и нами. Тоже алчность — но другая.

Уточнять он не стал, как и Максим — переспрашивать. Они были одной касты.

— Нашли! Нашли! Нашли!!!

Царские кости уносить не стали. Собирать тоже — так и оставили разбросанными в грязи.

5

Нина встретила его возле длинного деревянного стола, за которым обедала экспедиция. Сейчас на гладкой клеенке сиротливо стояли две мытые пустые миски. Праздник начнется ночью.

Максим дымил сигаретой, глядя себе под ноги. Нину он не заметил.

— Ты куришь, — сказала она.

— Здравствуй.

Максим кивнул, поглядел, куда бы выбросить сигарету, но в последний миг раздумал. Всего третья за день, очень хотелось докурить.

— Завтра утром я уезжаю. — Нина подошла совсем близко, помолчала. — Если хочешь... Встретимся через час на том кургане.

— Где кладбище? — уточнил он без особой нужды.

Девушка не ответила и внезапно погладила его по щеке. Максим вздрогнул.

Проходивший мимо первокурсник с пониманием отвернулся.

На кургане было сыро. Солнце высушило траву, но земля все еще противилась, не отдавая холодную влагу. Этим ранним вечером все казалось иным, изменившимся. Старое кладбище подступило ближе, к самому подножию, лес, напротив, словно ушел к горизонту.

Максим пришел первым. Сигареты брать не стал — во рту и так скопилось горечь. Девушки еще не было, и он сел на привычное место, бросив поверх травы штормовку. В конце концов одному тоже неплохо. Можно думать, можно смотреть на старые заброшенные могилы, покрытые такой

же высокой травой. Почему-то подумалось о все тех же «подобных», недостойных даже слова «плебс». Они раскапывали курганы, пытаясь найти золотого коня с золотой уздечкой — и отворачивались от могил отцов и дедов.

Максим знал, что прав, но на ум тут же пришло совсем иное. Из этих мест его предки, здесь погиб дед, но теперь для него эта земля — чужая. Неприятные люди, непонятная речь...

В школе Максим с трудом смог получить четверку по украинскому языку — и то ради среднего балла в аттестате. Английский знал лучше всех в классе, латынь учил с четырнадцати лет.

Он понял, что и это правда — но ничуть не расстроился.

Нина положила на траву большой пакет, откуда выглядывало что-то синее.

— Взяла одеяло, — пояснила. — Очень сыро.

— Нарушение экспедиционных традиций, — пожал плечами он, не вставая. — Правило: гуляя с девушкой, не бери одеяло. Слишком ясный намек.

Нина отреагировала на диво спокойно:

— Я не из вашей экспедиции. А сегодня сыро.

На одеяло Максим так и не сел. Из принципа.

— Говори, что хочешь, — сказала Нина.

Максим хотел огрызнуться, но вдруг понял, что девушка права. Она — старше.

— Хорошо!

Он поглядел на темнеющий лес, на серую дымку, ползущую к кладбищу от близкой реки, на бледное гаснущее небо.

— Я думал, мы — паталогоанатомы истории. Мы, археологи. Профессия на грани цинизма, но без нее — никак. Первокурсники, ахающие при виде битого древнего горшка, еще не понимают. И не поймут. До этого дойдут немногие... Знаешь, настоящего археолога можно узнать, только побывав у него дома. Те, кто ездил в экспедиции, обязательно привозят сувениры — те же битые горшки. Раскладывают по полочкам, любят, гостям показывают... Ком-

плекс домашнего музея. Так вот, у археолога нет домашнего музея. Паталогоанатом не носит домой трупы из морга.

— Тебе холодно. — Нина привсталла, накинула ему на плечи край одеяла. — Говори, Максим.

Темнело быстро, слишком быстро для середины лета. Не первая странность этих странных дней.

— А сейчас я понял, Нина. Мы — скифы. Они были такими же пришельцами на нашей земле. Приходили, брали, что хотели, воевали с аборигенами, забирали их женщин. Для них эта страна была чужой.

— Ты устал, — девушка осторожно положила ладонь ему на плечо, — очень устал. А я тебя обидела.

Максим упрямо помотал головой.

— Никто никого не обижал. Подумаешь, поговорили несколько дней на интеллектуальные темы! Я все-таки закончу. Говорят: родная земля. У меня есть родная земля, но не эта. Грязь, покосившиеся хаты, пьяные селяне, заплеванное кладбище... Она что, такая — Родина? Да они даже по-украински говорить не выучились!

— Но ведь ты сейчас почему-то подумал о них? — Девушка села ближе, коснулась лицом его лица. — Подумал, и тебе стало больно... Может, потому что ты похоронил ту девушку.

— Тебя?

— Меня. Похоронил — и позволил ненадолго вернуться к живым. Но мне пора уходить.

Она достала сердолик, подняла ладонь... Бусина была мертва.

— Погоди, погоди!..

Нина с трудом оторвала губы от его губ, рывком отодвинулась назад, зачем-то поправила волосы.

В темноте ее лицо казалось совсем другим, незнакомым.

— Погоди, Максим! Ты сразу понял, зачем я тебя звала, но... Послушай!

Он с трудом перевел дыхание, справляясь с затопившим его огнем. Нина была совсем рядом, он уже чувствовал ее плоть, слышал ее сердце.

— Девушка, которую ты воскресил, в твоей власти.

Ты — скиф. Но если... Нет, не так. Вообрази, что у этой девушки есть еще право вернуться. Надолго, на целую жизнь — если найдется тот, кому ее жизнь нужна. Это и есть чудо! Но боги заставляют вначале пройти испытание. Испытание и для меня, и для тебя. Я могу позволить тебе все, но тогда уйду навеки. Бусина не засветится, Максим! Я останусь для тебя призраком, тенью из могилы. Если же тебе хватит этой ночи и старого одеяла, не стану спорить... Но сначала отдам тебе бусину.

Максим медленно встал, поправил рубашку, отвернулся, впитывая зрачками тьму.

— Нина! Хотя бы сейчас... О чем ты? Какое чудо? Чудес не бывает, Нина! Ты права, ты старше, ты умнее...

— Умнее — не значит безжалостнее, — девушка тоже поднялась и так же посмотрела в ночь. — А вот ты не прав, на самом деле ты веришь в чудеса... И напрасно не веришь той, которую поднял из могилы. Представь только, что все так и есть!

Максим помотал головой и не стал отвечать. Нина подошла, положила руки ему на плечи.

— Тогда я выдумаю другую историю. Даже не выдумаю, просто перескажу на ином языке. Я мусульманка, Максим. Такое странно слышать здесь, слышать тебе, ведь ты даже не крещеный. Но у нас все иначе. У нас... У меня тоже есть своя земля, но на ней не курганы, а горы. И есть жених, он офицер, служит на китайской границе. О нашей свадьбе родители договорились много лет назад. Погоди...

Она резко отодвинулась, склонилась над одеялом, нашла пачку сигарет. Громко щелкнула зажигалка.

— Я его не люблю и не пойду за него замуж. Бежать и прятаться не стану, скажу в лицо. Поэтому и уезжаю. Семья не простит, меня не пустят домой, проклянут. Могут даже убить. Но я все равно это сделаю.

— Дичь! — резко выдохнул Максим. — У вас что, Тимур правит?

Рука Нины вновь погладила его по лицу.

— Ты все-таки не скиф. Ты — образованный мальчик из большого красивого города. Для тебя даже эти курганы — непонятная чужая земля... Я сделаю, как решила, а

теперь должен решать ты. Сейчас я связана словом, связана клятвой. Но я в твоей власти, делай, что хочешь. Только я не прошу себе — никогда. Что бы ни случилось, как бы ни сложилась жизнь. Даже если мы снова встретимся, будем вместе. Не прошу! Чужая невеста не может лечь на это одеяло. На нем меня не будут любить — меня втопчут в грязь. Моим черепом снова будут играть в футбол...

Максиму почему-то вспомнился разрытый сегодня курган. От мертвой царицы не осталось даже скелета. Только желтая глина...

— Возможно, я скоро умру. Возможно, буду свободной. Возможно, у нас с тобой впереди целая жизнь. Не знаю! Никто не знает, даже боги, в которых ты не веришь. Пусть все будет по-твоему, Максим. Сейчас ты уже не мальчик, сейчас ты стал взрослым. Решай! Сердолик у меня в руке.

Максим долго смотрел в тяжелое звездное небо, пытается найти нужные слова. На ум пришел собственный неудачный перевод. «Он не спал. Средь звезд немого гласа шел сквозь тьму — и замер, недвижим...» Нет, так не ответишь. Он стал взрослым. Он должен решить.

— Это *твоя* бусина, Нина. Она загорится.

6

— Тебя к телефону, — позвала мама.

— Угу!

Максим не без сожаления отложил в сторону том Моммзена, встал, взглянул в окно. Поредевшая крона старого клена уже не скрывала соседний дом. Зимой он виден весь — старый, еще начала века. Клен, красный кирпич знакомых стен, нитки телефонных проводов...

Его детство. Его мир. Его жизнь.

— Это Нина, — услышал Максим. — Но вспоминать меня совсем необязательно.

— Я не забывал, — ответил он, и уточнил: — Не забыл. Телефонная трубка внезапно стала горячей.

— Сейчас я продиктую телефон. Если хочешь — позвони... Максим, поскольку ты все-таки... интель, скажу

сама. Ты мне ничем не обязан, понимаешь? Звонить не обязательно.

— Диктуй, — выдохнул он.

Карандаш был уже в руке. Номера Максим обычно записывал на полях старой телефонной книги.

— Сейчас... — Нина засмеялась. — Я твои стихи вспомнила. Про Афродиту Аргимпасу. «Он не спал. Среди звезд немого гласа шел сквозь тьму — и замер, недвижим...» Правильно?

Трубка превратилась в лед. Максим не упоминал при ней Аргимпасу. Он вообще не читал Нине стихи.

— Правильно, — слово выговорилось на удивление легко. — Диктуй номер!

Или все-таки было? Кажется, они говорили про Мозолева, про раскопки Гаймановой могилы. Но ведь он читал по-украински! Или...

7

Девушка отошла от телефона, раскрыла ладонь.
Бусина. Теплый огонь сердолика.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОВЕСТИ

АЛАН КУБАТИЕВ	
Аренда	5
АНТОН ОРЛОВ	
Только для просмотра	109
ДМИТРИЙ ЯНКОВСКИЙ	
Игра окончена	166

РАССКАЗЫ

КИРИЛЛ БЕНЕДИКТОВ	
Ультралайт	213
ОЛЕГ ДИВОВ	
Енот допрыгался	228
ОЛЕГ ОВЧИННИКОВ	
Оргазм в октябре	253
СЕРГЕЙ ЧЕКМАЕВ	
Очевидец	264
ВАСИЛИЙ МИДЯНИН	
Из канализации	284
ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ	
Запасный выход	303
СЕРГЕЙ ЛЕГЕЗА	
Метель нам пела песенку...	329
ВАДИМ ПАНОВ	
Половинки	336
ИГОРЬ АЛИМОВ	
Собаки в космосе: подлинная история	
Пчелки и Мушки	362
ВИКТОР КОСЕНКОВ	
Мое черное сердце	373
АНДРЕЙ БЕЛЯНИН	
Дневник кота с лимонадным именем	405

ИРИНА СКИДНЕВСКАЯ	
Стая	409
ИГОРЬ ПРОНИН	
Консервы	423
ИГОРЬ ОГАЙ	
Письмо с Земли	435
СВЕТЛАНА ПРОКОПЧИК	
Марш мертвых блондинок	457
АНДРЕЙ ВАЛЕНТИНОВ, МАРИНА И СЕРГЕЙ ДЯЧЕНКО, ГЕНРИ ЛАЙОН ОЛДИ	
Спасатели (из цикла «Пентакль»)	474
Туфли	476
Спасатели	508
Сердоликовая бусина	521

Литературно-художественное издание

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА-2005

Ответственный редактор *В. Мельник*
Редактор *Ю. Потолков*
Художественный редактор *Е. Савченко*
Художник *С. Атрошенко*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *О. Шувалова*
Корректоры *В. Назарова, Н. Сгибнева*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-книж»:
109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2.
Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-книж»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.
www.eksmo-knnc.ru e-mail: knnc@eksmo-sale.ru

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве
в сети магазинов «Новый книжный»:**

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12
(м. «Сухаревская», ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.
Москва, ул. Ярцевская, 25 (м. «Молодежная», ТЦ «Трамплин»). Тел. 710-72-32.
Москва, ул. Декабристов, 12 (м. «Отрадное», ТЦ «Золотой Вавилон»). Тел. 745-85-94.
Москва, ул. Профсоюзная, 61 (м. «Калужская», ТЦ «Калужский»). Тел. 727-43-16.
Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

ООО Дистрибуторский центр «ЭКСМО-УКРАИНА». Киев, ул. Луговая, д. 9.
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: sale@eksmo.com.ua

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Санкт-Петербурге:
РДЦ СЗКО, Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.

Сеть книжных магазинов «Буквоед»:
«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Сеть магазинов «Книжный клуб «СНАРК» представляет самый широкий ассортимент книг издательства «Эксмо». Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Нижнем Новгороде:
РДЦ «Эксмо НН», г. Н. Новгород, ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Челябинске:
ООО «ИнтерСервис ЛТД», г. Челябинск, Свердловский тракт, д. 14. Тел. (3512) 21-35-16.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 29.11.2004
Формат 84x108 ¹/₃₂. Гарнитура «Балтика». Печать офсетная.
Бум. тип. Усл. печ. л. 28,56. Уч.-изд. л. 26,4.
Тираж 15 000 экз. Заказ № 10865.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Тульская типография».
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109 .

СТРАНА ИГР

160
СТРАНИЦ
2 РАЗА
В МЕСЯЦ

**Вы первыми узнаете,
во что все будут
играть завтра**

В МИРЕ ЕЖЕДНЕВНО ВЫХОДЯТ ДЕСЯТКИ ИГР
НА САМЫХ РАЗНООБРАЗНЫХ ПЛАТФОРМАХ:
PC, PLAYSTATION 2, XBOX, GAME CUBE, GBA.

МЫ ПОМОЖЕМ ВАМ РАЗОБРАТЬСЯ

В ЭТОМ КРУГОВОРОТЕ

И СДЕЛАТЬ ПРАВИЛЬНЫЙ ВЫБОР

Издательство «Эксмо» представляет

АЛЕКС ОРЛОВ

В СЕРИИ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

Алекс Орлов —
знаменитый писатель-фантаст!

Книги Орлова мгновенно
становятся бестселлерами!

Многочисленные фэны
называют Орлова «русским
Эммондом Гамильтоном»!

Роман «База 24»
и его продолжение
«Штурм базы» написаны
в традиционном
для автора жанре —
«фантастический боевик»!

**НОВЫЙ
ХИТ
АВТОРА!**

Также в серии:
«Охотники за головами»,
«Бросок Саламандры»

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА
2005

В этом сборнике представлены
новые произведения
современных отечественных
писателей-фантастов – авторов
знаменитых бестселлеров,
лауреатов престижных
литературных премий, а также
тех, кто делает еще только
первые шаги на пути к успеху и
широкому признанию читателей.

ISBN 5-699-09094-0

9 785699 090945 >